ДЖОРДЖ Р.Р. МАРТИН

ЭЛИО М. ГАРСИЯ, ЛИНДА АНТОНССОН

МИР ЛЬДА и ПЛАМЕНИ

ОТКРЫВАЯ ИСТОРИЮ ВЕСТЕРОСА И
ИГРЫ ПРЕСТОЛОВ

Мир Льда и Пламени
Джордж Мартин

Аннотация
Мир Льда и Пламени
ПОСВЯЩЕНИЕ
ПРЕДИСЛОВИЕ
ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ. Рассветная эпоха
Пришествие Первых людей
Век Героев
Долгая Ночь
Возвышение Валирии
Дети Валирии
Появление андалов
Десять тысяч кораблей
Рок Валирии
ВОЦАРЕНИЕ ДРАКОНОВ
Завоевание
КОРОЛИ ДОМА ТАРГАРИЕНОВ. Эйгон I
Эйнис I
Мейгор I
Джейхейрис I
Визерис I
Эйгон II
Эйгон III

Дейрон I
Бейлор I
Визерис II
Эйгон IV
Дейрон II
Эйрис I
Мейкар I
Эйгон V
Джейхейрис II
Эйрис II
ПАДЕНИЕ ДРАКОНОВ. Год Ложной весны
Восстание Роберта Баратеона
Конец
СЛАВНОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ
СЕМЬ КОРОЛЕВСТВ. Север
  Короли Зимы
  Горные кланы
  Камнерожденные Скагоса
  Перешеек: приозерный народ
  Лорды Винтерфелла
  Винтерфелл
Стена и земли за Стеной
  Ночной Дозор
  Одичалые
Речные земли
  Дом Талли

- Ривердан
- Долина
  - Дом Арренов
  - Орлиное Гнездо
- Железные острова
  - Короны из плавника
  - Железные короли
  - Черная кровь
  - Грейджои с Пайка
  - Красный Кракен
  - Старый и Новый законы
  - Пайк
- Западные земли
  - Дом Ланнистеров при Драконах
  - Утес Кастерли
- Простор
  - Гарт Зеленая Рука
  - Короли дома Гарденеров
  - Андалы в Просторе
  - Старомест
  - Дом Тиреллов
  - Хайгарден
- Штормовые земли
  - Пришествие Первых людей
  - Дом Дюррандонов
  - Андалы в Штормовых землях

Дом Баратеонов
Люди Штормовых земель
Штормовой Предел
Дорн
Перелом
Государства Первых людей
Появляются андалы
Прибытие ройнаров
Странные обычаи Юга
Дорн против Драконов
Солнечное Копье
ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЗАКАТНЫХ КОРОЛЕВСТВ. Прочие земли
Вольные города
Лорат
Норвос
Квохор
Сварливые дочери: Мир, Лис и Тирош
Пентос
Волантис
Браавос
За Вольными городами
Летние острова
Наат
Василисковы острова
Сотриос

Степи
Студеное море
Иб
Восточнее Иба
Хребет Костей и земли за ним
И-Ти
Джогос-нхайские равнины
Лэнг
Асшай-у-Тени
ПОСЛЕСЛОВИЕ
ПРИЛОЖЕНИЯ. Ранний вариант главы «Западные земли»
Пришествие андалов
Дом Ланнистеров при Драконах
Герольд Золотой
Владычество Рейнов
Смеющийся Лев
Львы: Золотой и Красный
Десница короля
Утес Кастерли
Отрывок из раннего варианта главы «Мейгор I»
ПРИМЕЧАНИЯ

Аннотация

Вы открываете «Мир Льда и Пламени» — путеводитель по вымышленному миру «Песни Льда и Пламени», прославленной саги Джорджа Р.Р. Мартина. На страницах этой книги подробно описывается история Семи Королевств и далеких заморских земель, их традиции и культура; рассказывается о королях династии Таргариенов и отдельных великих лордах, о сражениях и восстаниях, о героях и предателях прошлых веков. Перед вами отнюдь не обычный справочник, а полноценная художественная книга, больше половины которой принадлежит перу самого Мартина. Помимо самого писателя, над книгой работали его преданные поклонники Элио Гарсия и Линда Антонссон — создатели сайта westeros.org и, пожалуй, единственные люди на свете, которые знают мир «Песни» почти так же хорошо, как и его творец.

Перевод книги на русский язык был выполнен сообществом 7kingdoms.ru исключительно с целью углубленного изучения иностранного языка, не является коммерче-

ским, не преследует извлечения прибыли и иных выгод. Благодарности и низкий поклон за хорошую работу всем переводчикам и редакторам, которые помогли массе почитателей мира Мартина познакомиться с новой чудесной книгой.

В переводе участвовали: catherynestark, Daena, Demos, Dinaya, Drezden, Eternelle, Hastred, John Smith, Kogotok, Lady_Laziness, Lenhen, Marynys, Merja, nightkeo, NobbyNobbs, Olenna Redwin, ро6ерт, Shtee, Tarja, Toy_Soldier, Xanvier Xanbie, Кей.

Текст редактировали: Dinaya, Glypher, Lenhen, Lestarh, NobbyNobbs, Olenna Redwin, Perelynn, ро6ерт, Sergey_CS, Shtee, Vicca, Xanvier Xanbie.

Корректоры: Demos, Dinaya, Eternelle, LinkOFF, NightScorpion, Vicca, Кей.

Главный редактор перевода: **ЛедиЛёд.**

Мир Льда и Пламени

ПОСВЯЩЕНИЕ

Своему наипочтеннейшему и наимилостивейшему господину ~~Роберту~~ ~~Джоффри~~ Томмену, первому этого имени, королю андалов, ройнаров и Первых людей, владыке Семи Королевств и Защитнику Державы, Яндель, скромный мейстер Цитадели, желает несравненной мудрости и тысячекратного процветания сейчас и во веки веков.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Истинно говорят, что всякое здание выстраивают камень за камнем. То же самое можно сказать и о знаниях — их добывают и накапливают многие и многие ученые мужи, причем каждый опирается на труды своих предшественников. Неизвестное одному прекрасно знает другой, и, если хорошо поискать, то окажется, что действительно незнакомого останется не так уж много. Ныне я, мейстер Яндель, заступив в свою очередь на место каменщика, обтесываю все узнанное мною, чтобы поместить еще один камень в великую крепость знаний, столетиями воздвигаемую как внутри, так и за стенами Цитадели. И крепость эта, сооруженная руками бесчисленных предтеч, несомненно, продолжит строиться руками бесчисленных потомков.

Я подкидыш. Однажды утром на десятом году правления последнего короля династии Таргариенов я был подброшен в пустую клетушку Палаты грамотеев, где кандидаты применяют свое искусство письма для всех, кто в этом нуждается. Меня нашел некий кандидат и отнес к архимей-

стеру Эдгеррану, сенешалю того года — тогда и определился мой жизненный путь. Эдгерран, чьи кольцо, жезл и маска были серебряными, посмотрел на мое перекошенное от крика лицо и объявил, что я могу пригодиться. Когда мне в отрочестве впервые рассказали об этом, я посчитал, будто он предвидел мою судьбу мейстера; и лишь много позже узнал от архимейстера Эброза, что Эдгерран писал трактат о пеленании младенцев и захотел проверить некоторые предположения.

Но, сколь бы ни были дурны предпосылки, в итоге я оказался на попечении слуг, время от времени привлекая внимание мейстеров. Меня воспитывали как прислужника в залах, комнатах и библиотеках, однако архимейстер Валгрейв одарил меня знанием письменности. Вот так я узнал и полюбил Цитадель и рыцарей разума, охраняющих ее драгоценную мудрость. Я мечтал только о том, как стану одним из них, и буду читать о далеких местах и давно умерших людях, наблюдать звезды и исчислять сроки сезонов.

Так я и поступил. Первое звено своей цепи я выковал в тринадцать лет, за ним последовали и другие звенья. На девятом году правления короля Роберта, первого этого имени, моя цепь была завершена. Я принес обеты мейстера, и меня

благословили остаться в Цитадели — служить архимейстерам, помогая им в делах. Честь была велика, однако наисильнейшим моим желанием стало создание собственной работы — такой, которую обычные грамотные люди могли бы прочесть сами (и прочитать своим женам и детям), чтобы узнать о свершениях добрых и прискорбных, справедливых и предосудительных, великих и малых. Прочесть и стать мудрее, как и я набрался мудрости, обучаясь в Цитадели. И потому я вновь принялся за дело в своей мастерской, решившись создать новый и заметный труд в ряду шедевров давно скончавшихся мейстеров, моих предшественников. Перед вами же — последствие моих устремлений: история деяний доблестных и порочных, народов знакомых и чужих, земель близких и далеких.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ
Рассветная эпоха

Нет никого, кто мог бы с уверенностью сказать, когда у мира было начало, однако это не отвращает мейстеров и книжников, ищущих ответ. Сорок ли тысяч лет ему, как утверждают некоторые, или, возможно, это число достигает пятисот тысяч... Или даже больше? Про то не написано ни в одной ведомой нам книге, ибо в первую мировую эпоху, называемую нами Рассветной, у людей не было письменности.

Впрочем, мы вполне уверены, что мир был куда более отсталым — местом для диких племен, живущих только плодами земли, ничего не знающих о приручении животных или обработке металлов. В древнейших текстах — в преданиях, записанных андалами, валирийцами, гискарцами и даже таким далеким народом, как сказочные асшайцы — содержится то немногое, что нам известно о первых днях мира. Тем не менее, владеющие письменностью народы, при всей своей древности, в Рассветную эпоху еще даже и не появились на свет. И поэтому истину,

прячущуюся в легендах, вычленить так же трудно, как и отыскать иглу в стоге сена.

Что же можно сказать о Рассветной эпохе наиболее точно? Мы знаем, что в землях Востока было предостаточно людских племен — примитивных, как и весь примитивный мир той поры, но многочисленных. А вот во всем Вестеросе, от Земель Вечной зимы и вплоть до берегов Летнего моря, обитало лишь два народа: Дети Леса и существа, известные как великаны.

О великанах Рассветной эпохи можно поведать очень и очень немногое, поскольку никто не собирал их истории, легенды или сказки. Мужи Дозора поговаривают, что у одичалых есть сказания о великанах, которые беспокоили живущих бок о бок с ними Детей Леса, поскольку бродили, где им вздумается, и брали все, что пожелают. Во всех сообщениях о них говорится как об огромных, могучих, но простодушных существах. Заслуживающие доверия отчеты разведчиков Ночного Дозора — последних людей, еще видевших великанов живыми — утверждают, будто те были покрыты густым мехом, а не просто являлись очень большими людьми из детских сказок.

В архивах Цитадели имеется письмо мейстера

Эймона, отправленное в первые годы правления Эйгона V. Мейстер сообщает о донесении разведчика по имени Редвин, написанном во времена короля Доррена Старка. Там рассказывается о путешествии к Покинутому мысу и Стылому берегу и при этом упоминается, будто разведчик и его товарищи сражались с великанами и торговали с Детьми Леса. В письме Эймон заявлял, что обнаружил множество подобных донесений при исследовании архивов Дозора в Черном замке и считает их достоверными.

Имеется такое убедительное свидетельство о захоронениях великанов, как «Путями усопших» мейстера Кеннета — исследование курганов, гробниц и обычных могил на Севере. Этот труд был создан, когда мейстер служил в Винтерфелле в годы долгого правления Кригана Старка. По костям, найденным на Севере и отправленным в Цитадель, некоторые мейстеры высчитывают, что рост крупнейших великанов мог достигать четырнадцати футов, хотя другие полагают двенадцать футов более близким к истине числом. Все рассказы давно скончавшихся разведчиков, записанные мейстерами Дозора, единодушны в том, что великаны не создавали ни домов, ни одежды и не знали иных орудий, кроме отломан-

ных от дерева ветвей.

Великаны так и остались существами Рассветной эпохи. У них не было королей или других вождей, они не знали об обработке земли или металлов и не строили для себя жилища, а ютились в пещерах или под высокими деревьями. Века шли мимо этого народа. Все больше становилось людей, все меньше — лесов, которые прореживались и распахивались. Теперь великанов нет даже в землях за Стеной, и последним сообщениям о них уже больше сотни лет. Да и те сомнительны — возможно, разведчики Дозора попросту сочиняли байки у костра.

Дети Леса во многом были полной противоположностью великанам. Их жизнь мы сегодня назвали бы примитивной, и все же они были не до такой степени дикарями, как великаны. Смуглые, очень красивые, хотя и малорослые, как дети, они не умели работать с металлом, однако владели великим искусством обработки обсидиана (который в народе называют драконовым стеклом, валирийцы же применяли для него слово, означающее «застывший огонь»). Из обсидиана сотворялись орудия для труда и охоты. Дети Леса искусно создавали одежду из листьев и коры (ткачеством они не владели), также на-

учились делать луки из чардрев и сооружать травяные силки. Охотились с ними и мужчины, и женщины.

Говорили, что их песни и музыка столь же прекрасны, как они сами, но то, о чем пели Дети Леса, сохранилось лишь в маленьких отрывках, записанных в былые дни. Труд мейстера Чилдера «Короли Зимы, или Легенды и родословия Старков Винтерфельских» содержит часть баллады, относимой ко времени, когда Брандон Строитель искал помощи Детей при возведении Стены. Для встречи с ними его привели в тайное место, однако поначалу он не мог понять их речь, описываемую как пение камней в ручье, или ветра в деревьях, или капель дождя в воде. То, как Брандон научился понимать речь Детей — само по себе сказка, и здесь ей не место. Тем не менее, кажется очевидным, что речь их произошла от тех звуков (или была ими навеяна), которые они слышали каждый день.

Дети поклонялись неисчислимым безымянным богам ручьев, лесов и камней, и однажды в свой черед те стали богами Первых людей. Именно Дети вырезали лики у чардрев — вероятно, чтобы дать этим богам глаза и возможность лицезреть своих приверженцев во время молитв.

Также (без особых доказательств) толкуют, будто бы древовидцы — речь о наимудрейших из Детей Леса — умели каким-то образом смотреть через вырезанные глаза чардрев. Предполагаемое подтверждение: Первые люди сами в это верили; именно опасение, что чардрева за ними подглядывают, заставляло их вырубать множество резных чардрев и даже целые рощи, желая лишить Детей такого преимущества. Кроме того, Первые люди были менее образованы, чем мы сегодня, и верили в то, во что их потомки сегодня не верят — взять хотя бы книгу «Обрученные с морем: обзор истории Белой Гавани с первых ее дней» мейстера Йоррика, где говорится об обычае кровавых жертвоприношений Старым богам. Согласно сведениям от предшественников мейстера Йоррика в Белой Гавани, подобное происходило еще пять столетий назад.

Нельзя сказать, будто древовидцы не обладали утерянными умениями, относящимися к высшим таинствам, к примеру — видеть происходящее на огромном расстоянии или общаться через половину страны (спустя много времени после них так делали и валирийцы). Но возможно, что некоторые из искусств древовидцев скорее следует считать глупыми россказнями, а не истиной.

Они не могли принимать облик животных, как кое-кому хотелось бы, и все же видится доподлинным их умение общаться с животными способом, который нам теперь не постигнуть. Из этого общения тянутся корни легенд об оборотнях, или звероликих.

Один из отрывков «Неестественной истории» септона Барта (из тех, что в наши дни считаются недостоверными) стал предметом горячих споров в залах Цитадели. Септон Барт заявил, будто сверился с текстами, якобы сохранившимися в Черном замке, и выдвинул утверждение, что Дети Леса умели беседовать с воронами и могли заставить их повторять слова. Согласно Барту, Дети научили этому высокому таинству Первых людей — и их вороны могли разносить вести на огромные расстояния. А к мейстерам нынешних дней искусство пришло в выродившейся форме — разговаривать с птицами наш орден уже не умеет. В действительности же мы понимаем речь воронов... подразумевая под этим знание основных причин, по которым птицы каркают или скрежещут клювом; признаки их страха или гнева; способы, которыми они показывают готовность к спариванию или свое нездоровье.

Вороны — наиболее умные среди птиц, но мудро-

сти у них не больше, чем у годовалых младенцев, а способностей к настоящей речи еще меньше, что бы там ни считал септон Барт. Немногие мейстеры, ковавшие звено из валирийской стали, убеждали прочих в правоте Барта, но ни один не был в состоянии доказать его заявления, относящиеся к речевому общению людей и воронов.

В действительности легенд об оборотнях множество. Самые распространенные предания — принесенные из-за Стены мужами Ночного Дозора и записанные септонами и мейстерами минувших столетий — утверждают, что звероликие не только общались с животными, но и могли ими управлять, сливаясь с ними душами. Даже среди одичалых таких оборотней опасались как необычных людей, способных призвать на свою сторону хищников. В некоторых сказаниях повествуется об оборотнях, сгинувших внутри своих зверей, в других — будто животные могут говорить человеческим голосом, когда ими управляет звероликий. Но все истории сходятся на том, что чаще всего среди оборотней встречались люди, управлявшие волками (и даже лютоволками), причем одичалые даже называли таковых особым словом — варги.

Далее, в легендах сообщается, будто бы дре-

вовидцы умели погружаться в прошлое и прозревать далекое будущее. Однако все изученные нами сведения показывают, что, наряду с утверждениями о подобных умениях, в описаниях высоких искусств всегда стоит оговорка — видения-де бывают нечеткими, а зачастую и обманчивыми. Крайне полезное уточнение, если ваша цель — обман доверчивых людей предсказаниями о будущем. Несмотря на то, что Дети Леса действительно обладали определенным могуществом, следует всегда разделять истину и суеверия. Знание должно быть проверено, а проверка — дать достоверный итог. Высшие же таинства, таинства магии, были и остаются за гранью опыта нашего смертного ума.

Какой бы ни была истина об их искусствах, но древовидцы, безусловно, были вожаками Детей Леса. Вне всяких сомнений, некогда этот народ жил по всему Вестеросу — от Земель Вечной зимы до побережья Летнего моря. Они устраивали себе простое жилье, не строили замков и крепостей, не возводили городов. Вместо того Дети селились в лесах, на болотах, на островках посреди озер, даже в пещерах и полых холмах. Говорят, будто бы жившие в лесах устраивали укрытия из листьев и сплетенных гибких ветвей

высоко в кронах деревьев — нечто вроде тайных древесных «городков».

Долгое время считалось, что такие схроны создавались ради защиты от хищников вроде лютоволков и сумеречных котов, против которых простенькие пращи Детей Леса — и даже их хваленые древовидцы — были бессильны. Но в других источниках это мнение оспаривают и утверждают, будто бы главнейшими врагами Детей были великаны, на что намекают гуляющие по Северу сказания и что, вероятно, подтверждается исследованием кургана у Длинного озера, сделанным мейстером Кеннетом. Речь идет о захоронении великана с обсидиановыми наконечниками стрел, лежащими среди сохранившихся ребер. Находка вызывает в памяти перевод песни одичалых из «Хроник Королей за Стеной» мейстера Геррика, повествующей о братьях Генделе и Горне. Их призвали разрешить спор между кланом Детей и семейством великанов о владении пещерой. Гендель и Горн, как сказано, выяснили, что та пещера была частью большой цепи подземных ходов, проходящих даже под самой Стеной, и потому в итоге братья прибегли к хитрости и вынудили обе стороны отречься от любых притязаний на пещеру. Тем

не менее, с учетом того, что одичалые не знают письма, на их предания необходимо смотреть предвзято.

Однако со временем к лесным зверям и великанам добавилась иная, куда более грозная опасность.

Есть предположение, что в Рассветную эпоху в Семи Королевствах обитал еще и третий народ, но оно столь умозрительно, что имеет смысл затронуть его лишь вкратце.

Среди железнорожденных ходят толки, будто бы те Первые люди, кто раньше всех пришел на Железные острова, обнаружили на Старом Вике знаменитый каменный Морской трон, при том, что острова были необитаемы. Если это верно, то природа и происхождение трона — любопытная загадка. Мейстер Кирт в своем сборнике легенд железнорожденных под названием «Песни, что поют Утонувшие» предположил, что трон оставили пришельцы из-за Закатного моря — но доказательств тому нет, есть одни лишь домыслы.

Пришествие Первых людей

Шло время, и однажды у южных пределов Вестероса появился новый народ, преодолев полоску суши, служившую мостом через Узкое море и связывавшую земли Востока с краем, где жили Дети Леса и великаны. Именно так пришли Первые люди — через Перебитую Руку Дорна, в те дни еще вполне целую. Согласно наиболее весомым источникам Цитадели, это произошло от восьми до двенадцати тысяч лет тому назад. Никто уже не помнит, почему Первые люди покинули свою родину, но явились они в полной своей силе, всем народом. Пришельцы тысячами оседали в землях Вестероса, и по прошествии десятилетий забирались все дальше и дальше к северу. Имеющимся у нас преданиям о днях переселения мы доверять никак не можем — в них говорится, будто бы люди смогли продвинуться за Перешеек, на Север, всего за несколько лет. Хотя в действительности на это потребовались бы десятки лет, даже века.

Впрочем, кое-что в этих сказаниях выглядит верным — речь о том, что у Первых людей с Детьми Леса вскоре началась война. В отличие

от Детей, Первые люди строили поселения с кольцевыми острогами и распахивали землю, для чего им требовалось вырубать рощи чардрев — включая деревья с вырезанными ликами. Дети, защищая рощи, нападали на пришельцев, что привело к войнам, затянувшимся на века. Первые люди — которые принесли с собой неведомых богов, лошадей, скот и бронзовое оружие — были также крупнее и сильнее Детей, так что угроза оказалась весьма существенной.

Охотникам Детей Леса (которых называли лесными плясунами) пришлось стать еще и воинами, но, даже при всех тайных познаниях о деревьях и листве, они сумели лишь замедлить продвижение Первых людей. Древовидцы применили свои умения и, согласно преданиям, смогли призвать для сражений зверей болотных, лесных и небесных: лютоволков и чудовищных снежных медведей, пещерных львов и орлов, змей и мамонтов, и многих других. Но Первые люди все же были слишком сильны, и Дети, как рассказывают, были вынуждены пойти на отчаянный шаг.

Согласно легенде, великие наводнения, сделавшие Перешеек болотом и разрушившие сухопутный мост, навеки ставший Перебитой Рукой, были сотворены древовидцами — якобы

те сошлись у Рва Кайлин[1] и применили темную магию. Однако некоторые это оспаривают: Первые люди уже были в Вестеросе, когда случился Перелом, и воды, поднявшиеся на востоке, могли не более чем замедлить их продвижение. Да и такая сила даже у древовидцев явно находится за гранью их способностей, о которых обычно толкуют... и без того кажущихся преувеличенными. Более вероятно, что затопление Перешейка и Перелом были природными явлениями, вызванными, по всей видимости, естественным опусканием суши. Участь Валирии общеизвестна, а замок Пайк на Железных островах покоится на скалах, некогда бывших частью большого острова — до того, как его куски рухнули в море.

Наперекор всему, Дети Леса сражались столь же яростно, как и Первые люди, защищая свое право на жизнь. С неизбежностью война продолжалась поколение за поколением, пока Дети, наконец, не осознали, что их победа невозможна. Первые люди, скорее всего, утомленные борьбой, тоже пожелали положить ей конец. В обоих станах возобладало мнение мудрейших, после чего величайшие герои и правители сторон встретились на острове посреди Божьего Ока и заключили Договор. Отказавшись от всех земель

Вестероса, кроме чащоб, Дети получили от Первых людей обещание, что те больше не будут рубить чардрева. На всех чардревах острова, где обсуждался Договор, вырезали лики, чтобы свидетелями клятв стали сами боги. А впоследствии был создан орден Зеленых людей — для ухода за чардревами и охраны острова.

С Договором завершилась Рассветная эпоха мира, за ней последовал Век Героев.

Неясно, живут ли еще Зеленые люди на своем острове. Хотя имеются редкие свидетельства неких безрассудных молодых лордов из Речных земель: будто бы те добирались до острова на лодке и мельком видели тамошних обитателей, пока не были прогнаны то ли поднявшимся ветром, то ли стаей ворон. Детские сказки, уверяющие, что Зеленые люди рогаты и с темно-зеленой кожей, вероятно, попросту искажают вполне возможную истину — одежду зеленого цвета и головные уборы с рогами.

Век Героев

Век Героев длился тысячи лет. Тогда вершились величайшие подвиги, возвышались и низвергались королевства, основывались и увядали знатные дома. Но достоверно о той древней поре мы знаем не намного больше, чем о Рассветной эпохе. Сказания, что мы имеем сегодня — творения септонов и мейстеров, писавших спустя тысячи лет после событий. Все же, в отличие от Детей Леса и великанов, от Первых людей этого Века Героев остались кое-какие развалины и древние замки, которые могут частично подкрепить детали легенд. Есть и каменные монументы в курганах и других местах, кое-где помеченные рунами Первых людей. И мы можем начать выискивать правду среди выдумок, опираясь на упомянутые следы.

Принято считать, что Век Героев начался с Договора и длился тысячи лет. Все это время Первые люди и Дети Леса жили в мире друг с другом. Людям уступили столь много земли, что они наконец-то обрели возможности для умножения своей численности. И кольцевые остроги

правителей Первых людей встали по всему Вестеросу, от Земель Вечной зимы до берегов Летнего моря. Расплодились малозначащие короли наряду с могучими лордами, однако со временем утвердились немногие из них — бывшие сильнее остальных. Они заложили основы держав, ставших предтечами тех Семи Королевств, которые мы знаем сегодня. Имена королей этих самых ранних государств остались в легендах, тем не менее, байки, утверждающие, что чье-либо правление длилось столетиями, следует понимать как заблуждения и плоды воображения, введенные в оборот другими людьми в более поздние дни.

Хорошо бы помнить, что когда мы говорим о королевствах из преданий и их основателях, то имеем в виду всего лишь некие ранние образования — преимущественно с центром на высоком месте, как, к примеру, Утес Кастерли или Винтерфелл. Понемногу эти зародыши держав вбирали в себя все больше земель, у них появлялось все больше власти. Если Гарт Зеленая Рука некогда и правил в области, названной им королевством Простор, сомнительно, чтобы его указы всерьез воспринимались дальше, чем в двух неделях пути от главного чертога. И все же из таких карликовых владений возникли мощные

государства, которые в более поздние тысячелетия стали главенствовать в Вестеросе.

Имена древних властителей вроде Гарта Зеленой Руки, Ланна Умного, Дюррана Богоборца или Брандона Строителя будоражат воображение, и тем не менее, предания о них, похоже, содержат гораздо больше вымысла, чем истины. В ином месте этого труда я постараюсь более тщательно отделить зерна от плевел, но пока ограничимся признанием, что разных небылиц предостаточно.

А кроме этих легендарных правителей и сотен государств, из которых родились Семь Королевств, пищей для септонов и сказителей стали истории о героях — о Симеоне Звездные Очи, Сервине Зеркальном Щите и прочих. Существовали когда-либо такие люди? Может быть. Но когда певцы зачисляют Сервина Зеркального Щита в Королевскую гвардию, образованную только во время правления Эйгона Завоевателя, мы понимаем, почему лишь малому числу этих преданий и в самом деле можно доверять. Септоны, записавшие их первыми, брали удобные им детали (и добавляли другие), а певцы изменяли легенды — подчас до неузнаваемости — ради теплого местечка в чертоге какого-нибудь лорда. И таким

образом некий давно скончавшийся герой из Первых людей становится рыцарем, почитающим Семерых, и охраняет королей Таргариенов тысячи лет спустя после того, как жил (если он вообще жил). Легионы молодых людей Вестероса остаются в неведении о собственной древней истории из-за бесчисленных глупых басен.

Долгая Ночь

Пока Первые люди обустраивали свои государства после Договора, их слегка тревожили разве что собственные распри и войны... или так нам рассказывают хроники. Из этих же хроник нам известно о Долгой Ночи — времени, когда пришла зима, затянувшаяся на целое поколение. Дети рождались, достигали зрелости и во многих случаях умирали, так и не увидев весны. Разумеется, в некоторых бабушкиных сказках говорят, что те даже не видели дневного света — столь непроглядной казалась опустившаяся на мир зима. Хотя последнее может быть не более чем выдумкой, действительность некоего катаклизма, совершившегося тысячи лет назад, представляется несомненной. Ломас Путешественник в своих «Рукотворных чудесах» пишет, что у потомков ройнаров, которых он встретил в руинах Крояне, города праздников, есть легенды о сошествии тьмы, заставившей Ройну истощиться, а ее воды — покрыться льдом вплоть до слияния с Селору на юге, в нижнем течении. Согласно этим сказаниям, солнце вернулось лишь

тогда, когда один герой убедил многих отпрысков Матери-Ройны — младших божеств вроде Царь-Краба или Речного Старца — отвлечься от своих распрей и объединиться, чтобы спеть тайную песню, которая и возвратила день.

Пишут, что и в анналах Асшая упоминается такая же тьма и победивший ее герой с багряным мечом. Его подвиги, по слухам, совершались еще до возвышения Валирии, в ту древнейшую эпоху, когда Старый Гис впервые строил свою империю. Асшайская легенда распространилась и на запад — приверженцы Рглора утверждают, будто героя называли Азор Ахаем, и предсказывают его возвращение. Коллокво Вотар в «Нефритовом компендиуме» излагает любопытное предание из И-Ти, гласящее, будто бы солнце отвратило свой лик от земли на срок целой жизни, устыдившись чего-то никому не ведомого, а неминуемая погибель мира была предотвращена лишь благодаря подвигам некой женщины с обезьяньим хвостом.

Впрочем, если столь свирепая зима действительно имела место, как настаивают предания, то принесенные ею лишения были бы ужасающими. У северян существует традиция: в пору лютейших зим самым старым и немощным над-

лежит объявлять, что они отправляются на охоту, прекрасно зная, что им не суждено вернуться. Тем самым остается немного больше пищи для тех, кому вероятнее уцелеть. Нет сомнений, этот обычай в Долгую Ночь был воистину всеобщим.

Хотя Цитадель давно стремится узнать способ, с помощью которого можно предсказывать длительность и смену сезонов, все попытки зашли в тупик. Септон Барт в одном не полностью сохранившемся трактате пытался доказать, что непостоянство сезонов — вопрос скорее магического искусства, чем достоверного знания. «Мерило дней» мейстера Никола, в других отношениях достойный и похвальный труд, по-видимому, подвергся влиянию данного утверждения. Опираясь на свою работу о движении звезд по небесному своду, Никол не слишком убедительно объясняет, что сезоны некогда могли иметь постоянную продолжительность, определяемую единственно тем, как земной шар обращен к солнцу на своем небесном пути. Исходная идея видится вполне разумной — удлинение и сокращение дней, будь они более постоянными, привели бы и к более постоянным сезонам. Однако же он не сумел отыскать никаких доказательств (кроме самых древних преданий) того,

что подобное и впрямь когда-либо имело место.

Имеются и другие сказания — в них трудно поверить, но в старых хрониках они занимают особо важное место — о созданиях, известных как Иные. Согласно этим сказаниям, Иные приходили из морозных Земель Вечной зимы и несли с собой холод и тьму, поскольку стремились изгнать из мира всякий свет и тепло. Далее говорится, что они ездили верхом на чудовищных ледяных пауках и на павших конях, оживленных, чтобы служить Иным наравне с мертвецами, воскрешенными для сражений на их стороне.

Ответ на вопрос, каким образом завершилась Долгая Ночь, принадлежит легендам, как и все прочие события далекого прошлого. На Севере рассказывают о некоем Последнем герое, искавшем помощи у Детей Леса. Его соратники покидали его или гибли один за другим, сходясь в бою с ненасытными великанами, холодными слугами и даже собственно Иными. Оставшись один, он, наконец, вопреки стараниям Белых Ходоков, достиг Детей, и все сказания сходятся на том, что после этого наступил коренной перелом. Благодаря Детям Леса люди, ставшие самыми первыми братьями Ночного Дозора, объединились и сумели сразиться и победить в битве за Рассвет

— последней битве, уничтожившей бесконечную зиму и обратившей Иных в бегство на ледяной север. И поныне, спустя шесть тысяч лет (или восемь, как предлагает считать «Подлинная история»), на Стене, созданной для защиты царства людей, все еще служит присяжное братство Ночного Дозора, а ни Иных, ни Детей не приходилось видеть уже многие столетия.

«Заблуждения древних» архимейстера Фомаса — труд, ныне мало ценимый из-за ошибочных утверждений, касающихся основания Валирии и генеалогии некоторых домов Простора и Запада — содержит предположение, что Иные из легенд были не более чем одним из племен Первых людей и предками одичалых, обосновавшихся на крайнем Севере. Затем из-за Долгой Ночи эти первые одичалые оказались вынужденными начать завоевания на юге. То, что в созданных позже историях они стали чудовищами, отражает, согласно Фомасу, желание Ночного Дозора и Старков взять себе более героическую роль спасителей человечества, а не обычных победителей в борьбе за земли.

Возвышение Валирии

Пока Вестерос оправлялся от Долгой Ночи, в Эссосе поднималось и крепло новое сильное государство. Судя по всему, ведомая нам цивилизация развилась именно на этом обширном континенте, распростершемся от Узкого моря вплоть до сказочного Нефритового и даже до отдаленного Ультоса. Самой первой (обойдем сомнительные претензии Кварта, итийские легенды о Великой империи Зари и трудности поиска хоть какой-то истины в сказаниях о легендарном Асшае) родилась держава Старого Гиса — города, основанного на рабском труде. Мифический основатель города Граздан Великий остается столь почитаемым, что его именем до сих пор часто называют наследников рабовладельческих семей. Согласно древнейшим хроникам гискарцев, именно он впервые в истории создал легионы, где воины, вооруженные тремя копьями и высокими щитами, действовали совместно и сражались, в точности исполняя приказы. С помощью армии Старый Гис подчинил себе все ближние окрестности, а позже — и дальних соседей. Так родилась первая

империя, процветавшая целые столетия.

Те, кто положил конец империи Старого Гиса (хотя и не всем ее обычаям), вышли с большого полуострова на противоположном берегу залива Работорговцев[2]. Там, среди исполинских вулканических гор, известных как Четырнадцать Огней, жили валирийцы, которые научились укрощать драконов, тем самым сотворив из них самое устрашающее оружие, когда-либо виденное в подлунном мире. В валирийских сказаниях о происхождении самих валирийцев говорилось, что те произошли непосредственно от драконов и были родичами тех, кем стали повелевать.

В дошедших до нас обрывках «Неестественной истории» септона Барта, по-видимому, были рассмотрены разные версии легенд о происхождении драконов и о секретах, позволявших валирийцам подчинять эти создания. В самой Валирии заявляли, что драконы — это порождение Четырнадцати Огней. В сказках Кварта говорится, что некогда в небе была вторая луна, и однажды она, обжегшись о солнце, треснула подобно яйцу, после чего из нее мириадами посыпались драконы. Асшайские предания многочисленны и запутаны, но в кое-каких текстах (из числа неимоверно древних) утверждается, что первые драконы

явились из Тени — места, где вся наша ученость бессильна. В этих повестях из Асшая рассказывается о народе столь древнем, что даже имя его затерялось в веках, который первым приручил драконов, привел их из Тени в Валирию и, прежде чем исчезнуть со страниц летописей, обучил своему искусству валирийцев.

Однако если люди Тени первыми приручили драконов, то почему они, в отличие от валирийцев, не начали завоевания? Похоже, что валирийское сказание вероятнее. И все же, согласно нашим собственным легендам, в былые времена, задолго до появления Таргариенов, драконы были и в Вестеросе. Если эти создания и вправду родились в пламени Четырнадцати Огней, то должны были распространиться по большей части ведомого нам мира, прежде чем их приручили. Некоторые доказательства тому имеются — драконьи кости находили и на севере, вплоть до самого Иба, и даже в джунглях Сотрориоса. Но валирийцы подчинили драконов и смогли их оседлать, что никому другому оказалось не под силу.

Всем известна дивная красота валирийцев — их волосы светлейшего серебра или золота, а глаза лиловых оттенков, каких не найти ни у одного народа мира. Зачастую эти особенности

приводились как доказательство мнения, будто валирийцы не совсем одной крови с остальными людьми. Иные же мейстеры указывают, что усердным разведением животных можно достичь любого желанного итога, и что уединенные племена нередко способны проявить значительные отклонения от того, что можно считать нормой. Это вполне может быть вероятной разгадкой тайны происхождения валирийцев, хотя никак не объясняет приязни к драконам, которая у обладателей валирийской крови проявлялась столь явно.

У валирийцев не было королей; напротив, свое государство они называли Республикой, поскольку право голоса было у всех граждан, владевших землей. Для лучшей организации могли избираться архонты, но выбирали их свободные лорды-землевладельцы из себе подобных и лишь на ограниченный срок. Валирия редко оказывалась под управлением какой-то одной владетельной семьи (все же нельзя сказать, что такие случаи совсем неизвестны).

Пять великих войн между Республикой и Старым Гисом времен молодости мира ныне стали легендами о буйных пожарищах, каждый раз завершавшихся победой валирийцев над

гискарцами. В ходе пятой и последней войны Республика предпочла удостовериться в том, что шестой не будет. Древние кирпичные стены Старого Гиса, воздвигнутые Гразданом Великим в незапамятные дни, разрушили до основания. Колоссальные пирамиды, храмы и дома предали драконьему огню, а поля засеяли солью, известью и черепами. Огромное множество гискарцев погибло, а прочие были порабощены и вплоть до смерти трудились на своих покорителей. Таким образом, гискарцы стали еще одной частью новой валирийской империи и со временем позабыли язык, на котором говорил Граздан, обучившись вместо него высокому валирийскому. Именно так приходят к концу одни империи и возвышаются другие.

Нынешние жалкие остатки некогда гордой Древней империи Гиса — несколько городов, покрывшие берег залива Работорговцев подобно язвам, и еще один, притворяющийся возрожденным Старым Гисом. Ибо после постигшего Валирию Рока здешние города смогли сбросить последние из валирийских оков и действительно утвердить собственную власть, а не ее видимость. Оставшиеся гискарцы быстро восстановили работорговлю, хотя рабов они теперь разводят и

покупают, в то время как раньше — захватывали в войнах.

«Из кирпича и крови выстроен Астапор, и люди в нем из кирпича и крови» — таковы слова старинной оды, посвященной красным кирпичным стенам города и крови, пролитой тысячами рабов, которые жили, трудились и умирали, возводя их. Астапор управляется людьми, именующими себя Добрыми господами, и более всего известен благодаря Безупречным — оскопленным рабам-солдатам, которых там создают. Их с детства взращивают бесстрашными воинами, не чувствующими боли. Астапорцы бахвалятся, что возродили легионы Старого Гиса, однако те бойцы были свободными, а Безупречные — нет.

О Юнкае, желтом городе, не стоит много рассказывать, поскольку это место — препостыднейшее. Правящие здесь люди зовут себя Мудрыми господами, и все они погрязли в разврате — продают рабов для утех, мальчиков для блуда и даже худших созданий.

Самый влиятельный из городов залива Работорговцев — древний Миэрин, но, как и прочие, он приходит в упадок; и население его составляет лишь малую часть того, что город вмещал в пору расцвета Древней империи Гиса. Его стены

из многоцветного кирпича — свидетели бесконечных страданий, ибо Великие господа Миэрина обучают рабов биться и гибнуть на увеселениях, которые предлагают пропитанные кровью бойцовые ямы.

Как известно, все три города предпочитают не воевать с проходящими кхаласарами, а выплачивать им дань. Кроме того, как раз дотракийцы поставляют большую часть тех рабов, которых гискарцы обучают и продают на рынках Миэрина, Юнкая и Астапора.

Самый оживленный из всех гискарских городов (также и самый маленький, и самый молодой, и не менее остальных претендующий на величие) — Новый Гис на одноименном острове, предоставленный сам себе. Его господа создали железные легионы в подражание легионам Древней империи, но, в отличие от Безупречных, эти люди свободны, как и солдаты Старого Гиса.

Дети Валирии

Валирийцы переняли у гискарцев одну прискорбную традицию — рабовладение. Сами гискарцы, покоренные драконьими владыками, стали первым порабощенным народом, но отнюдь не последним. Валирийцы жаждали получить все, что содержали богатые рудой пылающие горы Четырнадцати Огней: сначала медь и олово ради бронзы, идущей на оружие и монументы; позднее — железо для стали их легендарных клинков; и всегда — золото и серебро, чтобы за это платить.

Свойства валирийской стали хорошо известны и являются следствием как многократной перековки железа (для равномерного распределения присадок и удаления примесей), так и применения заклинаний — или, по крайней мере, неведомых нам умений — чтобы придать получившейся стали неестественную крепость. Эти умения теперь утрачены, хотя кузнецы Квохора и твердят, будто и по сей день знают магию, позволяющую переделывать валирийскую сталь без потери ее крепости и непревзойденной способности

держать заточку. Еще остающиеся на свете валирийские клинки могут исчисляться тысячами, но в Семи Королевствах их, согласно «Описи» архимейстера Тургуда, всего двести двадцать семь, и некоторые из них были впоследствии утрачены или исчезли со страниц истории.

Никто не может сказать, сколь многие сгинули от тяжкого труда в валирийских копях, но число это так велико, что с легкостью превысит любое представление. С ростом Валирии возрастала и ее нужда в руде, а она влекла за собой все новые завоевания — чтобы копи не оскудевали рабами. Валирия ширилась во всех направлениях, протянувшись на восток за гискарские города, на запад же — вплоть до побережья Узкого моря, куда не вторгались и сами гискарцы.

Именно столь бурный расцвет новой империи приобрел важнейшее значение для Вестероса и будущих Семи Королевств. Поскольку Валирия стремилась к покорению все новых и новых земель, некоторые народы отступали перед этим девятым валом и пытались найти спасение в бегстве. На побережье Эссоса валирийцы основали поселения, ныне известные нам под названием Вольных городов. Происхождение у них самое разное.

Квохор и Норвос, например, появились вследствие религиозных расколов. Другие — как Старый Волантис и Лис — были прежде всего торговыми колониями, основанными состоятельными купцами и знатью, которые смогли купить право самоуправления как подопечные Республики, а не ее подданные. Таким городам не давали для надзора присланных из Валирии (зачастую верхом на драконах) архонтов, там избирались собственные вожди. В некоторых хрониках утверждается, что Пентос и Лорат принадлежат к третьему виду — городам, существовавшим до прихода валирийцев; их правители платили дань Валирии и тем самым сохраняли самоуправление. Валирийская кровь появилась в этих городах благодаря переселенцам из Республики, а также политическим бракам — последние заключались ради укрепления связей с повелителями драконов. Однако большинство хроник, где излагается эта версия, брали сведения из труда «Допрежь драконов» Гессио Харатиса. Сам Харатис был пентошийцем, и в его дни Волантис грозился возродить валирийскую империю под своим главенством, так что идея независимого Пентоса, произошедшего не от Валирии, тогда была весьма удобна политически.

Что же до Браавоса, то среди Вольных городов он единственный в своем роде. Он основан не по воле Республики или отдельных ее граждан, а как раз вопреки — ее рабами. По браавосским преданиям, огромная флотилия работорговцев, собиравшая дань человеческой плотью с побережий Летнего и Нефритового морей, стала жертвой мятежа невольников. Успех его, несомненно, был обусловлен тем, что валирийцы имели обыкновение использовать рабов как гребцов и даже матросов — эти-то люди и присоединились тогда к восстанию. Завладев кораблями, но понимая, что в близлежащих от Республики местах им не укрыться, рабы предпочли поискать какой-нибудь край подальше от Валирии и ее колоний и создать для себя укромное поселение. По легенде, бывшие в числе рабов лунные певчие провидели, что флоту следует отправиться далеко на север, в заброшенный уголок Эссоса — край туманов, илистых отмелей и солоноватых вод. Там рабы и положили начало своему городу.

Столетиями браавосийцы прятались от всего света в своей отдаленной лагуне. И даже после того, как Браавос открылся миру, его продолжали называть Тайным городом. Его жители составляли население, но не народ: сборище десятков рас,

сотен языков и сотен верований. Из общего у них имелись лишь валирийское наречие, на основе которого образовались говоры всего Эссоса, и понимание того, что все они, некогда бывшие рабами, теперь свободны. Лунных певчих почитали, поскольку они нашли дорогу к этому городу, но мудрейшие из освобожденных рабов постановили, что ради единства необходимо признать всех богов, которым поклонялись бывшие рабы, не ставя ни одного из них превыше другого.

Если говорить коротко, и по сей день мы не знаем ни точного количества, ни всех названий народов, поверженных Валирией. Записи о завоеваниях, что делали сами валирийцы, большей частью погибли при Роке, а из покоренных народов немногие (если вообще таковые были) смогли записать свою историю — да еще так, чтобы она пережила владычество Республики.

Об истории Валирии (о том, что мы знаем на сегодняшний день) за столетия было написано немало томов. Подробностями о завоеваниях, колонизации, распрях повелителей драконов, богах, которым они поклонялись, и о многом ином можно заполнить целые библиотеки, и все равно история будет незаконченной. Наиболее завершенной хроникой повсеместно считаются

«Огни Республики» Галендро, но даже в Цитадели этот труд представлен не целиком — недостает двадцати семи свитков.

Немногие, подобно ройнарам, смогли продержаться против напиравших валирийцев века либо даже тысячелетия. Рассказывают, что именно ройнары, основавшие великие города на реке Ройне, первыми научились искусству обработки железа. Под натиском валирийцев также устоял союз городов, позже названный Сарнорским царством — благодаря великой равнине, что их разделяла... но лишь для того, чтобы эта равнина и занимавший ее народ[3] — дотракийские всадники — стали причиной падения Сарнора после Рока.

А те, кто не желали становиться рабами, но были не в силах противостоять мощи Валирии, бежали. Многие потерпели неудачу и ныне забыты. Но один народ, высокий и светловолосый, сделавшийся отважным и непреклонным благодаря своей вере, преуспел в бегстве от Валирии. Этот народ — андалы.

Появление андалов

Прародина андалов — земли полуострова Секира, лежащие к северо-востоку от места, где ныне расположен Пентос[4]. Однако стоит отметить, что этот народ многие столетия был кочевым и подолгу на одном месте не задерживался. Из самого сердца Секиры (окаймленного Студеным морем большого куска суши, очертаниями напоминающего шпору) они переместились на юго-запад и создали там Андалос — то самое древнее государство, где андалы держали власть до времени, когда пришлось перебираться за Узкое море.

Андалос простирался от Секиры до нынешнего Браавосского побережья, а на юг — до Равнин и Бархатных холмов. С собой андалы принесли железное оружие и доспехи из железных пластин, против которых обитавшие в тех землях племена мало что могли сделать. Одним из таковых были Косматые люди. Их еще поминают в некоторых пентошийских хрониках, хотя самоназвание народа давно утеряно. (Пентошийцы считают, что Косматые были родственны жителям Иба,

и историки Цитадели с этим в целом согласны. Хотя одни утверждают, что те пришли в Андалос с Иба, а другие — что Косматые заселили Иб гораздо позже.)

Андалы умели работать с железом, и само их умение кое-кто полагает доказательством того, что этот народ направляли Семеро (как учит нас священное писание, сам Кузнец передал андалам свое искусство). Но стоит отметить, что к тому времени у ройнаров, также знавших ковку железа, уже было развитое государство. Достаточно изучить карту, чтобы понять — у древних андалов наверняка были связи с ройнарами. Темноводная и Нойна лежали прямо на пути андальского переселения, а в Андалосе, согласно норвосскому историку Доро Голатису, есть остатки ройнарских застав. Не только андалы научились работе с железом у ройнаров — говорят, что у них же переняли это знание и валирийцы, превзойдя со временем учителей.

В Пентосе рассказывают старое предание о том, как андалы расправились с некими девами-лебедями — те заманивали на смерть путников в Бархатных холмах (лежащих восточнее этого Вольного города). В ту пору андалами правил герой, которого пентошийские певцы называют

Хукко, и ходят толки, будто он убил семь девиц не за их преступления, а принес их в жертву своим богам. Некоторые мейстеры отметили, что имя Хукко вполне может быть разновидностью имени Хугор. Но древним сказаниям с Востока следует доверять даже меньше, чем легендам Семи Королевств. Слишком много народов то и дело переселялось, слишком много разных сказочных историй перемешалось.

Тысячелетиями жили андалы в Андалосе, и множилось их число. В старейшей из священных книг, «Семиконечной звезде», сказано, что в холмах Андалоса сами Семеро ходили тогда среди людей, именно они и короновали Хугора с Холма, обещая ему и его потомкам великие королевства в чужой земле. Так нас учат септоны и септы, объясняя причину, по которой андалы оставили Эссос и отправились завоевывать Вестерос. Однако же в Цитадели, в ходе многовекового изучения истории, открылись некоторые детали, и они могут дать тому лучшее объяснение.

Обитатели Андалоса сколько-то веков почти никому не были интересны, и потому процветали в своих холмах. Но после падения Старого Гиса Республика начала завоевания и колонизацию: валирийцы, в бесконечной жажде рабов, нахлы-

нули великим валом, расширяя свои владения. Сначала преградой для них стали Ройна и ройнары. Достигнув широчайшей реки, валирийцы обнаружили, что пересечь ее большим войском весьма и весьма сложно. Повелителям драконов беспокоиться было не о чем, но пехотинцы и всадники опасались при переправе столкнуться с ройнарами — а те были столь же сильны, как и Гис в пору своего расцвета. Между валирийцами и ройнарами долгие годы держалось перемирие, и лишь оно пока хранило андалов.

В устье Ройны валирийцы основали первую из своих колоний — Волантис. Город обустроили несколько богатейших магнатов Республики, после чего смогли брать налог с товаров, нисходящих со всей Ройны. Вот здесь-то армии завоевателей и смогли спокойно переправляться через реку. Возможно, поначалу андалы даже сражались с ними, и ройнары могли даже помогать соседям, но нахлынувший вал было не сдержать. Так что, скорее всего, андалы предпочли бегство неизбежному рабству, которое пришло бы с валирийским завоеванием. Они ушли к Секире — краю, бывшему их прародиной — а когда и это не стало спасением, отступали дальше на северо-запад, пока не оказались у моря. Должно быть,

одни после того сдались и покорились судьбе, другие приняли свой последний бой, но многие (и в огромном количестве) построили корабли и отправились через Узкое море в Вестерос, на земли Первых людей.

Из-за валирийцев андалы не получили в Эссосе того, что обещали им Семеро, но в Вестеросе их ничего не сдерживало. Распаленные стычками и бегством, воины андалов вырезали на теле семиконечную звезду и клялись собственной кровью и Семерыми, что не успокоятся, пока не создадут свои королевства на Закатных землях. Благодаря их успехам Вестерос обрел новое имя: Раэш Андали — Земля андалов, как теперь называют его дотракийцы.

И септоны, и певцы, и мейстеры согласны с тем, что первым местом, где высадились андалы, были Персты в Долине Арренов. Здесь по всему краю скалы и камни покрывают выбитые семиконечные звезды — обычай, в конечном итоге отмерший, поскольку земли, завоеванные андалами, все более ширились.

Завоевание Вестероса андалы начали, пройдясь огнем и мечом по Долине. Их железное оружие и доспехи превосходили бронзу, которой еще сражались Первые люди, а потому те гибли в боях в

великом множестве. Вероятно, война — или череда из нескольких войн — затянулась на десятки лет. В конечном счете Первые люди постепенно подчинились, и, как я отмечал ранее[5], их потомками до сих пор гордо объявляют себя некоторые дома Долины — такие, как Редфорты и Ройсы.

Кланы Лунных гор, очевидно — потомки Первых людей, не преклонивших колено перед андалами, и потому оттесненных в горы. Более того, имеется сходство обычаев горцев и одичалых из-за Стены: упрямое нежелание подчиняться чужой власти, похищение невест и тому подобное; а одичалые, вне всяких сомнений, ведут свой род именно от Первых людей.

Из песен мы знаем, что андальский герой сир Артис Аррен оседлал сокола, чтобы убить Короля-Грифона на вершине Копья Гиганта, положив тем самым начало королевской линии дома Арренов. Однако это — глупость, появившаяся из-за уродливого смешения подлинной истории Арренов и легенд, пришедших из Века Героев. В действительности Аррены заняли место Верховных королей из дома Ройсов.

Закрепившись в Долине, андалы обратили свое внимание на остальной Вестерос, после чего потоком хлынули из Кровавых Ворот. В ходе по-

следовавших за этим войн андальские искатели удачи превратили старые государства Первых людей в собственные мелкие королевства и дрались друг с другом так же часто, как и со своими врагами.

Говорят, что в войнах за Трезубец целых семь андальских вождей объединились против последнего истинного короля Рек и Холмов, ведущего род от Первых людей — Тристифера IV. В битве, ставшей для того сотой по счету (по утверждениям певцов), он был разгромлен, а у наследника, Тристифера V, совсем не оказалось способностей для защиты отцовского достояния. И королевство Речных земель пало перед андалами.

В эту же эпоху андал, оставшийся в легендах как Эррег Убийца Родичей, достиг большого холма Высокое Сердце, увенчанного рощей могучих чардрев с вырезанными на них ликами. Рощу (из тридцати одного чардрева, если верить манускрипту «Старинные места Трезубца» архимейстера Лорента) оберегали Дети Леса, бывшие под защитой королей Первых людей. И, как рассказывают, Дети Леса сражались вместе с Первыми людьми, когда воины Эррега начали вырубку деревьев. Но андалы были слишком сильны, и все — и Дети Леса, и Первые люди

— погибли, хотя доблестно пытались защитить священную рощу. Сказители теперь уверяют, что призраки Детей все еще бродят ночами по холму, а жители Речных земель остерегаются этого места и по сей день.

Как и Первые люди до них, андалы стали злейшими врагами оставшихся Детей. На их взгляд, Дети поклонялись чуждым богам и держались чуждых обычаев, и потому андалы изгоняли их изо всех густых чащоб, в свое время полученных теми по Договору. Дети же за долгие века ослабли, совсем обособились друг от друга и уже не имели тех преимуществ, какие были во времена первых пришельцев. И того, что так и не получилось у Первых людей — полного искоренения Детей Леса — андалам удалось достигнуть просто и быстро. Некоторые из Детей могли бежать на Перешеек, где среди болот и топей были бы в безопасности, но даже если так, то от них не осталось следов. Возможно, кое-кто смог уцелеть на острове Ликов (как иногда пишут), под защитой Зеленых людей, которых андалам уничтожить не удалось. Но опять же, никаких твердых доказательств тому не найдено.

Как бы там ни было, немногие оставшиеся Дети Леса пустились в бегство или погибли, а Первые

люди проигрывали андальским захватчикам войну за войной и королевство за королевством. Казалось, что боям и сражениям не будет конца, но со временем все государства южан пали. Как и жители Долины, некоторые подчинились андалам и даже приняли веру Семерых. Во многих случаях андалы сочетались браками со вдовами и дочерьми поверженных королей, укрепляя тем самым свое право на власть. Ибо Первые люди, несмотря ни на что, были многочисленнее андалов, и попросту силой изгнать их было невозможно. За то, что во многих южных замках до сих пор есть богорощи с резным сердцедревом, следует благодарить древних андальских королей, которые перешли от завоеваний к объединению, избегнув тем любых стычек из-за различия верований.

Перед валом андальских завоеваний не устояли даже железнорожденные — свирепые воины и мореходы, поначалу чувствовавшие себя в безопасности на своих островах. Хотя андалам потребовалась тысяча лет, чтобы обратить внимание на Железные острова, они взялись за дело с прежним рвением, когда это, наконец, случилось. Захватив острова, андалы прервали династию Уррона Красной Руки, чьи потомки властвовали

с помощью секиры и меча все это тысячелетие.

Первым делом, как пишет Хейрег, новые андальские короли попытались заставить железнорожденных поклоняться Семерым, но местные жители их не приняли. Тогда завоеватели позволили совмещать новую веру с поклонением Утонувшему богу. Как и везде, андалы вступали в браки со вдовами и дочерьми железнорожденных и заводили от них детей. Однако, в отличие от материка, Святая Вера здесь так и не пустила корни; более того, твердо ее не придерживались даже в семьях с андальской кровью. Понемногу лишь один Утонувший бог стал покровителем Железных островов, а Семерых поминали в немногих домах.

На Севере же — и только на Севере — удалось сдержать натиск андалов благодаря непроходимым болотам Перешейка и древним укреплениям Рва Кайлин. На Перешейке было разбито столько андальских армий, что и не сосчитать, поэтому Короли Зимы смогли отстоять свою независимость на века вперед.

Десять тысяч кораблей

Спустя многие поколения после прибытия Первых людей и андалов случилось еще одно, последнее из великих, переселение народов в Вестерос. Едва закончились Гискарские войны, как валирийские повелители драконов обратили свой взор к западу — там рост валирийской державы привел к столкновению Республики и ее колоний с народом Ройны.

Ройна, величайшая река в мире, раскинула свои притоки по большей части западного Эссоса, и на ее берегах зародилась такая же многовековая и окутанная легендами цивилизация, как и Древняя империя Гиса. Ройнары, богатея от щедрот своей реки, называли ее Матерью-Ройной.

Рыбаки, торговцы, учителя, книжники, мастера по дереву, камню и металлу — от верховья Ройны и до ее устья они возводили свои изысканные большие и малые города, один прекраснее другого. Среди таковых — Гоян Дроэ с рощами и водопадами на Бархатных холмах; Ни Сар, город фонтанов, до сих пор живущий в песнях; Ар Ной на Койне с дворцами из зеленого мрамо-

ра; заполоненный цветами светлый Сар Мелл; окаймленный морем Сарой с каналами и морскими садами; и Крояне, величайший из всех, город праздников с огромным Чертогом Любви.

В ройнарских городах процветали искусство и музыка, и говорят, что у местных даже была собственная магия — водная, совершенно не похожая на волшебство Валирии, сотканное из крови и огня. Несмотря на общую кровь, культуру и реку, давшую им жизнь, города ройнаров были предельно независимы друг от друга, каждый со своим собственным принцем... или принцессой, ибо среди людей Ройны женщина считалась равной мужчине.

Ройнары, народ в общем и целом миролюбивый, в гневе могли быть грозными, что, к своей скорби, познали многие андальские горе-завоеватели. Воина-ройнара — в серебристой чешуйчатой броне, шлеме в виде рыбьей головы, с длинным копьем и щитом из черепашьего панциря — боялись и уважали все, кто хоть раз сходился с ним в битве. Говорили, что сама Матерь-Ройна нашептывала своим детям о каждой угрозе; что ройнарские принцы обладали странными, неизведанными силами; что ройнарские женщины в бою столь же яростны, как и муж-

чины; что их города защищали «водные стены», которые, восстав, топили любого врага.

На протяжении многих столетий ройнары пребывали в мире. И хотя в холмах и лесах вокруг Матери-Ройны обитало множество диких народов, все они знали, что людям реки лучше не досаждать. А сами ройнары и не стремились расширять свои владения: река была их домом, их матерью, их богиней, и немногие из них хотели жить вдали от звуков ее неизменной песни.

В течение столетий, последовавших за падением Древней империи Гиса, искатели удачи, изгнанники и торговцы из Республики Валирия тянулись за пределы Земель Долгого лета. Поначалу ройнарские принцы охотно принимали их, а жрецы объявили, что все люди могут привольно пользоваться щедростью Матери-Ройны.

Однако со временем первые валирийские заставы превратились в поселки, а поселки — в города, и иным ройнарам пришлось пожалеть о снисходительности своих отцов. Дружба сменилась неприязнью, особенно в низовьях реки, где через ее воды смотрели друг на друга древний Сар Мелл и обнесенный стеной валирийский городок Волон Терис. А на берегах Летнего моря соперником легендарному порту Сарой стал Вольный

город Волантис — каждый из них владел одним из четырех протоков устья Матери-Ройны.

Споры между гражданами соперничающих городов становились все более частыми и злобными, и, в конце концов, породили череду коротких, но кровопролитных войн. Первыми в битве сошлись Сар Мелл и Волон Терис. Согласно легенде, бои начались после того, как валирийцы, поймав в сети одну из гигантских черепах, пустили ее на мясо. А тех черепах ройнары называли Речными Старцами и свято чтили как супругов самой Матери-Ройны[6]. Первая Черепашья война продолжалась менее луны. Сар Мелл разграбили и сожгли, но победителями все же стали ройнары: их заклинатели воды призвали силу реки и затопили Волон Терис. Если верить преданиям, тогда смыло половину города.

За этой войной последовали и другие: война Трех принцев, Вторая Черепашья война, война Рыболовов, Соляная война, Третья Черепашья война, война на Кинжальном озере, Пряная война и прочие, слишком многочисленные, чтобы упоминать их здесь. Города и поселения сжигали, затапливали и отстраивали заново. Тысячи людей были убиты или обращены в рабство. Победителями в этих схватках чаще выходили

валирийцы, поскольку принцы Ройны, неистово гордящиеся своей независимостью, сражались поодиночке, тогда как валирийские колонии помогали друг другу, а в особенно тяжких случаях призывали на помощь саму Республику. «Хроники Ройнарских войн» Бельдекара не знают себе равных в описании всех сражений и стычек, растянувшихся почти на два с половиной столетия.

В череде этих столкновений пик кровопролития пришелся на время Второй Пряной войны, тысячу лет назад. Тогда трое валирийских повелителей драконов объединились со своими ближними и дальними родичами из Волантиса, чтобы повергнуть, разграбить и разрушить Сарой — великий порт ройнаров на Летнем море. Сароййских воинов перебили безо всякой жалости, их детей увели в рабство, а горделивый розовый город предали огню. После волантийцы засыпали дымящиеся руины солью, чтобы Сарой никогда не смог возродиться.

Полное уничтожение одного из самых богатых и красивых городов Ройны и порабощение его людей встревожило и даже потрясло остальных ройнарских принцев. «Мы все будем рабами, если не объединимся, чтобы покончить с этой угрозой», — заявил самый могущественный из

них, Гарин из Крояне. Этот принц-воитель призвал своих собратьев присоединиться к нему, создав великий союз, чтобы смыть в Ройну все валирийские города.

Лишь принцесса Нимерия из Ни Сара возражала ему. «В этой войне мы не можем надеяться на победу», — предупреждала она, но другие князья перекричали ее и присягнули Гарину. Даже воины из ее собственного Ни Сара рвались в бой, и у Нимерии не осталось выбора, кроме как присоединиться к общему союзу.

Вскоре в Крояне под началом принца Гарина собралась армия, крупнее которой Эссос еще не знал (согласно Бельдекару — четверть миллиона воинов). От верховий Ройны до многочисленных протоков ее устья каждый взрослый мужчина брал меч со щитом и держал путь в город праздников, чтобы присоединиться к великому походу. Принц заявил, что до тех пор, пока армия остается рядом с Матерью-Ройной, им нечего опасаться драконов Валирии; их собственные заклинатели воды уберегут воинов от валирийского пламени.

Гарин разделил свое огромное войско на три части. Одна шла восточным берегом Ройны, другая — западным, а мощный флот боевых галер скользил меж ними по водам реки, сметая вра-

жеские корабли. Принц вел всю собранную силу от Крояне вниз по реке, уничтожая на своем пути каждую деревню, городок или заставу и подавляя любое сопротивление.

Возле Селориса он выиграл первую битву: тридцатитысячная валирийская армия была разгромлена, а город — взят штурмом. Валисар постигла та же участь. В Волон Терисе Гарин лицом к лицу столкнулся со стотысячной вражеской армией при сотне боевых слонов и трех драконьих всадниках. Здесь он также одержал победу, хотя и дорогой ценой. Сожжены были тысячи воинов, но другие тысячи укрылись в реке на мелководье, в то время как заклинатели подняли против вражеских драконов огромные водяные смерчи. Лучники ройнаров сбили двух драконов, а третий, весь израненный, скрылся. Затем Матерь-Ройна восстала в гневе, чтобы поглотить Волон Терис. После этого люди стали называть победоносного принца Гарином Великим, и сообщают, будто в Волантисе великие лорды дрожали от ужаса при приближении его войска. И вместо того, чтобы сойтись с врагом в поле, волантийцы спрятались за своими Черными стенами и обратились за помощью к Республике.

И драконы явились. Не три, как у Волон Те-

риса, но триста или даже больше, если верить дошедшим до нас сказаниям. Ройнары не могли выстоять против их огня. Люди горели десятками тысяч, а тысячи других бросались в реку, надеясь, что объятия Матери-Ройны защитят их от пламени драконов... но лишь тонули в тех материнских объятиях. Некоторые летописцы уверяют, будто огонь жег так, что сами воды реки закипали и обращались в пар. Гарина Великого схватили живым и заставили смотреть, как его народ страдает за свое неповиновение. К воинам такого милосердия не проявили. Волантийцы с валирийскими родичами предали их мечу — столь многих, что сообщали, будто от их крови большая гавань Волантиса стала красной, насколько хватало глаз. Затем победители, собрав свои силы, двинулись на север вдоль реки и жестоко разграбили Сар Мелл, а потом выступили на Крояне — вотчину принца Гарина. Его же самого, запертого в золотой клетке по приказу драконьих владык, доставили в город праздников, чтобы он смог узреть его разрушение.

В Крояне клетку подвесили на городской стене, так что принц мог видеть, как порабощают женщин и детей, чьи отцы и братья сгинули в его доблестной, безнадежной войне... но сам Гарин,

как говорят, призвал проклятье на головы завоевателей, умоляя Матерь-Ройну отомстить за своих детей. И в ту же ночь Ройна разлилась не по времени и с великой силой, какой на памяти живущих никогда не было. Пал густой туман, полный зловредных испарений, и валирийские захватчики начали умирать от серой хвори. (Это, по крайней мере, самая правдивая часть легенды: спустя века Ломас Путешественник писал о затопленных развалинах Крояне, его гнилых туманах и водах, о том, что ныне в руинах поселились странники, больные серой хворью — и каждый, проплывающий по реке под разбитыми пролетами моста Мечты, подвергается опасности заражения.)

Выше по Ройне, в Ни Саре, принцесса Нимерия вскоре получила известие о сокрушительном поражении Гарина и о том, что людей Крояне и Сар Мелла обратили в рабство. Она понимала — такое же будущее ожидает и ее собственный город. Поэтому принцесса собрала все остававшиеся в верховьях Ройны корабли, большие и малые, и усадила в них столько женщин и детей, сколько те могли нести (почти все взрослые мужчины ушли с Гарином и погибли). Нимерия повела свой разномастный флот вниз по реке, мимо раз-

рушенных и дымящихся городов, мимо усеянных мертвецами полей, по водам, забитым раздутыми плывущими трупами. Чтобы миновать Волантис и его владык, она выбрала старое русло и вышла в Летнее море там, где некогда стоял Сарой.

В предании говорится, будто Нимерия, начав поиски нового дома для своего народа вне досягаемости Валирии и ее драконьих владык, вывела к морю десять тысяч кораблей. Бельдекар доказывает, что число это сильно завышено, возможно, даже десятикратно. Другие летописцы предлагают иные числа, но в действительности никто и никогда не делал верного подсчета. Пожалуй, лучше всего будет осторожно сказать, что кораблей было очень много. В основном — речные суда, ялики и плоскодонки, торговые галеры, рыбацкие челноки, прогулочные баржи и даже плоты. Их палубы и трюмы были переполнены женщинами, детьми и стариками. Бельдекар настаивает, что не более чем одно судно из доброго десятка было пригодно для открытого моря.

Плаванью Нимерии суждено было стать долгим и мучительным. Больше сотни судов пошли ко дну при первом же шторме, с которым столкнулся ее флот. Столько же или даже больше в страхе повернули назад и стали рабами Волан-

тиса. Были и те, кто отстал или потерялся, после чего их никто уже не видел.

Прочие корабли продолжали кое-как плестись по Летнему морю. У островов Василиска ройнары остановились, чтобы набрать свежей воды и провизии, но лишь попались в лапы пиратских королей с Топора, Когтя и Ревущей Горы. Они, отложив на время собственные распри, налетели на ройнаров с огнем и мечом, при этом были сожжены десятка четыре судов, а сотни людей — угнаны в рабство. Впоследствии пираты предложили ройнарам поселиться на острове Жаб при условии, что те отдадут свои лодки, а также будут ежегодно посылать каждому королю дань — по тридцать пригожих девственниц и мальчиков.

Нимерия отказалась и вновь увела свой флот в море, надеясь найти убежище во влажных джунглях Сотириоса. Некоторые ройнары осели на мысе Василиска, еще кое-кто — у блестящих зеленых вод Замойоса, среди зыбучих песков, крокодилов и гниющих полузатопленных деревьев. Сама принцесса Нимерия осталась с кораблями в Заметтаре — уже тысячу лет как заброшенной гискарской колонии, тогда как другие ушли вверх по реке к исполинским руинам Йина, кишащим людоедами и пауками.

В Сотриосе можно отыскать много ценностей — золото, драгоценные камни, редкие породы деревьев, шкуры диковинных животных, причудливые фрукты и необычные специи — но ройнары там не преуспели. Угрюмая влажная жара угнетала души, а рои жалящих мух распространяли одну болезнь за другой: зеленую лихорадку, плясучую хворь, кровавые чирьи, мокнущие язвы, сладогниль. Этим напастям особенно были подвержены дети и старцы. Даже купание в реке могло навлечь смерть, потому что Замойос кишел косяками хищных рыб и крошечными червями, откладывающими яйца в тела пловцов. Два новых города на мысе Василиска разграбили работорговцы, их население предали мечу или увели в цепях, а Йину пришлось отражать нападение полчищ пестрых людоедов из глубин джунглей.

Более года ройнары в Сотриосе боролись за выживание — до дня, когда прибывшие на лодке из Заметтара в Йин обнаружили, что все мужчины, женщины и дети разрушенного города-призрака в одночасье исчезли. Тогда Нимерия призвала своих людей вновь вернуться в море и заново подняла на кораблях паруса.

Следующие три года ройнары скитались по

южным морям в поисках нового дома. Миролюбивый народ Наата — острова Бабочек — был к ним приветлив, но бог, оберегающий этот странный край, стал десятками поражать новоприбывших неведомой смертельной болезнью, заставив народ Нимерии вернуться на корабли. Подойдя к Летнему архипелагу, они обосновались на необитаемом скалистом острове (который вскоре прозвали островом Женщин) близ восточного побережья Уалано. Но скудная каменистая почва не давала хороших урожаев, и многие голодали. Вновь были подняты паруса, причем некоторые из ройнаров отвергли Нимерию, чтобы последовать за жрицей по имени Друзелка. Она уверяла, будто слышала, как Матерь-Ройна зовет домой своих детей... но Друзелка и ее последователи, вернувшись в старые города, обнаружили, что их поджидают враги. Многих схватили, после чего убили или обратили в рабство.

Побитый, потрепанный остаток десяти тысяч кораблей отправился с принцессой Нимерией на запад[7]. На этот раз она попала в Вестерос. После стольких лет скитаний суда держались на плаву куда хуже, чем в те дни, когда в первый раз покидали Матерь-Ройну, и Дорна достиг не весь флот. Даже теперь на Ступенях есть разрозненные по-

селения ройнаров, называющих себя потомками потерпевших кораблекрушение. Другие корабли, которые сбил с курса шторм, попали в Лис или Тирош, и люди предпочли рабство водной могиле. Оставшиеся корабли пристали к берегу Дорна близ устья Зеленокровной, недалеко от твердыни дома Мартеллов — древнего Ковчега Песков со стенами из песчаника.

Сухой, пустынный и малонаселенный Дорн в ту пору был бедным краем, где множество драчливых лордов и царьков без конца воевали за каждую речку, ручей, колодец и каждый клочок плодородной земли. Большинство этих дорнийских властителей видело в ройнарах — с их странными чужеземными обычаями и чуждыми богами — непрошенных и нежеланных захватчиков, которых следовало изгнать обратно в море, откуда они появились. Но Морс Мартелл, лорд Ковчега Песков, увидел во вновь прибывших благоприятную возможность… и, если можно верить певцам, его светлость еще и отдал сердце Нимерии, прекрасной и неистовой королеве-воительнице, что провела своих людей через полмира ради сохранения их свободы.

Рассказывают, что восемь из десяти ройнаров, появившихся в Дорне вместе с Нимерией, бы-

ли женщинами… но четверть из последних по ройнарскому обыкновению являлись воительницами, да и не сражавшихся также закалило мучительное путешествие. Кроме того, тысячи бежавших с Ройны мальчиков за годы скитаний выросли, возмужали и взяли в руки копья. Объединившись с пришельцами, Мартеллы десятикратно увеличили свое войско.

Когда Морс Мартелл взял Нимерию в жены, сотни его рыцарей, оруженосцев и лордов-знаменосцев также сочетались браками с ройнарскими женщинами (если же дорниец уже был женат, то он зачастую из ройнаров выбирал себе возлюбленную). Так два народа смешали свою кровь. Это объединение обогатило и укрепило как дом Мартеллов, так и дома его дорнийских сторонников. Ройнары принесли с собой значительные ценности; их ремесленники, мастера по металлу и камню обрели навыки задолго до своих вестеросских соперников. Вскоре их оружейники уже ковали мечи и копья, чешуйчатые доспехи и латы — и ни один кузнец Вестероса не мог даже надеяться сравниться с ними. Как говорят, еще более важным оказалось то, что колдуньи ройнаров знали тайные водные чары, заставившие высохшие ручьи вновь течь, а пустыни — зацвести.

Чтобы отпраздновать новые брачные союзы (а также помешать кое-каким ройнарам вновь уйти в море), Нимерия сожгла все свои корабли. «Наши скитания окончены, — объявила она. — Мы нашли новый дом. Здесь отныне нам жить, здесь и умирать». (Некоторые из ройнаров сокрушались о потерянных кораблях, и вместо того, чтобы принять свою новую землю, предпочли бороздить воды Зеленокровной, находя в ней бледное отражение Матери-Ройны, которую продолжали боготворить. Эти люди существуют и по сей день, их знают как «сирот Зеленокровной».)

Когда от факелов загорелись сотни прохудившихся кренящихся громадин, пламя осветило побережье на пятьдесят лиг окрест. Пока остовы обращались в пепел, принцесса Нимерия в свете этих огней на ройнарский манер нарекла Морса Мартелла принцем Дорна, и тем самым заявила о его власти над «песками красными и белыми, над всеми землями и реками от гор до великого соленого моря».

Впрочем, провозгласить о таком верховенстве было гораздо проще, нежели осуществить его на деле. Последовали годы войн, по итогам которых Мартеллы и ройнары подчиняли одного царька за другим. Нимерия и ее принц отправили на Стену

в золотых оковах не менее шести[8] покоренных королей, пока не остался лишь величайший из их врагов: Йорик Айронвуд Царственнокровный, пятый этого имени, лорд Айронвуда, Хранитель Каменного пути, рыцарь Источников, властитель Красной марки, властитель Зеленого пояса и король дорнийцев.

Девять лет Морс Мартелл и его союзники (среди таковых: дом Фаулеров из Поднебесья, дом Толандов из Призрачного Холма, дом Дейнов из Звездопада и дом Уллеров из Пекла) сражались против Айронвуда и его знаменосцев (Джордейнов из Тора, Вилей с Каменного пути, а также Блэкмонтов, Кворгилов и других) в столь многих битвах, что все не упомянешь. Когда Морс Мартелл пал от меча Йорика Айронвуда в Третьей битве на Костяном пути, командование его войсками на себя взяла принцесса Нимерия. Потребовалось еще два года боев, но, в конце концов, именно перед Нимерией преклонил колено Йорик Айронвуд, и именно Нимерия с тех пор правила из Солнечного Копья.

После того она почти двадцать семь лет оставалась правительницей Дорна. Власть принцессы никем не оспаривалась, хотя Нимерия еще дважды выходила замуж: сперва за старого лорда

Уллера из Пекла, а позже — за удалого Меча Зари, сира Давоса Дейна из Звездопада. Супруги принцессы лишь служили ей советниками и консортами. Она пережила десяток покушений на свою жизнь, подавила два восстания и отбила два вторжения Штормового короля Дюррана III и одно — короля Грейдона из Простора[9].

Позже, после кончины Нимерии, Дорн унаследовала старшая из ее четырех дочерей от Морса Мартелла, а не сын от Давоса Дейна, ибо к тому времени дорнийцы переняли многие законы и обычаи ройнаров, хотя воспоминания о Матери-Ройне и десяти тысячах кораблей уже становились легендой.

Рок Валирии

Благодаря уничтожению ройнаров Валирия быстро достигла полного господства в западной части Эссоса: от Летнего моря до Студеного, от Узкого моря до залива Работорговцев. Хлынувших в Республику рабов живо отправляли прямо под Четырнадцать Огней — добывать драгоценные золото и серебро, столь любимые гражданами. Примерно за два столетия до Рока валирийцы (возможно, собираясь пересечь Узкое море) среди прочего также основали свою самую западную крепость на острове, который позже станет известен как Драконий Камень. Ни один король этому не воспротивился, хотя мелкие лорды по берегам Узкого моря все же пытались дать отпор — но мощь Валирии была слишком велика. И валирийцы, пользуясь тайными чарами, возвели на Драконьем Камне цитадель.

Миновало два века, и в эти годы ручеек желанной валирийской стали наконец-то начал течь в Семь Королевств живее прежнего — пусть и не так быстро, как желалось бы лордам и королям. И хотя еще необычным было зрелище драконьих

всадников, высоко летящих над Черноводным заливом, с течением времени они появлялись все чаще. Валирия считала свой дальний гарнизон вполне защищенным, а повелители драконов по-прежнему предпочитали строить планы и плести интриги на родном континенте.

И тогда, неожиданно для всех (кроме, пожалуй, Эйнара Таргариена и Дейнис Сновидицы, его дочери-девицы), на Валирию пал Рок.

По сей день никому не ведома его причина. Большинство полагает случившийся катаклизм — невиданной силы взрыв, вызванный одновременным извержением всех Четырнадцати Огней — природным явлением. Некоторые не слишком мудрые септоны утверждают, будто валирийцы сами навлекли на себя беду беспорядочным поклонением более чем сотне богов, и в безбожии своем пали столь низко, что выпустили на Республику огонь всех семи преисподних. Горстка мейстеров, впечатленных отрывками из труда септона Барта, придерживается мнения, что валирийцы тысячелетиями использовали мощные заклятия ради укрощения Четырнадцати Огней, а их ненасытная жажда новых рабов и богатств объяснялась как желанием власти, так и необходимостью поддерживать эти заклятия в нужном

состоянии. И когда чары, в конце концов, ослабли или дали сбой, бедствие стало неминуемым.

Еще кто-то доказывает, будто в час Рока, наконец, принесло свои плоды проклятье Гарина Великого. Есть и те, кто повествует о жрецах Рглора, призвавших диковинными обрядами огонь своего бога. А некоторые сочетают причудливое представление о валирийской магии с реальным честолюбием великих домов Валирии. Будто бы вихрь постоянных столкновений и интриг среди великих домов мог привести к убийству слишком многих известных магов, которые сохраняли и возобновляли ритуалы, державшие в узде пламя Четырнадцати Огней.

Единственное, что можно сказать наверняка: подобного катаклизма мир еще не видел. Древняя могущественная Республика, обитель драконов и непревзойденных чародеев, была разрушена и уничтожена за несколько часов. Как записано, на пятьсот миль окрест все горы раскололись и наполнили небо пеплом, дымом и пламенем — столь горячим и злым, что даже драконы в небе были им охвачены и пожраны. Земля разверзлась огромными трещинами, поглощая дворцы, храмы и целые города. Озера выкипали или обращались в кислоту, горы взрывались,

огненные фонтаны извергали расплавленную породу на тысячу футов вверх, а красные тучи изливали на землю драконово стекло и черную демонову кровь. Севернее Четырнадцати Огней суша раскололась, уйдя вниз, и там забурлило разъяренное море.

Валирия и ее империя были уничтожены Роком, однако разрушенный полуостров не исчез. Сегодня о нем рассказывают странные истории — к примеру, о демонах, обитающих в Дымном море, как раз там, где некогда высились Четырнадцать Огней. Действительно, тракт, соединяющий Волантис и залив Работорговцев, стали называть «дорогой демонов» (и ее лучше избегать всем разумным путешественникам). А люди, посмевшие идти Дымным морем, не возвращаются назад — волантийцы убедились в этом в годы Кровавого века, после того, как их флот, отправленный на захват полуострова, попросту исчез. Ходят неясные слухи о людях, по сей день живущих в руинах Валирии, а также Ороса и Тирии — городов, располагавшихся по соседству со столицей. Впрочем, подобные байки обычно отвергаются, и, по общему мнению, считается, что Валирия еще сжата тисками Рока.

Впрочем, немногие окраинные города бывшей

Валирии (основанные Республикой или подчинявшиеся ей), обитаемы и по сей день. Самый зловещий из них — Мантарис, где, как говорят, люди рождаются искривленными и чудовищными; некоторые связывают это с тем, что город стоит на дороге демонов. Слава Толоса, где можно найти лучших пращников в мире, и города Элирии на одноименном острове не столь значительна и не так зловеща, ибо они смогли наладить связи с гискарскими городами залива Работорговцев и, кроме того, избегают любых поползновений возродить пылающее сердце Валирии.

Надменнейший город мира пропал за мгновение, легендарная империя исчезла в один день, а Земли Долгого лета — некогда самые плодородные во всем мире — оказались затопленными, сожженными или отравленными.

Потребовался целый век, чтобы Рок полностью собрал свою кровавую дань, ибо за внезапно возникшей пустотой последовала смута. В час беды повелители драконов по своему обыкновению собрались в Валирии… кроме Эйнара Таргариена, его семьи и драконов, которые уберегли от Рока, бежав на Драконий Камень. Согласно некоторым источникам, спаслись и немногие другие… на

время. Как говорят, в Тироше и Лисе сколько-то валирийских драконьих владык еще оставалось — однако граждане этих городов тотчас после Рока устроили перевороты и уничтожили как своих архонтов, так и их драконов. Также в хрониках Квохора утверждается, что заезжий лорд Аурион (бывший из числа властителей драконов) набрал войско из местных жителей и объявил себя первым императором Валирии. Он вылетел домой на своем огромном драконе, по земле за ним следовали тридцать тысяч воинов — чтобы заявить права на то, что осталось от Валирии и восстановить государство. Но ни самого императора Ауриона, ни его войска больше никогда не видели.

В Эссосе век драконов закончился.

Волантис, самый могущественный из Вольных городов, немедленно решился примерить валирийскую мантию. Высокородные валирийцы этого города, пусть и не властители драконов, призывали к завоеваниям. Приверженцы войны, прозванные «тиграми», втянули Волантис в серьезное противостояние с прочими Вольными городами. Сначала им сопутствовал успех: их флот и армия подчинили Лис, Мир и захватили господство в южных землях по Ройне. Но

стоило им, переоценив свои силы, попытаться захватить Тирош, как расцветающая империя рухнула. Пентос, встревоженный натиском волантийцев, присоединился к защищавшемуся Тирошу, Мир и Лис восстали, а Морской владыка Браавоса отрядил в помощь Лису флот из сотни кораблей. К тому же вестеросский Штормовой король Аргилак Надменный высадил войско в Спорных землях (в обмен на обещанные ему золото и славу), которое разгромило волантийцев, пытавшихся вернуть себе Мир.

На исходе Кровавого века в борьбу оказался вовлечен даже будущий Завоеватель — тогда еще молодой Эйгон Таргариен. Его предки давно посматривали на восток, сам же Эйгон с юных лет больше приглядывался к западу. Тем не менее, когда Пентос и Тирош обратились к нему, приглашая присоединиться к великому союзу против Волантиса, Таргариен по неясным и ныне причинам предпочел прислушаться к их зову... в какой-то степени. Как говорят, на своем Черном Ужасе он вылетел на восток, встретился с князем Пентоса и магистрами Вольных городов, а затем направил Балериона в Лис, как раз успев поджечь волантийский флот, уже изготовившийся к захвату этого города.

Волантис терпел поражения и дальше: на Кинжальном озере, где огненосные галеры Квохора и Норвоса уничтожили большую часть волантийских кораблей, господствовавших на Ройне; и на востоке, где орды дикарей из Дотракийского моря, уничтожая по пути городки и села, обрушились на ослабевший Волантис. В конце концов, «слоны» — волантийская партия, выступавшая за мир и состоявшая в основном из торговцев и купцов, сильнее всех страдавших от войны — отобрали власть у «тигров», одержимых завоеваниями, и прекратили кровопролитие.

Вызванная всеми этими столкновениями и длящейся по сей день борьбой за Спорные земли, родилась и укрепилась зараза вольных отрядов. Сначала банды наемников просто сражались за любого, кто им платил. Однако же поговаривают, будто всякий раз при наступлении мира капитаны этих самых вольных отрядов намеренно подстрекали к новым войнам — чтобы поддерживать свое существование и жировать за счет добычи.

Что же до Эйгона Таргариена, то, как пишут, вскоре после участия в разгроме Волантиса он потерял всякий интерес к делам на востоке. Убедившись, что владычеству Волантиса пришел

конец, Эйгон вернулся на Драконий Камень. И, не отвлекаясь более на войны в Эссосе, обратил свой взор на запад.

ВОЦАРЕНИЕ ДРАКОНОВ

Далее вниманию читателей предлагается повествование о царствовании королей дома Таргариенов, от Эйгона Завоевателя и вплоть до Эйриса Безумного. За освещение этой темы бралось немало мейстеров, и нижеизложенное, по большей части, взято из уже упорядоченных ими знаний. Но кое в чем я позволил себе вольность — рассказ о Завоевании Эйгона моим собственным трудом не является. Описание тех событий, забытое со времен печальной кончины Эйгона, пятого этого имени, лишь недавно обнаружили в архивах Цитадели. Данный отрывок — видимо, часть более крупной работы, задуманной как хроника династии Таргариенов — был найден пылящимся среди бумаг архимейстера Герольда, историка, чьи труды о прошлом Староместа высоко ценились в его дни. Но указанная рукопись принадлежит не его перу. По одному лишь стилю судить нельзя, но некоторые заметки, найденные в этих бумагах, указывают, что писал их архимейстер Гильдейн — последний мейстер, служивший в Летнем замке до его разрушения

в правление Эйгона Удачливого[10], пятого этого имени. Скорее всего, труд был отправлен к Герольду для комментариев и одобрения.

Столь полной хроники Завоевания еще не встречалось — именно поэтому я решил поместить ее в своей книге. Теперь работу Гильдейна наконец-то увидят и другие глаза, ее смогут узнать и оценить прочие люди, а не только я и архимейстер Герольд. Я обнаружил и другие рукописи, созданные той же рукой, но в них многие страницы оказались либо не на своем месте, либо уничтожены, а кое-какие повредились от огня и небрежения. Вполне возможно, в один прекрасный день найдутся и еще какие-то потерянные шедевры — в состоянии, пригодном для снятия копий и переплета — ибо и то, что я отыскал, Цитадель весьма взволновало.

Однако до тех пор приведенные ниже отрывки могут служить лишь одним из многих источников о правлении королей дома Таргариенов. От самого Завоевателя, и до покойного Эйриса II, последнего Таргариена, восседавшего на Железном троне.

Завоевание

Мейстеры Цитадели, в чьем ведении находятся хроники Вестероса, на протяжении последних трех столетий использовали Завоевание Эйгона как начало счета времени. Годы рождений, смертей, битв и иных событий записываются либо «от З.Э.» («от Завоевания Эйгона»), либо «до З.Э.» («до Завоевания Эйгона»).

Знающим же книжникам ведомо, что подобное летосчисление отнюдь не является достоверным. Завоевание Семи Королевств Эйгоном Таргариеном случилось не в один день. Более двух лет минуло между высадкой Эйгона и его коронацией в Староместе... и даже тогда Завоевание не завершилось, ибо Дорн остался непокоренным. Попытки присоединить дорнийцев к общему государству делались время от времени на протяжении всего правления короля Эйгона и продолжились в годы царствования его сыновей[11]... а посему указать точный срок окончания войн эпохи Завоевания не представляется возможным.

Даже по поводу дня их почина имеется некое

заблуждение. Многие ошибочно полагают, что царствование короля Эйгона I Таргариена началось в тот день, когда он высадился в устье Черноводной, у подножия трех холмов, где впоследствии встал город Королевская Гавань. Сие не верно. Действительно, день Высадки Эйгона отмечался и самим королем, и его потомками, однако Завоеватель отсчитывал время своего правления с того дня, когда его короновал и помазал верховный септон Святой Веры в Звездной септе Староместа. Коронация сия состоялась через два года после Высадки Эйгона, намного позже его побед в трех главнейших сражениях Завоевания. Из сего можно заключить, что большая часть собственно покорения Вестероса совершилась во 2-1 годах до З.Э. — «до Завоевания Эйгона».

Таргариены — древний род чистейшей валирийской крови, повелители драконов с длинной родословной. За двенадцать лет до Рока Валирии (в 114 году до З.Э.) Эйнар Таргариен продал свои владения в Республике и Землях Долгого лета и вкупе со всеми своими богатствами, рабами, драконами, женами, детьми и прочей родней переселился в Драконий Камень — угрюмую островную цитадель под курящейся горой в Узком море.

Во дни своего расцвета Валирия была наивеличайшим городом во всем изведанном мире, средоточием силы и просвещения. За ее блистающими стенами четыре десятка противоборствующих домов соперничали за власть и славу при дворе и в совете, возвышаясь и падая в бесконечной, изощренной и нередко беспощадной борьбе за влияние. Таргариены были далеко не могущественнейшими из драконьих владык, и недруги сочли их бегство на Драконий Камень за малодушие и признание своего поражения. Но дочь лорда Эйнара, дева Дейнис, которую с той поры всегда звали Дейнис Сновидицей, провидела изничтожение Валирии от бушующего огня. И, когда двенадцать лет спустя приспел Рок, единственными выжившими из повелителей драконов оказались Таргариены.

А до того Драконий Камень два века являл собой передовой рубеж валирийской державы в закатной стороне. Его местоположение в проливе Глотка давало правителям острова владычество над Черноводным заливом и позволяло и Таргариенам, и их ближайшим сподвижникам, Веларионам с Дрифтмарка (малому дому валирийского происхождения), пополнять казну за счет проходящих торговых судов. Корабли

Веларионов и еще одного дружественного валирийского дома, Селтигаров с Клешни, держали среднюю часть Узкого моря, тогда как Таргариены со своими драконами господствовали в небесах.

И все же на протяжении большей части столетия, последовавшего за Роком Валирии (и по праву именуемого Кровавым веком), дом Таргариенов устремлял взор на восход — не на закат, и мало интересовался делами Вестероса. Геймон Таргариен, брат и супруг Дейнис Сновидицы, наследовал Эйнару Изгнаннику как лорд Драконьего Камня и стал известен под именем Геймона Великолепного. После кончины Геймона совместно правили сын его Эйгон и дочь Элейна. Позже лордство переходило к их сыну Мейгону, его брату Эйрису и сыновьям Эйриса — Эйликсу, Бейлону и Деймиону, а затем Драконий Камень унаследовал Эйрион, сын последнего.

Эйгон, оставшийся в истории как Эйгон Завоеватель и Эйгон Дракон, родился в 27 году до З.Э. на Драконьем Камне у лорда Эйриона и леди Валейны из дома Веларионов (по линии матери леди сама была наполовину Таргариен). Эйгон — их единственный сын и второй ребенок, у которого имелось еще две законнорожденные сестры: старшая Висенья и младшая Рейнис. Сочетание

браком сестер и братьев — давний обычай среди властителей драконов Валирии, позволяющий сохранять чистоту крови, но Эйгон взял за себя разом обеих своих сестер. Ожидалось, что согласно традиции он женится только на старшей сестре, Висенье; добавление второй супругой Рейнис не являлось привычным, хотя подобные примеры случались и прежде. Поговаривали, что Эйгон взял в жены Висенью по долженствованию, а Рейнис — по страсти.

Брат и обе сестры еще до начала супружества явили себя повелителями драконов. Из пятерых драконов, покинувших Валирию с Эйнаром Изгнанником, до дней Эйгона дожил лишь один: великий зверь, именуемый Балерионом Черным Ужасом. Двое других, более молодые Вхагар и Мераксес, вышли из яиц уже на Драконьем Камне.

Среди людей несведущих нередко можно услышать расхожее измышление, будто Эйгон Таргариен никогда не ступал на землю Вестероса до того дня, когда он поднял паруса, дабы завоевать ее. Но сие не может быть правдой. За годы до того плавания по велению лорда Эйгона вырезали из дерева и разукрасили Расписной стол: громоздкую столешницу около пятидесяти футов длиной, которой придали вид Семи Королевств и

расписали красками, изобразив на ней все леса, реки, города и замки. Очевидно, что интерес к Вестеросу возник у Эйгона задолго до событий, сподвигших его начать войну. Имеются достоверные описания того, как Эйгон и сестра его Висенья в юности посещали Цитадель Староместа и охотились с соколами на Арборе как гости лорда Редвина. Возможно, он бывал и в Ланниспорте — тут свидетельства различествуют.

Вестерос в пору молодости Эйгона был разделен на семь неуживчивых держав, и едва ли сыщется год, когда бы две или три из них не воевали друг с другом. Обширным, холодным и каменистым Севером правили Старки из Винтерфелла. В пустынях Дорна господствовали принцы Мартеллы. Над богатыми золотом Западными землями властвовали Ланнистеры из Утеса Кастерли, над плодородным Простором — Гарденеры из Хайгардена. Долина, Персты и Лунные горы принадлежали дому Арренов... но самыми воинственными королями поры Эйгона были те, чьи владения лежали ближе всего к Драконьему Камню: Харрен Черный и Аргилак Надменный.

Из Штормового Предела, своей могучей цитадели, Штормовые короли дома Дюррандонов некогда правили восходной стороной Вестероса

от Мыса Гнева до Крабьего залива, но прошедшие века подточили их могущество. Короли Простора по кусочку отщипывали от их владений на закате, с полудня тревожили дорнийцы, а Харрен Черный со своими железными людьми выдавил их с Трезубца и земель к полуночи от Черноводной. Король Аргилак, последний из Дюррандонов, на какое-то время сей упадок остановил: будучи еще подростком, он отразил дорнийское вторжение; двадцатью годами позже пересек Узкое море, дабы присоединиться к великому союзу против обуянных имперскими замыслами «тигров» Волантиса; а в битве на Летнем поле убил Гарса VII Гарденера, короля Простора. Но Аргилак старел: на его знаменитую гриву черных волос легла седина, а воинское мастерство его рук поблекло.

Король Островов и Рек, Харрен Черный из дома Хоаров, загреб в стальной кулак Речные земли на полночь от Черноводной. Еще дед Харрена, железнорожденный Харвин Твердая Рука, отобрал Трезубец у Аррека, деда Аргилака (а предки последнего за века до того ниспровергли последних королей Реки). Отец Харрена расширил свои владения на восход до Сумеречного Дола и Росби. Сам же Харрен посвятил большую часть своего долгого правления — без малого сорок лет — воз-

ведению гигантского замка близ Божьего Ока. Но сей труд подходил к концу, и было ясно, что уже в ближнюю годину железнорожденным не станет помехи искать себе новых завоеваний.

Не было в Вестеросе короля столь внушающего страх, чем Харрен Черный, жестокость которого вошла в предания всех Семи Королевств. И ни один король в Вестеросе не ощущал угрозу столь явно, как последний из Дюррандонов, Штормовой король Аргилак — увядающий воин с дочерью-девицей как единственной наследницей. Вот потому он и обратился к Таргариенам с Драконьего Камня, желая отдать лорду Эйгону свою дочь женою, а все земли восточнее Божьего Ока от Трезубца до Черноводной — ее приданым.

Эйгон Таргариен отверг предложение Штормового короля, заметив, что у него уже есть две жены и в третьей он не нуждается. А предлагаемыми в приданое землями уже более поколения владел Харренхолл, и не Аргилаку было их раздавать. Очевидно, что стареющий Штормовой король задумал поставить Таргариенов на Черноводной как преграду между собственными землями и державой Харрена Черного.

Лорд Драконьего Камня высказал собственное суждение: он возьмет земли приданого, если

Аргилак уступит также Крюк Масси и леса с равнинами на полдень от Черноводной — вплоть до истоков Мандера и реки Путеводной. Сей договор будет скреплен браком дочери короля Аргилака и Ориса Баратеона, друга детства и поединщика лорда Эйгона.

Аргилак Надменный таковые условия в гневе отринул. Орис Баратеон, по слухам, был незаконнорожденным братом лорда Эйгона, и Штормовой король не стал бы бесчестить свою дочь, отдав ее руку бастарду. Уже само предположение о том привело его в ярость. Аргилак отрубил руки послу Эйгона и отослал на Драконий Камень в ларце, добавив слова: «Се единственные руки, кои получит от меня твой ублюдочный братец».

Эйгон не дал ответа. Вместо того он призвал на Драконий Камень своих друзей, знаменосцев и основных сподвижников. Число их было невелико. На верность дому Таргариенов присягали Веларионы с Дрифтмарка, а также Селтигары с Клешни. Также прибыли лорды с полуострова Крюк Масси: Бар-Эммон из Острого Мыса и Масси из Камнепляса. Они оба преклоняли колена перед Штормовым Пределом, но нити, соединяющие их с Таргариенами, были прочнее. Лорд Эйгон и его сестры держали со всеми совет, а также посе-

тили замковую септу, дабы помолиться Семерым богам Вестероса, хотя Эйгон никогда прежде не слыл набожным человеком.

На седьмой день туча воронов с шумом взметнулась с башен Драконьего Камня, дабы донести до Семи Королевств Вестероса слова лорда Эйгона. Птицы летели к семерым королям, в Цитадель Староместа, к лордам великим и малым, неся единственное послание: с сего дня в Вестеросе будет только один король. Преклонившие колена перед Эйгоном из дома Таргариенов сохранят свои земли и титулы. Обратившие против него оружие будут повержены, посрамлены и обращены в прах.

Свидетельства расходятся в том, сколько ратников взошло на корабли у Драконьего Камня вкупе с Эйгоном и его сестрами. Некоторые рассказывают о трех тысячах, другие исчисляют их лишь сотнями. Сие скромное воинство Таргариенов высадилось в устье реки Черноводной, на полночном берегу, у маленькой рыбачьей деревушки, над которой возвышались три лесистых холма.

Во дни Сотни королевств на верховенство над устьем реки притязали многие царьки. Среди таковых были и Дарклины, короли Сумеречного

Дола, и Масси из Камнепляса, и короли Реки прежних лет, будь то Мадды, Фишеры, Бракены, Блэквуды или Хуки[12]. Вершины сих трех холмов не раз увенчивали башни и остроги — дабы стать разметенными той или иной войной, и только. И ныне Таргариенов встречали лишь разбитые камни и заросшие руины. Хотя и Штормовой Предел, и Харренхолл заявляли свои права на сие место, его никто не оборонял, а ближайшие замки держали малые лорды, не обладавшие ни великими силами, ни военной доблестью — более того, имевшие немного причин любить Харрена Черного, называвшего себя их сюзереном.

Эйгон Таргариен, не мешкая, обнес палисадом из земли и бревен наивысочайший из трех холмов и отрядил своих сестер, дабы заручиться покорностью близлежащих замков. Росби сдался Рейнис и златоглазой Мераксес без боя. В Стокворте сколько-то арбалетчиков пытались обстреливать Висенью, но стоило пламени Вхагар опалить кровлю главной башни замка — подчинился и Стокворт.

Первому истинному испытанию завоевателей подвергли лорд Дарклин из Сумеречного Дола и лорд Мутон из Девичьего Пруда, которые соединили свои силы и с тремя тысячами мечей

выступили на полдень, дабы загнать захватчиков обратно в море. Эйгон послал Ориса Баратеона ударить по ним во время перехода, сам же, оседлав Черного Ужаса, обрушился на врага с неба.

В последовавшей неравной битве пали оба лорда; тогда сын Дарклина и брат Мутона сдали их замки и присягнули на своих мечах дому Таргариенов. В ту пору Сумеречный Дол был главным вестеросским портом на Узком море, богатея и процветая на торговле, шедшей через его гавань. Висенья Таргариен не дозволила предать город разграблению, но без колебаний присвоила его сокровища, изрядно пополнив казну завоевателей.

Здесь, пожалуй, уместно будет обсудить разные натуры Эйгона Таргариена и его сестер-королев.

Висенья, старшая из троицы Таргариенов, была воительницей не хуже самого Эйгона, и в кольчуге ей было столь же удобно, сколь и в шелках. Она носила валирийский длинный меч, именуемый Темной Сестрой, и владела им искусно, поскольку сызмальства упражнялась в том вкупе со своим братом. Висенья обладала строгой, суровой красотой, пусть и были у нее серебристо-золотые волосы и лиловые глаза Валирии. Даже те, кто любил ее более других, находили, что Висенья

жестка, серьезна, беспощадна; также поговаривали, что она знает толк в ядах и не чурается темных искусств.

У младшей же Рейнис было все то, чего не имелось у ее сестры: игривость, любопытство, порывистость и склонность к полетам воображения. Не будучи истой воительницей, Рейнис любила музыку, танцы и поэзию, благодетельствовала многим певцам, актерам и кукольникам. Кроме того, говорили, что Рейнис проводит на драконьей спине более времени, нежели ее брат и сестра вместе взятые, ибо превыше всего она любила полеты. Люди слышали, как однажды королева заявила, что-де желает прежде конца своей жизни вместе с Мераксес перелететь Закатное море, дабы узреть тамошние дальние берега. В то время как верность Висеньи ее брату-супругу никто не подвергал сомнению, Рейнис окружала себя смазливыми юношами, и, по слухам, даже развлекалась кое с кем из них в своей опочивальне в те ночи, когда Эйгон пребывал со старшей сестрой. Но, невзирая на сии толки, наблюдатели при дворе не могли не заметить, что на каждую ночь с Висеньей король проводит десять ночей с Рейнис.

Сам же Эйгон Таргариен, как ни странно, для

своих современников являлся такой же загадкой, что и для нас. Эйгон, владея клинком из валирийской стали — Черным Пламенем, считался одним из величайших воителей своей поры, однако же не находил забавы в ратных подвигах и никогда не выезжал на турниры и общие схватки. Под седлом его был Балерион Черный Ужас, но в полет он отправлялся лишь ради битвы или дабы спешно пересечь земли и моря. Властный вид Эйгона привлекал людей под его стяги, тем не менее, близких друзей у него не имелось, за исключением наперсника отрочества, Ориса Баратеона. Женщин тянуло к нему, но Эйгон оставался верен супругам. Как монарх, он оказывал превеликое доверие Малому совету и своим сестрам, оставляя на них изрядную долю каждодневных забот управления государством… однако, не колеблясь, брал власть в свои руки, когда находил сие необходимым. Сурово обходясь с мятежниками и предателями, Эйгон был великодушен к бывшим недругам, преклонившим перед ним колена.

Впервые он явил сие в Эйгонфорте, безыскусной крепости из земли и бревен, которую воздвиг на том самом месте, что с тех пор и навеки прозвали Высоким холмом Эйгона. Взяв дюжину замков и овладев обоими берегами в устье Черновод-

ной, он повелел побежденным лордам явиться. И когда те сложили к ногам Эйгона свои мечи, он поднял былых врагов с колен и подтвердил их права на земли и титулы. Своим давнишним сподвижникам он воздал новые почести. Деймона Вельяриона, лорда Приливов, сделал мастером над кораблями, начальствующим над королевским флотом. Тристона Масси, лорда Камнепляса, назвал мастером над законами, Криспиана Селтигара — мастером над монетой. Ориса Баратеона же Эйгон провозгласил «щитом моим и поборником, крепкой десницей моей». Потому мейстеры почитают Баратеона за первого королевского десницу.

Знамена с гербом имели давнюю традицию среди лордов Вестероса, но никогда не были в ходу у повелителей драконов старой Валирии. И потому, после того как рыцари развернули огромный боевой стяг Эйгона — шелковый, с красным трехголовым драконом, изрыгающем пламя на черном поле — лорды восприняли сие знаком, что Таргариен воистину один из них, достойный верховный правитель Вестероса. Как только королева Висенья возложила на голову своего брата усыпанный рубинами венец из валирийской стали, а королева Рейнис провозгласила

его «Эйгоном, первым сего имени, королем всего Вестероса и щитом своего народа», тотчас же драконы взревели, а лорды и рыцари закричали здравицы... но пуще всех ликовал простой люд: рыбаки, батраки и добрые хозяйки.

Однако же семеро королей, которых Эйгон Дракон вознамерился лишить корон, не ликовали. В Харренхолле и Штормовом Пределе Харрен Черный и Аргилак Надменный уже созвали свои знамена. В закатной стороне король Простора Мерн отправился по Океанской дороге в Утес Кастерли, дабы встретиться с королем Лореном из дома Ланнистеров. Принцесса Дорнийская отослала ворона на Драконий Камень, предлагая объединиться с Эйгоном против Штормового короля Аргилака... но как равный с равным, а не как подданная. Другое предложение о дружбе пришло из Орлиного Гнезда от короля-отрока Роннела Аррена, чья мать просила все земли к восходу от Зеленого Зубца реки Трезубец в обмен на поддержку Долины против Черного Харрена. Даже на Севере король Торрхен Старк из Винтерфелла заполночь засиделся со своими лордами-знаменосцами и советниками, решая, что делать с сим самопризваным завоевателем. Весь Вестерос с тревогой ожидал, куда теперь

двинется Эйгон.

Не прошло и нескольких дней после коронации, как рати Эйгона вновь выступили в поход. Большая часть его войска под предводительством Ориса Баратеона пересекла Черноводную и двинулась на полдень, к Штормовому Пределу. Их сопровождала королева Рейнис верхом на златоглазой и среброчешуйной Мераксес. Флот Таргариенов, ведомый Деймоном Веларионом, вышел из Черноводного залива и повернул на полночь, в сторону Чаячьего города и Долины. С ними отправились королева Висенья и Вхагар. Сам же король ушел на северо-восток, к Божьему Оку и Харренхоллу — исполинской крепости, бывшей гордостью и наваждением короля Харрена Черного. Этот властитель, завершив строительство, поселился в Харренхолле в тот самый день, когда Эйгон высадился у холмов, на которых позже встанет Королевская Гавань.

На всех трех направлениях Таргариенов ожидал самый яростный отпор. Лорды Эррол, Фелл и Баклер, знаменосцы Штормового Предела, захватили врасплох передовые отряды Ориса Баратеона на переправе через Путеводную и, перебив более тысячи человек, вновь растворились в лесу. Наспех собранный флот Арренов, усилен-

ный дюжиной браавосских боевых кораблей, в водах у Чаячьего города встретил и разгромил флот Таргариенов. Среди павших оказался и адмирал Эйгона, Деймон Веларион. Сам Эйгон подвергся нападению на полуденном берегу Божьего Ока, и не единожды, а дважды. Камышовую битву Таргариены выиграли, но понесли тяжелые потери у Стенающих Ив, когда двое сыновей короля Харрена, переплыв озеро в челнах с обмотанными веслами, ударили на них с тыла.

Впрочем, подобные поражения становились не более чем помехой — в конце концов, противникам Эйгона нечем было отвечать на огонь его драконов. Люди Долины потопили треть кораблей Таргариенов и почти столько же захватили, но когда с высоты на них низверглась королева Висенья, вспыхнули их собственные суда. Лорды Эррол, Фелл и Баклер скрывались в хорошо знакомых им чащобах, пока королева Рейнис не дала волю Мераксес, и стена огня не пронеслась по лесу, превращая деревья в факелы. А победители при Стенающих Ивах, возвращавшиеся через озеро в Харренхолл, были мало готовы к тому, что с утренних небес на них обрушится Балерион. Челны Харрена сгорели, сгорели и его сыновья.

Враги Эйгона подверглись напастям и со сторо-

ны иных неприятелей. Когда Аргилак Надменный собрал своих ратников в Штормовом Пределе, пираты со Ступеней, воспользовавшись их отсутствием, нагрянули на берега Мыса Гнева, а с Красных гор хлынули отряды дорнийцев, дабы пройтись набегами по маркам. В Долине королю-отроку Роннелу пришлось противостоять мятежу на Трех Сестрах, после того, как сестринцы отреклись от верности Орлиному Гнезду и провозгласили своей королевой леди Марлу Сандерленд.

Однако то были лишь досадные малости — если сравнивать с судьбой, постигшей Харрена Черного. Хотя дом Хоаров правил Речными землями в течение трех поколений, народ Трезубца не питал любви к своим господам из железнорожденных. Харрен Черный загубил тысячи людей на строительстве великого замка Харренхолл, опустошая земли по Трезубцу ради камней и дерева. В своей жажде золота он пускал по миру равно и лордов, и простолюдинов. И вот теперь Речные земли восстали против него, ведомые лордом Эдмином Талли из Риверрана. Будучи призван на защиту Харренхолла, Талли взамен того объявил себя приверженцем дома Таргариенов, поднял над своим замком стяг с драконом и отбыл с рыцаря-

ми и лучниками, дабы присоединиться к войску Эйгона. Его непокорность воодушевила и другие дома Трезубца. Один за другим речные лорды отрекались от Харрена и заявляли Эйгону Дракону о своей поддержке — Блэквуды, Маллистеры, Вэнсы, Бракены, Пайперы, Фреи, Стронги... Все они, ополчившись, выступили на Харренхолл.

Внезапно обнаружив свои силы малочисленными, король Харрен Черный укрылся в своей, как полагали, неприступной твердыне. Харренхолл, наигромаднейший из замков, когда-либо построенных в Вестеросе, кичился пятью непомерными башнями, неиссякаемым источником родниковой воды, необъятными подземными кладовыми, битком набитыми провизией, и мощными стенами из черного камня — выше, нежели могла достать любая лестница, и толще, нежели любой таран мог проломить, а требушет — разбить. Харрен запер ворота и вкупе со своими оставшимися сыновьями и сподвижниками изготовился выдержать осаду.

Замысел Эйгона с Драконьего Камня был иным. Соединив свои силы с силами Эдмина Талли и других речных лордов и взяв Харренхолл в кольцо, он немедля послал к воротам замка мейстера под мирным стягом — вести переговоры. Харрен

в своей черной броне вышел навстречу Эйгону — старый, убеленный сединами, но все еще свирепый. При каждом короле были знаменщик и мейстер, так что слова, которыми обменялись Эйгон и Харрен, помнят и по сей день.

— Сдайся сейчас, — начал Эйгон, — и ты останешься лордом Железных островов. Сдайся сейчас, и твои сыновья будут жить, дабы править после тебя. Здесь, под твоими стенами, у меня восемь тысяч человек.

— Мне нет дела до того, что там под моими стенами, — ответствовал Харрен. — Стены те крепки и могучи.

— Но не столь высоки, дабы удержать драконов вовне. Драконы умеют летать.

— Я выстроил замок из камня, — возразил Харрен. — Камень не горит.

На что Эйгон молвил:

— Когда зайдет солнце, твой род прервется.

Как рассказывают, в сей миг Харрен плюнул и вернулся в замок. Оказавшись внутри, он послал на крепостные стены всех своих людей, вооруженных копьями, луками и арбалетами, пообещав земли и богатства любому из них, кто возможет сбить дракона. «Будь у меня дочь, сразивший дракона мог бы потребовать и ее

руки, — объявил Харрен Черный. — Вместо того я отдам ему одну из дочерей Талли, а захочет, и всех троих. Либо пусть выберет одну из сучек Блэквуда, или Стронга, или любую девку, какая только родилась у тех лордиков, вылезших из ила, тех предателей с Трезубца». После чего, окруженный домашними рыцарями, Харрен Черный удалился к себе в башню — ужинать со своими оставшимися сыновьями.

В час, когда угасал последний луч солнца, люди Черного Харрена, сжимая копья и арбалеты, вглядывались в сгущавшуюся тьму. Дракон не появлялся, и, возможно, кому-то подумалось, что угрозы Эйгона были пусты. Но Эйгон Таргариен поднимал Балериона ввысь, за облака, выше и выше, пока тот не стал казаться перед луною не большим, нежели мошка. Лишь тогда дракон низвергся — прямо меж замковых стен. Сложив крылья, черные ровно смоль, Балерион устремился вниз, пронзая ночь. И как только под ним выросли огромные башни Харренхолла, дракон взревел, выплескивая свою ярость, и окатил строения черным пламенем с алыми витыми всполохами.

Камень не горит, бахвалился Харрен; но замок его был не только из камня. Дерево и шерсть,

пенька и солома, хлеб, солонина и зерно — все вспыхнуло. И люди Харрена с Железных островов тоже были не из камня — в дыму, охваченные пламенем, они с воплями метались по дворам и падали с замковых стен, находя на земле свою погибель. А если у пламени достаточно жара, даже камень начнет трещать и плавиться. Речные лорды, стоявшие под стенами замка, позже рассказывали, что башни Харренхолла зарделись в ночи, будто пять гигантских свечей... и подобно свечам, начали изгибаться и оплывать, а по бокам их стекали ручейки растопленного камня.

Последние сыновья Харрена и он сам — все сгинули в пожаре, охватившем в ту ночь его чудовищную крепость. Вкупе с Харреном окончились и дом Хоаров, и власть Железных островов над Речными землями. На другой день у дымящихся развалин Харренхолла король Эйгон принял клятву верности Эдмина Талли, лорда Риверрана, и назвал его Верховным лордом Трезубца. Вассальную присягу принесли и другие речные лорды — Эйгону как королю, а Эдмину Талли как своему сюзерену. После того, как пепелище остыло достаточно, и людям стало возможно без опаски входить в замок, мечи павших (среди них множество расколотых, оплавленных или

скрученных драконьим огнем в стальные ленты) собрали и на телегах отправили в Эйгонфорт.

На юго-востоке знаменосцы Штормового короля выказали много более преданности, нежели вассалы короля Харрена. В Штормовом Пределе Аргилак Надменный собрал вокруг себя превеликую рать. Родовой замок Дюррандонов также почитали неприступным, ибо он являл собой могучую крепость, а его громадные стены мощью даже превосходили стены Харренхолла. Однако же вскоре ушей Аргилака достиг слух о гибели его старого недруга, короля Харрена. Прислали вести и отступавшие перед надвигавшимся войском Эйгона лорды Фелл и Баклер (лорд Эррол был убит) — о королеве Рейнис и ее драконе. И после того старый король-воин проревел, что не намерен сгинуть подобно Харрену — зажаренным в собственном замке, ровно молочный поросенок с яблоком во рту. Ему ведомо, что такое битва, и он сам, с мечом в руке, решит свою судьбу. И вот Аргилак Надменный в последний раз выехал из Штормового Предела, дабы встретить своих врагов в открытом поле.

Приближение Штормового короля не застало Ориса Баратеона и его людей врасплох; королева Рейнис на Мераксес наблюдала с небес отбы-

тие Аргилака из Штормового Предела и сумела предоставить деснице подробное описание числа и расположения неприятеля. Орис занял выгодное место на холмах к полудню от Бронзовых Врат и укрепился там в ожидании штормового воинства.

Когда две рати сошлись, Штормовые земли оправдали свое именование. С утра полил затяжной дождь, к полудню обернувшийся воющей бурей. В надежде на утишение непогоды лорды-знаменосцы умоляли короля Аргилака отложить нанесение удара на другой день. Но войско Штормового короля числом превосходило завоевателей почти вдвое, а в рыцарях и тяжелой коннице — без малого вчетверо. Вид намокших стягов Таргариенов, колышущихся над его собственными холмами, разъярил короля, и закаленный в боях старый воин не преминул отметить, что дождь несет ветром с полудня — прямо в лицо людям Таргариенов на холмах. Потому Аргилак Надменный повелел наступать, и началась битва, вошедшая в историю как Последний Шторм.

Сражение длилось до поздней ночи — кровавое побоище, и далеко не столь неравное, как взятие Харренхолла Эйгоном. Трижды водил Аргилак

своих рыцарей на порядки Баратеона, но склоны холма были круты, а почва от дождя раскисла и обратилась в слякоть, так что боевые кони вязли в грязи и падали, и наступление теряло всю стремительность и стройность. Дела у штормовых воителей пошли лучше, когда они послали на холмы пеших копейщиков. Когда ослепленные дождем захватчики узрели, как те карабкаются вверх, было уже слишком поздно, а намокшие тетивы сделали луки бесполезными для стрелков. Пал один холм, затем другой, а третьим и последним ударом Штормовой король и его рыцари разорвали середину строя Баратеона... дабы натолкнуться на королеву Рейнис и Мераксес. Даже на земле дракон оказался ужасен. Дикон Морриген и Бастард из Черной Гавани, предводительствовавшие передовым отрядом, сгинули в драконьем пламени вкупе с рыцарями личной стражи короля Аргилака. Кони из ближних к дракону рядов, обуянные страхом, понеслись прочь, но столкнулись со всадниками, наступавшими следом. Натиск обернулся жуткой свалкой. Самого Штормового владыку выбросило из седла.

Однако же Аргилак продолжал вести бой. Когда Орис Баратеон и его люди спустились с покрытого грязью холма, они застали старого короля

отбивающимся от полудюжины человек, и столько же тел лежало у его ног.

— Отойдите, — повелел Баратеон. Он спешился, дабы встретиться со Штормовым королем на равных, и в последний раз предложил тому сдаться. Аргилак ответствовал бранью. Так они и сразились — старый король-воитель с развевающейся гривой седых волос и свирепый чернобородый десница Эйгона. Каждый, как говорили, нанес другому рану, но в итоге желание последнего из Дюррандонов исполнилось — он умер с мечом в руках и проклятьем на устах. Гибель короля лишила мужества воинов Штормовых земель, и, когда разнеслась весть, что Аргилак пал, его лорды и рыцари побросали мечи и бежали.

Несколько дней в Штормовом Пределе страшились, что замок постигнет та же участь, что и Харренхолл — Аргелла, дочь Надменного, с приближением Ориса Баратеона и войска Таргариенов заперла ворота и объявила себя Штормовой королевой.

— Защитники Штормового Предела погибнут до последнего человека, но колена не преклонят, — пообещала она королеве Рейнис, когда та верхом на Мераксес прилетела для переговоров. — Вы можете взять мой замок, но захватите в нем

лишь кости, кровь и пепел.

Так объявила Аргелла... но ратники ее гарнизона были менее готовы к смерти. Той же ночью они подняли мирный стяг, распахнули ворота замка и отдали леди Аргеллу в лагерь Ориса Баратеона нагой, в цепях и с кляпом во рту.

Рассказывают, что Баратеон собственными руками снял с Аргеллы цепи, окутал своим плащом, налил вина и повел с ней учтивую беседу, повествуя о последнем сражении ее отца и его отваге. И позже, дабы почтить павшего короля, лорд Орис взял себе герб и девиз Дюррандонов. Увенчанный короной олень стал его знаком, Штормовой Предел — родовым замком, а леди Аргелла — женой.

Теперь, когда и Речные, и Штормовые земли оказались под властью Эйгона Дракона и его соратников, оставшимся короли Вестероса ясно сознавали, что приходит и их черед. В Винтерфелле король Торрхен созвал знамена: он принимал в соображение бескрайние просторы Севера и понимал, что для сбора войска потребуется время. Королева Шарра из Долины, будучи регентом при своем сыне Роннеле, укрылась в Орлином Гнезде, позаботилась о рубежах обороны и направила ратных людей ко входу в Долину Арренов — в Кровавые Ворота. В годы юности королеву Шарру

величали «Горным Цветком», наипрекраснейшей девой во всех Семи Королевствах. Вероятно, вознамерившись прельстить Эйгона своей красотой, она послала ему свой портрет и предложила себя в супруги — с тем условием, что Эйгон объявит ее сына Роннела своим наследником. Хотя в итоге портрет и попал к Эйгону Таргариену, нам неведомо, давал ли он вообще ответ на сие предложение: у него уже имелось две королевы, да и Шарра Аррен, будучи десятью годами его старше, ныне являла собой цветок увядший.

Между тем два могучих короля с заката объединились ради общего дела и кинули клич своим ратям, преисполнившись решимости навсегда покончить с Эйгоном. Из Хайгардена с огромным воинством выступил король Простора, Мерн IX из дома Гарденеров. Под стенами Золотой Рощи, родового замка дома Рованов, он встретился с королем Утеса, Лореном I Ланнистером, который привел собственное войско из Западных земель. Под началом обоих королей собралась наивеличайшая сила, которую когда-либо видел Вестерос: воинство в пятьдесят пять тысяч человек, в том числе около шести сотен лордов, великих и малых, и более пяти тысяч конных рыцарей. «Наш железный кулак», — бахвалился король Мерн. За

ним скакали четверо его сыновей, а оба внука-отрока сопровождали его как оруженосцы.

Оба короля надолго в Золотой Роще не задержались: воинство такой величины должно беспрестанно пребывать в пути, дабы не объесть дочиста всю округу. Выступив не мешкая, соратники выдвинулись на северо-восток через высокие травы и золотые пшеничные поля.

Известие об их приближении Эйгон получил, будучи у себя в лагере близ Божьего Ока, после чего собрал войска и выдвинулся навстречу новым врагам. Рать, которой он повелевал, была впятеро меньшей, нежели у двух королей, и по большей части состояла из людей, присягнувших речным лордам, чья верность дому Таргариенов являлась новообретенной и неиспытанной. Впрочем, с невеликим войском Эйгон мог двигаться намного быстрее неприятеля. У городка Каменная Септа к Завоевателю присоединились обе его королевы со своими драконами. Рейнис прибыла из Штормового Предела, Висенья же — с полуострова Расколотая Клешня, где она приняла немало пылких обещаний верности от местных лордов. Втроем Таргариены взирали с небесной высоты, как воинство Эйгона переправляется через верховья Черноводной и устремляется на

полдень.

Обе рати сошлись посреди обширных открытых равнин за Черноводной, близ места, где однажды проляжет Золотая дорога. Оба короля возрадовались, когда вернулись их разведчики, поведавшие о численности и местоположении войска Таргариенов. Оказалось, что на каждого воина Эйгона у его противников приходилось пятеро, а неравенство в числе лордов и рыцарей было и того значительней. И место было открытое, просторное — насколько хватало глаз, все трава да пшеница, для тяжелой конницы лучше и не придумаешь. Эйгон Таргариен не занимал возвышенности подобно Орису Баратеону во время Последнего Шторма; и земля была твердая, не размокшая. Не досаждал им и дождь — день выдался безоблачный, хотя и ветреный, непогоды не было уже более двух недель.

Король Мерн привел на битву в полтора раза более людей, нежели король Лорен, и потому потребовал себе чести повелевать главными силами. Его сыну и наследнику Эдмунду доверили передовой отряд. Король Лорен со своими рыцарями составил правое крыло, лорд Окхарт — левое. Поскольку никаких естественных преград, дабы прикрыть боевые построения Таргариенов,

не имелось, короли намеревались обойти Эйгона с обеих сторон, а после ударить с тыла, пока их «железный кулак», гигантский клин закованных в броню рыцарей и высоких лордов будет сокрушать середину неприятельских порядков.

Эйгон Таргариен выстроил своих людей неровным полумесяцем: середина ощетинилась копьями и пиками, далее встали лучники и арбалетчики, по бокам — легкая конница. Начальствование над войском он вручил Джону Мутону, лорду Девичьего Пруда, одному из первых бывших недругов, перешедших на его сторону. Сам король намеревался быть подле своих королев и вести бой с высоты небес. Эйгон, как и его враги, также приметил бездождье: трава и колосья вокруг были высоки, тучны... и очень сухи.

Таргариены выждали, пока не запели трубы, и два короля не двинулись вперед под сонмом знамен. Король Мерн на своем золотом жеребце самолично возглавил натиск на середину строя; позади Мерна сын его Гавен вез королевский стяг — огромную зеленую руку на белом поле. С ревом и кличами, подстегиваемые звуками рогов и барабанов, Гарденеры и Ланнистеры устремились сквозь град стрел на своих врагов, расстраивая ряды копейщиков Эйгона и сметая их с пути. Но

к тому часу Завоеватель и его сестры уже взмыли в небеса.

Эйгон на Балерионе реял над вражескими порядками в вихре копий, камней и стрел, раз за разом низвергаясь, дабы обдать противников огнем. Рейнис и Висенья сеяли пламя по ветру, в сторону неприятеля и позади него. Сухая трава и несжатая пшеница вмиг занялись. Ветер раздул огонь и понес дым в лицо надвигающимся рядам двух королей. Запах пожара перепугал коней, а сгустившийся дым слепил глаза и скакунам, и всадникам; когда со всех сторон выросли стены пламени, строй их начал рассыпаться. Воины лорда Мутона, находясь в безопасности с подветренной стороны, ожидали со своими луками и копьями и с легкостью расправлялись с опаленными и горящими людьми, что, шатаясь, выбирались из сего ада.

Пламенное Поле — так впоследствии прозвали ту битву.

Свыше четырех тысяч человек сгинули в огне. Еще тысяча пала от мечей, копий и стрел. Десятки тысяч обгорели, некоторые столь сильно, что шрамы от ожогов остались у них на всю жизнь. Среди погибших оказался и король Мерн IX, а также его сыновья, внуки, братья и прочие родичи.

Один из королевских племянников прожил еще три дня. Когда он скончался от ожогов, вкупе с ним ушел в небытие и дом Гарденеров. Король Утеса Лорен выжил — осознав, что битва проиграна, прорвался на коне сквозь стену огня и дыма в безопасное место.

Таргариены потеряли менее сотни бойцов. Королева Висенья получила стрелу в плечо, но скоро оправилась. Пока драконы Эйгона пожирали мертвецов, по велению Завоевателя мечи павших были собраны и отосланы вниз по реке.

На другой день пленили и Лорена Ланнистера. Король Утеса сложил меч и корону к ногам Эйгона и, преклонив колена, принес ему вассальную присягу. И Эйгон, блюдя свое слово, поднял побежденного врага на ноги и утвердил во власти над его же землями, назвав Лорена лордом Утеса Кастерли и Хранителем Запада. Знаменосцы лорда Лорена последовали сему примеру, и так же поступили и многие лорды Простора из числа переживших драконье пламя.

Однако покорение закатной стороны не завершилось, а потому король Эйгон расстался со своими сестрами и немедля выступил на Хайгарден, надеясь добиться сдачи замка прежде, чем им завладеет иной притязатель. Выяснилось, что

замок находится в руках стюарда, Харлана Тирелла, чьи предки столетиями служили Гарденерам. Тирелл без боя вручил королю-завоевателю ключи от замка и заверил его в своей преданности. В награду Эйгон пожаловал Тиреллу Хайгарден со всеми владениями, назначив его Хранителем Юга и Верховным лордом Мандера и наделив властью над всеми бывшими вассалами дома Гарденеров.

Намерением короля Эйгона было продолжить поход на полдень и принудить к повиновению Старомест, Арбор и Дорн, но в Хайгардене его ушей достигли вести о новой угрозе. Торрхен Старк, король Севера, вышел с Перешейка и вступил в Речные земли, а за собой он вел рать в тридцать тысяч свирепых северян. Не мешкая, Эйгон отправился на полночь, дабы встретить нового врага. На крылах Черного Ужаса он намного опередил собственное войско. Кроме того, Завоеватель оповестил о новой угрозе обеих своих королев, а также всех лордов и рыцарей, преклонивших перед ним колена после Харренхолла и Пламенного Поля.

Торрхен Старк, подойдя к берегам Трезубца, узрел за рекой ожидавшую его вражескую рать, которая в полтора раза превосходила числом

северное войско. Явились все — и собственно речные лорды, и пришлые из Простора, из Западных и Штормовых земель. А над их лагерем, описывая все более широкие круги, рассекали небеса Балерион, Мераксес и Вхагар.

Разведчики Торрхена рассмотрели руины Харренхолла, где под обломками еще вяло тлели алые огни. Услышал король Севера и множество рассказов о Пламенном Поле, и ныне знал, что та же участь может постигнуть и его самого, попытайся он совершить переправу через реку. Некоторые лорды-знаменосцы побуждали короля к бою, несмотря ни на что, уверяя, что северная доблесть добудет победу. Другие уговаривали его отступить ко Рву Кайлин и держать оборону там, на землях Севера. Брандон Сноу, брат-бастард короля, вызвался пересечь реку в одиночку под покровом ночи, дабы изничтожить драконов спящими.

Король Торрхен послал-таки Брандона Сноу на ту сторону Трезубца. Но не одного, а вкупе с тремя мейстерами — не убивать, а договариваться. Посланцы сновали туда и обратно всю ночь напролет, а наступившим утром переправился через реку уже сам Торрхен Старк. Там, на полуденном берегу Трезубца, он преклонил колена,

сложил древнюю корону Королей Зимы к ногам Эйгона и поклялся быть ему вассалом. Он встал лордом Винтерфелла и Хранителем Севера — и более не королем. С того дня и посейчас Торрхена Старка помнят как Короля, Преклонившего Колена... но ни один северянин не оставил у Трезубца своих обгорелых костей, и мечи, которые Эйгон забрал у лорда Старка и его вассалов, не были погнуты, скручены или расплавлены.

Позже дороги Эйгона Таргариена и его королев вновь разошлись. Эйгон повернул на полдень, выступив к Староместу, а обе его сестры оседлали своих драконов: Висенья — дабы повторно испытать Долину Арренов, а Рейнис — ради Солнечного Копья и пустынь Дорна.

Шарра Аррен укрепила оборону Чаячьего города, двинула сильное войско к Кровавым Воротам и утроила гарнизоны Каменной, Снежной и Небесной застав, оберегавших подходы к Орлиному Гнезду. Но все сии охранительные преграды ни на миг не задержали Висенью Таргариен — преодолев их на кожистых крылах Вхагар, королева приземлилась во внутреннем дворе Орлиного Гнезда. И когда правительница Долины с дюжиной стражников выбежала ей навстречу, то обнаружила на колене у Висеньи Роннела Арре-

на, зачарованно глядящего на дракона.

— Матушка, можно я полетаю с леди? — спросил мальчик-король.

Не прозвучало ни угроз, ни оскорблений. Вместо сего две королевы улыбнулись друг другу и обменялись любезностями. Затем леди Шарра послала за тремя коронами (ее собственным регентским венцом, маленькой короной ее сына и Соколиной короной Гор и Долины, которую тысячу лет носили короли дома Арренов) и вручила их королеве Висенье вкупе с мечами своего гарнизона. Как говаривали после, вершину Копья Гиганта трижды облетел маленький король, а на земле обнаружил, что стал маленьким лордом. Так Висенья Таргариен привела Долину Арренов в державу своего брата.

У Рейнис Таргариен столь легкого завоевания не случилось. Принцево ущелье в Красных горах охраняли отряды дорнийских копейщиков, но Рейнис не стала вступать с ними в бой. Она пролетела над проходом, над красными песками, над белыми... но, нагрянув в Вейт, дабы потребовать его сдачи, нашла замок пустым и брошенным. В городке под его стенами остались только женщины, дети да старики — будучи спрошены, где их лорды, они ответствовали лишь одно: «Ушли».

Рейнис проследовала вниз по течению реки к Дару Богов, родовому замку дома Аллирионов, но и тот был покинут. Она продолжила путь. Там, где Зеленокровная впадает в море, Рейнис наткнулась на Дощатый город — сотни плоскодонок, рыбачьих яликов, барок, плавучих домов и останков старых судов, которые, будучи соединены между собой канатами, цепями и досками, образовали городок на воде под палящим солнцем. Однако лишь несколько старух и детишек явилось поглядеть на нее, пока Мераксес кружила в вышине.

Наконец, королева добралась до Солнечного Копья, древней твердыни дома Мартеллов, где повстречала принцессу Дорнийскую — та ожидала в своем опустевшем дворце. Как сообщают нам мейстеры, Мерии Мартелл минуло восемьдесят лет, и шестьдесят из них она правила народом Дорна. Принцесса была весьма тучна, слепа и почти лыса, кожа ее пожелтела и обвисла. «Желтая Дорнийская Жаба» — такое прозвание дал ей Аргилак Надменный. Но ни возраст, ни слепота не притупили ее ума.

— Я не стану с вами воевать, — молвила принцесса Мерия, — но и колена перед вами не преклоню. В Дорне короля нет. Так и передайте

своему брату.

— Передам, — ответствовала Рейнис, — но мы придем снова, принцесса, и в другой раз с нами придут пламя и кровь.

— Ваш девиз, — обронила Мерия. — А наш: непреклонные, несгибаемые, несдающиеся. Вы можете сжечь нас, миледи... но вы нас не склоните, не согнете и не заставите сдаться. Здесь Дорн. Вам тут не рады. Вернетесь вы на свою беду.

На том королева и принцесса расстались, и Дорн остался незавоеванным.

В закатной стороне Эйгона Таргариена ожидал более теплый прием. Староместом, величайшим городом во всем Вестеросе, обнесенным кольцом мощных стен, правили Хайтауэры из Высокой башни — наистарейший, наибогатейший и наимогущественнейший из благородных домов Простора. Старомест являлся и средоточием Святой Веры, ибо там пребывал верховный септон, Отец истинно верующих, Глас Новых богов на земле, которому повиновались и паства — миллионы набожных по всем королевствам (исключая Север, где все еще держали верх Старые боги), и клинки Святого Воинства — боевых орденов, в народе именуемых Мечами и Звездами.

Тем не менее, приблизившись к Староместу, За-

воеватель со своим войском нашли ворота города открытыми, а лорда Хайтауэра — ожидавшим Таргариена для изъявления покорности. Ибо после того, как вести о высадке Эйгона впервые дошли до Староместа, верховный септон затворился в Звездной септе на семь дней и семь ночей, доискиваясь наставлений богов. Говорили, что он не принимал иной пищи, кроме хлеба и воды, и проводил все часы бдения в молитвах, переходя от одного алтаря к другому. И на седьмой день Старица вознесла свой золотой светоч, озарив его святейшеству путь грядущий. И узрел он: если Старомест обратит оружие против Эйгона Дракона, город неизбежно сгорит, а Высокая башня, Цитадель и Звездная септа будут повержены и изничтожены.

Манфред Хайтауэр, лорд Староместа, был правителем осторожным и благочестивым. Один из его младших сыновей состоял в рядах Сынов Воина, а другой лишь недавно принес обеты септона. Когда верховный септон поведал лорду Хайтауэру о видении, которым удостоила его Старица, тот решил, что не станет противиться Завоевателю силой оружия. Потому ни один житель Староместа не сгорел на Пламенном Поле, хотя Хайтауэры и являлись знаменосцами Гарде-

неров из Хайгардена. И потому же лорд Манфред выехал навстречу Эйгону Дракону и обратился к нему, дабы поднести королю свой меч, свой город и принести вассальную присягу. (Некоторые говорят, что лорд Хайтауэр предлагал еще и руку своей младшей дочери, но от сего Эйгон учтиво отказался, дабы не обидеть двух своих королев.)

Три дня спустя в Звездной септе его святейшество самолично помазал Эйгона семью елеями, возложил корону ему на чело и провозгласил его Эйгоном из дома Таргариенов, первым сего имени, королем андалов, ройнаров и Первых людей, владыкой Семи Королевств и Защитником Державы. (Прибегли к именованию «Семь Королевств», хотя Дорн не покорился — и не покорится еще более столетия.)

Лишь горстка лордов присутствовала на первой коронации Эйгона в устье Черноводной, но свидетелями второй стали сотни; а когда король на спине Балериона проехал через весь Старомест, на городских улицах его приветствовали десятки тысяч людей. На второй коронации среди прочих были мейстеры и архимейстеры Цитадели — возможно, по таковой причине именно ее и стали считать началом правления Завоевателя, а не день Высадки Эйгона или возложения венца

в Эйгонфорте.

Так воля Эйгона Завоевателя и его сестер сковала Семь Королевств Вестероса в единую великую державу.

Многие думали, что по окончании всех войн король Эйгон сделает своей монаршей столицей Старомест; другие полагали, что он будет править из Драконьего Камня, древней островной цитадели дома Таргариенов. Король удивил всех, объявив о намерении расположить свой двор в новом городе, уже выраставшем у подножия трех холмов в устье реки Черноводной — в том месте, где он и его сестры впервые ступили на землю Вестероса. Королевская Гавань — так звался сей новый город. Отсюда Эйгон Дракон правил своей державой, верша суд на огромном железном престоле, сооруженном из оплавленных, скрученных, погнутых и сломанных клинков всех его павших врагов. Сие грозное сиденье в скором времени стало ведомо всему свету как Железный трон Вестероса.

КОРОЛИ ДОМА ТАРГАРИЕНОВ
Эйгон I

Король Эйгон, первый этого имени, в двадцать семь лет смог завоевать Семь Королевств, но с того дня перед ним встала серьезная задача управления своим только что созданным государством. Семь непримиримых королевств нечасто знавали мир даже внутри собственных границ, не говоря уж о положении вне их пределов. Чтобы сплотить области под единой властью, требовался действительно выдающийся человек, и, к счастью для страны, Эйгон, щедро наделенный проницательностью и решимостью, как раз был таковым. И пусть его видение единого Вестероса оказалось куда сложнее претворить в жизнь, чем думалось самому Завоевателю (и к тому же куда дороже) — именно этот замысел определил ход истории в последующие века.

Король задумал возвести вокруг своего неказистого Эйгонфорта величавый престольный город, который сможет соперничать с Ланниспортом и Староместом (и даже затмить их). Королевская Гавань с первых своих дней обещала стать пе-

ренаселенным, грязным и зловонным местом, но при всем том здесь постоянно кипела работа. Для горожан на берегу Черноводной из корпуса когга возвели временную септу, где и велись службы, а вскоре была построена и более величественная септа на холме Висеньи — на средства, дарованные верховным септоном. (Позднее к ней добавится септа Поминовения на холме Рейнис, основанная в память о королеве.) Там, где некогда можно было увидеть лишь рыбацкие лодчонки, появились когги и галеи из Староместа, Ланниспорта, Вольных городов и даже с Летних островов — весь поток товаров вместо Сумеречного Дола и Девичьего Пруда устремился в Королевскую Гавань. Разросся и Эйгонфорт, выйдя далеко за пределы изначального частокола. Город понемногу охватил большую часть Высокого холма Эйгона, вокруг которого поднялись пятидесятифутовые стены новых бревенчатых укреплений, простоявших вплоть до 35 года от З.Э. В тот год Завоеватель их снес ради возведения на холме Красного замка — твердыни, достойной Таргариенов и их наследников.

Согласно записям архимейстера Гильдейна, при дворе считалось, что Эйгон оставил королеву Висенью ответственной за строительство Крас-

ного замка, чтобы ему не приходилось терпеть ее присутствие на Драконьем Камне. В поздние годы их отношения стали еще более холодны (хотя стоит начать с того, что теплыми они никогда не были).

К 10 году от З.Э. Королевская Гавань стала настоящим городом, который к 25 году дорос уже до третьего по величине во всем королевстве, превзойдя Белую Гавань и Чаячий город. Большую часть тех лет у столицы не было защитных укреплений — вероятно, из-за того, что король и его сестры полагали, будто никто не посмеет напасть на город с драконами. Но в 19 году пришла весть о разорении Высокодрева на Летних островах — тогда флот пиратов награбил горы сокровищ и захватил в рабство тысячи людей. Обеспокоившись этим (и осознав, что он и Висенья не в силах постоянно пребывать в Королевской Гавани) Завоеватель, наконец, повелел начать возведение стен. За строительство отвечали великий мейстер Гавен и королевский десница, сир Осмунд Стронг. Эйгон постановил, что в этих стенах должно быть достаточно места для дальнейшего роста города, и чтобы во славу Семерых семь городских ворот защищали семь внушительных надвратных башен. Работы начались в следую-

щем году и завершились к 26 году от З.Э.

Как рос город и его благосостояние, так рос и достаток в королевстве. Одной из причин этого стали усилия короля по завоеванию уважения — как среди своих вассалов, так и в народе. В том ему часто помогала королева Рейнис (при жизни), для которой простые люди были особой заботой. Кроме того, она постоянно покровительствовала певцам и сказителям. Хотя королева Висенья, сестра Рейнис, считала подобные расходы пустой тратой денег, но те певцы слагали хвалебные песни о Таргариенах и несли их по всему королевству. И если в песнях вдобавок содержалась заведомая ложь, приукрашивающая Эйгона и его сестер, королева о том не жалела... чего нельзя сказать о мейстерах.

Кроме того, королева приложила много старания для сплочения государства, устраивая браки отпрысков отдаленных друг от друга домов. Потому смерть Рейнис в Дорне в 10 году от З.Э. и гнев, что был тем вызван, ощутило почти все королевство, любившее прекрасную и добросердечную правительницу.

Хотя царствование Эйгона овеяно славой, Первую дорнийскую войну в нем выделяют как единственное поражение Завоевателя. Началась

она в 4 году от З.Э. (с размахом и удалью), но вот завершилась лишь в 13 году, после большой крови. Война принесла немало бед: гибель Рейнис, годы Гнева Дракона, убитые лорды, покушения в Королевской Гавани и даже в самом Красном замке. Черным было то время.

Тем не менее, все случившиеся злосчастья породили и одно благое начинание: присяжное братство Королевской гвардии. В Дорне погибли многие лорды — после того, как Эйгон и Висенья объявили награду за их головы — и в ответ на то дорнийцы создали собственные шайки наемных убийц. Им представился случай в 10 году от З.Э. — тогда на улицах Королевской Гавани подверглись нападению оба Таргариена, и если бы не Висенья с Темной Сестрой, король мог бы и не спастись. Несмотря на происшедшее, Завоеватель по-прежнему полагал, будто охраны для его защиты достаточно. Висенья убедила его в обратном. (Пишут, что когда Эйгон указал на своих охранников, Висенья, обнажив Темную Сестру, порезала щеку короля прежде, чем ей смогли что-то сделать. А затем, как сообщается, произнесла: «Твоя стража ленива и медлительна», с чем Завоевателю пришлось согласиться.)

И не Эйгон, а Висенья определила сущность

Королевской гвардии. Владыка Семи Королевств располагал теперь семерыми защитниками, и каждый из них был рыцарем. Висенья составила для них клятву, схожую с обетами Ночного Дозора — чтобы ими было отринуто все, исключая долг перед королем. И когда Эйгон высказался за всеобщий турнир, на котором выберут первых королевских гвардейцев, Висенья отговорила брата. Она настаивала, что королю для охраны понадобится больше, чем навыки владения оружием — ему также будет необходима неколебимая преданность. История подтверждает, что Завоеватель поступил мудро, доверив Висенье отбор первых членов ордена: двое из них приняли смерть, защищая его, и все служили до конца дней с честью. Все они перечислены в «Белой книге» (в ней содержатся имена и деяния каждого рыцаря, давшего обет): сир Корлис Веларион, первый лорд-командующий; сир Ричард Рут; сир Эддисон Хилл, бастард из Корнфилда; братья сир Григор Гуд и сир Гриффит Гуд; сир Хамфри Лицедей, межевой рыцарь; и сир Робин Дарклин, прозванный Черным Дроздом[13], первый из многих Дарклинов, носивших белый плащ.

Без промедления назначив советников — которые при Джейхейрисе I образовали Малый

совет, помогавший с тех пор королям — Эйгон Завоеватель зачастую оставлял повседневное управление делами королевства сестрам и этим доверенным людям. Вместо того король трудился, чтобы собственным присутствием скрепить государство — внушая подданным благоговение и устрашая их (по мере надобности). Половину года Завоеватель летал между Королевской Гаванью и Драконьим Камнем, поскольку город был местом его престола, а остров, пропахший серой и соленым морем — приютом, полюбившимся ему больше всего. Но другие полгода Эйгон посвящал официальным монаршим посещениям. Он путешествовал по стране весь остаток жизни (вплоть до последней поездки в 33 году от З.Э.) и не забывал отдавать дань уважения верховному септону в Звездной септе всякий раз, как посещал Старомест. Его милость гостил и под крышами лордов великих домов (даже в Винтерфелле — во время своего последнего монаршего посещения), и в домах многих мелких лордов, рыцарей и простых трактирщиков. Куда бы ни отправлялся Эйгон, за ним следовала пышная свита: в одной из поездок его сопровождала целая тысяча рыцарей, и, кроме того, многие лорды и леди двора.

В таких разъездах короля сопровождали не

только придворные, но также мейстеры и септоны. Как правило, при нем было шестеро мейстеров — они разъясняли его милости местные законы и традиции бывших королевств, чтобы решения, вынесенные судом Эйгона, были справедливы. Он с почтением относился к разнящимся обычаям каждой области и стремился судить так же, как короли минувших дней, не пытаясь объединить страну под одним законом. (Эта задача — привести законы государства к единообразию — впоследствии досталась другому королю.) От окончания Первой дорнийской войны до смерти Завоевателя в 37 году от З.Э. королевство жило в мире, и Эйгон правил мудро и со снисхождением. Он оставил королевству «наследника и замену ему» от обеих своих жен: старшего принца Эйниса от погибшей Рейнис и младшего принца Мейгора от Висеньи.

Известное «Правило шести», ныне часть общего закона, создала как раз королева Рейнис — она воссела на Железный трон, поскольку Завоеватель отправился в одну из своих поездок. Короне подали прошение братья женщины, забитой до смерти супругом, заставшим ее с другим. Муж защищался тем, что закон разрешает ему карать жену-прелюбодейку (что верно, хотя в

Дорне дела обстоят иначе), пока он использует для того прут не толще пальца. Но, по словам братьев, он нанес женщине целую сотню ударов, чего не отрицал и сам. Посовещавшись с мейстером и септонами, Рейнис решила: поскольку боги создали женщин для послушания перед мужьями, те могут быть законно биты. Однако следует наносить только шесть ударов — за каждого из Семерых, кроме Неведомого, который есть смерть. По этой причине Рейнис объявила девяносто четыре удара беззаконными и постановила, что братья умершей женщины вправе вернуть эти удары мужу.

Эйгон I умер там же, где был рожден, на любимом им Драконьем Камне. Все свидетельства меж собой сходятся: в тот день король в Палате Расписного стола рассказывал внукам Эйгону и Визерису о боях Завоевания, но вдруг прервал речь и лишился сознания. Мейстеры подтвердили, что Дракона сразил удар, и вскоре он отошел с миром. По обычаю Таргариенов (а до них — валирийцев) тело короля сожгли во дворе островной цитадели. Эйнис, принц Драконьего Камня и наследник Железного трона, узнал о кончине своего отца, будучи в Хайгардене. Он немедленно оседлал дракона и вылетел, чтобы принять коро-

ну. Но все те, кто воссел на Железный трон после Эйгона Завоевателя, нашли королевство гораздо менее покорным их власти.

Эйнис I

Перед тем, как Дракон в возрасте шестидесяти четырех лет покинул этот мир, власть его не оспаривалась никем (исключая дорнийцев). Он правил мудро: выгодно представлял себя во время монарших посещений, оказывал должное уважение верховным септонам, награждал верно служивших и помогал нуждающимся. И все же за ширмой по большей части мирного царствования бурлил котел недовольства. Многие в сердце своем еще лелеяли старые дни, когда великие дома правили землями с неоспоримой независимостью. Другие желали мести за погибших на войне любимых. И были еще те, кто видел в Таргариенах мерзость, полагая, что браки братьев и сестер порождают в кровосмесительном совокуплении беззаконных наследников. Сил Эйгона и его сестер — и их драконов — было довольно для усмирения всех сопротивляющихся, но сказать того же самого об их наследниках никак нельзя.

Эйнис, первенец Эйгона от его возлюбленной Рейнис, взошел на трон в 37 году от З.Э. в возрасте тридцати лет. На великолепной церемонии в еще

строящемся Красном замке он предпочел короноваться богато украшенным золотым венцом, а не обручем своего отца из валирийской стали.

Эйнис оказался сотворенным из другого теста, нежели его отец и брат Мейгор (сын Висеньи) — те оба были воителями. В жизнь он пришел слабым и болезненным младенцем, и оставался таковым все свои ранние годы.

Эйгон Дракон считался несравненным воином, и потому ходили слухи, что его милость — не родной сын Завоевателю. В общем-то, было широко известно, что королева Рейнис наслаждалась обществом миловидных певцов и остроумных лицедеев; пожалуй, один из них мог быть и отцом ребенка. Но шепотки становились все тише, и в итоге замолкли, когда болезненный малыш получил только что вылупившегося дракона, названного Мерцающем Вихрем. И Эйнис рос и креп — вместе с драконом.

Тем не менее, наследник оставался мечтателем, пробовал силы в алхимии, покровительствовал певцам, кукольникам и лицедеям. Более того, он слишком жаждал одобрения, что заставляло его сомневаться и колебаться в своих решениях — из страха разочаровать ту или иную сторону. Именно этот недостаток омрачил царствование

Эйниса и привел короля к раннему и унизительному концу.

Прошло не так много времени после смерти Завоевателя, как нашлись желающие бросить вызов власти Таргариенов. Первым из них стал бандит и разбойник Харрен Красный, который называл себя внуком Харрена Черного. С помощью слуги из замка он захватил Харренхолл и его тогдашнего правителя, печально известного лорда Гаргона (прозванного Гаргоном Гостем за привычку посещать каждую свадьбу в своих землях, чтобы воспользоваться правом первой ночи). В богороще замка лорда Гаргона оскопили и бросили истекать кровью, а Красный Харрен объявил себя лордом Харренхолла и Речным королем.

Все это происходило в те дни, когда король гостил в Риверрране, владении дома Талли. Однако же Эйнис и лорд Талли, прибыв разобраться с угрозой, нашли Харренхолл пустым. К тому времени все верные люди Гаргона были преданы мечу, а Харрен Красный и его последователи вернулись к разбою.

Вскоре мятежи вспыхнули и в Долине, и на Железных островах. Тогда же на восстание против Таргариенов поднял тысячи последователей

некий дорниец, именовавший себя Королем-Стервятником. Согласно записям великого мейстера Гавена, эти вести короля ошеломили — ведь Эйнис всерьез полагал, что его обожает весь Вестерос. И снова[14] его милость колебался с решениями. Сначала он приказал армии отплыть в Долину, чтобы решить дело с узурпатором Джоносом Арреном, заточившим собственного брата лорда Роннела — а затем внезапно отозвал приказ из-за опасения, что Харрен Красный и его люди могут проникнуть в Королевскую Гавань. Эйнис даже намеревался созвать Великий совет для обсуждения всех этих дел. К счастью для королевства, другие действовали живее.

Лорд Ройс из Рунного Камня собрал войска, после чего мятежников Джоноса Аррена уничтожили, а его самого с ближними сподвижниками заперли в Орлином Гнезде — хотя это привело к убийству заточенного в темницу лорда Роннела, ибо Джонос через Лунную дверь отправил брата летать. Но Гнездо не имело защиты с неба. Когда прибыл вызванный принц Мейгор верхом на Балерионе Черном Ужасе — драконе, которого он всегда хотел, и после смерти отца все же получил — Джонос и его люди окончили свои дни в петле, повешенные Мейгором.

Тем временем, на Железных островах лорд Горен Грейджой быстро отправил в мир иной человека, объявившего себя возрожденным королем Лодосом. Его засоленную голову Горен отослал королю Эйнису. В свою очередь, Эйнис за это даровал Грейджою особую привилегию, а тот ее использовал, чтобы изгнать с Железных островов Святую Веру — к ужасу остального королевства.

Что же до Короля-Стервятника... Мартеллы почти не обращали внимания на эти беспорядки в их собственных же границах. Хотя принцесса Дерия уверяла Эйниса, что Мартеллы желают только мира и делают все возможное для подавления мятежа, в основном с ним пришлось разбираться марклордам. Причем изначально так называемый Король-Стервятник выглядел для них непосильным противником. Ранние победы обеспечили ему все более нарастающую поддержку, и наконец его последователи уже исчислялись почти тридцатью тысячами. И лишь после того, как Стервятник разделил свое огромное войско на части — как из-за невеликих для него поставок провизии, так и из-за уверенности, что каждый из отрядов справится с любым выступившим против него врагом — у

восставших начались неприятности. Теперь они могли быть разбиты по частям силами бывшего десницы Ориса Баратеона и марклордов (в особенности Свирепым Сэмом Тарли). И по слухам, меч Тарли — Губитель Сердец — стал красным от острия до рукояти от крови десятков дорнийцев, зарубленных Свирепым Сэмом во время Охоты на Стервятника, как позже назвали погоню за этим мятежником.

А первый по счету бунт завершился самым последним. Десница Эйниса, лорд Алин Стокворт, наконец загнал в угол еще бывшего в силе Харрена Красного. В случившейся затем битве Харрен убил лорда Алина, но только чтобы в свою очередь оказаться сраженным оруженосцем десницы.

Когда мир был восстановлен, король отдал дань благодарности лордам, командовавшим войсками, и главным героям, которые помогли уничтожить мятежников и врагов престола — а самая большая награда досталась его брату, принцу Мейгору, которого его милость назвал новым десницей. В то время такой выбор виделся наиболее мудрым, однако именно это решение предопределило судьбу Эйниса самым роковым образом.

ИЗ ЗАПИСЕЙ АРХИМЕЙСТЕРА ГИЛЬДЕЙНА

Браки близких родичей в обычае Таргариенов бывали издревле. Наилучшим решением считалось сочетание братьев и сестер; в противном случае девица могла идти замуж за племянника, дядю, двухродного брата; для юноши возможна женитьба на тетушке, племяннице, двухродной сестре. Корнями сей обычай уходит в Старую Валирию, где так было принято во многих старинных родах, и среди повелителей драконов — особливо. От них пошло правило: «Кровь дракона не терпит примесей». Кое-кто из принцев-колдунов также по своему хотению мог брать за себя более одной супруги, однако же сие случалось реже кровосмесительного брака. Мудрыми людьми записано было, что-де в Валирии перед Роком тысячи богов почитались, но ни единого не брали в опасение — и потому сим обычаям немногие имели отвагу противиться.

В Вестеросе же сего не было, ибо власть Святой Веры не подвергалась там сомнениям никоим образом. Кровосмешение осуждали как грех тягчайший, будь сие между отцом с дочерью, матерью с сыном, братом с сестрою. Всякий плод такого брака почитался за скверну пред богами и людьми, и неотвратимость раздоров между

Святой Верой и домом Таргариенов становится ясной пред взором из грядущего.

Заключение браков в одной семье — давняя валирийская традиция, сохраняющая королевскую кровь. Но среди вестеросских обычаев такого не было, а в глазах Святой Веры подобные союзы считались кровосмешением и мерзостью. Дракон и его сестры были приняты без оговорок. Никаких возражений не возникло и в 22 году от З.Э., когда принц Эйнис женился на Алиссе Веларион, дочери королевского мастера над кораблями и лорда-адмирала — хотя та и была из дома Таргариенов по линии матери, это делало ее всего лишь достаточно дальней[15] родственницей. И все же, когда традицию дерзнули продолжить, внезапно все трудности выявились в полной мере.

Королева Висенья предложила[16] женить Мейгора на Рейне, первой дочери его милости, но этому решительно воспротивился верховный септон, и невестой Мейгора стала леди Сериса из дома Хайтауэров, собственная племянница верховного септона. Однако же брак оказался бездетным, в то время как брак Эйниса приносил все новые плоды: за Рейной последовал сын и наследник Эйгон, потом Визерис, Джейхейрис и Алисанна. Возможно, завидуя Эйнису, Мейгор

после двухлетнего пребывания на посту десницы (и рождения у его брата еще одной дочери, Вейлы, умершей во младенчестве), в 39 году от З.Э. потряс королевство, объявив, что втайне взял себе вторую жену — Алис из дома Харровеев. Венчание по валирийскому обычаю совершила королева Висенья, ибо не нашлось септона, согласившегося провести обряд. Гнев общества был таким громким, что Эйнис, в конце концов, был вынужден изгнать брата.

Эйнис надеялся, что после ссылки Мейгора ропот утихнет, но верховный септон так и остался недовольным. Смягчить разлад со Святой Верой не помогло даже назначение новым королевским десницей септона Мармизона, знаменитого чудотворца. А в 41 году от З.Э. король еще больше ухудшил дело, когда решил выдать старшую дочь Рейну за собственного сына и наследника Эйгона, которого назвал вместо Мейгора принцем Драконьего Камня. Звездная септа направила его милости порицание, не получаемое ранее ни одним властителем — оно было адресовано «Королю-Скверне». И внезапно набожные лорды, да и простолюдины, некогда любившие Эйниса, обернулись против него.

Септона Мармизона за проведение церемонии

венчания отлучили от Святой Веры, и рьяные Честные Бедняки взялись за оружие. Всего двумя неделями позже они изрубили Мармизона в куски — когда того в паланкине несли через город. Сыны Воина начали укреплять холм Рейнис, превратив септу Поминовения в цитадель, способную выстоять против короля. Более того, Честные Бедняки попытались уничтожить Эйниса вместе с семьей непосредственно в замке — перебравшись через стены крепости и проскользнув в монаршие покои. Семья его милости сумела спастись только благодаря одному из рыцарей Королевской гвардии.

После встречи с такой опасностью Эйнис покинул город вместе с семьей, предпочтя бегство на защищенный Драконий Камень. Там Висенья посоветовала ему, взяв драконов, обрушить пламя и кровь как на Звездную септу, так и на септу Поминовения. Король же, неспособный принимать серьезные решения, всерьез расхворался — его живот сотрясали болезненные судороги, постоянно опорожнялся кишечник. К концу 41 года от З.Э. в противниках Эйниса оказалась уже большая часть государства. Угрожая сторонникам короля, дороги заполняли тысячи Честных Бедняков, а лорды дюжинами вооружались против Железно-

го трона. Хотя Эйнису было всего тридцать пять лет, говорили, что выглядел он на шестьдесят, и великий мейстер Гавен уже отчаялся выправить его состояние.

Вдовствующая королева Висенья взяла на себя заботу о его милости, и на некоторое время здоровье короля улучшилось. Но потом, совершенно неожиданно, у Эйниса случился удар — после того, как ему сообщили о судьбе сына и дочери. Эйгон и Рейна были осаждены в замке Крейкхолл, укрывшись там после того, как их ежегодное путешествие прервало восстание против короны. Король умер три дня спустя и, как ранее его отец, был сожжен на Драконьем Камне — по древнему обычаю валирийцев.

Позже, после смерти Висеньи, выдвигалось предположение, что внезапная кончина короля Эйниса случилась от рук его мачехи, и о ней кое-кто поговаривал как о цареубийце и убийце родичей. Разве не предпочитала она во всем Мейгора Эйнису? Разве не было у нее стремления добиться правления собственного сына? Почему же тогда она решила лечить своего пасынка и племянника, если испытывала к нему такое отвращение? Висенью можно назвать женщиной многих качеств, но жалость, по всей видимости,

не входит в их число. От этого вопроса нельзя с легкостью отмахнуться... как и ответить на него.

Мейгор I

Мейгор, первый этого имени, вступил на престол в 42 году от З.Э., после неожиданной кончины своего брата, короля Эйниса. Вспоминают его больше как Мейгора Жестокого, и такое прозвище вполне им заслужено, ибо на Железный трон никогда не садился король более безжалостный. Его царствование и началось с великой крови, и кровью же завершилось. Согласно хроникам, Мейгор находил удовольствие в войне и сражениях, тем не менее, очевидно, что более всего король жаждал насилия — насилия и смертей, и полной власти над всем, что полагал своим. Что за демон им владел — никому не ведомо. Даже сегодня люди воздают благодарность богам за то, что тирания Мейгора была недолгой, ибо кто знает, сколь много благородных домов могло бы исчезнуть навеки лишь затем, чтобы утолить его жажду?

Об Эйнисе говорили, что мечом и копьем он владел вполне достойно — настолько, чтобы не опозорить себя, но не более того. А Мейгор уже побеждал в схватках бывалых рыцарей, когда

ему было всего тринадцать. Славу он завоевал быстро: в 28 году от З.Э. на королевском турнире Мейгор выбил из седла трех рыцарей Королевской гвардии в поединках — подряд, одного за другим — а затем стал победителем в общей схватке. В шестнадцать лет его посвятил в рыцари сам король Эйгон, и Мейгор стал самым молодым в королевстве (на ту пору), удостоенным посвящения.

Едва лишь Эйнис был погребен, как Висенья оседлала Вхагар и полетела на восток, в Пентос, чтобы возвратить в Семь Королевств Мейгора, своего изгнанного сына. Мейгор на Балерионе пересек Узкое море, после чего провел на Драконьем Камне ровно столько времени, сколько ему понадобилось на коронацию — причем обручем своего отца из валирийской стали, а не более изысканным венцом брата.

Великий мейстер Гавен этому воспротивился, указывая на законы престолонаследия, по которым королем должен был стать принц Эйгон, старший сын Эйниса. Мейгор ответил тем, что объявил мейстера изменником, приговорил к смерти и снял его голову одним взмахом Черного Пламени. После случившегося мало кто осмеливался поддерживать Эйгона как претендента.

Вылетели вороны, извещая о коронации нового правителя — того, кто по заслугам воздаст своим верным сподвижникам и предаст позорной смерти выступивших против него.

К тому времени в Королевской Гавани септа Поминовения и наполовину выстроенный Красный замок были захвачены Святым Воинством — орденами Сынов Воина и Честных Бедняков. (Святое Воинство стояло во главе всех противников Мейгора, король воевал с орденами в течение всего своего правления.) Мейгор на Балерионе без страха явился прямо в город и, чтобы сплотить вокруг себя людей, водрузил на холме Висеньи красного дракона дома Таргариенов. К королю присоединились тысячи.

А затем Висенья бросила вызов любому, кто отрицал право Мейгора на престол, предложив им доказать свою правоту. Этот вызов принял капитан Сынов Воина, сир Дамон Морриген, известный как Дамон Праведный. Он согласился на Суд Семерых по древней традиции: сир Дамон и шесть Сынов Воина против короля и его шести защитников. Об этой схватке, в которой на кону стояло королевство, существует множество отчетов и рассказов — чаще всего противоречивых. Доподлинно нам ведомо только то, что Мейгор

оказался единственным оставшимся бойцом, однако же под конец Суда он успел получить сокрушительный удар в голову и пал без чувств мгновением позже гибели последнего Сына Воина.

Следующие двадцать семь дней король не приходил в себя. На двадцать восьмой день из Пентоса вернулась королева Алис (его милость еще был в прежнем состоянии), и с ней прибыла пентошийская красавица, зовущаяся Тианной из Башни. Ясно было, что она стала возлюбленной Мейгора, пока тот был в изгнании, причем ходили шепотки, что это относилось также и к Алис. Вдовствующая королева после встречи с Тианной доверила уход за его милостью единственно лишь ей — и сторонников Мейгора это весьма беспокоило.

На рассвете тридцатого дня от Суда Семерых очнувшийся король показался на стенах замка. Тому возрадовались тысячи — но не в септе Поминовения, где на утреннюю молитву собрались сотни Сынов Воина. Мейгор же, оседлав Балериона, вылетел с Высокого холма Эйгона на холм Рейнис, где безо всякого уведомления выпустил на волю пламя Черного Ужаса. Когда септа Поминовения запылала, некоторые

попытались сбежать, но лишь для того, чтобы оказаться убитыми лучниками и копейщиками, направленными сюда Мейгором. Говорят, крики горящих и умирающих людей разносились эхом по всему городу, и хронисты утверждают, что завеса пепла висела над Королевской Гаванью целых семь дней.

Это было лишь началом войны Мейгора со Святой Верой. Верховный септон по-прежнему оставался решительным противником его власти, а король продолжал привлекать на свою сторону все больше и больше лордов. В битве на Каменном мосту пало столь много Честных Бедняков, что сообщали, будто бы Мандер от крови стал красным на двадцать лиг. После этого мост и замок, которому он принадлежал, стали известны как Горький Мост.

На Большом притоке Черноводной имело место еще более великое сражение — против короля бились тринадцать тысяч Честных Бедняков, а также сотни рыцарей под предводительством Сынов Воина из Каменной Септы и, кроме того, еще сотни, ведомые мятежными лордами из Речных и Западных земель. Беспощадный бой продолжался вплоть до сумерек и стал решающей победой для его милости. В сражение король отправился

на Балерионе, и хотя дожди притушили пламя Черного Ужаса, дракон по-прежнему сеял смерть на своем пути.

Король и Святое Воинство оставались злейшими врагами друг другу до самого конца правления Мейгора. Даже новый верховный септон (прежний скончался таинственным образом в 44 году от З.Э.), гораздо более покорный и доброжелательный человек, попытавшийся распустить Мечи и Звезды, мало что смог сделать для снижения накала непрекращающегося насилия. Воинственность противников Мейгора еще более усугубляли многочисленные браки короля, стремящегося произвести на свет наследника. Однако сколько бы женщин его милость ни вел под венец или в постель — он все также оставался бездетным. Мейгор брал в жены женщин, которых сам же делал вдовами — то есть доказавших свою способность быть матерями — но от его семени рождались единственно чудовища: уродливые, безглазые, лишенные конечностей или имеющие как мужские, так и женские признаки. Если верить слухам, нисхождение короля в истинное безумие началось с первым из этих отвратительных созданий.

Одним достижением царствование Жестокого

короля все же выделилось: в 45 году от З.Э. было завершено строительство Красного замка. Его начал Эйгон Дракон и продолжил король Эйнис, но смог завершить только Мейгор. Он расширил замыслы отца и брата, возведя внутри замка окаймленную рвом твердыню, позднее ставшую известной под названием крепости Мейгора. Еще более примечательно, что именно он повелел устроить скрытые туннели и переходы. Высокий холм Эйгона испещрился многочисленными ходами, где были установлены и ложные стены, и ловушки. Когда его милость занимал себя строительством, казалось, будто и отсутствие наследников не имеет для него особого значения. Мейгор назвал новым десницей своего тестя, лорда Харровея[17], и оставил его управлять государством на то время, пока сам наблюдал за завершением работ.

Но, как и всегда в царствование Мейгора, даже это великое достижение обернулось трагедией. Когда крепость была наконец завершена, король устроил обильный пир для каменщиков, резчиков и прочих мастеров, помогавших возводить замок. Но спустя три дня гуляний за королевский счет все они были преданы мечу — ради того, чтобы тайны Красного замка остались ведомы

одному лишь Мейгору.

ИЗ ЗАПИСЕЙ АРХИМЕЙСТЕРА ГИЛЬДЕЙНА

Едва последний камень Красного замка поставили на уготованное тому место, как от короля Мейгора вышло повеление очистить холм Рейнис от руин септы Поминовения, а также от костей и праха сгинувших там Сынов Воина. Его милость постановил, что на сем холме должно воздвигнуть огромное каменное «стойло для драконов», достойное обиталище для Балериона, Вхагар и их потомства. Так и было положено начало возведению Драконьего Логова. Но не вводит в изумление, что приискание для сего строителей, каменщиков и прочего рабочего люда оказалось делом непростым. В побег ударилось столь много народу, что королю, в конце концов, понадобилось завезти мастеров из Мира и Волантиса, а в подчинение им поставить колодников, взятых из городских темниц.

В конечном счете, погибель Мейгору принесло сплочение Святой Веры и его собственной семьи. В 43 году от З.Э. принц Эйгон, племянник короля, дерзнул отвоевать трон, принадлежащий ему по закону. Попытка завершилась кровопролитным сражением, ставшим известным как битва при Божьем Оке, в которой погиб и Эйгон, и его дракон

Мерцающий Вихрь. Принц оставил после себя сестру-жену Рейну и двух дочерей-близнецов.

Мятежное Святое Воинство так и не сложило мечи — вопреки воле нового верховного септона — и позже, в конце 45 года от З.Э., Мейгор заново повел свои войска против орденов. Согласно описям той поры, на следующий год король привез из похода в качестве трофеев две тысячи черепов. Его милость утверждал, что они принадлежали объявленным вне закона Сынам Воина и Честным Беднякам, хотя многие полагали, что это скорее были головы простого люда, оказавшегося не в том месте и не в то время. И с каждым новым днем народ Вестероса все сильнее противился своему правителю.

Весьма значимой для Мейгора стала смерть вдовствующей королевы Висеньи в 44 году от З.Э., хотя казалось, будто его милость отнесся к этому легко. С самого рождения Мейгора Висенья была его самой главной сторонницей и сподвижницей. Она стремилась превознести его над старшим братом Эйнисом и для обеспечения наследия сына делала все, что только могла. В суматохе, вызванной смертью Висеньи, вдова Эйниса, королева Алисса, смогла ускользнуть[18] с Драконьего Камня вместе со своими детьми, за-

брав также и Темную Сестру — валирийский меч вдовствующей королевы. Однако принц Визерис (следующий за Эйгоном по старшинству сын Эйниса и Алиссы), будучи оруженосцем Мейгора, находился в Красном замке. Именно ему довелось поплатиться за побег своей матери — руки Тианны из Башни принесли Визерису смерть, причем после девяти дней допроса. Король на пару недель выбросил его тело, как падаль, во внутренний двор замка, надеясь, что известие об этом вынудит королеву Алиссу потребовать тело сына. Однако же она не вернулась. Смерть пришла за Визерисом, когда тому было пятнадцать лет.

В 48 году от З.Э. Честные Бедняки вновь восстали против короля. Их возглавили септон Мун и сир Джоффри Доггетт, известный как Рыжий Пес из Холмов. К ним примкнул Ривердан, также против Мейгора выступил лорд Деймон Веларион, адмирал королевского флота, а после того к мятежникам присоединились и великие дома, хотя и не все. Деспотичную власть Жестокого выносить уже было невозможно, и королевство восстало, чтобы положить ему конец. Поводом для общего объединения послужило заявление права на трон, выдвинутое молодым принцем

Джейхейрисом — единственным оставшимся в живых сыном Эйниса и Алиссы, которому исполнилось четырнадцать лет — и его поддержка лордом Штормового Предела, которого Джейхейрис назвал десницей короля и Защитником Державы. Когда королева Рейна (Мейгор взял ее в жены после смерти принца Эйгона) узнала о воззвании брата, она выкрала у спящего супруга меч Черное Пламя и сбежала из столицы на Пламенной Мечте — своем драконе. Его милость оставили даже два королевских гвардейца, вместо того примкнув к Джейхейрису.

Мейгор медлил с ответом, поскольку, похоже, пришел в замешательство. Казалось, что череда предательств (и, возможно, еще и утрата материнского наставления) сделала его таким же слабовольным, каким был Эйнис. Мейгор созвал в столицу верных ему лордов, но явились лишь мелкие вассалы из Королевских земель. Их было слишком мало, чтобы призвать к порядку многочисленных врагов его милости. И однажды поздней ночью, в час волка, лорды, бывшие при короле, покинули совещательную палату, оставив Мейгора размышлять в одиночестве. А ранним утром следующего дня короля нашли мертвым на троне, его мантия пропиталась кро-

вью, руки оказались искромсанными лезвиями Железного трона.

Так завершилась жизнь Мейгора Жестокого, а обстоятельства его смерти стали основой для самых разных домыслов. Хотя певцы и предпочитают заверять нас, что Железный трон сам убил короля, некоторые подозревают его королевскую гвардию, другие — каменщиков, знавших тайны Красного замка (из тех, кого не смогли погубить). Но наиболее вероятной все же стоит считать догадку о том, что Мейгор предпочел самоубийство разгрому. И, какой бы ни была истина, только так и могли закончиться шесть лет страха, в который погрузилось государство при Жестоком короле. Но в царствование его племянника свершится много славных дел, которые излечат глубокие раны, нанесенные Семи Королевствам.

СУПРУГИ МЕЙГОРА ЖЕСТОКОГО

СЕРИСА ИЗ ДОМА ХАЙТАУЭРОВ

Сериса, дочь Мартина Хайтауэра, лорда Староместа, стала женой Мейгора по предложению верховного септона, приходившегося ей дядей, после того, как он же выступил против помолвки тринадцатилетнего Мейгора с новорожденной принцессой Рейной, племянницей принца. Сериса и Мейгор поженились в 25 году от З.Э., и принц

утверждал, что в первую же ночь консумировал брак с дюжину раз, однако сыновья так и не появились. Мейгор вскоре утомился от неспособности Серисы родить ему наследника и начал брать в жены других женщин. В 45 году от З.Э. Серису забрал внезапный недуг, хотя также шептались, будто она была убита по приказу короля.

АЛИС ИЗ ДОМА ХАРРОВЕЕВ

Дочь Лукаса Харровея, нового лорда Харренхолла. Тайный брак Алис и Мейгора, служившего тогда десницей, был заключен в 39 году от З.Э. и стал причиной изгнания принца в Пентос; а по возвращении в столицу Алис стала королевой Мейгора. Алис стала первой женщиной, понесшей ребенка от короля (в 44 году от З.Э.), однако дитя она потеряла. То, что вышло из ее чрева, оказалось безглазым и скрюченным чудовищем. Разъяренный Мейгор обвинил в случившемся и казнил повивальщиц, септ и великого мейстера Десмонда. Тианна из Башни убедила короля в том, что ребенок был рожден от тайных любовных связей Алис. Это привело к гибели самой королевы, ее компаньонок, лорда Лукаса — ее отца и десницы короля — и всех Харровеев и их родичей, которых Мейгор смог найти между Харренхоллом и Королевской Гаванью. Позже десницей был

назван лорд Эдвелл Селтигар.

ТИАННА ИЗ БАШНИ

Тианну боялись более любой другой из жен Мейгора. По слухам, она приходилась родной (вероятно, незаконной) дочерью пентошийскому магистру, побывала танцовщицей в таверне, где смогла подняться до куртизанки. Говорили, что она занималась колдовством и алхимией. Тианна вышла замуж за короля в 42 году от З.Э., но на их брачном ложе, как и в других случаях, плоды не зародились. Она вызывала страх умением выведывать тайны и служила Мейгору мастером над шептунами. Ее прозвали королевским вороном. В конце концов, Тианна признала свою вину в тех мерзостях, что появлялись на свет от семени Мейгора — она заявила, что подливала яд другим супругам короля. В 48 году от З.Э. Мейгор убил ее собственной рукой, вырезал сердце Черным Пламенем и выбросил собакам.

Черные невесты

В 47 году от З.Э. Мейгор в ходе единственной церемонии сочетался браком сразу с тремя женщинами, успевшими подтвердить свою плодовитость. Все они были вдовицами, потерявшими мужей в войнах Мейгора или же по его приказу.

ЭЛИНОР ИЗ ДОМА КОСТЕЙНОВ

Элинор, самой младшей из черных невест, исполнилось всего лишь девятнадцать ко дню свадьбы с Мейгором, однако своему прежнему мужу, сиру Тео Боллингу, она уже успела подарить троих детей. Сир Тео был арестован королевскими гвардейцами, обвинен в сговоре с королевой Алиссой, желающей возвести на трон своего сына, принца Джейхейриса, и затем казнен — и все это свершилось за один день. После семи дней траура Элинор было велено стать женой Мейгора. Как и Алис до нее, она разрешилась мертворожденным уродом (толкуют, будто бы он был безглазым и с небольшими крыльями). Однако Элинор выжила после чудовищных родов и оказалась одной из двух жен, переживших короля.

РЕЙНА ИЗ ДОМА ТАРГАРИЕНОВ

После того, как принц Эйгон был убит Мейгором в битве при Божьем Оке, Рейна затаилась на Светлом острове под защитой лорда Фармана, укрывшего ее вместе с обеими дочерьми-близнецами. Тианна все же отыскала девочек, и Рейну принудили выйти замуж за Мейгора. Король назначил ее дочь Эйрею своей преемницей, лишив права наследования Джейхейриса, выжившего сына королевы Алиссы. Наряду с Элинор, Рейна стала

одной из двух королев, переживших Мейгора.

ДЖЕЙН ИЗ ДОМА ВЕСТЕРЛИНГОВ

Высокая и стройная, леди Джейн состояла в браке с лордом Алином Тарбеком, погибшем в битве при Божьем Оке — на стороне мятежников. Подарив супругу посмертного сына, она доказала свою способность к деторождению. Леди как раз принимала ухаживания сына лорда Утеса Кастерли в те дни, когда король послал за ней. В 47 году от З.Э. Джейн понесла, но роды начались за три луны до срока, и из ее утробы вышел еще один мертворожденный монстр. Леди Джейн ненамного пережила ребенка.

Джейхейрис I

Джейхейрис взошел на престол в 48 году от З.Э. — в ту пору, когда королевство раздирали на части тщеславие мятежных лордов, неистовство верховного септона и лютость Мейгора I, дяди Джейхейриса. Его милости как раз исполнилось четырнадцать лет, и верховный септон увенчал его короной отца, Эйниса I. В начале царствования регентом Джейхейриса была его мать, вдовствующая королева Алисса, а наставником в те первые годы — лорд Робар из дома Баратеонов, десница и лорд-протектор королевства. Достигнув совершеннолетия, король женился на своей сестре Алисанне, и то был плодовитый брак.

Даже будучи слишком юным для трона, Джейхейрис выглядел подлинным королем — причем с раннего возраста. Он был отличным воином и одаренным наездником, умело обращался с копьем и луком, а также стал драконьим всадником. Его драконом был Вермитор — огромный зверь в цветах дубовой коры и бронзы, самый большой[19] из всех живущих драконов после Балериона и Вхагар. Решительный в мыслях и

поступках, Джейхейрис был умен не по годам и всегда изыскивал наиболее мирное решение.

Его королева, Алисанна, будучи прекрасной, пылкой, обаятельной, и обладая к тому же острым умом, была так же любима всей страной. По слухам, она правила государством наравне с супругом, и в некоторой степени это действительно так. Именно по ее совету Джейхейрис наконец отменил право первой ночи, вопреки многим лордам, ревностно его отстаивающим. В ее честь Ночной Дозор переименовал замок Снежные Врата во Врата Королевы — в благодарность за драгоценности, которые она отдала, чтобы Дозор смог оплатить постройку нового замка. Так крепость Глубокое Озеро заменила огромную и разорительно дорогую в содержании Твердыню Ночи. Кроме того, Алисанна сыграла немалую роль в получении Дозором Нового Дара, подкрепившего его слабеющие силы.

Сорок шесть лет[20] прожили вместе Старый король и Добрая королева. По большей части, то был счастливый брак, в изобилии принесший детей и внуков.

Сохранились сведения о двух размолвках продолжительностью в год-другой, но по их окончании супруги возобновляли присущую

им дружбу. Вторая ссора, однако, заслуживает внимания. Она имела место в 92 году от З.Э. и случилась из-за решения Джейхейриса обойти свою внучку Рейнис — дочь его покойного старшего сына и наследника принца Эймона — и передать Драконий Камень с титулом наследника престола второму по старшинству сыну, Бейлону Храброму. Алисанна не видела оснований тому, чтоб предпочесть мужчину женщине... и уж если Джейхейрис находит женщин менее полезными, то он не будет нуждаться и в жене. Спустя некоторое время они помирились. Старый король пережил свою возлюбленную супругу, и говорили, что печаль от потери подобно туману обволакивала дворец все последние годы, до самой смерти его милости.

Алисанна была великой любовью Джейхейриса, а лучшим другом — септон Барт. Ни один человек незнатного происхождения не возносился столь высоко, как этот прямолинейный, но выдающийся септон. Сын простого кузнеца, он еще в отрочестве был отдан Святой Вере. Там его отменные способности были замечены, и со временем Барта пригласили на службу в библиотеку Красного замка — заботиться о книгах и записях короля. Там Джейхейрис с септоном и познако-

мился, и вскоре назвал его своим десницей. На это косо смотрели многие родовитые лорды (а Верховный септон и Праведные, по слухам, были еще серьезнее обеспокоены из-за взглядов Барта на религию), но на высоком посту он показал себя более чем превосходно.

Благодаря помощи и советам Барта король Джейхейрис Миротворец сделал для преобразования государства больше, чем все прочие короли — жившие как до, так и после него. Если его предок, король Эйгон, предоставил законы Семи Королевств причудам местных традиций и обычаев, то Джейхейрис создал первый общий свод законов, после чего все королевство от Дорнийских марок до Севера могло руководствоваться едиными правилами. Были проведены серьезные работы по развитию Королевской Гавани, особенно усовершенствовали колодцы, водостоки и канализацию. Барт считал, что для здоровья горожан очень важны свежая вода и удаление всяческих нечистот. Кроме того, Миротворец начал строительство целой сети дорог, которые однажды соединят столицу с Простором, Штормовыми землями, Западными землями и даже Севером. Он понимал, что для единства королевства необходимо сделать путешествия между

разными землями как можно более легкими. Величайшей из новых дорог стал Королевский тракт, вытянувшийся на сотни лиг до самой Стены и Черного замка.

И все же важнейшим достижением в правление Джейхейриса и септона Барта принято считать примирение со Святой Верой. Честные Бедняки и Сыны Воина, теперь уже не преследуемые, как при Мейгоре, весьма сократились в числе. Благодаря Мейгору они стояли вне закона, но продолжали свое дело и без устали стремились восстановить свои ордена. Более того, старинное право Святой Веры самой вершить суд над своими людьми стало вызывать все более и более значительные осложнения. Многие лорды сетовали на недобросовестность септриев и септонов, бесцеремонно распоряжавшихся собственностью и накоплениями своих прихожан.

Некоторые советники склоняли Старого короля обойтись с остатками Святого Воинства без жалости — искоренить раз и навсегда прежде, чем их фанатизм вновь ввергнет королевство в смуту. Прочие же больше пеклись о том, чтобы септоны отвечали перед законом так же, как и остальные вестеросцы. Джейхейрис, однако, предпочел направить септона Барта в Старомест

на переговоры с верховным септоном — там и было положено начало прочному соглашению. Последние немногочисленные Мечи и Звезды сложили оружие и согласились подчиниться светскому суду, а верховный септон получил торжественную клятву короля Джейхейриса, что Железный трон всегда будет оберегать и защищать Святую Веру. Так было навеки покончено с великим расколом между короной и Верой.

ДЕТИ ДЖЕЙХЕЙРИСА I МИРОТВОРЦА И ДОБРОЙ КОРОЛЕВЫ АЛИСАННЫ, ДОЖИВШИЕ ДО ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА

ПРИНЦ ЭЙМОН

Погиб в бою с мирийскими пиратами, захватившими восточную часть Тарта.

ПРИНЦ БЕЙЛОН, также прозывавшийся Весенним принцем (из-за сезона своего рождения) и Бейлоном Храбрым.

После того, как в 99 году от З.Э. септон Барт скончался во сне, десницей был назван сир Раэм Редвин, знаменитый рыцарь Королевской гвардии. Но его отвага и мастерское владение мечом и копьем, как оказалось, не соответствуют способностям к управлению. Менее чем через год сира Редвина на посту десницы сменил принц Бейлон, и служил превосходно. Но в 101 году от З.Э. на

охоте Бейлон стал жаловаться на боли в боку и через несколько дней умер от разрыва живота.

АРХИМЕЙСТЕР ВЕЙГОН

Вейгон, прозванный Бездраконным, был отдан Цитадели еще в детском возрасте. Став архимейстером, он носил кольцо, посох и маску из желтого золота.

ПРИНЦЕССА ДЕЙЛА

В 80 году от З.Э. Дейлу выдали замуж за лорда Родрика Аррена. Она скончалась родами, подарив мужу дочь Эйму.

ПРИНЦЕССА АЛИССА

Алисса была супругой своему брату Бейлону Храброму; впоследствии двоим ее сыновьям довелось носить короны.

ПРИНЦЕССА ВИЗЕРРА

Визерра, помолвленная с лордом Мандерли из Белой Гавани, умерла по несчастливой случайности вскоре после объявления о своем браке. Наделенная буйным и невоздержанным нравом, она упала с коня после того, как в подпитии устроила гонку на улицах Королевской Гавани.

СЕПТА МЕЙГЕЛЬ

Отданная Святой Вере, Мейгель стала септой и прославилась своим состраданием и даром целительства. После своей Второй ссоры Старый

король и королева Алисанна примирились в 94 году от З.Э. в основном благодаря ее заслугам. Мейгель выхаживала детей, заболевших серой хворью, но заразилась сама и в 96 году скончалась.

ПРИНЦЕССА СЕЙРА

Сейра, как и Мейгель, была отдана Святой Вере, однако нрав ее был совершенно не таков, как у сестры. Она сбежала из обители Матери, где служила послушницей, и пересекла Узкое море. Какое-то время она прожила в Лисе, затем обреталась в Старом Волантисе, где и окончила свои дни владелицей известного дома удовольствий.

ПРИНЦЕССА ГЕЙЛЬ (по прозвищу Зимнее дитя)

Недалекая разумом, но очень милая, Гейль была любимицей королевы Алисанны. Принцесса не появлялась при дворе с 99 года от З.Э., и полагали, будто она умерла во время Летней хвори. На самом же деле она утопилась в Черноводной после того, как странствующий певец совратил ее и бросил, оставив ей только растущее чрево.

Погрузившись в тоску после смерти Гейль, королева Алисанна последовала за ней в могилу менее чем через год.

ИЗ ЗАПИСЕЙ АРХИМЕЙСТЕРА ГИЛЬДЕЙНА

Дабы отпраздновать пятидесятый год правления короля Джейхейриса, в 98 г. от З.Э. в Королев-

ской Гавани провели воистину Великий турнир. И, вне сомнений, он также порадовал и сердце королевы, ибо туда явились все ее живущие дети, внуки и правнучка — принять участие в пирах и торжествах.

Истинно говорят, что никогда еще со времен Рока Валирии не видывали скопления столь многих драконов в одном месте и в один день. Последняя схватка, где рыцари Королевской гвардии сир Раэм Редвин и сир Клемент Крэбб сломали тридцать копий, прежде чем король Джейхейрис объявил победителями их обоих, была провозглашена наилучшим образцом рыцарского поединка, когда-либо виденного в Вестеросе.

Итак, самым серьезным затруднением последних лет царствования Джейхейриса явилось то обстоятельство, что возможных преемников-Таргариенов стало слишком много. Немилость судьбы оставляла Джейхейриса без явного наследника даже не единожды, а дважды — смерть Бейлона Храброго случилась в 101 году от З.Э. Чтобы разрешить вопрос наследования раз и навсегда, Джейхейрис созвал в том же году первый Великий совет — ради обсуждения возникшего осложнения всеми лордами королевства. Собрались они в Харренхолле, поскольку ни одному

другому замку было не под силу вместить такое множество знати, съехавшейся из всех уголков Вестероса. Великие и малые лорды прибыли со своими свитами из знаменосцев, рыцарей, конюших, оруженосцев и слуг. Еще больше людей шло вслед за ними — маркитанты и прачки, лоточники, кузнецы и возчики. В те несколько лун были поставлены тысячи шатров, вплоть до того, что призамковый городок Харрентон признали четвертым по величине городом королевства.

На том совете в итоге осталось лишь двое основных претендентов на престол (также выслушали притязания девятерых менее значимых наследников и отклонили их). Речь шла о Лейноре Веларионе, сыне принцессы Рейнис — та была старшей дочерью Эймона, старшего сына Джейхейриса — и принце Визерисе, старшем сыне Бейлона Храброго и принцессы Алиссы. Каждый из них обладал своими достоинствами. Первородство говорило в пользу Лейнора, а близость по крови — в пользу Визериса, который также был и последним принцем дома Таргариенов, седлавшим Балериона прежде смерти Черного Ужаса в 94 году от З.Э. Лейнор же лишь недавно обрел дракона — великолепное создание, которое назвал Морским Туманом. Но для многих

лордов королевства важнее было превосходство мужской линии над женской, не говоря уж о том, что Лейнор был просто семилетним мальчиком, тогда как Визерис — двадцатичетырехлетним принцем.

Но, вопреки всему, на стороне Лейнора было одно значительное преимущество: он доводился сыном лорду Корлису Веларионе, Морскому Змею, богатейшему человеку Семи Королевств. Морской Змей при рождении получил имя в честь сира Корлиса Веларионе, первого лорда-командующего Королевской гвардии, однако слава пришла к нему не по причине умелого обращения с мечом, копьем и щитом, а благодаря плаваниям по морям всего мира и новым открытиям. Сам лорд Корлис — потомок дома Веларионов, старинной семьи, происходящей из легендарной Валирии. Они пришли в Вестерос еще до Таргариенов (с чем согласны все историки), а их корабли в первых веках от Завоевания часто составляли основную часть королевского флота. Столь многие Веларионы занимали пост лорда-адмирала и мастера над кораблями, что служба эта считалась почти что наследственной.

Лорд Корлис уходил в далекие плавания — как на полдень, так и на полночь, а однажды даже

отправился на поиски известного лишь по слухам прохода сквозь северную часть Вестероса. Но после того, как ему довелось сыскать лишь огромные горы льда в замерзших морях, Велариона повернул своего «Ледяного волка» обратно.

А величайшие свои путешествия он совершил на судне «Морской змей», и впоследствии сам стал известен под этим именем. Многие вестеросские корабли доплывали до Кварта ради торговли шелком и пряностями, но лорд Корлис отважился двинуться еще дальше. Он достиг сказочных земель И-Ти и Лэнга, чьи богатства удвоили состояние дома Веларионов после единственного плавания.

На «Морском змее» было совершено девять путешествий, ставших знаменитыми. В последнем из них Корлис заполнил трюм корабля золотом, а в Кварте докупил еще два десятка кораблей и загрузил их пряностями, тончайшим шелком и слонами. Некоторые суда, увы, поглотило море, утонули также и слоны (по сведениям из «Девяти путешествий» мейстера Матиса), но оставшиеся сокровища сделали дом Веларионов богатейшим во всем королевстве — на какое-то время богаче и Ланнистеров, и Хайтауэров.

После смерти своего деда Корлис Велариона

принял титул лорда и воспользовался состоянием для возведения нового родового гнезда, названного им Высоким Приливом. Оно заменило отсырелый тесный замок Дрифтмарка, и там поместили Рифовый трон — высокое парадное кресло Веларионов, которое, согласно легенде, было даровано роду Подводным королем при заключении договора. На Дрифтмарке так вырос объем торговли, что возникли городки Спайстаун и Халл, на время ставшие важнейшими портами Черноводного залива, затмив даже Королевскую Гавань.

Слава, репутация и состояние лорда Корлиса сделали немало для поддержки притязаний Лейнора, его сына. На стороне Лейнора выступил и лорд Боремунд Баратеон, а вместе с ним и лорд Эллард[21] Старк, к ним также присоединились лорды Блэквуд, Бар-Эммон и Селтигар. Но все равно их оказалось слишком мало, большинство было против Лейнора. Хотя мейстеры, считавшие голоса, не выдали точных чисел, по слухам, на том Великом совете соотношение было двадцать к одному в пользу принца Визериса. И король, не присутствовавший на последних заседаниях Совета, назвал Визериса принцем Драконьего Камня.

ИЗ ЗАПИСЕЙ АРХИМЕЙСТЕРА ГИЛЬДЕЙНА

В глазах многих Великий совет 101 года от З.Э. установил неколебимое правило преемственности: невзирая на старшинство наследников, Железный трон Вестероса не может быть передан женщине, и не может быть передан через женщину ее потомству мужеска пола.

В свои последние годы его милость назвал десницей сира Отто Хайтауэра. Сир Отто прибыл в Королевскую Гавань с семьей, а среди его домочадцев была юная Алисента — способная девица пятнадцати лет, ставшая компаньонкой престарелого Джейхейриса. Она читала ему, заботилась о его питании, даже помогала принимать ванны и одеваться. Ходили толки, что порой его милость путал Алисенту с одной из своих дочерей. Менее добрые слухи называли ее любовницей короля.

Король Джейхейрис, первый этого имени, известный как Миротворец и Старый король (единственный из правителей дома Таргариенов, достигший столь преклонного возраста), мирно умер в своей постели в 103 году от З.Э., пока леди Алисента читала ему «Неестественную историю», написанную его другом Бартом. Старый король скончался, будучи шестидесятидевятилетним, и пятьдесят пять из этих лет он правил достойно

и мудро. Вестерос скорбел, и, говорят, даже в Дорне мужчины рыдали, а женщины рвали на себе одежды, оплакивая столь справедливого и доброго короля. Его прах смешали под Красным замком с прахом его возлюбленной, Доброй королевы Алисанны. И королевство с тех пор больше никогда не видывало подобных им.

Визерис I

После долгого и мирного правления Джейхейриса I Визерис унаследовал неколебимый престол, полную казну и доброе имя, которое его дед трепетно взращивал более пятидесяти лет. Таргариены никогда не бывали столь могущественны, как в царствование Визериса — от 103 до 129 года от З.Э. Династию пополнило больше принцев и принцесс крови, чем когда бы то ни было со времен Рока, и ни разу больше дом Таргариенов не обладал таким количеством драконов единовременно.

Но именно в те годы укоренились семена великой смуты Танца Драконов, порожденной главным образом самой венценосной семьей. В первые годы правления королю Визерису наибольшие хлопоты доставлял его родной брат, принц Деймон Таргариен. Принца отличали редкое непостоянство и обидчивость, но, кроме того — лихость, бесстрашие и любовь к опасным приключениям. Подобно Мейгору I, его посвятили в рыцари шестнадцатилетним, и сам король Джейхейрис I, отмечая доблесть принца, вложил

ему в руку клинок валирийской стали, Темную Сестру. На Великом совете Деймон выступал среди самых пылких сторонников Визериса. Он даже созвал небольшую армию из присяжных рыцарей и обычных латников, когда пошли слухи, будто Корлис Веларион снаряжает флот для защиты прав своего сына Лейнора. Тогда королю Джейхейрису удалось избежать кровопролития, но у многих осталось в памяти, как Деймон был готов решить дело битвой.

В 97 году от З.Э. Деймон сочетался браком с Реей Ройс — тогда девица была наследницей древнего Рунстоуна в Долине Арренов. Вполне достойная и выгодная партия, однако же Деймон нашел, что Долина ему не по вкусу, а жена нравится ему и того меньше. Очень скоро супруги отдалились друг от друга.

ИЗ ЗАПИСЕЙ АРХИМЕЙСТЕРА ГИЛЬДЕЙНА

В 97 году от З.Э., в царствование Старого короля, он женился на леди Рунного Камня, но брак не удался. Принц Деймон счел Долину Арренов унылой («В Долине мужчины совокупляются с овцами, — писал он. — Невозможно винить их. Здешние овцы более пригожи, нежели здешние дамы») и вскоре до такой степени проникся неприязнью к собственной леди-жене, что именовал ее

«бронзовой сукой» — памятуя о бронзовых латах с рунами, которые носили лорды дома Ройсов.

Союз этот оказался совершенно бесплодным, и Визерис принял Деймона в Красном замке, чтобы разделить с ним бремя власти (хотя на прошение принца о признании брака недействительным ответил отказом). Изначально брат короля служил мастером над монетой, затем — мастером над законами, но, в конце концов, главный соперник Деймона, десница Отто Хайтауэр, убедил Визериса удалить принца с этих постов. И в 104 году от З.Э. его милость назвал своего брата командующим городской стражей.

Принц Деймон улучшил выучку и оснащение подчиненных, в числе прочего выдал им золотистые плащи, по которым городскую стражу и сегодня называют именно «золотыми плащами». Он частенько присоединялся к своим людям при обходе города и весьма быстро стал известен и ничтожнейшим оборванцам, и богатейшим купцам, получив определенного рода мрачную славу завсегдатая притонов и борделей — причем услугами последних обыкновенно пользовался бесплатно. Преступность в городе резко упала, хотя и поговаривали, что причиной тому стало удовольствие, которое получал Деймон при выне-

сении суровых приговоров. Но те, кто процветал под его руководством, восхищались принцем, и Деймона в скором времени наделили прозвищем «Лорд Блошиного Конца». Несколько позже, когда Визерис отказал ему в титуле принца Драконьего Камня, Деймон стал звать себя «Принцем Королевской Гавани». Именно в столичных борделях он нашел себе возлюбленную — лиснийскую плясунью с очень светлой кожей по имени Мисария, чей вид и репутация заставляли знавшихся с ней блудниц именовать ее то Бледной Пиявкой, то Лисарией. Позже, при Деймоне у власти, она стала мастером над шептунами.

Ходили слухи, будто Деймон поддержал своего брата на Великом совете, поскольку верил, что станет ему наследовать. Однако, по мнению короля, наследник у него уже имелся: Рейнира, его единственная дочь от королевы Эймы, двоюродной сестры Визериса из дома Арренов. Рейнира родилась в 97 году от З.Э., и его милость души не чаял в девочке, повсюду брал ее с собой — даже на заседания Малого совета, где он поощрял ее хорошенько смотреть и слушать. Двор любил принцессу не меньше, чем отец, и отдавал дань ее талантам. Певцы даже нарекли девочку Отрадой Королевства, поскольку та была бойким и

не по годам смышленым ребенком. Семилетняя, она уже стала драконьей всадницей и летала на драконице Сиракс, названной по имени одного из древних валирийских богов.

В 105 году от З.Э. королева Эйма наконец-то родила сына, чье появление на свет так долго ожидалось. Однако же ее милость скончалась родами, а мальчик, названный Бейлоном, пережил ее всего на день. К тому времени Визерис уже был по горло сыт раздорами из-за престолонаследия. Пренебрегая решениями как Джейхейриса в 92 году, так и Великого совета в 101 году от З.Э., он провозгласил Рейниру принцессой Драконьего Камня и своей наследницей. Тому сопутствовала пышная церемония, в ходе которой сотни лордов преклонили колено, присягая принцессе, сидящей у ног отца. Принца Деймона среди таковых не было.

В том же 105 году случилось еще одно знаменательное событие: в Королевскую гвардию был принят сир Кристон Коль. Рожденный в 82 году от З.Э., сын стюарда, служившего дому Дондаррионов из Черного Приюта, сир Кристон завоевал внимание двора на турнире в Девичьем Пруду в честь празднования восшествия Визериса на престол, где он выиграл общую схватку и стал

вторым в поединках.

Черноволосый, зеленоглазый и весьма пригожий, он привел в восхищение придворных дам, а принцессу Рейниру — более всех остальных. Она по-детски привязалась к нему, называла его «мой белый рыцарь» и умоляла отца сделать сира Кристона ее личным защитником, на что его милость дал согласие. С тех пор Коль всегда находился при Рейнире, а на ристалищах носил ее знак отличия. В более поздние годы рассказывали, будто принцесса на своего защитника положила глаз, однако имеются причины не считать такое утверждение целиком верным.

Положение несколько осложнилось после того, как король Визерис, поощряемый сиром Отто Хайтауэром, объявил о своем намерении жениться на леди Алисенте, дочери сира Отто и бывшей сиделке Старого короля. По большей части, государство с восторгом приняло этот союз. Рейнира, уверенная в своем положении наследницы, привечала новую невесту отца — свою давнюю знакомую. Однако же не все разделяли радость. На Дрифтмарке лорд Корлис и принцесса Рейнис убедились, что их дочь Лейна отвергнута королем, а в Долине принц Деймон, по слухам, высек слугу, принесшего ему известие об упомянутой

свадьбе.

Одним из плодов брака короля Визериса и Алисенты стало объединение принца Деймона с Морским Змеем. Устав ждать короны, видевшейся ему все более далекой, Деймон решился своими руками выкроить себе державу. Корлис Веларион присоединился к нему из-за тех грабежей, которые творило Королевство Трех Дочерей, иногда также называемое Триархией — содружество Лиса, Мира и Тироша, родившееся из их успешного союза против Волантиса. Изначально единение городов приветствовалось в Семи Королевствах, но спустя недолгое время оно стало невыносимей низвергнутых пиратов и корсаров.

Сражения начались в 106 году от З.Э.; Морской Змей предоставил флот, а Деймон — Караксеса и свое умение командовать войском. Под знамена принца стеклись младшие сыновья и безземельные рыцари, а король Визерис посодействовал войне, прислав золото для найма людей и сбора припасов.

В течение двух лет победа следовала за победой. Венцом их стала гибель мирийского князя, адмирала[22] Крагхаза Драхара, прозванного Кормильцем Крабов, в поединке с принцем Деймоном. (Узнав, что Деймон в 109 году от З.Э.

провозгласил себя королем Узкого моря, Визерис I, по слухам, высказался так: брат-де может оставить себе корону, если это «убережет его от беды».) Впрочем, заявления об успехах оказались преждевременными. В следующем году Три Дочери заново собрали флот и войско, а Дорн примкнул к Триархии в ее войне против крохотного государства, взращенного Деймоном.

В 107 году от З.Э. Алисента родила Визерису мальчика, названного Эйгоном, и его милость обрел долгожданного сына. За Эйгоном последовала Хелейна, его сестра и будущая невеста, а за ней — еще один сын, Эймонд. Но появление на свет мальчика означало, что порядок престолонаследия вновь поставлен под сомнение — и не в последнюю очередь самой королевой, как и десницей, ее отцом, желавшими увидеть своих потомков возвысившимися над кровью Эймы. Но сир Отто преступил границы дозволенного, и в 109 году от З.Э. его сменил лорд Лионель Стронг, ранее умело служивший мастером над законами. Для короля Визериса все было давно решено: наследницей является Рейнира. Слышать возражения он не желал — пусть дело шло даже вразрез с указами Великого совета 101 года, во всех случаях ставившего мужчину перед жен-

щиной.

С тех самых дней сохранившиеся свидетельства и письма и начинают сообщать о «партии королевы» и «партии принцессы». А благодаря турниру, прошедшему в 111 году от З.Э., они становятся известны под более простыми названиями: зеленые и черные. По рассказам, на этот турнир королева Алисента надела прелестный зеленый наряд, в то время как Рейнира не оставила ни капли сомнений в своих правах наследницы, облачившись в цвета дома Таргариенов — черное платье, отделанное красным. Тот же турнир отметился возвращением с войны Деймона Таргариена, короля Узкого моря. На голове его была корона, но, едва Караксес приземлился, Деймон преклонил колено перед братом и, сняв венец, протянул его королю в знак вассального повиновения. Визерис поднял Деймона с колен, вернул ему корону и расцеловал в обе щеки — вопреки разладу меж ними, его милость действительно любил своего брата. Собравшиеся на турнире ликовали, однако никто не мог перекричать Рейниру, обожавшую своего лихого дядю. Возможно, даже больше, чем следует... хотя наши источники весьма разноречивы.

Но всего лишь через несколько лун Деймон

был изгнан. Что же послужило причиной? Свидетельства полностью расходятся. Одни, к примеру, Рунцитер и Манкан, предполагают, будто бы король Визерис и король Деймон поссорились (ведь братская любовь редко является преградой для размолвок), и поэтому Деймон удалился сам. По словам других, королева Алисента (возможно, наученная сиром Отто) убедила Визериса, что Деймона необходимо отослать. Но только два источника описывают этот случай достаточно пространно.

Труд септона Юстаса «Правление короля Визериса, первого сего имени, и Танец Драконов, что за ним воспоследовал» был написан им после завершения войны. Хотя произведение его пресно и тяжело для чтения, Юстас, безусловно, обладал доверием Таргариенов и точно знал, о чем писал. «Свидетельства Грибка» — разумеется, дело иное. Карлик трех футов роста с непомерно огромной головой (и вдобавок непомерно огромным членом, если верить его словам), Грибок был королевским шутом и считался не слишком разумным. Именно поэтому придворные никогда не стеснялись свободно высказываться в его присутствии. «Свидетельства» представляют собой описание событий тех лет, когда шут находил-

ся при дворе, а изложены неведомым писцом. Книга полна россказней Грибка о заговорах и смертоубийствах, изменах и блуде, и прочем в том же роде — да еще и с самыми откровенными подробностями. Повествования септона Юстаса и Грибка зачастую противоречат друг другу, но порой в них отыскиваются удивительные совпадения.

Юстас заявляет, будто бы Деймон и принцесса Рейнира были застигнуты вдвоем на ложе сиром Арриком Каргиллом, что и заставило Визериса отлучить брата от двора. Грибок же рассказывает иную повесть. По его словам, Рейниру интересовал лишь сир Кристон Коль, но рыцарь отвергал знаки ее внимания. И тогда дядя Рейниры предложил ей обучение любовному искусству, чтобы принцесса могла сподвигнуть добродетельного сира Кристона на измену своим обетам. Но, когда она уже была готова осуществить задуманное, рыцарь — который, как клянется Грибок, был целомудрен и добродетелен, как старая септа — исполнился ужаса и отвращения. Король довольно скоро услышал о случившемся. И какая бы из версий ни была правдива, мы знаем, что Деймон просил руки Рейниры, если Визерис согласится расторгнуть брак принца с леди Реей.

Его милость отказал и вместо того выслал Деймона из Семи Королевств, запретив возвращаться под страхом смерти. Деймон повиновался. Он вернулся на Ступени и продолжил там свою войну.

В 112 году от З.Э. скончался сир Гаррольд Вестерлинг, и вместо него лордом-командующим Королевской гвардии был назван сир Кристон Коль. А в 113 году от З.Э. принцесса Рейнира достигла совершеннолетия. В предыдущие несколько лет за ней ухаживали многие (среди таковых был и наследник Харренхолла, сир Харвин Стронг, прозванный Костоломом и считавшийся самым могучим рыцарем королевства). Ее осыпали подарками — как близнецы сир Джейсон и сир Тиланд Ланнистеры из Утеса Кастерли; слагали песни о ее красоте; даже дрались из-за нее на поединках — как сыновья лордов Блэквуда и Бракена. Велись и речи о возможной свадьбе с принцем Дорнийским ради объединения, наконец, двух государств. Королева Алисента (и, конечно, ее отец сир Отто), естественно, стремилась просватать сына, принца Эйгона, хотя тот был намного моложе. Но единокровные брат и сестра никогда не ладили, а Визерис понимал, что королева желает брака больше из желания возвысить сына, а не ради любви Эйгона к Рейнире.

Презрев все эти сватания, его милость обратился к Морскому Змею и принцессе Рейнис, чей сын некогда был ему соперником на Великом совете 101 года. Лейнор наследовал драконью кровь от обоих родителей и уже владел собственным драконом — великолепным серо-белым красавцем, которого звал Морским Туманом. Безусловно, такой брак являлся наилучшим способом для объединения сторон, противостоявших друг другу на том совете. Тем не менее, имело место одно осложнение: в свои девятнадцать лет Лейнор предпочитал общество оруженосцев-одногодков, и, как говорили, никогда не сближался с женщиной и не обзавелся ни единым бастардом. Однако же, по слухам, великий мейстер Меллос по этому поводу лишь обронил: «И что с того? Я не любитель рыбы, но когда ее подают к столу, я же ем».

Рейнира придерживалась совершенно иного мнения. Возможно, она надеялась сочетаться браком с принцем Деймоном, как утверждает септон Юстас, или же соблазнить Кристона Коля, как рьяно доказывает Грибок. Но Визерис и слышать ничего не желал, и на все ее протесты счел нужным лишь заметить следующее: при отказе принцессы от брака король пересмотрит порядок престолонаследия. Сразу за этим последовал

окончательный разрыв между сиром Кристоном Колем и Рейнирой, хотя нам по сей день неведомо, кто именно дал к тому повод. Пыталась ли принцесса вновь соблазнить рыцаря? Или, наконец, когда стало ясно, что Рейнире предстоит замужество, Кристон осознал свою любовь и дерзнул убедить принцессу сбежать с ним?

Дать ответ мы не можем. Не можем и сказать, есть ли хоть доля истины в заявлении, будто Рейнира, оставленная Колем, отдала свое девичество (если, конечно, сберегла его до тех пор) сиру Харвину Стронгу, рыцарю куда менее щепетильному. Грибок твердит, будто бы сам застал их в постели, однако половине его рассказов верить нельзя, а доверять другой половине нет никакого желания. С уверенностью можно лишь поведать, что в 114 году от З.Э. принцесса Рейнира и недавно посвященный в рыцари Лейнор сочетались браком. Согласно обычаю, по случаю торжеств был устроен турнир, и на ристалище у Рейниры был новый поединщик — Костолом, а сир Кристон тогда впервые надел знак отличия королевы Алисенты. И в описании схваток лорда-командующего все свидетели единодушны: Коль сражался, будучи в черной ярости, и потому одолел всех соперников. Сир Кристон раздробил

Костолому ключицу и локоть (после чего Грибок одарил последнего прозвищем «Костоломаный»), но куда более страшные раны нанес любимцу Лейнора — миловидному рыцарю Джоффри Лонмауту, прозванному Рыцарем Поцелуев. Сира Джоффри унесли с поля бесчувственного и окровавленного. Он умирал в течение шести дней, прежде чем отмучился, оставив Лейнора лить горькие слезы скорби.

После случившегося сир Лейнор отбыл на Дрифтмарк, и кое-кто принялся гадать, смог ли тот консумировать свой брак. Рейнира и ее супруг проводили большую часть времени порознь: она жила на Драконьем Камне, а он — на Дрифтмарке. Но если королевство и было озабочено отсутствием наследников, то долго тревожиться не пришлось. На исходе 114 года от З.Э. Рейнира произвела на свет здорового мальчика, которого назвала Джекейрисом (а не Джоффри, как надеялся сир Лейнор). В кругу семьи и друзей малыша называли Джейсом. И все же... Рейнира была от крови дракона, сир Лейнор также отличался орлиным носом, тонкими чертами лица, серебристо-белыми волосами и лиловыми глазами, подтверждавшими его валирийское происхождение. Откуда же тогда у Джекейриса взялись

курносый нос, каштановые волосы и карие глаза? Люди смотрели на все это, затем переводили взгляд на дюжего сира Харвина Стронга, ныне предводителя черной партии и постоянного спутника Рейниры... и призадумывались.

За годы супружества с сиром Лейнором Веларионом Рейнира выносила еще двоих сыновей — Люцериса (прозванного Люком) и Джоффри. Оба с рождения были рослыми и крепкими, обладали каштановой шевелюрой и вздернутыми носами — ничего из этого не имелось ни у Рейниры, ни у Лейнора. Среди зеленых велись разговоры, что мальчики — явно сыновья Костолома, и многие сомневались в их возможности стать драконьими всадниками. Тем не менее, по приказу его милости всем малышам в колыбель положили по драконьему яйцу, и все они проклюнулись. Так на свет появились драконы Вермакс, Арракс и Тираксес. Король, в свою очередь, пропускал слухи мимо ушей, ибо его намерение сохранить наследство за Рейнирой было нерушимо.

Четыре трагедии 120 года от З.Э. послужили причиной тому, что он запомнился как Год Красной весны (не путать с Красной весной 236 года), поскольку именно тогда был заложен краеугольный камень Танца Драконов. Первой из бед стала

гибель Лейны Веларион, сестры Лейнора. Некогда предлагаемая в невесты Визерису, она стала женой Деймону в 115 году от З.Э. — после того, как его первая супруга принца, леди Рея, погибла на охоте в Долине. (Деймон тем временем пресытился Ступенями и сложил с себя корону; после него еще пятеро человек носили титул короля Узкого моря, пока это наемничье «королевство» не исчезло навсегда.)

До своего замужества с Деймоном Лейна была почти десятилетие помолвлена с сыном бывшего Морского владыки Браавоса, но юноша промотал состояние отца, утратил влияние и стал не более чем приживалом в Высоком Приливе и обузой для лорда Корлиса. Деймон, прибыв на Дрифтмарк после смерти супруги и увидев Лейну (про которую говорили, что та необыкновенно мила), будучи наедине с Морским Змеем, заговорил о женитьбе — никакого удивления это не вызывает. И немногое время спустя принц раздразнил браавосского жениха столь безжалостно, что молодой человек вызвал его на поединок.

Таким был конец расточительного отпрыска Морского владыки.

Лейна подарила Деймону двух дочерей-близнецов, Бейлу и Рейну. Хотя сначала Визерис и

был возмущен этим браком, свершившимся без его согласия, он все же разрешил Деймону представить дочерей ко двору в 117 году от З.Э., вопреки возражениям своего Малого совета. Король по-прежнему любил брата и, быть может, надеялся, что отцовство смирит его нрав. В 120 году Лейна, ожидая ребенка, вновь слегла в постель и позже родила сына, о котором Деймон всегда мечтал. Но дитя, вышедшее из ее чрева, оказалось искривленным уродцем. В недолгий срок после рождения мальчик скончался, вскоре угасла и Лейна.

Ее родители, лорд Корлис и принцесса Рейнис, в том же году получили и более тяжкий повод для стенаний. Они еще скорбели по дочери, когда Неведомый забрал их сына. Все до единого сходятся во мнении, что Лейнор был убит, когда посещал ярмарку в Спайстауне. Юстас обвиняет сира Кварла Корри, друга и компаньона Лейнора (и любовника, как иным хотелось бы заявить). Септон уверяет, что между ними возникла ссора, поскольку Лейнор собирался бросить Корри ради нового любимца. Обнажились клинки, и Лейнор был сражен. Сир Кварл скрылся, и больше его никогда не видели. Грибок, однако, предлагает нам более мрачную байку: якобы принц Деймон

заплатил Корри за убийство Лейнора, желая освободить Рейниру для себя.

Третьим несчастьем стала отвратительная склока между сыновьями Алисенты и Рейниры. Разразилась она в тот день, когда Эймонд Таргариен, еще не имевший дракона, дерзнул завладеть Вхагар (та ранее принадлежала покойной Лейне). Тычки и отпихивания сменились кулаками, едва Эймонд в насмешку стал дразнить сыновей Рейниры Стронгами — но тут юный принц Люцерис выхватил нож и вонзил лезвие в глаз Эймонду. Впоследствии Эймонд стал известен под прозвищем Одноглазый, а Вхагар с той поры принадлежала ему. (Годы спустя он нашел возможность отомстить за потерю глаза, хотя из-за того королевство истекло кровью.)

В конце концов, Визерис попытался примирить стороны, и ради этого объявил, что всякий усомнившийся в отцовстве детей Рейниры, будь то мужчина или женщина, лишится языка. Затем он повелел Алисенте вместе с ее сыновьями вернуться в Королевскую Гавань, Рейнире же со своими — остаться на Драконьем Камне, чтобы те не смогли возобновить ссору. На остров также было велено отправиться сиру Эррику Каргиллу как личному защитнику Рейниры. Он занял ме-

сто сира Харвина Стронга, которого отослали в Харренхолл.

Последней же бедой стал пожар в Харренхолле, унесший жизни лорда Лионеля и сира Харвина, его сына и наследника. Кто-то может счесть эту трагедию наименьшей, но так скажут лишь невежды. Визерис, ныне уже старый и утомленный, все меньше интересовавшийся делами управления, остался без десницы; Рейнира же лишилась и супруга, и, если верить слухам, любовника. Одни источники видят здесь только несчастный случай и ничего более, но другие предполагают злой умысел. Иные верят, что Ларис Косолапый — один из дознавателей короля и младший сын лорда Лионеля — мог подстроить пожар, чтобы завладеть Харренхоллом. Есть даже истории, намекающие, будто за случившимся стоял сам принц Деймон.

Король, вместо выбора нового человека на высокую должность, по настоянию Алисенты вызвал из Староместа сира Отто Хайтауэра и вновь назвал его десницей. А принцесса, вместо оплакивания покойного супруга, наконец вышла замуж за своего дядю, и уже в последние дни 120 года от З.Э. одарила Деймона первым сыном. Мальчика назвали Эйгоном, в честь Завоевателя.

(По слухам, королева Алисента, узнав об этом, пришла в ярость, поскольку и ее старший сын носил имя первого короля всего Вестероса. Оба мальчика стали известны как Эйгон Старший и Эйгон Младший.) В 122 году от З.Э. у Рейниры и Деймона родился второй сын, Визерис. Он оказался не столь крепок здоровьем, как Эйгон Младший или его единоутробные братья Веларионы, зато рос не по годам смышленым. Тем не менее, драконье яйцо, помещенное в его колыбель, не проклюнулось, и нашлись те, кто счел это дурным знаком.

Так и обстояли дела вплоть до судьбоносного дня кончины Визериса в 129 году от З.Э. Его сын, Эйгон Старший, был женат на своей сестре Хелейне, и та родила близнецов Джейхейриса и Джейхейру (последняя была странным ребенком, росла медленно, никогда не плакала и не смеялась, как присуще всем детям), а в 127 году — еще одного сына, названного Мейлором. На Дрифтмарке разболелся и слег в постель Морской Змей. Визерис I, будучи уже на склоне лет, но все еще сохраняющий крепкое здоровье, в 128[23] году от З.Э. после заседания суда поранился о Железный трон. В рану проникла опасная зараза, и в итоге мейстеру Орвилю[24] (сменившему мейстера

Меллоса годом ранее) пришлось отсечь королю два пальца. Но и этого было недостаточно. Закончился 128 год, и наступил 129, а его милости становилось только хуже.

На третий день третьей луны 129 года от З.Э. король со своего ложа забавлял Джейхейриса и Джейхейру рассказом о том, как их прапрадед и его королева бились за Стеной с великанами, мамонтами и одичалыми. Завершив повествование, его милость утомился и отослал внуков прочь, затем погрузился в сон и уже никогда не проснулся. Визерис I правил в течение двадцати шести лет, ставших эпохой наивысшего расцвета в истории Семи Королевств, однако она же таила в себе семена и сокрушительного падения дома Таргариенов, и гибели последних драконов.

Эйгон II

Никогда не случалось более лютой, более кровопролитной войны, чем Танец Драконов, как певцы и Манкан сочли нужным прозвать сквернейшую из войн — между братом и сестрой. Вопреки тому, что Визерис I неизменно предпочитал Рейниру, королева Алисента и Малый совет убедили принца Эйгона надеть отцовскую корону даже прежде, чем остыло тело его милости. Рейнира, принцесса Драконьего Камня, узнав о случившемся, пришла в неистовство. Тогда она находилась на Драконьем Камне в ожидании того дня, когда сможет подарить принцу Деймону третьего ребенка.

ИЗ ЗАПИСЕЙ АРХИМЕЙСТЕРА ГИЛЬДЕЙНА

На Драконьем Камне криков радости не звучало. Напротив, по чертогам и лестницам башни Морского Дракона эхом отдавались вопли. Они исходили из покоев королевы, где Рейнира Таргариен тужилась и содрогалась в родовых муках уже третий день. Дитя ожидалось не ранее следующей луны, но вести из Королевской Гавани привели принцессу в черную ярость. Сей гнев, веро-

ятно, и вызвал роды, будто бы дитя внутри нее также было разъярено и стремилось выбраться наружу. Все время, пока длились роды, принцесса выкрикивала проклятья, призывая гнев богов на единокровных братьев и их мать-королеву; она расписывала, каким пыткам подвергнет их, прежде чем дозволит умереть. По словам Грибка, она проклинала также и ребенка внутри себя:

— Вылазь! — кричала принцесса, царапая свой вздутый живот, пока мейстер и повитуха пытались сдержать ее. — Выбирайся, чудище, выбирайся вон, вон, ВОН!

Когда дитя, наконец, появилось на свет, то действительно оказалось чудовищем: мертворожденная девочка, искривленная и неправильно сложенная, с дырой в груди на месте сердца и коротким и толстым чешуйчатым хвостом. Во всяком случае, так ее описывает Грибок. Карлик заявляет, что именно ему довелось отнести крохотное создание во двор, дабы сжечь. Умершую девочку собирались наречь Висеньей — так объявила принцесса Рейнира на следующий день, когда маковое молоко притупило остроту ее боли:

— То была моя единственная дочь, а ее убили. Они украли у меня корону и погубили дочь. И они

за все ответят!

Едва поднявшись с родильного ложа, Рейнира принялась готовиться к войне. И у нее, и у Алисенты в числе сподвижников и родичей пребывали великие лорды королевства, к тому же у каждой партии были драконы. Разумеется, это вело прямиком к страшным бедствиям — в итоге именно так и вышло. В королевстве пролилось столь много крови, сколь никогда не проливалось ранее, и позже для затягивания всех ран потребовалось немало лет.

В самом начале войны Эйгона поддерживали лорд Хайтауэр, лорд Ланнистер и, впоследствии, лорд Баратеон. Лорд Талли также изъявил желание сражаться за короля, однако он был прикован к постели по причине старческой немощи, а внук лорда отказал деду в повиновении. Рейнире же основную помощь оказали ее тесть лорд Веларион, ее кузина леди Джейн Аррен, а также лорд Старк, хотя помощь последнего и запоздала (он удерживал каждого человека, желая собрать весь возможный урожай, прежде чем на Север падет зима). Кроме того, лорд Грейджой от имени Рейниры начал разорять Западные земли, чем поразил короля Эйгона — тот сам рассчитывал на поддержку Железных островов. Позже к Рей-

ниpe присоединились и Талли, вопреки желанию покойного лорда. Тиреллы же, как и дорнийцы, в ход войны не вмешивались.

Пожалуй, мы можем отбросить утверждения Грибка про королеву Алисенту — якобы та сама приблизила кончину супруга, бросив «щепотку яда» в его вино. Но нет никаких сомнений в том, что первая кровь, пролитая в Танце, принадлежала престарелому мастеру над монетой, лорду Бисбери, поскольку тот настаивал на коронации Рейниры как истинной наследницы Визериса. Разнятся лишь подробности о том, как было покончено с этим недовольным. Одни уверяют, что мастер над монетой, будучи брошенным в темницы Красного замка, застудился и умер; другие заявляют, будто Кристон Коль (лорд-командующий Королевской гвардии, которого вскоре назовут Делателем королей) перерезал Бисбери горло прямо за столом на совете. Грибок же, не согласный с этими мнениями, полагает, что Коль выбросил того из окна — но следует помнить о самом Грибке, в то время находящемся вместе с Рейнирой на Драконьем Камне. И смерть Бисбери оказалась далеко не последней в те первые дни Танца, а самыми прискорбными деяниями стали убийства юных принцев: Люцериса Веларионa,

сына Рейниры, и Джейхейриса, сына и наследника Эйгона.

Гибель Люка Велариона свершилась на глазах множества людей в Штормовом Пределе, и свидетельства о ней по большей части меж собой сходны. Отправленный своей матерью в Штормовой Предел, чтобы заручиться поддержкой лорда Борроса, Люцерис по прибытии обнаружил в замке принца Эймонда Таргариена, оказавшегося там раньше. Эймонд был старше, сильнее, безжалостнее — и страстно ненавидел юношу, поскольку именно Люцерис оставил его без глаза девять лет назад. Лорд Боррос не дал Эймонду утолить жажду мщения в своих залах, но отметил, что не его забота все то, что произойдет за пределами замка. Тогда принц Эймонд, оседлав Вхагар, погнался за Люцерисом, спасавшимся бегством на своем юном драконе Арраксе. И Люк, и его дракон — которому препятствовала гроза, бушевавшая за стенами Штормового Предела — погибли, рухнув в море на расстоянии взгляда от замка.

Рейниру, в чем согласны все источники, известие о случившемся попросту раздавило, чего не скажешь о Деймоне Таргариене, отчиме молодого всадника. В письме, отосланном принцем на

Драконий Камень после получения вестей о кончине Люка, были слова: «Око за око, сын за сына. Люцерис будет отомщен». Он оставался Принцем Королевской Гавани и по-прежнему имел достаточно друзей в притонах и борделях города, а первейшей среди таковых была его прежняя любовница, Мисария Бледная Пиявка. Эта особа поспособствовала мести Деймона, наняв головореза и крысолова, оставшихся в истории как Кровь и Сыр. Крысолову, благодаря его ремеслу, были ведомы все тайны туннелей Мейгора, и по ним Кровь и Сыр проскользнули в Красный замок. Там они захватили королеву Хелейну с детьми... после чего предложили супруге Эйгона II страшный выбор: кому из ее сыновей умереть? Она и рыдала, и молила, и предлагала собственную жизнь, но тщетно, и под конец назвала имя Мейлора — младшего, слишком крохотного, чтобы понимать происходящее. Но Кровь и Сыр вместо этого под крики ужаса матери умертвили принца Джейхейриса, после чего сбежали, забрав с собой его голову — верные своему обещанию сгубить лишь одного сына Эйгона.

Увы, в той долгой и жестокой войне совершались и другие убийства. Как ни достойна сожаления смерть Джейхейриса, гибель малень-

кого принца Мейлора, не намного пережившего брата, была еще горше. Сиру Рикарду Торну из Королевской гвардии было поручено втайне перевезти дитя в Старомест, где мальчика надежно укрыли бы в Высокой башне. Однако в Горьком Мосту рыцаря остановила и затоптала толпа, и каждый человек в ней изо всех сил стремился заполучить Мейлора себе, из-за чего малыша разорвали на части. А когда лорд Хайтауэр в отмщение сровнял Горький Мост с землей и пришел свершить правосудие над леди Касвелл, та, испросив милосердия для своих детей, сама повесилась на стенах замка.

В распрю оказались вовлечены даже королевские гвардейцы. Кристон Коль отправил сира Аррика Каргилла на Драконий Камень с приказом проникнуть в цитадель под видом своего близнеца, сира Эррика. Там ему предстояло убить Рейниру (или ее детей; тут сведения разнятся). Но случаю было угодно, чтобы и Эррик, и Аррик встретились в одном из залов замка — по чистому совпадению. Певцы уверяют, будто они признались в братской любви друг к другу, прежде чем скрестить мечи, и добрый час бились с любовью и долгом в их сердцах, пока не умерли, рыдая в объятиях друг друга. Свидетельство Грибка,

заявляющего, будто сам видел их поединок, гласит о куда более безжалостной истине: каждый назвал брата предателем, после чего в считанные мгновенья они нанесли друг другу смертельные раны.

В те же дни сир Кристон решил покарать «черных лордов» — тех знаменосцев Королевских земель, что сохранили преданность Рейнире. Росби, Стокворт и Сумеречный Дол пали перед ним, но в Грачином Приюте лорд Стонтон заранее получил известие о наступлении Коля. Не вступая в сражение, он заперся в замке и отправил на Драконий Камень ворона с просьбой о помощи.

Помощь прибыла в обличье принцессы Рейнис (пятидесяти пяти лет, но бесстрашной и исполненной решимости, какой была и в юности) и ее дракона Мелеис, Красной Королевы. Но и Коль явился с драконами — над полем боя реял сам Эйгон II на Солнечном Огне, а с ним его брат Эймонд Одноглазый на Вхагар, величайшем драконе той поры.

Принцесса Рейнис, как сообщают, отнюдь не дрогнула при виде противников. С ликующим кличем Почти Королева щелчком кнута послала Мелеис ввысь, прямо на врагов. Лишь Вхагар и Эймонд вышли из той битвы невредимыми:

Солнечный Огонь был искалечен, а его милость уцелел чудом, сломав ребра, бедро и получив ожоги половины тела. Хуже всего пришлось левой руке, поскольку там огонь дракона вплавил доспех короля в его плоть. Тело Рейнис нашли несколькими днями позднее среди останков Красной Королевы — оно обгорело так, что стало неузнаваемым.

Весь следующий год своего царствования Эйгон провел на ложе болезни, исцеляясь от немыслимых увечий, война между тем продолжала бушевать. И пусть его милость обладал немалыми преимуществами в противостоянии со старшей сестрой, мощь драконов не была в их числе. В начале войны он располагал лишь четырьмя драконами, достаточно крупными для сражений. А у Рейниры насчитывалось восемь, к тому же ей были доступны еще и другие, в первую очередь — те три старых дракона, которым еще предстояло быть оседланными новыми всадниками. Речь идет о Среброкрылой, в старину летавшей под седлом Доброй королевы Алисанны; Морском Тумане, бывшем гордостью сира Лейнора Веларио-на; Вермиторе, не знавшем седла после смерти короля Джейхейриса. Также было три диких дракона, что могли быть приручены, если отыскать

для них наездников: Каннибал, со слов простонародья, обитавший на Драконьем Камне еще до прихода Таргариенов (хотя Манкан и Барт сомневаются в истинности такого утверждения); Серый Призрак, чуравшийся людей и кормившийся выловленной им в море рыбой; и Овцекрад, бурый и невзрачный, предпочитавший питаться овцами, которых ему удавалось выкрасть из овчарен. Принц Джекейрис объявил (по наущению Грибка, если верить его «Свидетельствам»), что всякий, будь то мужчина или женщина, отыскавший способ стать всадником для одного из этих драконов, войдет в благородное сословие.

На Драконьем Камне, где Таргариены властвовали издавна, простонародье смотрело на своих прекрасных чужеземных повелителей почти как на богов. Многие девицы, лишенные невинности лордами правящего дома, считали себя благословленными, если после того им удавалось понести «отпрыска дракона». По этой причине на острове было достаточно людей, по праву заявлявших — или хотя бы подозревавших — что в их жилах течет сколько-то крови драконьих владык.

Оседлать драконов, находившихся на острове, старались многие. Наиболее опасными были

дикие драконы, и неудивительно, что сначала нашлись всадники для зверей, некогда уже летавших под седлом. Одним из новых наездников стал Аддам из Халла — отважный и благородный юноша. Его (вместе с братом Алином) привела попытать счастья с драконом их мать, Марильда из Халла. Она открыто признала, что братья были сыновьями Лейнора Веларионa — немало людей нашли это удивительным, но лорд Корлис в том не усомнился и принял обоих в дом Веларионов.

Грибок выдвигает более правдоподобную версию происхождения Аддама и Алина: отцом обоих мальчиков был сам лорд Корлис. Дети рождены были в ту пору, когда Веларион проводил свои дни на верфях Халла — как раз там и плотничал отец Марильды. Мальчики оставались непризнанными, их держали вдали от двора при жизни Почти Королевы с ее огненным нравом. Но после гибели супруги лорд Корлис воспользовался возможностью признать их... некоторым образом.

Аддам подчинил Морского Тумана — дракона сира Лейнора. Увы, его брату Алину сопутствовал меньший успех, и до конца своих дней ему пришлось носить на собственных ногах и спине отметины от пламени Овцекрада.

Тот, в конце концов, был приручен Крапивой

— невзрачной особой низкого происхождения и скверной репутации. Девица день за днем скармливала дракону овец, пока зверь к ней не привык. Овцекрад и его всадница в этой войне сыграли определенную роль, однако верность Крапивы не столь очевидна — если брать в сравнение отважного сира Аддама. Любовная связь Крапивы и Деймона окончательно вбила клин между Рейнирой и ее лордом-супругом. Девица (Деймон ее ласково называл Нетти) пережила и своего принца, и его жену. Крапива и Овцекрад пропали еще до окончания войны, и о том, куда они направились, долгие годы никто не мог сказать.

Но из всех новых драконьих всадников худшими оказались двое: пьянчуга с прозвищем Ульф Пропойца, при посвящении в рыцари взявший себе имя Ульф Белый, а также рослый и могучий бастард кузнеца, известный как Хью Молот или Крепкий Хью. Получив рыцарство, он стал называть себя сиром Хью Молотом. Не довольствуясь честью летать на Среброкрылой и Вермиторе, они жаждали знатности и богатства. Проведя одно сражение на стороне Рейниры, Ульф и Хью вывернули свои плащи[25] в Первой битве при Тамблтоне в обмен на титулы лордов. После случившегося их заклеймили как Двух Изменников.

Оба сгинули жалкой смертью — их убили люди, которые, по их мнению, были им обязаны; одного отравили вином, другого сразил клинок Храброго Джона Рокстона — Оставляющий Сирот.

Когда Рейнира узнала о предательстве Хью Молота и Ульфа Белого при Первом Тамблтоне, где те обратили своих драконов против ее войск, то впала в такой гнев, что попыталась арестовать прочих драконьих отпрысков, ранее оседлавших драконов по ее приказу. Среди таковых был и Аддам Веларион, но, будучи предупрежден Морским Змеем, он смог спастись.

Юный сир Аддам геройски погиб при Втором Тамблтоне, доказав ценой жизни свою верность, поставленную под сомнение деяниями Двух Изменников. Надпись, оставленная лордом Алином на надгробной плите брата после того, как его кости в 138 году от З.Э. были возвращены из Воронодрева на Дрифтмарк, состояла лишь из одного слова: «ВЕРНЫЙ».

Все битвы Танца без великого труда не учесть — их количество было почти бессчетным, поскольку противоборство раздирало большую часть государства. Люди короля поднимали стяги с золотым трехглавым драконом, взятым Эйгоном себе в личный герб, лишь затем, чтобы

увидеть своих соседей под расчетверенным знаменем Рейниры — с ее собственными красными драконами, луной и соколом дома Арренов ее матери и морским коньком покойного супруга. Брат бился с братом, отец дрался с сыном, и кровь целиком залила мир.

Те или иные лорды собирали всяческие армии от имени короля или королевы, которым служили, но если кого и можно действительно назвать командующими всеми силами, то только принцев Деймона и Эймонда Таргариенов для каждой стороны соответственно. Эймонд принял титулы Защитника Державы и принца-регента после того, как Эйгон II с Солнечным Огнем получили тяжкие раны у Грачиного Приюта в бою с Рейнис и Мелеис. Принц даже надел корону своего брата — венец Эйгона Завоевателя из валирийской стали с рубинами — хотя королем себя и не называл.

К несчастью для зеленых, Эймонд стал неудачливым главнокомандующим, поскольку был слишком неопытен, чтобы умело водить войска, и к тому же отважен до безрассудства. Так, Эймонд впопыхах задумал наступление на Харренхолл, которым в ту пору владел принц Деймон. Желая отбить замок у врага, Одноглазый оставил столи-

цу без защитников. По прибытии он нашел замок пустым и возликовал — до того мига, как узнал о подлинной причине отступления черных: пока Эймонд шел на Харренхолл, Деймон встретился у столицы с королевой Рейнирой и ее новыми всадниками. Их драконы закружились над городом. Золотые плащи (поскольку многие из них еще считали себя людьми Деймона) предали командиров, поставленных Эйгоном, и сдали город почти бескровно. Хотя кровь пролилась чуть позже — во время последовавших казней, когда были обезглавлены сир Отто Хайтауэр, лорд Джаспер Уайлд (мастер над законами, за суровость прозванный Железным Посохом) и лорды Росби и Стокворт (бывшие некогда в партии Рейниры, пока не вывернули плащи). Вдовствующую королеву Алисенту заточили в темницу, но Эйгон II, все еще оправляющийся от ранений, полученных возле Грачиного Приюта, и его оставшиеся дети — а с ними и лорд Ларис Стронг — скрылись, бежав из замка через тайные ходы.

Можно сказать, что в дни Танца Драконов люди Семи Королевств воистину впали в безумие. Особенно точны эти слова для столицы — там из-за безумия людей погибла большая часть драконов. Благодаря хитроумию принца Деймона Королев-

ская Гавань пала перед Рейнирой бескровно, но после Первой битвы при Тамблтоне в городе начались беспорядки, ибо Тамблтон располагался не далее, чем в шестидесяти лигах. А он был разорен самым безжалостным образом: тысячи сгорели; еще тысячи утонули, пытаясь переплыть реку и спастись; женщины и девушки подверглись поруганию вплоть до смерти... А посреди руин кормились драконы. Победа, одержанная лордом Хайтауэром с помощью принца Дейрона и Двух Изменников, заполонила ужасом Королевскую Гавань — горожане уверились, что им предстоит стать следующими. Потрепанные силы Рейниры были рассеяны, и на защите столицы оставались лишь драконы.

Страх перед драконами, перед самим их присутствием, породил Пастыря. Кем он был — мы сказать не можем, история не сохранила его имени. Одни считают его нищим попрошайкой, другие — кем-то из Честных Бедняков (те упорно продолжали появляться в королевстве, хотя и были вне закона). Но, откуда бы он ни взялся, на площади Сапожника зазвучали его проповеди о том, что драконы суть демоны, порождения безбожной Валирии и погибель людей. Его слушали десятки, затем сотни, далее — тысячи. Страх обер-

нулся гневом, а гнев породил жажду крови. И когда Пастырь объявил, что город спасется лишь после того, как будет очищен от драконов — люди вняли ему.

На двадцать второй день пятой луны года 130 от З.Э. Эймонд Одноглазый и Деймон Таргариен сошлись в своем последнем поединке. В тот же день Королевской Гаванью овладели ад и смерть. Ранее королева Рейнира отправила в темницу лорда Корлиса за то, что он помог избежать ареста своему внуку, сиру Аддаму Велариону, обвиненному в предательстве. И теперь иные из присяжных рыцарей Морского Змея присоединились к бунтующей толпе на площади Сапожника, а другие пытались освободить лорда Корлиса. Они взбирались на стены, но только чтобы оказаться схваченными, а после — повешенными. Еще позже королева Хелейна покончила с жизнью, спрыгнув на железные пики, окружающие крепость Мейгора. Самоубийство — говорили одни; убийство — твердили другие. И в ту же ночь город запылал, в то время как толпа Пастыря выступила на Драконье Логово, пытаясь умертвить всех бывших в нем драконов.

Юный Джоффри Веларион, принц Драконьего Камня, решил спасти Тираксеса — собственного

зверя. Пытаясь достичь Драконьего Логова, он оседлал Сиракс, принадлежащую его матери, но в полете упал и разбился насмерть. Той ночью не смог уцелеть ни один дракон. Об их гибели разошлись самые невероятные басни и слухи: будто бы одних драконов насмерть забила толпа, других зарубил лично Пастырь, третьих — сам Воин. Какой бы ни была истина, в ту залитую кровью ночь, когда толпа ворвалась под сень громадного купола и нашла зверей скованными, расстались с жизнью пять драконов. Во множестве погибли и люди. Половины драконов, живших на заре Танца, уже не стало, а конца войне не предвиделось. Вскоре после случившегося Рейнира бежала из города.

Безумие, в которое впал город после бегства Рейниры, проявлялось во многих ликах. Страннейшим из них стало возвышение двух претендентов на трон, правивших в те дни, что остались в людской памяти как Луна Трех королей.

Первым из таковых стал Тристан Истинный Огонь, оруженосец сира Перкина Блохи, некоего бесчестного межевого рыцаря. Сир Перкин объявил Тристана побочным сыном Визериса I. После штурма Драконьего Логова и побега Рейниры над большей частью города властвовали Пастырь

и его приверженцы, однако сир Перкин водворил Истинного Огня в покинутый всеми Красный замок и начал издавать указы. После того, как Эйгон II наконец возвратил себе город, Тристан перед своей казнью молил пожаловать ему рыцарство. Его желание было исполнено.

Другой король оказался еще любопытнее — малыш, ставший известным как Геймон Белокурый. Будучи сыном блудницы, этот четырехлетний мальчик был объявлен бастардом Эйгона II (чего исключать нельзя, зная о непристойном поведении короля в юности). Сидя в Доме Поцелуев на холме Висеньи, он издавал многочисленные указы, и сторонники его исчислялись тысячами. Его мать позднее была повешена, признавшись перед тем, что родила дитя от сереброволосого гребца из Лиса, но самого Геймона пощадили. Будучи оставлен при дворе, он со временем подружился с Эйгоном III, сделавшись его постоянным компаньоном. Несколько лет Геймон отведывал блюда Эйгона, пока не скончался от яда, который вполне мог быть предназначен именно королю.

Наконец, война завершилась, но ее исход приблизили не смерти драконов или принцев, а кончина как королевы, так и короля, за которых они (и десятки тысяч прочих) гибли. Сначала не

стало Рейниры. Когда в бою пал ее супруг, принц Деймон, против королевы обратился дом Веларионов, и после того, как столица вновь перешла в руки врагов, Рейнире пришлось бежать едва ли не без гроша в кармане. Она была вынуждена продать свою корону, чтобы оплатить дорогу на Драконий Камень. Но, прибыв на остров, Рейнира обнаружила явившегося туда до нее Эйгона II — со свежими ранами. Рядом умирал Солнечный Огонь, дракон короля.

«Доподлинное изложение» Манкана, основанное на свидетельствах Орвиля, сообщает, что после падения Королевской Гавани Ларис Стронг устроил Эйгону тайное бегство. Пойдя на хитрость, Стронг отправил его на Драконий Камень, ибо верно полагал, что Рейнире не додуматься до поисков брата в собственной твердыне. На протяжении полугода его милость оправлялся от ран в отдаленной рыбацкой деревушке, пока Рейнира с большей частью двора пребывала в столице. За это время к королю с Расколотой Клешни прилетел Солнечный Огонь — несмотря на изувеченное крыло, делавшее дракона неуклюжим в воздухе. Вот так, укрывшись, они сумели восстановить свои силы (Солнечному Огню даже удалось убить пугливого дикого дракона, именуемого Серым

Призраком, что привело к путанице и сообщениям о том, будто бы то сотворил Каннибал.)

На Драконьем Камне король Эйгон II отыскал многих, имевших причины быть недовольными Рейнирой — из-за утраты на войне сыновей, мужей и братьев или же из-за обид, которые мнились им причиненными. С помощью этих людей Эйгон и взял Драконий Камень, причем не более чем за час — поскольку противодействия, по сути, никто не оказывал... кроме дочери принца Деймона, четырнадцатилетней Бейлы Таргариен, и Лунной Плясуньи, ее юной драконицы. Бейла сбежала от людей, пытавшихся ее схватить, и смогла пробраться к своему зверю. И в тот миг, когда Эйгон на Солнечном Огне, считая себя победителем, намеревался приземлиться во дворе замка, дракон и принцесса ринулись ему навстречу.

Лунная Плясунья была много мельче Солнечного Огня, но вместе с тем была и быстрей, и гораздо проворней. К тому же ни драконица, ни девочка на ее спине не страдали недостатком отваги. Лунная Плясунья, налетая, когтила и грызла Солнечного Огня, впиваясь в него и разрывая, пока драконицу не ослепил всполох пламени. Сплетясь друг с другом, оба зверя рухнули вниз,

вместе со своими всадниками. Эйгон II соскочил в последний миг со спины Солнечного Огня, в падении раздробив себе обе ноги. Бейла же, оставшись на Лунной Плясунье вплоть до печального исхода, разбилась и лишилась сознания. Альфред Брум обнажил клинок, чтобы покончить с девочкой прямо там, но сир Марстон Уотерс вырвал меч у него из рук, после чего отнес Бейлу к мейстеру — чем спас принцессе жизнь.

Об этой великой схватке Рейнира ничего не знала, но значения то не имело. Эйгон II, еще более озлобившийся на сестру и разъяренный из-за сильнейшей боли в сломанных ногах и приближающейся кончины собственного дракона, скормил королеву Солнечному Огню на глазах ее единственного уцелевшего сына (как в ту пору был уверен любой в Семи Королевствах), Эйгона Младшего. Так пришла смерть к Отраде Королевства, Королеве На Полгода, в двадцать второй день десятой луны 130 года от З.Э.

НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМЫЕ СРАЖЕНИЯ ТАНЦА ДРАКОНОВ

В 129 ГОДУ ОТ З.Э.

БИТВА У ГОРЯЩЕЙ МЕЛЬНИЦЫ, в которой принц Деймон и Блэквуды одержали победу над Бракенами и взяли Каменный Оплот.

БИТВА ПРИ ГЛОТКЕ, в которой флот Корлиса Вельяриона был разбит кораблями Триархии, союзницы Эйгона. В этом сражении погибли Джекейрис, принц Драконьего Камня, и его дракон Вермакс, а также Грозовое Облако — дракон принца Эйгона Младшего.

БИТВА НА МЕДОВОЙ РЕКЕ, в которой принц Дейрон, младший брат Эйгона Старшего, заслужил рыцарские шпоры, поскольку спас войско лорда Хайтауэра от лордов Рована, Тарли и Костейна.

В 130 ГОДУ ОТ З.Э.

БИТВА У КРАСНОГО ЗУБЦА, в которой войска Запада разбили речных лордов, после чего хлынули в их земли. Однако до того лорд Джейсон Ланнистер был смертельно ранен оруженосцем Пейтом из Длинного Листа[26].

БИТВА У ОЗЕРНОГО БЕРЕГА (прозванная также Рыбьей Кормежкой) — самая кровопролитная из наземных битв Танца, случившаяся на берегах Божьего Ока. Лорды Речных земель оттеснили войско Ланнистеров прямо в озеро, в водах которого погибли тысячи.

БИТВА «ПОТЕХА МЯСНИКА», в которой сир Кристон Коль, десница Эйгона II, вызвал на поединок сира Гарибальда Грея, лорда Родерика Дастина (прозванного Разорителем) и сира Пейта из

Длинного Листа (прозванного Убийцей Львов), но получил от них отказ. Коль бесславно пал — от стрел, не от меча — после чего его войско было уничтожено.

ПЕРВАЯ БИТВА ПРИ ТАМБЛТОНЕ, в которой вывернули свои плащи Два Изменника (драконьи всадники Ульф Белый и Хью Молот), а остатки Зимних Волков (старых ветеранов из северян, ушедших на войну вместе с лордом Дастином) прорубились сквозь ряды противника, вдесятеро превосходившего их числом. Яростный бой завершился смертью лорда Ормунда Хайтауэра, возглавлявшего силы зеленых, и его знаменитого родича, сира Бриндена, от рук лорда Родерика Дастина, который также был убит. За сражением последовало беспощадное разграбление Тамблтона.

ШТУРМ ДРАКОНЬЕГО ЛОГОВА, не являющийся битвой в подлинном смысле. Буйствующая орда, ведомая человеком, ставшим известным как Пастырь, впала в безумие. Это привело к убийству пяти драконов; смерти сира Виллума Ройса и утрате валирийского клинка Плач, которым тот владел; гибели Джоффри, принца Драконьего Камня, и сира Гленддона Гуда, единственный день пробывшего лордом-командующим гвардии

королевы.

БОЙ НАД БОЖЬИМ ОКОМ — трагически известный поединок между принцами Эймондом Одноглазым и Деймоном Таргариеном, а также их драконами, Вхагар и Караксесом. Как рассказывают очевидцы, Деймон перепрыгнул с Караксеса на Вхагар и сразил принца Эймонда Темной Сестрой, пока драконы низвергались в озерные воды. Ни Вхагар, ни Караксес не выжили, как и Деймон Таргариен, хотя костей последнего так и не отыскали.

ВТОРАЯ БИТВА ПРИ ТАМБЛТОНЕ, в которой драконы воистину танцевали. Среди итогов сражения: загадочная смерть принца Дейрона Бесстрашного; сир Аддам Веларион, павший смертью храбрых; гибель трех драконов — Морского Тумана, Тессарион и Вермитора.

В 131 ГОДУ ОТ З.Э.

БИТВА НА КОРОЛЕВСКОМ ТРАКТЕ, которую ее участники прозвали «Возней в грязи», ставшая последней битвой войны. В ней от рук молодого лорда Талли погиб лорд Боррос Баратеон.

Единокровный брат Рейниры хоть и пережил сестру, но ненадолго. У Эйгона II было еще немало врагов, продолжающих сражаться против него — пусть и королева ушла из жизни, и Эйгон Млад-

ший находился в руках короля. Борьба шла из страха перед королевской местью в той же мере, что и во имя Рейниры, и вышло так, что враги Эйгона стали более грозной силой. У лорда Боррроса Баратеона была возможность переломить ход событий после того, как он, наконец, со всей собранной мощью выступил против остатков войск Рейниры. Однако в битве на Королевском тракте лорд Боррос погиб, а его армия была разгромлена. И победители Баратеона, юные речные лорды (известные как Лихие парни), оказались на расстоянии броска камня от столицы. К тому же и лорд Старк со своей ратью уже выдвинулся с Севера по Королевскому тракту.

В тот час лорд Корлис — освобожденный из темницы и получивший прощение, теперь служивший в королевском Малом совете — посоветовал Эйгону сдаться и надеть черное. Король, тем не менее, отказался и вознамерился отдать приказ отсечь ухо своему юному племяннику в предостережение сторонникам Эйгона Младшего. Его милость усадили в паланкин, чтобы отнести в королевские покои, и на дорогу подали кубок вина.

По прибытии сопровождающие откинули полог и нашли короля мертвым, с окровавленными

губами. Так завершилась жизнь Эйгона II — он был отравлен служившими ему же людьми. Ибо они видели, чем все закончится, в отличие от своего монарха.

Страдания раздробленной, истерзанной страны на этом не завершились, но Танцу Драконов пришел конец. Теперь государство ожидали Ложный Рассвет, Час Волка, владычество регентов и Сломленный король.

ДРАКОНЫ ТАНЦА

ДРАКОНЫ КОРОЛЯ ЭЙГОНА II

СОЛНЕЧНЫЙ ОГОНЬ (всадник — король Эйгон). Великолепный, пусть и молодой, дракон был серьезно покалечен в бою у Грачиного Приюта и выздоравливал на протяжении большей части войны. Был сражен в бою с Лунной Плясуньей на Драконьем Камне.

ВХАГАР (всадник — принц Эймонд Одноглазый). Последняя из трех драконов Эйгона Завоевателя, старая, громадная и могучая. Погибла в бою с Караксесом над Божьим Оком.

ПЛАМЕННАЯ МЕЧТА (всадница — королева Хелейна). Некогда была драконицей Рейны, сестры Джейхейриса I. Во время штурма Драконьего Логова была раздавлена рухнувшим куполом.

ТЕССАРИОН (всадник — принц Дейрон). Прозвана

Синей Королевой, самая младшая из годных для боя драконов, принадлежавших сподвижникам Эйгона. Погибла при Втором Тамблтоне.

МОРГУЛ (всадница — принцесса Джейхейра). Дракончик, для войны бывший слишком маленьким. Был убит неким Пылающим рыцарем при штурме Драконьего Логова.

ШРИКОС (всадник — принц Джейхейрис). Дракончик, для войны бывший слишком маленьким. Была убита неким Хоббом Дровосеком при штурме Драконьего Логова.

ДРАКОНЫ КОРОЛЕВЫ РЕЙНИРЫ

СИРАКС (всадница — королева Рейнира). Огромная и грозная, погибла при штурме Драконьего Логова.

КАРАКСЕС (всадник — принц Деймон). Громадный и страшный, прозван Кровавым Змеем. Погиб в бою с Вхагар над Божьим Оком.

ВЕРМАКС (всадник — принц Джекейрис). Молодой и сильный дракон, был убит вместе с наездником в битве при Глотке.

АРРАКС (всадник — принц Люцерис). Молодой и сильный дракон, погиб вместе с наездником в бою с Вхагар над заливом Разбитых кораблей.

ТИРАКСЕС (всадник — принц Джоффри). Молодой и сильный дракон, был убит при штурме

Драконьего Логова.

ГРОЗОВОЕ ОБЛАКО (всадник — принц Эйгон Младший). Погиб от стрел и арбалетных болтов в битве при Глотке.

МЕЛЕИС (всадница — принцесса Рейнис). Прозвана Красной Королевой, старая и коварная, уже обленившаяся, но все равно устрашающая в гневе. Погибла вместе с наездницей, Почти Королевой, в битве у Грачиного Приюта.

ЛУННАЯ ПЛЯСУНЬЯ (всадница — леди Бейла). Изящная и прекрасная, доросшая лишь до того, чтоб нести на себе девочку. Была убита Солнечным Огнем в бою на Драконьем Камне — но не прежде, чем нанесла противнику смертельное увечье.

СРЕБРОКРЫЛАЯ (всадник — сир Ульф Белый). Дракон Доброй королевы Алисанны, оседланный драконьим отпрыском, ставшим одним из Изменников. Пережила и всадника, и Танец, но одичала. Устроила себе логово на острове Алого озера.

МОРСКОЙ ТУМАН (всадник — сир Аддам из Халла). Некогда был драконом сира Лейнора Велариона, оседлан драконьим отпрыском. Был убит Вермитором при Втором Тамблтоне.

ВЕРМИТОР (всадник — сир Хью Молот). Дракон

почтенных лет, некогда принадлежащий Старому королю, оседлан драконьим отпрыском, ставшим одним из Изменников. Погиб в бою с Морским Туманом и Тессарион при Втором Тамблтоне.

ОВЦЕКРАД (всадница — девица Крапива). Дикий дракон, приручен драконьим отпрыском, пропал на исходе войны.

СЕРЫЙ ПРИЗРАК. Дикий дракон, сторонившийся людей. Никем не приручен, был убит Солнечным Огнем в драке на Драконьем Камне.

КАННИБАЛ. Дикий дракон, пожиратель трупов и убийца детенышей. Никем не приручен, исчез в конце войны.

УТРО (всадница — леди Рейна). Дракончик, для войны бывший слишком маленьким, пережил Танец.

Эйгон III

Когда[27] в 131 году от З.Э. Эйгон Младший взошел на Железный трон после смерти своего дяди Эйгона II и стал Эйгоном III, королевство вполне могло увериться, что беды его остались позади. Сподвижники Эйгона III в битве на Королевском тракте разбили последнее воинство Эйгона II и полностью взяли власть в столице. Флот Веларионов вернулся на службу Железному трону, и Морской Змей, несомненно, был готов помочь советами и руководством юному королю. Но все надежды уподобились замкам, построенным на песке, и вскоре те дни прозвали Ложным Рассветом. Эйгон II послал своих людей за Узкое море для вербовки наемников, и никому не было ведомо, когда те вернутся с местью за короля (и вернутся ли вообще). На западе Красный Кракен и его разбойники грабили Светлый остров и побережье Закатного моря. И ужасная, лютая зима — объявленная Конклавом в Староместе еще на День Девы в 130 году от З.Э. — стиснула в своей хватке королевство, продлившись шесть жестоких лет.

Нигде в Семи Королевствах зима не значила столь много, как на Севере — именно страх перед ней сподвиг Зимних Волков собраться под знаменем лорда Родерика Дастина и умереть, сражаясь за королеву Рейниру. Но после них появилась еще большая армия бездетных и бездомных мужей под стягом лорда Кригана Старка: холостяков, стариков, младших сыновей... Они шли ради войны, ради приключений и добычи, да и ради славной гибели — чтобы избавить родню за Перешейком от лишнего голодного рта.

Кончина короля Эйгона II от яда лишила их этой возможности. Лорд Старк все-таки привел свою армию в Королевскую Гавань, но его цель стала иной. Он замыслил покарать Штормовой Предел, Старомест и Утес Кастерли за поддержку короля. Однако же лорд Корлис, желая мира, уже отправил послов[28] в Утес, Штормовой Предел и Старомест. В те шесть дней, что двор ожидал новостей об успехе или неудаче лорда Корлиса, а королевство трепетало при мысли о дальнейшей войне, властью завладел лорд Криган Старк. Ныне об этих днях мы говорим как о Часе Волка.

В одном лорда Старка невозможно было разубедить: изменники и отравители короля Эйгона II обязаны заплатить должную цену. Убить же-

стокого и несправедливого короля в честной битве было одним делом; коварное же убийство, да еще посредством яда — совершенно иное преступление. Это измена против самих богов, помазавших монарха. Именем Эйгона III Криган арестовал двадцать два человека, в их числе — Лариса Косолапого и Корлиса Веларионa. Юный запуганный Эйгон III, которому тогда было лишь одиннадцать, согласился назвать лорда Старка своим десницей.

Криган Старк прослужил на этом посту один-единственный день, надзирая за судами и казнями. Большинство обвиненных надели черное (последовав за хитроумным сиром Перкином Блохой). Лишь двое избрали смерть — сир Джайлс Белгрейв из Королевской гвардии, не пожелавший пережить своего короля, и Ларис Косолапый, последний из старинного дома Стронгов.

Лорд Корлис был спасен от суда сначала интригами Бейлы и Рейны Таргариен, которые убедили Эйгона издать указ, возвращающий Велариону все должности и почести, а затем — Черной Али Блэквуд, отдавшей лорду Старку свою руку в обмен на его благосклонное отношение к этому указу.

На следующий день после казней лорд Старк отказался от должности десницы. Ни один человек

никогда ранее не нес эту службу столь короткий срок, и немногие покидали ее столь охотно. Он вернулся на Север, оставив здесь, на Юге, многих из своих лютых северян. Кто-то взял себе в жены вдовиц из Речных земель, прочие свои мечи продали или присягнули ими, поступив к кому-либо на службу, а некоторые обратились к разбою. Но Час Волка истек, и пришла пора регентов.

Во время регентства при Эйгоне (тянувшегося со 131 года, когда престол был унаследован, по 136 год, когда король достиг совершеннолетия) всем руководил Совет семерых. Лишь один из тех регентов — великий мейстер Манкан — продержался в течение всего срока. Прочие умирали, или покидали должности, или попросту заменялись при необходимости. Из них самым великим считается Морской Змей, покинувший эту юдоль слез в 132 году от З.Э. в возрасте семидесяти девяти лет. На семь дней тело Велариона было выставлено у подножия Железного трона для торжественного прощания, и королевство оплакивало его.

РЕГЕНТЫ КОРОЛЯ ЭЙГОНА III

ПЕРВЫЙ СОВЕТ СЕМЕРЫХ

ЛЕДИ ДЖЕЙН АРРЕН, ДЕВА ДОЛИНЫ. Скончалась в Чаячьем городе в 134 году от З.Э., от

болезни.

ЛОРД КОРЛИС ВЕЛАРИОН, МОРСКОЙ ЗМЕЙ. Скончался от старости в 132 году от З.Э., будучи семидесятидевятилетним.

ЛОРД РОЛАНД ВЕСТЕРЛИНГ ИЗ СКАЛЫ. Скончался от Зимней лихорадки в 133 году от З.Э.

ЛОРД РОЙС КАРОН ИЗ НОЧНОЙ ПЕСНИ. Покинул должность в 132 году от З.Э.

ЛОРД МАНФРИД МУТОН ИЗ ДЕВИЧЬЕГО ПРУДА. Скончался от старости и болезней в 134 году от З.Э.

СИР ТОРРХЕН МАНДЕРЛИ ИЗ БЕЛОЙ ГАВАНИ. Покинул должность в 132 году от З.Э. после кончины отца и брата от Зимней лихорадки.

ВЕЛИКИЙ МЕЙСТЕР МАНКАН. Единственный, кто нес службу со 131 года по 136 год от З.Э.

ПРОЧИЕ РЕГЕНТЫ

ЛОРД АНВИН ПИК. Получил место лорда Корлиса в 132 году, покинул должность в 134 году от З.Э.

ЛОРД ТАДДЕУС РОВАН. Получил место в 133 году после смерти лорда Вестерлинга, был освобожден от службы в 136 году от З.Э.

СИР КОРВИН КОРБРЕЙ. Супруг Рейны Таргариен, заменивший лорда Мутона в 134 году от З.Э., и в тот же год убитый арбалетчиком возле Рунного

Камня.

ВИЛЛАМ СТЭКСПИР. Избран жребием на Великом совете 136 года от З.Э.

МАРК МЕРРИВЕЗЕР. Избран жребием на Великом совете 136 года от З.Э.

ЛОРЕНТ ГРАНДИСОН. Избран жребием на Великом совете 136 года от З.Э.

Годы регентства при Эйгоне III можно назвать одной сплошной сумятицей. Сир Тиланд Ланнистер был одним из тех, кто с пустыми руками вернулся из Вольных городов (ибо все наемные отряды уже участвовали в боях, начавшихся после распада Королевства Трех Дочерей, за что получили щедрую плату). После возвращения он достойно служил десницей короля, вопреки своим увечьям и слепоте — во время войны сир Тиланд жестоко пострадал от рук палачей королевы Рейниры, отказавшись разгласить, где укрыл большую часть королевской сокровищницы Эйгона II. Но в 133 году от З.Э. жизнь десницы унесла Зимняя лихорадка.

При Анвине Пике, лорде Звездного Пика, Данстонбери и Белой Рощи, ставшем сначала регентом, а затем и десницей, положение только ухудшилось. Его светлость играл значительную роль при Первом и Втором Тамблтоне и чувство-

вал себя ущемленным, не будучи выбранным в число первых регентов. Но вскоре это упущение было им восполнено — лорд Анвин обретал все большее и большее могущество. Он следил, чтобы на высоких должностях оказывались его родичи, даже пытался выдать свою дочь за короля Эйгона III после предполагаемого самоубийства королевы Джейхейры. Всеми доступными ему средствами он силился ослабить своих соперников.

Джейхейре Таргариен, последней из потомства Эйгона II, было восемь лет, когда она стала супругой Эйгона III, своего двоюродного брата, и десять — когда она выбросилась из крепости Мейгора на пики сухого рва под крепостью. Перед тем, как упокоиться, девочка еще полчаса прожила в агонии.

И все же по поводу обстоятельств ее смерти возникают вопросы. Действительно ли она умерла по своей воле? Гуляли шепотки, будто бы девочку убили, и называлось немалое число имен подозреваемых в преступлении. Среди таковых был и сир Мервин Флауэрс из Королевской гвардии, брат-бастард лорда Анвина Пика, в час смерти королевы пребывавший у ее дверей. Но даже Грибок полагает маловероятным, что Флауэрс

оказался способен обречь свою подопечную, всего лишь ребенка, на столь мучительную гибель. Он говорит об иной возможности: Флауэрс не убивал ее милость, но отошел в сторону и позволил свершить это кому-то другому... вроде Тессарио Тигра, небрезгливого наемника из Вольных городов, принятого на службу к Анвину Пику.

Пусть нам и не узнать истины о событиях того дня, ныне кажется вероятным, что гибель Джейхейры была каким-то образом устроена именно лордом Пиком.

Противников десницы возглавлял лорд Алин, внук Морского Змея. Ему не позволили занять место регента, ранее принадлежавшее его отцу[29], и заставили использовать флот для войны на Ступенях. Там, после великой победы на море, он получил прозвище Дубовый Кулак, однако по возвращении в Королевскую Гавань его свежеобретенная слава вызвала новые распри. Десница намеревался овладеть Ступенями и положить конец пиратскому королевству Ракаллио Риндуна, но быстрые действия Веларионa означали, что большая часть флота не сможет высадить на берег потребные для того силы[30]. Слухи о победе только способствовали широте славы и укреплению репутации Дубового Кулака. Вопре-

ки протестам лорда Пика, юноше от регентов достались и почести, и награды. В конце концов, десница убедил регентов отправить Дубового Кулака в Западные земли, чтобы тот совладал с ладьями Красного Кракена — в те дни лорд Дальтон Грейджой отказался вернуть свои трофеи и прекратить разбои. Опасное путешествие, как рассчитывали, почти наверняка могло завершиться поражением или гибелью лорда Алина, но Дубовый Кулак, напротив, сделал его первым из своих шести великих плаваний.

Эйгон III, будучи слишком молодым для того, чтобы править, во всех этих событиях никакой роли не играл. Угрюмый и меланхоличный, юноша почти ничем не интересовался, всегда носил черное и мог проводить целые дни, не перемолвившись ни с кем и словом. Его единственным обществом в те первые годы был Геймон Белокурый, маленький самозванец, ставший ему слугой и другом. После прихода к власти лорда Пика Геймон стал выполнять обязанности королевского мальчика для битья и нести наказания, не применимые к монаршей особе. Через некоторое время Геймон Белокурый погиб от яда — когда пытались отравить Эйгона и его юную прекрасную королеву Дейнейру Веларион.

Леди Дейнейра приходилась дочерью Дейрону Веларионy, родственнику Алина Дубового Кулака. Отец девочки погиб, сражаясь за своего адмирала на Ступенях. Редкостно прекрасной малышке Дейнейре исполнилось всего лишь шесть, когда принцессы Рейна и Бейла представили ее Эйгону — последней из тысячи девиц, приглашенных к его милости на великий бал 133 года от З.Э. Этот бал был объявлен лордом Пиком после того, как регенты пресекли все поползновения десницы обручить с королем собственную дочь — хотя он так и не отбросил эту мысль и был весьма расстроен конечным выбором Эйгона.

Его усилия изменить тот выбор встретили сопротивление и самого Эйгона, и других регентов. Взбешенный, лорд Анвин пригрозил уйти с поста десницы, желая подчинить регентов своей воле — но такая возможность их лишь восхитила. Регенты немедленно назвали десницей одного из их числа, лорда Таддеуса Рована.

В те годы Эйгону довелось познать лишь одну подлинную радость: к нему воротился его младший брат, принц Визерис, которого все королевство считало погибшим в битве при Глотке. Король так и не сумел простить себя за то, что тогда оставил брата, в то время как сам улетел

домой на своем драконе, Грозовом Облаке. Но, в конце концов, Дубовый Кулак смог вернуть Визериса — из Лиса, где мальчика втайне удерживали торговые магнаты, рассчитывавшие нажиться на выкупе за самого принца или за его смерть. Сумма, отданная за свободу Визериса лордом Веларионом, оказалась столь баснословной, что вскоре подала повод к недовольству. Но несмотря ни на что, освобождение младшего брата — вместе с его новой лиснийской супругой, прекрасной Ларрой Рогаре, бывшей старше принца на семь лет — стало для короля великим счастьем. Вплоть до конца своих дней его милость полагал Визериса единственным человеком, которому мог полностью доверять.

В конечном итоге именно Ларра Рогаре и ее состоятельная, честолюбивая семья помогли покончить с владычеством регентов и, почти бесспорно, с влиянием лорда Пика. Та роль, которую они случайно сыграли, невольно привела к Лиснийской весне[31]. В ту пору у банка семьи Рогаре прибыли были весомее, чем даже у Железного, и, желая управлять королем, они пали жертвой интриг. Их обвинили в намного большем количестве преступлений, чем они действительно совершили. Лорда Рована, десницу и одного из

последних регентов, назвали замешанным в деяниях Рогаре и подвергли пыткам, чтобы развязать ему язык. Сир Марстон Уотерс, каким-то образом ставший десницей вместо лорда Таддеуса (Манкан, единственный регент в те дни, кроме Рована, в своем «Доподлинном изложении» был весьма сдержан при обсуждении этого), после задержания братьев леди Ларры послал людей для захвата ее самой. Но Эйгон и Визерис отказались выдать супругу принца, после чего осаждались Уотерсом и его сподвижниками в крепости Мейгора целых восемнадцать дней. Впоследствии заговор раскрыли, когда сир Марстон — вспомнив, по-видимому, о своем долге — попытался выполнить приказ короля и решился взять под арест тех[32], кто ложно обвинил Рогаре и лорда Рована. Сам Уотерс был убит сиром Мервином Флауэрсом, своим братом по оружию, когда дерзнул того арестовать.

Порядок был восстановлен. Остаток того года десницей и регентом служил Манкан — пока не были названы новые регенты и не нашелся новый десница. Наконец, в день шестнадцатых именин короля время регентства завершилось. Его милость вошел в зал Малого совета и освободил своих регентов и десницу (тогда им был лорд

Мандерли[33]) от их обязанностей.

СЛОВА, СКАЗАННЫЕ КОРОЛЕМ ЛОРДУ МАНДЕРЛИ, КОГДА ТОТ ПОКИДАЛ ПОСТ РЕГЕНТА (выдержка из труда великого мейстера Манкана)

«Я желаю дать простому люду мир, пропитание и справедливость. Если сего недостаточно, дабы снискать их любовь, то с монаршими посещениями пусть отправляется Грибок. Или, возможно, стоит посылать пляшущих медведей. Некогда мне кто-то сказал, будто бы простонародью нет и вполовину ничего более милого, чем зрелище медвежьих танцев. Вы можете также распорядиться об отмене сегодняшнего пира. Верните лордов обратно в замки, а еду раздайте голодным. Ныне я все усилия направлю на то, чтобы животы наполнялись, а медведи продолжали плясать».

Последовавшее вслед за тем царствование можно назвать надломленным, поскольку и сам Эйгон был сломлен. До конца своих дней он оставался погруженным в меланхолию, не находил удовольствия почти ни в чем и мог запираться в своих покоях на целые дни, предаваясь лишь собственным думам. К тому же у него развилась неприязнь к прикосновениям — даже к касаниям руки его прекрасной королевы. И когда

та расцвела, он медлил с тем, чтоб призвать ее на ложе... Но в итоге брак их был благословлен двумя сыновьями и тремя дочерьми. Старший, Дейрон, был назван принцем Драконьего Камня и наследником трона.

Пусть Эйгон III и стремился дать королевству мир и процветание после Танца, он не желал искать расположения своего народа или лордов. Царствование его милости могло быть совершенно иным, если бы не вот этот недостаток — холодность к тем, кем он правил. Впрочем, дар обаяния был у его брата, принца Визериса, в последние годы правления Эйгона служившего тому десницей. Однако и на Визериса сошли тучи после того, как супруга покинула его и их детей ради родного Лиса.

И все же вместе Эйгон и Визерис умело утихомиривали еще случавшиеся в королевстве беспорядки. Одной из причинявших досаду трудностей стало появление нескольких самозванцев, бравших себе имя Дейрона Бесстрашного — младшего брата Эйгона II. Принц Дейрон погиб при Втором Тамблтоне, но тело его так и не было опознано, благодаря чему дверь для лживых притязаний бесчестных людей распахнулась настежь. (Впрочем, убедительно доказано, что те

лжепринцы были самозванцами.) Также Эйгон и Визерис попытались возродить драконов дома Таргариенов наперекор страхам короля — за те страхи никто бы не смог винить его милость, поскольку ему довелось видеть собственную мать пожираемой заживо. Король приходил в ужас от одного взгляда на дракона (не говоря уж о желании оседлать одного из них), хотя прекрасно понимал, что драконы смирят тех, кто вздумает ему противостоять. И по предложению Визериса Эйгон послал в Эссос за девятью магами, надеясь применить их искусства, чтоб пробудить к жизни кладку яиц. Но успеха не случилось, все попытки закончились крахом.

Четыре дракона жило на заре его царствования — Среброкрылая, Утро, Овцекрад и Каннибал. Тем не менее, Эйгона III всегда будут помнить как Драконью Погибель, ибо последний дракон Таргариенов умер во время его правления — в 153 году от З.Э.

Царствование Сломленного короля — известного также как Эйгон Несчастливец — завершилось его смертью от чахотки в возрасте тридцати шести лет. Многие из его подданных полагали, что Эйгон намного старше, чем в действительности, поскольку детство короля окончилось слишком

рано. Печального короля не вспоминали с добром и любовью, и деяния его сыновей затмили его собственные свершения.

Дейрон I

Эйгон III, скончавшийся в 157 году от З.Э. после двадцатишестилетнего пребывания у власти, оставил королевству двух сыновей и трех дочерей. Старший сын, Дейрон, в день восшествия на трон еще был сущим мальчишкой — всего четырнадцати лет. Однако принц Визерис предпочел не настаивать на учреждении регентства, хотя молодой король и оставался несовершеннолетним — возможно, из-за обаяния и одаренности Дейрона, или же из-за воспоминаний о событиях поры регентства над отцом нынешнего монарха. Вместо того принц остался в должности десницы, тогда как Дейрон правил самостоятельно.

Мало кто предвидел, что Дейрон, первый этого имени, сможет покрыть себя славой, достойной лавров его предка, Эйгона Завоевателя, чью корону носил его милость (в то время как Эйгон III предпочитал простой обруч). И все же та слава почти столь же быстро рассыпалась прахом. Юноша редких дарований, Дейрон поначалу столкнулся с сопротивлением дяди-десницы, советников и многих великих лордов, когда впервые пред-

ложил «завершить Завоевание» и наконец присоединить Дорн к Семи Королевствам. Лорды напомнили королю, что, в отличие от Эйгона I и его сестер, у нынешнего монарха больше нет драконов, с которыми можно было бы воевать. На что последовал знаменитый ответ Дейрона: «У вас есть дракон. Он стоит перед вами».

Волю короля не отринуть. В конце концов, после того как его милость раскрыл свои замыслы (по слухам, составленные с помощью и по советам Алина Веларион Дубового Кулака), лорды стали подумывать, что эту идею вполне возможно осуществить — задуманный военный поход был улучшенной версией плана самого Эйгона Завоевателя.

Дорн веками противостоял Простору, Штормовым землям и даже драконам Таргариенов, но Дейрон I на этой земле всем доказал свою доблесть. Его милость разделил войска на три части: одна армия под командованием лорда Тирелла пошла через Принцево ущелье на западе дорнийских Красных гор; со второй отправился морем родич короля — мастер над кораблями Алин Веларион; третью же по коварному Костяному пути повел сам король. Дейрон использовал козьи тропы, считающиеся очень опасными, чтобы обойти

дорнийские сторожевые башни и избежать той ловушки, в которую некогда попался Орис Баратеон. А после того начал сметать с пути любые отряды, стремившиеся его задержать. Принцево ущелье было захвачено, а самое главное — королевский флот сокрушил Дощатый город и смог подняться вверх по реке.

После того, как корабли лорда Алина встали на всем протяжении Зеленокровной, тем самым разделив Дорн пополам, силы дорнийцев с запада и востока страны не могли помочь друг другу. И начались бои — череда дерзких сражений, полное описание которых заняло бы целый том. Об этой войне писалось многое и многими, но, безусловно, лучшим источником служит созданная самим Дейроном хроника его ратных походов — «Завоевание Дорна». Она по праву считается шедевром изящной простоты как слога, так и искусства ведения войны.

Годом позже захватчики достигли ворот Солнечного Копья и с боем пробили себе путь через так называемый Тенистый город. И в 158 году от З.Э., в час Замирения в Солнечном Копье, перед Дейроном I преклонили колено принц Дорна и без малого полусотня самых могущественных дорнийских лордов. Юный Дракон сделал то,

что не удалось Эйгону Завоевателю. В горах и пустынях еще имелось сколько-то мятежников, которых живо признали отъявленными злодеями, но их оставалось не так уж и много.

Король весьма быстро укреплял свою власть в Дорне, расправляясь с мятежниками всякий раз, когда находил их... хотя и не без труда. В одном печально известном случае отравленная стрела, предназначенная королю, угодила в его двоюродного брата Эймона (младшего сына принца Визериса), и принца для полного излечения пришлось отправить на корабле домой. Тем не менее, в 159 году от З.Э. внутренние области страны были усмирены, и Юный Дракон смог с триумфом вернуться в Королевскую Гавань, для поддержания мира оставив в Дорне лорда Тирелла. Кроме того, ради обеспечения верности и послушания Дорна, в столицу были взяты четырнадцать высокородных заложников из числа сыновей и дочерей почти всех великих домов покоренного края.

Впрочем, этот способ оказался не столь действенным, как хотелось бы надеяться Дейрону. Заложники помогали обеспечивать постоянную верность своих родственников, но король совершенно не ожидал стойкого неприятия от

простолюдинов Дорна, над которыми у его милости не было никакой власти. При завоевании Дорна, как говорят, погибло десять тысяч человек, но более сорока тысяч ушло из жизни в последующие три года — дорнийское простонародье упрямо продолжало сопротивляться людям короля.

Лорд Тирелл, на чье попечение Дейрон оставил Дорн, доблестно пытался загасить очаги смуты. Каждую новую луну он встречал в новом замке и везде вешал пособников повстанцев, сжигал деревни, где прятались бунтовщики, и так далее. Но простолюдины наносили ответные удары. Каждый день приходили вести об украденных или уничтоженных припасах, сожженных лагерях, павших лошадях... Медленно, но верно росло число погибших воинов, как простых пехотинцев, так и латников — подловленных в переулках Тенистого города, попавших в засады среди дюн, убитых в собственных лагерях.

Прибыв со свитой в Песчаник, лорд Тирелл стал жертвой ложа скорпионов, и после того восстание стало уже всенародным. Мятежи заполыхали во всех уголках Дорна сразу же, как только разошлась весть о кончине его светлости.

В письмах дорнийцев, которые мейстер Гарет

приводит в книге «Красные пески», предполагается, что его светлость Кворгил, лорд Песчаника, сам лично устроил все нужное для убийства Тирелла. Однако его мотивы в последующие годы стали поводом для многолетних споров. Одни утверждают, будто Кворгил разгневался после того, как выказанная им ранее верность Таргариенам (он положил конец подстрекателю и одному из самых отъявленных мятежных лордов) не получили должного признания со стороны лорда Тирелла. Другие уверяют, что первоначальная помощь была лишь частью коварного замысла, составленного Кворгилом вместе со своим кастеляном — ради усыпления бдительности короля и его дорнийского наместника.

Чтобы расправиться с восставшими, в 160 году от З.Э. Дейрону пришлось самому вернуться в Дорн. Продвигаясь по Костяному пути, он выиграл несколько небольших сражений, а лорд Алин Дубовый Кулак снова занял Дощатый город и Зеленокровную. Дорнийцы, казавшиеся побежденными, в 161 году от З.Э. договорились о встрече, желая подтвердить свою присягу и обсудить условия мира… однако задуман ими был отнюдь не мир, но измена и убийство. Дорнийцы, стоя под мирным знаменем, напали на Юного

Дракона, что было гнуснейшим предательством. Три рыцаря Королевской гвардии погибли, пытаясь защитить короля (четвертый, к своему вечному позору, бросил меч и сдался). Принц Эймон Рыцарь-Дракон зарубил двоих изменников, но был ранен и пленен, а сам король Дейрон погиб с Черным Пламенем в руках в окружении дюжины врагов.

Всего четыре коротких года продолжалось царствование Юного Дракона; его притязания оказались слишком непомерными. Слава может быть вечной, а может стать и мимолетной — даже самые великие победы забываются весьма легко, если в грядущем приводят к неисчислимым бедствиям.

Бейлор I

Вести о гибели короля Дейрона и уничтожении остававшихся в Дорне королевских войск быстро достигли столицы, и вскипевший из-за того гнев выплеснулся на дорнийских заложников. По велению десницы, принца Визериса, их немедля заточили в темницы, чтобы чуть позже повесить. Старший сын десницы, принц Эйгон, выдал отцу на казнь даже ту дорнийскую девицу, которую ранее сделал своей любовницей.

Юный Дракон так и не успел жениться, не стал он и отцом детям. Соответственно, после его смерти Железный трон перешел к младшему брату Дейрона I, Бейлору, юноше семнадцати лет. Этот король стал самым набожным из монархов династии Таргариенов (а иные считают — и во всей истории Семи Королевств). Первым же указом он объявил о помиловании дорнийских заложников, и все последовавшее десятилетнее правление Бейлора отмечено подобными добродетельными и всепрощающими деяниями. В то время как знать и советники короля взывали к нему, требуя мести, его милость публично

простил убийц своего брата и объявил, что собирается «исцелить раны», нанесенные войной, и примириться с Дорном. В знак благочестия он объявил, что пойдет в Дорн «без меча и армии» для того, чтобы вернуть пленных и просить о мире. Так Бейлор и сделал: отправился из Королевской Гавани в Солнечное Копье босым и одетым лишь в рубище, в то время как заложники на прекрасных лошадях ехали вслед за ним.

Из уст певцов нынче льется множество песен (изначально вышедших из септриев либо домов Матери) о путешествии Бейлора в Дорн. Следуя по Каменному пути, король вскоре достиг места, где Вили держали в заточении его двоюродного брата — принца Эймона. Рыцарь-Дракон, совершенно нагой, был заперт в клетке. Как сообщают, лорд Виль отказался освобождать принца, сколько бы о том Бейлор ни просил, и потому его милость только вознес молитвы за своего двоюродного брата и поклялся ему, что обязательно вернется. И многие поколения все еще гадают, что же подумал Рыцарь-Дракон об этом обещании, слыша пронзительный голос своего родича, дающего клятву, и видя его — худого, изможденного и босого, с кровоточащими ногами... Но Бейлор, тем не менее, смог преодолеть Костяной путь[34]

и выжить там, где умирали тысячи.

А шел он пешком, почти в одиночестве, и пересек всю пустыню, что тянется от северных подножий Красных гор вплоть до реки Плеть. Дорога едва не загубила его милость, но король упорно продолжал идти, выжил в труднейшем переходе и встретился с принцем Дорна. Считают, что это было первым чудом, случившимся при Бейлоре Благословенном. Вторым же чудом можно считать заключение мира с Дорном — мира, продолжавшегося все царствование его милости. Частью договора стало согласие Бейлора на брак Дейрона (двоюродного племянника короля, бывшего внуком принца Визериса и сыном принца Эйгона) и принцессы Марии, старшей из детей принца Дорна. Оба в ту пору были еще совсем юными, поэтому свадьбу сыграли позже, когда дети повзрослели.

По окончании переговоров в Старом дворце Солнечного Копья принц Дорна предложил Бейлору галеру, чтобы тот без труда мог вернуться в столицу. Однако молодой король отказался, настаивая, что Семеро велели ему идти только пешком. При дорнийском дворе опасались, что когда (а не если) его милость погибнет в дороге, принц Визерис сочтет это за повод для

возобновления войны, и принц Дорна сделал все возможное, чтобы убедить дорнийских лордов, чьи замки находились на пути Бейлора, быть любезными и гостеприимными. И король, вновь поднявшись по Костяному пути, смог заняться вызволением Рыцаря-Дракона из заточения. Ранее его милость просил принца Дорна отдать приказ об освобождении Рыцаря-Дракона. Лорд Виль такое повеление получил, но выпускать принца Эймона не стал, а отдал ключ от клетки Бейлору и предложил самому им воспользоваться. До того Эймон сидел в клетке нагим, под палящим солнцем днем и на холодном ветру ночью, а ныне оказалось, что теперь к тому же под клеткой выкопали яму и заполнили ее множеством гадюк. Говорят, Рыцарь-Дракон умолял короля оставить его и идти искать помощи в Дорнийских марках, но Бейлор улыбнулся и промолвил, что он под защитой богов. А затем шагнул в яму.

Позже певцы клялись, будто змеи склоняли головы, когда мимо них проходил Бейлор, но истина совсем иная. Бейлор получил полдюжины укусов, прежде чем добрался до клетки, и открыл ее, уже падая без чувств. Рыцарь-Дракон, резким ударом распахнув дверь клетки, вытянул родича

из ямы. По слухам, Вили делали ставки, пока принц Эймон старался выбраться из клетки с Бейлором на спине. Возможно, именно их жестокость дала Рыцарю-Дракону силы забраться на верхушку своего узилища и оттуда допрыгнуть до безопасного места.

Спускаясь по Костяному пути, принц Эймон полдороги нес Бейлора на себе. Позже септон из деревни в дорнийских горах дал Рыцарю-Дракону одежду и осла, который повез дальше все еще не очнувшегося короля. В конце концов, Эймон добрался до сторожевых башен Дондаррионов. Оттуда их доставили в Черный Приют, где местный мейстер заботился о короле, как мог, прежде чем его милость отправили в Штормовой Предел для дальнейшего лечения. И, как сообщают, все это время Бейлор угасал, так и не приходя в себя.

Впервые король очнулся на дороге в Штормовой Предел, но и после того лишь невнятно шептал одни молитвы. Минуло более половины года, прежде чем он достаточно оправился для возвращения в Королевскую Гавань; и все те месяцы десница, принц Визерис, управляя государством, соблюдал мирный договор Бейлора с дорнийцами.

В тот день, когда Бейлор вновь смог взойти на

Железный трон, ликовало все королевство. Но все мысли его милости по-прежнему устремлялись лишь к Семерым, и первые новые указы Бейлора, должно быть, сильно обескуражили тех, кто привык к вдумчивому ведению дел Эйгоном III, благодушному попустительству Дейрона I и проницательному руководству Визериса. Король, женатый со 160 года от З.Э. на своей сестре Дейне, принялся убеждать верховного септона расторгнуть их союз. Бейлор заявил, что этот брак, заключенный до его восхождения на трон, никогда не был консумирован.

Но и того ему было мало — король после расторжения брака решил создать у себя в Красном замке, в отдельном здании (позже прозванном Девичьим склепом) собственный «Двор Красоты» и поселить там Дейну и младших сестер, Рейну и Элейну. Его милость объявил, что желает уберечь их невинность от греховности этого мира и похоти нечестивцев, однако стоит задать вопрос — не сам ли король испугался искушения их красотой?

Хотя против этого были и придворные, и сами принцессы, и Визерис, дело было сделано, и дочерей Эйгона III заточили в самом сердце Красного замка. Лорды и рыцари, чтобы выслужиться

перед Бейлором, присылали в столицу девиц — только им одним и довелось быть компаньонками принцесс.

Протесты зазвучали гораздо громче, когда Бейлор пожелал запретить в Королевской Гавани проституцию. Никто так и не смог убедительно объяснить королю, сколько неприятностей последует за таким решением, и из города выдворили более тысячи (по слухам) блудниц вместе с их детьми. Бейлор предпочел не заметить возникшие из-за этого беспорядки, поскольку все внимание отдал своему новому замыслу — величественной септе, которую решил возвести на холме Висеньи. Как утверждал его милость, эту септу он узрел в видении, и можно считать, что король первым увидел Великую септу, хотя строительство завершилось лишь спустя многие годы после его смерти.

В конце концов, люди задались вопросом: не могла ли смерть, прошедшая рядом с королем в Дорне, каким-то образом повлиять на его разум? Поскольку с годами решения Бейлора становились все более фанатичными и сумасбродными. Хотя в народе любили его милость, ибо он то и дело опустошал казну ради благотворительности (как в тот год, когда ежедневно жаловал

по буханке хлеба каждому мужчине и каждой женщине города), но лорды королевства начали беспокоиться. Король не просто расторг свой брак с Дейной, он сделал невозможной для себя любую новую женитьбу после того, как сам принял обеты септона — при содействии и поощрении верховного септона, чье влияние в стране все более и более усиливалось. Новые указы Бейлора все чаще касались духовности вместо реальных забот — включая его настойчивые требования к Цитадели использовать для доставки писем голубей, а не воронов (эта неудача подробно рассмотрена в работе Валгрейва «Черные крылья, скорые вести»); или попытка короля предоставить освобождение от налогов тем, кто сохраняет добродетель своих дочерей, разумно используя пояса целомудрия.

Еще одной прискорбной стороной слепой религиозности короля Бейлора оказалось его стремление к сожжению книг. Хотя иные книги не содержат ничего из того, что следует помнить, а кое-какие могут хранить опасные сведения, истребление знаний — дело весьма тягостное. То, что Бейлор сжег «Свидетельства Грибка», не стало большой неожиданностью, поскольку книга была полна скандальных и непристойных

подробностей. Но «Неестественная история» септона Барта, несмотря на ошибочность некоторых предположений автора, была детищем одного из светлейших умов Семи Королевств. Исследования Барта и его предполагаемые опыты с высшими искусствами стали достаточной причиной, чтобы вызвать гнев Бейлора. Были уничтожены все труды знаменитого автора, хотя «Неестественная история» не содержала ничего спорного или безнравственного. Чистая случайность, что некоторые отрывки все же уцелели, так что знания не были утрачены полностью.

К концу своего правления Бейлор все больше и больше времени уделял посту и молитвам, прося таким образом прощения у Семерых за все грехи и преступления, которые, как считал король, он и его подданные совершают каждый день. Когда умер верховный септон, Бейлор сообщил Праведным, будто бы сами боги открыли ему личность нового Гласа Семерых. Праведные немедленно избрали человека, указанного его милостью — простолюдина, звавшегося Пейтом. Это был бесхитростный человек и одаренный каменщик, однако неграмотный и бывший не в состоянии запомнить даже простейшую молитву. Возможно, стоит считать благословением,

что столь тупоумный верховный септон прожил всего лишь год, пока его не забрала лихорадка.

А может быть, и нет. Ибо король к тому времени уверовал, что боги даровали восьмилетнему мальчику (уличному оборванцу, как утверждали позже, хотя более вероятно — сыну торговца тканями) способность творить чудеса. Его милость твердил, будто сам видел, как мальчик толковал с голубями, и те отвечали ему человеческими голосами — голосами Семерых, согласно Бейлору. Король объявил, что этот мальчик должен стать следующим верховным септоном, и Праведные вновь уступили желанию монарха. Так был избран самый юный верховный септон из всех, когда-либо носивших хрустальную корону.

В конце концов, на очередной строгий пост Бейлора сподвигло рождение Деймона Уотерса, незаконнорожденного ребенка Дейны Таргариен от мужчины, имя которого она отказалась называть (хотя позже королевство узнало, что это был не кто иной, как ее двоюродный брат Эйгон, в ту пору бывший еще принцем). Несколькими годами ранее король едва не уморил себя, когда постился целую луну из-за того, что близнецы, рожденные принцессой Нейрис, умерли вскоре после своего рождения. На этот раз Бейлор зашел

еще дальше, отказавшись от всей пищи, кроме воды и небольшого количества хлеба, способного разве что заглушить спазмы в животе. Сорок дней длился его пост. На сорок первый день его милость нашли без чувств у алтаря Матери.

Великий мейстер Манкан[35] сделал все, чтобы исцелить короля. Так же поступил и маленький верховный септон, но его чудеса закончились. Король предстал перед Семерыми на десятом году своего правления, в 171 году от З.Э.

После того, как Визерис II взошел на трон, поползли злобные слухи (вышедшие, как говорят, из-под пера леди Майи из дома Стоквортов) о том, будто бы десница отравил короля ради короны, которую он дожидался более десяти лет. Также предполагают, что Визерис мог отравить Бейлора ради блага государства, поскольку король-септон понемногу уверовал, будто Семеро призвали его обратить на путь истинный всех инаковерующих страны. А это явно привело бы к войне с Севером и Железными островами, вызвав тем самым страшное разорение и смуту.

СЕСТРЫ БЕЙЛОРА I

Дейна, самая прославленная из трех сестер, была и наиболее любимой — как за красоту, так и за безоглядную храбрость. Ее знали как умелую

всадницу и грозную лучницу — Дейна пользовалась дорнийским луком своего брата Дейрона, который тот привез после своих завоеваний. Также она пробовала себя в конных поединках (хотя ее, несмотря на все старания, так никогда и не допустили на ристалище). Вскоре после заточения сестер Бейлора в Девичьем склепе Дейна стала известна, как Непокорная, поскольку была самой неугомонной из всех троих и целых три раза сбегала, переодеваясь служанкой или какой-либо простолюдинкой. На исходе царствования Бейлора она даже умудрилась обзавестись ребенком... хотя теперь можно сказать, что лучше бы ей было быть не столь непокорной — из-за всех тех бед, что ее сын принес королевству.

Говоря о двух других сестрах короля, стоит отметить, что Рейна была почти столь же благочестива, сколь и ее брат, и со временем стала септой. Элейна, самая младшая, будучи гораздо своевольнее Рейны, особой красотой не отличалась (если сравнивать с ее сестрами). Как рассказывают, в дни заточения в Девичьем склепе она состригла свой «сияющий венец» — длинные волосы цвета светлого серебра с одной золотистой прядью — и отослала их брату, умоляя о свободе. Девица уверяла, что, будучи острижен-

ной, она стала слишком уродлива, и ей уже не соблазнить никакого мужчину. Но стенания принцессы так и не были услышаны.

Элейна пережила и брата, и обеих своих сестер. После выхода из Девичьего склепа ее жизнь была достаточно бурной. Пойдя по стопам Дейны, она родила двоих бастардов от лорда Алина Вела-риона: близнецов Джона и Джейн Уотерсов. Как пишут, принцесса всей душой надеялась стать женой Дубовому Кулаку, но через год после того, как отец ее детей пропал в море, отчаялась и согласилась на брак с другим.

Всего же ей довелось выходить замуж три раза. Первая свадьба состоялась в 176 году от З.Э., с богатым, но уже старым Оссифером Пламмом. Как утверждают, он умер во время консумации брака, однако Элейна зачала, поскольку лорд Пламм смог выполнить супружеский долг прежде своей кончины. Позже авторы различных оскорбительных слушков сошлись на том, что лорд Пламм в действительности испустил дух, увидев наготу своей невесты (эти слухи излагались в непристойнейших выражениях — таких, что могли бы позабавить самого Грибка, но нам не стоит их повторять). Также уверяли, что отцом ребенку, которого принцесса понесла в ту

ночь, был принц Эйгон, ее двоюродный брат — тот самый, что позже станет королем Эйгоном Недостойным[36].

Второй раз Элейна вступила в брак по желанию короля Дейрона Доброго, преемника Эйгона Недостойного. Дейрон выдал ее замуж за своего мастера над монетой. Этот союз привел к рождению еще четверых детей... и к тому, что истинным мастером над монетой стали называть именно Элейну. Супруг[37] же ее, как говорят, хотя и был добродетельным и благородным лордом, не проявлял больших способностей к расчетам. Влияние принцессы резко усилилось, и она пользовалась доверием короля во всех тех делах, которыми занималась ради блага монарха и государства.

А третья свадьба Элейны свершилась по ее собственной воле — Элейна полюбила сира Микаэля Манвуди, дорнийца, прибывшего ко двору с принцессой Марией. Манвуди, юношей учившийся в Цитадели, был человеком с хорошими манерами, большого ума и знаний. После женитьбы Дейрона на Марии сир Микаэль стал доверенным лицом короля: его несколько раз посылали в Браавос вести переговоры с Железным банком. Сохранилась переписка между Хранителями ключей

Железного банка и Манвуди (письма скреплены его печатью и подписаны его именем, но, по-видимому, начертаны рукой Элейны), относящаяся к этим переговорам.

Элейна вышла замуж за сира Микаэля вскоре после смерти своего второго супруга — судя по всему, с благословения Дейрона. На склоне лет принцесса призналась, что ее любовь к Манвуди возникла не столько из-за его образованности, сколько из-за увлечения музыкой. Как известно, сир Микаэль часто играл для принцессы на арфе, и после его смерти Элейна приказала, чтобы на своем надгробном изображении Манвуди был вырезан именно с арфой, а не со шпорами и мечом, как подобает рыцарю.

Визерис II

Итак, к 171 году от З.Э. эту юдоль слез покинули и Дейрон, и Бейлор — оба сына Эйгона III. Но были живы все три его дочери, и часть простого люда (и даже некоторые лорды) полагали, что по праву на Железный трон теперь должна взойти принцесса Дейна. Впрочем, таковых было немного: десятилетнее заточение в Девичьем склепе лишило Дейну с сестрами всех сильных союзников, к тому же были еще свежи воспоминания о бедах, постигших страну после того, как в прошлый раз на Железный трон взошла женщина. Дейна Непокорная в глазах многих лордов выглядела особой дикой, неуправляемой... и к тому же распутной, поскольку годом ранее родила бастарда, которого назвала Деймоном, и чьего отца упорно отказывалась называть.

Были учтены решения Великого совета 101 года и события Танца Драконов, после чего права сестер Бейлора отвергли. Корона перешла к дяде и деснице Благословенного короля, принцу Визерису.

Верно пишут, что Визерис правил, пока Дейрон

сражался, а Бейлор молился. Принц служил десницей своим племянникам четырнадцать лет, а еще до них — брату, королю Эйгону III. Говорят, что он был самым проницательным десницей со времен септона Барта, хотя от его благих начинаний было немного проку в дни правления Сломленного короля, который совершенно не желал угождать подданным или завоевывать их любовь. В труде «Жизнь четырех королей» великий мейстер Каэт уделяет Визерису мало внимания, не говоря ни о плохом, ни о хорошем... но есть и те, кто заявляет, будто по праву книга должна быть о пяти королях, включая Визериса. И все же Визериса обошли вниманием ради обсуждения его сына, Эйгона Недостойного.

После всех тех лет, последовавших за Танцем Драконов, которые Визерис провел в Лисе заложником, принц вернулся в Королевскую Гавань с супругой, красавицей Ларрой Рогаре, дочерью богатого и влиятельного знатного дома. Высокая и гибкая подобно иве, с серебристо-золотыми волосами и лиловыми глазами Старой Валирии (ибо в Лисе кровь ее все еще сильна), она была на семь лет старше Визериса. Ларра так и не почувствовала себя частью двора и не смогла там стать по-настоящему счастливой. Тем не менее,

прежде чем навсегда вернуться в Лис, она родила Визерису троих детей.

Старший сын, Эйгон, родился после возвращения Визериса из Лиса — в 135 году от З.Э., в Красном замке. Крепкий и здоровый мальчик рос красивым и обаятельным, но в то же время безответственным, капризным, жившим только ради своих удовольствий. Своему отцу он доставил немало хлопот и неприятностей, а королевству — немало боли.

В 136 году вслед за старшим принцем на свет появился Эймон. В детстве он был так же силен и пригож, как и Эйгон, но в нем не было пороков брата. Принц показал себя прекрасным наездником и замечательным для своего возраста мечником — рыцарем, достойным носить Темную Сестру. Из-за трехглавого дракона на шлеме, выполненного из белого золота, Эймон стал известен под прозвищем Рыцарь-Дракон. И по сей день этого принца называют самым благородным рыцарем из всех когда-либо живших, а его имя — одно из самых легендарных в Королевской гвардии.

Последним ребенком Визериса стала его единственная дочь — Нейрис, родившаяся в 138 году от З.Э. Люди рассказывали, будто бы ее кожа была

столь бледна, что выглядела почти прозрачной. Принцесса росла маленькой и хрупкой (и не поправлялась, поскольку мало ела), с очень тонкими чертами лица. А глаза ее — очень большие, оттенка темной фиалки, обрамленные бледными ресницами — вдохновляли многих и многих певцов.

Для Нейрис любимым братом был Эймон, поскольку знал, как ее развеселить и обладал тем же благочестием, что и сестра — чего совершенно не было у Эйгона. Принцесса любила Семерых столь же сильно, как и Рыцаря-Дракона, если не сильнее. Возможно, она даже стала бы септой, будь на то разрешение ее лорда-отца. Но позволения не последовало, напротив, Визерис в 153 году от З.Э. обвенчал ее со старшим сыном — с благословения короля Эйгона III. Из песен мы знаем, что и Эймон, и Нейрис во время церемонии лили слезы, хотя, согласно хроникам, Эймон поссорился с Эйгоном на свадебном пиру, а у Нейрис лились слезы скорее в час провожания, а не при венчании.

Кое-кто пишет, будто многие сумасбродства Юного Дракона и Бейлора Благочестивого порождены принцем Визерисом, в то время как другие доказывают, что именно Визерис, как мог,

усмирял их навязчивые идеи. Несмотря на то, что его царствование длилось немногим более года, весьма поучительно будет принять во внимание его преобразования в королевском хозяйстве, создание нового монетного двора, усилия по увеличению объемов торговли за Узким морем и пересмотр свода законов, который создал еще Джейхейрис Миротворец в годы своего долгого правления.

У Визериса II были все возможности стать новым Миротворцем, ибо среди Таргариенов не случалось короля более проницательного и одаренного. К сожалению, в 172 году от З.Э. внезапная болезнь унесла его жизнь.

Нет нужды говорить, что некоторые сочли странностью и саму болезнь, и быстроту, с которой та протекала, но тогда никто не осмелился высказывать свои подозрения. Минуло более десятилетия, прежде чем на бумагу легло первое обвинение — будто бы Визериса отравил не кто иной, как Эйгон, его сын и преемник.

Правда ли это или всего лишь подозрение? Мы не можем сказать точно. Но, учитывая все бесславные и порочные деяния Эйгона Недостойного (как до, так и после получения им короны), это подозрение никак нельзя исключить.

Эйгон IV

Король Эйгон, четвертый этого имени, с детства мечтал о том, как займет трон, и наконец, после смерти отца в 172 году от З.Э., взошел на освободившийся престол. Бывший в молодости весьма миловидным, Эйгон прекрасно владел копьем и мечом, обожал танцы и охоту — будь то с собаками или ястребами — и восхищал всех своим остроумием. При дворе он считался ярчайшей звездой своего поколения. Но при всех достоинствах у Эйгона имелся очень серьезный порок — принц совершенно не умел себя смирять. Он полностью находился во власти своих страстей: похоти, чревоугодия и прочих вожделений. Получив Железный трон, он начал лишь с некоторого потворства своим удовольствиям, но со временем запросы Эйгона стали безмерными, а его испорченность привела к деяниям, терзавшим королевство несколько поколений. Каэт в своем труде пишет: «Эйнис был слаб, Мейгор — жесток, Эйгон II — алчен, но ни один король ни до, ни после не совершал столь намеренного непотребства».

Вскоре Эйгон наводнил свой двор людьми, выбранными не за честность, знатность или мудрость, а только за их способности льстить и развлекать. Дамы при его дворе, по большей части, занимались тем же, позволяя королю тешить похоть их телами. Прихоти ради, Эйгон частенько отнимал что-либо у одного знатного дома и отдавал другому — например, он забрал у дома Бракенов холмы под названием Титьки и даровал их Блэквудам. Потворствуя своим капризам, король мог пустить на ветер бесценные сокровища. Так, он подарил своему деснице, лорду Баттервеллу, драконье яйцо в обмен на доступ ко всем трем его дочерям. Законные наследники лишались ожидаемого состояния, если Эйгон желал его для себя — говорят, что именно так он поступил после смерти лорда Пламма, скончавшегося в день собственной свадьбы.

Его царствование давало богатую пищу для слухов и сплетен среди простонародья. Лордам королевства, жившим вдали от двора (и не желавшим, чтобы Эйгон позволял себе вольности с их дочерьми), он, должно быть, казался сильным и решительным правителем, пусть легкомысленным, но достаточно безвредным. Но с теми, кто дерзнул пробраться в его ближний круг, король

был крайне переменчив, крайне жаден, крайне жесток и совершенно беспощаден.

По слухам, Эйгон никогда не спал один, и не считал вечер завершенным, пока женщина не оказывалась на его ложе. Его похоть ублажали особы самого разного положения: от высокородных принцесс до низкопробнейших блудниц, и, судя по всему, он не делал между ними различия. В последние годы жизни Эйгон утверждал, что спал по крайней мере с девятью сотнями женщин (точное количество ускользало из его памяти), но по-настоящему любил лишь девять из них. (Королева Нейрис, его сестра, не входила в их число.) Девять возлюбленных короля были рождены в самых разных уголках мира, некоторые дарили ему бастардов, но каждая (кроме самой последней) отвергалась после того, как Эйгон уставал от нее. Однако же один из его внебрачных сыновей был рожден женщиной, не входившей в число его девяти возлюбленных — речь идет о Дейне Непокорной.

Деймон — такое имя дала принцесса своему ребенку, в честь принца Деймона, бывшего чудом и ужасом своего времени. Впоследствии многие расценили имя как предзнаменование о том, кем станет этот малыш, родившийся в 170 году

от З.Э. Дейна в те дни отказывалась назвать имя его отца, но уже тогда подозревали, что здесь может быть замешан Эйгон. Деймон Уотерс вырос весьма пригожим юношей, в Красном замке его воспитывали умнейшие мейстеры двора и лучшие мастера воинского дела, включая сира Квентина Болла, свирепого рыцаря по прозвищу Огненный Шар. Деймон больше всего остального любил упражняться с оружием, и столь преуспел, что многие видели в нем воина, который однажды станет новым Рыцарем-Драконом. Эйгон посвятил Деймона в рыцари на двенадцатом году жизни после того, как тот выиграл турнир оруженосцев (тем самым сделав его самым юным рыцарем за все время правления Таргариенов, превзошедшим в этом даже Мейгора I). Более того, король поразил двор, родичей и Малый совет, одарив Деймона Черным Пламенем — мечом Эйгона Завоевателя, а также наделив землями и прочими наградами. После случившегося Деймон решил взять себе имя Блэкфайр[38].

Королева Нейрис (единственная женщина, с которой Эйгон IV не получал удовольствия в постели) была набожной, нежной и слабой — то есть в ней соединились все качества, нелюбимые королем. Для маленькой и хрупкой Нейрис

деторождение было тяжким и опасным трудом. После рождения принца Дейрона (в последний день 153 года от З.Э.) великий мейстер Элфорд предостерег, что следующая беременность может убить ее милость. Говорят, будто бы тогда Нейрис обратилась к Эйгону: «Я дала тебе наследника, и долг мой перед тобой исполнен. Молю тебя, давай отныне жить подобно брату с сестрой». И Эйгон на то якобы ответил: «Ну, мы именно так и живем», и продолжал настаивать, что его сестре надлежит выполнять обязанности жены до конца своих дней.

В отношения между супругами еще большее напряжение вносил их брат, принц Эймон, с самого детства бывший неразлучным с Нейрис. Неприязнь Эйгона к своему благородному, всеми уважаемому брату была очевидна — королю доставляло удовольствие на каждом шагу выказывать пренебрежение и Эймону, и Нейрис. Даже после того, как Рыцарь-Дракон погиб, защищая короля, а годом позже ее милость скончалась родами, Эйгон IV не сделал почти ничего, чтобы почтить их память.

Когда принц Дейрон, сын короля, стал достаточно взрослым, чтобы высказывать свое мнение, ссоры между королем и его ближайшими роди-

чами стали еще более частыми. Каэт в «Жизни четырех королей» дает понять, что за ложными обвинениями в супружеской неверности королевы, выдвинутыми сиром Моргилом Хаствиком, стоял сам король, хотя тогда Эйгон отрицал это. На суде поединком эти обвинения были опровергнуты — сир Моргил пал от руки Рыцаря-Дракона. Разумеется, не по воле слепого случая такие подозрения всплыли именно в те дни, когда Эйгон и принц Дейрон поссорились из-за желания короля начать войну с Дорном, к которой не было ни малейшего повода. И, кроме того, тогда же в первый (но не в последний) раз Эйгон пригрозил назвать одного из своих бастардов наследником вместо Дейрона.

После того, как не стало сестры и брата, король все чаще начал делать едва прикрытые намеки на возможную незаконнорожденность своего сына — на что он никогда бы не осмелился при жизни Рыцаря-Дракона. Его придворные и прихлебатели подражали королю, и клевета росла и ширилась.

В последние годы царствования Эйгона именно принц Дейрон более всего препятствовал дурному правлению короля. Кое-какие лорды видели возможность урвать почести, должности и земли,

угождая прихотям властителя, становящегося все более тучным из-за своей прожорливости. Другие, осуждающие поведение монарха, начали собираться вокруг принца Дейрона — король публично так никогда и не отрекся от сына вопреки всем своим пошлым насмешкам, сплетням и даже угрозам. Мнения по поводу причин этого расходятся: некоторые считают, что где-то в глубине души Эйгона еще было место если не для чести, то хотя бы для стыда. Однако более вероятной причиной имеет смысл считать понимание им того, что подобное деяние ввергнет страну в войну, поскольку друзья Дейрона (а самым могущественным из таковых был дорнийский принц, на чьей сестре Дейрон был женат) будут защищать его права. Возможно, именно по этой причине Эйгон обратил свое внимание на Дорн. Король использовал все еще тлевшую в марках, Просторе и Штормовых землях ненависть к дорнийцам для того, чтобы подстрекнуть часть союзников Дейрона и использовать их против самых могущественных сподвижников последнего.

К счастью для государства, в 174 году от З.Э. задуманное Эйгоном вторжение в Дорн обернулось полным провалом. Огромный флот, построен-

ный его милостью, желавшим добиться того же успеха, что и Дейрон Юный Дракон, был рассеян бурями и погиб на пути в Дорн.

Впрочем, не гибель флота оказалась самым большим недомыслием в деле завоевания Дорна, изначально обреченном на провал. Эйгон IV обратился к сомнительным пиромантам из древней Гильдии алхимиков и повелел «выстроить для него драконов». Созданные громадины из дерева и железа, оснащенные помпами, стреляющими струями дикого огня, возможно, и могли бы пригодиться во время осады. Но Эйгон рассчитывал провезти эти устройства по Костяному пути, где есть столь крутые подъемы, что дорнийцы вырубили там ступени.

Забираться так далеко не пришлось. В Королевском лесу, задолго до Костяного пути, загорелся один из этих «драконов», и вскоре уже пылали все семь. В возникшем пожаре погибли сотни людей и сгорела почти четверть Королевского леса. После случившегося король отказался от своих замыслов. Никогда больше он не упоминал о Дорне.

В 184 году от З.Э. правление этого недостойного монарха подошло к концу. Эйгону IV исполнилось сорок девять лет, и он к тому времени стал

невообразимо тучным, едва мог ходить, и многие задавались вопросом, как последняя возлюбленная Эйгона (Серенея из Лиса, мать Ширы Морской Звезды) могла терпеть его объятия. Умирающий король выглядел жутко: тело так сильно вздулось и отекло, что он был не в состоянии даже встать с постели, конечности заживо гнили, и плоть кишела червями. Мейстеры заявляли, что никогда не видели ничего подобного, септоны же объявили этот леденящий кровь ужас карой богов. Чтобы облегчить страдания, Эйгону давали маковое молоко, но уже мало что можно было для него сделать.

Последним его деянием перед смертью, на чем сходятся все источники, было обнародование своего завещания. И с помощью этого документа король создал злейший яд для разъедания государства: он узаконил всех своих незаконнорожденных детей, признанных и непризнанных, и самого низкого происхождения, и Великих бастардов — сыновей и дочерей от женщин из благородных семей. Десятки его детей так никогда и не были признаны, предсмертное желание Эйгона им ничего не дало. Однако для признанных бастардов это означало многое, а для королевства — пламя и кровь на пять поколений

вперед.

ДЕВЯТЬ ВОЗЛЮБЛЕННЫХ ЭЙГОНА IV НЕДОСТОЙНОГО

ЛЕДИ ФАЛЕНА СТОКВОРТ

Первая возлюбленная, была старше Эйгона на десять лет.

В 149 году от З.Э., когда Эйгону исполнилось четырнадцать, леди Фалена «сделала его мужчиной». В 151 году королевские гвардейцы застали их в постели, и отец Фалены выдал ее замуж за своего[39] мастера над оружием, Лукаса Лотстона, а чтобы удалить Фалену со двора — убедил короля назвать Лотстона лордом Харренхолла. Тем не менее, следующие два года Эйгон частенько наведывался в этот замок.

Дети от Фалены Стокворт: нет признанных[40].

МЕГЕТТ (ВЕСЕЛАЯ МЕГ)

Жена кузнеца, молодая и полногрудая.

В 155 году от З.Э. лошадь Эйгона, когда тот проезжал близ Доброй Ярмарки, потеряла подкову. Отыскав местного кузнеца, принц заметил и его юную жену. Эйгон выкупил девушку с помощью семи золотых драконов (и угроз от королевского гвардейца, сира Джоффри Стонтона). Для Мегетт был выделен дом в Королевской Гавани, у

них с Эйгоном даже состоялась «свадьба» — тайная церемония, где роль септона сыграл нанятый лицедей, и за несколько лет Веселая Мег родила четверых детей. Принц Визерис положил этому конец: Мегетт он вернул мужу, а ее дочерей отдал Святой Вере, чтобы девочек воспитали как септ. В течение года кузнец забил Мегетт насмерть.

Дети от Веселой Мег: Алисанна, Лили, Ива, Рози.

ЛЕДИ КАССЕЛЛА ВЕЙТ

Дочь дорнийского лорда.

После Замирения в Солнечном Копье Эйгон сопровождал в столицу дорнийских заложников, взятых из знатных семей королем Дейроном I. Среди них была Касселла Вейт, стройная дева с зелеными глазами и платиновыми волосами, которую Эйгон сделал «заложницей» в собственных покоях. После того, как дорнийцы восстали и убили Юного Дракона, всех заложников ожидала смерть, и Эйгон — к тому времени уставший от Касселлы — вернул девицу к прочим пленникам. Однако новый король, Бейлор I, даровал дорнийцам прощение и лично сопроводил их обратно на родину. Касселла так никогда и не вышла замуж, и до седых волос тешила себя заблуждением, что

она — единственная истинная любовь Эйгона, и он вскоре пришлет за ней.

Дети от Касселлы Вейт: нет.

БЕЛЛЕГЕРА ОТЕРИС (ЧЕРНАЯ ЖЕМЧУЖИНА БРААВОСА)

Рождена в союзе посланника Летних островов и дочери браавосского купца. Была капитаном корабля «Буйный ветер», занималась торговлей, контрабандой и даже пиратством.

После того, как в 161 году от З.Э. Нейрис забеременела, а затем едва не скончалась родами, Бейлор Благословенный отправил Эйгона в Браавос с дипломатической миссией. Источники тех времен намекают, будто поручение это стало предлогом — король желал удостовериться, что Эйгон оставит Нейрис в покое, пока та оправляется после неудачных родов. В Браавосе принц встретил Беллегеру Отерис. Их отношения продолжались в течение десяти лет, хотя про Беллегеру ходили разговоры, что у нее по мужу в каждом порту, а Эйгон всего лишь один из многих. За это десятилетие Черная Жемчужина родила троих детей сомнительного отцовства: двух девочек и мальчика.

Дети от Черной Жемчужины: Белленора, Нархa, Балерион.

ЛЕДИ БАРБА БРАКЕН

Знойная темноволосая дочь лорда Бракена из Каменного Оплота, компаньонка трех принцесс из Девичьего склепа.

Со смертью Бейлора в 171 году от З.Э. и восхождением на трон Визериса II, принцессы, ранее заточенные в Девичьем склепе, вновь были допущены к мужскому обществу, и Эйгона (ставшего наследником престола и получившего титул принца Драконьего Камня) очаровала шестнадцатилетняя Барба. Став королем в 172 году, Эйгон назвал ее отца десницей, а саму леди открыто взял себе в любовницы. Она родила бастарда всего лишь за пару недель до рождения близнецов у королевы Нейрис — мальчика, оказавшегося мертвым, и выжившей девочки, названной Дейнерис. Пока королева была на грани смерти, десница, будучи отцом Барбы, открыто говорил о скором бракосочетании своей дочери и Эйгона. И после того, как Нейрис оправилась, этот скандал погубил Барбу — Рыцарь-Дракон со своим молодым племянником, принцем Дейроном, заставили Эйгона выслать ее прочь со двора, вместе с бастардом. Мальчика, взращенного Бракенами в Каменном Оплоте, назвали Эйгором Риверсом, а со временем он стал известен как Жгучий Клинок.

Дети от Барбы Бракен: Эйгор Риверс (Жгучий Клинок).

ЛЕДИ МЕЛИССА (МИССИ) БЛЭКВУД

Наиболее любимая из женщин короля.

Мисси, будучи далеко не столь полногрудой, как леди Барба, но более молодой, прекрасной и более скромной, к тому же обладала добрым сердцем и щедрой душой. С ней сдружились и сама королева Нейрис, и Рыцарь-Дракон, и принц Дейрон. За пять лет своего «царствования» Мисси родила королю трех бастардов, самым известным из которых стал Бринден Риверс (родился в 175 году), позже прозванный Кровавым Вороном.

Дети от Мелиссы Блэквуд: Мия, Гвенис, Бринден (Кровавый Ворон).

ЛЕДИ БЕТАНИ БРАКЕН

Младшая сестра леди Барбы.

Отец и сестра намеренно готовили Бетани для того, чтобы та добилась королевской благосклонности и сместила Мисси Блэквуд. Эйгон обратил внимание на девицу в 177 году от З.Э., когда навещал в Каменном Оплоте Эйгора, своего бастарда. К тому времени король стал тучным и сварливым, но Бетани привела его в восторг, и Эйгон забрал ее с собой в столицу. Впрочем, Бетани нашла королевские объятья безрадост-

ными и обратилась за утешением к сиру Терренсу Тойну, рыцарю Королевской гвардии. В 178 году Эйгон лично застал пару в постели, после чего сир Терренс был замучен до смерти, а леди Бетани Бракен казнена вместе со своим отцом. Братья Тойна дерзнули отомстить за сира Терренса, и при этом, защищая короля Эйгона, погиб его брат, принц Эймон Рыцарь-Дракон.

Дети от Бетани Бракен: нет.

ЛЕДИ ДЖЕЙН ЛОТСТОН

Дочь леди Фалены, первой возлюбленной Эйгона, от лорда Лукаса Лотстона (либо же от самого короля).

Джейн была представлена ко двору матерью в 178 году от З.Э., в ту пору ей исполнилось четырнадцать. После этого король назвал лорда Лотстона своим новым десницей, и ходили слухи (но бездоказательные), что мать и дочь одновременно делили с Эйгоном ложе. Вскоре он заразил Джейн дурной болезнью, которую подцепил от блудниц, чьими услугами пользовался после казни леди Бетани, и всех Лотстонов вновь выслали из столицы.

Дети от Джейн Лотстон: нет.

СЕРЕНЕЯ ИЗ ЛИСА (СЛАДКАЯ СЕРЕНЕЯ)

Лиснийская красавица из старинного, но обед-

невшего рода, прибывшая ко двору благодаря предприимчивости лорда Джона Хайтауэра, нового десницы короля.

Серенея считалась самой прекрасной из всех возлюбленных Эйгона, к тому же слыла колдуньей. Она скончалась родами, подарив королю его последнего бастарда — девочку по имени Шира. Шира, прозванная Морской Звездой, позже станет первой красавицей Семи Королевств и вскружит голову двоим своим единокровным братьям — Жгучему Клинку и Кровавому Ворону, и соперничество молодых людей перерастет в ненависть.

Дети от Серенеи: Шира.

Дейрон II

В 184 году от Завоевания Недостойный Эйгон Четвертый, наконец, ушел из жизни.

Дейрон, сын и наследник покойного, прибыл с Драконьего Камня в Красный замок не более чем через пару недель после известия о кончине отца, и верховный септон сразу же короновал принца. Дейрон предпочел увенчать себя отцовской короной — по всей видимости, намереваясь таким решением подавить любые остававшиеся сомнения в правомочности нового монарха. Король немедленно принялся разгребать все то, что наворотил Эйгон, начав с удаления всех членов королевского Малого совета и замены их собственными людьми, большинство из которых позже проявили свои способности и ум. Чуть больше чем за год была заменена и городская стража, ибо король Эйгон зачастую использовал продвижение по службе в золотых плащах как способ излить королевскую щедрость на тех, кому особенно благоволил. Его же любимчики, в свою очередь, следили за тем, чтобы бордели (и даже порядочные горожанки) были доступны

для похоти Эйгона.

Впрочем, Дейрон не остановился на этом в своих усилиях улучшить то, что его родитель извратил сам или чьему разложению попустительствовал в пагубном небрежении. Он добросовестно исполнял долг государя перед вверенной ему державой и стремился уберечь ее от последствий предсмертного указа Эйгона, узаконившего всех своих единокровных детей-бастардов. Хотя король не мог — и не стал бы — отменять последнюю волю отца, он делал все, чтобы удержать Великих бастардов при себе, выказывал им уважение и оставил все доходы, дарованные родителем. Он заплатил приданое, обещанное Недостойным архонту Тироша, и тем обеспечил женитьбу своего единокровного брата Деймона Блэкфайра на Роанне Тирошийской, как того и желал Эйгон — при том, что сиру Деймону было всего четырнадцать. На свадьбу он подарил Деймону участок земли близ Черноводной с правом построить замок. Одни говорят, что король так поступал, желая доказать Великим бастардам свою правомочность, другие же — потому что был добр и справедлив. Какой бы ни была истина, усилия эти, увы, оказались напрасными.

Все же царствование Дейрона примечательно

не только осложнениями с Великими бастардами или иной неурядицей, оставшейся от Эйгона. Брак его милости с Марией Дорнийской — теперь королевой Семи Королевств — стал счастливым и плодовитым. После обретения престола одним из первых значимых действий Дейрона стало начало переговоров со своим шурином, принцем Мароном, о переходе Дорна под власть Таргариенов. После двух лет обсуждения условий была достигнута договоренность, по которой принц Марон согласился обручиться с Дейнерис, сестрой Дейрона, когда та достигнет брачного возраста. Они поженились на следующий год, и, заключая брак, принц Марон преклонил колено и принес вассальную присягу Железному трону.

Его милость сердечно поздравил дорнийского принца, и они, вместе покинув Красный замок, отправились к Великой септе. Там король и принц возложили золотой венок к подножию статуи Бейлора Благословенного, торжественно возгласив: «Бейлор, твое дело завершено!» То был великий миг: королевство наконец-то объединилось от Стены и до Летнего моря, как некогда мечтал Эйгон Завоеватель; и это сотворилось отнюдь не ужасной ценой жизней, которую пришлось заплатить Юному Дракону — тезке

Дейрона II.

В следующем году Дейрон возвел в Дорнийских марках великолепную резиденцию — близ места, где сходятся границы Простора, Дорна и Штормовых Земель. Названная Летним замком, она (в ознаменование сотворенного мира) была почти не укреплена и являлась скорее дворцом, чем крепостью. В последующие годы многие сыновья дома Таргариенов будут титуловаться принцами Летнего замка и держать это владение.

Однако принц Марон добился нескольких оговоренных уступок, и владыки Дорна получили значительные права и привилегии, которых не было у других великих домов. Первое среди них — право сохранить свой монарший титул, а также право издавать собственные законы, право устанавливать и собирать налоги, обязавшись Железному трону лишь время от времени подвергаться надзору Красного замка, и ряд других подобных привилегий. Недовольство этими уступками стало одним из семян, взошедших Первым восстанием Блэкфайра, так как считалось, что Дорн приобрел слишком большое влияние на короля — ибо Дейрон II призвал ко двору множество дорнийцев, и некоторым из них были пожалованы заметные должности.

В годы после явленной Деймоном Блэкфайром измены толковали, будто бы его ненависть к брату начала расти издавна. Это Эйгон — а не Деймон — желал брака Блэкфайра с Роанной Тирошийской. Деймон же, напротив, пылал страстью к сестре Дейрона, юной принцессе Дейнерис. Если можно довериться певцам, то и сама принцесса, будучи всего на два года моложе Деймона, возлюбила принца-бастарда, но ни Эйгон IV, ни Дейрон II не были готовы ставить такие чувства выше интересов государства. Эйгон усматривал значительную выгоду в союзе с Тирошем, чей флот, возможно, мог бы пригодиться на случай еще одной попытки завоевать Дорн.

Эта история выглядит достаточно правдоподобной, однако другие рассказы уверяют, что Деймон не так уж и противился браку с Роанной Тирошийской, поскольку был убежден, что сможет пойти по стопам Завоевателя и Мейгора Жестокого, взяв себе более чем одну супругу. Может быть, Эйгон даже обещал этому потворствовать (позднее некоторые сподвижники Блэкфайров заявляли, что так и было), но Дейрон был совершенно иного мнения. Он не только не разрешил брату еще один брак, но и отдал руку Дейнерис Марону Мартеллу по условиям сделки,

окончательно объединившей Семь Королевств и Дорн.

Любила ли Дейнерис Деймона, как твердили те, что позже встали за черного дракона — кто скажет? В последующие годы Дейнерис никогда не была кем-то иным, кроме как верной женой принца Марона, и даже если она и горевала по Деймону Блэкфайру, то никаких записей об этом не оставила.

Как бы то ни было, управление Дейрона быстро успокоило королевство, и вскоре как простолюдины, так и благородные лорды стали называть короля Дейроном Добрым. Стало широко распространенным мнение о его милости как о справедливом и добросердечном правителе, пусть даже влияние его дорнийской жены и вызывало некоторые сомнения. И хотя он не был воином — описывающие ту эпоху отмечают хрупкое сложение короля, его тонкие руки, покатые плечи и школярский вид — двое из четверых сыновей Дейрона, казалось, имели все, что только можно пожелать рыцарю, лорду и наследнику. Старший, принц Бейлор, в семнадцать лет заслужил прозвище Сломи Копье благодаря славной победе на турнире в честь свадьбы принцессы Дейнерис; в последней схватке он одолел Деймо-

на Блэкфайра. А младший сын, принц Мейкар, проявлял, как виделось, такую же доблесть.

Однако слишком многие, глядя на темные волосы и глаза Бейлора, шептались, что он больше Мартелл, чем Таргариен, пусть и показал себя человеком, способным легко завоевать уважение, пусть и был так же щедр и справедлив, как его отец. Лорды и рыцари из Дорнийских марок стали с недоверием относиться к Дейрону, а также и к Бейлору, и начали все чаще и чаще оглядываться на минувшие годы, когда дорнийцы были врагами в бою, а не соперниками в борьбе за королевские внимание и щедрость. А затем те же лорды дивились и любовались возмужавшим Блэкфайром — высоким, могучим, полубогом с мечом Завоевателя среди смертных людей.

Семена восстания были посеяны, но чтобы они взошли, потребовались годы. Не было ни последней обиды, ни большой несправедливости, которые обратили бы Деймона Блэкфайра против короля Дейрона. Если все случилось действительно из-за любви к Дейнерис, то почему восстание зрело целых восемь лет? За этот долгий срок несчастная любовь должна была утихнуть, тем более что Роанна уже подарила Деймону семерых сыновей (и, кроме того, еще дочерей), а Дейне-

рис также родила принцу Марону нескольких наследников.

В действительности семена восстания отыскали плодородную почву благодаря Эйгону IV. Этот король ненавидел дорнийцев и всегда желал войны с ними, а лордов, мечтавших вернуть старые дни, миролюбивый правитель осчастливить не смог бы никогда — несмотря на плохое управление времен Недостойного. Многие славные воины, с унынием взиравшие на мир в государстве и дорнийцев при королевском дворе, начали доискиваться Деймона.

Пожалуй, изначально Деймон Блэкфайр снисходил до подобных бесед просто потому, что они тешили его тщеславие. Ведь, в конце концов, миновали целые годы от первых обхаживаний Деймона до настоящего восстания. Что же тогда склонило Деймона к тому, чтобы действительно заявить свои права на престол? Или кто? Наиболее вероятно, что это сотворил другой из Великих бастардов — сир Эйгор Риверс, прозванный Жгучим Клинком. Может быть, потому, что кровь Бракенов сделала Эйгора весьма вспыльчивым и скорым на обиду, а может — из-за позорного падения Бракенов в глазах короля Эйгона, приведшего к отлучению Жгучего Клинка от ко-

ролевского двора. Или, возможно, все случилось всего лишь из-за соперничества сира Эйгора с его единокровным братом Бринденом Риверсом, тоже бастардом, который умел поддерживать тесные связи при дворе — поскольку мать Кровавого Ворона очень любили при жизни и тепло вспоминали после, Блэквуды не пострадали так, как Бракены, когда король отверг своих любовниц из этих домов.

Как бы ни обстояло дело, Эйгор Риверс вскоре начал подталкивать Деймона к тому, чтобы тот заявил права на трон, и особенно сильно — после того, как Деймон согласился выдать за Эйгора свою старшую дочь Каллу[41]. Клинок Риверса мог жечь, но его язык жег еще сильнее. И вкупе с шумной толпой других обиженных лордов и рыцарей Эйгор вливал в уши Деймона яд.

В конце концов, годы таких разговоров дали свои плоды, и Деймон Блэкфайр принял решение. Однако же принял сгоряча, ибо новость о том, что Блэкфайр намерен провозгласить себя королем еще до перемены луны, быстро достигла короля Дейрона. (Мы не знаем, как именно Дейрон получил эту весть, хотя незаконченный труд Мериона «Драконы: красный и черный» содержит предположение, что не обошлось без еще

одного из Великих бастардов, Бриндена Риверса.) Король послал своих гвардейцев задержать Деймона, прежде чем изменнические замыслы последнего смогли бы выйти наружу. Но Деймона предупредили, и ему удалось благополучно сбежать из Красного замка с помощью лихого вспыльчивого рыцаря сира Квентина Болла по прозвищу Огненный Шар. Сторонники Деймона Блэкфайра использовали этот неудавшийся арест как повод к войне, заявив, что Дейрон действовал против Деймона всего лишь из необоснованного страха. Иные еще и называли Дейрона «ложнорожденным», повторяя клевету, что запустил сам Эйгон в последние годы своего правления: якобы Дейрон был зачат не королем, а его братом, Рыцарем-Драконом.

Вот так в 196 году от З.Э. и началось Первое восстание Блэкфайра. Переменив освященные обычаем цвета герба Таргариенов и показав черного дракона на красном поле, мятежники объявили бастарда принцессы Дейны Деймоном Блэкфайром, первым этого имени, истинным старшим сыном короля Эйгона IV, а его единокровного брата Дейрона — бастардом. Позже черный и красный драконы много раз вступят в бой — на Западе, в Долине, в Речных землях и

других местах.

Почти через год восстание завершилось на Краснотравном поле. О бойцах, сражавшихся за Деймона, кто-то писал как о храбрецах, а кто-то другой — как об изменниках, но так или иначе, при всей своей доблести на поле боя и ненависти к Дейрону, битву они проиграли. Деймон со старшими сыновьями Эйгоном и Эймоном погибли под градом стрел, выпущенных Бринденом Риверсом и его личной гвардией, Вороновыми Зубами. Однако вслед за тем Жгучий Клинок, схватив Черное Пламя, попытался сплотить войска Деймона — и последовала бешеная атака. Этот бросок прервало столкновение с сиром Бринденом, перетекшее в яростный поединок, после которого Кровавый Ворон остался без одного глаза, а Жгучий Клинок обратился в бегство.

Но конец сражению наступил, когда явился принц Бейлор Сломи Копье с войском штормовых лордов и дорнийцев. Он обрушился с тыла на людей Блэкфайра, в то время как молодой принц Мейкар сплотил остатки авангарда лорда Аррена, тем самым создав несокрушимую наковальню для молота Бейлора, на которой мятежники были разбиты. Из-за тщеславия Деймона Блэкфайра погибло десять тысяч, к тому же намного больше

людей было ранено и искалечено. Все усилия Дейрона по достижению мира оказались разбитыми вдребезги, хотя в этом не было его вины — разве что слишком большая милость к завистливому единокровному брату.

Впоследствии король Дейрон проявил суровость, которую мало кто ожидал. У многих лордов и рыцарей, поддержавших черного дракона, отобрали земли, замки, привилегии, а также заставили их дать заложников. Дейрон им доверял, делал все, чтобы править справедливо, а они все же обратились против него. Выжившие сыновья Деймона Блэкфайра бежали на родину их матери, в Тирош, а вместе с ними — Жгучий Клинок. Еще четыре поколения королевство будет страдать от претендентов Блэкфайров, пока последний из потомков Деймона Черного Дракона по мужской линии не сойдет в могилу.

Будучи в Эссосе, Жгучий Клинок собирал вокруг себя изгнанных лордов, рыцарей и их потомков, и в 212 году от З.Э. создал из них воинство Золотых Мечей, вскоре признанное первейшим вольным отрядом в Спорных землях. Их боевой клич — «Под золотом жгучая сталь» стал известен во всем Эссосе. После Эйгора Риверса отрядом командовали потомки Деймона Блэкфайра, пока

последний из них, Мейлис Ужасный, не был убит на Ступенях.

Большинство полагало, что отныне Дейрон обеспечил власть Таргариенов в королевстве на сотни лет вперед — разбирательства с единокровными братьями были завершены, а сыновья и наследники имелись во множестве. Мало кто мог сомневаться, что Бейлор Сломи Копье будет великим королем, ибо сердцем он был рыцарем, а душой — мудрецом. Наследник служил отцу десницей и выглядел на этом посту весьма достойно. Но воля богов не ведома никому. На турнире в Эшфорде в 209 году от З.Э., будучи в расцвете сил, Бейлор Сломи Копье оказался сраженным собственным братом Мейкаром. Случилось то не в бою на копьях и не в общей схватке, а на Суде Семерых — первом за столетие — где Бейлор выступил на стороне скромного межевого рыцаря низкого происхождения. Гибель наследника почти наверняка была несчастным случаем, и, как пишут, принц Мейкар всегда горько сожалел о кончине Бейлора и отмечал грустную дату каждый год. Однако же Бейлора не стало... Несомненно, и Мейкар, и все королевство гадали: стоил ли один межевой рыцарь утраты принца Драконьего Камня и десницы короля? (Но тогда

еще не знали, как высоко поднимется этот межевой рыцарь — хотя это другая история.)

У Бейлора были сыновья — юные принцы Валарр и Матарис, и у Мейкара тоже, да и у короля было еще два сына (хотя страна не слишком надеялась на Эйриса — одержимого мистикой книжника, и Рейгеля — милого мальчика, тронутого безумием). Но затем Великое весеннее поветрие охватило все Семь Королевств, кроме Долины и Дорна, где закрыли порты и горные перевалы. Самый тяжкий удар пришелся на долю Королевской Гавани. Скончался верховный септон, Глас Семерых на земле, как и треть Праведных, как и почти все Молчаливые Сестры. Тела сваливали в руинах Драконьего Логова, пока гора из них не достигла десятифутовой высоты. В конце концов, пироманты по приказу Кровавого Ворона трупы там же и сожгли. Вместе с ними сгорела четверть города, но ничего другого сделать было нельзя.

Что еще хуже, среди унесенных поветрием оказались сыновья Бейлора Сломи Копье, а, кроме того, король Дейрон II, большинством называемый Добрым. Он правил двадцать пять лет, и большую часть тех лет королевство видело мир и процветание.

Эйрис I

Занявший престол в 209 году от З.Э. Эйрис, второй сын Дейрона, совершенно не подходил для Железного трона. Желания надеть корону у него никогда не было, скорее его можно назвать в своем роде ученым — хотя увлечения Эйриса в основном были связаны с пыльными томами о древних пророчествах и высших таинствах. Женатый на Эйлинор Пенроз[42], он никогда не выказывал интереса к получению от нее наследника, и ходил слух, что ему даже не удалось консумировать брак. В Малом совете, отчаявшись найти решение, уповали на то, что его просто отталкивает от супруги некая неприязнь, и потому призывали короля отказаться от Эйлинор и взять другую жену. Но Эйрис о том не желал и слышать.

Эйрис I надел корону во время Великого весеннего поветрия и сразу же был вынужден заботиться о наведении порядка в государстве, ибо, едва лишь мор угас, корабли Дагона Грейджоя, лорда Железных островов, отправились в грабительские налеты по всему побережью

Закатного моря. И в те же дни за Узким морем плели заговоры Жгучий Клинок и сыновья Деймона Блэкфайра. По-видимому, для разрешения всех этих вопросов Эйрис обратился к Бриндену Риверсу и назвал его своим десницей.

Возможной причиной возвышения Кровавого Ворона предполагалось то, что Эйрис увлекался тайными знаниями и древней историей подобно самому Риверсу, чьи изыскания в области высших таинств не были тогда ни для кого секретом. При дворе Бринден Риверс уже занимал весьма видное место, но мало кто ожидал, что Эйрис назовет его десницей. Поступок короля повлек за собой раздоры его милости с братом, принцем Мейкаром, ожидавшим собственного назначения на этот пост. После ссоры Мейкар на несколько лет покинул Королевскую Гавань, поселившись в Летнем замке.

Кровавый Ворон оказался способным десницей, а вот на должности мастера над шептунами напоминал леди Мисарию. Считалось, что он и Шира Морская Звезда (его единокровная сестра и возлюбленная) используют колдовство для выискивания секретов. Его «тысяча и один глаз» вошли в поговорку, и люди как высокого, так и низкого происхождения перестали доверять

своим ближним из страха, что те окажутся соглядатаями на службе Бриндена Риверса. Но осведомители Эйрису были необходимы — из-за всех несчастий, последовавших за Великим весенним поветрием. Ибо когда наступило лето, вместе с ним пришла двухгодичная засуха. Многие винили в этом короля, но еще больше народу обвиняло Кровавого Ворона. Нашлись нищенствующие братья, проповедовавшие крамолу, им вторили лорды и рыцари. А среди них были и шептавшие о настоящей измене: о черном драконе, который должен вернуться из-за Узкого моря и занять свое законное место.

Источником всех поползновений разжечь новый мятеж стал лорд Гормон Пик. За участие в Первом восстании Блэкфайра Пика лишили двух из тех трех замков, которыми его род владел на протяжении веков. После Великого весеннего поветрия и засухи лорд Пик убедил старшего из оставшихся сыновей Деймона Блэкфайра, Деймона Младшего, в необходимости пересечь Узкое море и вступить в игру престолов.

Заговор созрел к 211 году от З.Э. Все случилось на свадебном турнире в Белостенном — большом замке, возведенном лордом Баттервеллом около Божьего Ока. Этот самый Баттервелл некогда был

десницей Дейрона, пока король не сместил его (заменив лордом Хейфордом) из-за подозрительной неспособности лорда успешно действовать против Черного Пламени в первые дни мятежа Блэкфайров. В Белостенном под предлогом празднования свадьбы лорда Баттервелла и участия в турнире собралось множество лордов и рыцарей с общим для всех желанием возвести на трон Блэкфайра.

Если бы среди заговорщиков не было осведомителей Кровавого Ворона, то Деймон Младший смог бы в самом сердце Речных земель начать беспорядки и мятеж. Но еще до завершения турнира у Белостенного внезапно появился десница с собственным войском, и Второе восстание Блэкфайра закончилось прежде, чем стало бы можно с уверенностью утверждать о его начале. В числе заговорщиков, казненных по горячим следам подавленного мятежа, был и Гормон Пик; прочие же, включая лорда Баттервелла, обошлись потерей земель и крепостей. Что же до Деймона, то он в течение нескольких лет жил заложником в Красном замке. Кое-кто удивлялся такому наказанию, но в нем был простой здравый смысл: пока жив этот Блэкфайр, его брат Хейгон, следующий за ним по старшинству, не сможет заявить права

на престол.

Прекрасно известно, что Деймон Младший мечтал о короне, но также ведомо и то, что Жгучий Клинок отнюдь не поддерживал его стремление занять трон. Однако причина, по которой Эйгор Риверс содействовал отцу, но отказал сыну, остается загадкой, порой вызывающей споры в залах Цитадели. Многими утверждается, будто бы Молодой Деймон и лорд Гормон не смогли убедить Жгучего Клинка в надежности своего замысла, и этот довод кажется справедливым: Пик из-за своего желания вернуть замки и жажды мщения не слышал голос разума, а Деймон был убежден, что достигнет цели вопреки всему. Другие же считают, что Жгучий Клинок в силу жесткости натуры не ждал пользы ни от чего, кроме войны, и не доверял ни снам Деймона, ни его любви к музыке и красивым вещам. А некоторые еще и с неодобрением указывают на близкие отношения Деймона с молодым лордом Кокшо, полагая, что это раздражало Эйгора Риверса достаточно сильно, чтобы отказать юноше в помощи.

Второе восстание Блэкфайра было разгромлено, но проигрыш не стал уроком. Третье восстание Хейгон Блэкфайр и Жгучий Клинок подняли в 219 году от Завоевания. Давно описаны все деяния,

свершившиеся в те дни, как добрые, так и дурные. Освещены и руководящая роль Мейкара, и действия Эйриона Яркого Пламени, и мужество младшего сына Мейкара, и вторая схватка между Кровавым Вороном и Жгучим Клинком... И то, как после поражения в битве претендент Хейгон I Блэкфайр был вероломно убит — уже после того, как отдал свой меч. А сира Эйгора Риверса, Жгучего Клинка, взяли живым и в цепях доставили в Красный замок. Многие до сих пор убеждены, что если бы его предали мечу на месте, как настаивали принц Эйрион и Кровавый Ворон, то это бы сразу же положило конец честолюбивым стремлениям Блэкфайров.

Но такого не случилось. Хотя Жгучего Клинка за государственную измену судили и приговорили, король Эйрис сохранил ему жизнь, повелев отправить на Стену, чтобы остаток своих дней тот провел мужем Ночного Дозора. Увы, это милосердное решение не оказалось мудрым — при дворе у Блэкфайров имелось еще немало друзей, и кое-кто с охотой передал нужные сведения. Корабль со Жгучим Клинком и десятком других осужденных был перехвачен в Узком море по пути к Восточному Дозору. Освобожденный Эйгор Риверс вернулся к Золотым Мечам. Еще до

конца года он короновал в Тироше старшего сына Хейгона как Деймона III Блэкфайра и вновь стал злоумышлять против пощадившего его короля.

Еще почти два года король Эйрис I восседал на Железном троне, прежде чем в 221 году от З.Э. скончаться по естественным причинам. За годы своего правления его милость последовательно назначал нескольких наследников, хотя ни один из таковых не был ему родным ребенком. Эйрис умер, не оставив потомства; его брак с женой так и не был консумирован. Рейгель, брат Эйриса, третий сын Дейрона Доброго, скончался еще раньше — в 215 году от З.Э. он подавился на пиру пирогом с миногами. После случившегося принцем Драконьего Камня и наследником престола стал Эйлор, сын Рейгеля. Но двумя годами позже не стало и этого принца, убитого при нелепом несчастном случае рукой Эйлоры, своей жены и сестры-близнеца, вследствие чего та сошла с ума от горя. (К сожалению, Эйлора, в конце концов, покончила с собой после того, как на бале-маскараде на нее напали трое, оставшиеся в истории как Крыса, Ястреб и Свинья[43].)

Трон перейдет от Эйриса к тому из наследников, которого он утвердил перед своей смертью: единственному оставшемуся в живых брату ко-

роля, принцу Мейкару.

Мейкар I

Мейкар остался в памяти людей деятельным королем и замечательным воином, но в то же время — суровым человеком, скорым на суд и приговор. У него никогда не было присущего его брату Бейлору дара легко заводить друзей и союзников, и после смерти брата от его рук, пусть и неумышленной, он сделался еще более строгим и неумолимым. Желая решительно порвать с прошлым, король повелел изготовить для себя новую корону: с черными железными пиками на обруче красного золота (ибо венец Эйгона Завоевателя был утерян после гибели Дейрона I в Дорне). Такая корона куда больше подходила воину, но все же Мейкару довелось править в относительно мирную пору между двумя восстаниями Блэкфайров, а источником смуты в это царствование в основном служили собственные сыновья монарха.

Краеугольным камнем всех интриг в годы правления Мейкара стал вопрос о наследовании престола. У короля имелось немало сыновей и дочерей, но имелись обоснованные сомнения

в их пригодности к делу управления. Дейрон, старший сын, прозванный Пьяницей, предпочел для себя титул принца Летнего замка, поскольку находил Драконий Камень слишком мрачным местом. Следующий по старшинству сын, Эйрион, известный как Яркое Пламя или Яркий Огонь, считался великолепным воином, однако жестоким и капризным человеком, к тому же любителем темных искусств. Оба этих принца скончались прежде отца, хотя после обоих остались дети. Принц Дейрон в 222 году от З.Э. породил дочь Вейлу, но девочка, увы, оказалась слабоумной. У Эйриона Яркого Пламени в 232 году родился сын, получивший в честь своего предка зловещее имя Мейгор, но сам Огненный принц умер в том же году, выпив дикого огня в уверенности, что это позволит ему превратиться в дракона.

Эймон, третий сын короля, всему остальному на свете предпочитал книги. Еще мальчиком он был отправлен в Цитадель, где смог выковать себе цепь мейстера, после чего принял обеты. Самый младший, принц Эйгон, в отрочестве именовал себя «Эггом». В те дни он служил оруженосцем межевому рыцарю — тому самому, при защите которого погиб Бейлор Сломи Копье.

Некий придворный остроумец заметил: «Дейрон — посмешище, Эйрион — страшилище, а Эйгон — почти крестьянище».

В 233 году от З.Э. Мейкар возглавил войско, выступившее против мятежного лорда из Дорнийских марок. В бою король погиб, и по вопросу престолонаследия возникло всеобщее замешательство. Во избежание еще одного Танца Драконов королевский десница Кровавый Ворон для разрешения этого дела предпочел созвать Великий совет.

Итак, в Королевской Гавани в 233 году собралась сотня великих и малых лордов. Поскольку оба старших сына Мейкара скончались, возможных претендентов осталось четверо. Великий совет сразу же отверг милую, но слабоумную дочь принца Дейрона Вейлу. Лишь немногие высказались за Мейгора, сына Эйриона Яркого Пламени — король-младенец предвещал долгое беспокойное регентство, к тому же имелись опасения, что мальчик может унаследовать от своего отца жестокость и безумие. Самым очевидным выбором был принц Эйгон, но некоторые лорды и ему не доверяли, ибо, как соглашались многие, странствия с межевым рыцарем сделали из него «почти крестьянище». Его действительно счита-

ли столь неприемлемым, что была предпринята попытка выяснить, не может ли мейстер Эймон, старший брат Эйгона, освободиться от своих обетов. Из этого ничего не вышло, поскольку отказался сам Эймон.

Но когда споры Великого совета были в самом разгаре, в Королевскую Гавань прибыл еще один претендент — не кто иной, как Эйнис Блэкфайр, пятый из семерых сыновей Черного Дракона. Когда было только объявлено о Великом совете, Эйнис из тирошийского изгнания прислал письмо, выдвинув свои доводы в надежде, что сможет словами взять Железный трон, который его предки трижды не могли завоевать мечами. Кровавый Ворон, королевский десница, в ответе предложил претенденту личную неприкосновенность, чтобы тот мог сам прибыть в столицу и заявить о своих притязаниях.

Эйнис неразумно согласился. Однако стоило ему войти в город, как золотые плащи тотчас схватили его и поволокли в Красный замок. Там голова Блэкфайра немедля была отрублена, после чего представлена лордам Великого совета — как предупреждение любому, кто все еще сочувствовал черному дракону.

Вскоре после этого «принц, что проклюнулся

из яйца» был избран большинством Великого совета. Четвертый сын четвертого сына, Эйгон V повсюду будет известен как Эйгон Невероятный, поскольку изначально стоял невероятно далеко от трона.

Эйгон V

По воцарении первым же действием Эйгона стал арест Бриндена Риверса, десницы короля — из-за убийства им Эйниса Блэкфайра. Кровавый Ворон не отрицал, что заманил к себе претендента, предложив тому личную неприкосновенность, но настаивал, что пожертвовал собственной честью ради блага королевства.

Хотя многие с этим соглашались и были рады устранению еще одного претендента Блэкфайра, король Эйгон чувствовал, что у него нет иного выбора, кроме как осудить десницу, иначе бы слово Железного трона потеряло всякую цену. Все же после объявления смертного приговора Эйгон дал Кровавому Ворону возможность надеть черное и вступить в Ночной Дозор. Бринден Риверс так и поступил, и в конце 233 года от З.Э. отплыл к Стене. (Его корабль никто не перехватывал.) Вместе с ним ушли две сотни человек, большинство из них составляли лучники из личной стражи бывшего десницы — Вороновы Зубы. С ними же был и брат короля, мейстер Эймон.

В 239 году от З.Э. Кровавый Ворон станет лор-

дом-командующим Ночного Дозора и прослужит вплоть до своего исчезновения во время вылазки за Стену в 252 году.

Эйгону довелось царствовать в непростое время. Он воссел на трон посреди зимы, причем та тянулась уже три года, и признаков ее окончания пока видно не было. Север голодал и бедствовал, как и сотню лет назад — когда со 130 до 135 года царила долгая зима. Король Эйгон, всегда заботившийся о благе слабых и неимущих, сделал все, чтобы на Север увеличился приток зерна и другой провизии, но кое-кто считал, что в этом он даже перестарался.

Эйгона как правителя сразу же стали испытывать те, в чьи дела он слишком часто вмешивался еще принцем, пытаясь урезать их права и привилегии. Да и угроза черного дракона не исчезла со смертью Эйниса Блэкфайра; бесчестное предательство Кровавого Ворона только усилило враждебность заморских изгнанников. В 236 году от З.Э., когда лютая шестилетняя зима подходила к концу[44], в Вестеросе объявился самозваный король Деймон III Блэкфайр, сын Хейгона и внук Деймона I, а с ним пересекли Узкое море Жгучий Клинок и его Золотые Мечи. Блэкфайры, подняв Четвертое восстание, еще раз попытались вос-

сесть на Железный трон.

Захватчики высадились южнее Черноводного залива, на Крюке Масси, но под их знамена пришли немногие. Навстречу врагу выехал сам король Эйгон V, вместе со всеми тремя сыновьями. В битве у моста на Путеводной Блэкфайры потерпели сокрушительное поражение, а Деймона III сразил рыцарь Королевской гвардии сир Дункан Высокий — тот самый межевой рыцарь, которому «Эгг» некогда служил оруженосцем. Жгучий Клинок ускользнул и снова бежал за Узкое море — лишь для того, чтобы через несколько лет появиться в Спорных землях и поучаствовать вместе со своими наемниками в крупном столкновении Тироша и Мира. В тех боях сир Эйгор Риверс и погиб. Ему тогда уже исполнилось шестьдесят девять лет, и о нем говорили, что-де Жгучий Клинок умер так же, как и жил: с мечом в руках и бранью на устах. Однако его наследием стали Золотые Мечи и династия Блэкфайров, которой Риверс служил и которую защищал.

Во времена Эйгона V случались и другие сражения — Невероятному королю пришлось большую часть своего царствования провести в доспехах, подавляя одно возмущение за другим. Любимец простонародья, король Эйгон приобрел мно-

жество врагов среди лордов королевства, чью власть желал урезать. Он узаконил многие преобразования и даровал простым людям права и привилегии, которых те никогда прежде не знали, но каждая из таких мер вызывала у лордов неистовое противодействие, а иногда и открытое неповиновение. Самый откровенный из его врагов дошел до того, что назвал Эйгона «кровавым тираном, намеренным лишить нас наших богоданных прав и свобод».

Общеизвестно, что это сопротивление истощало терпение Эйгона — ведь нередко случается, что уступки, на которые приходится идти королям, чтобы сохранить власть, отодвигают воплощение их великих надежд все дальше и дальше в будущее. Одно неповиновение следует за другим, и вот его милость уже вынужден склонять голову перед строптивыми лордами куда чаще, чем ему бы хотелось. От изучавшего историю и любившего книги Эйгона V нередко слышали, что будь только у него драконы, как у первого Эйгона, он бы создал королевство заново — мирное, процветающее и справедливое для всех.

Даже собственные сыновья, когда выказывали силу духа, устраивали тяжкие испытания этому добросердечному королю. Эйгон V женился по

любви, взяв супругой леди Бету Блэквуд, своевольную (кто-то скажет, что упрямую) дочь лорда Воронодрева, которую знали как Черную Бету — из-за темных глаз и волос цвета воронова крыла. Они сыграли свадьбу в 220 году от З.Э., и тогда невесте было девятнадцать, а Эйгону двадцать, и принц стоял так далеко в очереди наследников, что эта партия не вызвала никаких возражений[45]. В дальнейшем Черная Бета подарила Эйгону трех сыновей (Дункана, Джейхейриса и Дейрона) и двух дочерей (Шейру и Рейль).

У дома Таргариенов издавна существовал обычай женить брата на сестре, чтобы хранить чистоту драконьей крови, но по каким-то причинам Эйгон V был убежден, что такие кровосмесительные союзы приносят больше вреда, чем пользы. Он, напротив, решил собственных детей сочетать браком с сыновьями и дочерьми некоторых величайших лордов Семи Королевств в надежде приобрести у них поддержку своим преобразованиям и укрепить свою власть.

В 237 году от З.Э., когда дети Эйгона были еще совсем молоды, с помощью Черной Беты было заключено и отпраздновано несколько выгодных помолвок. Если бы позже состоялись и браки, то принесли бы много хорошего... но его милость не

смог учесть своеволие собственных отпрысков. Дети Беты Блэквуд оказались такими же упрямыми, как их мать, и, подобно отцу, предпочли слушаться своего сердца при выборе спутников жизни.

Первым бросил вызов королю его старший сын — Дункан, принц Драконьего Камня и наследник престола. Несмотря на помолвку с дочерью дома Баратеонов из Штормового Предела, Дункан был очарован странной, прекрасной и загадочной девушкой, называвшей себя Дженни из Старых Камней. Случилось это в 239 году от З.Э., когда принц путешествовал по Речным землям. Она жила полудикой жизнью среди развалин и утверждала, что ведет свой род от давно исчезнувших королей Первых людей. Однако народ из окрестных деревень высмеивал эти слова и настаивал, что Дженни — всего лишь полубезумная крестьянка, а может, даже и ведьма.

Эйгон действительно был другом простого люда, среди которого вырос, но согласиться на брак наследного принца с девицей неопределенного происхождения было выше его сил. Его милость сделал все, чтобы расстроить брак, потребовав от Дункана оставить Дженни. Однако принц унаследовал отцовское упрямство и отказал. Дункан не

отступил даже после того, как верховный септон, великий мейстер и Малый совет совместно потребовали, чтобы король Эйгон поставил сына перед выбором между Железным троном и дикаркой из леса. Вместо того чтобы отказаться от Дженни, он уступил права на корону брату Джейхейрису и отрекся от титула принца Драконьего Камня.

Но и это не смогло ни восстановить покой, ни вернуть дружбу дома Баратеонов. Отец отвергнутой девушки, лорд Штормового Предела Лионель Баратеон — прозванный Смеющимся Вихрем и прославившийся боевой доблестью — не так-то легко успокаивался, когда задевали его честь. Если говорить коротко — лорд Лионель поднял восстание, и пролилась кровь. Мятеж удалось загасить лишь после того, как Смеющийся Вихрь проиграл поединок сиру Дункану из Королевской гвардии. Тогда же король Эйгон торжественно пообещал, что его младшая дочь Рейль выйдет за наследника лорда Лионеля. Чтобы скрепить договор, принцессу Рейль отправили в Штормовой Предел как чашницу лорда Лионеля и компаньонку его леди-жены. Дженни из Старых Камней — леди Дженни, как ее называли из учтивости — была со временем допущена ко двору, а простонародье всех Семи Королевств приняло

девушку необыкновенно тепло. Она и ее принц, с тех пор известный как Принц Стрекоз, на долгие годы стали любимыми героями певцов.

Дженни из Старых Камней привезла ко двору карлицу-альбиноса, в Речных землях слывшую лесной ведьмой. Сама леди Дженни по незнанию своему заявляла, что это одна из Детей Леса.

Следующим бунтарем стал принц Джейхейрис, теперь уже принц Драконьего Камня. Хотя король Эйгон за годы, прожитые в народе, приобрел отвращение к привычным для валирийцев кровосмесительным бракам, у принца Джейхейриса были более традиционные склонности. Он с самых ранних лет любил свою сестру Шейру и мечтал жениться на ней по старому обычаю Таргариенов. Узнав о его желаниях, король Эйгон и королева Бета сделали все возможное, чтобы разлучить пару, но разлука как будто лишь разожгла обоюдную страсть принца и принцессы.

Джейхейрис был не столь волевым, как его брат, однако младший принц не мог не учесть, что король и двор все же уступили желанию Дункана, который ослушался отца и последовал зову своего сердца. В 240 году от З.Э., через год после свадьбы Дункана, принц Джейхейрис и принцесса Шейра, ускользнув от глаз своих

опекунов, смогли пожениться, сохранив все в тайне. Ко дню свадьбы Джейхейрису было пятнадцать, а Шейре четырнадцать. Когда король и королева обо всем узнали, брак уже был консумирован, и Эйгон понял, что ему остается лишь признать случившееся. И снова его милости пришлось столкнуться с уязвленной честью и гневом оскорбленных знатных домов, поскольку Джейхейрис был помолвлен с дочерью лорда Риверрана Селией Талли, а Шейра — с Лютором Тиреллом, наследником Хайгардена.

Джейхейрис и Шейра породили двоих потомков, Эйриса и Рейлу. По совету лесной ведьмы принц Джейхейрис решил поженить своих детей заранее (или таковы сведения придворных). Король Эйгон в отчаянии умыл руки, позволив принцу поступать по-своему.

Даже младший сын короля Эйгона Дейрон, испорченный примером своих братьев, огорчил отца похожим образом. Его обручили с леди Оленной Редвин с Арбора — тогда им обоим было по девять лет. Но в 246 году от З.Э. восемнадцатилетний принц отказался от этой партии... хотя в его случае, как представляется, другой женщины не было, поскольку Дейрон до конца своей короткой жизни оставался холостым. Прирожденный

воин, радовавшийся турнирам и битвам, он предпочитал общество сира Джереми Норриджа — лихого юного рыцаря, который был рядом с ним с тех пор, как оба служили оруженосцами в Хайгардене. В 251 году от З.Э. принц Дейрон возглавил войско, вышедшее против Крысы, Ястреба и Свиньи[46], и был убит в сражении, что принесло его отцу еще больше горя. Сир Джереми погиб рядом с ним, но восстание было подавлено, а мятежники убиты или повешены.

В 258 году от З.Э. власти Эйгона V был еще раз брошен вызов. На сей раз угроза исходила из Эссоса: девять разбойников, изгнанников, пиратов и капитанов вольных отрядов встретились под Венценосным древом в Спорных землях и создали нечестивый союз. Каждый из Банды Девяти желал выкроить себе государство, и все они поклялись оказывать в этом друг другу помощь и поддержку. Среди них был и последний Блэкфайр, Мейлис Ужасный, командовавший Золотыми Мечами. Ему были обещаны Семь Королевств. Принц Дункан, узнав о договоре, остроумно заметил, что на самозванцах эти девять корон стоят девять грошей; после чего в Вестеросе Банду Девяти стали называть Девятигрошовыми королями. Поначалу казалось, что Вольные горо-

да Эссоса непременно выставят против них свои силы и положат конец их притязаниям; тем не менее, были сделаны приготовления на случай, если Мейлис и его союзники обратятся против Семи Королевств. Но ничего особо срочного не было, и король Эйгон продолжал заниматься внутренними делами.

ИМЕНА И ПРОЗВИЩА БАНДЫ ДЕВЯТИ, УСТРОИВШИХ В ЭССОСЕ И НА СТУПЕНЯХ ВЕЛИКУЮ СМУТУ

СТАРАЯ МАТЬ: королева пиратов.

САМАРРО СААН, он же ПОСЛЕДНИЙ ВАЛИРИЕЦ: печально известный пират валирийских кровей из столь же печально известного пиратского семейства Лиса.

КСОБАР КХОКУА, он же ЭБЕНОВЫЙ КНЯЗЬ: принц-изгнанник с Летних островов, нашедший свою судьбу в Спорных землях и возглавивший отряд наемников.

ЛИОМОН ЛАШАРЕ, он же ВЛАДЫКА БИТВЫ: знаменитый капитан наемников.

РЯБОЙ ТОМ, он же МЯСНИК: капитан вольного отряда в Спорных землях, бывший родом из Вестероса.

СИР ДЕРРИК ФОССОВЕЙ, он же ГНИЛОЕ ЯБЛОКО: рыцарь с дурной славой, изгнанный из Вестероса.

ДЕВЯТИГЛАЗЫЙ: капитан Весельчаков — вольного отряда.

АЛЕКВО АДАРИС, он же ЗЛАТОУСТ: богатый и честолюбивый купеческий магнат из Тироша.

МЕЙЛИС БЛЭКФАЙР, он же УЖАСНЫЙ: капитан Золотых Мечей, прозвище получил за невероятно огромные туловище и руки, устрашающую силу и дикий нрав. У него на плечах имелась еще одна голова — величиной с кулак. Выиграл должность капитана Золотых Мечей, победив в бою своего родича Деймона Блэкфайра: сначала одним ударом убил его коня, а затем скручивал Деймону шею до тех пор, пока полностью не оторвал голову.

В те времена король наметил себе еще одну цель: драконов. Чем старше становился Эйгон V, тем больше мечтал о том, чтобы небеса над Вестеросом снова рассекали эти создания. Тут он оказался одного поля ягодой со своими предшественниками, которые призывали септонов молиться над последними яйцами, магов — произносить над ними заклинания, а мейстеров — изучать их. Хотя друзья и советники стремились его отговорить, король Эйгон все больше убеждался, что только с драконами он обретет достаточно власти, чтобы провести в королевстве задуманные им перемены и заставить гордых и

упрямых лордов Семи Королевств смириться с его указами.

Последние годы своего царствования Эйгон провел в поисках древних знаний о разведении драконов в Валирии, и сообщали, будто король организовывал путешествия даже в такие дальние места, как Асшай-у-Тени, надеясь найти тексты и знания, не сохранившиеся в Вестеросе.

Мечта о драконах стала причиной страшного горя, случившегося в миг радости. В роковом 259 году от З.Э. король созвал множество самых близких людей в свой любимый Летний замок, чтобы там отпраздновать предстоящее рождение первого правнука — мальчика, позже названного Рейгаром, сына его внука Эйриса и внучки Рейлы, детей принца Джейхейриса.

Бесконечно жаль, что произошедшее в Летнем замке бедствие оставило в живых очень мало свидетелей, а уцелевшие о том не рассказывают. Мучительно дразнящая страница хроники Гильдейна — наверняка одна из самых последних, написанных перед его смертью — намекает на многое, но при какой-то несчастливой случайности на нее были пролиты чернила, уничтожив основной текст.

ИЗ ЗАПИСЕЙ АРХИМЕЙСТЕРА ГИЛЬДЕЙНА

...кровь дракона собрана в одно...

...семь яиц в честь Семерых, хотя септон короля предупреждал...

...пироманты...

...дикий огонь...

...пламя стало неуправляемым ... высится ... так жарко, что...

...гибель, но доблестью лорда-коман...

Джейхейрис II

Трагедия Летнего замка привела в 259 году от З.Э. на Железный трон Джейхейриса, второго этого имени. Едва он успел надеть корону, как Семь Королевств все-таки оказались втянутыми в войну: Девятигрошовые короли захватили и разграбили Вольный город Тирош, укрепились на Ступенях и изготовились напасть оттуда на Вестерос.

Джейхейрис знал, что Банда Девяти намерена завоевать Семь Королевств для Мейлиса Ужасного, провозгласившего себя королем Мейлисом I Блэкфайром, но, как и его отец Эйгон, Джейхейрис надеялся, что содружество разбойников увязнет в Эссосе или падет под ударами какого-нибудь союза Вольных городов. Однако же ныне пришел час действия, и ни короля Эйгона V, ни Принца Стрекоз не было в живых, а принц Дейрон, также превосходный боец, погиб еще несколько лет назад. Остался лишь Джейхейрис — наименее воинственный из троих сыновей Эйгона.

Новому королю в день восшествия на Железный трон было тридцать четыре года. Никто бы

не назвал его грозным. В отличие от братьев, Джейхейрис II Таргариен всегда был тощим, слабым и всю свою жизнь боролся с разными недугами. И, тем не менее, его нельзя было упрекнуть в недостатке храбрости или ума. Его милость переборол горе, созвал своих лордов-знаменосцев и, согласно еще отцовским замыслам, решил отправиться на Ступени, чтобы начать войну с Девятигрошовыми королями на островах, не дожидаясь высадки тех в Вестеросе.

Джейхейрис намеревался лично возглавить наступление на Банду Девяти, но лорд Ормунд Баратеон, десница короля, убедил его в неразумности такого действия. Лорд Ормунд указал, что его милость непривычен к тяготам походов и не является умелым воином, что было бы глупо рисковать жизнью монарха сразу же после трагедии Летнего замка. Наконец, Джейхейрис позволил себя уговорить и остался в столице вместе с королевой. Командование над войском принял лорд Баратеон как десница короля.

В 260 году от З.Э. началось кровопролитие — его светлость высадил войска Таргариенов на трех островах Ступеней, после чего и на самих островах, и в проливах закипели бои, продлившись большую часть этого года. Подробности о

выдающихся подвигах и действиях армий (и о морских, и о сухопутных сражениях) есть в превосходном труде мейстера Эона «Повествование о войне Девятигрошовых королей», одном из лучших произведений своего рода. Среди первых павших оказался лорд Ормунд Баратеон, возглавлявший силы Вестероса — сраженный Мейлисом Ужасным, он умер на руках Стеффона Баратеона, своего сына и наследника.

Командование войсками Таргариенов принял сир Герольд Хайтауэр, Белый Бык — новый молодой лорд-командующий Королевской гвардии. Какое-то время ему и его бойцам было весьма тяжко, и чаши весов застыли в равновесии. Но молодой рыцарь сир Барристан Селми убил Мейлиса в одиночной схватке, стяжав себе тем бессмертную славу. Это и решило исход войны: остальным Девятигрошовым королям до Вестероса было мало дела, и вскоре они отступили в собственные владения. Мейлис Ужасный был пятым и последним из претендентов Блэкфайров; с его смертью наконец-то потеряло силу проклятие, которое Эйгон Недостойный навлек на Вестерос, вручив своему бастарду родовой меч.

Потребовалось еще полгода тяжелых боев, прежде чем удалось освободить Спорные земли

и Ступени от остатков Банды Девяти. Для Семи Королевств это была великая победа, пусть и доставшаяся не без жертв и страданий. А еще через шесть лет Алекво Адарис, тиран Тироша, будет отравлен собственной королевой, и произойдет реставрация архонтов Тироша.

В Семь Королевств вернулся мир. Джейхейрис II, будучи отнюдь не крепок телом, оказался способным правителем: он восстановил в государстве порядок и примирился со многими великими домами, недовольными Железным троном из-за неудачных преобразований короля Эйгона V. Но правление его милости, увы, было коротким. В 262 году от З.Э. короля Джейхейриса II одолела хворь, и после непродолжительной болезни он скончался в своей постели, страдая от затрудненного дыхания. Ему было всего тридцать семь лет, на Железном троне он восседал короткие три года.

Эйрис II

Эйрис Таргариен, второй этого имени, взошел на Железный трон в 262 году от З.Э. Отец его, Джейхейрис II, скончался всего лишь после чуть более трех лет царствования — новому королю тогда исполнилось восемнадцать лет. Эйрис был весьма хорош собой и отважен — в дни войны Девятигрошовых королей он доблестно сражался на Ступенях. К тому же, будучи не самым прилежным и умным из принцев, он обладал несомненным очарованием, которое помогло ему привлечь к себе множество друзей. Но благодаря таким чертам, как тщеславие, гордыня и непостоянство, молодой король стал легкой добычей для льстецов и угодников. Однако в начале его правления эти изъяны в глаза особо не бросались.

В те дни и величайшие мудрецы не предугадали бы, что со временем Эйрис станет известен как Безумный король, и уж тем более — что его царствование положит конец почти трехсотлетнему владычеству Таргариенов в Вестеросе. В тот же судьбоносный 262 год, когда Эйрис увенчался короной, в Штормовом Пределе родился крепкий

черноволосый малыш, названный Робертом — сын Стеффона Баратеона, кузена короля, и его леди-жены. В те же дни, но много севернее, в Винтерфелле, лорд Рикард Старк праздновал рождение собственного сына, Брандона. Другой Старк, Эддард, родился менее чем через год. И все трое, пока еще младенцы, в свой час внесут решающий вклад в низвержение дома Драконов.

Новый король уже успел обзавестись сыном и наследником, Рейгаром, родившимся среди пожара Летнего замка. Ожидалось, что у молодых Эйриса и Рейлы, его сестры и королевы, появится множество детей — в ту пору жизненно важное дело для Таргариенов, поскольку несчастья времен Эйгона Невероятного сократили древо этого благородного дома лишь до пары одиноких ветвей.

Эйрис II был весьма честолюбив. После коронации он объявил о своем желании стать величайшим правителем в истории Семи Королевств — самонадеянность, подпитываемая его друзьями, твердившими, что их короля однажды будут вспоминать как Эйриса Мудрого или даже Эйриса Великого.

Окружение его отца большей частью составляли почтенные летами и бывалые люди, и многие

из них служили еще Эйгону V. Эйрис II изгнал их всех до единого и заменил лордами, близкими ему по возрасту. Самым заметным событием стала отставка старого и крайне осторожного десницы Эдгара Слоуна и назначение на его место Тайвина Ланнистера, наследника Утеса Кастерли. Сиру Тайвину было всего двадцать лет, и он стал самым молодым десницей в истории Семи Королевств. Многие мейстеры и по сей день настаивают, что это назначение и стало наимудрейшим из того, что когда-либо сделал «Эйрис Мудрый».

Эйрис и Тайвин с детства знали друг друга — мальчиком Тайвин служил в столице пажом короля. Он, принц Эйрис и еще более молодой паж, кузен принца Стеффон Баратеон, в те дни составляли неразлучную троицу. На войне Девятигрошовых королей они сражались вместе: Тайвин — как рыцарь, прошедший посвящение незадолго до того, принц Эйрис и Стеффон — как оруженосцы. Когда Эйрис в шестнадцать лет получил шпоры, он предоставил знаковую честь посвятить его в рыцари именно сиру Тайвину. В 261 году от З.Э. Тайвин подавил мятеж двух могущественнейших вассалов его отца, Рейнов и Тарбеков. Он быстро уничтожил оба этих

древних дома, проявив себя как превосходный военачальник. И хотя некоторые порицали жестокие методы Тайвина, никто не мог оспорить, что именно он навел порядок в Западных землях после правления своего отца, оставившего смуту и распри.

Надо сказать, что дружба Эйриса Таргариена и Тайвина Ланнистера выглядела необычной. В первые годы своего царствования молодой король был полон жизни — обожал музыку, танцы, маскарады и питал страсть к молодым девицам, заполнив двор красотками из всех уголков страны. Поговаривали, что любовниц у него было столько же, сколько и у его предка Эйгона Недостойного (наиболее сомнительное утверждение, учитывая все, что мы знаем об этом монархе). Впрочем, Эйрис II всегда быстро терял интерес к своим возлюбленным — в отличие от Эйгона IV. Большинство из них не оставались дольше, чем на пару недель, и лишь некоторые задерживались при дворе до полугода.

Его милость был переполнен величайшими замыслами. Сразу после коронации он объявил о намерении завоевать Ступени и навеки сделать их частью Семи Королевств. В 264 году от З.Э. посещение столицы лордом Рикардом Старком

пробудило в нем интерес к Северу, и Эйрис вынашивал идеи строительства новой Стены на сотню лиг далее имеющейся и захвата земель между ними. В 265 году король, оскорбленный «вонью Королевской Гавани», заговорил о необходимости постройки «белостенного города» целиком из мрамора на южном берегу Черноводной. В 267 году, по окончании обсуждения с Железным банком некоторых денежных средств, заимствованных его отцом, Эйрис объявил, что построит величайший в истории флот, чтобы «принудить Браавосского Титана преклонить колено». В 270 году, во время своего визита в Солнечное Копье, сказал принцессе Дорна, что «заставит дорнийские пустыни зацвести», прорыв каналы непомерной длины под горами, чтобы подать воду из Дожделесья.

Конечно же, ни один из этих помпезных замыслов так и не был осуществлен; как правило, их забывали со следующей луной. Казалось, Эйрису II наскучивали собственные увлечения так же быстро, как и его любовницы. Однако в первый десяток лет его правления Семь Королевств безусловно процветали, ибо у десницы было все, чего не хватало королю — трудолюбие, решимость, неутомимость, острый ум, беспристрастность и

суровость. «Боги сотворили и подготовили этого человека для того, чтобы править», — так писал о Тайвине Ланнистере великий мейстер Пицель в письме в Цитадель после двух лет служения в Малом совете.

И он правил. Чем более странным становилось поведение короля, тем больше власти день ото дня переходило в руки десницы. Государство благоденствовало под управлением Тайвина Ланнистера — так, что даже бесконечные капризы короля не выглядели пагубными. Множество Таргариенов вели себя подобным образом, и это не вызывало особого беспокойства. От Староместа до Стены люди стали поговаривать, что Эйрис, может, и носит корону, но управляет королевством Тайвин Ланнистер.

Именно Тайвин Ланнистер уладил спор Железного трона с браавосийцами (хотя и без «преклонения колена Титаном», к неудовольствию короля), выплатив суммы, предоставленные Джейхейрису II, золотом Утеса Кастерли — переведя, таким образом, долги на себя. Он заслужил одобрение многих знатных лордов, отменив те из остававшихся законов Эйгона V, которые ограничивали их власть. Снизил пошлины и налоги на ввоз и вывоз товаров в Королевской Гавани,

Ланниспорте и Староместе, чем приобрел поддержку многих состоятельных купцов. Построил новые дороги и привел в порядок старые, устроил множество великолепных турниров на радость рыцарям и простым людям, наладил торговлю с Вольными городами. Были строго наказаны пекари, повинные в добавлении опилок в хлеб, и мясники, выдававшие конину за говядину. Неоценимую помощь во всех заботах его светлости оказывал великий мейстер Пицель, чьи записи о царствовании Эйриса II нам дают наилучшее представление о тех годах.

Но, вопреки перечисленным достоинствам, Тайвина не любили. Соперники десницы обвиняли его в отсутствии чувства юмора, в неумолимости и непреклонности, в гордыне и жестокости. Знаменосцы его уважали, верно следовали за ним как в военное, так и в мирное время, но назвать себя настоящим другом его светлости не мог никто. Своего отца — тучного, безвольного и слабого лорда Титоса Ланнистера — Тайвин презирал, а его отношения с братьями Тигеттом и Герионом были весьма бурными, о чем ходило много слухов. Больше внимания уделялось другому брату — Кивану, близкому советнику и постоянному спутнику с детства, а также сестре Дженне, хотя

и здесь Тайвин Ланнистер выказывал больше долга, чем привязанности.

После года служения десницей, в 263 году от З.Э., сир Тайвин женился на Джоанне Ланнистер, своей молодой и прекрасной двоюродной сестре. Леди Джоанна прибыла в Королевскую Гавань в 259 году на коронацию Джейхейриса II, после чего осталась при дворе фрейлиной принцессы (позже — королевы) Рейлы. Жених и невеста были знакомы с самого детства, поскольку вместе росли в Утесе Кастерли. И хотя Тайвин Ланнистер публично своих чувств не проявлял, говорили, что его любовь к супруге была глубока и постоянна. Великий мейстер Пицель так писал в Цитадель: «Только леди Джоанна действительно знает человека под броней, и все его улыбки принадлежат ей, и лишь ей одной. Признаюсь, я даже видел, как она рассмешила десницу, и не единожды, а трижды!»

Можно смело сбрасывать со счетов непристойные слухи о том, что Джоанна Ланнистер отдала свое девичество принцу Эйрису в ночь коронации его отца, а после восхождения того на Железный трон недолгое время наслаждалась положением любовницы короля. Как подчеркивает в своих письмах Пицель, Тайвин Ланнистер, будь

это правдой, вряд ли бы сделал ее своей супругой, ибо «он был гордым человеком и не стал бы довольствоваться чужими объедками».

Однако достоверно известно, что король Эйрис, к неудовольствию Тайвина, на свадьбе своего десницы позволил себе нежелательные вольности в час провожания леди Джоанны. И вскоре после того королева Рейла отказалась от услуг леди Ланнистер, так никогда и не указав причины. Леди Джоанна вернулась в Утес Кастерли и после случившегося редко приезжала в Королевскую Гавань.

К сожалению, брак Эйриса II Таргариена и его сестры Рейлы был не столь удачным: хотя королева закрывала глаза на большинство измен мужа, она не одобряла «превращения моих фрейлин в его шлюх» (Джоанна Ланнистер была не первой и не последней, чьи услуги внезапно отвергла ее милость.) Отношения между супругами стали еще напряженнее, когда стало ясно, что Рейла более не может даровать Эйрису детей. В 263 и 264 годах у королевы случилось два выкидыша, а в 267 году родилась мертвая дочь. Принц Дейрон, появившись на свет в 269 году, прожил всего полгода. Далее в 270 году был еще один мертворожденный, в 271 — снова выкидыш, в 272 — на

два месяца раньше срока родился принц Эйгон, умерший в 273 году.

Его милость поначалу поддерживал Рейлу в ее горе, но со временем его сострадание сменилось подозрениями. В 270 году от З.Э. Эйрис решил, что королева ему неверна. Он заявил Малому совету, что «боги не потерпят бастарда на Железном троне», и объявил, что ни один из выкидышей, мертворожденных или умерших принцев не был его ребенком. После этого он запретил супруге покидать крепость Мейгора и постановил, что две септы отныне будут еженощно делить с королевой постель, «чтобы убедиться, что она верна своим клятвам».

Не отмечено, предпринял ли что-либо по этому поводу Тайвин Ланнистер, но в 266 году от З.Э. леди Джоанна в Утесе Кастерли родила близнецов, девочку и мальчика, «здоровых и пригожих, с волосами цвета кованого золота». Рождение детей только усугубило напряжение между Эйрисом Таргариеном и его десницей. «Кажется, я женился не на той женщине», — говорят, что так обронил его милость, когда узнал о радостной новости. Тем не менее, он послал в Утес Кастерли золото, равное весу каждого младенца, в качестве подарка на именины, и приказал Тайвину представить

детей ко двору, когда они достаточно подрастут для такого путешествия. «И захвати их мать тоже, а то я давно не любовался ее прекрасным личиком», — настаивал Эйрис.

В следующем, 267 году от З.Э., в возрасте сорока шести лет скончался лорд Титос Ланнистер. Согласно записям, сердце его светлости разорвалось, когда он поднимался по крутой лестнице в покои своей любовницы. С его смертью Тайвин Ланнистер стал лордом Утеса Кастерли и Хранителем Запада. И когда он вернулся в свои земли — для похорон отца и восстановления порядка в уделе — король Эйрис решил поехать с ним. Его милость оставил супругу в столице (та носила ребенка — принцессу Шейну, родившуюся, однако, мертвой), но взял с собой восьмилетнего Рейгара, принца Драконьего Камня, и половину двора. И после того чуть ли не год Семь Королевств управлялись из Ланниспорта и Утеса Кастерли, где пребывали и король, и десница.

Двор вернулся в Королевскую Гавань в 268 году от З.Э. Управление возобновилось прежним образом... но всем было ясно, что дружба между королем и десницей начала распадаться. Если раньше Эйрис поддерживал десницу в большинстве случаев, то теперь между ними начались

разногласия. Во время торговой войны между Вольными городами — Миром и Тирошем с одной стороны, и Волантисом с другой — лорд Тайвин выступал за невмешательство, король же видел больше выгоды в поддержке волантийцев золотом и оружием. Когда в очередном пограничном споре между Бракенами и Блэквудами лорд Тайвин поддержал Блэквудов, его милость отменил решение десницы и отдал спорную мельницу лорду Бракену.

Несмотря на настойчивые возражения десницы, король удвоил портовые сборы в Королевской Гавани и Староместе и утроил их в Ланниспорте и других портах государства. А когда делегация мелких лордов и богатых торговцев обратилась с жалобами к Железному трону, король обвинил во всем десницу, заявив «Тайвин испражняется золотом, но в последнее время у него запор, так что он нашел другие способы пополнить казну». После этого его милость восстановил прежние налоги и сборы, заслужив себе здравицы, а Тайвин Ланнистер остался посрамленным.

Нарастающий разлад между королем и десницей стал заметен и в делах о распределении должностей. Раньше его милость всегда прислушивался к мнению десницы, раздавая назначе-

ния, почести и решая споры о наследстве так, как советовал Тайвин. Но после 270 года он начал пренебрегать людьми, рекомендованными его светлостью, в пользу своих собственных. Многих из рожденных в Западных землях отстранили от королевской службы только из-за подозрений, что они могут быть «людьми десницы». На их места король Эйрис назначал своих любимцев... но его благосклонность стала делом случая, а недоверие оказалось легко пробудить. Даже родственники десницы не избежали монаршего неудовольствия. Когда лорд Тайвин пожелал назвать своего брата, сира Тигетта Ланнистера, мастером над оружием в Красном замке, его милость вместо того отдал эту должность сиру Виллему Дарри.

К этому времени Эйрис был вполне осведомлен о широко распространившемся мнении, что он сам — не более чем кукла на троне, а истинным правителем Семи Королевств является Тайвин Ланнистер. Такие разговоры очень раздражали короля, и его милость был весьма решительно настроен опровергнуть их: смирить своего «слишком могущественного слугу» и «поставить его на место».

В дни великого турнира 272 года от З.Э. в честь

десятилетия восхождения Эйриса II на Железный трон, Джоанна Ланнистер представила двору своих шестилетних близнецов Джейме и Серсею. Король (будучи в изрядном подпитии) поинтересовался у Джоанны: раз та кормила детей сама, то «не уродливы ли ныне ваши груди, прежде такие высокие и горделивые». Вопрос весьма повеселил соперников лорда Тайвина, всегда радовавшихся его унижению и посрамлению, а леди Джоанна была оскорблена. Следующим утром Тайвин Ланнистер хотел даже вернуть цепь десницы, но король отказался принять его отставку.

Эйрис II, без сомнений, в любую минуту мог освободить Тайвина Ланнистера от его обязанностей и назвать десницей своего человека. Но по какой-то причине его милость решил оставить своего друга детства при себе и начал вредить ему в большом и малом, пока сам Тайвин трудился от имени короля. Обиды и насмешки стали все более частыми. Придворные, желающие возвыситься, вскоре поняли, что лучший способ обратить на себя внимание монарха — высмеять его серьезного, неулыбчивого десницу. Тем не менее, Тайвин сносил все это молча.

Но в 273 году от З.Э. леди Джоанна в Утесе Кастерли снова взошла на родильное ложе, где и

скончалась, подарив Тайвину второго сына. Тирион, как назвали младенца, оказался уродливым карликом с огромной головой, слабыми ногами и разноцветными бесовскими глазами (иные сообщения даже наводили на мысль том, что у ребенка имелся хвост, позже отрубленный по приказу лорда-отца малыша). В народе увечное дитя прозвали Роком или Погибелью Тайвина Ланнистера. Узнав о его рождении, король Эйрис произнес скандально известные слова: «Боги не могут стерпеть такую гордыню. Они вырвали из рук Ланнистера прекрасный цветок, а взамен дали кошмарного монстра, чтобы он, в конце концов, научился уже смирению».

В недолгий срок это замечание короля передали в Утес Кастерли, где пребывал в печали лорд Тайвин. И после того между бывшими друзьями не осталось ни тени старой привязанности. Не будучи человеком, открыто выражающим свои чувства, лорд Тайвин продолжил служить десницей, занимаясь ежедневной рутиной. Король же в ту пору становился все более сумасбродным, вспыльчивым и подозрительным. Эйрис начал окружать себя доносчиками и раздавать щедрые награды людям с сомнительной репутацией, что передавали ему шепотки, байки и ложь об изме-

нах истинных и воображаемых. Как-то один из таковых заявил о слухе, будто рыцарь по имени сир Илин Пейн, капитан собственной гвардии десницы, бахвалился, будто бы именно лорд Тайвин в действительности правит Семью Королевствами. Его милость отправил королевских гвардейцев арестовать капитана, после чего сиру Илину вырвали язык раскаленными щипцами.

После того, как в 274 году от З.Э. королева Рейла родила сына, казалось, что развивающаяся душевная болезнь короля отступила. Его милость столь переполнился радостью, что снова выглядел прежним... но принц Джейхейрис умер в том же году, ввергнув своего отца в отчаянье. В черной ярости Эйрис решил, что в кончине принца виновна кормилица, и женщина была обезглавлена. Немногим позже, переменив мнение, Эйрис объявил, что Джейхейриса отравила милая юная девушка — собственная любовница короля, дочь одного из рыцарей домашней гвардии. По приказу короля и ее саму, и всю ее родню запытали до смерти. Согласно записям, под пытками все они сознались в убийстве, хоть их признания и не совпадали в деталях.

После этого король постился в течение двух недель и совершил покаянное шествие через весь

город до самой Великой септы, где вознес молитвы вместе с верховным септоном. Вернувшись, его милость объявил, что впредь будет делить ложе только со своей законной женой, королевой Рейлой. Если верить хроникам, Эйрис сдержал эту клятву, и с того дня 275 года потерял интерес к женским прелестям.

Нужно заметить, что верность короля, судя по всему, порадовала Матерь, ибо в следующем году Рейла подарила королю второго сына, которого он так долго вымаливал. Принц Визерис, рожденный в 276 году от З.Э., был маленьким, но крепким, и никогда еще Королевская Гавань не видела ребенка прекраснее. Несмотря на то, что принц Рейгар в семнадцать лет обладал всем, что необходимо наследнику, весь Вестерос был рад узнать, что теперь у него есть брат, еще один Таргариен, и преемственность династии обеспечена.

Но рождение Визериса сделало Эйриса еще более боязливым и подозрительным. Хотя маленький принц казался достаточно здоровым, король страшился, что его постигнет та же судьба, что и братьев. Его милость повелел королевским гвардейцам быть при мальчике и днем, и ночью — присматривать, чтобы к нему никто не прика-

сался без монаршего дозволения. Даже королеве не было позволено оставаться с младенцем наедине. Когда у нее закончилось молоко, король приказал своему отведывателю кушаний пробовать молоко кормилицы, для уверенности, что женщина не вымазала ядом соски. Когда юному принцу доставили подарки от всех лордов Семи Королевств, король свалил их в кучу во дворе и поджег — из опасения, что некоторые из них могут быть заколдованы или прокляты.

Позднее в том же году лорд Тайвин устроил в Ланниспорте великолепный турнир в честь рождения Визериса, что было, возможно, и неразумно с его стороны. Вероятно, его светлость рассматривал это как жест примирения. Мощью и богатством дома Ланнистеров любовалось все королевство. Король Эйрис, изначально отказавшись от посещения, потом все же смягчился, хотя королева с новорожденным сыном были оставлены в столице под неусыпной охраной.

Восседая на троне в тени Утеса Кастерли, среди сотен именитых гостей, король с восторгом приветствовал успехи своего сына, принца Рейгара, которого лишь недавно посвятили в рыцари. Тот выбил из седла Тигетта и Гериона Ланнистеров, и даже победил доблестного сира Барристана

Селми, но уступил звание победителя турнира знаменитому Мечу Зари — Эртуру Дейну, рыцарю Королевской гвардии.

Возможно, увидев приподнятое настроение его милости, лорд Тайвин выбрал именно эту ночь для разговора о том, что принцу Рейгару давно настала пора жениться и обзавестись своим собственным наследником. Ему в супруги Тайвин предложил свою дочь Серсею. Эйрис II дал резкий отказ, заявив, что лорд Тайвин хороший и ценный слуга, но все-таки лишь слуга. Его милость также не пожелал назначить сына лорда Тайвина Джейме оруженосцем принца; этой чести удостоились сыновья нескольких любимцев короля, известные тем, что отнюдь не являлись друзьями дома Ланнистеров или лично десницы.

В те дни уже было заметно, что на Эйриса II Таргариена быстро надвигается безумие. Окончательно же его милость погрузился в эту бездну после мятежа Сумеречного Дола в 277 году от З.Э.

Сумеречный Дол — старинный город, бывший во времена Сотни королевств местопребыванием древних владык и крупнейшим портом в Черноводном заливе. Но позже, с расширением Королевской Гавани, в нем стало заметно снижение торговли и сокращение доходов, и

молодой лорд Деннис Дарклин пожелал остановить упадок. Многие до сих пор спорят, почему лорд Дарклин решил сделать то, что сделал, но большинство согласно с тем, что определенную роль сыграла его супруга, леди Серала из Мира, которую недоброжелатели прозвали Кружевной Змеей и обвинили во всем, что произошло. Считают, что именно она в ночных беседах отравила помыслы лорда Денниса, настроив его против короля. Защитники же леди Сералы твердят, будто бы вина лежит на самом лорде Дарклине; а супругу его ненавидят только из-за ее чужеземного происхождения и веры в богов, чуждых Вестеросу.

Корнем всех бед стало желание лорда Денниса получить для Сумеречного Дола такие же права и привилегии, какие были пожалованы Дорну много лет назад (а это дало бы городу больше независимости от короны). Дарклину его желания не казались непомерными — леди Серала, безусловно, сообщила ему, что подобные привилегии в обычае за Узким морем. Разумеется, лорд Тайвин, будучи десницей, решительно отверг предложения лорда Денниса, не желая создавать опасный государству пример. Возмущенный отказом, лорд Дарклин придумал новый способ

получения этих прав (а также снижения портовых сборов и пошлин, чтобы Сумеречный Дол мог снова соперничать с Королевской Гаванью). И способ тот был чистейшим безрассудством.

Неповиновение Сумеречного Дола поначалу не бросалось в глаза. Лорд Деннис увидел, что отношения десницы и короля испортились из-за сумасбродного поведения последнего — и отказался платить полагающиеся налоги. Вместо того Дарклин пригласил короля в Сумеречный Дол, чтобы тот выслушал его прошение. Весьма сомнительно, что Эйрис II вообще бы счел возможным принять это приглашение... пока лорд Тайвин не посоветовал ему отказать просителю в самых резких выражениях. И его милость решился на поездку. Он сообщил великому мейстеру Пицелю и Малому совету о том, что намерен решить дело лично и поставить непокорного Дарклина на место.

Вопреки советам лорда Тайвина, Эйрис отправился в Сумеречный Дол с небольшим сопровождением, которое возглавил сир Гвейн Гонт из Королевской гвардии. Однако приглашение оказалось ловушкой — и король дома Таргариенов опрометчиво стал ее жертвой. Его захватили вместе со свитой, и часть защитников короля (в

первую очередь сир Гвейн) погибла, попытавшись уберечь его милость.

Вести из Сумеречного Дола вызвали при дворе сначала оторопь, а затем - ярость. Кое-кто требовал спешного нападения на город, чтобы освободить короля и наказать мятежников за подобную гнусность. Но Сумеречный Дол стоял в кругу мощных стен, а Сумеречный форт, старинный замок дома Дарклинов, из которого просматривалась вся гавань, был еще более неприступным. Штурм стал бы нелегкой задачей.

Потому лорд Тайвин разослал воронов и гонцов, собирая силы, и в то же время повелел Дарклинам освободить короля. В ответ лорд Деннис сообщил, что в случае любой попытки пробить стены города он, не задумываясь, предаст его милость смерти. Некоторые в Малом совете сомневались в этом, заявляя, что ни один сын Вестероса не посмеет совершить такое чудовищное преступление. Но Тайвин не стал рисковать, а вместо того с внушительным войском окружил Сумеречный Дол, взяв его в блокаду и по земле, и по морю.

Решительность лорда Дарклина поуменьшилась, когда королевские войска встали за его стенами, обрезав поставки провизии. Он несколько раз пытался начать переговоры, но лорд

Тайвин отказывался его слушать, настаивая на освобождении короля с полной и безоговорочной сдачей города и замка.

Мятеж затянулся на полгода. Когда опустели лавки и кладовые, изменилось и настроение в стенах Сумеречного Дола. Но лорд Деннис, по сути, будучи загнанным в пределы древнего Сумеречного форта, тем не менее, оставался убежденным, что со временем Тайвин даст слабину и предложит более выгодные условия.

Но те, кто был осведомлен о несгибаемости Тайвина Ланнистера, знали истину. Сердце десницы лишь ожесточилось, и он послал лорду Сумеречного Дола последний приказ о сдаче. Если тот снова откажется, пообещал лорд Тайвин, он возьмет город штурмом и предаст мечу каждого мужчину, каждую женщину и каждого ребенка. (Часто рассказывают басню, что передать требование лорд Тайвин велел своему певцу, и приказал тому спеть для лорда Денниса и Кружевной Змеи «Рейнов из Кастамере». Увы, эта красочная деталь не подтверждается записями.)

Большинство членов Малого совета находилось с лордом Тайвином у стен Сумеречного Дола. Некоторые из них выступали против замысла десницы, поскольку штурм почти наверняка

заставит лорда Денниса предать его милость смерти. И, как сообщают, на это Тайвин ответил так: «Дарклин может убить, а может и не убить. А если он сделает это, у нас есть лучший король прямо здесь», и поднял руку, указывая на принца Рейгара.

Ученые мужи до сих пор спорят об истинных намерениях лорда Тайвина. Верил ли он, что Дарклин отступит? Или, в самом деле, был готов, или даже хотел, увидеть Эйриса мертвым, чтобы Рейгар занял Железный трон?

Благодаря мужеству сира Барристана Селми, мы этого никогда доподлинно не узнаем. Сир Барристан решился тайно пробраться в город, найти путь к Сумеречному форту и вывести короля в безопасное место. С юных лет Селми называли Отважным, но для Тайвина Ланнистера такая смелость граничила с безумием. Все же из уважения к доблести и стойкости сира Барристана, Тайвин дал ему день на выполнение его замысла, прежде чем начать штурм Сумеречного Дола.

Существует множество песен о дерзком спасении короля сиром Барристаном, и, как ни странно, певцы их почти не приукрасили. Селми действительно взобрался на стены под покровом ночи, используя только руки; он действительно

переоделся в лохмотья нищего и пробрался в Сумеречный форт. Правда и то, что сир Барристан, поднявшись на стену замка, убил совершавшего обход охранника до того, как тот смог поднять тревогу. Затем отвагой и хитростью он отыскал путь к темнице, где содержали Эйриса II, и смог вывести его милость. Однако к тому времени отсутствие короля заметили, поднялись шум и крики. И в тот час сир Барристан выказал истинный героизм — он не сдался, не выдал короля, а вступил в бой.

И не просто вступил — он ударил первым, застав врасплох сира Саймона Холларда (зятя лорда Дарклина и его мастера над оружием) и пару охранников. Их смерть стала отмщением за гибель побратима Селми по Королевской гвардии, сира Гвейна Гонта, павшего от руки Холларда. Сражаясь со всеми, кто пытался вмешаться, сир Барристан и его милость поспешили к конюшням, и оба сумели покинуть Сумеречный форт до того, как закрылись ворота замка. А затем бешеная гонка продолжилась по улицам Сумеречного Дола, где уже вовсю трубили тревогу рога и трубы, и был подъем на городскую стену, которую лучники лорда Тайвина очищали от защитников.

После побега и избавления короля лорду

Дарклину осталось лишь сдаться ради своего спасения, однако он, без сомнения, и не догадывался о той ужасной мести, что ему предназначил Эйрис. После того, как Дарклин и его семья были доставлены к королю в цепях, его милость потребовал их смерти — и не для одних ближайших родичей лорда Денниса, но и для его тетушек и дядьев, и всей дальней родни в Сумеречном Доле. Лишились чести и жизни даже Холлярды, свойственники Дарклинов. От казни был избавлен только юный племянник сира Саймона, Донтос Холлард — и то лишь потому, что сир Барристан просил милосердия для него как награду за свой подвиг, а король не смог отказать своему спасителю. Самая лютая смерть постигла леди Сералу. По велению Эйриса ей вырвали язык и женское естество перед тем, как заживо сжечь (хотя ее враги заявляют, что она должна была страдать еще больше за то разорение, что по ее вине обрушилось на город).

Заточение в Сумеречном Доле полностью уничтожило здравомыслие, еще сохранявшееся в Эйрисе II Таргариене. Начиная с тех дней, душевную болезнь короля уже ничто не сдерживало, и с каждым годом дела обстояли все хуже. Дарклины не просто осмелились прикасаться без дозволе-

ния к монаршей персоне — они грубо толкали его, лишили королевского облачения, даже дерзнули ударить. И после освобождения король Эйрис никому не разрешал до себя дотрагиваться, даже собственным слугам. Нестриженные и немытые, его волосы отрастали и спутывались, а ногти утолщались и удлинялись, превращаясь в нелепые желтые когти. Он запретил любые наточенные лезвия в своем присутствии, за исключением мечей королевских гвардейцев, что поклялись защищать короля. Решения его суда становились все более суровыми и жестокими.

После благополучного возвращения в Королевскую Гавань его милость за последующие четыре года сделался добровольным пленником собственного Красного замка, отказываясь покидать крепость по какому угодно поводу. Король стал все более настороженно относиться к окружающим, особенно к Тайвину Ланнистеру; подозрения пали даже на собственного сына и наследника. По убеждению Эйриса, принц Рейгар вступил в сговор с десницей, желая добиться в Сумеречном Доле монаршей погибели. И якобы они замыслили штурм городских стен для того, чтобы лорд Дарклин предал его милость смерти, открыв Рейгару путь к Железному трону и сва-

дьбе с дочерью Тайвина.

Полный решимости не допустить этого, Эйрис обратился к еще одному другу детства, Стеффону Баратеону из Штормового Предела, и призвал его в Малый совет. В 278 году от З.Э. король отправил лорда Стеффона за Узкое море в Старый Волантис с повелением найти подходящую невесту для принца Рейгара, «девицу благородного происхождения, древней валирийской крови». То, что его милость доверил это лорду Штормового Предела, а не деснице или самому Рейгару, говорило о многом. Ходили слухи, что Эйрис собирается назначить лорда Стеффона новым десницей после удачно выполненного поручения, и что Тайвин Ланнистер будет отстранен от должности, арестован и судим за государственную измену. И многие лорды были в восторге от такого будущего.

Тем не менее, богам было угодно другое. Миссия лорда Стеффона закончилась неудачей, а по возвращении из Волантиса его судно затонуло в заливе Разбитых кораблей близ Штормового Предела — и оба старших сына лорда Стеффона видели со стен замка гибель и его самого, и его супруги. Когда весть о кончине Баратеонов достигла Королевской Гавани, разъяренный король Эйрис заявил великому мейстеру Пицелю, что

Тайвин каким-то образом проник в королевские замыслы и устранил лорда Стеффона. «Если я уберу Ланнистера с поста десницы, он убьет и меня тоже», — сказал король великому мейстеру.

В дальнейшем душевное расстройство короля лишь усиливалось. И хотя Тайвин продолжал служить на посту десницы, Эйрис больше не встречался с ним, кроме как в присутствии всех семи рыцарей Королевской гвардии. Убежденный, что и лорды, и простой люд плетут против него заговоры, король начал подозревать, что даже королева Рейла и принц Рейгар участвуют в них. Эйрис выписал из Пентоса за Узким морем евнуха, прозываемого Варисом, и назвал его своим мастером над шептунами. Король считал, что может положиться лишь на человека без семьи, друзей и связей в Вестеросе. Паук, как вскоре в народе прозвали Вариса, использовал казну государства для создания сети осведомителей. Вплоть до конца правления Эйриса он пресмыкался возле короля, нашептывая тому в уши.

После событий Сумеречного Дола Эйрис начал проявлять растущие признаки одержимости драконьим огнем, схожей с той, что преследовала некоторых его предков. Король рассудил, что будь он драконьим всадником, лорд Дарклин

никогда бы не осмелился бросить ему вызов. Однако попытки его милости возродить драконов из яиц, найденных в недрах Драконьего Камня (некоторые были столь старыми, что обратились в камень), ничего не дали.

Разочаровавшись, Эйрис обратился к ученым мудрецам Гильдии алхимиков, которые знали секрет изготовления летучего вещества цвета зеленого нефрита, известного как дикий огонь. Указывали, что он весьма схож с пламенем дракона. По мере того, как росла королевская увлеченность огнем, пироманты становились все более обыденны при дворе. В 280 году от З.Э. Эйрис II приказал отправлять на костер предателей, убийц и заговорщиков вместо того, чтобы рубить им головы или вешать. Казалось, что от этих огненных казней, ведущихся под руководством его мудрости Россарта, великого мастера Гильдии алхимиков, король получал изысканное удовольствие... столь немалое, что Россарту были дарованы титул лорда и место в Малом совете.

К тому времени безумие его милости уже угадывалось безошибочно. Люди от Дорна до Стены в толках об Эйрисе II называли его Безумным королем. В столице же его прозвали Королем Струпьев из-за частых порезов о Железный трон. Тем не

менее, Паук Варис и его шептуны слышали все, и стало очень опасно высказывать такое вслух.

Между тем, король все больше отдалялся от собственного сына и наследника. В начале 279 года от З.Э. Рейгар Таргариен, принц Драконьего Камня, был торжественно обручен с принцессой Элией Мартелл, изящной и юной сестрой Дорана Мартелла, принца Дорна. На следующий год свершился их брак — в ходе пышной церемонии в Королевской Гавани, в Великой септе Бейлора. Однако Эйрис II там не присутствовал. Он заявил Малому совету, что боится покушения на свою жизнь, если покинет Красный замок, даже под защитой королевских гвардейцев. Также король не позволил и своему младшему сыну, Визерису, присутствовать на свадьбе брата.

Когда принц Рейгар и его жена избрали резиденцией не Красный замок, а Драконий Камень, по всем Семи Королевствам живо поползли мутные слухи. Одни говорили, что кронпринц хочет свергнуть отца и сам занять Железный трон, а другие — что Эйрис собирается отстранить Рейгара и назвать вместо него своим наследником Визериса. Отца и сына не примирила даже первая внучка Эйриса, названная Рейнис, что родилась на Драконьем Камне в 280 году от З.Э.

Когда принц Рейгар вернулся в Красный замок, чтобы представить дочь своим родителям, королева Рейла тепло обняла малышку, но король Эйрис отказался подержать ребенка или даже дотронуться до него, посетовав, что-де «от девочки несет Дорном».

А среди всего этого Тайвин Ланнистер продолжал служить десницей. «Лорд Тайвин велик, как Утес Кастерли, — писал великий мейстер Пицель, — ни у одного короля не было столь прилежного и способного десницы». По-видимому, поняв, что после смерти Стеффона Баратеона угроза смещения с должности исчезла, лорд Тайвин даже решился представить ко двору Серсею, свою прекрасную юную дочь.

Но в 281 году от З.Э. умер во сне сир Гарлан Грандисон, престарелый рыцарь Королевской гвардии, и, когда его милость решил вручить белый плащ старшему сыну лорда Тайвина, натянутые отношения между Эйрисом II и его десницей наконец разорвались.

В пятнадцать лет сир Джейме Ланнистер уже был рыцарем — эту честь он получил из рук сира Эртура Дейна, Меча Зари, которого многие считали благороднейшим воином державы. Никто не мог усомниться в доблести юного Ланнистера,

поскольку его посвящение произошло во время военных действий под командованием сира Эртура против разбойников, известных как Братство Королевского леса.

Однако же сир Джейме являлся наследником лорда Тайвина и воплощал все надежды на продолжение дома Ланнистеров, ибо другой сын его светлости, Тирион, был уродливым карликом. Кроме того, десница уже почти договорился о выгодном браке для сира Джейме, когда король сообщил Ланнистерам о своем решении. Одним ударом Эйрис лишил лорда Тайвина наследника и заставил выглядеть смешным и ненадежным.

Тем не менее, когда Эйрис II с Железного трона объявил о назначении сира Джейме, его светлость преклонил колено перед королем и поблагодарил за великую честь, оказанную его дому — так рассказывает великий мейстер Пицель. Затем, ссылаясь на болезнь, лорд Тайвин попросил отставки с поста десницы.

Король был рад освободить его от должности. Тайвин вернул цепь десницы и покинул двор, вернувшись с дочерью в Утес Кастерли. Король заменил его Оуэном Мерривезером, немолодым подхалимом, известным показным дружелюбием и самым громким смехом над каждой шуткой

и остротой короля, сколь бы неуклюжими те ни были.

Впредь, сказал его милость Пицелю, Семь Королевств будут точно знать: державой управляет именно тот, кто носит корону.

Эйрис Таргариен и Тайвин Ланнистер встретились еще мальчиками, вместе сражались и проливали кровь на войне Девятигрошовых королей, вместе управляли Семью Королевствами на протяжении почти двадцати лет. Но в 281 году от З.Э. давнее партнерство, оказавшееся столь плодотворным для государства, подошло к горькому концу.

Вскоре после того[47] лорд Уолтер Уэнт объявил об устроении великого турнира в Харренхолле, его родовом замке, в честь именин своей незамужней дочери. И король Эйрис II выбрал это событие, чтобы торжественно принять в Королевскую гвардию сира Джейме Ланнистера... таким образом приведя в движение силы, что положат конец царствованию Безумного короля и покончат с долгим владычеством дома Таргариенов в Семи Королевствах.

ПАДЕНИЕ ДРАКОНОВ
Год Ложной весны

Год Ложной весны — именно так в летописях Вестероса был назван 281 год от Завоевания Эйгона. До того около двух лет ледяной хваткой землю держала зима, но теперь, наконец, начали удлиняться дни, таять снега и зеленеть леса. Даже в Цитадели Староместа многие считали, что конец зимы уже близок, хотя белые вороны еще и не вылетели.

И как только задули теплые южные ветра, лорды и рыцари всех Семи Королевств направились на берега Божьего Ока, в Харренхолл — принять участие в большом турнире лорда Уэнта, что обещал стать крупнейшим и великолепнейшим состязанием со времен Эйгона Невероятного.

Все, что происходило под стенами Харренхолла, было отмечено в хрониках и рассказано во многих письмах и документах, и потому о событиях этого турнира нам известно многое. Тем не менее, еще большего нам не узнать никогда. В те часы, когда лучшие рыцари Семи Королевств состязались на турнирном поле, велись и другие

игры, куда более опасные — в залах проклятого замка Черного Харрена, в палатках и шатрах собравшихся лордов.

Турнир лорда Уэнта оброс множеством слухов: об интригах и заговорах, предательствах и восстаниях, изменах и тайных встречах, секретах и загадках, и почти все из перечисленного — предположения. Правда ведома немногим, и некоторые из них уже давно покинули юдоль земную и голоса их навеки обречены умолкнуть. Поэтому при описании этого рокового собрания добросовестный хронист должен позаботиться о том, чтобы отделить истину от фантазий и провести четкую границу между тем, что мы знаем, и тем, что просто подозревается, во что верится, или о чем сплетничают.

Мы знаем, что турнир впервые был объявлен Уолтером Уэнтом, лордом Харренхолла, в конце 280 года от З.Э., вскоре после посещения замка его младшим братом, сиром Освеллом Уэнтом, рыцарем Королевской гвардии. С самого начала было ясно, что замышляется событие непревзойденной роскоши, ибо лорд Уэнт предложил призы втрое больше тех, что вручались на великом турнире в 272 году от З.Э., устроенном в Ланниспорте[48] лордом Тайвином Ланнистером в празднование

десятого года восхождения Эйриса II на Железный трон.

Большинство сочло все это лишь поползновением Уэнта превзойти бывшего десницу и показать богатство и великолепие своего дома. Впрочем, были и считающие такой мотив не более чем уловкой, а лорда Уэнта — не более чем чьей-то ширмой. Утверждалось, что его светлости для оплаты столь щедрых призов не хватило бы средств — и, безусловно, кто-то должен стоять за его спиной. Кто-то, не испытывающий недостатка в золоте, но предпочитающий оставаться в тени, позволяя при том лорду Харренхолла присвоить себе всю славу устроителя этого блистательного торжества. У нас нет никаких доказательств, что такой «теневой хозяин» вообще существовал, но это мнение было крайне распространенным в то время и остается таковым сегодня.

Но, если такая «тень» и впрямь существовала, то кто был ею? Почему решил свою роль держать в тайне? В течение многих лет предлагали с дюжину имен, но действительно убедительным выглядит лишь одно: Рейгар Таргариен, принц Драконьего Камня.

Верящие этим слухам считают, что именно принц Рейгар уговорил лорда Уолтера провести

турнир, используя как посредника брата его светлости, сира Освелла. Рейгар обеспечил Уэнта золотом, достаточным для великолепных призов, которые привлекли бы столько лордов и рыцарей в Харренхолл, сколько вообще возможно. Принц, как говорят, не имел никакого интереса к турниру как к состязанию; его целью было собрать великих лордов королевства вместе, чтобы составить негласный Великий совет для обсуждения путей и способов борьбы с безумием его отца, короля Эйриса II — возможно, прибегнув к регентству либо принудительному отречению.

Будь это действительно истинной целью, скрывающейся за турниром — Рейгар Таргариен играл в опасную игру. Хотя мало кто сомневался, что разум покинул Эйриса, многие до сих пор имели веские причины выступать против его смещения с Железного трона. Благодаря капризам короля кое-кто из придворных и советников получил огромное богатство и могущество, и они знали, что потеряют все, стоит лишь принцу Рейгару прийти к власти.

Эйрис II мог быть жестоким до зверства — в те часы, когда Безумный король сжигал своих врагов, это было ясно любому. Но он также бывал расточительным, осыпая радующих его людей

почестями, должностями и землями. Лорды-подхалимы, окружавшие его милость, из безумия короля извлекали большую выгоду и с нетерпением хватались за любую возможность очернять принца Рейгара и разжигать подозрения отца в отношении сына.

Главными сподвижниками Безумного короля являлись три лорда его Малого совета: Кварлтон Челстед, мастер над монетой, Люцерис Веларион, мастер над кораблями, и Саймонд Стонтон, мастер над законами. Евнух Варис, мастер над шептунами, и его мудрость Россарт, грандмастер Гильдии алхимиков, также пользовались доверием короля. Принца же при дворе поддерживала молодежь, в том числе лорд Джон Коннингтон, сир Майлс Мутон из Девичьего Пруда и сир Ричард Лонмаут. Дорнийцы, прибывшие ко двору с принцессой Элией, также пользовались доверием наследника, в частности, дядя супруги — принц Ливен Мартелл из братства Королевской гвардии. Но самым грозным из всех друзей и соратников Рейгара в Королевской Гавани был, конечно же, сир Эртур Дейн, Меч Зари.

Великому мейстеру Пицелю и деснице короля, лорду Оуэну Мерривезеру, выпала незавидная задача — сохранять мир между этими партиями,

в то время как их соперничество становилось все более беспощадным. В сообщении для Цитадели великий мейстер описывал разногласия внутри Красного замка, неприятно напоминающие ему ситуацию вековой давности, когда перед Танцем Драконов прискорбная вражда между королевой Алисентой и принцессой Рейнирой расколола королевство на две части. Пицель предупреждал, что Семь Королевств может ожидать столь же кровопролитное столкновение, если не будут достигнуты хоть какие-то соглашения, удовлетворяющие сторонников как принца Рейгара, так и короля.

Попади в руки друзей его милости любой намек на доказательства участия принца Рейгара в заговоре против своего отца — наверняка они бы это использовали для падения принца. И в самом деле, кое-кто из людей короля уже начал полагать, будто Эйрису нужно отстранить своего «лицемерного» сына и вместо него назвать наследником Железного трона его младшего брата. Принцу Визерису было всего лишь семь[49] лет, и его возможное восхождение на трон, конечно же, подразумевало регентство, и регентами при нем стали бы именно эти люди.

Ничего удивительного, что в такой обстановке

великолепный турнир лорда Уэнта возбудил множество подозрений. Лорд Челстед призвал его милость наложить запрет на проведение турнира, а лорд Стонтон пошел еще дальше, предлагая воспретить любые турниры вообще.

Однако подобные состязания были обожаемы всем народом, и лорд Мерривезер предупредил короля, что запрещение турнира сделает его милость еще более нелюбимым. Тогда король выбрал иной путь и объявил, что намерен и сам прибыть в Харренхолл. Это означало, что Эйрис II впервые со времен мятежа Сумеречного Дола покинет безопасный Красный замок. Без сомнения, его милость рассудил, что враги не осмелятся устроить заговор против короны под носом у короля. По словам великого мейстера Пицеля, Эйрис надеялся, что появление монарха на столь роскошном празднике поможет ему вернуть привязанность своего народа.

Если король действительно имел такие намерения, то грубо просчитался. Да, его присутствие сделало турнир еще более блестящим и престижным, чем до этого, притягивая лордов и рыцарей из разных уголков страны. Но многие из появившихся были потрясены и пришли в ужас от вида его милости: длинные желтые ногти, всклокочен-

ная борода и колтуны грязных, спутанных волос монарха ясно показали всем степень его безумия. Эйрис вел себя не как здравомыслящий человек, он мог перейти от веселья к унынию в мгновение ока. Во многих сообщениях о Харренхолльском турнире описывается истерический смех короля, долгое молчание, приступы плача и внезапной ярости.

Короля Эйриса II, прежде всего прочего, одолевали подозрения: он подозревал собственного сына и наследника, принца Рейгара; подозревал хозяина турнира лорда Уэнта; подозревал каждого лорда и рыцаря, что прибыли на состязания в Харренхолл... и еще больше подозревал тех, кто предпочел не явиться. Наиболее заметным из последних был его бывший десница, Тайвин Ланнистер, лорд Утеса Кастерли.

На церемонии открытия турнира король Эйрис устроил публике целое представление, посвящая сира Джейме Ланнистера в присяжное братство Королевской гвардии. Юный рыцарь в белых доспехах произнес свои обеты, преклонив колено на зеленой траве перед королевским шатром, и на него смотрела добрая половина лордов всей державы. Когда сир Герольд Хайтауэр поднял Ланнистера и застегнул белый плащ на его плечах,

толпа взревела, ибо сиром Джейме восхищались (особенно в Западных землях) за его отвагу, рыцарственность и мастерство мечника.

Хотя Тайвин Ланнистер сам не изволил принять участие в Харренхольском турнире, но там присутствовали десятки его знаменосцев и сотни рыцарей, и все они шумно и страстно поздравляли нового и самого молодого брата Королевской гвардии. Эйрис был доволен. Как рассказывают, в своем безумии его милость рассудил, что люди приветствуют его самого.

Но стоило делу завершиться, король Эйрис II тут же начал испытывать серьезные сомнения из-за своего нового защитника. По словам великого мейстера Пицеля, идея о сире Джейме в Королевской гвардии захватила короля лишь как способ уязвить своего старого друга. Только теперь, с опозданием, его милость осознал, что отныне сын лорда Тайвина будет рядом с ним днем и ночью... с мечом на боку.

Пицель не скрывает — мысль эта настолько испугала короля, что тот на вечернем пиру едва прикоснулся к еде. И поэтому Эйрис II вызвал сира Джейме к себе (сидя в это время на горшке, как сообщает кое-кто, но возможно, эту некрасивую деталь приписали уже позже) и велел

тому вернуться в Королевскую гавань — для защиты королевы Рейлы и принца Визериса, не сопровождавших на турнир его милость. Лорд-командующий, сир Герольд Хайтауэр, предложил себя вместо сира Джейме, но Эйрис отказал ему.

Для молодого рыцаря, без сомнения, надеявшегося отличиться на турнире, эта неожиданная ссылка стала горьким разочарованием. Тем не менее, сир Джейме остался верен своим обетам. Он отправился в Красный замок и более не принимал участия в событиях Харренхолла... разве что в воображении Безумного короля.

На протяжении семи дней на поле под мощными стенами Харренхолла ломали копья и мечи лучшие рыцари и знатнейшие лорды Семи Королевств. А к ночи победители и побежденные собирались в похожем на пещеру Чертоге Сотни Очагов на пиршества и торжества. О тех днях и ночах у берегов Божьего Ока создано немало песен и сказаний — некоторые из них даже правдивы. Перечислять все рыцарские поединки и забавные случаи, что произошли на турнире, отнюдь не входит в наши намерения. Это мы с удовольствием оставим певцам. Тем не менее, два события должны быть приняты во внимание, поскольку их последствия оказались весьма

серьезными.

Первым из таковых стало появление таинственного рыцаря, невысокого молодого человека в плохо сидящих доспехах, гербом которого было резное белое чардрево с весело ухмыляющимся ликом. Рыцарь Смеющегося Древа, как прозвали этого претендента, к восторгу простонародья спешил в поединках трех человек одного за другим.

Однако же его милость был не из тех, кто находит удовольствие в скрытности. Король убедил себя в том, что дерево на щите таинственного рыцаря смеется над ним, и, не имея более никаких доказательств, решил, что этот загадочный человек — сир Джейме Ланнистер. И каждому, кто мог услышать, Эйрис заявлял, что новый королевский гвардеец бросил ему вызов и вернулся на турнир.

Разъяренный монарх приказал собственным рыцарям, чтобы те следующим утром, когда поединки возобновятся, одолели Рыцаря Смеющегося Древа. Он должен быть разоблачен, а его вероломство — выставлено на всеобщее обозрение. Но таинственный рыцарь ночью исчез, и больше никто и никогда его не видел. Король воспринял это болезненно, будучи убежденным, что кто-то из его окружения предупредил «этого

предателя, который не показывает свое лицо».

К концу турнира выяснилось, что окончательная победа будет за принцем Рейгаром. Обычно не любивший состязания наследник трона, облачившись в доспехи, удивил всех. Он выиграл схватки у каждого из доставшихся ему противников, в том числе и у четырех рыцарей Королевской гвардии. В последнем бою он спешил сира Барристана Селми, который считался лучшим копьем всех Семи Королевств. Тем самым Рейгар завоевал лавры победителя.

Утверждают, что приветствия толпы были оглушающими, но король Эйрис к ним не присоединился. Далекий от удовольствия и гордости от мастерства своего наследника, его милость воспринял происшедшее как угрозу. Лорды Челстед и Стонтон еще больше подогрели его подозрения, заявив, что принц Рейгар вышел на ристалище, чтобы выслужиться перед простолюдинами и напомнить собравшимся лордам, что является могущественным воином, истинным наследником Эйгона Завоевателя.

И когда торжествующий принц Драконьего Камня назвал Лианну Старк, дочь лорда Винтерфелла, королевой любви и красоты, положив кончиком своего копья на ее колени венец из

голубых роз, подхалимствующие лорды собрались вокруг короля, уверяя, что это еще одно доказательство вероломства наследника. С чего бы принцу таким образом оскорблять свою жену, принцессу Элию Мартелл из Дорна (которая там присутствовала), если не для помощи в получении Железного трона? Короновать девчонку Старков, которая, по всеобщему мнению, была дикаркой и сорванцом, не сравнимой красотой с утонченной принцессой Элией, можно было только для того, чтобы склонить Винтерфелл на сторону принца Рейгара — так заявил королю Саймонд Стонтон.

Однако если это было правдой, то почему братья леди Лианны казались взбешенными из-за чести, что даровал ей принц? Брандона Старка пришлось даже удерживать от ссоры с принцем Рейгаром — из-за того, что случившееся наследник Винтерфелла воспринял как покушение на честь его сестры, ибо Лианна Старк уже давно была обручена с Робертом Баратеоном, лордом Штормового Предела. Эддард Старк, младший брат Брандона и близкий друг лорда Роберта, был спокойнее, но столь же не рад. Что касается самого Роберта Баратеона, то, по слухам, он посмеялся над жестом принца и заявил, будто Рейгар лишь

отдал Лианне должное... но те, кто знал молодого лорда лучше, говорили, что он затаил обиду, и с того дня ожесточил свое сердце против принца Драконьего Камня.

Именно так, с венцом из простых нежно-голубых роз, Рейгар Таргариен начал танец, который разорвет Семь Королевств на части, принесет смерть ему самому и еще тысячам людей, а на Железный трон приведет нового, более желанного короля.

Ложная весна 281 года стояла менее двух лун, и, когда в Вестеросе год подошел к концу, зима вернула свое с лихвой. В последний день года в Королевской Гавани начался снегопад, а река покрылась корочкой льда. Снег валил почти две недели, и за это время крыши и водостоки каждого здания обросли сосульками. Черноводная же замерзла полностью.

Едва по городу, подобно молотам, ударили холодные ветра, король Эйрис II обратился к пиромантам, требуя, чтобы они своей магией прогнали зиму прочь. Целую луну вокруг стен Красного замка бушевало всепоглощающее зеленое пламя. Но принц Рейгар этого не заметил — его не было в городе. Как не было и на Драконьем Камне, возле принцессы Элии и юного сына

Эйгона. С приходом нового года наследный принц отправился в дорогу с полудюжиной доверенных лиц и ближайших друзей, и этот путь привел его в конечном итоге обратно в Речные земли. Не более чем в десяти лигах от Харренхолла Рейгар напал на Лианну Старк из Винтерфелла, схватил ее и увез, что разожгло пожар, истребивший его дом, его близких и всех, кого он любил — а с ними и половину государства.

Однако эта история слишком хорошо известна, что дает право нам не повторять ее здесь.

Восстание Роберта Баратеона

Следствием бесчестного похищения Лианны Старк принцем Рейгаром стал полный крах дома Таргариенов. Глубина безумия Эйриса II проявилась и позже, в недостойных деяниях по отношению к лорду Старку, его наследнику и их сопровождающих, когда те потребовали искупления за содеянное Рейгаром. Не дав им справедливого суда, король жестоко расправился с северянами, а после их убийства потребовал у Джона Аррена казни его бывших воспитанников, Роберта Баратеона и Эддарда Старка. Как соглашается большинство, настоящее восстание Баратеона началось с отказа Аррена, решительно созвавшего знамена в защиту справедливости. Однако же не все лорды Долины согласились с намерениями его светлости, и вскоре закипели сражения, в которых Аррена попытались свергнуть те, кто остался верен короне.

И война, как лесной пожар, заполыхала во всех Семи Королевствах по мере того, как лорды и рыцари определялись со стороной. Многие из сражавшихся в этих битвах живы и сегодня, и

потому могут рассказывать о боях с большей осведомленностью. И я, не бывший там, оставляю на их долю создание истинной и подробной истории восстания Роберта Баратеона, ибо далек от намерения обидеть еще живущих, предоставляя неточное изложение событий и ошибочно хваля недостойных. Вместо того я ограничусь историей рыцаря и лорда, который в конце концов взошел на Железный трон и восстановил королевство, почти разрушенное безумием.

Под стяг Роберта, показавшего себя бесстрашным и неукротимым воином, стекалось все больше и больше людей. Роберт первым ворвался на стены Чаячьего города, после того, как лорд Графтон поднял там знамена Таргариенов. Оттуда он, рискуя оказаться захваченным королевским флотом, отплыл в Штормовой Предел, чтобы созвать войска. К тому были готовы не все — десница Эйриса, лорд Мерривезер, побудил некоторых штормовых лордов восстать против Баратеона. Но его усилия не принесли плодов из-за побед лорда Роберта у Летнего замка, где он выиграл три сражения в один день. Его наспех сколоченные отряды смогли поочередно разгромить лордов Грандисона и Кафферена, после чего сам Роберт убил в поединке лорда Фелла и пленил

его сына, знаменитого Серебряного Топора.

Еще больше побед Роберту и штормовым лордам принесло объединение сил с лордом Арреном и северянами, поддержавшими их дело. По справедливости прославлена победа Роберта у Каменной Септы, в так называемой Колокольной битве. Там он сразил знаменитого сира Майлса Мутона, бывшего оруженосца Рейгара, с ним еще пятерых, и мог бы убить и нового десницу, лорда Коннингтона, сведи их вместе битва. Эта победа, последовавшая за браками лордов Аррена и Старка с дочерями лорда Талли, закрепила вступление в войну Речных земель.

Войска сторонников короля получали один удар за другим, но держались стойко. Рыцарей Королевской гвардии послали воссоединить остатки армии лорда Коннингтона, а с юга вернулся принц Рейгар — принять командование над новой ратью, набранной в Королевских землях. Более того, перед лордом Тиреллом после его победы у Эшфорда (пусть неполной), вынудившей Роберта отступить, открылся свободный путь по Штормовым землям. Мощь Простора подавила всякое сопротивление, и Штормовой Предел был взят в осаду. Почти сразу же к ним присоединился лорд Пакстер Редвин с могучим

флотом Арбора, что позволило установить блокаду замка не только на суше, но и по морю. Эта осада затянулась до окончания войны.

На защиту принцессы Элии из Дорна в Королевскую Гавань по Костяному пути прибыло десять тысяч копий, которые присоединились к войску, собираемому Рейгаром. Те, кто был в ту пору при дворе, отмечают, что Эйрис действительно вел себя, как явный сумасброд. Доверял он лишь королевским гвардейцам, да и то не всем: сира Джейме Ланнистера его милость постоянно держал при себе, чтобы тот служил заложником против его собственного отца.

Когда, наконец, принц Рейгар отправился по Королевскому тракту к Трезубцу, все (кроме одного) рыцари гвардии, бывшие в столице, ушли вместе с ним: и сир Барристан Отважный, и сир Джонотор Дарри, и принц Ливен Дорнийский. Последний принял командование над воинами, посланными его племянником, принцем Дораном, но толковали, будто это было сделано лишь из-за угроз Безумного короля, опасавшегося предательства дорнийцев. В Королевской Гавани остался лишь юный сир Джейме Ланнистер.

О знаменитой битве на Трезубце много чего рассказано и написано. Ведомо всем, как два

войска сошлись на переправе, позже названной Рубиновым бродом из-за драгоценных камней, осыпавшихся с брони принца Рейгара. Противники по силе были равны. Армия Рейгара насчитывала около сорока тысяч, причем помазанные рыцари составляли не менее десятой части, в то время как у повстанцев воинов было несколько меньше. Но они были закалены боями, а большинство людей в армии принца являлись неопытными новичками.

Битва у брода была жестокой, в сражении лишились жизни многие. В самый разгар боя погиб сир Джонотор Дарри, так же как и принц Ливен Дорнийский. Но самая важная смерть еще не случилась.

Над полем битвы раздавались кличи — имена лорда Роберта и принца Рейгара, и по воле богов, или по случайности (а может, и намеренно), те встретились на отмели переправы. По общему признанию, оба рыцаря в конной схватке отличились боевой доблестью. Несмотря на свои преступления, трусом Рейгар не был. В том бою принц-дракон ранил лорда Роберта, но, в конце концов, ужасающая мощь Баратеона и его жажда мести за позор, навлеченный кражей невесты, оказались сильнее. Боевой молот нашел свою

цель, Роберт загнал его острие в грудь Рейгару, и роскошные рубины, пылающие на нагруднике принца, разлетелись в разные стороны.

Кое-какие воины из обеих армий прекратили бой, кинувшись в реку на поиски драгоценных камней. И сподвижники короля принялись разбегаться с поля сражения, после чего быстро наступил их полный разгром.

Раны лорда Роберта не позволили ему принять участие в преследовании, так что он передал руководство лорду Эддарду Старку. Но Роберт доказал свое благородство, отказавшись дать позволение добить тяжелораненого сира Барристана Селми. Напротив, он прислал собственного мейстера позаботиться о великом рыцаре. Именно таким способом будущий король приобретал пылкую преданность своих друзей и соратников — немногие были столь же щедры и милосердны, как Роберт Баратеон.

Конец

Взлетели птицы и помчались гонцы — нести слово о победе на Рубиновом броде. По слухам, когда новость дошла до Красного замка, Эйрис проклял дорнийцев в убеждении, что предал Рейгара принц Ливен. Король отослал на Драконий Камень свою беременную супругу Рейлу и принца Визериса, младшего сына и нового наследника[50], но вынудил остаться в Королевской Гавани принцессу Элию с детьми Рейгара как заложников против Дорна. Эйрис также назначил нового десницу после того, как за дурные советы во время войны заживо сжег прежнего — лорда Челстеда. Таковым стал алхимик Россарт, человек низкого происхождения, в пользу которого говорили разве что его познания об огне и плутовстве.

Тем временем оборону Красного замка возглавил сир Джейме Ланнистер, в ожидании противника на стены встали и стражники, и рыцари. Над первой прибывшей армией реяли львы Утеса Кастерли, а во главе был лорд Тайвин, и тревожащийся король Эйрис повелел открыть

ворота. Он полагал, что наконец-то его старый друг и бывший десница пришел на помощь, как и в дни мятежа Сумеречного Дола. Но лорд Тайвин прибыл не для спасения Безумного короля.

На сей раз его светлость думал о благе государства, и был полон решимости положить конец власти, рухнувшей из-за безумия. Оказавшись в стенах города, воины Ланнистеров набросились на защитников Королевской Гавани, и по улицам красным потоком хлынула кровь. Отборные воины пошли на штурм стен Красного замка и взялись за поиски короля Эйриса, чтобы можно было свершить над ним суд.

Красный замок вскоре был взят, и в случившейся неразберихе Элию Дорнийскую и ее детей, Рейнис и Эйгона, постигло несчастье. Трагично, что кровь, пролитая на войне, с легкостью может оказаться как дурной, так и невинной, и что те, кто изнасиловал и убил принцессу Элию, избежали правосудия. Также неизвестно, кем была убита в кроватке принцесса Рейнис, или кто размозжил голову о стену младенцу Эйгону. Перешептывались, что это было сделано по приказу самого Эйриса, когда он узнал, что лорд Ланнистер перешел на сторону Роберта, а кое-кто полагает, что Элия сделала это сама, опасаясь то-

го, что может случиться с детьми в руках врагов ее покойного мужа.

Россарт, десница короля, был убит у задних ворот замка при трусливой попытке к бегству. Последним погиб сам король Эйрис — от руки остававшегося с ним королевского гвардейца, сира Джейме Ланнистера. Как и его отец, сир Джейме думал о благе государства, лишая жизни Безумного короля.

На том и завершилось как правление дома Драконов, так и восстание Роберта Баратеона — война, положившая конец почти трехсотлетнему владычеству Таргариенов и возвестившая новую золотую эпоху под покровительством дома Баратеонов.

СЛАВНОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ

Со времени падения дома Таргариенов королевство добилось значительного преуспевания. Роберт, первый этого имени, взял на себя заботу о разрушенном Вестеросе и вскоре исцелил его от многих ран, нанесенных Безумным королем и его сыном. Первым делом неженатый король взял в супруги самую красивую женщину королевства, Серсею из дома Ланнистеров, тем самым доставив этому роду ту честь, в которой отказывал Эйрис. И хотя ведомо всем, что лорд Тайвин вполне мог бы вновь стать десницей, король, по его доброте, вместо того отдал эту должность своему старому другу и защитнику, лорду Джону Аррену. И его светлость, действительно мудрый и справедливый, с тех пор помогает королю вести страну к процветанию.

Но это не означает, что царствование Роберта было совершенно спокойным. Спустя шесть лет после коронации его милости против своего короля беззаконно восстал Бейлон Грейджой — не из-за вреда, нанесенного ему или его людям, а только лишь из-за неуемной гордыни. Против

лорда Грейджоя выступило могучее войско во главе с самим королем, а лорд Станнис, средний из троих братьев Баратеонов, повел королевский флот. В конечном счете, Пайк был усмирен и подчинен королю Роберту, совершившему при этом великие ратные подвиги. Затем его милость заставил Грейджоя — претендента на корону Железных островов — преклонить колено перед Железным троном. И для обеспечения верности лорда Бейлона его единственный выживший сын был взят в заложники.

Теперь государство пребывает в мире, и свершилось все, что обещал его милость при восхождении на трон. Наш благородный король видел самое долгое лето за многие века, полное достатка и добрых урожаев. Более того, Роберт и его возлюбленная королева подарили стране троих златокудрых наследников, обеспечив дому Баратеонов долгое властвование. Правда, недавно объявил себя Королем за Стеной некий Манс Налетчик, но он — клятвопреступник, сбежавший из Ночного Дозора, а Дозор всегда приносит предателям быстрое правосудие. Этот ложный король не добьется ничего, как и другие короли одичалых до него.

Скорее всего, так будет не всегда. Как показала

наша история, мир стал свидетелем многих эпох. С Рассветной эпохи до сегодняшних дней миновали тысячелетия. Поднимались и рушились замки — как и королевства. Крестьяне рождались, подрастали для работы в полях и умирали от старости или болезни, оставив после себя детей для той же участи. Принцы рождались, вырастали, чтобы носить корону, и умирали на войне, или на турнире, или в постели, оставив после себя нечто великое, недостойное или забытое. Мир познал лед Долгой Ночи и пламя Рока Валирии, пережил богатую и славную историю — весь, от Стылого берега до Асшая-у-Тени, хотя еще многое на этой земле льда и пламени нам предстоит открыть. Если еще найдутся сколько-то глав рукописи мейстера Гильдейна, или если будут обнаружены другие столь же несравненные (по крайней мере, в глазах мейстеров) сокровища — то это сотрет изрядную часть нашего неведения. Но одно можно сказать с уверенностью: когда пройдет следующее тысячелетие — а за ним и другие — многие родятся, проживут свою жизнь и умрут; история же будет продолжена, и она станет такой же странной, сложной и убедительной, как и та, что мое скромное перо изложило здесь перед вами.

Никто не может в точности представить, что

именно ждет нас в будущем. Но, возможно, зная то, что уже произошло, все мы сможем внести свой вклад, чтобы, избегая ошибок наших предков и подражая их успехам, создать более гармоничный мир для наших детей, для их детей, для всех грядущих поколений.

Во имя славного короля Роберта, первого этого имени, сим я смиренно заканчиваю историю владык Семи Королевств.

СЕМЬ КОРОЛЕВСТВ
Север

Обширное и студеное владение Старков Винтерфельских, королей Зимы, среди семи королевств Вестероса, как правило, считается первым и старейшим, ибо выдержало дольше прочих, оставшись непокоренным[51]. Превратности истории и географии отделили Север от его южных соседей.

Уже многие века принято говорить о Вестеросе как о Семи Королевствах. Это выражение вошло в обычай благодаря семи великим державам, которые господствовали над большей частью Вестероса ниже[52] Стены в годы, непосредственно предшествующие Завоеванию Эйгона. Однако даже в те времена такое именование было далеким от истины: одно из «королевств» управлялось принцессой, а не королем (Дорн), а собственное «королевство» Эйгона Таргариена на Драконьем Камне никогда и не учитывалось.

Тем не менее, выражение прижилось. Поскольку мы рассуждаем и о Сотне королевств древности, хотя Вестерос никогда не был поделен на сто

самостоятельных государств, то нам стоит отдать должное привычному названию и употреблять слова «Семь Королевств», пусть они и неточны.

Часто утверждают, что Север столь же велик, как другие шесть королевств вместе взятые. Но истина не так впечатляет: область, которой сегодня правит дом Старков из Винтерфелла, величиной чуть более чем в треть государства. Владения Старков тянутся от южных окраин Перешейка на север до самого Нового Дара (который тоже был частью их земель, пока король Джейхейрис I не убедил Винтерфелл передать его Ночному Дозору). На Севере найдешь великие леса и открытые ветрам равнины, холмы и долины, скалистые берега и горы с заснеженными вершинами. Эти холодные земли — в основном, поросшие вереском низины и возвышенности, ближе к Стене уступающие место горам — менее изобильны, чем просторы Юга. Как всем ведомо, снег здесь выпадает даже летом, а зима смертоносна.

Единственный полноценный город на Севере — это Белая Гавань, причем он считается наименьшим из городов Семи Королевств. Самые же известные поселения — Зимний городок у стен

Винтерфелла и Барроутон в Курганах. Первый из них весной и летом почти пуст, а осенью и зимой переполнен теми, кто ищет покровительства, защиты и помощи Винтерфелла в трудную годину. В Зимний городок прибывают не только из отдаленных деревень и ферм; многие сыновья и дочери горных кланов стремятся попасть туда, стоит лишь усилиться снегопадам.

Барроутон — также довольно любопытное местечко. Он выстроен у подножия кургана, считающегося могилой того самого Первого короля, который некогда, если верить легендам, возглавлял всех Первых людей. Город возвышается посреди широкой, пустынной равнины и процветает благодаря разумным действиям Дастинов, верных знаменосцев Старков, правящих в Барроутоне от их имени со времен падения последнего Курганного короля.

Покрытая ржавчиной корона на гербе дома Дастинов, по их словам, унаследована от Первого короля и Курганных королей, властвовавших после него. Старинные сказания, записанные Кеннетом в труде «Путями усопших», утверждают, что на Великий курган было наложено проклятие, не позволяющее ни одному живому человеку соперничать с Первым королем. Это проклятие

обращало всех претендентов на титул в подобие трупов, высасывая из них жизнь и силу. Конечно, это не более чем легенда, но то, что в Дастинах течет кровь древних Курганных королей, кажется несомненным.

Люди Севера — потомки Первых людей, их кровь исключительно медленно смешивалась с кровью андалов, покоривших королевства Юга. На изначальном языке (называемом Старым наречием) сейчас разговаривают лишь одичалые за Стеной, и многие древние обычаи Первых людей ныне утрачены — например, вызывающие ужас подробности их священных обрядов, в ходе которых преступников и изменников убивали, а их тела и внутренности развешивали на ветвях чардрев.

Но в обычаях и нравах жителей Севера все еще сохранилось кое-что из старых верований. Их жизнь труднее, чем у южан, они более закалены, и поэтому удовольствия, которые на Юге считаются благородными, здесь — лишь детские забавы, куда менее достойные, чем обожаемые северянами охота и драки.

Они выделяются даже названиями своих домов — Первые люди носили короткие, простые и описательные имена. К примеру, Старки, Вуллы,

Амберы и Стауты[53] явно восходят к тем дням, когда у андалов на Севере никакого влияния не имелось.

Поскольку рыцарство — редкое понятие для Севера, то и рыцарские турниры с их великолепием и благородством выше Перешейка встретишь не чаще, чем зубы у курицы. Северяне, хотя и могут сражаться верхом и с боевыми копьями, но лишь изредка сходятся в копейных сшибках на ристалище, забавы ради. Им больше по сердцу общие схватки, которые в тех краях мало чем отличаются от настоящих сражений. Имеются записи, доказывающие, что эти «турниры» иногда длились по полдня без перерыва, оставляя после себя истоптанные поля и полуразрушенные селения. Серьезные раны — обычное дело для таких схваток, а смерти — не сказать, чтобы неслыханное. Как говорят, в большой схватке, случившейся в Последнем Очаге, в 170 году от З.Э., не менее восемнадцати человек погибло, а в полтора раза больше воинов получили увечья еще прежде, чем закончился день.

Существует одна примечательная традиция, особенно оберегаемая северянами — право гостя, или обычай гостеприимства, согласно которому ни один человек, принявший гостя под своей

крышей, не может причинить ему вред, так же как и гость — хозяину. У андалов есть нечто похожее, но в понимании южан этот обычай все же не столь важен. Мейстер Эгберт в своей книге «Справедливость и несправедливость на Севере: приговоры троих властителей из дома Старков» заметил, что злодеяния, когда попирается право гостя, случаются редко, но неизменно караются, словно измена худшего толка — с той же суровостью. Только убийство родичей считается столь же греховным, как нарушение указанных законов.

На Севере рассказывают историю о Поваре-Крысе, который подал некоему андальскому королю (одни отождествляют его с Тайвеллом II из Утеса Кастерли, другие — с Освеллом I из Долины) пирог с запеченной в нем плотью принца, собственного сына властителя. Повар был наказан за преступление — его превратили в чудовищную крысу, пожиравшую собственных детенышей. Но эту кару он понес не за убийство и не за то, что накормил отца телом сына, а за нарушение права гостя.

Короли Зимы

Из преданий и песен мы знаем, что Старки Винтерфельские правили на большей части земель, лежащих севернее Перешейка, добрых восемь тысяч лет. В глубокой древности они называли себя королями Зимы, а в последние века — королями Севера. Власть их отнюдь не была неоспоримой — Старкам довелось во многих войнах расширять свои владения или по необходимости возвращать земли, утраченные из-за мятежей. Короли Зимы — суровые люди, жившие в суровые времена.

Старинные баллады, едва ли не самые древнейшие из хранящихся в архивах староместской Цитадели, повествуют нам, как один из королей Зимы изгнал с Севера великанов, а еще один — уничтожил варга Гавена Серого Волка с родичами в «беспощадной Схватке Волков». Но в подтверждение тому, что эти короли и битвы действительно были, у нас есть только слова певцов.

О войне королей Зимы с Курганными королями, жившими ближе к югу, сохранилось несколько больше свидетельств. Те приняли титул королей Первых людей, то есть претендовали на владыче-

ство над всем народом, включая самих Старков. Это соперничество, прозванное певцами Тысячелетней войной, представляло собой (согласно руническим записям) череду войн, тянувшихся в общей сложности примерно две сотни лет — и уж никак не тысячу. Закончились они тем, что последний Курганный король преклонил колено перед королем Зимы и отдал ему в жены свою дочь.

Однако эта победа не дала возможности Винтерфеллу обрести власть над всем Севером. Своими королевствами, крупными и не очень, еще правило множество царьков. Потребовались тысячи лет и немало войн, прежде чем покорился последний из них. Старки подчиняли прочих властителей одного за другим, и в этой борьбе многие благородные дома и старинные династии были уничтожены навсегда.

Среди королевских домов, умалившихся до положения вассалов, можно назвать Флинтов из Каменного Холма, Слейтов из Черной Заводи, Амберов из Последнего Очага, Локков из Старого замка, Гловеров из Темнолесья, Фишеров с Каменного берега, Райдеров из Родников... и, возможно даже, Блэквудов из Воронодрева. Семейные традиции последних подразумевают, что некогда

они правили почти всем Волчьим лесом, прежде чем были вытеснены со своих земель королями Зимы (некоторые рунические записи согласуются с этим утверждением, если доверять переводу мейстера Барнеби).

Хроники, найденные в архивах Ночного Дозора в Твердыне Ночи (прежде чем эта крепость была покинута), повествуют о войне за мыс Морского дракона, в которой Старки низвергли Короля-оборотня и его союзников, не принадлежащих к людскому роду — Детей Леса. Когда последний оплот Короля-оборотня пал, его сыновья были преданы мечу вкупе с его животными и древовидцами, а дочери стали наградой победителям.

Такой же конец встретили дома Гринвудов и Тауэрсов, Эмберов и Фростов вместе с парой десятков менее значительных домов и мелких владетелей, чьи имена затерялись в истории. Самыми же заклятыми врагами Винтерфелла были, без сомнения, зловещие Красные короли дома Болтонов из Дредфорта, чьи земли в старину простирались от Последней реки до Белого Ножа[54], а на юг — вплоть до Бараньих Лбов.

Утверждают, что вражда между Старками и Болтонами уходит корнями во времена Долгой Ночи. Не счесть войн между этими древними

семействами, и далеко не все завершались победой дома Старков. Как известно, король Ройс Болтон, второй этого имени, захватил и сжег Винтерфелл, а его тезка и потомок Ройс IV (оставшийся в истории как Ройс Красные Локти из-за привычки собственноручно вырывать из утроб внутренности своих врагов) сделал то же самое три века спустя. О других Красных королях сложилось мнение, будто бы те носили плащи из кожи наследников дома Старков, которых удалось захватить и освежевать.

Тем не менее, в итоге даже Дредфорт склонился перед могуществом Винтерфелла, и последний Красный король, которого в хрониках поминают как Рогара Загонщика, присягнул на верность королю Зимы и отправил сыновей заложниками в Винтерфелл. Случилось это в те годы, когда по Узкому морю начали впервые прибывать ладьи андалов.

После победы над Болтонами у Старков не осталось соперников на Севере, серьезную опасность могло представлять только вторжение с моря. Северная граница их владений была защищена Стеной и людьми Ночного Дозора, на юге же единственный проход через болота Перешейка лежал среди полуразрушенных башен

и уходящих в трясины стен великой крепости, называемой Ров Кайлин. Даже в ту пору, когда Ров удерживали только Озерные короли, их люди стойко держались против захватчиков с юга. При нужде происходило объединение с Курганными королями, Красными королями и королями Зимы — и натиск любого правителя, возжелавшего пробиться на Север, захлебывался. А король Рикард Старк, взяв Перешеек под свою руку, и вовсе сделал Ров Кайлин неприступной преградой против войск с юга. Мало кто осмеливался штурмовать эту крепость, и, как гласит история, никому не удавалось ее захватить.

Однако длинная, изрезанная береговая линия северных земель оставалась уязвимой. Именно там властителям Винтерфелла угрожали наиболее часто — и железнорожденные на западе, и андалы на востоке.

Ладьи андалов пересекали Узкое море сотнями и тысячами, они высаживались и на Севере — так же, как и на юге. Но по всему восточному побережью Севера на завоевателей обрушивались Старки и их знаменосцы, вынуждая тех вернуться в море. Король Теон Старк, известный по хроникам как Голодный Волк, отразил величайшую из подобных опасностей — объединившись с Болто-

нами, он разгромил андальского военачальника Аргоса Семь Звезд в битве на Плачущей реке.

После этой победы Теон собрал собственный флот, пересек Узкое море и достиг андальских берегов, причем к носу флагманского корабля прикрутили ремнями тело Аргоса. Там, как рассказывают, Старк принялся вершить кровавую месть: сжег несколько деревень, захватил три замка с башнями и укрепленную септу и предал сотни людей мечу. Головы убитых Голодный Волк вместе с прочей добычей забрал в Вестерос и там насадил на пики, расставленные вдоль берегов — как предупреждение другим возможным захватчикам. (В более поздние годы своего отмеченного кровью царствования он сам завладел Тремя Сестрами и высадил армию на Перстах, но эти завоевания долговечными не стали. Помимо того, король Теон сражался с железнорожденными на западе, выбив их с мыса Кракена и Медвежьего острова, подавил мятеж в Родниках и присоединился к Ночному Дозору в походе за Стену, тем самым обескровив одичалых на целое поколение.)

Еще до прихода андалов король Джон Старк воздвиг Волчье Логово — для защиты устья Белого Ножа от разбойников и работорговцев из-за

Узкого моря (некоторые книжники считают эти налеты началом вторжения андалов, хотя другие полагают их делом рук предков иббенийцев или даже работорговцев из Валирии и Волантиса).

Текли столетия... Древняя крепость не раз меняла хозяев (в числе прочих ею владели Грейстарки — боковая ветвь дома Старков, Флинты, Слейты, Лонги, Хольты, Локки и Эшвуды) и зачастую оказывалась в самой гуще столкновений. В пору войн между Винтерфеллом и андальскими королями Гор и Долины Осгуд Аррен, прозванный Старым Соколом, осадил Волчье Логово. Его сын, король Освин Коготь, смог захватить замок и предать его огню. Еще позже крепость не устояла под натиском пиратских лордов с Трех Сестер и работорговцев со Ступеней. И лишь после того, как бежавшие Мандерли прибыли на Север, принесли свои клятвы в Волчьем Логове (почти за тысячу лет до Завоевания) и построили Белую Гавань, забота об обороне Белого Ножа — реки, открывающей путь в самое сердце Севера — оказалась снятой.

Пока на Черноводной не выросла нынешняя столица, Белая Гавань оставалась самым молодым городом Семи Королевств. Ее выстроили на средства, вывезенные из Простора домом Мандерли

в те дни, когда их изгнал лорд Лоримар Пик по приказу короля Персеона III Гарденера, боявшегося растущей власти этого дома. У Белой Гавани больше общего с изящными замками и башнями Простора, чем с твердынями Севера — говорят, что Новый замок был построен по образу и подобию замка Данстонбери, который потеряли изгнанные Мандерли.

Западное побережье Севера также весьма часто страдало от налетчиков. Несколько раз Голодный Волк был вынужден отбиваться — когда к закатным берегам причаливали ладьи с Большого Вика, Старого Вика, Пайка и Оркмонта под стягами Харрага Хоара, короля Железных островов. На какое-то время Харрагу и его железнорожденным присягнул Каменный берег, часть Волчьего леса превратилась в пепелище, а Медвежий остров стал логовом разбойников, которыми правил жестокосердный сын Харрага, Равос Насильник. И хотя Теон Старк собственной рукой убил Равоса и вытеснил островитян со своих берегов, они вернулись, ведомые внуком Харрага, Эрихом Орлом, а позже — Лороном Грейджоем, Старым Кракеном. Последний вернул железнорожденным и Медвежий остров, и мыс Кракена (после смерти Старого Кракена король Родрик Старк

отбил остров, а вот за мыс сражались уже его дети и внуки). Войны между Севером и островами продолжались и после этого, но уже с меньшим накалом.

Горные кланы

Наиболее ярые приверженцы законов гостеприимства живут в Северных горах[55] мелкими кланами, а их вожди вечно соперничают между собой за звание самого щедрого хозяина. Горцы в основном обитают в самих Северных горах, что за Волчьим лесом, на тамошних высокогорных долинах и лугах, а также на берегах Ледового залива и некоторых северных рек. Горные кланы присягают на верность Старкам, но их местные споры порой создают лишние заботы лордам Винтерфелла, как до них создавали королям Зимы. Иногда верховным лордам Севера приходится призывать вождей на суд в Винтерфелл, а то и отправлять своих людей в горы, чтобы остановить кровопролитие (память об этом осталась в таких песнях, как «Черные сосны» и «Волки в горах»).

Самый могущественный из северных кланов — Вуллы, обитающие вдоль берегов Ледового залива и живущие дарами моря. Их ненависть

к одичалым сравнима только с ненавистью к железнорожденным — те не раз совершали набеги на земли Вуллов, сжигая их дома, отбирая зерно и забирая их жен и дочерей в неволю либо в соленые жены. Железнорожденные в разное время захватывали большую часть Каменного берега, Медвежий остров, мыс Морского дракона и мыс Кракена. Последний как ближайший к Железным островам менял владельцев столь часто, что многие мейстеры считают его население более близким по крови к железным людям, чем к северянам.

В хрониках Севера утверждается, будто бы Родрик Старк выиграл Медвежий остров у железнорожденных, победив в борцовской схватке. Возможно, доля истины в этой истории есть — короли Железных островов нередко стремились доказать свою доблесть и право носить корону из плавника, выставляя напоказ собственную грубую силу. Более трезвомыслящие ученые мужи ставят рассказ под сомнение, предполагая, что если «поединок» и имел место, то был словесным[56].

Камнерожденные Скагоса

Несмотря на века междоусобиц, горные кланы всегда оставались верными Старкам как в дни мира, так и в пору войн. Этого нельзя сказать о диких обитателях Скагоса — гористого острова, лежащего в восточной части Тюленьего залива.

Во владениях Старков к скагосийцам, мало похожим на прочих северян, относятся ничуть не лучше, чем к одичалым, и презрительно называют скаггсами. Сами обитатели острова зовут себя камнерожденными — на том основании, что на Старом наречии слово «скагос» означает «камень». Крупные, волосатые, дурно пахнущие (одни мейстеры считают, будто островитяне имеют сильную примесь крови иббенийцев, другие же верят, что они могут быть потомками великанов), одетые в кожу, меха или невыделанные шкуры и оседлавшие, как говорят, единорогов, скагосийцы стали источником самых разных мрачных слухов. В числе прочих — будто бы они все еще приносят человеческие жертвы своим чардревам, ложными огнями заманивают проходящие мимо корабли на верную смерть, а в зимнюю пору становятся людоедами.

Как бы то ни было, вопрос о том, продолжают ли скагосийцы поедать человеческую плоть, или же оставили этот обычай, остается предметом горячих споров. Мейстер Болдер, служивший в Восточном Дозоре у Моря во времена Озрика Старка (пробывшего на посту лорда-командующего шестьдесят лет), составил сборник сказок и легенд «На краю мира». Именно благодаря этому труду мы в основном и представляем Скагос, в том числе и Скейнийский пир — событие, случившееся после того, как скагосийский флот высадился на соседнем небольшом островке Скейн. Камнерожденные изнасиловали и забрали с собой местных женщин, а мужчин убили и пожрали их плоть на пиру, затянувшемся на две недели. Мы не знаем, правда это или нет, однако же Скейн необитаем и по сей день, хотя обвалившиеся камни и заросшие остовы жилищ свидетельствуют, что некогда на этих открытых всем ветрам холмах и каменистых берегах действительно жили люди.

Хотя мало кто видел их остров, сами камнерожденные в былые годы не чурались пересекать Тюлений залив ради торговли, или, что случалось гораздо чаще, ради набегов. Это продолжалось до тех пор, пока король Брандон Старк, девятый

этого имени, не разбил их наголову — раз и навсегда. Тогда были уничтожены их корабли и наложен запрет на выход в море. И большую часть ведомой нам истории скагосийцы оставались обособленным, отсталым и диким народом, готовым убивать даже тех, кто высадится на их острове со своим товаром. Но, если камнерожденные все-таки расположены к торговле, в обмен на то, что им понравится, они предлагают обсидиановые клинки или наконечники стрел, шкуры и «рога единорога».

Слухи о так называемых «единорогах» Скагоса мейстерами Цитадели высмеивались не раз. Случайно попадавшие им в руки «рога единорога», предложенные сомнительными торговцами, никогда не оказывались чем-либо иным, кроме как бивнями одной из разновидности китов, на которых охотятся иббенийские китобои. Впрочем, мейстерам Восточного дозора несколько раз попадались и рога совсем иного рода, причем вывезенные действительно со Скагоса. Также поговаривают, будто мореплаватели, достаточно отважные, чтобы торговать на этом острове, видели под седлом у лордов народа камнерожденных огромных зверей, косматых и рогатых, и те были столь ловкими, что могли взбираться по

отвесным склонам гор. Мейстеры давно стремились заполучить для изучения живую особь этого существа или хотя бы его скелет, но ничего похожего в Старомест так и не привезли.

Бывали случаи, что рожденные на Скагосе служили в Ночном Дозоре. Так, более тысячи лет назад Кроул (из клана, считавшегося на Скагосе знатью) даже стал лордом-командующим, а в «Анналах Черного Кентавра» рассказывается о Стейне (также из благородной семьи скагосийцев), который дослужился до звания Первого разведчика, но умер вскоре после своего назначения.

Скагос часто причинял беспокойство Старкам — как во времена королей, когда те стремились покорить остров, так и во времена лордов, когда приходилось бороться с неповиновением камнерожденных. К примеру, совсем недавно, в царствование короля Дейрона II Таргариена (Дейрона Доброго) остров восстал против лорда Винтерфелла. Этот мятеж затянулся на годы и, прежде чем был подавлен, унес тысячи жизней, в том числе жизнь лорда Винтерфелла Бартогана Старка по прозвищу Барт Черный Меч.

Перешеек: приозерный народ

Последний и, как могут сказать некоторые, наименее важный из народов Севера — жители болот Перешейка, или приозерный народ. Их знают еще как кранножан из-за плавучих островков, называемых кранногами, на которых те воздвигают свои усадьбы и лачуги. Роста они невысокого, сами же — хитрые и скрытные, предпочитающие не пускать к себе чужаков. Порой заявляют, будто приозерные люди малы ростом, поскольку вступали в браки с Детьми Леса, но более вероятно, что это следствие недостаточного питания, поскольку среди низин, топей и соленых болот Перешейка хлеба не родятся, и кранножане питаются в основном рыбой, лягушками да ящерицами.

Обитатели Речных земель, чьи владения к югу от Перешейка граничат с краем приозерного народа, уверяют, будто кранножане умеют дышать под водой, на руках и ногах у них перепонки, как у лягушек, и что они смазывают свои остроги и стрелы ядом. Последнее, стоит отметить, вполне достоверно: купцы не раз привозили оттуда в Цитадель редкие травы с весьма необычными

свойствами (мейстеры разыскивают подобные вещи, чтобы лучше понять их особенности и ценность). Но в остальном слухам веры нет: приозерный народ — те же люди, хотя и впрямь несколько ниже, чем большинство из нас, и живут по своим обычаям, которым нет подобия в Семи Королевствах.

В давние времена, как утверждают историки, кранножанами правили Озерные короли. В песнях поется о том, как они ездили на львоящерах, а вместо копий сражались огромными острогами словно рыцари, но это уже очевидный вымысел. Были ли Озерные короли настоящими властителями в нашем понимании? Архимейстер Эйрон пишет, что кранножане видели своих королей лишь первыми среди равных, и при этом осененными Старыми богами. Говорят, выражалось это в необычных оттенках их глаз или даже способности разговаривать с животными, как, по слухам, бывало у Детей Леса.

Какой бы ни была правда, последний, кого звали Озерным королем, был убит королем Рикардом Старком, которого на Севере за добрый нрав иногда называли Смеющимся Волком. Рикард взял в жены дочь Озерного короля, после чего кранножане преклонили колено и признали

над собой власть Винтерфелла. В последующие века приозерный народ, ведомый Ридами из Сероводья, стал надежным союзником дома Старков.

Лорды Винтерфелла

После Завоевания и объединения Семи Королевств Старки перестали быть королями, но обрели звание Хранителей Севера. Они присягнули на верность Железному трону, оставшись верховными правителями своих земель во всем, кроме титула. Хотя Торрхен Старк поступился древним венцом королей Зимы, его сыновья совсем не обрадовались появлению ярма Таргариенов. Некоторые из них поговаривали о восстании и желали вновь поднять знамена Старков, даст ли лорд Торрхен на то согласие или нет.

Читатель сам рассудит, были ли неодобрительные чувства к Таргариенам усугублены попытками королевы Рейнис Таргариен связать воедино части нового государства через браки между великими домами. Хорошо известно, что одним из многих необходимых для мира союзов стало замужество дочери Торрхена Старка — ее выдали за юного лорда Долины (судьба которого позже сложилась несчастливо). Но в Цитадели

сохранились письма, позволяющие предположить, что Старк принял эти условия только после многих возражений, а братья невесты даже отказались присутствовать на церемонии.

Рассказывают, будто бы в более поздние годы Старки озлобились еще и на Старого короля с королевой Алисанной, поскольку те вынудили их исключить Новый Дар из своих земель и отдать его Ночному Дозору. Одно это и впрямь могло стать причиной тому, что лорд Эллард[57] Старк принял сторону Корлиса Веларион и принцессы Рейнис на Великом совете 101 года от З.Э.

И хотя про события тех дней говорят, что лорд Эллард Старк был рад помочь Ночному Дозору с Даром, да и убеждать его особо не пришлось, истина выглядит иначе. Письма в Цитадель, в которых брат лорда Старка просит мейстеров указать случаи, подтверждающие, что никого нельзя принудить пожертвовать свою собственность другому, однозначно дают понять, что Старки не стремились исполнять приказ короля Джейхейриса. В числе прочего, возможно, и опасаясь того, что под опекой Черного замка Новый Дар неизбежно придет в упадок — ибо взгляды братьев Ночного Дозора всегда обращены на север, а мысли о новых жителях на юге их не

заботят. Вскоре так и случилось, и Новый Дар, как сообщают, обезлюдел из-за угасания Дозора и всевозрастающих потерь от налетчиков из-за Стены.

Ранее мы уже обсуждали роль дома Старков в Танце Драконов. Нужно добавить, что лорд Криган приобрел немало привилегий, будучи верным сподвижником короля Эйгона III... хотя в дом Старков и не выдали замуж принцессу королевской крови согласно Договору Льда и Пламени, заключенному, когда принц Джекейрис Веларион (увы, отмеченный роком) прилетал в Винтерфелл на своем драконе.

И после Танца Драконов Старки стали гораздо более искренними сторонниками Таргариенов, чем до этого. Так, Рикон Старк (сын и наследник лорда Кригана) отважно сражался под стягом Таргариенов в те дни, когда Юный Дракон стремился покорить Дорн, и некоторые его деяния король Дейрон описал в «Завоевании Дорна». Гибель Рикона под Солнечным Копьем в одном из завершающих сражений оплакивали на Севере долгие годы — из-за тех бедствий, которые навлекли на себя его единокровные братья, будучи у власти[58].

Еще через десятилетия Северу довелось уви-

деть, как правящему дому пришлось разбираться с восстанием на Скагосе, с железнорожденными, возобновившими набеги под началом лорда Дагона Грейджоя, с вторжением одичалых во главе с Королем за Стеной, Реймуном Рыжебородым (оно случилось в 226 году от З.Э). Старкам было суждено отдавать жизни в каждом из этих столкновений, и все же их дому почти неизменно сопутствовала удача — вероятно, из-за твердой решимости большинства лордов Винтерфелла не принимать участия в интригах при дворе на юге. Во всяком случае, позже, когда линия Старков почти пресеклась из-за Эйриса II (после похищения Рейгаром Лианны), кое-кто облыжно возлагал вину на покойного лорда Рикарда. Но кровные и дружеские связи погибшего лорда с прочими великими домами обеспечили их совместные действия в ответ на преступления Безумного короля.

Винтерфелл

Винтерфеллом, самым грозным замком Севера, Старки владеют со времен Рассветной эпохи. Согласно преданиям, Брандон Строитель возвел Винтерфелл после Долгой Ночи — зимы,

затянувшейся на целое поколение — чтобы этот замок стал оплотом для его потомков, королей Зимы. Имя Брандона Строителя связывают с невероятным количеством величайших строений (Штормовой Предел и Стена — лишь два выдающихся примера), которых не создашь и за несколько жизней. Вероятно, сказания сотворили одного древнего правителя из нескольких (ибо в доме Старков за долгие века правления Брандонов было великое множество), чтобы заслуги его более годились для легенд.

Замок весьма своеобразен — Старки не выравнивали землю перед тем, как возводить основание и стены. Судя по всему, это доказывает, что Винтерфелл строился по частям на протяжении долгих лет и не был задуман как единое строение. Некоторые книжники предполагают, что некогда на месте замка была совокупность кольцевых острогов, соединенных меж собой, однако века искоренили почти все доказательства этого.

Наружные стены Винтерфелла строились в течение последних двадцати лет правления короля Эдрика Снежной Бороды. И хотя Эдрик знаменит тем, что правил около столетия, его всемогущество в пору старческого помрачения таяло день ото дня. Видя это, в расшатываю-

щемся королевстве попытались уцепиться за власть многие любители интриг. Наиболее очевидные угрозы исходили от многочисленных — и беспокойных — потомков Эдрика. Но и другие не желали упускать возможность, включая железнорожденных, работорговцев из-за Узкого моря, одичалых и соперников на самом Севере — таких, как Болтоны.

Некогда для обороны использовали только внутренние стены, возведенные, по оценкам, около двух тысяч лет назад (некоторые участки могут быть еще старше). Позднее вокруг них выкопали ров, а за рвом воздвигли еще одну стену. Это дало замку весьма внушительную защиту, ибо внутренние стены возвышаются на сотню футов, внешние — на восемьдесят. И любой враг, захвативший при штурме внешние стены, тут же оказывался перед внутренними, с которых защитники могли метать стрелы, копья и камни.

Кольцо стен оберегает несколько акров земли, на которых раскинулся замок, включая и несколько отдельных строений. Самое старое из таковых называют Первой Твердыней — это давно заброшенная башня с каменными горгульями, круглая и приземистая. Кое-кто считает, что она была построена Первыми людьми, но мейстер

Кеннет определенно доказал, что Твердыня не могла появиться до прибытия андалов, поскольку Первые люди и ранние андалы в своих острогах устраивали квадратные башни, а круглые появились несколько позже.

В «Свидетельствах Грибка» записано, что в начале Танца Драконов Вермакс (чей всадник тогда вел переговоры с Криганом Старком) якобы оставил кладку яиц где-то в криптах Винтерфелла, близко к стенам которых проходят токи горячих подземных ключей. Мы можем опровергнуть это утверждение, ибо нет никаких записей о том, что Вермакс когда бы то ни было откладывал яйца (как отмечает архимейстер Гильдейн в одном из отрывков своего труда), и следует полагать этого дракона самцом. Убеждение, будто драконы при необходимости могли изменять пол, ошибочно, согласно работе мейстера Энсона «Истина», а ошибка коренится в неверном понимании ведомой лишь посвященным метафоры, которую септон Барт предпочитал использовать при обсуждении высших таинств.

Взгляд мастера определит, что архитектура Винтерфелла представляет собой смешение различных эпох. Просторный замок включает в себя не только здания, но и открытые места — три

акра земли отданы под многовековую богорощу, где, по легенде, когда-то молился своим богам Брандон Строитель. Правда это или нет, но древность богорощи не может быть оспорена. Как и то, что она, вне всяких сомнений, обогревается бьющими там горячими ключами, защищая деревья от жесточайших зимних холодов.

Разумеется, само наличие горячих родников (а вокруг Винтерфелла они многочисленны) может быть главной причиной того, что Первые люди поселились именно здесь. Легко представить себе значение готового источника воды — особенно горячей — в разгар северной зимы. В последующие века Старки возвели строения, в которых эти ключи используются именно для обогрева жилищ.

Доказано, что горячие источники (как тот, что под Винтерфеллом) нагреваются печами мира — теми, что породили Четырнадцать Огней или курящуюся гору Драконий Камень. Однако же известно, что простой люд в Винтерфелле и Зимнем городке твердит, будто местные источники нагреваются дыханием спящего под замком дракона. Эти домыслы смешнее даже заявлений Грибка, так что в каком бы то ни было обсуждении необходимости попросту нет.

Стена и земли за Стеной

Ночной Дозор

Нечто необычайное в своем роде представляет собой Ночной Дозор, присяжное братство, обороняющее Стену уже века и тысячелетия. Оно родилось по завершении Долгой Ночи — зимы, которая затянулась на целое поколение и привела с собой Иных, почти истребивших царство людей.

История Ночного Дозора уходит глубоко в прошлое, сказания по сей день повествуют о черных рыцарях Стены и их благородном призвании. Но Веку Героев давно настал конец, а Иные не показываются вот уже тысячи лет, если, конечно, они и впрямь существовали когда-то.

А потому год от года ряды Дозора сокращаются. Его собственные архивы подтверждают, что упадок начался еще до времен Эйгона Завоевателя и его сестер. Хотя черные братья Дозора и сейчас стерегут царство людей так бдительно, как только могут, угрозы, с которыми они сталкиваются, идут отнюдь не от Иных, упырей, великанов, дре-

вовидцев, варгов, оборотней или подобных им чудищ из легенд и детских сказок. Враги — скорее одичалые, вооруженные каменными топорами и дубинами; жестокие дикари, без сомнения, но всего лишь люди, к тому же не сравнимые с обученным воинством.

Так было не всегда. Правдивы легенды или нет, очевидно, что Первые люди и Дети Леса (и даже великаны, если верить словам певцов) чего-то боялись так сильно, что были вынуждены начать возведение Стены. И это великое сооружение, при всей своей простоте, справедливо числится среди чудес света. Вполне может быть, что ее основание сложено из камня (мейстеры не сходятся в этом), но сегодня можно разглядеть лишь лед, сто лиг ледяной Стены. Близлежащие озера обеспечили материал, из которого Первые люди вырезали огромные глыбы, везли их на санях к Стене и громоздили льдину на льдину. Ныне, спустя тысячи лет, Стена достигает более семи сотен футов на самом высоком участке (хотя высота ее неодинакова и значительным образом меняется на протяжении сотни лиг, поскольку зависит от неровностей местности).

Согласно легендам, великаны помогали строить Стену, используя свою невероятную силу,

чтобы укладывать блоки льда на подобающее место. Здесь, возможно, есть доля истины, хотя в сказках великаны предстают куда более крупными и сильными, чем были на деле. В тех же самых легендах сообщается, что Дети Леса — сами не возводившие стен ни изо льда, ни из камня — вложили в это сооружение свою магию. Но предания, как и всегда, имеют сомнительную ценность.

В тени ледяной Стены Ночной Дозор выстроил девятнадцать крепостей, и все они отличаются от любого другого замка Семи Королевств, ибо не обладают ни наружными стенами, ни прочими защитными приспособлениями для обороны (Стены более чем достаточно против всякой угрозы с севера; а Дозор настаивает, что южнее у него врагов нет.)

ЗАМКИ НОЧНОГО ДОЗОРА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Сумеречная башня

Черный замок (ныне резиденция лорда-командующего Дозора)

Восточный Дозор у моря

ЗАБРОШЕННЫЕ

Западный Дозор у моста

Сторожевая вышка

Серый Страж
Каменная Дверь
Морозный Холм
Ледовый Порог
Твердыня Ночи
Глубокое Озеро
Врата Королевы (некогда назывался Снежными Вратами, позже был переименован в честь Доброй королевы Алисанны)
Дубовый Щит
Лесной Дозор у пруда
Соболий Зал
Холодные Врата
Долгий Пригорок
Сигнальные Огни
Зеленый Страж

Самая внушительная и самая старая из этих крепостей — Твердыня Ночи, заброшенная вот уже два столетия. По мере умаления Дозора величина Твердыни сделала ее чрезмерно большой и дорогой в содержании. Мейстеры, служившие в замке, пока им еще пользовались, выяснили, что за века тот расширялся не единожды, и от изначального строения мало что сохранилось, исключая разве что несколько самых глубоких крипт, высеченных в скале под основанием

замка.

Будучи главной цитаделью Дозора на протяжении тысяч лет, Твердыня Ночи обросла превеликим множеством собственных преданий. Некоторые из них архимейстер Хармун приводит в своей книге «Дозорные на Стене». Древнейшие из тех сказаний повествуют о легендарном Короле Ночи, тринадцатом лорде-командующем Ночного Дозора, который, по утверждениям, возлег с колдуньей, бледной будто труп, и объявил себя королем. Король Ночи и его «мертвая королева» правили вместе тринадцать лет — до тех пор, пока их не свергнул король Зимы, Брандон Крушитель (как говорят, в союзе с Королем за Стеной, Джорамуном), а после не стер само имя Короля Ночи из людской памяти.

Мейстеры Цитадели склонны отмахиваться от подобных басен — хотя некоторые допускают, что в ранние дни Дозора мог и существовать некий лорд-командующий, дерзнувший обзавестись собственным королевством. Порою считают, что «мертвая королева» была женщиной из Курганов, дочерью Курганного короля (в ту пору этот род был независимым и могущественным, а в людском сознании зачастую бывал связан с могилами). О Короле Ночи толкуют по-разному — как

о Болтоне, Вудфуте, Амбере, Флинте, Норри, а то и Старке — в зависимости от того, где рассказывается предание. Как и всякая сказка, эта история вбирает в себя те детали, которые делают ее привлекательнее для рассказчика.

Ночной Дозор может считаться первым воинским орденом Семи Королевств — ведь главнейший долг всех его членов есть оборона Стены, и для того все они обучаются владению оружием. Все присяжное братство делится на три сословия:

1) Стюарды, снабжающие Дозор провизией, одеждой и всем прочим, необходимым для ведения войны.

2) Строители, следящие за состоянием Стены и замков.

3) Разведчики, отважно выходящие в дикие земли за Стеной для сражений с одичалыми.

Братство возглавляют старшие офицеры Дозора, их главой является лорд-командующий. Его выбирают голосованием, и всякий муж Дозора — от неграмотного бывшего браконьера до потомка великого дома — может подать голос за любого, кого сочтет достойным предводителем. После того, как один из присутствующих собирает большую часть голосов, он становится главой Дозора

и остается таковым до самой смерти. Обычай этот себя вполне оправдывает, и все усилия его отменить (к примеру, около пятисот лет назад лорд-командующий Рансель Хайтауэр пытался передать Дозор своему бастарду) никогда не приводили к длительному успеху.

К прискорбию, важнейшая истина о нынешнем Дозоре — его упадок. Возможно, когда-то он служил высокой цели. Но если Иные в былые дни и существовали, то уже тысячи лет их никто не видел, и людям бояться некого. Нынешняя опасность для мужей Ночного Дозора — одичалые по ту сторону Стены. Тем не менее, и они превращаются в подлинную угрозу царству людей лишь в тех случаях, когда среди них появляются Короли.

Непомерные расходы на содержание Стены и служащих там людей Ночного Дозора все более отягощают государство. Сейчас заселены всего лишь три из числа замков Ночного Дозора, орден уменьшился до десятой доли того войска, какое имелось в годину высадки Эйгона с сестрами. Но даже в таком состоянии Дозор остается бременем.

Одни считают, что Стена полезна как способ избавления королевства от душегубов, насильников, браконьеров и им подобных, другие

сомневаются в мудрости решения обучать таких людей военному делу и вкладывать в их руки оружие. Набеги одичалых справедливо могут считаться неудобством, но не опасностью. Многие выдающиеся умы полагают лучшим выходом позволить лордам Севера распространить свою власть на земли за Стеной — так те смогли бы отбросить одичалых.

То, что Ночной Дозор в великой чести у северян — единственное обстоятельство, удерживающее его на плаву. Большая часть пищи, спасающей от голода братьев Черного замка, Сумеречной башни и Восточного Дозора у моря, исходит не от земель Дара, а от тех ежегодных даров, которые северные лорды посылают на Стену в знак своей поддержки.

Одичалые

Земли по ту сторону Стены населяют народы, несхожие меж собой, но все ведущие свой род от Первых людей. Мы — на более цивилизованном Юге — зовем их одичалыми.

Но ни одно из различных племен за Стеной это именование не использует, к примеру, самое многочисленное из таковых называет себя

вольным народом. Они свято верят, что их примитивные обычаи позволяют им пребывать в куда большей свободе по сравнению с жителями юга, преклоняющими колено. Действительно, вольный народ не знает ни лордов, ни королей, и не склоняется ни перед человеком, ни перед жрецом, вне зависимости от их должностей, родословной или законности происхождения.

Однако жизнь одичалых бедна и совсем не свободна от голода или чрезмерного холода, от их дикарских войн или бесчинств собственных сородичей. Беззаконие за Стеной — отнюдь не повод для зависти, что подтвердит всякий человек, видевший одичалых (и многие уже свидетельствовали о том в работах, основанных на донесениях разведчиков Ночного Дозора). Дикари кичатся бедностью, каменными топорами, щитами, сплетенными из ветвей, кишащими блохами шкурами — и эта гордыня также входит в число причин, по которым они сторонятся прочего населения Семи Королевств.

Суровый Дом когда-то был единственным поселением за Стеной, напоминающим город. Он приютился на мысе Сторролда, где располагалась глубоководная гавань. Но шесть веков назад городок был сожжен, а живущие там люди —

уничтожены, и Дозор не может с уверенностью объяснить происшедшее. Одни говорят, будто на поселян напали людоеды со Скагоса, другие — что стоит винить работорговцев из-за Узкого моря. Дозор посылал корабль для расследования, и он вернулся с очень странными историями: в Суровом Доме не смогли отыскать ни единой живой души, но от утесов эхом отдавались ужасающие вопли. Прелюбопытнейшие сведения об этом местечке можно найти в книге мейстера Уиллиса «Суровый Дом: повесть о трех годах, проведенных по ту сторону Стены среди дикарей, разбойников и лесных ведьм». Уиллис добрался до Сурового Дома на пентошийском торговом судне и обосновался там как целитель и мудрец, что дало возможность описать тамошние обычаи. Уиллис получил защиту Волчары Горма — вождя, делившего власть над Суровым Домом с тремя другими. Но когда Горм был убит в пьяной драке, Уиллис понял, что ему грозит смертельная опасность, и возвратился в Старомест. Здесь он и написал свой труд, но пропал через год после того, как было закончено иллюстрирование рукописи. В Цитадели поговаривали, что в последний раз мейстера видели в порту — Уиллис искал корабль, который мог бы доставить его в

Восточный Дозор у моря.

Бессчетные племена и кланы вольного народа поклоняются Старым богам Первых людей и Детей Леса — божествам чардрев. По некоторым сведениям, есть и почитатели иных высших сущностей: темных подземных богов в Клыках Мороза, богов снега и льда на Стылом берегу или богов-крабов на мысе Сторролда, но все это никогда не было достоверно подтверждено.

Разведчики Ночного Дозора сообщают и о еще более странных народах, населяющих отдаленные земли за Стеной — облаченных в бронзу воинах из потаенной долины на Дальнем Севере, или Рогоногих, расхаживающих босиком даже по льду и снегу. Нам известно о диких людях со Стылого берега, живущих в хижинах изо льда и ездящих на санях, влекомых псами. Существует с полдюжины племен, обустраивающих себе жилье в пещерах; передают слухи о людоедах в верховьях ледяных рек за Стеной. Но лишь немногим разведчикам удалось проникнуть более чем на полсотни лиг вглубь Зачарованного леса, и, несомненно, существует больше одичалых племен, чем даже мужи Дозора могут себе представить.

Налетчики одичалых тревожат королевство

главным образом ради предметов из железа и стали, для создания которых им не хватает умений. Многие разбойники пользуются снаряжением из дерева и камня, а иной раз даже из рога. Некоторые из них сражаются бронзовыми ножами и секирами, и даже такое оружие считается весьма ценным. Прославленные среди одичалых военные предводители нередко щеголяют украденной сталью, зачастую отнятой у загубленных ими разведчиков Дозора.

Угрозой для королевства, которую представляют собой дикари, легко можно пренебречь — за исключением тех редчайших случаев, когда они объединяются под властью Короля за Стеной. И хотя многие разбойники и вожди стремились к этому титулу, мало кому удавалось его добиться. Никто из одичалых, сумевших стать Королем за Стеной, не сделал ничего, чтобы создать настоящее королевство или позаботиться о своем народе. Говоря по правде, эти люди — всего лишь вожаки банд, никак не монархи. Хотя «короли» весьма отличались друг от друга, каждый из них вел своих людей на Стену в надежде пробить брешь и завоевать земли южнее, в Семи Королевствах.

Согласно легендам, первым Королем за Стеной

стал Джорамун, заявлявший о своем владении рогом, который сможет разрушить Стену, когда пробудит «великанов из земли» (то, что Стена еще стоит, кое-что говорит о притязаниях Джорамуна, а может, и самом его существовании).

Три тысячи лет назад такими же королями стали два брата, Гендель и Горн. Проведя свое войско под землей по запутанному лабиринту пещер, они незамеченными пробрались под Стеной и принялись за разорение Севера. В битве Горн убил короля Старка, но и сам погиб от руки его наследника, после чего Гендель с оставшимися одичалыми бежал обратно в пещеры. Более их никто не видел.

Среди одичалых ходят толки, будто бы Гендель и его люди в тех пещерах оказались в ловушке — ибо заблудились и бродят там по сей день. Впрочем, в рассказах дозорных утверждается, что Гендель тоже был убит, и лишь горстка его людей уцелела и скрылась в подземельях.

Через тысячу лет (или даже через две тысячи) по их стопам пошел Рогатый Вожак — подлинное его имя затерялось в истории, однако поговаривают, что для перехода через Стену он использовал колдовство. Спустя века после него был Баэль Бард, чьи песни все еще поются за Стеной... хотя

неясно, существовал он на самом деле или же нет. Одичалые твердят, что это так, и приписывают ему немало песен, но в старых хрониках Винтерфелла о Баэле ничего не сказано. Мы не можем с уверенностью заявить о причинах такого отношения — возможно, из-за поражений или посрамлений, устроенных им (включая, как гласит одна невероятная история, бесчестье девицы Старк и зачатие ей ребенка), или же потому, что этого барда никогда и не было.

Последним Королем за Стеной, преодолевшим Стену, стал Реймун Рыжебородый, объединивший одичалых в 212 или 213 году от З.Э. Но только в 226 году он со своими одичалыми нашел уязвимое место, и там люди сотнями и тысячами взбирались по скользкому льду, слезая уже по другую сторону Стены.

Воинство Реймуна, по всем свидетельствам, исчислялось тысячами, и они пробились на юг вплоть до Длинного озера. Там лорд Виллам Старк и Хмельной Великан, лорд Хармонд из дома Амберов, бросили против него свои войска. Окруженный двумя армиями и прижатый к озеру, Рыжебородый погиб в сражении, но не прежде, чем смог убить лорда Виллама.

Когда, наконец, Ночной Дозор под командо-

ванием лорда-командующего Джека Масгуда (прозывавшегося Весельчаком Джеком Масгудом до этого вторжения и ставшим навсегда Засоней Джеком Масгудом после) явился, битва уже завершилась. Разъяренный Артос Старк (брат покойного лорда Виллама, считавшийся одним из самых грозных воинов своей эпохи) заставил черных братьев заняться похоронами павших. По крайней мере, это дело они исполнили достойно.

Речные земли

История земель, орошаемых рекой Трезубец с троицей ее огромных ветвей-вассалов, полна как славы, так и трагедий.

Простираясь от Перешейка до берегов Черноводной на юге и до рубежей Долины на востоке, Речные земли представляют собой бьющееся сердце Вестероса. Ни одна из прочих областей не видела столь много битв, столь много взлетов и падений малозначащих царьков и великих домов. И причины тому понятны: богатые и плодородные Речные земли граничат со всеми крупными королевствами материка, за исключением Дорна, имея при этом мало естественных рубежей для сдерживания нашествий. Воды Трезубца делают этот край благоприятным как для заселения и земледелия, так и для захвата: три ветви реки поддерживают торговлю и путешествия в мирное время, а в военное — служат дорогами и преградами.

Когда король Харвин Хоар, дед Харрена Черного, сражался за Речные земли со Штормовым королем Арреком, важность Трезубца для этих краев

стала видна воочию. Добившись превосходства на воде, железнорожденные грабители могли быстро переправлять войска из отдаленных крепостей на поля сражений. Штормовой король, несмотря на численное превосходство, потерпел сокрушительное поражение на Синем Зубце близ Доброй Ярмарки, и решающую роль сыграли ладьи железнорожденных, захвативших переправу.

Свое название Речные земли получили именно от трех ветвей Трезубца. Воды Красного Зубца расцвечены наносами ила и глины западных гор; мшистый Зеленый Зубец берет начало в болотах Перешейка; Синий же Зубец назвали так за чистоту его сверкающего потока, питаемого родниками. Широкие воды Зубцов служат Речным землям торговыми путями, и растянувшиеся более чем на милю цепочки лодок — зрелище не такое уж редкое. Как ни удивительно, но в здешних местах никогда не было большого города (хотя есть немало солидных торговых городков). Вероятно, дело в бурной истории этого края, и в том, что короли минувших лет отказывали в привилегиях городкам вроде Солеварен, или Города лорда Харровея, или Доброй Ярмарки, что не способствовало их расширению.

За те долгие века, пока в Вестеросе безраздельно

царили Первые люди, в Речных землях возникло и пало бессчетное множество карликовых государств. Их история, приукрашенная песнями и сплетенная с мифами, сегодня уже почти забыта, кроме разве что горстки имен легендарных королей и героев, чьи деяния записаны на обветренных камнях старинными рунами, о значении которых в Цитадели спорят до сих пор. Певцы и сказители могут сколько угодно потчевать нас красочными историями об Артосе Несокрушимом, Флориане Дураке, Девятипалом Джеке, Королеве-ведьме Шарре и Зеленом короле Божьего Ока — для серьезных ученых мужей само существование этих личностей остается под вопросом.

Невымышленная история Речных земель начинается лишь с пришествия андалов. Преодолев Узкое море и захлестнув своим потоком Долину, восточные завоеватели направили свои боевые ладьи вверх по течению Трезубца и его трех полноводных притоков. Похоже, в ту пору андалы сражались дружинами, вожаков которых септоны впоследствии назовут королями. И захватчики, шаг за шагом, отбирали у местных царьков владения, лежащие вдоль этих рек.

Сквозь года пришли к нам только песни. О

падении Девичьего Пруда и гибели его мальчика-короля, Флориана Храброго, пятого этого имени. О Вдовьем броде, где трое сыновей лорда Дарри день и ночь отражали атаки андальского полководца Вориана Випрена и его рыцарей, пока не пали сами, убив сотни врагов. О ночи в Белой роще, где якобы Дети Леса выскочили из полого холма, чтобы при свете полумесяца натравить на лагерь андалов сотни волков, изорвавших в клочья сотни бойцов. О великой битве у Горькой речки, где Бракены из Каменного Оплота и Блэквуды из Воронодрева объединились против захватчиков, но лишь для того, чтобы оказаться разбитыми войском из семи септонов и семисот семидесяти семи андальских рыцарей, несущих на щитах семиконечную звезду Святой Веры.

Семиконечная звезда сопровождала андалов везде и всюду: они несли ее перед собой на щитах и стягах, вышивали на плащах, а иногда даже вырезали на собственной коже. В своем рьяном поклонении Семерым завоеватели считали Старых богов Первых людей и Детей Леса едва ли не демонами, а потому обрушивали на священные рощи чардрев огонь и сталь. Завидев величественные белые деревья, андалы тут же уничтожали их, а вырезанные лики рубили в

щепки.

Большой холм, называемый Высокое Сердце, был особенно почитаемым местом для Первых людей, а до них — для Детей Леса. Верхушку холма венчала роща чардрев, старейших в Семи Королевствах, и он все еще служил пристанищем для Детей и их древовидцев. Когда люди андальского короля Эррега Убийцы Родичей окружили рощу, Дети Леса встали на ее защиту. Они наслали на врагов тучи воронов и полчища волков... или так рассказывают в легендах. Но ни зуб, ни коготь не смогли противостоять стальным секирам андалов. Захватчики вырезали всех — будь то древовидцы, лесные твари или Первые люди — и возвели рядом с Высоким Сердцем холм из тел, получившийся в полтора раза выше... или же певцы хотят заставить нас в это поверить.

Хотя личность Эррега и считается одной из мрачнейших в старинных хрониках, всегда может возникнуть вопрос: а существовал ли он на самом деле? Архимейстер Перестан допускает, что, возможно, Эррег — искажение какого-то андальского титула, а вовсе не имя. В книге «Размышления об истории» Перестан идет еще дальше, предположив, что этот безымянный вождь вырубил деревья по воле некоего соперника

речного короля. Андалы же были использованы лишь как наемники.

В «Подлинной истории», однако, утверждается, что Дети Леса покинули Речные земли задолго до того, как андалы пересекли Узкое море. Так или иначе, роща была уничтожена, и ныне только пни остались там, где некогда стояли чардрева.

Предпоследним и величайшим из королей Речных земель, вставших на пути андалов, был Тристифер IV из дома Маддов, прозванный Молотом Правосудия. Он правил из грозного замка Старые Камни, возведенного на холме у берега Синего Зубца. Из песен мы знаем, что Тристифер сто раз давал бой захватчикам: победив в девяноста девяти битвах, король пал в сотой, когда против него объединились семь андальских королей. Все же наличие семи королей в песнях выглядит слишком удобным для септонов, которые, скорее всего, выдумали эту байку как урок благочестия.

До Маддов были и другие властители, почти столь же могущественные. Первым и старейшим родом таковых являются Фишеры — так сообщается в некоторых летописях (в других они считаются второй династией, а судя по обрывочным «Речным хроникам» из древнего септрия в Гороховом Доле — третьей). Также в разное вре-

мя Века Героев Речными землями правили как Блэквуды, так и Бракены — согласно их утверждениям.

Междоусобица Блэквудов и Бракенов печально известна тем, что тянется уже тысячи лет, начавшись еще до прихода андалов. Даже ее источник, покрытый патиной легенд, служит предметом для споров. Блэквуды заявляют, что когда-то они были королями, а Бракены — всего лишь малозначащими лордами, постоянно желавшими предать и свергнуть сюзеренов. Бракены то же самое твердят о Блэквудах. Похоже, оба дома действительно правили Трезубцем в те или иные годы, и, несомненно, у их вражды есть какие-то корни, ныне закопанные столь глубоко, что стали мифом. По мере своих сил эти дома не переставали враждовать, вопреки попыткам многих королей их помирить. Даже Старый король, Джейхейрис Миротворец не смог прекратить их непрерывную войну — мир, который он все же заключил, продержался лишь до конца его правления.

Маддам удалось объединить больше земель, чем какому-либо их предшественнику, но их дом стал последним из правителей Первых людей. За Молотом Правосудия к власти пришел его

сын, Тристифер V, он же Тристифер Последний — оказавшийся не в состоянии сдержать натиск андалов, и даже не сумевший сплотить вокруг себя собственный народ.

Разрушив Старые Камни и убив Тристифера Последнего, андальские вожди породнились с оставшейся знатью Первых людей и жестоко истребили всех, кто не преклонил колено. Вздорные и охочие до войн, андалы поделили Речные земли между собой, но не успела высохнуть кровь последних королей Первых людей, как их победители ради главенства начали битвы друг с другом. То и дело тот или иной знатный муж называл себя королем Рек и Холмов или королем Трезубца, но пройдут века, прежде чем хоть один из этих царьков удержит под своей властью достаточно земель, чтобы оправдать подобные титулы.

Первым андальским королем, объединившим под своей властью все Речные земли, стал бастард, плод любви заклятых врагов — Блэквудов и Бракенов. В детстве он носил презренное имя Бенедикт Риверс, но вырос величайшим воином своего века, и называли его сиром Бенедиктом Храбрым. Его боевое мастерство снискало ему поддержку и в материнском доме, и в отцовском,

а вскоре и другие речные лорды преклонили перед ним колено. Для свержения всех мелких властителей Трезубца Риверсу потребовалось больше тридцати лет. И лишь когда сдался последний из них, Бенедикт позволил себе надеть корону.

Будучи королем, он стал известен как Бенедикт Справедливый. Ему так понравилось это имя, что он отбросил свою фамилию бастарда и назвал себя и свой дом Джастменами[59]. За свое двадцатитрехлетнее царствование этот суровый и мудрый властитель расширил свои владения до Девичьего Пруда и Перешейка. Его сын, тоже Бенедикт, правил шестьдесят лет, в течение которых присоединил к королевству Сумеречный Дол, Росби и устье Черноводной.

Согласно летописям, Джастмены держали Речные земли около трех столетий. Династия оборвалась, когда Куоред Хоар, король Железных островов, убил сыновей Бернарра II Джастмена, бывших у него в плену на Пайке. Их отец, втянутый жаждой мести в безнадежную войну с железнорожденными, детей пережил ненадолго.

После случившегося пришло время безвластия и крови, ибо королевство, сшитое из лоскутов Бенедиктом Храбрым, снова было разорвано в

клочья. В последующие сто лет за верховенство в Речных землях боролись друг с другом мелкие владетели из Блэквудов, Бракенов, Вэнсов, Маллистеров и Чарлтонов.

Из этого противостояния неожиданным победителем вышел Торренс Тиг, искатель удачи неопределенного происхождения. Во время своего дерзкого налета на Западные земли он захватил целые груды золота и использовал богатство, чтобы переправить через Узкое море полчища наемников[60]. Мечи этих закаленных бойцов решили дело, и после шести долгих лет войны Тига короновали в Девичьем Пруду — как короля Трезубца.

Однако, по общему мнению, и король Торренс, и его наследники постоянно сидели на шатающемся троне. Подданные так мало любили своих правителей, что тем приходилось держать при дворе сынов и дочерей всех великих домов Трезубца как заложников на случай измены. И все равно четвертый монарх из династии Тигов, Тео Седельная Мозоль, на протяжении всего своего правления не слезал с коня, ему и его рыцарям приходилось усмирять один мятеж за другим и вешать заложников из каждого дома.

Династии андальских королей, как ранее у Пер-

вых людей, чаще всего были недолговечны, ибо со всех сторон Речные земли окружали враги. Побережья на западе разоряли железнорожденные с островов, на востоке тем же самым занимались пираты со Ступеней и Трех Сестер. Люди из Западных земель спускались со своих холмов и пересекали Красный Зубец в поисках добычи, а из ущелий Лунных гор выходили дикие племена — жечь, грабить и похищать женщин. На юго-западе лорды Простора, когда им вздумается, слали через Черноводную железные колонны рыцарей; а на юго-востоке лежали владения Штормовых королей, всегда охочих до золота и славы.

За всю долгую историю Трезубца, повидавшего сотни правителей, его обитатели почти всегда находились в состоянии войны хотя бы с одним из своих соседей. Иногда они были вынуждены сражаться на двух или даже на трех войнах сразу.

И хуже того: весьма немногие короли Речных земель имели полную поддержку у собственных знаменосцев. Память о старинных злодеяниях и былых предательствах далеко не всегда приносилась в жертву общему делу, ибо обиды в сердцах лордов Трезубца глубиной не уступали орошающим их земли рекам. Снова и снова один или даже несколько речных лордов становились на

сторону захватчиков против своего же короля. А иногда они сами заманивали чужаков в свою вотчину, предлагая тем земли, золото или дочерей за помощь в борьбе против привычных врагов.

Благодаря подобным союзам пали многие короли, и каждая новая битва служила лишь подготовкой к следующей. Если взирать с высоты грядущего, то совершенно ясно, что рано или поздно один из таких посягателей захочет остаться и подмять Речные земли под себя.

Первым, кто так и сделал, стал Арлан III Дюрандон, Штормовой король.

В те дни королем Рек и Холмов был Хамфри из дома Тигов, благочестивый правитель, заложивший в Речных землях множество септ и обителей Матери. Также он пытался искоренить в пределах своих владений поклонение Старым богам.

Последнее ополчило на него Воронодрев, ибо Блэквуды никогда не признавали Семерых. К восстанию присоединились Вэнсы из Атранты и Талли из Риверрана. Король Хамфри со своими сподвижниками, поддерживаемый Мечами и Звездами Святого Воинства, уже почти сокрушил мятежников, когда лорд Родерик Блэквуд послал за помощью в Штормовой Предел. Его светлость был связан родственными узами с домом Дюр-

рандонов, ибо король Арлан взял в жены одну из дочерей лорда, сочетавшись с ней по древним обрядам перед огромным мертвым чардревом в богороще Воронодрева.

Арлан III не заставил себя ждать. Созвав все свои знамена, Штормовой король переправил огромную рать через Черноводную, разбил короля Хамфри и его приверженцев в нескольких кровопролитных боях и снял осаду с Воронодрева. В сражениях пали и Родерик Блэквуд, и Элстон Талли, также и оба лорда Вэнса, и лорды Бракен, Дарри и Смоллвуд. Сам король Хамфри, его сыновья Хамфри, Холлис и Тайлер, его брат и защитник сир Дамон погибли в последней битве этой войны — кровавой сече у двух холмов под названием Материны Титьки на земле, за которую спорили между собой Блэквуды и Бракены.

В хрониках записано, что в тот день первым из упомянутых был сражен король Хамфри. Его наследник, принц Хамфри, подобрал меч и корону отца, но вскоре погиб и он. Второй сын, Холлис, занял место первого, но и его постигла та же участь. Вот так, в течение одного дня, окровавленный венец последнего короля Речных земель переходил от сына к сыну, а затем и к брату короля Хамфри. С заходом солнца полностью угас

и дом Тигов, и королевство Рек и Холмов. Сеча, в которой это случилось, осталась в истории как битва Шести королей, в честь самого Арлана III и пяти убитых его ратью владык Речных земель (правление нескольких из них продлилось даже не часы, а считанные минуты).

Из некоторых достоверных писем, которые в последующие столетия обнаружили в Штормовом Пределе и Воронодреве тамошние мейстеры, вытекает, что в своем походе на север Арлан III не намеревался подминать под себя Речные земли: похоже, он желал вернуть корону дому Блэквудов, то есть лорду Родерику, собственному тестю. Но смерть его светлости в бою перечеркнула замыслы Арлана, ибо наследником Воронодрева стал восьмилетний мальчик, а Штормовой король не любил оставшихся братьев лорда и не доверял им. По всей видимости, Арлан III некоторое время подумывал короновать старшую перворожденную дочь Родерика Ширу, приходившуюся ему самому свояченицей, вместе с собственным сыном. Однако же речные лорды возроптали против женщины на троне, и его милость решил присоединить Речные земли к своему королевству.

Там они и оставались в последующие три

столетия, пусть речные лорды и поднимали восстание против Штормового Предела хотя бы раз в поколение. С дюжину претендентов из разных домов провозглашали себя Речными королями или королями Трезубца и клялись свергнуть иго Штормовых земель. И иные в том даже преуспевали... на две недели, на луну, а то и на целый год. Но все троны были поставлены на зыбкую почву, а из Штормового Предела в конце концов выступало свежее войско, чтобы опрокинуть престолы и повесить тех, кто посмел на них взойти. Именно так завершились краткие и бесславные царствования Люцифера Джастмена по прозвищу Лжец; Марка Мадда, которого знали как Безумного Барда; лорда Роберта Вэнса; лорда Петира Маллистера; леди Джейн Натт; сира Аддама Риверса, короля-бастарда; Пейта из Доброй Ярмарки, короля-крестьянина; сира Лаймонда Фишера, рыцаря Старых Камней, и еще десятка других.

В конце концов, Речные земли были вырваны из цепкой хватки Штормового Предела, но сделал это не какой-нибудь речной лорд, а еще один чужеземец-завоеватель — Харвин Хоар по прозвищу Твердая Рука, король Железных островов. Преодолев залив Железных людей на сотне ко-

раблей, рать Харвина высадилась в сорока лигах к югу[61] [broken link: #Tak_v_orighinalie__odnako_v_ghla] от Сигарда. А после того воины направились вглубь Речных земель к Синему Зубцу, неся ладьи на собственных плечах — подвиг, по сей день вдохновляющий певцов островитян.

Пока железнорожденные сновали по местным рекам, разоряя и грабя в свое удовольствие, речные лорды отступали и прятались за стенами замков, не желая вступать в бой во имя короля, которого многие из них на дух не переносили. Те же, кто брались за оружие, жестоко карались. Один молодой смельчак, рыцарь по имени Сэмвелл Риверс, бастард лорда Риверрана Томмена Талли, собрал небольшое войско и дал королю Харвину бой на Камнегонке. Но от яростного натиска Твердой Руки строй сподвижников Сэмвелла рассыпался, и во время бегства утонули сотни. Самого Риверса рассекли надвое — чтобы отослать по половине тела каждому из его родителей.

Лорд Талли сдал Риверран без боя — он бежал вместе со своими людьми в Воронодрев, чтобы присоединиться к войску Агнес Блэквуд и ее сыновей. Но стоило Блэквудам выдвинуться против железнорожденных, как по их тылам ударил все-

ми своими силами их воинственный сосед, лорд Лотар Бракен. Воины Агнес обратились в бегство, а саму леди и двоих из ее сыновей взяли в плен и отдали королю Харвину, который заставил мать смотреть, как он душит ее мальчиков голыми руками. Однако же, если верить преданиям, леди Агнес не проронила ни слезинки. «У меня есть другие сыновья, — сказала она королю Железных островов. — Воронодрев будет жить еще долго после того, как ты со своими родичами канешь в небытие. Твой род прервут кровь и пламя».

Скорее всего, эту пророческую речь уже потом вплел в повествование какой-нибудь певец или сказитель. Но мы точно знаем, что Харвин Твердая Рука был столь впечатлен стойкостью своей пленницы, что предложил ей стать его соленой женой и тем сберечь собственную жизнь. «Мне приятней будет принять в себя твой меч, нежели твой член», — ответила леди Агнес. Твердая Рука внял ее желанию.

Разгром войска леди Блэквуд положил конец сопротивлению речных лордов, но не конец борьбе против железнорожденных, ибо слух о вторжении наконец-то дошел до короля Аррека Дюррандона в далеком Штормовом Пределе. Собрав могучую рать, властитель Штормовых

земель ринулся на север навстречу врагу.

Молодой правитель так жаждал схватки с островитянами, что вскоре намного опередил собственный обоз. Аррек осознал всю тяжесть этой ошибки, когда после переправы через Черноводную его встретили лишь запертые ворота замков, а еды и фуража было не найти: кругом горели поселения и чернели сожженные поля.

К тому времени к войску Хоара присоединились многие речные лорды. Их силы, под началом лордов Гудбрука, Пэга и Випрена, проскользнули за Черноводную и обрушились на еле плетущийся обоз, прежде чем тот достиг реки. Обратив в бегство арьергард короля Аррека, они завладели его запасами.

Таким образом, близ Доброй Ярмарки перед Харвином (а также Лотаром Бракеном, Тео Чарлтоном и парой десятков других речных лордов, примкнувших к Твердой Руке) предстала оголодавшая, едва стоящая на ногах армия. У короля Аррека было в полтора раза больше бойцов, чем у владыки Железных островов, но все они были измотаны многодневным походом, подавлены и сбиты с толку. К тому же их предводитель оказался как упрямым, так и нерешительным. И в ходе битвы воины Штормовых земель потерпели

сокрушительное поражение. Сам Аррек избежал резни, но в бою погибли два его брата. Так власти Штормового Предела над землями Трезубца пришел внезапный, отмеченный кровью конец.

Говорят, узнав об этом, простолюдины Речных земель возликовали, а их осмелевшие господа восстали против нескольких оставшихся гарнизонов Штормового Предела, разбросанных по разным уголкам королевства: их либо изгоняли, либо предавали мечу. Согласно летописям, колокола в Каменной Септе не умолкали день и ночь, а от селения к селению ходили певцы и нищенствующие братья, возвещая о том, что люди Трезубца вновь стали сами себе хозяевами.

Впрочем, эти торжества продлились недолго. Бытует мнение (особенно в окрестностях Каменного Оплота), что Лотар Бракен примкнул к железнорожденным, ибо верил, что после изгнания штормовых лордов Твердая Рука сделает королем именно его. Однако же письменного свидетельства этого утверждения нет, и выглядит оно маловероятным: не таким человеком был Харвин Хоар, чтобы раздавать короны. Твердая Рука поступил так же, как Арлан III Дюррандон за три столетия до него: утвердил Речные земли за собой. И те лорды, что сражались на стороне

Харвина, лишь помогли сменить одного хозяина на другого... а новый правитель оказался еще суровее, безжалостнее и требовательнее старого.

Сам Лотар Бракен стал одним из первых, кому довелось усвоить этот урок. Всего лишь полгода спустя он дерзнул поднять восстание против Твердой Руки, но под его знаменами собралось только несколько мелких лордов. Харвин полностью раздавил мятежников: разграбив и разрушив Каменный Оплот, он запихнул лорда Бракена в воронью клеть, в которой тот и провисел несколько месяцев, медленно умирая от голода.

Позднее король Аррек дважды пробовал пересечь Черноводную и отвоевать утраченное, но безуспешно. Его старший сын и наследник, король Арлан V, погиб, пытаясь достичь того же самого.

Харвин Твердая Рука правил Речными землями вплоть до своей смерти (умер он в шестьдесят четыре года в постели, вкушая плотские удовольствия с одной из многочисленных соленых жен). После Харвина, в свою очередь, людей Трезубца держал в ежовых рукавицах его сын, а потом и внук. Последний, по прозвищу Харрен Черный, провел большую часть своей жизни как раз в

Речных землях за строительством исполинской крепости (которая впоследствии будет носить его имя), лишь изредка наведываясь на Железные острова.

Так обстояли дела до высадки Эйгона Завоевателя, который положил конец Харрену и дому Хоаров. Власть железнорожденных над Речными землями закончилась в гибельном пламени, поглотившем Харренхолл. После этого Эйгон провозгласил Эдмина Талли из Риверрана (тот первым из речных лордов перешел на сторону Таргариенов) Верховным лордом Трезубца, низведя остальных до уровня вассалов. Титул же короля Эйгон оставил себе — ибо в Вестеросе монархом больше не будет никто, кроме Таргариена.

СПИСОК ДОМОВ, КОТОРЫЕ, СОГЛАСНО ЛЕТОПИСЯМ, ПРАВИЛИ РЕЧНЫМИ ЗЕМЛЯМИ В ТО ИЛИ ИНОЕ ВРЕМЯ[62]

ДОМ ФИШЕРОВ с Туманного острова

ДОМ БЛЭКВУДОВ из Воронодрева

ДОМ БРАКЕНОВ из Каменного Оплота

ДОМ МАДДОВ из Старых Камней (последний дом из Первых людей, правивший Речными землями)

ДОМ ДЖАСТМЕНОВ

ДОМ ТИГОВ (последние короли Рек и Холмов из уроженцев Речных земель)
ДОМ ДЮРРАНДОНОВ из Штормового Предела
ДОМ ХОАРОВ с Железных островов

Дом Талли

Талли из Риверрана никогда не восседали на тронах, хотя любая книга родословных пестрит их бесчисленными связями с королевскими династиями прошлого. Возможно, именно эти связи и помогли им проложить путь к титулу Верховных лордов Трезубца при Эйгоне I.

Имя Талли появляется во многих хрониках и летописях Трезубца еще со времен Первых людей. На стороне Молота Правосудия, Тристифера IV Мадда, во многих из его девяноста девяти победных битв воевали первый Эдмар Талли и его сын. После гибели короля Тристифера сир Эдмар примкнул к сильнейшему из завоевателей-андалов, Армистеду Вэнсу. Именно Вэнс даровал Акселю, сыну Эдмара, земли у слияния Красного Зубца и его притока — бурной Камнегонки. Там лорд Аксель и возвел свой чертог — красный замок, названный им Риверраном.

В эпоху безвластия за поддержку дома Талли

соперничали многие царьки, ибо понимали, какую ценность имеет Ривeрран из-за своего расположения. Аксель и его потомки богатели, приобретая все большее влияние, а с годами Ривeрран для многих властителей Речных земель стал оплотом, защищавшим западные окраины от посягательств со стороны королевства Утеса.

К тому времени, когда владыки Штормовых земель окончательно взяли верх над последним королем Рек и Холмов, Талли считались одним из самых значительных семейств Трезубца. В тех войнах некоторые благородные дома были уничтожены, но большинство сразу после низвержения Тигов преклонило колено перед Штормовыми королями. Присягнули и Талли, а вскоре начали занимать важные и ответственные должности.

Ривeрран пережил правление Штормовых королей, а впоследствии его почти не затронуло владычество железнорожденных. Другим влиятельным домам Речных земель повезло гораздо меньше. За десять лет до Завоевания Эйгона вспыхнула с новой силой давняя междоусобица Блэквудов и Бракенов. В прошлом сюзерены с Железных островов не обращали внимания на ссоры между своими вассалами. Более того, если

верить «Железной хронике», Харвин Твердая Рука зачастую натравлял своих знаменосцев друг на друга, чтобы их ослабить.

Но на этот раз их распри стали помехой строительству Харренхолла, что и побудило Харрена Черного жестоко осадить враждующие стороны. И поэтому получилось так, что Талли из Риверрана оказались сильнейшим домом Речных земель из всех оставшихся в те дни, когда Эйгон Завоеватель пошел на Харренхолл.

Харрен Черный за сорок лет своего правления принес нищету и смерть тысячам людей, а любви подданных так и не снискал, поэтому с приходом Эйгона и великие, и малые речные лорды устремились под знамена Таргариена, желая свергнуть лютого и чуждого им владыку. Первым среди таковых стал Эдмин Талли. После того, как Харренхолл истерзало пламя, а род Харрена Черного прервался, Эйгон отдал Речные земли лорду Эдмину. Некоторые даже предполагали, что ему предоставят власть и над Железными островами, но этого не случилось.

Лорд Эдмин сделал многое, восстанавливая разрушенное после царствования Харрена. Сотворялись и новые узы, как в случае с новоиспеченным лордом Квентоном Квохерисом (на

Драконьем Камне он был мастером над оружием, а теперь владел Харренхоллом и обширными землями вокруг него), за которого лорд Талли выдал свою дочь. Правда, в будущем этот брак принес немало бед, улегшихся только после быстрого и печального конца дома Квохерисов. Тогда же, в 7 году от З.Э., лорд Эдмин стал на два года десницей короля, после чего попросил освободить его от обязанностей и вернулся к своей семье в Ривердан.

В последующие годы дом Талли сыграет свою роль во многих значительных событиях царствования ранних Таргариенов. Во время пребывания короля Эйниса I в Ривердане Харрен Красный убил Гаргона Гостя, после чего его милость обратился именно к Талли с их вассалами, чтобы попытаться вырвать Харренхолл из рук короля-разбойника. Позже Талли (вместе с Харровеями, в ту пору правившими Харренхоллом) составили часть войска, которое окружило и сокрушило принца Эйгона с его драконом, Мерцающем Вихрем, в годы противоборства наследника со своим дядей, Мейгором Жестоким.

Но через недолгий срок и Ривердан задергался под пятой у короля Мейгора. Кольцо врагов вокруг Жестокого короля сжималось, и в последний

год его отмеченного кровью правления Талли потянулись под стяги принца Джейхейриса Таргариена, брата убитого принца Эйгона.

В более поздние годы Талли также оставляли след в истории королевства. На Великом совете 101 года от З.Э. лорд Гровер Талли высказался за то, чтобы преемником Джейхейриса I стал принц Визерис Таргариен, а не Лейнор Веларион. Когда в 129 от З.Э. разразился Танец Драконов, старый лорд остался верен своим правилам и королю Эйгону II... вот только был он немощен и прикован к постели, и его внук, сир Эльмо, пошел ему наперекор, закрыв ворота и держа при себе знаменосцев.

В первые дни Танца принц Деймон Таргариен повел войска королевы Рейниры на Харренхолл. Одержав бескровную победу, Деймон захватил замок и сделал его местом сбора сторонников дочери Визериса. В Речных землях таковых было очень много, и они тысячами во имя королевы присоединялись к войску Деймона. Среди них выделялся могучий рыцарь, лорд Форрест Фрей, некогда претендовавший на руку Рейниры. Фреи — отнюдь не древний дом. Их возвышение началось около шести столетий назад, а род пошел от некоего незначительного лорда, поставившего

хлипкий деревянный мост в самом узком месте Зеленого Зубца. С годами умножались богатство и влияние семьи, а вместе с этим расширялась и Переправа. И вскоре из одной башни, выходящей на мост, замок разросся до двух грозных твердынь, которые заключили в объятия протекающую между ними реку. Эти две крепости, сегодня известные как Близнецы, считаются одними из самых неприступных в королевстве.

Лорд Форрест доблестно сражался за любимую королеву вплоть до Рыбьей Кормежки, самой кровопролитной битвы войны. Увы, он оказался одним из многих лордов и рыцарей, павших в той резне. Вдова лорда Форреста, леди Сабита Випрен, снискала как добрую славу, благодаря своей храбрости, так и дурную — за свою беспощадность. По словам Грибка, она была «ведьмой из дома Випренов с острым лицом и острым языком, для которой скачка была слаще танцев, а кольчуга предпочтительнее шелков. Ведьмой, обожавшей убивать мужчин и целовать женщин».

Впоследствии, в разгар Танца, сир Эльмо командовал речными лордами во второй битве при Тамблтоне, но на стороне королевы Рейниры, а не Эйгона II, которого поддерживал его дед. Битва завершилась победой (по крайней мере, частич-

ной), а немногим позже лорд Гровер скончался, и сир Эльмо стал лордом Риверрана. Но ненадолго: спустя сорок девять дней он умер в походе, и титул унаследовал его юный сын, сир Кермит.

Под властью Кермита дом Талли взлетел на пик своего могущества. Деятельный и отважный лорд неутомимо сражался за королеву Рейниру и ее сына, принца Эйгона, будущего Эйгона III. На исходе войны лорд Кермит командовал войсками, наступавшими на Королевскую Гавань, и в последней битве Танца Драконов лорд Боррос Баратеон пал именно от его руки.

Преемники лорда Кермита правили, как могли, но Риверран уже никогда не бывал столь значимым, как в те годы. Оставаясь верным Таргариенам во всех восстаниях Блэкфайров, дом Талли, в конце концов, охладел к дому Драконов из-за безумия короля Эйриса II. В те дни Хостер Талли примкнул к Баратеону с его повстанцами и помог выковать союз, благодаря которому король Роберт и взошел на Железный трон (Талли выдал своих дочерей за лорда Джона Аррена из Орлиного Гнезда и лорда Эддарда Старка из Винтерфелла.)

ЛОРДЫ ХАРРЕНХОЛЛА

ДОМ КВОХЕРИСОВ

Лорд Гаргон Квохерис, внук лорда Квентона — второй и последний правитель Харренхолла из этого дома. Он был известен своей ненасытной любовью к женскому полу, и получил прозвище Гость за его привычку посещать свадьбы подданных, чтобы воспользоваться правом первой ночи. Вполне предсказуемо, что отец девушки, цветок которой сорвал лорд Гаргон, впустил через черный ход Харрена Красного и его ватагу разбойников, как предсказуемо и то, что Гаргона перед смертью оскопили. Впоследствии Харренхолл снискал славу проклятого замка, ибо многие из правивших им домов кончали плачевно.

ДОМ ХАРРОВЕЕВ

Лорд Лукас Харровей, к которому в годы царствования Эйниса I (и после смерти Гаргона Квохериса) перешел Харренхолл, выдал свою дочь Алис за Мейгора I. Она стала одной из королев Жестокого короля, а лорд Лукас получил должность десницы — вплоть до тех пор, пока Мейгор не приказал убить их обоих, причем со всеми родичами.

ДОМ ТАУЭРСОВ

Уничтожив дом Харровеев, король Мейгор постановил, что замок (но отнюдь не все прилегающие земли) достанется сильнейшему из его придворных рыцарей, после чего за приз сра-

жались двадцать три претендента. Бои велись в Городе лорда Харровея, прямо на его улицах, пропитавшихся кровью. Победил сир Уолтон Тауэрс, которому и достался титул, но вскоре раны свели его в могилу. А два поколения спустя род прервался, когда последний лорд Тауэрс умер, не оставив наследников.

ДОМ СТРОНГОВ

Лионель Стронг, прославившийся и как воин, и как весьма одаренный человек, выковавший в Цитадели шесть звеньев цепи, стал лордом Харренхолла при Джейхейрисе I. При Визерисе I лорд Лионель служил мастером над законами, а затем и десницей, сыновья его также вращались при дворе, занимая важные должности. Лорд Стронг и его наследник, сир Харвин, погибли в пожаре, вспыхнувшем в Харренхолле, после чего титул перешел к младшему сыну, Ларису Стронгу. Выжив во время Танца Драконов, Ларис не пережил Волчий суд.

ДОМ ЛОТСТОНОВ

В 151 году от З.Э. Эйгон III даровал замок сиру Лукасу Лотстону, мастеру над оружием Красного замка. Едва женившись на леди Фалене Стокворт (после ее скандальных отношений с принцем Эйгоном, будущим Эйгоном Недостойным), Лот-

стон покинул двор. Впоследствии он вернулся в Королевскую Гавань с женой и дочерью, чтобы служить десницей, но и года не минуло, как Эйгон снова изгнал их. Их род сгинул, погрязнув в безумной смуте, когда в дни правления Мейкара I леди Данелла Лотстон ударилась в черную магию.

ДОМ УЭНТОВ

Эти рыцари, ранее бывшие на службе у Лотстонов, получили Харренхолл в награду за ту роль, которую они сыграли в падении последних. Уэнты удерживают титул и в наши дни, но и их род отметила трагедия.

Ривердан

Родовой замок Талли довольно мал по сравнению с могучими твердынями других великих домов. Даже в Речных землях его не назовут крупнейшим — Харренхолл, полуразрушенный монстр Харрена Черного, может вместить десяток Ривердранов.

Но замок у места слияния двух рек построен крепко и основательно. Окружающие его глубокие воды невероятно осложняют любую возможность атаки на крепость. Ривердран осаждали не раз, но брали очень редко, а штурмом

— так вообще ни разу. Ключевую роль в защите замка играет ров, выкопанный вдоль западной стены с главными воротами. Рвы есть у многих замков Семи Королевств, но лишь у немногих созданы сложные шлюзы, позволяющие заполнять их водой по мере надобности. Поэтому у столицы Речных земель стало возможным сделать ров гораздо более широким и глубоким, чем у большинства других замков, и когда он заполнен до краев, Ривердан превращается в неприступный остров.

Долина

Долина Арренов — обширная и плодородная, окаймленная величественными сизыми пиками могучего кряжа Лунных гор — столь же богата, сколь и прекрасна. Возможно, именно поэтому андальские завоеватели, под стягами своих богов преодолевшие Узкое море, и избрали ее местом своей первой высадки. Доказательством тому служат камни с высеченными на них изображениями звезд, мечей и секир (или, как некоторые предполагают — молотов), разбросанные по всем Перстам. В священной книге Святой Веры «Семиконечная Звезда» написано о «златом доле меж великих гор», который Хугор с Холма узрел в видении той награды, что однажды будет обретена андалами.

Отрезанная от остального Вестероса высокими хребтами, эта земля послужила андалам отличным плацдармом для того, чтобы начать выкраивать себе новые королевства. Первые люди, обитавшие здесь до андалов, упорно сопротивлялись заморским пришельцам, но... Долина в те годы была не слишком-то населенной стра-

ной, и довольно быстро выяснилось, что в любом сражении коренные жители уступают врагам числом. Стоило лишь им сжечь или обратить в бегство один корабль, как, согласно песням, с востока приходило десять новых. Нечего было Первым людям противопоставить и яростной вере завоевателей, да и секиры с чешуйчатыми доспехами, которые обитатели Долины ковали из бронзы, не могли сравниться со стальными мечами и кольчугами чужеземцев.

Еще хуже, что в ту пору, когда первые андалы сходили на берег, неся на груди нарисованные (а то и вырезанные) звезды, Долина и окаймляющие ее горы были разделены на пару десятков карликовых государств. Раздираемые древними распрями, короли Первых людей не только не объединились против захватчиков, но куда чаще предпочитали заключать с ними союзы, стремясь использовать пришельцев в собственных междоусобицах. (Обычная недальновидность, повторявшаяся раз за разом по мере продвижения андалов по Вестеросу.)

Дайвен Шелл и Джон Брайтстоун, претендовавшие на титул короля Перстов, дошли до того, что оплатили андальским вождям переправу через море, рассчитывая использовать их мечи друг

против друга. Вместо этого андалы обратились против своих нанимателей. Не прошло и года, как Брайтстоун был захвачен, подвергнут истязаниям и обезглавлен, а Шелл — изжарен заживо в собственном бревенчатом чертоге. Андальский рыцарь Корвин Корбрей женился на дочери последнего, а супругу первого сделал наложницей, после чего объявил Персты своей собственностью (хотя, в отличие от многих сотоварищей, он так и не назвал себя королем, предпочтя более скромный титул лорда Пяти Перстов).

В южной части Долины лежит Чаячий город — богатый порт на берегу Крабьего залива, хорошо защищенный толстыми каменными стенами. В те годы там правил Осгуд Шетт, третий этого имени, уже убеленный сединами воин, претендовавший на вычурный древний титул короля Истинных мужей — не исключено, что такое титулование восходило к самой Рассветной эпохе десятитысячелетней давности. И с тех же времен король Осгуд был втянут в распрю со своими более могущественными соседями, Бронзовыми королями Рунного Камня — столь же старинным и столь же вошедшим в легенды домом, как и собственно Шетты. За три года до описываемых событий отец Йорвика Ройса, шестого этого име-

ни, погиб в одном из сражений; сам же Йорвик, надев Рунную корону, смог доказать, что является куда более грозным врагом: он разгромил Шеттов в нескольких боях и загнал их за городские стены.

Король Осгуд неосмотрительно решил искать в Андалосе помощи в возвращении отнятого. Надеясь избежать судьбы Шелла и Брайтстоуна, он вознамерился привязать к себе союзников родством, а не золотом. Король отдал дочь в жены андальскому рыцарю, сиру Герольду Графтону, сам сочетался браком с его старшей дочерью, а на младшей женил своего сына и наследника. Все браки были заключены септонами в соответствии с обрядами церкви Семерых, за Узким морем. Шетт пошел даже на то, чтобы принять Святую Веру, и дал обет воздвигнуть большую септу в Чаячьем городе, если Семеро даруют ему победу. Затем он поднял паруса и, вместе со своими андальскими союзниками, поспешил встретиться с Бронзовым королем.

По совпадению, король Осгуд действительно выиграл сражение, но не пережил его. Позднее и среди горожан, и среди других Первых людей ходили шепотки, будто его поверг сам сир Герольд. Вернувшись в город, андальский военачальник

присвоил себе корону тестя. Юного Шетта он отстранил — держал взаперти в спальне, пока тот не наградил дочь сира Герольда ребенком (после этого молодой отец исчез со страниц истории).

Когда против Графтона восстал весь Чаячий город, король жестоко подавил мятеж — по сточным канавам города потекла кровь Первых людей, их жен и детей, а тела убитых были сброшены в залив, на корм крабам. В дальнейшем власть дома Графтонов уже не оспаривалась, ибо в сире Герольде довольно неожиданно проявился умный и рассудительный правитель. Невеликий городок под управлением его и его преемников сильно разбогател и вырос в первый и единственный город в пределах Долины.

Не все лорды и короли Первых людей столь неразумно приглашали завоевателей в собственные дома — по большей части андалам яростно сопротивлялись. Самым значительным среди таковых был уже упомянутый Бронзовый король Рунного Камня, Йорвик VI, глава дома Ройсов, одержавший несколько выдающихся побед над андалами. Однажды он уничтожил семь ладей, осмелившихся причалить к его берегам, и выставил головы их команд (и капитанов) на стенах Рунного Камня. Его наследники продолжили

эту борьбу, и война между Первыми людьми и андалами затянулась на поколения.

Последним из Бронзовых королей стал правнук Йорвика Робар II, унаследовавший Рунный Камень от своего отца меньше чем за две недели до своих шестнадцатых именин. Он оказался столь свирепым и хитрым воином, столь талантливым правителем, что едва не преуспел в отражении андальского нашествия.

К тому времени андалы заняли уже три четверти Долины и у них, как и у Первых людей, начались свои междоусобицы. В этой разобщенности Робар Ройс и усмотрел свой шанс. По всей Долине против завоевателей еще держалась лишь горстка Первых людей, возглавляли их Редфорты из Редфорта, Хантеры из Длинного Лука, Белморы из Суровой Песни и Колдуотеры из Ледяного Ручья. Одного за другим, Робар Ройс привлек их в союз, как и множество более мелких домов и кланов. Он привязывал людей к себе браками, раздачей владений, золота и (в одном известном случае) даже победив лорда Хантера в стрелковом состязании (согласно легенде, король Робар при этом сжульничал). Он был столь красноречив, что смог добиться поддержки даже Урсулы Апклифф, знаменитой колдуньи, назы-

вавшей себя невестой Подводного короля.

Многие из собравшихся под его знаменами лордов были раньше независимыми владетелями, но теперь они сложили свои короны, преклонили колено перед Робаром Ройсом и провозгласили его Верховным королем Долины, Перстов и Лунных гор.

Наконец объединенные под властью единого правителя, Первые люди одержали несколько убедительных побед над своими разобщенными и перессорившимися завоевателями. Король Робар мудро избегал повсеместных сражений с андалами, даже не пытаясь разом изгнать всех со своих берегов. Напротив, он громил их по одному, часто объединяясь с одним из андальских вождей против другого.

Первым пал король Перстов. Легенды гласят, что Робар сам убил Кайла Корбрея, выбив перед тем из его руки Покинутую, знаменитый клинок их дома. Чаячий город был захвачен врасплох — после того как Робар послал туда собственную сестру, чтобы убедить Шеттов восстать против Графтонов и открыть ворота. После того с воспрявшими духом Первыми людьми столкнулся Молот Холмов, андальский король восточной части Долины. Войско Робара уничтожило его

в битве под стенами Железной Дубравы. На тот короткий и яркий миг показалось, будто Первые люди, ведомые отважным юным королем, еще способны вернуть свои земли.

Но этому не суждено было случиться. Одержанная Робаром победа стала последней — уцелевшие андальские лорды и царьки наконец осознали грозящую опасность. И теперь уже андалы отбросили прочь свои распри ради общего дела и объединились под стягом одного полководца. Человек, которого они избрали своим вождем, не был ни королем, ни принцем, ни даже лордом. Им стал простой рыцарь по имени сир Артис Аррен — молодой человек, ровесник короля Робара. Он признавался соратниками лучшим воином тех дней, несравненным во владении мечом, копьем и булавой, умным и находчивым предводителем, любимым всеми, кто бился бок о бок с ним. Будучи андалом чистой крови, сир Артис, тем не менее, родился в Долине, под сенью Копья Гиганта, где среди остроконечных пиков парят соколы. Луна и сокол украшали его щит, а пара соколиных крыльев — его серебряный шлем. Тогда, как и сейчас, люди называли его Рыцарь-Сокол.

Чтобы рассказать о том, что случилось дальше,

нам придется вернуться в царство легенд и песен. Согласно сказаниям, оба войска встретились у подножия Копья Гиганта, не далее, чем в лиге от того дома, где родился сир Артис. Хотя армии и были равны по численности, Робар Ройс расположился на более высоком, удобном для обороны месте, спиной к горе.

Прибыв несколькими днями раньше андалов, люди Ройса выкопали перед своими рядами рвы и поставили в них заостренные колья (вымазав их, как говорится в сделанном септоном Маллоу описании битвы, гнильем и нечистотами). Большинство Первых людей были пешими, у андалов перед ними имелось десятикратное превосходство в конных рыцарях, да и броня, и вооружение были лучше. Стоит отметить, что враги Ройса подзадержались — если сказания правдивы, то король Робар три дня стоял в ожидании неприятеля.

Уже смеркалось, когда явилось долгожданное андальское войско. Вражеские шатры разворачивались в полулиге от противника, но и в полутьме Робар Ройс не преминул узнать их вождя. Серебряные доспехи и крылатый шлем Рыцаря-Сокола делали его безошибочно узнаваемым даже издали.

Без сомнений, ночь выдалась беспокойной в обоих лагерях. Каждому было ясно, что на рассвете состоится битва, и судьба всей Долины висит на волоске. С востока набежали облака, укрывшие луну и звезды и сделавшие ночь еще темнее. Лишь сотни костров разгоняли тьму в обоих лагерях, разделенных меж собой полосой мрака. По словам певцов, время от времени лучники пускали наугад стрелы, надеясь, что те отыщут себе в темноте жертву, но удачно или нет — о том сказания молчат.

Едва забрезжил рассвет, воины покинули свои каменистые ложа, вооружились и изготовились к битве. И тут во всем андальском лагере раздались ликующие крики: на тусклом западном небе явилось знамение, семь сверкающих звезд. «С нами боги! — прогремело из тысячи уст. — Победа за нами!». Зазвучали трубы, и андальский передовой отряд под развевающимися стягами рванулся вверх по склону. Но Первых людей небесное знамение не смутило. Они не отступили и приняли бой, один из самых беспощадных и кровопролитных во всей долгой истории Долины.

Андалы бросались в атаку семь раз, если верить песням, и шесть раз Первые люди отбрасывали их обратно. Но на седьмой те прорвались, ведомые

огромным и свирепым бойцом по имени Торгольд Толлетт. Его называли Торгольд Мрачный, но скорее в шутку — пишут, что в бой он шел со смехом и обнаженный по пояс. На груди Толлетта была вырезана кровавая семиконечная звезда, а в каждой руке он сжимал по секире.

В песнях поют, будто Торгольд не ведал страха и не чувствовал боли. Покрытый множеством кровоточащих ран, он прорубил алую просеку в рядах лучших бойцов лорда Редфорта и одним взмахом отсек руку его светлости по самое плечо. Даже когда колдунья Урсула Апклифф, явившись пред ним на своем кроваво-красном жеребце, обрушила на него проклятья, Толлетт не дрогнул. Его секиры еще раньше увязли в груди врагов, оставив воина безоружным, но, как рассказывают, Торгольд запрыгнул на коня ведьмы, которая уже голосила о помощи, и голыми окровавленными руками оторвал ей голову.

Когда противник ворвался через прорубленную Торгольдом брешь в рядах Первых людей, началась свалка, и победа андалов казалась уже неминуемой. Но Робар Ройс был не из тех, кого легко одолеть. Когда другой бы предпочел отступить, чтобы собрать силы, или вовсе бежать с поля боя, король повелел ударить в ответ. И сам

повел наступающих, бросившись в гущу боя бок о бок со своими боевыми товарищами. Его оружием была Покинутая — устрашающий клинок, вырванный им из мертвых рук короля Перстов. Рубя направо и налево, Робар пробил себе путь к Торгольду Мрачному. Когда Ройс обрушил меч на его голову, тот, по-прежнему смеясь, ухватил клинок за лезвие... но Покинутая, как сквозь масло, легко прошла через руки Толлетта и погрузилась в череп.

По словам певцов, великан умер, напоследок захлебнувшись смехом. После того король заметил Рыцаря-Сокола и бросился к нему через все поле битвы. Как надеялся Робар, если вождь андалов падет, враги дрогнут и побегут.

Они сошлись в гуще битвы, король в бронзовой броне и герой в серебряной стали. И пусть доспехи Рыцаря-Сокола сияли в лучах утреннего солнца, но его мечом, увы, была отнюдь не Покинутая. Поединок окончился, едва начавшись, валирийская сталь рассекла крылатый шлем, и андал пал. На мгновение, пока его враг валился с коня, Робар Ройс, должно быть, поверил, что выиграл эту битву.

Но тут же он услышал голос труб, пронзающий утренний воздух, и трубы те звучали позади него.

И, обернувшись в седле, Верховный король в смятении узрел пять сотен свежих андальских рыцарей, неудержимо мчавшихся вниз по склонам Копья Гиганта, чтобы ударить по его армии с тыла. Возглавлял конную лаву воитель в серебряной стали, с луной и соколом на щите и крыльями на шлеме. Сир Артис Аррен вооружил одного из рыцарей своим запасным снаряжением, оставив того в лагере, а сам с лучшими всадниками поднялся по знакомым с детства козьим тропам в горы, чтобы появиться в тылу Первых людей и ринуться на них сверху.

Это был разгром. Атакованное спереди и сзади, последнее большое войско Первых людей Долины было изрублено в куски. Тридцать лордов пришли с Робаром Ройсом в тот день на битву. Ни один не ушел живым. И хотя певцы воспевают короля, сокрушавшего своих врагов десятками, в конце концов пал и он. Одни говорят, что его убил сир Артис, другие называют лорда Резермонта или Люцеона Темплтона, рыцаря Девяти Звезд. А Корбреи из Дома Сердец всегда настаивали, что смертельный удар нанес сир Джейме Корбрей. В доказательство они указывали на Покинутую, вернувшуюся к Корбреям после сражения.

Таково сказание о битве Семи звезд, переданное

нам септонами и певцами. Без сомнения, вдохновляющая история, однако книжников может заинтересовать и то, насколько она правдива. Нам этого не узнать. Вот все, в чем мы уверены: король Робар II из дома Ройсов встретился с сиром Артисом Арреном в эпическом побоище у подножия Копья Гиганта. И король погиб, а Рыцарь-Сокол нанес Первым людям удар, после которого те уже никогда не смогли оправиться.

Не менее четырнадцати старейших и благороднейших родов Долины пресеклись в тот день. Те, кто уцелел — Редфорты, Хантеры, Колдуотеры, Белморы, да и сами Ройсы в их числе — смогли выжить, лишь откупившись от завоевателей золотом и владениями, выдав заложников и преклонив в знак верности колено перед Артисом Арреном, первым этого имени, новокоронованным королем Гор и Долины.

Со временем некоторые из потерявших силу домов смогли восстановить большую часть влияния, власти и богатств, утраченных на поле той битвы, но на это ушли столетия. Что до победителей, то Аррены владели Долиной как короли вплоть до прибытия Эйгона Завоевателя и его сестер, а позже — как лорды Орлиного Гнезда, Защитники Долины и Хранители Востока. Сама

же долина с тех самых дней и поныне известна как Долина Арренов.

Удел же побежденных был печален. Едва весть о триумфальной битве пересекла Узкое море, на берегах Андалоса многие и многие ладьи подняли свои паруса. Все больше андалов прибывало в Долину и окрестные горы, и все они жаждали земли — земли, которую их лорды были только рады даровать. И где бы Первые люди ни дерзнули на сопротивление, всюду их уничтожали, обращали в неволю либо изгоняли. Их собственные поверженные лорды были не в силах дать людям защиту.

Конечно же, кое-кто из Первых людей уцелел, смешавшись с андалами, но куда больше их бежало на запад, в долины и скалистые ущелья Лунных гор. Там, среди вершин, потомки некогда гордого народа обитают и поныне, ведя суровую и скоротечную жизнь изгнанников и разбойников, нападая на любого, кто будет достаточно глуп, чтобы подняться туда без надежной охраны. Эти горные кланы немногим лучше вольного народа за Стеной, и среди более цивилизованных людей тоже зовутся одичалыми.

Вот имена наиболее значительных кланов Лунных гор, перечисленные архимейстером Арнелом

в его труде «Горы и Долина»:

КАМЕННЫЕ ВОРОНЫ
МОЛОЧНЫЕ ЗМЕИ
СЫНЫ ТУМАНА
ЛУННЫЕ БРАТЬЯ
ЧЕРНОУХИЕ
СЫНЫ ДРЕВА
ОБГОРЕЛЫЕ
РЕВУНЫ
БАГРОВЫЕ КУЗНЕЦЫ
РАСКРАШЕННЫЕ ПСЫ

В ходе междоусобиц, раскалывающих крупные племена, возникают и иные кланы, более мелкие. Но они редко существуют сколько-нибудь долго — лишь пока их не поглотят соперники, либо рыцари Долины не положат им конец.

Имена большинства этих кланов имеют некое значение, хотя оно может и ускользать от нас. Так Черноухие, как мы знаем, собирают в качестве трофеев уши, отрезанные ими у сраженных в боях врагов. Среди Обгорелых у молодых людей принято прижигать какую-либо из частей собственного тела, чтобы храбростью заслужить право стать мужчиной. Некоторые мейстеры полагают, что этот обычай мог возникнуть в первые годы после Танца Драконов. Говорят, что

тогда клан, отделившись от Раскрашенных Псов, стал поклоняться обитавшей в горах огненной ведьме. Они отправляли своих юношей относить ей дары и доказывать собственное мужество, рискуя сгореть в пламени дракона, которым та повелевала.

Хотя горы и стоят на страже Долины, они не в силах полностью защитить ее от нападений извне. Верхний путь из Речных земель через Лунные горы обильно полит кровью. Будучи и крутым, и каменистым, все же он представляет собой наиболее удобный для войск проход внутрь Долины. Восточная оконечность дороги заперта Кровавыми Воротами, некогда бывшими не более чем стеной, сложенной насухо из грубо отесанных камней (как в кольцевых острогах Первых людей). Но в царствование короля Озрика V Аррена крепость была перестроена заново. За прошедшие столетия, стремясь прорваться через Кровавые Ворота, погибла добрая дюжина вторгавшихся армий.

Скалистое побережье Долины полно коварных рифов и отмелей и к тому же бедно якорными стоянками — все это затрудняет вторжение с моря. Тем не менее, Аррены никогда не забывали, что их предки достигли Вестероса по воде, а

потому обороне берегов уделялось достаточно внимания. Мощные замки и форты прикрывают наиболее уязвимые места побережья, и даже бесплодные и открытые всем ветрам Персты усеяны сторожевыми башнями, причем каждая из них несет сигнальные огни для предупреждения о врагах с моря.

Андалы всегда были воинственными народом, недаром одним из Семерых является Воин. Время от времени некоторые короли Долины, неуязвимые в собственных землях, начинали завоевания и за ее пределами. И в таких войнах, без сомнения, у них было своеобразное преимущество: завоеватели знали, что в случае военных неудач они всегда могут отступить за неприступные хребты родных гор.

Короли Гор и Долины не пренебрегали и флотом. Чаячий город предоставлял им удобную и защищенную гавань, и под властью Арренов он вырос в один из значительнейших городов Семи Королевств. Хотя земли Долины и плодородны, но она достаточно невелика в сравнении с владениями других королей (и даже крупных лордов), а Лунные горы скудны, каменисты и негостеприимны. Поэтому-то торговля всегда имела первостепенное значение для правителей

Долины, и мудрейшие из Арренов постоянно заботились о ее поддержке силами флота.

В водах близ восточных и северных берегов разбросано более полусотни островов. Многие из них — не более чем населенные лишь крабами скалы да птичьи базары, однако есть и другие, обширные и обитаемые. Благодаря флоту Аррены смогли распространить свою власть и на них. Галечный остров после короткой войны был занят королем Хью Арреном Толстым, Сосцы — его правнуком Хьюго Арреном Даровитым (но после борьбы куда более продолжительной). Ведьмин остров, зловещее владение дома Апклиффов, был приобретен благодаря женитьбе короля Алестера Аррена, второго этого имени, на Арвен Апклифф.

Последними островами, присоединенными к Долине, стали Три Сестры, хотя ранее тысячелетиями их обитатели кичились собственными жестокими королями — пиратами и разбойниками. Их ладьи бороздили Пасть, Узкое и даже Студеное моря, безнаказанно разоряя и грабя все, до чего могли добраться, после чего возвращались домой с грузом золота и невольников.

В конце концов, эти налеты побудили королей Зимы отправить собственный флот для покорения Сестер — ибо кому подвластны Три Сестры,

тому подвластна и Пасть.

Захват северянами островов стал известен как «Поругание Трех Сестер». «Летописи Длинной Сестры» переполнены ужасами того завоевания: дикими северянами, убивающими детей ради пополнения своих котелков; солдатами, заживо вытаскивающими из людей внутренности, наматывая их на вертела; казнью трех тысяч воинов в один день на Холме вождей; сделанным из содранной кожи сотни островитян Розовым шатром Бельтазара Болтона...

Неясно, в какой мере можно доверять подобным рассказам, однако стоит отметить, что все зверства, часто описываемые в хрониках Долины, почти не упомянуты в северных летописях. Впрочем, нельзя отрицать и того, что ярмо северян жители Сестер сочли достаточно тяжким, поскольку их уцелевшие лорды бросились в Орлиное Гнездо — молить короля Гор и Долины о помощи.

Король Матос Аррен, второй этого имени, с радостью согласился предоставить им защиту при условии, что сестринцы принесут присягу ему и его потомкам до скончания веков и признают над собой власть Орлиного Гнезда. Когда его леди-жена усомнилась в мудрости вовлечения Долины

в «Заморскую войну», его милость дал свой знаменитый ответ, гласящий, что лучше иметь в соседях пирата, нежели волка. И во главе сотни боевых кораблей король отплыл в Систертон.

Он так и не вернулся, но сыновья его продолжили начатое. Почти тысячу лет Винтерфелл и Орлиное Гнездо соперничали за власть над Тремя Сестрами. Это противостояние прозвали Бессмысленной войной — раз за разом она стихала, но только чтобы через поколение вспыхнуть снова. В общей сложности острова переходили из рук в руки больше дюжины раз. Так, на Перстах северяне высаживались трижды. Аррены выслали флот вверх по Белому Ножу, чтобы сжечь Волчье Логово, а Старки ответили нападением на Чаячий город. Стены города оказались для северян слишком крепкими, и воины в ярости сожгли сотни стоящих в гавани кораблей.

В конечном итоге победа досталась Арренам. С той поры Три Сестры всегда оставались частью Долины, исключая краткое царствование королевы Марлы Сандерленд сразу после Завоевания. При виде нанятого северянами по приказу Эйгона браавосского флота Марла была низложена, ее брат поклялся в верности Таргариенам, а она сама окончила дни Молчаливой Сестрой.

«Эту войну завершила не столько победа Орлиного Гнезда, сколько потеря интереса Винтерфеллом, — заключает архимейстер Перестан в «Рассуждениях об истории». — Десять долгих веков сокол и лютоволк вели кровопролитную битву за три скалы, пока однажды волк не очнулся, как ото сна, и не понял, что сжимает в своих зубах лишь камень. Который он выплюнул, после чего убрался прочь».

Дом Арренов

Дом Арренов принадлежит к древнейшим и безупречнейшим родам андальской знати. Аррены могут не без гордости проследить свою родословную до самого Андалоса, а некоторые из них заходили еще дальше и возводили себя к самому Хугору с Холма.

Но в любом рассуждении о происхождении дома Арренов крайне важно отделять историю от легенд.

Мы располагаем многочисленными историческими свидетельствами жизни сира Артиса Аррена, Рыцаря-Сокола, первого из династии, который стал королем Гор и Долины. Его победа над Робаром II в битве Семи звезд также надежно

подтверждена, хотя подробности этого сражения за минувшие века кое в чем могли и приукрасить. Король Артис, несомненно, являлся реальным человеком и весьма при том выдающимся.

Однако в Долине деяния этого действительно существовавшего исторического персонажа оказались смешаны и перепутаны с достижениями его легендарного тезки, другого Артиса Аррена, жившего тысячелетиями ранее, в пору Века Героев. В песнях и сказках его вспоминают как Крылатого рыцаря.

Первый из двух сиров Артисов, согласно легендам, оседлал гигантского сокола (архимейстер Перестан полагает, что то могли быть искаженные воспоминания о виденных издали драконьих всадниках). Под его началом сражались армии орлов. Чтобы завоевать Долину, он взлетел на вершину Копья Гиганта и сразил Короля-Грифона. Его друзьями были великаны и водяные, и он женился на одной из Детей Леса, хотя та и скончалась родами, подарив ему сына.

О нем рассказывают и сотни других историй, по большей части столь же сказочных. Крайне маловероятно, что такой человек когда-либо существовал на самом деле. Как и Ланн Умный в Западных землях или Брандон Строитель на Се-

вере, Крылатый рыцарь создан из воображения, а не из плоти и крови. Даже если подобный герой в туманном прошлом Рассветной эпохи и шагал по Лунным горам и Долине, носить имя Артиса Аррена он точно не мог. Ведь Аррены — чистокровные андалы, а Крылатый рыцарь жил, сражался и поднимался в небо за много тысячелетий до того, как первый андал ступил на землю Вестероса.

Видимо, именно певцы Долины слили воедино обе эти фигуры, приписав деяния сказочного Крылатого рыцаря историческому Рыцарю-Соколу — вероятно, стремясь обрести благосклонность потомков настоящего Артиса Аррена зачислением великого героя Первых людей в ряды их предков.

В подлинной же истории дома Арренов мы не найдем ни великанов, ни грифонов, ни исполинских соколов, хотя с того дня, как сир Артис впервые надел Соколиную корону, ему по праву отведено значительное место в истории Семи Королевств. Со времен Завоевания Эйгона лорды Орлиного Гнезда служили Железному трону Хранителями Востока, защищая берега Вестероса от врагов из-за моря. Более ранние хроники полнятся рассказами о бесчисленных сражениях с дикими горными кланами, тысячелетней вражде

с северянами за Три Сестры, кровопролитных морских битвах, в которых флот Арренов отражал волантийских работорговцев, железнорожденных и пиратов со Ступеней и Василисковых островов. Старки могут быть и древнее, но легенды о них складывались в те дни, когда у Первых людей еще не было письменности. Аррены же пестовали септы и септрии, а потому их деяния и свершения быстро попадали на страницы хроник и сочинений Святой Веры.

Объединение Вестероса и дарование малолетнему Роннелу Аррену (Летавшему королю) титула лорда Орлиного Гнезда открыло дому новые возможности. Не стала неожиданностью и устроенная королевой Рейнис Таргариен помолвка юного Роннела с дочерью Торрхена Старка. Это был лишь один из браков, задуманных ее милостью для поддержания мира. Увы, лорд Роннел вскоре погиб ужасной смертью от рук собственного брата, Джоноса Братоубийцы, однако род Арренов продолжился через других родственников и сохранил свое влияние в Семи Королевствах.

Аррены могут даже похвастаться редкой привилегией — они дважды были сочтены[63] заслуживающими родства с благородной дра-

коньей кровью. Родрик Аррен, лорд Орлиного Гнезда, был удостоен королем Джейхейрисом I и его супругой Алисанной Доброй королевой руки их дочери, принцессы Дейлы. А дитя, рожденное в том союзе — леди Эйма Аррен — в свою очередь, стала первой женой короля Визериса I Таргариена и матерью его первенца, принцессы Рейниры, что соперничала за Железный трон с Эйгоном II, своим единокровным братом. В этой междоусобице Джейн Аррен, леди Орлиного Гнезда и Дева Долины, выказала себя верным соратником Рейниры Таргариен и ее сыновей и стала одним из регентов короля Эйгона III. С того дня и до сих пор каждый Таргариен, восседавший на Железном троне, нес в себе толику крови Арренов.

На Великом Совете 101 года от З.Э. Аррены не сыграли заметной роли, ибо леди Джейн еще пребывала в малолетстве. Вместо нее на совет прибыл лорд-протектор Долины, Йорберт Ройс из Рунного Камня. Ройсы — один из самых могущественных домов того края, вдобавок они весьма горды своим происхождением от Робара II, последнего великого короля Первых людей. И по сей день лорды Рунного Камня выезжают на битвы, облаченные в прадедовские бронзовые доспехи, украшенные рунами, которые, как утверждают,

оберегают своего обладателя от любого вреда. Увы, количество Ройсов, погибших в этой броне, весьма обескураживает. Более того, мейстер Денестан в труде «Сомнения» предполагает, что эти доспехи отнюдь не столь древние, как принято считать.

Сыграли свою роль Аррены и в войнах Таргариенов, а в пору мятежей Блэкфайров были надежной опорой Железному трону. Во время Первого восстания лорд Доннел Аррен с доблестью водил авангард королевского войска — хотя его боевые порядки и были опрокинуты Дейморном Блэкфайром, а сам он едва не лишился жизни, пока сир Гвейн Корбрей из Королевской гвардии не подоспел с подкреплением.

Лорд Аррен смог уцелеть для новых битв, и несколько лет спустя, когда разразилось Великое весеннее поветрие, закрыл ведущие в Долину перевалы и порты, благодаря чему она и Дорн остались единственными землями, избежавшими этого жуткого мора.

Говоря о не столь далеком прошлом, мы не можем преуменьшить значимость лорда Джона Аррена в восстании Баратеона. Именно отказ его светлости выдать головы своих подопечных Эддарда Старка и Роберта Баратеона послужил

началом тех событий. Поступи он, как было приказано — Безумный король и поныне бы восседал на Железном троне. На Трезубце лорд Аррен храбро сражался бок о бок с Робертом, несмотря на свои почтенные лета. После войны новый король показал свою мудрость, назвав лорда Джона Аррена десницей, и с тех пор проницательность его светлости помогала королю Роберту править Семью Королевствами благоразумно и справедливо. Когда великий человек служит десницей великому королю — это воистину радость для государства, на которое снисходит мир и изобилие.

Орлиное Гнездо

Немало людей считают Орлиное Гнездо Арренов прекраснейшим из всех замков Семи Королевств. И с ними трудно не согласиться (хотя Тиреллы и придерживаются иного мнения). Семь изящных белых башен венчают стоящую на уступе Копья Гиганта цитадель, в стенах которой больше мрамора, чем в любом другом замке Вестероса.

И сами Аррены, и жители Долины в один голос скажут вам, что Орлиное Гнездо, кроме того, еще и совершенно неприступно, ибо его располо-

жение на вершине горы делает штурм просто невозможным.

Наименьшая из королевских резиденций Вестероса, она не была изначальным обиталищем Арренов. Эта честь принадлежит Лунным Вратам — существенно более крупному замку, стоящему у подножия Копья Гиганта на том самом месте, где сир Артис Аррен и его андалы разбили свой лагерь в ночь накануне битвы Семи звезд. Не слишком еще уверенный в незыблемости собственного трона, король Артис желал, чтобы его замок был достаточно надежен и мог выдержать осаду и штурм в случае восстания Первых людей. Лунные Врата для того подходили прекрасно, но были похожи скорее на крепость, чем на дворец. И те, кто видел их впервые, не раз отмечали, что подобная обитель могла бы послужить отличным замком мелкому лорду, но никак не королю.

Это не слишком беспокоило Артиса — ему редко доводилось там бывать. Первый из королей династии Арренов провел большую часть своего царствования на коне, пересекая владения из конца в конец в бесконечной череде монарших посещений, и потому имел обыкновение заявлять: «Мой трон — седло, а мой дворец — шатер».

Трон Артиса унаследовали двое его сыновей,

правивших по очереди как второй и третий короли Гор и Долины. В отличие от отца, они в основном жили в Лунных Вратах, и замок их вполне устраивал, хотя каждый из них и внес некоторые дополнения. Положил начало возведению Орлиного Гнезда лишь четвертый король династии, внук Артиса I, Роланд Аррен. Его еще ребенком отдали на воспитание андальскому королю Речных земель, а после получения рыцарских шпор принц много путешествовал по Семи Королевствам (в Долину он вернулся лишь после смерти отца, когда пришла пора унаследовать Соколиную корону). В числе прочего Роланд посетил Старомест и Ланниспорт. Насмотревшись на такие чудеса, как Высокая башня и Утес Кастерли, как огромные замки Первых людей, усеивавшие земли по Трезубцу, он счел Лунные Врата в сравнении с теми мрачными и уродливыми. В первом порыве король Роланд решился снести Врата и построить на том же месте новую резиденцию, однако той же зимой в поисках еды и крова спустились с гор тысячи одичалых (их родные ущелья оказались погребены под толщей снега). Разбойничьи набеги горцев заставили короля осознать уязвимость местоположения замка.

Согласно легендам, Теора, дочь лорда Хантера

и будущая супруга Аррена, напомнила королю, что его дед одержал победу над Робаром Ройсом, атаковав того с возвышенного места. Впечатленный словами девушки (как и ею самой), Роланд решил занять самое высокое место из возможных и распорядился воздвигнуть замок, ставший Орлиным Гнездом.

Ему не суждено было увидеть завершение своих трудов. Задача, поставленная строителям его милостью, обескураживала сложностью: подножие Копья Гиганта было крутым и лесистым, а ближе к вершине гора становилась еще более обрывистой, да к тому же — обледенелой. Больше десятилетия ушло только на то, чтобы расчистить извилистую горную тропу на склоне. После лесорубов за молотки и зубила взялась целая армия камнетесов, вырезавшая для облегчения подъема ступени там, где скалы были слишком круты. Одновременно Роланд разослал зодчих искать камень по всем Семи Королевствам, поскольку вид мрамора, добываемого в Долине, его милости не понравился.

С очередной зимой с Лунных гор последовало новое вторжение диких кланов. Роланд I Аррен оказался застигнут врасплох дикарями из клана Раскрашенных Псов. Пока король пытался

выхватить меч, его стащили с лошади и убили, размозжив голову ударом каменной дубины. Роланд царствовал достаточно долго — двадцать шесть лет, но увидел лишь, как закладываются первые камни вымечтанного им замка.

Строительство продолжилось и при его сыне, и при внуке, но шло медленно, поскольку весь мрамор везли кораблями с Тарта, а затем поднимали на склоны Копья Гиганта на вьючных мулах. Во время подъемных работ пали десятки мулов, погибли и четверо рабочих с мастером-каменщиком. Медленно, фут за футом, росли стены замка... а Соколиная корона между тем перешла к правнуку короля, первым задумавшего поднебесный чертог. Страстью Роланда II были война и доступные женщины, а не зодчество. Возведение Орлиного Гнезда получалось непомерно дорогостоящим, а новый король нуждался в золоте для задуманной им войны в Речных землях. И едва его отец упокоился с миром, как Роланд II повелел остановить все работы над замком.

По меньшей мере, четыре года Орлиное Гнездо оставалось брошенным в поднебесье. И лишь соколы гнездились среди его недостроенных башен, пока король Роланд, доискиваясь богатства и славы, сражался с Первыми людьми среди

притоков Трезубца.

Однако завоевание давалось куда тяжелее, чем ему ожидалось. Одержав несколько малозначительных побед над мелкими царьками, он столкнулся с Тристифером IV, Молотом Правосудия. Последний из действительно великих королей Первых людей нанес Роланду Аррену тяжелое поражение, а на следующий год — второе, еще более сокрушительное. Спасая собственную жизнь, его милость укрылся в замке одного из своих прежних союзников, андальского лорда, но лишь затем, чтобы оказаться преданным. Его, закованного в цепи, доставили к Тристиферу в Старые Камни, и король Роланд II был обезглавлен самим Молотом Правосудия — всего через четыре года после того, как во всем своем великолепии выехал из Кровавых Ворот.

В Долине горевали о нем немногие, ибо воинственность и тщеславие не особо помогают заводить друзей. И когда трон унаследовал брат Роланда, Робин Аррен, строительство Орлиного Гнезда было продолжено. Но прежде чем замок был полностью завершен и обустроен для жилья, понадобилось сорок три года, и при этом сменилось четыре короля. Мейстер Квинс, первый представитель своего ордена, служивший здесь,

называл Орлиное Гнездо великолепнейшим творением рук человеческих, дворцом, достойным самих богов. «Без сомнения, даже Отец Небесный не имеет подобного обиталища».

С того времени и поныне Орлиное Гнездо остается резиденцией дома Арренов с весны до осени. В зимнюю пору льды, снег и пронзающие ветра делают подъем к нему невозможным, а сам замок — непригодным для жизни. Однако летом прохладный и чистый горный воздух делает Орлиное Гнездо желанным прибежищем, свободным от удушающей жары, царящей на дне долины. Другого такого сооружения нет во всем мире (по крайней мере, нигде нет упоминаний о чем-либо подобном).

Нельзя также не отметить статую, стоящую в богороще Орлиного Гнезда — прекрасное изваяние плачущей Алиссы Аррен. Легенды гласят, что шесть тысячелетий назад Алисса, видевшая гибель своего мужа, своих братьев и сыновей, не уронила ни слезинки. За это боги покарали ее — Алисса не будет знать покоя, пока ее слеза не упадет на землю Долины. Большой водопад, низвергающийся с Копья Гиганта, стал известен как Слезы Алиссы. Воды его падают с такой высоты, что обращаются в туман задолго до того, как

коснутся земли.

Насколько правдива данная история? Алисса Аррен существовала, здесь мы можем быть вполне уверены, но сомнительно, что именно шесть тысяч лет назад. В «Истинной истории» говорится о четырех тысячелетиях, а Денестан в своих «Сомнениях» уменьшает это время еще вдвое.

Орлиное Гнездо ни разу не было взято силой. Прежде чем приступить к штурму, нападающему придется занять Лунные Врата, стоящие на подступах к горе, а они и сами по себе — сильная крепость. Сделав это, враг будет вынужден начать долгий подъем, в ходе которого придется штурмовать три заставы, прикрывающие извилистую тропу — Каменную, Снежную и Небесную.

Череда застав делает уже сам подход к Орлиному Гнезду крайне трудным. Но если нападающие все же преодолеют все три, то окажутся у подножия отвесной скалы, в то время как Гнездо будет находиться еще шестьюстами футами выше, досягаемое лишь с помощью лестниц или канатов.

Неудивительно, что Орлиное Гнездо столь редко оказывалось в осаде. С момента его постройки Аррены могли быть уверены, что в их распоряжении есть неприступная крепость, в которой они

всегда в состоянии укрыться в случае опасности. Мейстеры, служившие дому Арренов и также изучавшие военное дело, единодушно полагали, что замок взять вообще невозможно...

...Разве что с помощью драконов, что и доказала однажды королева Висенья, приземлившись во внутреннем дворе замка на своей Вхагар, и убедив мать последнего короля из Арренов покориться Таргариенам и отречься от Соколиной короны.

Впрочем, с того дня миновало почти три сотни лет, и последний дракон в Королевской Гавани давным-давно окончил свои дни. Так что будущие лорды Орлиного Гнезда снова могут спать спокойно — в уверенности, что их величественная резиденция навсегда останется неуязвимой и неприступной.

Железные острова

Были ли Первые люди и вправду первыми?

Большинство книжников верит — были. Считается, что до того, как пришли Первые люди, Вестерос принадлежал великанам, Детям Леса и диким тварям. Однако жрецы Утонувшего бога на Железных островах рассказывают совсем иное.

Железнорожденные, по их вере — люди, отличные от прочего человечества. «Не с безбожных заморских земель прибыли мы на эти священные острова, — заявил однажды Саурон Соленый Язык. — Мы явились со дна морей, из водяных чертогов Утонувшего бога, который сотворил нас по своему подобию и даровал нам власть над всеми водами мира».

Но даже среди железнорожденных кое-кто подвергает это сомнению и допускает более широкий взгляд на свое происхождение — от Первых людей древности, хотя те никогда не были мореплавателями, в отличие от пришедших позднее андалов. Разумеется, мы не можем воспринимать всерьез суждения жрецов Утонувшего бога, пытающихся заставить нас поверить, будто железные

люди более родственны рыбам и водяным, чем другим человеческим народам.

Ссылаясь на легенду о Морском троне, архимейстер Хейрег однажды высказал любопытную догадку — что предки железнорожденных прибыли с неведомых западных земель в Закатном море. Трон Грейджоев, высеченный в форме кракена из маслянистого черного камня, был, как говорят, найден Первыми людьми, когда те впервые высадились на Старом Вике. Хейрег предположил: трон был создан коренными обитателями островов, и лишь позднее мейстеры и септоны в своих летописях стали заявлять, что обитатели эти на самом деле ведут род от Первых людей. Однако такое чистой воды умозрение Хейрег, в конце концов, отверг и сам, и мы должны поступить так же.

И все же, от кого бы ни произошли железнорожденные, нельзя отрицать, что они стоят особняком — их обычаи, верования и способы управления совершенно не схожи с повсеместно принятыми в Семи Королевствах.

Как утверждает архимейстер Хейрег в своей «Истории железнорожденных», все эти отличия уходят корнями в религию. Холодные, сырые, продуваемые ветрами, Железные острова нико-

гда не были особенно лесистыми, и на их скудной почве не чардрева не приживались. Великаны никогда не устраивали здесь своих жилищ, а Дети Леса не бродили под тамошними деревьями — и Старым богам, которым те поклонялись, также не было места. А когда со временем островов достигли андалы, их вера тоже не прижилась, ибо иное божество оказалось здесь раньше Семерых — Утонувший бог, создатель морей и отец железнорожденных.

Нет у него ни храмов, ни священных книг, ни идолов, высеченных по его подобию, зато есть множество жрецов. С древнейшей поры эти странствующие праведники наводняли Железные острова, неся людям слово своего бога и порицая все прочие божества и их последователей. Скудно одетые, неопрятные и зачастую босоногие, жрецы Утонувшего бога не имеют постоянного пристанища и вместо того по своей воле скитаются по островам, редко отходя далеко от моря. Большая их часть неграмотна; их традиции передаются из уст в уста — всем молитвам и обрядам юнцы обучаются у старших. Жрецы могут бродить, где вздумается, поскольку и лорды, и крестьяне обязаны предоставлять им кров и пропитание во имя Утонувшего бога. Многие

жрецы не моются (лишь окунаясь в воды моря при необходимости), некоторые из них питаются только рыбой. Люди из других стран нередко считают их безумцами, и таковыми они могут показаться, однако невозможно отвергнуть данность — жрецы обладают немалой властью.

Большинство железнорожденных не испытывают ничего, кроме презрения, к Семерым юга и Старым богам Севера, однако же они признают и другое божество — зловредного Штормового бога, который противостоит Утонувшему. Согласно верованиям железнорожденных, Штормовой бог ненавидит человечество и все, им созданное, а обитает в небесных высях. Он насылает губительные ветра и хлесткие ливни, а грозы и молнии выражают его беспредельную ярость.

Говорят, Железные острова назвали так благодаря изобилию найденной здесь руды, однако сами железнорожденные настаивают, что имя это появилось благодаря их нраву — поскольку они суровый народ, столь же непреклонный, как и их бог. По сообщениям картографов, в заливе Железных людей к западу от Орлиного мыса насчитывается тридцать один остров из числа Железных, и еще тринадцать из таковых окаймляют Одинокий Светоч в дальних просторах

Закатного моря. Главных же островов архипелага семь: Старый Вик, Большой Вик, Пайк, Харлоу, Соленый Утес, Черная Волна и Оркмонт.

Из них самый густонаселенный — Харлоу, наибольший по величине и богатству рудой — Большой Вик, а остров Старый Вик — священное место, где в чертоге Серого короля в старину собирались короли соли и камня для выбора правителя всех железнорожденных. Труднопроходимый и гористый Оркмонт в минувшие века был родной обителью дома Грейаронов (и Железных королей из этого дома). Пайк может похвастаться Лордпортом, самым большим поселением архипелага, принадлежащим дому Грейджоев — они главенствуют на островах со времен Завоевания Эйгона. Ну, а Черная Волна и Соленый Утес ничем не примечательны. Что же до малых островов, то на некоторых имеются башни малозначащих лордов — рядом с крохотными рыбацкими поселениями. Кое-какие островки используются для выпаса овец, но большинство все же остаются необитаемыми.

Второе скопление островов лежит в Закатном море — к северо-западу, в восьми днях пути под парусом. Там, на обдуваемых всеми ветрами скалах, разве что котики и морские львы устраи-

вают свои лежбища, ибо скалы те чересчур малы для того, чтобы поддерживать существование хотя бы единственного поместья. И лишь на самом большом из этих островков стоит замок дома Фарвиндов, названный Одиноким Светочем — из-за маяка, что днем и ночью ярко горит на его крыше. О Фарвиндах и том народце, которым они правят, рассказывают удивительные вещи. Толкуют, будто бы те ложатся с тюленями и порождают получеловеческих детенышей, а кое-кто разносит шепотки о Фарвиндах-оборотнях, якобы умеющих принимать облик морских львов, моржей или даже волков западных морей — косаток.

Впрочем, про все окраины мира рассказывают подобные байки о странном и таинственном, а Одинокий Светоч — самый дальний уголок из известных нам, если смотреть на запад. За столетия многие отважные моряки оставляли позади свет его маяка, пытаясь отыскать легендарный рай, по слухам, лежащий за горизонтом. Но те из них, кто все же вернулись (увы, далеко не все), твердят лишь о безбрежном седом океане, что тянется без конца и края.

Богатства, которые хранят Железные острова, лежат под холмами Большого Вика, Харлоу

и Оркмонта, где в изобилии находят свинец, олово и железо — эти руды и служат главным товаром, вывозимым с островов. Как и следует ожидать, среди железнорожденных много прекрасных мастеров по металлу; кузнецы Лордпорта изготавливают мечи, секиры, кольчуги и непревзойденные латы.

Тощая и каменистая почва островов больше подходит для выпаса коз, чем для взращивания зерна. Если бы не бесконечно щедрое море и не рыбаки, собирающие его дары — железнорожденные непременно голодали бы каждую зиму.

Воды залива Железных людей — дом для огромных косяков трески, сардин, макрели, угольной и ледяной рыбы, скатов и удильщиков. На берегах любого острова отыщутся крабы и омары, а в Закатном море западнее Большого Вика блуждают киты и тюлени, а также рыба-меч. Архимейстер Хейк, родившийся и выросший на Харлоу, считает, что семь из десяти семей на Железных островах — рыбаки. На суше они могут быть бедными и незначительными, но, тем не менее, в море эти люди сами себе хозяева. Так, Хейк пишет: «Человек, владеющий судном, никогда не станет невольником, ибо каждый капитан — король на палубе своего корабля». Ведь их добыча

кормит весь архипелаг.

Но даже больше, чем рыбаков, железнорожденные чтут своих пиратов. «Морские волки» — так в былые дни их называли жители Западных и Речных земель, и по праву. Подобно серым тезкам, разбойники часто охотились стаями, пересекая бурные воды на стремительных ладьях и обрушиваясь на мирные поселения и города вдоль побережья Закатного моря, чтобы разорять, грабить и насиловать. Бесстрашные моряки и грозные воители, они внезапно появлялись из утреннего тумана, собирали свою кровавую жатву и, до того, как солнце достигало зенита, исчезали в море на кораблях, загруженных добычей и переполненных испуганными женщинами с плачущими детьми.

Впервые ступить на эту тропу из крови железнорожденных вынудила нехватка дерева — согласно мнению архимейстера Хейрега. На рассвете времен на Большом Вике, Харлоу и Оркмонте было предостаточно густых чащоб, но островные корабелы были столь ненасытны, требуя древесину, что леса, один за другим, были сведены. И у железнорожденных не осталось выбора — только обратиться к бескрайним пущам зеленых земель Вестероса.

Именно там разбойники находили все, чего так не хватало на островах. Но торговать было почти не принято, гораздо чаще добро приобреталось кровью, лезвием меча или острием секиры. И когда налетчики возвращались на острова с трофеями, добытыми подобным образом, то говорили, что «заплатили за них железную цену»; менее удачливым приходилось «платить золотую цену» за сокровища или вовсе возвращаться домой ни с чем. Вот потому-то, по словам Хейрега, грабителей и их деяния превозносили все: и певцы (прежде всего), и простой люд, и жрецы.

Спустя тысячелетия до нас дошло много легенд о соленых королях и пиратах, безраздельно властвовавших в Закатном море, самых бесстрашных, свирепых и необузданных людях из когда-либо живших. Именно так мы услышали о Торгоне Ужасном, ДжорлеКите, некроманте Дагоне Драмме, Хротгаре с Пайка и о его призывающем кракена роге, Ральфе-Оборванце со Старого Вика, и обо всех, схожих с ними.

Самую черную славу из упомянутых стяжал Бейлон Черная Шкура, сражавшийся секирой в левой руке и молотом — в правой. Ходят толки, будто бы ни одно сделанное человеком оружие не могло ему навредить: мечи отскакивали от его

кожи, не оставляя и царапины, а секиры разлетались вдребезги.

Неужели подобные ему люди действительно ходили по земле? Сложно утверждать с уверенностью — ведь большинство из них предположительно жили и умерли за тысячи лет до того, как железные люди научились писать. На Железных островах грамотность редка и по сей день, а тех, кто обучен ей, зачастую либо высмеивают как слабаков, либо боятся как колдунов. По сути, все, что мы знаем о полубогах Рассветной эпохи, дошло до нас через свидетельства о грабежах и угонах в неволю, описанных рунами Первых людей на Старом наречии.

В те дни земли, разоряемые пиратами, были обильны лесами, но людьми заселены скудно. Тогда, как и сейчас, железнорожденные с неохотой удалялись от соленых вод — своей основы основ, что не мешало им господствовать в Закатном море — от Медвежьего острова и Стылого берега вплоть до Арбора. Хлипкие рыбацкие лодки и купеческие суда Первых людей, которые редко осмеливались выйти в открытое море, ни в коей мере не могли сравниться со стремительными ладьями железных людей — там имелись и большие паруса, и ряды весел. А если сражение велось

уже на берегу, могучие короли и прославленные воины падали под ударами налетчиков, как пшеница под косой жнеца. Из-за великого множества таких случаев жители зеленых земель принялись уверять друг друга, будто железнорожденные — демоны, вышедшие из некой морской преисподней и хранимые свирепыми колдунами, а принадлежащее им черное оружие проклято и выпивает души тех, кого разит.

Всякий раз на ущербе осени, когда грозила холодами зима, ладьи отправлялись в набеги за провизией — таким образом, островитяне бывали сыты даже в разгар зимы. Те же люди, что засеивали свои поля, лелеяли их и собирали урожай, зачастую голодали. Слова «Мы не сеем» стали хвастливым девизом дома Грейджоев, главы которого начали величать себя Лордами-Жнецами Пайка.

Разбойники привозили на Железные острова не только золото и зерно, но и пленников, которые впредь становились невольниками у своих поработителей. Среди железнорожденных достойным занятием для свободных людей считались лишь лов рыбы и грабежи, а возделывать землю и бесконечно трудиться на полях, не разгибая спины, должны были невольники. То же

убеждение относилось и к горному делу. Хейрег пишет, что невольники, отправленные на поля, еще почитали себя за счастливцев, поскольку большинство из них доживали до старости, и им даже позволялось заводить семью. Чего нельзя сказать о тех, кого обрекли на работы в шахтах — в темных и опасных копях под холмами, с суровыми надсмотрщиками, со спертым и сырым воздухом. Такая жизнь не длилась долго.

У Первых людей невольничество было общепринято и существовало во все века их пребывания в Вестеросе. Подобный образ жизни сохранился и у железнорожденных — именно потому, что они происходят из этого народа.

Кроме того, невольничество не следует путать с рабством, существующим в некоторых Вольных городах и землях далеко на востоке. В отличие от рабов, невольники сохраняют определенные важные права. Невольник принадлежит своему захватчику, обязан служить ему и повиноваться, но он все еще считается человеком, а не имуществом, и не может быть куплен или продан. Он может владеть некоей собственностью и имеет право, если пожелает, жениться и завести детей. Дети рабов обречены на рабство, дети же невольников появляются на свет сво-

бодными. Любой ребенок, сделавший первый вдох на островах, считается железнорожденным — даже если оба его родителя в неволе. И таких детей не отнимают у отца с матерью, пока они не достигнут семилетнего возраста, после чего большинство начинает обучаться корабельному делу или присоединяется к судовой команде.

Большинство мужчин из пленников, привезенных на Железные острова, проводили остаток жизни в тяжелом труде на полях и в рудниках. Лишь немногих выкупали за золото — сыновей лордов, рыцарей или богатых купцов. Невольники, владевшие искусством чтения, письма и счета, прислуживали своим хозяевам как стюарды, домашние учителя и писцы. Еще больше ценились каменщики, кожевники, бондари, плотники, свечники и прочие умелые ремесленники.

Но прежде всего пираты ценили молодых женщин. Если была необходимость в судомойках, кухарках, швеях, ткачихах, повивальных бабках и прочей прислуге, капитаны иногда увозили женщин и постарше, однако миловидные девушки и едва расцветшие девочки похищались во время каждого набега. Самые пригожие, крепкие и привлекательные обычно становились «соле-

ными женами» тех, кто их пленил, большая же их часть оканчивала свои дни на островах служанками, уборщицами, блудницами или женами других невольников.

Свадебные традиции железнорожденных, как и их боги, отличны от принятых на материке. В Семи Королевствах повсюду, где восторжествовала Святая Вера, мужчина соединяет свою жизнь лишь с одной женой, а девушка — с одним мужем. Однако на Железных островах мужчина имеет право взять себе только одну «каменную жену» (и прежде ее смерти на другой жениться не сможет), но неограниченное число «соленых жен». Каменная жена должна быть свободнорожденной и родом с Железных островов. Ее место — рядом с мужем, ей делить с ним стол и кров, ее дети идут первыми в очереди наследования. А в соленые жены почти всегда берут женщин и девушек из тех, кого захватили в налетах. Количество соленых жен служит мерилом силы, богатства и мужественности человека.

Но все же не следует думать, что соленые жены железнорожденных — не больше, чем наложницы, блудницы или рабыни для утех. Соленые свадьбы, как и каменные, обычно совершаются жрецами Утонувшего бога (хотя это

и значительно менее торжественный обряд, чем бракосочетание мужчины с его каменной женой), а дети, рожденные в подобном союзе, считаются законнорожденными. «Соленые сыновья» даже могут наследовать отцу, если каменная жена не оставила мужу законных.

После Завоевания соленые свадьбы почти исчезли из обихода островитян, поскольку Эйгон Дракон назвал похищение женщин преступлением во всех Семи Королевствах (как говорят, по настоянию королевы Рейнис). Также Завоеватель запретил налетчикам разорять его собственные владения. Впрочем, во дни преемников Эйгона I этот запрет соблюдался лишь время от времени, и многие железнорожденные все еще жаждут возродить так называемый Старый Закон.

Короны из плавника

Согласно легендам, некогда в Век Героев железнорожденными повелевал могущественный правитель, известный просто как Серый король. Господствуя также и над морем, он взял себе в жены русалку, так что сыновья его и дочери по своему выбору могли жить и на земле, и в пучине вод. Прозвание свое он получил за цвет волос,

бороды и глаз — серых, подобно морю в зимнюю пору. Владыка носил корону из долго плававшего дерева, которая показывала всем преклонившим перед ним колено, что Серый король вышел из моря и власть его — от живущего на дне морском Утонувшего бога.

Деяния, приписываемые Серому королю певцами и жрецами островитян, воистину бесчисленны и удивительны. Именно он принес огонь на землю, насмешками вынудив Штормового бога метнуть вниз молнию, от которой вспыхнуло дерево. Также Серый король научил людей плести неводы и ткать паруса, и он же вырезал первую ладью из твердой светлой древесины Игга — творения демонов, питавшегося человеческой плотью.

Однако величайшим свершением Серого короля стало убийство Нагги — самого большого из морских драконов. Ходили толки, будто бы тварь эта была столь огромной, что кормилась левиафанами и гигантскими кракенами, а в гневе топила целые острова. Серый король выстроил из ее костей величественный дворец, используя ребра в качестве балок и стропил. Отсюда он правил Железными островами тысячу лет, пока сама его кожа не сравнялась цветом с его серыми

волосами и бородой. Лишь тогда он выбросил свою корону из плавника и ушел обратно в море, спустившись в водяные чертоги, чтобы занять там по закону принадлежащее ему место — по правую руку Утонувшего бога.

На холме Нагги Старого Вика действительно находятся окаменелые кости некой гигантской морской твари, но точно ли они принадлежат морскому дракону — вопрос спорный. Ребра эти огромны, но никак не настолько, чтобы принадлежать чудищу, способному заглатывать левиафанов и кракенов. По правде говоря, само существование морских драконов подвергается сомнению. Если подобные монстры и живут на свете, то они, несомненно, должны обитать в самых темных глубинах Закатного моря, поскольку ни одного из них не замечали уже тысячи лет.

Серый король правил всем архипелагом, но сразу после его смерти[64] сотня оставшихся от него сыновей начала раздоры за право стать преемником. Брат убивал брата в разгуле семейной резни, пока не осталось лишь шестнадцать из них. Эти последние и поделили между собой острова. Что интересно, на происхождение от Серого короля и его сыновей претендуют все великие

дома железнорожденных, кроме Гудбразеров со Старого и Большого Вика, чей предполагаемый родоначальник — верный старший брат Серого короля.

Так уверяют предания и жрецы Утонувшего бога.

Хроники же рассказывают об ином. Древнейшие из сохранившихся в Цитадели записей показывают, что некогда каждый из Железных островов был отдельным владением, которым правил не один, а два короля сразу — «каменный» и «соленый». Первый правил на самом острове, верша суд, утверждая законы и разрешая споры. Второй же командовал ладьями, когда те отправлялись в плавания.

Как намекают уцелевшие архивы, каменные короли почти всегда были старше соленых, а иногда такими соправителями становились отец и сын. На основании этого кое-кто заявляет, что соленые короли — просто наследные принцы своих отцов, каменных королей. Хотя нам известны и другие случаи, когда оба короля происходили из совсем разных домов, порой даже враждебных друг другу.

Повсеместно в Вестеросе мелкие правители претендовали на золотой венец по праву рожде-

ния и крови, однако железнорожденным короны из плавника доставались не так легко. Только на Железных островах люди создавали для себя владык, собирая всенародный совет, называемый королевским вече — для избрания каменных и соленых королей, которые будут ими править. О таком вече жрецы Утонувшего бога объявляли всякий раз после смерти короля и выбирали там следующего. Голосовать на собрании мог любой человек, владевший и командовавший кораблем. Бурные споры обычно затягивались на несколько дней, а порой длились и намного дольше. Железнорожденные также упоминают случаи, когда жрецы призывали «капитанов и королей», чтобы сместить недостойного правителя.

По традиции, корону из плавника после смерти ее владельца ломали и возвращали морю. Преемник венчался уже новой короной, а ту создавали из плавника, только что вынесенного на берег острова. Таким образом, каждая корона отличалась от предыдущих. Какие-то из них были маленькими и незамысловатыми, другие — великолепными, громоздкими и массивными.

Не следует недооценивать власть, которой у железнорожденных обладали пророки Утонувшего бога. Лишь они одни имели право созывать

вече, и горе было тому, кто осмеливался бросить им вызов, будь он лордом или королем. В ту пору самым уважаемым жрецом считался великий пророк Гейлон Белый Посох — так его прозвали за бывший всегда при нем длинный резной посох, которым тот карал безбожников. (В одних сказаниях говорится, будто это орудие было сотворено из чардрева, в других — из кости Нагги.)

Именно Гейлон учредил закон, по которому железнорожденные не должны воевать друг с другом, запретивший им похищать чужих жен или грабить берега соседа. И Гейлон же заставил все острова объединиться в одно мощное государство, призвав на Старый Вик капитанов и королей, чтобы избрать верховного правителя — властителя как над солеными, так и над каменными королями. И был избран Уррас Грейарон по прозвищу Железная Пята, соленый король Оркмонта и самый грозный пират той поры. Уррас Грейарон, на голову которого Гейлон собственноручно возложил корону из плавника, стал первым после Серого короля повелителем всех железнорожденных.

Через много лет, после того, как Железная Пята скончался от старых ран, полученных в набегах, корону забрал его старший сын, объявивший се-

бя королем Эрихом I. Против чего Гейлон, к тому времени уже полуслепой и немощный, яростно восстал, возгласив, что только вече создает королей. На Старый Вик вновь были призваны «капитаны и короли», и Эриха Скверного низложили и приговорили к смерти. Этой судьбы он избежал, сломав отцовскую корону и бросив ее в море в знак подчинения Утонувшему богу. Вместо него вече избрало каменного короля со Старого Вика — Регнара Драмма по прозвищу Кормилец Воронов.

Следующие столетия стали золотым веком для Железных островов, но черным временем для жителей побережья (тогда еще только Первых людей). До того грабежи совершались ради провизии — чтобы протянуть суровую зиму, ради леса — чтобы строить ладьи, ради женщин — чтобы те становились солеными женами и рожали сыновей, а также ради тех ценностей, которых не хватало на островах, но разбойники с добычей всегда возвращались домой. Под властью же королей плавника стали возможными куда более сложные и опасные начинания: завоевания земель и их колонизация.

В труде архимейстера Хейрега «История железнорожденных» перечислено сто одиннадцать

мужей, носивших короны из плавника как верховные правители Железных островов. Список этот, по общему признанию, далеко не полный, и изобилует противоречиями. Хотя нет причин сомневаться в том, что короли плавника достигли зенита своей мощи при Куореде I Хоаре, прозванном Жестоким, который кровью вписал свое имя в историю Вестероса (в одних текстах он, впрочем, предстает Грейароном, а в других — Блэктайдом). Король Куоред властвовал над железнорожденными три четверти столетия и дожил до весьма преклонного возраста — до девяноста лет. В годы его царствования Первые люди зеленых земель во множестве покидали берега Закатного моря в страхе перед грабителями, а те, кто оставался — в основном, лорды за стенами крепких замков — платили железнорожденным дань.

Куоред бахвалился, что его власть простирается повсюду, «где люди могут чуять запах моря или слышать грохот прибоя». В молодости он захватил и разграбил Старомест, приведя в цепях на Железные острова тысячи девушек и женщин. Достигнув тридцати лет, он заставил короля Речных земель Бернарра II преклонить колено и отдать троих юных сыновей в заложники после

того, как в битве железнорожденные разгромили местных лордов. Три года спустя, после того, как ежегодная дань от их отца запоздала, Куоред предал мальчиков смерти, собственноручно вырезав их сердца. И когда скорбящий отец в жажде мести за сыновей решился на войну, король со своими людьми полностью уничтожил войско Трезубца. Самого же Бернарра утопили, принеся в жертву Утонувшему богу. Так пришел конец дому Джастменов, а Речные земли погрузились в омытое кровью безвластие.

Однако после Куореда дела на островах понемногу покатились под уклон. Свою роль в этом сыграли короли, которые ему наследовали, да и жители зеленых земель становились все сильнее. Первые люди начали строить собственные корабли, и вместо бревенчатых палисадов и рвов с кольями их города уже защищали каменные стены.

Первыми прекратили выплачивать дань Гарденеры и Хайтауэры. Король Теон III Грейджой вышел в море, чтобы разбить непокорных, но был побежден и пал от руки Морского Льва — лорда Лаймонда Хайтауэра. После того лорд возродил в Староместе невольничество — как раз на такой срок, чтобы плененные в битве железнорож-

денные на каторжных работах смогли укрепить городские стены.

Еще более острой угрозой для владычества королей плавника оказалась нарастающая сила Западных земель. Здесь первой потерей стал Светлый остров, где народ восстал под началом Гилберта Фармана, чтобы изгнать своих железнорожденных хозяев. Спустя поколение Ланнистеры захватили Кайс — городские блудницы открыли задние ворота людям Геррока Шлюхина Сына, услышав рев его большого, окованного золотом рога. Три железнорожденных короля подряд безуспешно пробовали вернуть себе этот трофей, причем двое из них пали от меча Геррока.

А по милости Герольда Ланнистера, короля Утеса, железнорожденные испытали предельное унижение. Герольд Великий (под этим именем его запомнили на Западе) сам повел свой флот в дерзкий набег на Железные острова и захватил там сотню заложников. Их он держал в Утесе Кастерли и вешал всякий раз, как только на его берега вторгались налетчики.

В следующем столетии череда слабых королей потеряла Арбор, Медвежий остров, Палец Флинта и большую часть поселений островитян на

берегах Закатного моря — сохранились лишь немногие.

Не следует думать, что в те годы железнорожденные совсем не одерживали побед. Бейлон V Грейджой (по прозвищу Студеный Ветер) разбил в щепки слабенькую флотилию короля Севера. Эрих V Харлоу в юности отвоевал Светлый остров — правда, лишь для того, чтобы в старости потерять его снова. Его сын Харрон под стенами Староместа убил Гарета Беспощадного из Хайгардена. Полвека спустя, Джорон I Блэктайд захватил Джайлса II Гарденера, когда их корабли столкнулись у Туманных островов. Запытав его до смерти, Джорон разрезал мертвое тело на кусочки, чтобы насаживать на свои рыболовные крючки «наживку из короля». В более поздние годы своего владычества Джорон огнем и сталью прошелся по всему Арбору и, по слухам, похитил с острова всех женщин до тридцати лет, тем самым заслужив себе прозвище Губитель Дев — под которым он более всего и запомнился.

Тем не менее, все эти успехи были недолговечными, а короли, достигшие их, долго не жили. Шли века, королевства зеленых земель продолжали крепчать, а Железные острова — слабеть. И в конце Века Героев раскол и упадок усугубила

еще одна беда.

После смерти короля из дома Грейаронов Уррагона III Лысого его младшие сыновья поспешно созвали вече, пока их старший брат Торгон грабил верховья Мандера. Они рассчитывали, что носить корону из плавника изберут одного из них. Но, к ужасу братьев, вместо того капитаны и короли выбрали Урратона[65] Гудбразера с Большого Вика. И первым деянием нового короля стало повеление умертвить сыновей старого. За это, а также за дикую жестокость, много раз проявленную им за двухлетнее царствование, Урратон IV Гудбразер запомнился в истории как Бэдбразер[66].

Когда, наконец, Торгон Грейарон вернулся на Железные острова, он объявил вече недействительным, так как не присутствовал на нем и не мог претендовать на трон. Жрецы поддержали его, поскольку устали от высокомерия и нечестивости Бэдбразера. На их призыв откликнулись и простолюдины, и знать, сплотившись под стягом Торгона, и, в конце концов, собственные капитаны Урратона изрубили его в куски. Вместо него королем стал Торгон Опоздавший — и правил в течение сорока лет, не будучи объявленным и избранным на вече. Грейарон показал себя

сильным королем, беспристрастным, мудрым и справедливым... но мало что мог сделать для удержания на Железных островах все дальше ускользающей удачи — во времена Торгона Маллистеры из Сигарда отобрали у островитян большую часть Орлиного мыса.

В юности Торгон, низложив избранного на вече короля, впервые пошел против власти народного собрания. И повторил подобное уже в старости — когда призвал своего сына Уррагона для совместного управления. На суде и совете, на войне и в мирную пору — почти пять лет сын находился рядом с отцом, и когда Торгона не стало, виделось вполне естественным, что избранный королем наследник венчается на трон как Уррагон IV Грейарон. Вече не было созвано, но на этот раз не нашлось Гейлона Белого Посоха, и никто не восстал в гневе против подобной преемственности.

Окончательный, смертельный удар власти капитанов и королей был нанесен, когда после долгого, но никчемного царствования скончался сам Уррагон IV. Умирающий король пожелал, чтобы властителем островов стал его внучатый племянник Уррон Грейарон, соленый король Оркмонта, известный как Уррон Красная Рука. Жрецы Утонувшего бога были полны решимости

не позволить в третий раз отнять у них право создавать королей и кинули клич о сборе капитанов и королей на Старом Вике — для проведения вече.

Пришли сотни, в их числе — каменные и соленые короли с семи главных островов, и даже с Одинокого Светоча. Но едва все собрались, Уррон Красная Рука дал волю своим воинам с боевыми секирами, и ребра Нагги покраснели от крови. Тринадцать королей погибло в тот день, и с ними полсотни жрецов и пророков. Это стало концом для народных собраний, и Красная Рука правил как верховный властитель в течение двадцати двух лет, а после того — его потомки. Странствующие праведники более не создавали и не свергали королей, как в прежние времена.

Железные короли

Грейароны были в числе старейших и самых знаменитых великих домов Железных островов. На протяжении тех долгих веков, пока созывались вече, капитаны и короли возлагали корону из плавника, по меньшей мере, на тридцать восемь Грейаронов. Как пишет Хейрег, из этого дома вышло в два раза больше верховных правителей,

чем из любого другого.

Та эпоха завершилась на Старом Вике — бойней, устроенной Урроном Красной Рукой. С тех пор корона Железных островов будет коваться из черного железа и передаваться от отца к сыну по праву первородства. Грейароны не потерпят каких-либо соперников на островах, и более не станет ни соленых, ни каменных королей, а Уррон Красная Рука и его наследники будут величать себя просто королями Железных островов. Титулы правителей Большого Вика, Старого Вика, Пайка, Харлоу и меньших островов умалятся — они станут лордами, а несколько древних родов, отказавшихся преклонить колено, будут полностью истреблены.

Но захват железной короны домом Грейаронов все же не остался неоспоренным. Наряду с вече, после бойни на Старом Вике утратил силу и запрет Гейлона Белого Посоха на войны между железнорожденными. Уррону Красной Руке и его преемникам в следующие столетия пришлось справляться с полудюжиной серьезных восстаний и, по крайней мере, с двумя крупными мятежами невольников. Лорды и короли с материка не замедлили воспользоваться разобщенностью островитян, и один за другим

последние их оплоты в зеленых землях оказались потеряны. Наиболее впечатляющий урон был нанесен правителем Простора, королем Гартом VII Золотой Рукой — он изгнал железнорожденных с Туманных островов и переименовал их в Щитовые. Там Гарт поселил своих лучших моряков и самых свирепых воинов, чтобы защищать устье Мандера.

Появление в Семи Королевствах андалов только ускорило упадок Железных островов, ибо пришельцы, в отличие от Первых людей, были бесстрашными моряками. Их ладьи в быстроте и мореходности вполне могли соперничать с теми, что строили железнорожденные. И как только андалы наводнили Речные земли, Запад и Простор, вдоль побережья стали возникать новые поселения; в каждой бухточке выросли окруженные стенами города и крепкие замки из бревен и камня; знать и царьки принялись за постройку военных кораблей для защиты своих берегов и торговых путей.

Спустя какое-то время андалы, заняв весь Вестерос южнее Перешейка, нагрянули и на Железные острова. Они накатывали волна за волной, чаще всего в союзе с тем или иным лагерем самих железнорожденных. С какими-то старинными

домами островитян андалы породнились, других же искоренили, предав мечу и секире.

Дом Грейаронов оказался среди уничтоженных. Рогнар II, последний Железный король, был свергнут, когда против него объединились Орквуды, Драммы, Хоары и Грейджои, поддерживаемые андальскими вождями с войском из наемников и пиратов.

Но позже победители никак не могли договориться о том, кто станет королем вместо Рогнара, поэтому было решено, что спор уладят с помощью пляски с топориками. Участники этой весьма распространенной у железнорожденных забавы кидают друг в друга метательный топорик и пытаются поймать его в воздухе. Победителем — ценой потери двух пальцев — стал Харрас Хоар, после чего в течение тридцати лет правил Железными островами под именем Харраса Беспалого.

Рассказ о Харрасе, который добился короны, поймав топорик, многие считают не более чем вымыслом сказителя. В действительности, по предположению архимейстера Хейрега, Харраса выбрали, поскольку тот взял в жены андальскую деву, тем самым заручившись поддержкой ее отца и многих других могущественных андальских лордов.

Черная кровь

Согласно сообщениям архимейстера Хейка, короли из дома Хоаров были «черны волосом, черны глазом и черны сердцем». Их противники твердили, будто кровь Хоаров стала черной, поскольку омрачилась «андальской порчей», ибо многие из ранних королей этого дома брали в жены андальских дев. В жилах истинных железнорожденных течет морская вода — так возвещали жрецы Утонувшего бога; Хоары же с их черной кровью были ложными королями, нечестивыми узурпаторами, которых следовало низвергнуть.

За века многие дерзали это совершить, но никто не преуспел — что в подробностях описал Хейрег. Нехватку доблести Хоары с лихвой восполняли хитростью и свирепостью. Мало кто из подданных испытывал к ним любовь, зато многие имели основания опасаться их гнева. Имена королей из Хоаров сами по себе даже через сотни лет свидетельствуют об их нраве: Вульфгар Делатель Вдов, Хорган Убийца Жрецов, Фергон Лютый, Осгар Бездушный, Осгар Демонопоклонник, Крагхорн Красная Улыбка... Жрецы Утонувшего бога

порицали всех.

Но были ли короли из дома Хоаров действительно такими нечестивыми, как уверяли эти праведники? Хейк верит, что да, однако архимейстер Хейрег придерживается совсем иного мнения. Он предполагает, что истинное преступление королей «черной крови» — вовсе не безбожие и демонопоклонство, но как раз терпимость. Ведь именно при Хоарах на Железных островах впервые появилась Святая Вера.

Побуждаемые своими андальскими королевами, Хоары предоставили защиту септам и септонам и дали им позволение ходить по островам и проповедовать Семерых. В годы правления Вульфгара Делателя Вдов на Большом Вике выстроили первую септу. Но когда его правнук Хорган разрешил строительство другой септы на Старом Вике (где в старину проводились вече) — весь остров, подстрекаемый жрецами, поднялся в омытом кровью мятеже. Септу сожгли, септона разорвали на куски, а прихожан утопили в море, чтобы возвратить их к прежней вере. Как утверждает Хейрег, именно в ответ на случившееся Хорган Хоар и начал преследования жрецов.

Также короли дома Хоаров не поощряли налеты и грабежи, и с умалением разбоя появлялось все

больше торговцев. Кроме того, под холмами Большого Вика, Оркмонта, Харлоу и Пайка нашлись богатейшие залежи железной, свинцовой и оловянной руд. Потребность железнорожденных в дереве для строительства кораблей оставалась велика, как никогда, но вот возможности брать его силой больше не было. И вместо того им пришлось обменивать на древесину железо. А когда наступила зима и задули холодные ветра, железная руда стала монетой, которой короли из дома Хоаров расплачивались за ячмень, пшеницу и репу для пропитания своих подданных (а также за говядину и свинину к собственному столу). Слова «платить железную цену» обрели совершенно новый смысл… однако многие железнорожденные считали такой порядок унизительным, и жрецы осуждали его как нечто постыдное.

Времена, когда гордость капитанов оказалась наиболее пострадавшей, а права их — попранными, пришлись на годы власти трех Хармундов, которых на островах чаще всего вспоминают как Хармунда Хозяина, Хармунда Торгаша и Хармунда Красивого. Хармунд Хозяин стал первым королем Железных островов, освоившим грамоту. Он собирал книги в своем замке на Большом Вике, привечал путников и торговцев из дальних

стран и, кроме того, предоставил защиту септонам и септам.

Его сын Хармунд Торгаш разделял отцовскую любовь к чтению и стал известен как великий путешественник. Он был первым королем Железных островов, который посетил зеленые земли без меча в руке. Проведя отрочество воспитанником дома Ланнистеров, второй Хармунд вернулся в Утес Кастерли, будучи уже королем, и взял в жены леди Лелию Ланнистер, дочь короля Утеса и «прекраснейший цветок запада». В следующей поездке Хармунд посетил Хайгарден и Старомест, чтобы договориться с их лордами и королями о развитии торговли.

Хотя Хармунд II принял Семерых как истинных богов, он продолжал почитать и Утонувшего бога, а по возвращении на Большой Вик открыто говорил о «Восьми богах» и постановил, что статую Утонувшего бога следует возвести у дверей каждой септы. Это не понравилось ни септонам, ни жрецам, и было осуждено и теми, и другими. Попытавшись успокоить всех, король отменил свой указ и объявил, что бог един в семи обличьях... но Утонувший бог присутствует среди них в обличье Неведомого.

Сыновья Хармунда были воспитаны в Святой

Вере или, точнее сказать, в том ее своеобразном виде, какой был принят этим королем. После смерти отца на трон взошел старший сын, Хармунд Красивый. Он объявил (как утверждают, под влиянием его матери из дома Ланнистеров, вдовствующей королевы Лелии), что отныне налетчиков будут не почитать, а вешать как обычных грабителей, и открыто назвал соленые свадьбы незаконными, а детей от таких союзов — бастардами без права наследования. Он как раз обдумывал меры по искоренению невольничества на островах, когда жрец, именуемый Сорокопутом, начал проповедовать против него.

Другие жрецы подхватили клич, и лорды островов вняли призыву. За Хармунда стояли только септоны и их прихожане, так что король был низвергнут в течение пары недель — причем почти без кровопролития. Однако вслед за тем начались события далеко не бескровные. Сорокопут собственноручно вырвал язык плененного короля, чтобы тот впредь никогда не смог произносить «богохульства и ложь». Хармунда еще и ослепили, а нос его отрезали, «дабы все люди могли разглядеть чудовище, каковым он является».

Взамен лорды и жрецы короновали Хагона, его младшего брата. Новый король осудил Святую

Веру, отменил указы Хармунда, а также изгнал септонов и септ из своих владений. Через две недели все септы на Железных островах были преданы огню.

Король Хагон, которого вскоре все будут звать Хагоном Бессердечным, даже позволил изувечить собственную мать, королеву Лелию. Сорокопут обвинил «Ланнистерскую шлюху» в том, что она отвратила своего мужа и сыновей от истинного бога. Ей вырезали губы, уши и веки, вырвали раскаленными щипцами язык, после чего посадили на ладью и возвратили в Ланниспорт. Племянник королевы, король Утеса, был столь возмущен этим зверством, что созвал знамена.

И разгоревшаяся война оставила после себя десять тысяч мертвецов, три четверти которых были из числа железнорожденных. На седьмой год люди Запада высадились на Большой Вик, разбили в бою войско Хагона и захватили его замок. Самому Бессердечному нанесли такие же увечья, какие ранее пришлись на долю его матери, а затем повесили. Сир Обри Крейкхолл, командующий армией Ланнистеров, приказал стереть замок Хоаров с лица земли. Но прежде его люди занялись грабежом — и обнаружили в темнице Хармунда Красивого. Хейрег отмечает,

что Крейкхолл подумывал о восстановлении Хармунда на престоле, но бывший король был слеп, сломлен и наполовину лишился рассудка от длительного заточения. Тогда сир Обри наделил его «даром смерти», поднеся Хармунду чашу вина с маковым молоком. А затем, в порыве глупой самонадеянности, рыцарь сам решил претендовать на трон Железных островов.

Это не обрадовало ни железнорожденных, ни Ланнистеров. Когда весть достигла Утеса Кастерли, король отозвал домой свои военные корабли, предоставив Крейкхоллу самому заботиться о себе. И «король Обри» увидел, как его власть, не поддерживаемая силой и богатством дома Ланнистеров, живо сходит на нет. Менее полугода продлилось его правление, после чего он был пленен и отдан в жертву морю лично Сорокопутом.

Столкновения между островитянами и людьми Запада продолжались еще в течение пяти лет, и война эта, закончившись в итоге вымученным миром, оставила острова сожженными, а железнорожденных — сломленными и обнищавшими. Как раз подступившая зима была долгой и суровой, и вспоминается на архипелаге как Голодная зима. Хейк сообщает, что в ту пору голод унес втрое больше жизней, чем предшествующие

сражения.

Миновали века, прежде чем Железные острова воспряли, долго и медленно возвращая прежние силу и процветание. Нет нужды останавливаться на королях, правивших в те мрачные годы — по большей части те были игрушками в руках лордов или жрецов. И лишь изредка встречались правители, походившие на разбойников Века Героев и терзавшие Север по примеру Харрага Хоара или его сына Равоса Насильника из времен отмеченного кровью царствования Голодного Волка.

И разбой, и торговля помогли как исцелить гордость островитян, так и вернуть им прежнюю доблесть. Пусть в наши дни в иных землях и строят более крупные и грозные военные корабли — но нигде в мире нет более отважных моряков. Купцы и торговцы отплывают из Лордпорта на Пайке и из гаваней Большого Вика, Харлоу и Оркмонта, бороздят моря, заходя в Ланниспорт, Старомест и Вольные города, и возвращаются с сокровищами, о которых их предки даже никогда не мечтали.

Итак, «морские волки» возобновили свои налеты... но больше не охотились вблизи от дома, ибо короли с зеленых земель стали слишком

могущественными, чтобы можно было их дразнить. Вместо этого разбойники искали добычу в дальних морях, на островах Василиска, на Ступенях и вдоль берегов Спорных земель. Некоторые из них искали службы наемников и сражались за тот или иной Вольный город в бесконечных торговых войнах.

Одним из таковых был Харвин Хоар, третий сын Куорвина Коварного. Куорвин, хитроумный и скупой король, в течение всего царствования копил богатства и избегал войн. «Войны мешают торговле», — приговаривал он, не боясь позора среди своих, и тут же удваивал или утраивал свой флот, а кузнецам отдавал приказы ковать больше брони, мечей и секир. И при этом заявлял: «Слабость поощряет нападение, и мы должны быть сильными ради сохранения мира».

Его сын Харвин мира не искал и вовсю пользовался оружием и доспехами, ковавшимися велением его отца. Этот воинственный юноша, бывший третьим в очереди наследования, еще в раннем возрасте был отправлен в море — в чем сходятся все свидетельства. Харвин Хоар поучаствовал в нескольких пиратских вылазках на Ступенях; посетил Волантис, Тирош и Браавос; стал мужчиной в садах наслаждений Лиса; в тече-

ние двух лет был пленником короля пиратов на островах Василиска; продал свой меч в вольный отряд и сражался вместе с Младшими Сыновьями в нескольких битвах на Спорных землях.

Вернувшись на Железные острова, он нашел своего отца Куорвина при смерти. А двумя годами ранее от серой хвори скончался его старший брат. Внезапная же смерть второго сына Куорвина в те дни, когда сам король был на последнем издыхании, остается поводом для споров и поныне — поскольку тот стоял между Харвином и короной. Свидетели гибели принца Харлана уверяли в случайности этой смерти, бывшей следствием всего лишь падения с лошади, но, конечно же, иное суждение стоило бы им жизни. По большей части за пределами Железных островов считали: кончине Харлана поспособствовал именно Харвин. Одни уверяли, будто он совершил убийство сам, другие — что нанял Безликого из Браавоса.

Король Куорвин угас через шесть дней после наследного принца, оставив преемником третьего сына. Вскоре тот кровью вписал свое имя — Харвин Твердая Рука — в историю Семи Королевств.

Когда новый король посетил верфи отца, то заявил, что «ладьи строят, дабы на них плавать»,

а когда осмотрел королевские склады оружия — что «мечи куют, дабы обагрять их кровью». Куорвин часто говорил, что слабость поощряет нападение, и его сын, вглядываясь в Речные земли из залива Железных людей, видел как раз слабость и смуту. Лорды Трезубца неустанно роптали под пятой Штормового короля, Аррека Дюррандона, сидящего в далеком Штормовом Пределе.

Харвин собрал войско и на сотне отцовских ладей пересек с ним залив. Севернее[67] Сигарда они беспрепятственно высадились на берег, перетащили по суше свои корабли до Синего Зубца, после чего понесли огонь и сталь вниз по течению реки. Хотя часть речных лордов и ополчилась против Харвина, большинство из них этого делать не стали — к сюзерену в Штормовых землях они не питали особой любви и еще меньше выражали преданности. В те дни считалось, что железнорожденные неистово сражаются на море, однако на суше их легко можно обратить в бегство. Тем не менее, закаленный в Спорных землях Харвин Хоар не был похож на других островитян. Разгромив всех противников, он доказал, что и на суше является столь же свирепым врагом. После того, как он нанес сокрушительное

поражение Блэквудам, многие лорды Трезубца присягнули на верность Хоарам.

Со Штормовым королем, молодым Арреком Дюррандоном, Харвин встретился близ Доброй Ярмарки. Войско Аррека по численности в полтора раза превосходило силы железных и речных лордов... но оказавшиеся вдали от дома, измотанные и плохо управляемые уроженцы Штормовых земель не устояли перед людьми Хоара и были разбиты наголову. Король Аррек потерял в тот день двух братьев и половину своих людей, хотя ему и посчастливилось спасти собственную жизнь. И едва он бежал на юг, народ Речных земель восстал, и гарнизоны Дюррандона были изгнаны или перебиты. Обширные, плодородные Речные земли со всем своим изобилием перешли от Штормового Предела к железнорожденным.

Одним смелым ударом Харвин Твердая Рука вдесятеро увеличил свои владения, и Железные острова вновь стали силой, с которой следует считаться. Лорды Трезубца, присоединившиеся к островитянам в надежде освободиться от Дюррандонов, вскоре познали, что их новые повелители гораздо жестче и требовательнее старых. Харвин железной рукой будет править завоеванными областями до самой смерти и проведет больше

времени на Трезубце, чем на островах — во главе хищной армии неустанно пересекая Речные земли из конца в конец, вынюхивая любой намек на восстание и собирая налоги, дань и соленых жен. Как о нем говорили люди, «его дворцом был шатер, его троном — седло».

Твердая Рука умер в возрасте шестидесяти четырех лет, и корону унаследовал его сын Халлек — человек той же породы. За все годы своего правления король посетил Железные острова лишь трижды и пробыл там меньше двух лет, что говорит о многом. Хоть он и называл себя железнорожденным, всегда держал около себя трех жрецов и приносил жертвы Утонувшему богу, в крови Халлека Хоара было больше речной воды, нежели морской. Казалось, острова представлялись ему лишь источником оружия, кораблей и людей для войска. Его царствование, еще более омытое кровью, чем отцовское, было отнюдь не столь же успешным — оно отмечено неудачными войнами против Западных и Штормовых земель, а также по меньшей мере тремя безуспешными попытками завоевать Долину (все они завершились разгромом у Кровавых Ворот).

Королю Халлеку, как и его предшественнику, пришлось править по большей части из походно-

го шатра военного лагеря. Когда же войн не было, он повелевал своими обширными владениями из скромной крепости в самом сердце Речных земель — в Доброй Ярмарке, неподалеку от которой его отец одержал величайшую победу.

Харрен Черный, сын Халлека, возжелает лучшего стольного замка и потратит многие годы на его постройку. Но рассказ о возведении Харренхолла и о его владельце уже приводился в другом месте.

Сам же замок был уничтожен драконьим пламенем. Огонь положил конец не только мечтам короля Харрена, но и господству железнорожденных в Речных землях, а также самому «черному дому» Хоаров.

Грейджои с Пайка

Со смертью Харрена Черного и его сыновей на оставшихся без властителя Железных островах воцарилась смута.

В Речных землях королю Харрену служили многие знатные лорды и славные воины. Одни погибли вместе с ним в пожаре Харренхолла, другие — после того, как Речные земли восстали против владычества железнорожденных. Живы-

ми до побережья удалось добраться немногим островитянам, и еще меньше оказалось тех, кто нашел среди ожидающих их кораблей несожженные и смог вернуться домой.

После событий в Харренхолле Эйгон Таргариен и его сестры обращали мало внимания на Железные острова. Нашлись более насущные дела — со всех сторон наседали могущественные враги, которых следовало сокрушить. И железнорожденные, предоставленные сами себе, сразу впали в междоусобицу.

Первым потребовавшим себе корону стал Куорен Волмарк, один из мелких лордов острова Харлоу. Его бабушка была младшей сестрой Харвина Твердой Руки, и на этом основании Волмарк провозгласил себя законным наследником «черного дома».

Под костями Нагги на Старом Вике собрались четыре десятка жрецов — возложить корону из плавника на одного из своих, босоногого праведника по имени Лодос. Он утверждал, что является живым сыном Утонувшего бога.

Вскоре на Большом Вике, Пайке и Оркмонте появились и другие претенденты. Больше года их сторонники сражались друг с другом на суше и на море. Противостояние закончилось во 2 году

от З.Э. после того, как Эйгон Завоеватель на Балерионе прибыл на Большой Вик в сопровождении могучего военного флота. Железнорожденные сдались, а Куорена Волмарка Эйгон собственноручно зарубил Черным Пламенем — своим валирийским клинком. На Старом Вике жрец-король Лодос воззвал к Утонувшему богу, моля о том, чтобы кракены из бездны морской утащили на дно корабли Эйгона. Когда чудовища так и не явились, Лодос набил свои одежды камнями и вошел в море — «посоветоваться с отцом». За ним последовали тысячи верующих, и даже годы спустя волны выбрасывали на берега островов их раздувшиеся трупы, хотя тела жреца среди них так и не нашли. Оставшиеся в живых соперники с Большого Вика и Пайка (король Оркмонта был убит годом ранее) поспешили преклонить колено и присягнуть дому Таргариенов.

Но кто же будет править островами? Еще на материке одни склоняли Завоевателя к тому, чтобы сделать железнорожденных вассалами лорда Талли из Риверрана (того король назвал Верховным лордом Трезубца). Другие предлагали отдать острова Утесу Кастерли. Кое-кто и вовсе пошел на крайность, заклиная Эйгона очистить острова драконьим пламенем, чтобы навсегда

забыть о «железном биче».

Король решил иначе. Эйгон собрал всех оставшихся лордов Железных островов и сообщил им, что дозволяет самим выбрать себе верховного властителя. Лорды избрали одного из своих, и их выбор никого не вверг в изумление: прославленный капитан Викон Грейджой, Лорд-Жнец Пайка, вел свой род от Серого короля. Хотя Пайк, владение Грейджоев, был меньше и беднее Большого Вика, Харлоу и Оркмонта, их род мог похвалиться древней и впечатляющей родословной — на вече былых времен только из домов Грейаронов и Гудбразеров было избрано больше королей. Но дома Грейаронов уже давно не существовало.

Измученные годами войны и доведенные до нищеты, железные люди приняли нового сюзерена без возражений.

Чтобы оправиться от ран, нанесенных падением Харрена и последовавшей за этим братоубийственной войны, Железным островам потребовалось почти целое поколение. Викон Грейджой на Морском троне Пайка выказал себя суровым, но осторожным правителем. Хотя он и не стал запрещать разбои, однако же «морским волкам» было велено, чтобы не гневить Железный трон, ограничиться чужими водами, далеко

за пределами Вестероса. А раз уж Эйгон принял Семерых и был помазан верховным септоном в Староместе, лорд Викон позволил септонам вновь вернуться на острова и проповедовать Святую Веру.

Из-за этого, как всегда случалось и прежде в подобных случаях, возмутились многие набожные островитяне, а жрецы Утонувшего бога пришли в ярость. «Да пусть себе проповедуют, — обронил лорд Викон, когда ему сообщили о недовольстве. — Чтобы наполнять паруса, нужен ветер», после чего вновь напомнил своему сыну Горену, что является человеком Эйгона, а против Завоевателя и его драконов осмелится восстать лишь глупец.

Эти слова Горен Грейджой не забывал. Он стал правителем Железных островов в 33 году от З.Э., после смерти лорда Викона, и незамедлительно подавил неудачный мятеж, имевший целью восстановление «черного дома» — заговорщики хотели короновать сына Куорена Волмарка. Четыре года спустя Горен столкнулся и с более серьезным испытанием. На Драконьем Камне от удара скончался Эйгон Завоеватель, после чего был коронован его сын Эйнис, а этого принца, любезного и воспитанного, считали слабаком, не годящимся для Железного трона. Новый король

еще только вникал в обязанности правителя, как по всему королевству стали вспыхивать мятежи.

Подобное восстание всколыхнуло и Железные острова. Возглавил его человек, утверждавший, что он якобы жрец-король Лодос, наконец-то вернувшийся из морской пучины после встречи с отцом. Однако Горен Грейджой действовал решительно и попросту отправил засоленную голову самозванца Эйнису Таргариену. Король так обрадовался подарку, что пообещал лорду Горену любую милость, которую корона в силах оказать. И Грейджой, чья хитрость могла сравниться лишь с его свирепостью, попросил дозволения удалить с островов септонов Святой Веры. Эйнис был вынужден ответить согласием. Целое столетие пройдет, прежде чем на архипелаге откроется новая септа.

В течение долгих лет после случившегося лорды дома Грейджоев, один за другим, правили железнорожденными безо всяких тревог. Отказавшись от мыслей о дальнейших завоеваниях, островитяне жили ловлей рыбы, торговлей и добычей железной руды. Весь обширный Вестерос лежал между Королевской Гаванью и Пайком, и железных людей мало занимали дела монаршего двора. Жизнь на островах оставалась нелегкой,

особенно зимой, но так было всегда. Также слегка будоражили мечты о возвращении Старого Закона, когда железнорожденных страшился весь Вестерос, однако Ступени и Летнее море были далеко, а Грейджои на Морском троне не позволяли разбойничать поблизости от дома.

Красный Кракен

Мечты эти так и не умерли, однако кракен проснулся вновь лишь спустя почти столетие. Жрецы, стоя по колено в соленой морской воде, по-прежнему проповедовали Старый Закон, а в сотне прибрежных притонов и моряцких таверн старики продолжали рассказывать байки о давно минувших днях — когда железнорожденные были богаты и горделивы, а каждому гребцу по ночам грели постель по дюжине соленых жен. Многие парнишки и юнцы пьянели от таких историй и жаждали славы разбойничьей жизни.

Это случилось и с необузданным молодым Дальтоном Грейджоем, сыном наследника[68] Пайка и Железных островов. «Любил он лишь три вещи: море, женщин и собственный меч», — пишет о нем Хейк. Бесстрашный ребенок, упрямый и вспыльчивый, он, как рассказывают, стал

гребцом в пять лет, а разбойником — в десять, отправившись вместе со своим дядей громить пиратские гнезда на Василисковых островах.

К четырнадцати годам Грейджой добрался уже до Старого Гиса, побывал в дюжине сражений и взял четырех соленых жен. Он был любим своими людьми (чего не скажешь о его женах, которые ему быстро надоедали). Для самого же Дальтона единственной любовью стал валирийский клинок, снятый им с мертвого корсара и получивший имя Сумрак. На пятнадцатом году, будучи наемником на Ступенях, он стал свидетелем гибели своего дяди и отомстил за эту смерть — хотя и получил дюжину ран в бою, выйдя из него залитым кровью с головы до пят. С того дня его стали звать Красным Кракеном.

Позднее в том же году на Ступени пришла весть о смерти отца Дальтона, и Красный Кракен занял Морской трон как лорд Железных островов. Он сразу же принялся за строительство кораблей, ковку мечей и обучение воинов. Когда его спросили о причине, молодой лорд ответил: «Буря близко».

Предвиденная им буря налетела в следующем году — в Красном замке Королевской Гавани скончался во сне король Визерис I Таргариен. На

Железный трон одновременно заявили свои права дочь короля Рейнира и ее единокровный брат Эйгон, и Вестерос захлестнул разгул кровопролития, побоищ, насилий и убийств, известный нам как Танец Драконов. Когда на Пайк пришли эти новости, Красный Кракен, как говорят, громко расхохотался.

На протяжении всей войны Рейнира и верные ей «черные» пользовались значительным преимуществом на море, поскольку среди сподвижников принцессы был Корлис Веларион, лорд Приливов, легендарный Морской Змей, в чьем распоряжении находился флот дома Веларионов из Дрифтмарка. Надеясь обойти это преимущество, «зеленый» совет короля Эйгона II обратился на Пайк, предлагая лорду Дальтону место лорда-адмирала[69] в Малом совете, если он отправит свои ладьи в плаванье вокруг Вестероса для сражений с Морским Змеем. Большинство молодых людей согласилось бы на столь заманчивое предложение, но для своего юного возраста лорд Дальтон был на редкость прозорлив. Он предпочел подождать и посмотреть, что сможет ему предложить принцесса Рейнира.

Ее послание пришлось Кракену по душе гораздо больше. Черные не вынуждали Дальтона вести

флот вокруг Вестероса и давать бой в Узком море — в лучшем случае, рискованное предприятие. Рейнира просила лишь сразиться с ее врагами. В число таковых входили и Ланнистеры с Утеса Кастерли, чьи земли были вполне досягаемы для островитян и легко уязвимы. Лорд Джейсон Ланнистер выступил в поход на союзников Рейниры в Речных землях и увел с собой на восток большинство своих рыцарей, лучников и опытных бойцов, тем самым оставив Запад слабозащищенным. Лорд Дальтон углядел здесь возможности для себя.

Пока войско лорда Джейсона, погибшего в Речных землях, отдавали под команду самым разным людям и кидали из битвы в битву, Красный Кракен и его железнорожденные набросились на западные земли, как волки на стадо овец. Сам Утес Кастерли все же оказался им не по зубам, поскольку Джоханна Ланнистер, вдова лорда Джейсона, заперла ворота замка. Но железные люди сожгли флот Запада и разграбили Ланниспорт, вывезя огромное количество золота, зерна и ходовых товаров, а также захватив в соленые жены сотни женщин и девочек, в числе прочих — последнюю возлюбленную покойного лорда Джейсона вкупе с их дочерьми.

После Ланниспорта последовали новые налеты и новые грабежи — ладьи разбойников, как в былые века, начали сновать вдоль западных берегов. Сам Красный Кракен возглавил нападение на Кайс. Пал и замок на Светлом острове, а вместе с ним железнорожденным достались все здешние богатства. Дальтон взял в соленые жены четырех дочерей лорда Фармана, а пятую — «неказистую» — отдал своему брату Верону.

Красный Кракен, подобно своим предкам в старину, правил Закатным морем почти два года — пока по всему Вестеросу шли в сражения великие армии, а в небесах кружились драконы, сходясь в кровопролитных схватках.

Все войны когда-нибудь заканчиваются, завершился и Танец Драконов. Не стало принцессы Рейниры, а позже — и короля Эйгона II. К тому времени уже были мертвы и драконы Таргариенов (большая часть), наравне с дюжинами великих и малых лордов, сотнями доблестных рыцарей и десятками тысяч простых людей. Оставшиеся в живых черные и зеленые пришли к согласию. Юный сын Рейниры женился на дочери Эйгона II, Джейхейре, и был коронован под именем Эйгона III.

Однако мир в Королевской Гавани не означал

мира на западе — Красный Кракен не потерял вкус к битвам. Он по-прежнему продолжал разбойничать, хотя совет регентов, правящих от имени мальчика-короля, приказал Дальтону прекратить налеты.

В конце концов, причиной гибели Красного Кракена стала женщина. Девица, о которой нам ведомо только ее имя — Тесс, перерезала Дальтону горло его же кинжалом, пока тот спал в покоях лорда Фармана в Светлом замке, а затем бросилась в море.

Красный Кракен так и не взял себе каменной жены, и его ближайшими наследниками оказались соленые сыновья — мальчики, прижитые им от разных женщин, приходившихся лорду солеными женами. Кровопролитная борьба за право наследования вспыхнула в считанные часы после смерти Дальтона. Но еще до того, как начались сражения на Пайке и Старом Вике, простолюдины Светлого острова восстали и перебили остававшихся там железнорожденных.

В 134 году от З.Э. леди Джоханна Ланнистер отомстила за весь ущерб, что нанес ей и Западу Красный Кракен. Хотя флот Утеса был уничтожен, она уговорила сира Лео Костейна, престарелого лорда-адмирала Простора, доставить на Желез-

ные острова ее мечников. Увлеченные борьбой за корону, железнорожденные были застигнуты врасплох. Тысячи мужчин, женщин и детей были преданы мечу, а десятки деревень и сотни ладей — огню. В итоге солидную часть войска Костейна рассеяли и уничтожили, к тому же сам сир Лео погиб в бою, однако большинство посланных кораблей (нагруженных трофеями, в числе прочего — многими тоннами зерна и соленой рыбы) вернулось в Ланниспорт... и среди знатных пленников, привезенных в Утес Кастерли, был один из соленых сыновей Красного Кракена. Леди Джоханна приказала оскопить мальчика и сделать шутом в свите ее сына. «Дураком он был изрядным, — отмечает архимейстер Хейрег, — но и вполовину не таким глупым, как его отец».

Правителей, которые навлекли подобную судьбу на свои земли и свой народ, справедливо бы порицали в других краях... но природа железнорожденных такова, что Красный Кракен и по сей день почитается на островах как один из величайших героев.

Старый и Новый законы

Лорды-Жнецы из дома Грейджоев до сих пор правят Железными островами с Морского трона Пайка. После Красного Кракена ни один из них не становился серьезной угрозой для Железного трона или Семи Королевств, однако же лишь немногих можно назвать действительно верными и преданными слугами короны. В старину Грейджои были королями, и память о короне из плавника осталась живой даже по прошествии тысячи лет.

Полную хронику их правления можно найти в «Истории железнорожденных» архимейстера Хейрега. Там же вы прочитаете о Дагоне Грейджое, Последнем Разорителе, чьи ладьи опустошали западное побережье, когда на Железном троне восседал Эйрис I Таргариен. О Блаженном Альтоне Грейджое, возжелавшем найти и покорить новые земли за Одиноким Светочем. О Торвине Грейджое, который связал себя клятвой крови со Жгучим Клинком, но выдал своего побратима врагам. О Лороне Грейджое, прозванным Бардом, и о его великой и трагической дружбе с молодым Десмондом Маллистером, рыцарем с

зеленых земель.

Ближе к концу великого труда Хейрега вы узнаете о лорде Квеллоне Грейджое, мудрейшем из людей, занимавших Морской трон со дней Завоевания Эйгона. Огромный муж, шести с половиной футов росту, он, по рассказам, был силен подобно быку и проворен подобно кошке. В молодости Квеллон снискал славу воина, сражаясь в Летнем море с корсарами и работорговцами. Верный слуга Железного трона, в годы войны Девятигрошовых королей он привел сотню ладей и тем самым сыграл решающую роль в сражениях у Ступеней.

Но у себя на островах Квеллон предпочел войне мир. Он запретил разбой (разве что с его дозволения), а также привез на Железные острова множество мейстеров — лечить хворых и наставлять юных. Вместе с мейстерами появились и вороны, чьи черные крылья связали архипелаг с зелеными землями крепче, чем когда-либо прежде[70].

Лорд Квеллон поставил вне закона невольничество (в чем не вполне преуспел), а находившимся на островах невольникам дал свободу. Сам не беря соленых жен, он дал позволение брать их остальным, обложив, однако, эту привилегию

большим налогом. От трех своих каменных жен Квеллон Грейджой породил девять сыновей. И первую, и вторую супругу с ним соединил по старым обрядам жрец Утонувшего бога. Но вот последняя его избранница, леди Пайпер из Розовой Девы, была родом с зеленых земель, и сочетал их браком септон в замке ее отца.

В этом случае, как и много раз прежде, лорд Квеллон отступил от древних обычаев железнорожденных — в надежде укрепить связи между собственными владениями и остальными Семью Королевствами. Квеллон Грейджой был суровым правителем, и мало кто решался открыто выступать против него, ибо он был известен как человек волевой, упрямый и грозный в гневе.

Лорд Квеллон все еще занимал Морской трон, когда Роберт Баратеон, Эддард Старк и Джон Аррен созвали знамена и подняли восстание. Годы лишь усугубили осторожность его светлости, и он решил не принимать участия в войне, поскольку та бушевала лишь на зеленых землях. Однако сыновей Грейджоя обуяла жажда наживы и славы, а собственные здоровье и силы лорда все слабели. С некоторого времени его стали беспокоить желудочные боли, столь мучительные, что каждый вечер перед сном приходилось

принимать маковое молоко. Несмотря ни на что, он сопротивлялся всем уговорам до тех пор, пока ворон не принес на Пайк весть о гибели принца Рейгара на Трезубце. Эта новость объединила троих старших отпрысков Квеллона: Таргариены пали, сказали они отцу, и дом Грейджоев должен как можно скорее присоединиться к восстанию, или всякая надежда разделить трофеи победы будет потеряна.

Лорд Квеллон уступил. Было решено, что железнорожденные нападут на ближайших приверженцев Таргариенов и тем самым покажут мятежникам свою преданность. Невзирая на возраст и растущую немощь, его светлость настоял, что лично будет командовать флотом. Корабли собрались на Пайке, после чего пятьдесят ладей ушли к Простору. Но по большей части флот островитян остался дома — для защиты от возможной атаки Ланнистеров, ибо тогда еще не было понятно, выступит ли Утес Кастерли на стороне мятежников или короны.

Нет нужды подробно описывать последний поход Квеллона Грейджоя. Будучи явно запоздалым решением, это печальное и омытое кровью предприятие никак не повлияло на исход восстания Роберта Баратеона. Железнорожденные

потопили сколько-то рыбацких судов и пленили сколько-то богатых торговцев, сожгли какие-то села и разграбили какие-то малые городки... причем в устье Мандера им неожиданно дали отпор воины со Щитовых островов, которые вступили в бой, устроив вылазку на собственных ладьях. В сражении было захвачено или потоплено с дюжину кораблей, и, хотя железнорожденные нанесли своим противникам гораздо больший урон, среди погибших оказался лорд Квеллон Грейджой.

К тому времени война уже почти завершилась. Наследник его светлости Бейлон Грейджой предусмотрительно решил вернуться в родные воды и занять Морской трон.

Бейлон, новый лорд Железных островов, был ребенком от второго брака Квеллона Грейджоя, старшим из выживших детей (все сыновья от первой жены умерли в отрочестве). Он походил на отца во многом: в тринадцать уже управлялся с веслами и плясал с топориками, в пятнадцать — целое лето разбойничал на Ступенях, а в семнадцать — стал капитаном собственного корабля. Пусть Бейлону и не достались отцовские сила и телосложение, он в полной мере унаследовал ловкость Квеллона и его умение обращаться с

оружием. И никто не мог усомниться в мужестве молодого лорда Пайка.

С самого детства лорд Бейлон пылал горячим желанием освободить железнорожденных от ярма Железного трона и вернуть им прежние гордость и силу. Заняв Морской трон, он отменил многие указы своего отца: упразднил налоги на соленых жен, а также объявил, что захваченных в плен на войне можно держать как невольников. Хотя он и не стал изгонять с островов септонов, но десятикратно увеличил налог на их содержание. Мейстеров же он оставил — те показали себя достаточно полезными. Предав мейстера с Пайка смерти по причинам, которые остаются несколько неясными, лорд Бейлон сразу же запросил из Цитадели другого.

Лорд Квеллон большую часть своего долгого правления старался избежать войны — лорд же Бейлон незамедлительно начал готовиться к ней. Он жаждал короны, и только для себя, гораздо больше, чем золота или славы. Эта мечта, казалось, преследовала дом Грейджоев всю их долгую историю, зачастую оборачиваясь для них лишь поражением, отчаянием и гибелью, как это случилось и с Бейлоном. Готовился он пять лет. Собирал под своим началом войско и ладьи,

строил огромный флот из массивных военных кораблей с прочными корпусами и железными таранами, чьи палубы ощетинивались скорпионами и огнеметательными устройствами. Корабли нового Железного флота представляли собой скорее галеры, а не ладьи, и были крупнее любых, ранее строившихся на островах.

Свой удар трону лорд Бейлон нанес в 289 году от З.Э. Он объявил себя королем Железных островов и отправил собственных братьев, Эурона и Виктариона, в Ланниспорт для сожжения флота Ланнистеров. «Море будет моим рвом, — заявил он, когда корабли лорда Тайвина объяло пламя, — и горе любому, кто посмеет пересечь его».

Посмел король Роберт Баратеон, первый этого имени, покрывший себя на Трезубце вечной славой. Скорый на ответ, молодой властитель созвал знамена и послал вокруг Дорна королевский флот под управлением своего брата Станниса, лорда Драконьего Камня. По дороге к нему присоединились военные корабли из Староместа, Арбора и Простора. Бейлон выслал навстречу Железный флот, ведомый Виктарионом Грейджоем, но лорд Станнис заманил его в западню в проливе у Светлого острова и разбил наголову.

«Ров» Бейлона более не был защищен, и ко-

роль Роберт с войском, выступив из Сигарда и Ланниспорта, без труда пересек залив Железных людей. Вместе с Хранителями Запада и Севера он высадился на Пайке, Большом Вике, Харлоу и Оркмонте, после чего прошелся по островам огнем и сталью. Бейлон был вынужден отступить и укрыться в своей крепости на Пайке. И после того, как в стене замка пробили брешь, через которую Роберт послал рыцарей на штурм, всякое сопротивление было подавлено.

Возрожденное королевство Железных островов просуществовало менее года. Но и представ в цепях перед его милостью, Бейлон Грейджой остался непокорным. «Вы можете снять мою голову, — заявил он королю, — но не сможете назвать меня изменником. Ни один Грейджой никогда не присягал Баратеону». Утверждают, что этим он рассмешил Роберта, всегда милостивого и любившего сильных духом людей, будь они даже его врагами. «Присягни сейчас, — ответил он, — или расстанешься со своей упрямой головой». Так Бейлон Грейджой преклонил колено и сохранил жизнь, после чего отдал в заложники своего последнего уцелевшего сына.

Железные острова и сейчас борются за выживание, как это делали всегда. Со времен Красного

Кракена и вплоть до наших дней, история железнорожденных — это история людей, потерявшихся между воспоминаниями о былой славе и скудостью настоящего. Острова, отделенные от Вестероса сизыми волнами, так и остаются «царством в себе». Как любят говорить островитяне, море всегда движется и всегда меняется, но всегда остается морем — вечным, безграничным, переменчивым... и неизменным. То же относится и к железнорожденным — людям моря.

Архимейстер Хейрег пишет: «Вы можете одеть человека с островов в бархат и шелка, обучить его чтению и письму, дать ему книги, наставить в рыцарстве и вежливости, приобщить к таинствам Святой Веры... Но загляните ему в глаза, и море все еще будет там — холодное, серое и жестокое».

Пайк

Хотя и не самый большой, и не самый величественный, Пайк вполне может быть самым старым замком на Железных островах, и именно отсюда железнорожденными правили лорды дома Грейджоев. Издавна они уверяют, будто замок дал название всему острову; простолюдины же

настаивают, что как раз наоборот.

Пайк столь древен, что никто не может с уверенностью сказать ни о днях его возведения, ни об имени лорда, построившего крепость. Его происхождение окутано тайной — как и у Морского трона.

Когда-то, много веков назад, Пайк не отличался от других замков. Его стены, башни и укрепления стояли на выдающемся в море сплошном каменном утесе. Но на поверку утес все же оказался не столь прочным и под бесконечным натиском волн начал разрушаться. Скальная порода просела, и стены обвалились, тем самым лишив Пайк внешних строений.

На сегодняшний день замок — это возвышающаяся над кипящими волнами совокупность башен и укреплений, разбросанных по полудюжине островков и морских скал. От первоначальной постройки осталась лишь часть наружной стены, с главными воротами и сторожевыми башнями. Она тянется через мыс — единственный подступ к замку, а с мыса на первый и крупнейший из островков в Большую башню Пайка ведет каменный мост.

Помимо этого, башни соединяются друг с другом канатными мостами. Грейджои часто

говорят, что любой, кто сможет ходить по ним при завывающей буре, с легкостью управится и с веслами. Днем и ночью волны продолжают биться о каменную кладку уцелевших замковых стен, и, несомненно, однажды рухнут в море и они.

Западные земли

Западные земли — это край иззубренных холмов и плоскогорий, туманных долин и скалистых берегов; край голубых озер и сверкающих рек, плодородных полей и широколиственных лесов, кишащих всевозможной дичью. Здесь на склонах лесистых холмов скрываются едва заметные проходы в лабиринты пещер — петляя во тьме, они ведут под землю, где таятся невообразимые чудеса и бесценные сокровища.

Земля здесь плодородна, а климат — мягкий. Этот богатый край защищен с востока и юга высокими холмами, а с запада — безбрежными синими водами Закатного моря. Некогда в здешних чащобах обитали Дети Леса, а среди холмов жили великаны (в тех местах их кости изредка находят и в наше время). Но позднее явились Первые люди с огнем и бронзовыми секирами. Пришельцы вырубили дубравы, распахали поля, а через страну холмов и великанов проложили дороги. Вскоре по всему западу, «от соли до камня», под защитой надежных укреплений из бревен и земли, а позже и мощных каменных

замков стали множиться деревни и фермы Первых людей — пока великаны не исчезли вовсе, а Дети Леса не скрылись в глухих чащах, полых холмах или далеко на Севере.

В золотую эпоху Первых людей уходят корнями родословные многих великих домов (среди таковых Хоторны, Футы, Брумы и Пламмы). Боевые ладьи дома Фарманов со Светлого острова помогали защищать западное побережье от набегов железнорожденных. Гринфилды возвели просторный бревенчатый замок Бауэр (теперь он зовется просто Гринфилдом), сложив его целиком из стволов чардрев. Рейны из Кастамере устроили свое родовое гнездо в недрах земли, создав обширную сеть шахт, пещер и туннелей, а Вестерлинги выстроили свою крепость, Скалу, на утесе над волнами. Другие дома ведут свой род от знаменитых героев, легенды о которых рассказывают и по сей день: Крейкхоллы — от Крейка Убийцы Вепрей, Бейнфорты — от Человека в Капюшоне, Йю — от Алана из Дуба, прозванного Слепым лучником, Морленды — от Пейта Пахаря.

Каждое из этих семейств обрело могущество, а некоторые со временем стали называть себя лордами и даже королями. И все же величайшими из властителей Запада, несомненно, были Кастерли

из Утеса, которые обосновались в исполинской скале, вздымающейся над Закатным морем. Согласно преданиям, первым лордом Кастерли стал охотник по имени Корлос, сын Кастера, живший в селеньице неподалеку от того места, где сегодня расположен Ланниспорт. Случилось так, что деревенских овец повадился таскать лев, и Корлос смог выследить зверя вплоть до его логова, занимавшего пещеру в основании Утеса. Вооруженный одним лишь копьем, охотник убил льва и его львицу, но пощадил ее новорожденных детенышей. Своим милосердием он угодил Старым богам настолько (произошло это задолго до того, как Семеро пришли в Вестерос), что недра пещеры внезапно озарил луч солнечного света, ниспосланный ими, и в камне стен Корлос узрел мерцание желтого золота, и жила та была толщиной с мужской торс.

Частиц истины в этой легенде не разглядеть за туманом веков, но нет причин сомневаться, что Корлос или какой-то другой прародитель дома Кастерли нашел в Утесе золото и вскоре заложил там рудник. Чтобы защитить свое сокровище от возможных грабителей, он поселился в самой пещере и укрепил вход в нее. Шли годы и столетия, и его потомки, выискивая золото, все больше

и больше углублялись в недра земли. При этом в скале вырубались залы, галереи, лестницы и туннели, и гигантский утес превращался в могучую твердыню, затмившую все прочие замки Вестероса.

Хотя Кастерли никогда не были королями, они, тем не менее, стали самыми богатыми лордами Вестероса и самыми могущественными в Западных землях. Такое положение сохранялось сотни лет — пока Рассветная эпоха не уступила место Веку Героев.

Именно тогда с востока явился златовласый плут, прозванный Ланном Умным. Встречаются мнения, что он прибыл из-за Узкого моря — то есть был неким андальским искателем удачи — хотя все случилось за тысячи лет до появления андалов в Вестеросе. Вне зависимости от его происхождения, все сказания утверждают одно: Ланн Умный каким-то образом изгнал Кастерли из Утеса и присвоил их замок.

Нам остается лишь строить догадки о том, какой именно способ он использовал. Согласно самой распространенной версии, Ланн обнаружил скрытый проход в галереи — столь узкую расщелину, что ему пришлось снять плащ и прочую одежду, да вдобавок обмазаться маслом,

чтобы протиснуться внутрь. Забравшись в Утес, этот хитрец тут же начал строить козни: нашептывать угрозы в уши спящих Кастерли, выть во тьме словно демон, красть ценности одного из братьев и прятать их в спальне другого, ставить силки и иные ловушки. Так Ланн настроил всю семью друг против друга и заставил их поверить, будто в замке обитает некое потустороннее создание, которое никогда не оставит род в покое.

Другие баснословы предпочитают иные разновидности этой легенды. По одной из них Ланн использует расщелину, чтобы запустить в Утес мышей, крыс и других вредителей, тем самым изгнав семью Кастерли. По другой — тайком заманивает внутрь стаю львов, и те пожирают лорда Кастерли и всех его сыновей, после чего Ланн заявляет права на жену и дочерей его светлости. В самой неприличной из версий Ланн ночь за ночью тайком пробирается к девицам Кастерли, чтобы овладеть ими во сне. А спустя девять месяцев все девицы рожают златовласых детей, и при том клянутся, что еще не познали мужчины.

Последняя история, хотя и непристойная, содержит некоторые любопытные детали, которые могут намекнуть нам на истинные события тех лет. По мнению архимейстера Перестана, Ланн

состоял на какой-то службе у лорда Кастерли (возможно, в его домашней гвардии), и одна из дочерей его светлости от него забеременела (или не одна, хотя это кажется менее вероятным), а Ланн убедил отца девушки дать согласие на их брак. Если и в самом деле все обстояло именно так, нам придется предположить, что у лорда Кастерли не было законнорожденных сыновей. Тогда, при естественном ходе событий, после смерти отца Утес был бы унаследован его дочерью и, следовательно, самим Ланном.

Разумеется, в этой версии не больше исторической достоверности, чем в любой другой. Наверняка нам ведомо лишь одно: в один прекрасный день во времена Века Героев Кастерли исчезают из летописей, а на их месте появляются доселе неизвестные Ланнистеры, правящие большей частью Западных земель из недр Утеса Кастерли.

Ланн Умный якобы дожил до трехсот двенадцати лет, произведя на свет и сотню бравых сыновей, и сто изящных дочерей, и все они были стройны, прекрасны ликом и осенены благодатью «золотых ровно солнце» волос. Но, оставив в стороне подобные сказания и опираясь на хроники, можно предположить, что первые

Ланнистеры были не только прекрасны, но и плодовиты, так как в летописях они стали упоминаться весьма часто. Через несколько поколений число потомков Ланна достигло уже такой величины, что Утесу Кастерли вместить всех было не под силу. Вместо того чтобы вырубать в камне новые галереи, некоторые сыновья и дочери из младших ветвей дома покинули замок и обосновались в селении, лежащем в неполной миле от Утеса. Земля там была плодородной, море изобиловало рыбой, а рядом с выбранным ими местом располагалась прекрасная естественная гавань. Вскоре деревенька превратилась в городок, а тот вырос в настоящий город — Ланниспорт.

Ко времени появления андалов Ланниспорт стал вторым по величине городом Вестероса — лишь Старомест был крупнее и роскошнее. К берегам Запада, то есть к «городу золота Закатного моря», спешили купеческие корабли со всех уголков мира. Золото обогатило дом Ланнистеров, торговля еще более приумножила их достояние, и Ланнистеры из Ланниспорта процветали. Свой город они окружили мощными стенами, чтобы защитить его от всех желающих (главным образом, железнорожденных) завладеть их ценностями, и вскоре стали королями.

Насколько мы знаем, Ланн Умный никогда не называл себя королем, однако в некоторых легендах, появившихся через века, титул возложили на него посмертно. В действительности первым монархом из рода Ланнистеров, о котором мы что-то знаем, стал король Лореон, также известный как Лореон Лев (по понятным причинам за истекшие столетия многие Ланнистеры получали прозвища «Лев» или «Золотой»). Он сделал Рейнов из Кастамере своими вассалами, женившись на девице из их дома, и одолел Моргона Бейнфорта, Короля в Капюшоне, с его невольниками — в войне, затянувшейся на двадцать лет. Лореон, возможно, был самым первым Ланнистером, именовавшим себя королем Утеса, и этот титул будут носить его сыновья, внуки и их потомки в последующие тысячи лет. Впрочем, их королевство достигло наибольшей величины лишь после прибытия андальских завоевателей. В Западные земли андалы пришли далеко не сразу; немало времени прошло после того, как ими была захвачена Долина и повержены государства Первых людей в Речных землях. Первый андальский полководец, направившийся со своей армией в холмы, принял лютую смерть от рук Тибольта Ланнистера (прозванного, что неудивительно,

Молниеносным). Со второй и с третьей волной захватчиков обошлись точно так же, но на запад выдвигались все новые и новые отряды андалов, как мелкие, так и крупные. Король Тирион III и его сын Герольд II осознали, что их судьба предрешена.

Не пытаясь отбросить чужеземцев, эти мудрые короли стали устраивать браки самых влиятельных андальских военачальников с девицами из великих домов Запада. Будучи людьми осторожными и хорошо осведомленными о том, что случилось в Долине, они позаботились назначить цену за столь щедрые дары. Сыновья и дочери андальских лордов, удостоившихся этой чести, отправились в Утес Кастерли как воспитанники. Они служили оруженосцами, пажами и чашниками... а также были заложниками на случай, если их отцы замыслят измену.

С течением лет короли Ланнистеры стали сочетать браком с андалами и собственных детей. Более того, когда Герольд III умер, не оставив наследника мужского пола, совет короновал мужа его единственной дочери, сира Джоффри Лиддена, который принял родовое имя Ланнистер и стал первым андалом, ставшим во главе Утеса. В подобных союзах родились и некоторые дру-

гие знатные дома: Джасты, Леффорды, Паррены, Дроксы, Марбранды, Браксы, Серреты, Сарсфилды и Киндаллы. А после такого вливания свежей крови короли Утеса смогли еще и расширить свое государство.

При Сирионе Ланнистере власть Утеса распространилась на восток до самого Золотого Зуба и окаймляющих его холмов — король разбил трех мелких властителей, заключивших против него союз. Томмен Ланнистер, первый этого имени, построил громадный флот и присоединил к своим землям Светлый остров, взяв в жены дочь последнего короля из рода Фарманов. Лореон II устроил первый в Западных землях турнир и одолел каждого рыцаря, бросившего ему вызов. Лансель I Ланнистер (прозванный, конечно же, Ланселем Львом) отправился на войну против Гарденеров, королей Хайгардена, и захватил север Простора до самого Старого Дуба, прежде чем сложить голову в битве. (Его сын, Лореон III, потерял все приобретения отца и получил насмешливое прозвище Лореон Бессильный.) Король Герольд Ланнистер, прославившийся под именем Герольда Великого, отплыл на Железные острова и вернулся с сотней железнорожденных заложников, пообещав вешать по одному всякий

раз, как островитяне осмелятся напасть на его земли. (Верный своему слову, Герольд повесил более двадцати пленников.) Лансель IV, как говорят, в битве у Ланнова мыса обезглавил сразу обоих — короля Железных островов Харральда Почти Утонувшего и его наследника — одним ударом валирийского двуручного меча Светлый Рев; позже Лансель IV погиб у Алого озера — после того, как рискнул вторгнуться в Простор.

Короли дома Ланнистеров приобрели клинок Светлый Рев в тот век, что предшествовал Року Валирии, и рассказывают, будто бы заплаченного ими золота могло хватить и для найма армии. Однако чуть более чем через столетие меч был утерян — Томмен II взял его с собой, когда во главе огромного флота отправился в плавание к руинам Валирии. Король намеревался поживиться сокровищами и знаниями, которые, как он был уверен, еще оставались там. Но ни сам Томмен, ни его флот, ни Светлый Рев так никогда и не вернулись обратно.

Последнее упоминание о них найдено в волантийской летописи, озаглавленной «Слава Волантиса». В ней сообщается, что «золотой флот» со «Львиным королем» на борту встал в городе на якорь ради пополнения припасов, и

что триархи щедро одарили короля. В летописи также утверждается, будто бы Томмен поклялся отдать триархам половину найденного в Валирии в ответ на их великодушие и обещание прислать свои корабли, если он попросит о помощи. И Львиный король отплыл. Годом позже, судя по записям, триарх Марквело Тагарос отправил эскадру в сторону Валирии на поиски хоть каких-то следов золотого флота. Но посланцы вернулись с пустыми руками.

Некоторые из королей дома Ланнистеров прославились мудростью, другие — отвагой, и все они — щедростью... за исключением разве что короля Норвина Ланнистера, более известного как Норвин Скупой. Однако также случалось, что в Утесе Кастерли пребывали слабые правители, жестокие или просто никчемные. Лореона IV чаще вспоминают как Лореона Скудоумного, а его внука Лореона V прозвали Королевой Лореей, поскольку он любил наряжаться в одежды своей супруги и бродить по пристаням Ланниспорта в обличье уличной блудницы. (После их царствования принцам дома Ланнистеров имя «Лореон» стали давать куда реже.) Более поздний монарх, Тирион II[71], вошел в историю как Мучитель. Хотя он слыл человеком сильным, к тому же мастером

секиры, истинное наслаждение ему приносили пытки. Ходили слухи, что он мог испытать влечение к женщине, только прежде пустив ей кровь.

В конечном итоге владения дома Ланнистеров распростерлись от западных берегов Вестероса до верховьев Красного Зубца и Камнегонки (рубежи отмечал перевал у Золотого Зуба), и от южного берега залива Железных людей до самого Простора. Сегодняшние границы Западных земель совпадают с очертаниями Королевства Утеса до Пламенного Поля, после которого Лорен Ланнистер (Лорен Последний) преклонил колено королем, а поднялся лордом. Но в былые времена кордоны передвигались чаще, особенно на юге, где Ланнистеры часто сражались с Гарденерами из Простора, и на востоке, где они воевали со многими из властителей Трезубца.

К тому же, береговая линия владений Ланнистеров лежала весьма близко к Железным островам — ближе, чем у любого другого королевства, а значит, богатства и торговые пути Ланниспорта были постоянным соблазном для налетчиков с этих диких земель. Войны между железнорожденными и жителями Запада разгорались примерно раз в поколение, притом и в мирную пору островитяне устраивали набеги ради добы-

чи и соленых жен. Защите побережья, лежащего южнее Светлого острова, хорошо помогали Фарманы — лорды самого острова, ставшие по этой причине широко известными своей ненавистью к железнорожденным.

Огромные богатства Западных земель, конечно же, в первую очередь объясняются местными золотыми и серебряными копями. Тамошние жилы очень широки и глубоки, и в наши дни есть шахты, разрабатываемые уже тысячу лет, а то и больше — по сей день не иссякшие. Ломас Путешественник сообщает, что даже в далеком Асшае-у-Тени встречал торговцев, любопытствующих, правда ли, что «львиный лорд» живет во дворце из чистого золота, а земледельцы собирают чуть ли не горы сокровищ, просто вспахивая свои поля[72]. Золото с запада разошлось далеко, так что мейстерам точно ведомо — во всем мире нет рудников столь же изобильных, как в Утесе Кастерли.

В старину говорили: богатство Западных земель равно жадности Валирии до драгоценных металлов. Тем не менее, нет никаких доказательств того, что повелители драконов когда-либо устанавливали связи с правителями Утеса, будь то Кастерли или Ланнистеры. Септон Барт

размышлял над этим вопросом и, ссылаясь на впоследствии утраченный валирийский свиток, предположил, что чародеи республики предрекли, будто золото Утеса Кастерли погубит их. Архимейстер Перестан выдвинул другую, более правдоподобную догадку: он допустил, что в древности валирийцам удалось достичь Староместа, но там их постигла какая-то трагедия или серьезный провал, и это заставило их в дальнейшем вовсе сторониться Вестероса.

Дом Ланнистеров при Драконах

После того, как Лорен Последний отрекся от короны, Ланнистеры стали всего лишь лордами. Хотя их огромные богатства и остались нетронутыми, но тесных связей с Таргариенами у владык Запада не имелось — в отличие от дома Баратеонов. А для того, чтобы тотчас пытаться выцарапывать себе значимое место подле Железного трона, Ланнистеры были слишком горды — в отличие от дома Талли.

Лишь поколением позже Ланнистеры вновь оставили значительный след в государственных делах — когда преследуемые Мейгором Жестоким принц Эйгон и принцесса Рейна искали убежища.

Лорд Лиман Ланнистер защитил обоих, приняв их под своей крышей, и, ссылаясь на право гостя, отказал всем требованиям короля о выдаче.

Впрочем, его светлость не решился предоставить беглецам собственные мечи, ничего не предпринял он и после того, как принц Эйгон погиб от рук своего дяди во время битвы при Божьем Оке. Но когда Джейхейрис, младший брат Эйгона, заявил права на Железный трон, Ланнистеры поднялись, чтобы поддержать его.

Смерть Мейгора и коронация Джейхейриса приблизили дом Ланнистеров к Железному трону, хотя Веларионы, Аррены, Талли, Хайтауэры и Баратеоны по-прежнему ощутимо превосходили их влиянием. На Великом совете 101 года от З.Э., где решался вопрос о престолонаследии, запомнилось появление лорда Тимонда Ланнистера — он прибыл с огромной свитой из трехсот знаменосцев[73], латников и слуг... и все же его затмил лорд Маттос Тирелл из Хайгардена, приехавший с сопровождением из пятисот человек. При обсуждениях Ланнистеры приняли сторону принца Визериса. Их выбор не был забыт, и властителей Утеса вознаградили несколько лет спустя — Визерис, взойдя на Железный трон, назвал мастером над кораблями сира Тиланда Ланнистера, бра-

та-близнеца лорда Джейсона. Позже, при короле Эйгоне II, сир Тиланд стал мастером над монетой. Из-за тесных связей брата с Железным троном и его привилегированного положения при дворе лорд Джейсон в Танце Драконов выступил на стороне Эйгона.

Но пока шли сражения за трон, сир Тиланд жестоко пострадал из-за того, что укрыл большую часть королевской казны там, где Рейнира Таргариен после взятия Королевской Гавани не могла до нее добраться. А союз Ланнистеров с Железным троном принес им только беды — после того, как лорд Джейсон по воле короля Эйгона II увел свои войска на восток, на незащищенные Западные земли обрушились налетчики Красного Кракена. К тому же лорд Джейсон, встретившись со сторонниками королевы Рейниры у переправы через Красный Зубец, пал в бою, смертельно раненый седеющим оруженосцем Пейтом из Длинного Листа[74] (посвященного в рыцари после битвы, этого воина низкого происхождения до конца дней называли Убийцей Львов). Войско Ланнистеров продолжило поход, одерживая победы под командованием сира Адриана Тарбека, затем — лорда Леффорда, прежде чем тот погиб во время Рыбьей Кормежки, а воины Запада были

истреблены силами трех армий.

Сир Тиланд тем временем стал пленником Рейниры — после того, как королева захватила столицу. Зверскими пытками его вынуждали раскрыть место, где им были спрятаны груды коронного золота, но сир Тиланд упорно отказывался говорить. Когда Эйгон II со своими сподвижниками отбил город, Ланнистера нашли ослепленным, изувеченным и оскопленным. Тем не менее, он остался в здравом уме, и король сохранил за ним должность мастера над монетой. В последние дни своего царствования его милость даже отправил сира Тиланда в Вольные города за наемниками — для поддержки в борьбе против сына Рейниры, будущего Эйгона III, и его приверженцев.

Поскольку новому королю Эйгону, третьему этого имени, во дни восшествия на Железный трон было всего одиннадцать лет, по окончании боевых действий было установлено регентство. В надежде исцелить глубокие раны, нанесенные государству Танцем Драконов, сира Тиланда Ланнистера назвали десницей короля. Возможно, люди, бывшие его врагами, полагали, будто он слишком истерзан и слеп, чтобы представлять для них угрозу, но сир Тиланд умело исполнял

свои обязанности на протяжении почти двух лет, прежде чем в 133 году от З.Э. скончался от Зимней лихорадки.

В более поздние годы Ланнистеры выступали на стороне Таргариенов против Деймона Блэкфайра... впрочем, мятежники Черного Дракона одержали в Западных землях несколько значимых побед. Особенно знамениты схватки при Ланниспорте и у Золотого Зуба, где сир Квентин Болл, вспыльчивый рыцарь по прозвищу Огненный Шар[75], сразил лорда Леффорда и обратил в бегство лорда Дамона Ланнистера (позже ставшего известным как Седой Лев).

Упомянутый Седой Лев умер в 210 году от З.Э., и наследовал ему сын Тибольт, ставший новым лордом Утеса Кастерли лишь для того, чтобы погибнуть два года спустя при подозрительных обстоятельствах. Молодой человек в расцвете сил, лорд Тибольт не оставил потомства, кроме своей трехлетней дочери Сиреллы, чье правление как леди Утеса Кастерли оказалось ужасающе коротким. Менее чем через год и она упокоилась, вследствие чего Утес, Западные земли, а также все состояние и мощь дома Ланнистеров перешли к ее дяде Герольду, младшему брату покойного лорда Тибольта.

Человек редкого ума и выдающихся дарований, Герольд был регентом юной племянницы, однако ее внезапная кончина в столь нежном возрасте породила множество слухов, и по всему Западу шептались, будто смерть и леди Сиреллы, и лорда Тибольта — дело его рук.

Ни один из ныне живущих не может сказать наверняка, была ли какая-то доля истины в этих слухах, поскольку вскоре Герольд Ланнистер показал себя как чрезвычайно прозорливый, умелый и справедливый правитель. Он значительно приумножил богатства дома Ланнистеров, усилил власть Утеса Кастерли и развил торговлю в Ланниспорте. Герольд правил Западными землями тридцать один год, вполне заслужив свое прозвище: Герольд Золотой. Тем не менее, несчастья, обрушившиеся на дом Ланнистеров в эти годы, его враги считали достаточным доказательством вины. Горячо любимая вторая жена Герольда, леди Роанна, исчезла при загадочных обстоятельствах в 230 году от З.Э., менее чем через год после рождения четвертого, младшего сына его светлости, Джейсона. Тайвальд, старший из двух близнецов Герольда, служил оруженосцем лорда Роберта Рейна из Кастамере, и в 233 году от З.Э. был убит в сражении во время восстания

Пика. Сам лорд Роберт погиб тогда же, и его наследником стал старший сын — сир Роджер Рейн, Красный Лев.

Наиболее же значимой смертью, случившейся за дни восстания Пика, без сомнения, стала гибель самого короля Мейкара, но о вызванной ею смуте было достаточно написано в другом месте. Менее широко известны, но отнюдь не менее печальны тяжкие последствия этой битвы[76] для истории Запада. Тайвальд Ланнистер был давно обручен с решительной юной сестрой Красного Льва, леди Эллин. Она, волевая и вспыльчивая девица, годами ожидавшая возможности стать леди Утеса Кастерли, не захотела отказываться от своей мечты. Сразу после смерти суженого Эллин уговорила его брата-близнеца, Тиона, расторгнуть помолвку с дочерью лорда Рована из Золотой Рощи и взять в жены ее саму.

Рассказывали, что лорд Герольд противился этому союзу. Однако под грузом прожитых лет, хворей и понесенных утрат Золотой Ланнистер стал лишь бледной тенью себя прежнего и, в конце концов, уступил. В 235 году от З.Э. в Утесе Кастерли состоялась двойная свадьба: сир Тион Ланнистер сочетался браком с Эллин Рейн, а его младший брат Титос — с Джейн Марбранд, доче-

рью лорда Алина Марбранда из Эшмарка.

Дважды овдовевший, отягченный болезнью, лорд Герольд не стал брать новую жену, и после своего замужества Эллин из дома Рейнов стала леди Утеса Кастерли во всем, кроме титула.

В то время как ее свекор, удалившись в свои покои, погрузился в книги, леди Эллин создала блестящий двор. Великолепные турниры и балы проводились один за другим, а залы Утеса наполнились художниками, лицедеями, музыкантами... и Рейнами. Братья леди, Роджер и Рейнард, постоянно были подле сестры, и на них, словно с неба, сыпались должности, почести и новые земли — как и на ее дядей, кузенов, племянников и племянниц. По слухам, старый шут лорда Герольда, язвительный горбун по прозвищу Лорд Жаба, изрек: «Леди Эллин, должно быть, уж точно колдунья, раз сумела сделать так, что в Утесе дожди идут круглый год[77]».

Но спустя недолгий срок, в 236 году от З.Э., самозванец Деймон Блэкфайр, третий этого имени, вместе со Жгучим Клинком и Золотыми Мечами пересек Узкое море и высадился на Крюке Масси, намереваясь захватить Железный трон. Так началось Четвертое восстание Блэкфайра, и король Эйгон V для его подавления созвал верных лордов

со всех Семи Королевств.

Восстание закончилось гораздо быстрее, чем претендент того желал бы — в битве у моста на Путеводной, после которой тела павших воинов из войска Черного Дракона так запрудили реку, что она вышла из берегов. В свою очередь, в войсках короля отдали жизни менее сотни человек... но среди таковых оказался сир Тион Ланнистер, наследник Утеса Кастерли.

Вполне можно было бы ожидать, что утрата второго из «славных близнецов» сломит их убитого горем отца, лорда Герольда. Но, как ни странно, случилось обратное. После того, как тело сира Тиона было погребено в Утесе, Герольд Золотой преодолел скорбь и вновь крепко взял в руки власть в Западных землях. Он имел твердое намерение сделать все возможное и подготовить своего третьего сына Титоса, мальчика безвольного и подающего мало надежд, к тому, чтобы сменить отца в качестве главы дома.

Подошло к концу и «владычество Рейнов». Братья леди Эллин, как и прочие их родичи в немалом числе, вскоре отбыли из Утеса Кастерли в Кастамере.

Сама леди Эллин осталась, но ее влияние истаяло, а у леди Джейн — возросло. Вскоре, если

верить слухам, записанным мейстером Белдоном, соперничество между вдовой сира Тиона и женой Титоса приобрело воистину скверный оборот. В 239 году от З.Э., согласно Белдону, Эллин Рейн обвинили в попытке обольстить Титоса Ланнистера — якобы леди понуждала его оставить собственную супругу и вступить в брак с ней самой. Однако же молодого Титоса (в ту пору девятнадцатилетнего) вдова его брата так напугала, что он оказался не в состоянии разделить с Эллин ложе. Униженный, он бросился к жене, чтобы во всем сознаться и просить прощения.

Леди Джейн охотно простила своего мужа, но была менее снисходительна к сношеннице и, не колеблясь, сообщила о случившемся лорду Герольду. В гневе его светлость решил навсегда выслать Эллин Рейн из Утеса Кастерли, найдя ей нового супруга. Разлетелись вороны — и была заключена спешная помолвка. Через две недели Эллин Рейн выдали за Уолдерана Тарбека, лорда Тарбекхолла, краснолицего пятидесятипятилетнего вдовца из древнего и благородного, но обнищавшего рода.

Эллин Рейн, отныне леди Тарбек, покинула Утес Кастерли вместе с мужем, чтобы больше никогда туда не вернуться, но ее соперничество

с леди Джейн не окончилось. Скорее наоборот — выглядело так, будто оно даже обострилось и приобрело вид «войны утроб» (как назвал его Лорд Жаба). Несмотря на то, что леди Эллин не удалось подарить наследника сиру Тиону, в браке с Уолдераном Тарбеком она оказалась более плодовитой (следует отметить, что у того имелось достаточно старших сыновей от первых двух браков), родив ему двух дочерей и сына. Леди Джейн ответила рождением собственных детей, а первенцем стал сын, названный Тайвином. По легенде, когда лорд Герольд взъерошил золотистые волосики малыша, тот укусил деда за палец.

Вскоре появились и другие дети, но Тайвин, самый первый, так и остался единственным внуком, которым любовался его светлость. В 244 году от З.Э. Герольд Золотой умер из-за болезни мочевого пузыря, будучи не в состоянии его опорожнять. В возрасте двадцати четырех лет Титос Ланнистер, старший из его оставшихся в живых сыновей, стал лордом Утеса Кастерли, Щитом Ланниспорта и Хранителем Запада.

И для всех этих обязанностей он был явно непригоден. Лорд Титос Ланнистер обладал многими добродетелями: его нелегко было разозлить, а прощал он быстро, умел видеть хорошее

в каждом человеке, будь тот велик или мал, и был доверчив. Слишком доверчив. Его прозвали Смеющимся Львом за веселый нрав, и некоторое время Запад смеялся вместе с ним... но довольно скоро по большей части смеялись уже над ним.

Когда дела касались управления Западом, лорд Титос вел себя как слабовольный и нерешительный человек. Он не питал пристрастия к войне и отшучивался от оскорблений, которые заставили бы большинство его предков схватиться за меч. В его слабости многие усмотрели возможность урвать для себя власть, богатства и земли. Некоторые занимали у его светлости огромные суммы денег, а затем оказывались не в состоянии их вернуть. Когда стало ясно, что лорд Титос согласен продлевать срок выплат или даже прощать долги, простые купцы из Ланниспорта и Кайса тоже решились обращаться к нему с просьбами о займах.

Указами лорда Титоса повсеместно пренебрегали, а мздоимство стало обычным делом.

На пирах и балах гости не стеснялись отпускать насмешки в адрес его светлости, порою прямо тому в лицо. Молодые рыцари и даже оруженосцы твердили при этом, что «дергают льва за хвост», и соперничали друг с другом, выясняя, кто

способен «дернуть хвост» поудачнее. Говорят, что никто не смеялся над колкостями громче самого лорда Титоса.

Мейстер Белдон в одном из своих писем в Цитадель отметил: «Все, чего хочет его светлость — быть любимым. Потому он смеется, не таит обид, все прощает и жалует почести, должности и щедрые подарки тем, кто насмехается над ним и отказывается ему повиноваться. Его светлость надеется таким образом заслужить их преданность, но чем больше он смеется и дарует, тем сильнее его презирают».

По мере того, как власть дома Ланнистеров убывала, другие дома набирали силу и становились все более дерзкими и непокорными. К 254 году от З.Э. уже и лорды владений, лежащих за пределами Западных земель, узнали, что лев Утеса Кастерли более не был зверем, которого стоит бояться.

В конце того же года[78] лорд Титос согласился выдать свою семилетнюю дочь Дженну замуж за младшего сына Уолдера Фрея, лорда Переправы. Тайвин, будучи всего лишь десятилетним, осудил такую помолвку, не стесняясь в выражениях. Лорд Титос не уступил, однако люди обратили внимание, что этот бесстрашный мальчик с

железной волей тверд не по годам и совсем не похож на своего добродушного отца.

Вскоре после случившегося лорд Титос отправил своего наследника в Королевскую Гавань — тому надлежало служить чашником при дворе короля Эйгона. Второй сын его светлости, Киван, также был отослан из Утеса Кастерли; он стал пажом, а затем и оруженосцем лорда Кастамере.

Древний, богатый и могущественный дом Рейнов при лорде Титосе еще более преуспел — благодаря неспособности последнего к ведению дел. Роджер Рейн, прозванный Красным Львом, заработал грозную славу своим умением обращаться с оружием; многие считали его лучшим мечником Западных земель. Его брат, сир Рейнард, был столь же обаятелен и хитер, сколь ловок и силен был сир Роджер.

Наряду с Рейнами набирали силу и их ближайшие союзники, Тарбеки из Тарбекхолла. После столетий медленного угасания этот старинный, но бедный дом вновь начал процветать — во многом благодаря новой леди Тарбек, урожденной Эллин Рейн.

Оставаясь нежеланным гостем в Утесе, леди Эллин умудрялась добывать немалые суммы денег у дома Ланнистеров через своих братьев,

так как лорд Титос с трудом мог отказывать Красному Льву. Золото тратилось на восстановление родового гнезда Тарбеков, которые до того представляли собой, по сути, осыпающиеся руины. Эллин отстроила наружные стены, укрепила башни и обставила донжон с такой роскошью, что Тарбекхолл вполне мог соперничать с любым замком Запада.

В 255 году от З.Э. лорд Титос у себя в замке праздновал рождение четвертого сына, но вскоре радость обернулась горем. Его любимая супруга так и не оправилась от родов и скончалась луной позже рождения Гериона Ланнистера. Для его светлости эта потеря стала сокрушительным ударом. С того дня никто больше не называл его Смеющимся Львом.

За всю долгую историю Западных земель не было времен более мрачных, чем те, что последовали за смертью леди Джейн. Положение ухудшилось настолько, что был вынужден вмешаться Железный трон. Эйгон V для восстановления порядка трижды отправлял своих рыцарей на Запад, но сразу после ухода людей короля смута разгоралась вновь. Когда в 259 году от З.Э. его милость трагически погиб в Летнем замке, дела во владениях Ланнистеров пришли в еще больший

упадок, так как новый король, Джейхейрис II Таргариен, не обладал силой воли своего отца и, помимо того, вскоре оказался вовлечен в войну Девятигрошовых королей.

По зову короля из Западных земель выдвинулась тысяча рыцарей и десять тысяч латников. Лорда Титоса среди них не было, вместо него возглавить войско поручили сиру Джейсону Ланнистеру, брату его светлости. Однако в 260 году от З.Э. он скончался на Кровавом Камне, после чего командование над всеми оставшимися отрядами взял на себя сир Роджер Рейн, и при нем было одержано несколько значительных побед.

Трое старших сыновей лорда Титоса на Ступенях также показали себя с наилучшей стороны. Сир Тайвин Ланнистер, ставший рыцарем накануне войны, сражался в свите молодого наследника короля — Эйриса, принца Драконьего Камня, и в конце войны был удостоен чести посвятить того в рыцари. Киван Ланнистер, оруженосец Красного Льва, тоже заслужил шпоры, и в рыцари его возвел сам Роджер Рейн. Их брат Тигетт был слишком юн для рыцарства, но все отметили его доблесть и мастерство мечника: в своем первом бою он сразил взрослого воина, а в последующих битвах — еще троих, в том числе

рыцаря из отряда Золотых Мечей. А глава рода, пока его отпрыски бились на Ступенях, проводил время в Утесе Кастерли в обществе молодой особы низкого происхождения, служившей одно время кормилицей младшего сына лорда Титоса и привлекшей тогда внимание его светлости.

Возвращение сыновей лорда Титоса с войны предвещало долгожданные перемены. Закаленный в боях и слишком хорошо осведомленный о том, как низко ценят его отца прочие лорды королевства, сир Тайвин Ланнистер вознамерился немедленно возродить гордость и могущество Утеса Кастерли. Как рассказывают, лорд Титос возражал, но довольно слабо, после чего вернулся в объятия своей кормилицы, а его наследник тем временем взял в свои руки бразды правления.

Сир Тайвин начал с того, что потребовал вернуть все золото, одолженное у его отца. Те, кто не мог расплатиться, были обязаны направить в Утес Кастерли заложников. Пять сотен испытанных рыцарей, закаленных в боях на Ступенях, заняли место в новом отряде, призванном избавить край от бандитов и рыцарей-разбойников. Командование же над ветеранами принял сир Киван, брат Тайвина.

Некоторые поспешили подчиниться. «Лев

проснулся», — вырвалось у сира Хариса Свифта, рыцаря Корнфилда, когда посланники Утеса Кастерли появились у ворот его замка. Неспособный расплатиться с долгами, он отдал сиру Кивану в заложницы свою дочь. Но повсюду в других местах сборщики долгов столкнулись с угрюмым неповиновением или даже открытым сопротивлением. Сообщают, будто бы лорд Рейн рассмеялся, когда его мейстер зачитал ему указы сира Тайвина, и посоветовал своим друзьям и вассалам ничего не предпринимать.

Лорд Уолдеран Тарбек неблагоразумно избрал другой путь. Он отправился в Утес Кастерли с протестом, уверенный в своей способности запугать лорда Титоса и заставить его отменить указы сына. Но вместо того он встретился лицом к лицу с самим сиром Тайвином, заточившим правителя Тарбекхолла в темницу.

Заковав лорда Уолдерана в цепи, Тайвин Ланнистер, несомненно, ожидал, что Тарбеки уступят. Но леди Эллин очень скоро избавила его от этого заблуждения — выслав собственных рыцарей, грозная женщина пленила троих Ланнистеров. Двое из захваченных были Ланнистерами из Ланниспорта и приходились властителям Утеса дальней родней, но вот третьим оказался мо-

лодой оруженосец Стаффорд, старший сын и наследник[79] покойного сира Джейсона, брата лорда Титоса.

Все случившееся оторвало владыку Утеса от кормилицы на время, достаточное, чтобы взять верх над своим решительным наследником. Его светлость не только велел отпустить лорда Тарбека целым и невредимым, но дошел даже до того, что извинился перед ним и простил долги.

Чтобы обеспечить безопасный обмен пленниками, лорд Титос обратился к младшему брату леди Тарбек, сиру Рейнарду Рейну. Местом встречи избрали мощный и неприступный замок Кастамере, резиденцию Красного Льва. Сир Тайвин отказался там присутствовать, так что возвращать лорда Уолдерана довелось сиру Кивану, в то время как леди Тарбек самолично привезла Стаффорда и его родичей. Лорд Рейн задал пир для обеих сторон, на котором Ланнистеры и Тарбеки устроили целое представление — проявляли всяческое дружелюбие, поднимали кубки за здоровье друг друга, обменивались подарками и поцелуями и приносили обоюдные клятвы оставаться верными друзьями «целую вечность».

Как позже заметил великий мейстер Пицель,

вечность не продлилась и года. У Тайвина Ланнистера, не пировавшего с Красным Львом, ни в коем случае не ослабела решимость указать чересчур возомнившим о себе вассалам их место. В конце 261 года от З.Э. он отправил воронов в Кастамере и Тарбекхолл, требуя от Роджера и Рейнарда Рейнов, а также от лорда и леди Тарбек явиться в Утес Кастерли, чтобы «ответить за свои преступления». Рейны и Тарбеки избрали неповиновение, на что и рассчитывал сир Тайвин. Оба дома открыто подняли восстание и отреклись от присяги Утесу Кастерли.

И тогда Тайвин Ланнистер созвал знамена. Не спросив позволения у лорда-отца и даже не сообщив ему о своих намерениях, он сам возглавил войско из пяти сотен рыцарей и трех тысяч латников с арбалетчиками.

Дом Тарбеков первым испытал на себе гнев сира Тайвина. Войско Ланнистеров нагрянуло к нему столь скоро, что вассалы и сподвижники лорда Уолдерана даже не успели собраться, и его светлость неосмотрительно выехал навстречу сиру Тайвину, сопровождаемый лишь рыцарями своего дома. В короткой жестокой схватке Тарбеки были разбиты и безжалостно истреблены. Лорда Уолдерана Тарбека и его сыновей обезгла-

вили, как и его племянников, кузенов, мужей его дочерей и всех прочих, кто носил на плащах или щитах серебряно-синюю семиконечную звезду, кичась кровью Тарбеков. И перед войском Ланнистеров, возобновившим поход к Тарбекхоллу, повезли насаженные на копья головы лорда Уолдерана и его сыновей.

Узнав о приближении сира Тайвина, леди Эллин Тарбек закрыла ворота и отправила воронов в Кастамере, призывая своих братьев. Уверенная в надежности крепостных стен, леди Тарбек, несомненно, ожидала долгую осаду, но необходимые для приступа орудия изготовили всего за день. Стены же мало чем помогли, когда единственный громадный камень, пролетев над ними, сокрушил древний донжон замка. Леди Эллин и ее сын, Тион Рыжий, погибли под обломками. Вскоре после этого сопротивление сошло на нет, и ворота Тарбекхолла распахнулись перед войском Ланнистеров. Сир Тайвин велел предать замок огню, и Тарбекхолл горел весь день и всю ночь, пока от него не остался лишь почерневший остов. Красный Лев, прибыв на помощь, еще застал бушующее пламя. С собой он привел две тысячи воинов — всех, кого смог собрать за столь короткий срок.

Согласно основным нашим источникам, силы Ланнистеров втрое превышали силы Рейнов; некоторые, однако же, настаивают на их пятикратном превосходстве. Надеясь, что залогом победы может стать внезапность, Роджер Рейн отдал приказ трубить атаку, и отряд во весь опор ринулся на лагерь сира Тайвина. Ланнистеры быстро оправились от первого замешательства, и вскоре их численность дала о себе знать. И лорду Рейну, потерявшему на поле брани около половины своих людей, осталось лишь единственное — развернуть войско и обратиться в бегство. Из лагеря на отступающих всадников обрушился дождь арбалетных болтов; один из них пробил со спины броню лорда Рейна, угодив тому меж лопаток. Красный Лев продолжил путь, но меньше чем через пол-лиги упал с коня; обратно в родовой замок его пришлось нести.

Войско Ланнистеров добралось до Кастамере тремя днями позже. Как и Утес Кастерли, замок дома Рейнов изначально был рудником, а в Век Героев щедрые жилы серебра и золота сделали Рейнов почти столь же богатыми, как Ланнистеры. Чтобы защитить свои сокровища, они окружили вход в копи прочными стенами, заперли его воротами из дуба и железа, а по обе

стороны возвели две надежные башни. Затем пришел черед укреплений и служб, но шахты тем временем все более и более углублялись. Когда золото закончилось, их расширили, превратив в залы, галереи, уютные опочивальни, соединенные множеством коридоров. Был даже бальный зал, просторный и гулкий. Для постороннего глаза Кастамере выглядел скромной постройкой под стать ленному рыцарю или мелкому лорду, но те, кому были ведомы секреты замка, знали, что девять десятых его расположены под землей.

Именно в эти глубокие укрытия Рейны и отступили. Измученный лихорадкой и ослабевший от потери крови, Красный Лев был не в том состоянии, чтобы руководить обороной, и командование принял на себя его брат, сир Рейнард. Будучи не столь своенравным, как сир Роджер, зато более хитрым, он понимал, что в замке недостаточно людей для защиты стен, поэтому оставил все внешние строения врагу и ушел под землю. Как только его люди оказались в безопасности туннелей, сир Рейнард отправил сиру Тайвину послание, предлагая мир на своих условиях. Но Ланнистер не удостоил Рейнов ответом и повелел вместо того запечатать шахты. Вооружившись кирками, топорами и факелами,

его рудокопы обрушили вдоволь камней и земли, одну за другой заваливая основные галереи копей, пока не осталось ни единого прохода ни внутрь, ни наружу. Едва это было сделано, Тайвин Ланнистер обратил внимание на небольшую быструю речушку, впадающую в расположенное неподалеку от замка прозрачное голубое озерцо, от которого Кастамере и получил свое имя. Меньше дня ушло на то, чтобы запрудить поток, и всего два — чтобы развернуть его к ближайшему входу в подземелья.

В грудах земли и камней, засыпавших галереи, вряд ли бы нашелся просвет, сквозь который могла проскочить хотя бы белка, не говоря уже о человеке… но вода отыскала себе пути.

Как утверждают, с сиром Рейнардом вниз ушло более трехсот мужчин, женщин и детей. Не выбрался никто. Стражи, охранявшие самый маленький из дальних входов, рассказывали, будто слышали ночью слабые крики, раздававшиеся из-под земли, но к рассвету камни замолчали вновь.

Никто никогда так и не распечатал шахты Кастамере, а надземные помещения замка, преданные сиром Тайвином огню, пустуют и по сей день. Стоят, как безмолвное предупреждение о

судьбе, ожидающей любого глупца, пожелавшего поднять оружие против львов из Утеса.

В 262 году от З.Э. в Королевской Гавани умер Джейхейрис II Таргариен, занимавший Железный трон всего три года. Ему наследовал сын Эйрис, принц Драконьего Камня, отныне Эйрис II. Первым и, как многие считают, самым мудрым указом он вызвал из Утеса Кастерли друга детства, Тайвина Ланнистера, и назвал его своим десницей.

Сиру Тайвину было только двадцать, и он стал самым молодым десницей из всех, ранее занимавших эту должность, но его действия при подавлении мятежа Тарбеков и Рейнов заставили людей во всех Семи Королевствах уважать его и даже бояться. Его двоюродная сестра, леди Джоанна (дочь покойного сира Джейсона Ланнистера, приходившегося младшим братом лорду Титосу), в ту пору уже находилась в Королевской Гавани: с 259 года от З.Э. она служила фрейлиной и компаньонкой принцессы Рейлы. Через год после того, как сир Тайвин стал десницей, у них с Джоанной состоялась пышная свадьба с венчанием в Великой септе Бейлора, а руководил праздничным пиром и последующим провожанием сам король Эйрис. В 266 году леди Ланнистер родила

близнецов, мальчика и девочку. Тем временем брат сира Тайвина, сир Киван, также вступил в брак, его супругой стала дочь сира Хариса Свифта из Корнфилда, некогда отданная Ланнистерам в заложницы за долги отца.

В 267 году от З.Э. сердце лорда Титоса разорвалось — его светлость как раз поднимался по крутой лестнице в спальню любовницы (Титос, наконец, оставил свою кормилицу, впрочем, лишь для того, чтобы позволить себе одурманиться прелестями некоей дочери свечника). И Тайвина Ланнистера в двадцатипятилетнем возрасте назвали лордом Утеса Кастерли, Щитом Ланниспорта и Хранителем Запада. После кончины Смеющегося Льва дом Ланнистеров сделался могучим, как никогда прежде, и последовавшие годы стали золотыми не только для Запада, но и для всех Семи Королевств.

Но в сладком яблоке притаился червь — возрастающее безумие короля Эйриса вскоре поставило под угрозу все то, что Тайвин Ланнистер стремился создать. Также его светлость понес тяжкую утрату: в 273 году от З.Э. скончалась родами его горячо любимая жена, леди Джоанна, произведя на свет чудовищное, безобразное дитя. Великий мейстер Пицель отмечает, что со смертью су-

пруги лорда Тайвина покинула радость, но он по-прежнему стойко исполнял свой долг.

Изо дня в день и из года в год Эйрис II все более и более ожесточался против собственного десницы, своего друга детства, непрестанно упрекая его, подвергая унижениям и ставя под сомнение любые действия. Все это лорд Тайвин великодушно сносил, однако после того, как король назвал его сына и наследника, сира Джейме, рыцарем Королевской гвардии, чаша терпения Ланнистера переполнилась. В 281 году от З.Э. лорд Тайвин, наконец, сложил с себя полномочия десницы.

Лишившись советов человека, на которого полагался столь долгие годы, окруженный льстецами и интриганами, король Эйрис II вскоре оказался полностью поглощен безумием, а тем временем вокруг него Семь Королевств распадались на части.

События восстания Роберта Баратеона описаны в других главах и не нуждаются в пересказе. Отметим лишь одно: чтобы захватить Королевскую Гавань и Красный замок для Роберта Баратеона, лорд Тайвин привел с запада огромное войско. Мечами владыки Утеса и его вассалов был положен конец почти трехсотлетнему правлению династии Таргариенов. В следующем году ко-

роль Роберт I Баратеон взял в жены дочь лорда Тайвина, леди Серсею, ознаменовав тем самым союз двух величайших и благороднейших домов Вестероса.

Утес Кастерли

Утес Кастерли, древнее владение дома Ланнистеров — замок, не похожий на прочие. Эта стариннейшая крепость, хоть и увенчана большими и малыми башнями и бастионами, окружена каменными стенами и оснащена дубовыми воротами со стальными решетками, защищающими все входы, на самом деле вырублена в исполинской скале над Закатным морем. Говорят, когда солнце садится, и на землю опускаются тени, Утес напоминает величественного льва, прилегшего отдохнуть.

Тысячелетиями он служил человеку домом. Вполне вероятно, что до прихода Первых людей в громадных пещерах, высеченных морскими волнами в каменном основании, селились Дети Леса и великаны. Как известно, там также находили приют медведи, львы, волки, летучие мыши и бесчисленное мелкое зверье.

Сотни шахт пронизывают глубины Утеса, где

множество нетронутых жил красного и желтого золота мерцают в камне даже тысячи лет спустя после начала добычи. Изначально принялись за расширение копей еще Кастерли, высекая в камне залы и покои, они же выстроили на вершине Утеса кольцевой острог, откуда могли обозревать свои владения.

В вышину Утес втрое превосходит Стену или Высокую башню Староместа, а в длину, с запада на восток, вытянулся почти на две лиги. Вся скала испещрена великим множеством переходов, темниц, кладовых, казарм, залов, конюшен, лестниц, двориков, галерей и садов. В стенах крепости расположено и некое подобие богорощи, хотя здешнее чардрево выглядит странным и причудливо изломанным, а его кривые, спутанные корни почти полностью заполнили пещеру, в которой оно растет, и погубили все прочие деревья.

Внутри Утеса есть даже собственный порт с доками, причалами и верфями — море высекло в западном обрыве скалы огромные гроты, ставшие естественными воротами, достаточно глубокими и широкими, чтобы ладьи (и даже когги) могли зайти и разгрузиться во чреве пещер.

Львиная Пасть, грандиозная природная кавер-

на, ставшая главным входом в Утес, образует свод высотой двести футов от пола до потолка. За прошедшие века ее расширили и значительно усовершенствовали, и, как сообщают, теперь сквозь нее по широким ступеням могут проехать двадцать всадников плечом к плечу.

Утес ни разу не был взят — ни штурмом, ни осадой. Во всех Семи Королевствах не сыщется замка более крупного, более богатого и лучше укрепленного. Согласно легенде, увидев его, Висенья Таргариен возблагодарила богов, что король Лорен решился выехать на Пламенное Поле навстречу ее брату Эйгону — и драконье пламя не устрашило бы властелина Запада, останься он в своей крепости.

Владыки Утеса Кастерли за прошедшие века собрали множество сокровищ, а красоты замка по праву славятся во всех Семи Королевствах, и даже в землях за Узким морем. Особенно изумительны золоченые стены и узоры Золотой галереи, а также Зал героев, где несут вечную стражу великолепные доспехи сотни рыцарей, лордов и королей дома Ланнистеров.

Простор

О Просторе обычно говорят как о самом крупном и густонаселенном из шести южных королевств (огромные, но малолюдные пространства Севера стоят особняком), однако же такое именование несколько неверное. Действительно, в наше время границы владений Тиреллов, лордов Хайгардена, в основном соответствуют границам того королевства, что именовалось Простором и существовало за тысячи лет до Завоевания Эйгона. Ранее же эта богатая и изобильная область, по сути, состояла из четырех королевств:

— Старомест и его окрестности, пределы которых — истоки Медовой на севере и Красные горы на востоке;

— Арбор, золотой остров за проливом Редвинов, славящийся винами и солнцем;

— Западные[80] марки от Рогова Холма до Ночной Песни;

— и сам Простор — обширная равнина с полями и пастбищами, реками и озерами, лесами, холмами и душистыми лугами, мельницами и рудниками, усеянная деревеньками, процве-

тающими торговыми городками и древними замками. Она простирается от Щитовых островов в Закатном море, лежащих выше[81] устья Мандера, до самых верховий этой реки (где город Тамблтон), охватывая Хайгарден, Алое озеро, Золотую Рощу и Горький Мост.

Согласно старинным хроникам, рыцарство возникло как раз на зеленых полях Простора, последнего из указанных четырех королевств, которым в старину правили Гарденеры, а в более позднее время — потомки их стюардов, Тиреллы из Хайгардена. Певцы, чьи традиции зародились здесь же, во всех Семи Королевствах прославляют доблестных рыцарей и прекрасных дев этой земли.

Простор с давних пор и поныне являет собой великий край, подающий своим жителям обилие поводов для гордости. Это самое населенное, плодородное и могущественное владение в Семи Королевствах, богатством уступающее лишь золотоносному Западу; оплот наук, музыки, культуры, торговли и всех искусств, светлых и темных; житница Вестероса; родина великих мореплавателей, мудрых и благородных королей, жутких колдунов и красивейших женщин. Хайгарден, справедливо зовущийся прекраснейшим

замком державы, гордо взирает с вершины холма на Мандер, плещущийся под его стенами — самую длинную, самую широкую реку Семи Королевств. А блистательный Старомест можно сравнивать с Королевской Гаванью только по величине. Во всем же прочем он столицу затмевает, будучи древнее ее и великолепнее: его улицы — мощеные, дома — каменные, ратуши — с орнаментом. Также городу снискали славу три великих монумента: Звездная септа Святой Веры, Цитадель мейстеров и колоссальная Высокая башня с ее большим маяком — во всем известном мире наивысочайшим. Воистину, Простор — вотчина всего самого превосходного.

Гарт Зеленая Рука

История Простора начинается с Гарта Зеленой Руки, легендарного прародителя не одних лишь Тиреллов из Хайгардена, но и королей Гарденеров, что правили до них, а также всех остальных великих домов и благородных семейств Зеленого королевства.

Преданий о Гарте и в Просторе, и за его пределами — тысячи. В большинство из них невозможно поверить, многие к тому же противоречат друг

другу. В каких-то Зеленая Рука является современником Брана Строителя, Ланна Умного, Дюррана Богоборца и других ярких персонажей Века Героев, в других же — становится их предком.

Пишут, что Гарт был верховным королем Первых людей, и именно он привел их с востока в Вестерос по сухопутному мосту. В других сказаниях нас пытаются уверить, будто Гарт на несколько тысячелетий опередил пришельцев, и был, таким образом, не только первым человеком в Вестеросе, но и единственным. Согласно этим преданиям, он обошел весь материк вдоль и поперек, общаясь с великанами и Детьми Леса. Некоторые даже утверждают, что он был богом.

Даже относительно его имени существуют разногласия. Мы называем его Гарт Зеленая Рука, но в древних легендах он именуется Гартом Зеленовласым или просто Гартом Зеленым. В некоторых историях считают, будто у него были зеленые руки, зеленые волосы или зеленая кожа (порой ему приписывают даже оленьи рога). Согласно другим преданиям, он одевался во все зеленое с ног до головы — именно таким Гарта обычно изображают на картинах, гобеленах и в скульптуре. Однако более вероятно, что истоком этого прозвища стал его дар садовода и земледельца —

та черта, что превозносится во всех сказаниях. По словам певцов, «Гарт заставил зерно созревать, деревья плодоносить, а цветы распускаться».

Множество первобытных народов мира поклоняются богу или богине плодородия, и у Гарта есть очень и очень много общего с такими божествами. Говорят, что именно Гарт научил людей обрабатывать землю, а до него все люди занимались охотой и собирательством. Бесприютные, вечно скитались они в поисках пропитания, пока Гарт не даровал им семена и не показал, как сажать их и сеять, выращивать зерно и собирать урожай. (В некоторых сказаниях он пытался обучить этому и Старшие народы, но великаны взревели и забросали его камнями, а Дети Леса посмеялись над ним и заявили, что боги леса дают им все необходимое.) На земле, по которой ступал Гарт, появлялись фермы, деревни и сады. Через его плечо был перекинут холщовый мешок, полный семян, которые он разбрасывал на ходу. Как и подобает богу, мешок его не оскудевал, и были в нем семена всех деревьев, злаков, плодов и цветов, что существуют на свете.

Гарт Зеленая Рука, несущий в себе дар плодородия, не одну лишь землю заставлял приносить урожай. Легенды гласят, что он мог одним при-

косновением сделать бесплодных женщин родящими — даже старух, у которых уж более не было лунных кровотечений. Девы в его присутствии созревали, после его благословения матери разрешались двойней или даже тройней, а юные девушки расцветали от его улыбки. Куда бы он ни шел, лорды наравне с простым людом отдавали ему своих девственных дочерей, и злаки на их полях созревали, а деревья тяжелели от плодов. Никогда не случалось, чтобы дева, которую он лишил невинности, не принесла бы девять лун спустя сильного сына или прекрасную дочь. Во всяком случае, рассказывают именно так.

В некоторых из самых древних преданий Гарт Зеленая Рука предстает неким довольно темным божеством, требующим от верующих кровавых жертвоприношений ради обильного урожая. В других — каждую осень, когда листва опадает с деревьев, зеленый бог умирает, но возрождается вновь с приходом весны. Мифы такого содержания уже почти забыты.

Легенды эти, бережно хранимые простонародьем, и мейстеры Цитадели, и септоны Святой Веры считают сильно преувеличенными и придерживаются мнения, что Гарт был человеком, а не богом: скорее всего, вождем охотников, вое-

начальником или, возможно, незначительным королем. Также он вполне мог быть тем самым правителем, что первым через Руку Дорна (в те времена еще не перебитую) привел своих людей в дикий Вестерос, где прежде обитали только Старшие народы.

Будь он богом или человеком, все сказания едины в одном: на этой новой земле Гарт Зеленая Рука сделался отцом многим и многим детям. Какие-то из его отпрысков стали героями, королями или великими самовластными лордами, основавшими могущественные благородные дома, которые пережили тысячелетия.

НЕКОТОРЫЕ ИЗ ИЗВЕСТНЫХ ДЕТЕЙ ГАРТА ЗЕЛЕНОЙ РУКИ

ДЖОН ВЫСОКИЙ ДУБ, Первый Рыцарь, родоначальник рыцарства в Вестеросе (по общему мнению, огромный мужчина; в одних легендах — восьми футов ростом, в других — десяти или двенадцати, рожденный великаншей, которая зачала его от Гарта Зеленой Руки). Потомки Джона стали зваться Окхартами из Старого Дуба.

ГИЛБЕРТ ВИННАЯ ЛОЗА, который научил жителей Арбора делать сладкое вино из винограда, обильно и пышно произраставшего по всему острову. Основатель дома Редвинов.

ФЛОРИС ЛИСИЦА, самая хитрая из всех детей Гарта. Имела троих мужей, и ни один не подозревал о существовании соперников (от их сыновей ведут родословную дома Флорентов, Боллов и Пиков).

МАРИС ДЕВА, Прекраснейшая, столь прославленная своей красой, что пятьдесят лордов соперничали за ее руку на самом первом турнире Вестероса. (Победителем стал Аргот Каменная Шкура, Серый великан, но прежде чем он успел заявить права на Марис, девица вышла замуж за короля Утора из Высокой башни, и остаток своих дней Аргот бушевал у стен Староместа, яростно требуя вернуть свою невесту.)

ФОСС ЛУЧНИК, прославившийся тем, что сбивал стрелой яблоко с головы любой приглянувшейся ему девицы. К нему восходят обе ветви Фоссовеев: красного и зеленого яблока.

БРАНДОН КРОВАВЫЙ КЛИНОК, который изгнал из Простора великанов и воевал с Детьми Леса, убив столь многих у Синего озера, что с тех пор оно стало зваться Алым.

ОУЭН ДУБОВЫЙ ЩИТ, что завоевал Щитовые острова, прогнав обратно в море людей-тюленей и водяных.

ХАРЛОН ОХОТНИК и ГЕРНДОН ОХОТНИЧИЙ

РОГ, братья-близнецы. Они выстроили замок на вершине Рогова холма и взяли в жены прекрасную лесную ведьму, живущую в окрестностях. Сотню лет братья разделяли ее благосклонность (не старея так долго именно потому, что каждое полнолуние проводили в ее объятиях).

БОРС КРУШИТЕЛЬ, который пил только бычью кровь, благодаря чему обрел силу двадцати человек. Он основал дом Бульверов из Черного Венца (в некоторых преданиях говорится, что Борс выпил так много бычьей крови, что у него выросла пара блестящих черных рогов).

РОЗА С АЛОГО ОЗЕРА, оборотень, могла превращаться в журавля по своему желанию. Поговаривают, что эта способность и в наши дни иногда появляется у женщин из дома Крейнов, ее потомков.

ЭЛЛИН СЛАДЧАЙШАЯ, девушка, которая так любила мед, что разыскала огромный горный улей, где заключила договор с Пчелиным королем, обязавшись всегда заботиться о его детях и детях его детей. Эллин впервые начала разводить пчел и стала родоначальницей дома Бисбери.

РОВАН ЗОЛОТОЕ ДЕРЕВЦЕ, так горевавшая, когда возлюбленный покинул ее ради богатой соперницы, что обернула яблоко в свои золотые

волосы, посадила его на вершине холма и вырастила дерево, листья, кора и плоды которого отливали чистым золотом. Дом Рованов из Золотой Рощи восходит к ее дочерям.

Величайшим же из потомков Гарта Зеленой Руки стал его первенец, Гарт Садовник, носивший корону из лоз и цветов. Он устроил себе дом на вершине холма над Мандером, позже ставший известным как Хайгарден. Все прочие дети Гарта Зеленой Руки почитали Садовника и признали его законным королем всех людей на земле. От его семени пошел дом Гарденеров, и короли из этого дома правили Простором многие тысячи лет под знаменем с зеленой рукой, пока в Вестерос не пришли Эйгон Дракон и его сестры.

Велик список сыновей и дочерей Гарта Зеленой Руки, и легенд о них сложено очень и очень много. В Просторе едва ли найдешь знатный дом, который бы не кичился происхождением от одного из бесчисленных детей Гарта. Даже героев из других земель и королевств иногда причисляют к отпрыскам Зеленой Руки. Некоторые предания заставляют нас верить, что Брандон Строитель — потомок Брандона Кровавого Клинка, а Ланн Умный — бастард Флорис Лисицы или Рован Золотого Деревца. Впрочем, такие легенды суще-

ствуют лишь в Просторе. В Западных же землях чаще рассказывают, что Ланн обманул Зеленую Руку, выдав себя за его сына (которых у Гарта было так много, что зачастую он и сам их путал). Так Ланн сбежал с частью наследства, по праву причитавшегося настоящим детям Гарта.

Нельзя отрицать, что у Гарта Зеленой Руки действительно было множество детей, учитывая, сколь многие в Просторе утверждают, будто являются его потомками. Но то, что и все прочие знатные дома Вестероса также происходят от него, кажется весьма неправдоподобным.

Короли дома Гарденеров

История Простора времен Первых людей не слишком отлична от истории прочих королевств Вестероса. Щедрость этих зеленых плодородных земель не сделала местных жителей ни более миролюбивыми, ни менее жадными. Точно так же Первые люди здесь сражались с Детьми Леса, вытесняя их из священных лесов и полых холмов, так же вырубали богорощи своими огромными бронзовыми секирами. Точно так же королевства возникали, распадались и уходили в небытие, пока мелкие царьки и гордые лорды боролись друг

с другом за земли, золото и славу. А тем временем полыхали в огне города, рыдали женщины, и меч звенел о меч — год за годом, столетие за столетием.

И все же разница была — если не в сути, то в накале борьбы. Ибо почти все благородные дома Простора восходят к одним предкам и считаются друг другу родичами, ведя род от Зеленой Руки и его многочисленных детей. Многие хронисты полагают, что именно благодаря этим кровным узам дом Гарденеров твердо удерживал трон в течение последующих столетий. Потомки Гарта Садовника восседали на живом престоле (Дубовом троне), что рос прямо в стволе древнего дуба, взращенного самим Гартом Зеленой Рукой. В мирную годину они носили короны из цветов и виноградных лоз, а в дни войны меняли их на венцы с бронзовыми шипами (позже вместо бронзы появилось железо). И никто из прочих царьков даже не надеялся бросить вызов власти Хайгардена. Остальные могли величать себя королями, но Гарденеры, вне всяких сомнений, были верховными владыками Простора, и мелкие монархи выказывали им почтение, если не преклонение.

В ту пору испытаний и смятения земли Просто-

ра явили миру множество бесстрашных воинов. С тех самых пор и по сей день певцы славят деяния таких рыцарей как Сервин Зеркальный Щит, Давос Драконоборец, Роланд Боевой Рог и Рыцарь без Доспехов, а также легендарных королей, водивших героев в бой. Среди таковых — Гарт V Крушитель Дорнийцев, Гвейн I Галантный, Джайлс I Несущий Горе, Гарет II Беспощадный, Гарт VI Шипастая Булава и Гордан I Сероглазый.

Постоянным врагом многих из этих властителей были морские разбойники с Железных островов — в те темные и омытые кровью века они господствовали почти по всему западному побережью, от Медвежьего острова до самого Арбора. Благодаря своим быстроходным ладьям они могли налетать подобно ветру, исчезая до нанесения ответного удара. Чтобы застичь противника врасплох, пираты часто высаживались в самых неожиданных местах. И хотя Железные люди редко осмеливались забираться вглубь страны, все Закатное море находилось под их властью, и с жителей прибрежных рыбацких деревень ими взималась тяжкая дань. На Щитовых островах железнорожденные вырезали всех мужчин и пленили всех женщин, после чего, закрепившись там, стали безнаказанно совершать налеты на

поселения, лежащие выше по Мандеру.

Король Куоред, самый грозный из тогдашних предводителей островитян, бахвалился, что власть его простирается повсюду, «где люди могут чуять запах моря или слышать грохот прибоя». В Просторе его прозвали Куоредом Жестоким, а короли, сменившие его, заслужили прозвища Хагон Ужасный и Джорон Губитель Дев.

И вот с такими врагами короли дома Гарденеров сражались на протяжении трех столетий. Порой они объединяли усилия с королями Утеса и лордами Староместа, а временами боролись в одиночку. Не менее шести королей Простора сложили головы в битвах, среди них Гарет Беспощадный и Гарт Шипастая Булава, а Джайлса II пленили и пытали, после чего разрубили на мелкие кусочки и пустили на наживку для рыб. В конце концов, Гарденеры все же вырвали нелегкую победу из рук захватчиков. И каждый король из этой династии увеличивал владения своего дома, собирая все больше земель и лордов под властью Хайгардена.

Но, несмотря на все сказанное, многие хронисты и по сей день полагают, что самыми значимыми королями дома Гарденеров следует признавать миротворцев, а не воителей. О них

сложено меньше песен, но, несомненно, в анналах истории деяния Гарта III Великого, Гарланда II Жениха, Гвейна III Тучного и Джона II Высокого заняли достойное место. Гарт Великий расширил границы своего государства на север, присоединив Старый Дуб, Алое Озеро и Золотую Рощу с помощью соглашений о взаимной приязни и поддержке. Гарланду удалось добиться того же на юге — он присоединил к своему королевству Старомест, для чего выдал дочь замуж за Лаймонда Морского Льва из дома Хайтауэров, а сам, отказавшись от прежних жен, вступил в новый брак с дочерью лорда Лаймонда. Гвейн Тучный так рассудил спор лордов Пика и Мандерли, что убедил их присягнуть ему. И без единого сражения земли обоих лордов стали частью Простора. Джон Высокий поднялся на барке вверх по Мандеру до самых истоков, водружая свой стяг с зеленой рукой повсюду, где высаживался, и получил вассальную присягу от лордов и царьков, чьи земли тянулись вдоль берегов этой великой реки.

Величайшим же из всех Гарденеров стал Золотая Рука — король Гарт VII, никем не превзойденный и как воитель, и как миротворец. Еще мальчишкой он обратил в бегство дорнийцев десятитысячной армии короля Ферриса Фауле-

ра, выдвинувшейся на завоевание Простора по Широкому пути (как тогда называлось Принцево ущелье). Вскоре после того Золотая Рука обратил свой взор к морю и выбил со Щитовых островов последних железнорожденных. А затем вновь заселил острова самыми свирепыми воинами из числа своих вассалов. Он даровал им особые привилегии и сделал их первым рубежом защиты от пиратов Железных островов на случай, если те рискнут вернуться. Это решение оказалось крайне удачным, а жители Четырех Щитов и сегодня гордятся тем, что защищают устье Мандера и сердце Простора от любых нападений с моря.

В своей последней и самой главной войне Гарту VII довелось противостоять союзу Штормового короля и короля Утеса, вознамерившихся разделить Простор между собой. Но Гарт разбил обоих, а затем хитростью посеял раздор среди своих врагов, и те обратили оружие друг против друга в страшном побоище, получившем название битвы Трех Воинств. В конечном же итоге Гарт выдал своих дочерей за наследников упомянутых королей и с каждым из них заключил договор, закрепивший границы трех держав.

Но даже эти свершения бледнеют перед его значительнейшим деянием — миром, что длился

три четверти века. Гарт Золотая Рука стал королем Простора в двенадцать лет и скончался на Дубовом троне в девяносто три, будучи все еще крепок умом (хотя и слаб телом). За восемьдесят один год его царствования Простор находился в состоянии войны менее десяти лет. Несколько поколений мальчиков появились на свет, возмужали, завели собственных сыновей и умерли, так и не познав, каково это — взять в руки копье и щит и уйти на войну.

И на время этого долгого мира в Просторе воцарилось невиданное доселе благоденствие. Златое Царствие — под таким именем вошла в историю пора, когда страна воистину процветала.

Однако любому золотому веку рано или поздно приходит конец, так случилось и на землях Простора. Гарт Золотая Рука покинул этот мир, Дубовый трон занял его правнук, по прошествии лет уступив его своим сыновьям.

А потом явились андалы.

Андалы в Просторе

Андалы добрались до Простора поздно.

Преодолев на своих ладьях Узкое море, сначала они высаживались в Долине, позже — по всему

восточному побережью, однако же путь к проливу Редвинов и Закатному морю им преградили флотилии Арбора и Староместа. Несомненно, рассказы об изобилии Простора, о богатстве и могуществе владык Хайгардена доходили до ушей многих андальских военачальников, но от Зеленого королевства их отделяли иные земли с иными властителями.

Поэтому короли дома Гарденеров узнали о приходе андалов в Вестерос задолго до того, как те достигли Мандера. Они наблюдали за битвами в Долине, Штормовых и Речных землях издалека. Наблюдали и учились. И будучи, пожалуй, мудрее правителей других областей, властители Простора не допустили роковой ошибки последних — они не стали заключать союзов с андалами против собственных соседей. Гвейн IV Богобоязненный послал людей на поиски Детей Леса в надежде, что древовидцы своей магией помогут остановить захватчиков. Мерн II Каменщик возвел новую стену вокруг Хайгардена и приказал своим лордам-знаменосцам усилить защиту собственных замков. Мерн III Сумасбродный осыпал золотом и почестями лесную ведьму, обещавшую поднять армию мертвецов, которая заставит андалов убраться восвояси. Лорд Редвин построил

новые корабли, а лорд Хайтауэр укрепил стены Староместа.

Но великие сражения, ожидаемые всеми, так никогда и не случились. Шло время, завоевание восточного побережья завершилось, сменились поколения, и андалы образовали без малого полсотни независимых государств, причем многие из них не ладили друг с другом. А в Хайгардене на Дубовый трон один за другим взошли Три Мудрых короля.

Гарт IX Гарденер, его сын Мерль I Кроткий и внук Гвейн V между собой очень разнились, но все трое в отношении андалов предпочли сотрудничество и слияние народов вооруженному противостоянию. Гарт IX допустил к своему двору септона, сделав его одним из своих советников, и построил первую в Хайгардене септу, хотя сам продолжал молиться в дворцовой богороще. Его сын, Мерль I, принялся исповедовать веру в Семерых и отпускал деньги на строительство септ, септриев и обителей Матери по всему Простору. Гвейн V стал первым Гарденером, рожденным в Святой Вере, и первым, кто был посвящен в рыцари, отстояв бдение и с соблюдением всех обрядов. (Многим из его благородных предков певцы и сказители приписали рыцарство посмертно, но,

на самом деле, эти обычаи появились в Вестеросе только с приходом андалов.)

И Мерль I, и Гвейн V взяли в жены андальских дев, чтобы привлечь их отцов на свою сторону. Все три короля принимали чужестранцев на службу в качестве домашних рыцарей или вассалов. Среди тех, кто удостоился этой чести, был и андальский рыцарь сир Алестер Тирелл, присягнувший Гвейну V. Доблесть сира Алестера на ратном поле была столь велика, что король назвал его своим защитником и первым мечом. Со временем потомки сира Алестера получили от Гарденеров наследственную должность стюарда Хайгардена.

А пришедших в Простор наиболее могущественных андальских вождей Три Мудрых короля наделяли землей и титулами лордов в обмен на клятву верности. Гарденеры привлекали ко двору андальских ремесленников и поощряли своих знаменосцев делать то же самое. Особенно щедро награждались умелые кузнецы — поскольку учили Первых людей ковать железное оружие и доспехи вместо бронзовых; а также каменщики — ибо с их помощью усиливалась мощь крупных замков и малых крепостей.

В последующие годы большинство новых

лордов остались верными своим клятвам, хотя кое-кто и отрекся от них. Более того, бывшие враги со своими вассалами даже помогали подавлять восстания мятежников и бок о бок с Первыми людьми защищали Простор от отрядов тех андальских царьков, что пришли позже. Как превосходно было сказано королем Гартом IX: «Убив волка, напавшего на стадо, добьешься лишь короткой передышки перед появлением других хищников. А если волка прикормить и приручить, а щенков его сделать своими сторожевыми псами — те защитят тебя, когда накинется целая стая». Король Гвейн V высказался еще более кратко: «Они дали нам Семерых, мы дали им землю и дочерей, а наши сыновья и внуки станут друг другу братьями».

Многие знатные дома Простора возводят свою родословную к андальским воителям, получившим от Гарта IX, Мерля I и Гвейна V земельные наделы и родовитых жен. Среди них Ормы, Парены[82], Грейсфорды, Кью, Рокстоны, Уфферинги, Лейгуды и Варнеры. По прошествии веков отпрыски этих домов столь часто вступали в браки с потомками Первых людей, что отличить их друг от друга стало невозможно. Мало найдется в истории завоеваний, что обошлись бы столь

малой кровью.

Века, последовавшие за приходом андалов, нельзя назвать столь же мирными. Среди Гарденеров, занимавших Дубовый трон, были мужи сильные и слабые, умные и глупые, была даже одна женщина, но лишь немногие из них унаследовали прозорливость и хитроумие Трех Мудрых королей, так что золотой мир Гарта Золотой Руки более не повторился. Всю ту долгую эпоху — от слияния с андалами и до пришествия драконов — короли Простора постоянно воевали со своими соседями ради земель, власти и славы. Врагами Гарденеров побывали (впрочем, зачастую — и их союзниками) и короли Утеса, и властители Рек и Холмов, и Штормовые короли, и многочисленные вздорные правители Дорна.

Вершины могущества Хайгарден достиг при Джайлсе III Гарденере, который повел в Штормовые земли великолепно вооруженное рыцарское войско, разбил армию престарелого Штормового короля и захватил все области к северу от Дождливого леса, кроме самого Штормового Предела — Джайлс безуспешно осаждал замок целых два года. Он мог бы с успехом завершить свое завоевание, однако в его отсутствие в Простор вторгся король Утеса. Джайлсу пришлось снять

осаду и поспешить домой, чтобы отразить угрозу с Запада. Война набирала обороты, и вскоре в нее вступили три короля из Дорна и два — из Речных земель. Но после смерти Джайлса III от кровавого поноса военные действия подошли к концу, и вновь установленные границы королевств более или менее совпали с существовавшими до начала кровопролития.

Резкий упадок могущества Гарденеров наступил в пору долгого правления короля Гарта X, прозванного Гартом Седобородым. Он был коронован в возрасте семи лет, а умер в девяносто шесть, пробыв у власти даже дольше, чем его знаменитый предок Гарт Золотая Рука. И хотя в молодости Гарт X был человеком весьма деятельным, правитель из него вышел тщеславный и легкомысленный, собиравший в своем окружении глупцов и льстецов. Король не обладал ни мудростью, ни хитростью, а в старости вовсе лишился рассудка. И его милость, будучи слабоумным, долгие годы служил игрушкой то одной, то другой партии из его приближенных, которые грызлись друг с другом за власть и богатство.

У Гарта X не было сыновей, но одну из его дочерей взял в жены лорд Пик, а другую — лорд Мандерли, и каждый из них был твердо уверен,

что именно его жене надлежит наследовать. Их соперничество отметили и предательство, и заговор, и убийство, и, наконец, оно переросло в открытую войну. А прочие лорды присоединялись к обеим сторонам.

Пока лорды Простора были на ножах, а король — слишком немощен, чтобы осознавать происходящее, а тем более чему-либо воспрепятствовать, Штормовой король и король Утеса воспользовались случаем и захватили обширные территории Простора. В ту же годину набеги дорнийцев стали более частыми и дерзкими. Один из дорнийских королей осадил Старомест, а другой — пересек Мандер и разграбил Хайгарден. Дубовый трон, что был предметом гордости дома Гарденеров на протяжении несчетных лет, изрубили в куски и сожгли, а дряхлый король был найден привязанным к кровати и стенающим в луже собственных нечистот. Дорнийцы перерезали ему горло (позже назвав это «милосердием»), а затем предали дворец огню, разграбив все его богатства.

За этими событиями последовало десятилетие безвластия и смут. Но, в конце концов, два десятка великих домов Простора, объединились под предводительством верховного стюарда, сира Осмунда Тирелла. Они одолели Пиков и Ман-

дерли, отбили руины Хайгардена и короновали троюродного брата столь бесславно сгинувшего Гарта Седобородого. На новый трон король взошел под именем Мерна VI Гарденера.

Мерн VI, будучи сам человеком скромных дарований, прислушивался к советам своих талантливых стюардов. Сира Осмунда Тирелла на этом поприще с течением лет сменил его сын, сир Роберт, а позднее внук — Лорент. Положившись на их острый ум, Мерн правил достойно, отстроил Хайгарден и сделал очень многое для восстановления и дома Гарденеров, и Простора. Его сын, Гарт XI, завершил начатое отцом, отомстив дорнийцам так жестоко, что лорд Хайтауэр позже заметил: Красные горы были зелеными, пока Гарт не раскрасил их дорнийской кровью. И оставшиеся годы его долгого царствования короля величали не иначе, как Гарт Живописец.

И все пошло своим чередом — король сменял короля, за войной приходил мир. Несмотря ни на что, знамя с зеленой рукой гордо реяло над Простором, пока король Мерн IX не вышел навстречу Эйгону Таргариену и его сестрам на Пламенном Поле.

Старомест

Любая история Простора будет неполной без взгляда на Старомест. Величайший и древнейший из городов, он и сейчас является самым богатым, самым большим и самым прекрасным во всем Вестеросе, пусть даже Королевская Гавань и затмила его по количеству населения.

Насколько Старомест на самом деле стар? Многие мейстеры задавались этим вопросом, но точного ответа мы не знаем: возникновение города покрыто патиной времени и окутано туманом легенд. По утверждениям некоторых невежественных септонов, город заложили сами Семеро. Другие заявляют, что на острове Битвы некогда гнездились драконы, пока первый из Хайтауэров не положил этому конец. Многие простолюдины верят, будто Высокая башня просто взяла и появилась в один прекрасный день сама по себе. Скорее всего, полная и подлинная история основания Староместа так и останется неведомой.

Впрочем, мы с уверенностью можем полагать, что в устье Медовой люди жили еще с Рассветной эпохи. Это подтверждают как древнейшие руни-

ческие записи, так и те немногие обрывочные сведения, что дошли до нас от мейстеров, живших среди Детей Леса. Один из них, мейстер Джелико, считает, что поселение в самом северном уголке залива Шепотов поначалу служило прибрежным рынком, где моряки из Валирии, Старого Гиса и с Летних островов пополняли запасы провизии, ремонтировали судна и торговали со Старшими народами. Пожалуй, это предположение не хуже любого другого.

Однако тайн по-прежнему немало. Каменистый остров, на котором стоит Высокая башня, даже в самых древних записях зовется островом Битвы, но почему? Что это была за битва? Когда она произошла? Между какими лордами, королями, народами? Об этом, как правило, молчат даже певцы.

Еще большей загадкой для ученых мужей и историков является огромная квадратная крепость из черного камня, возвышающаяся над островом. Мы знаем наверняка, что это потрясающее сооружение на тысячи лет старше верхних ярусов, пусть даже на протяжении почти всей летописной истории оно всего лишь служило основанием и нижним уровнем Высокой башни.

Кто построил его? Когда? Зачем? Большинство

мейстеров соглашаются с общеизвестным мнением, что крепость — валирийской работы, ибо ее массивные стены и запутанные внутренние помещения выполнены из цельного камня без единого намека на стыки, известь или отметины зубила. Постройки такого типа можно увидеть и в других местах, наиболее знаменитые из них — тракты Валирийской Республики и Черные стены, защищающие сердце Старого Волантиса. Как мы знаем, драконьи владыки Валирии владели искусством превращать камень в жидкость, используя пламя драконов. Размягченной породе придавались нужные очертания, а при застывании она становилась крепче железа, стали или гранита.

Если крепость действительно построили валирийцы, можно предположить, что повелители драконов прибыли в Вестерос за тысячи лет до постройки заставы на Драконьем Камне, задолго до прихода андалов и даже Первых людей. И, если так, то для чего? Явились ли они ради торговли? Быть может, они были рабовладельцами, стремящимися заполучить великанов? Или желали научиться у древовидцев и чардрев магии Детей Леса? А может, у них была другая, более зловещая, цель?

Подобных вопросов довольно и поныне. До Рока Валирии мейстеры и архимейстеры часто отправлялись в Республику, пытаясь отыскать ответы, но успехов так и не снискали. Септон Барт заявлял, что валирийцы прибыли в Вестерос потому, что их жрецы предсказали, будто Рок Человеческий нагрянет из-за Узкого моря. Утверждение это можно с уверенностью считать вздором, как и многие другие, еще более причудливые, его убеждения и предположения.

Большую трудность представляют, но и более внимательного рассмотрения заслуживают доводы, выдвинутые теми, кто полагает, что первую крепость построили вовсе не валирийцы.

Литой черный камень, из которого она сделана, указывает на Валирию, а вот неброская, без всяких излишеств, архитектура — нет, ибо драконьи владыки обожали украшательство, придавая камню странные и вычурные очертания. Внутри крепости проложены узкие извилистые проходы без окон, напоминающие скорее туннели, а не залы. Потеряться в их бесконечных поворотах — легче легкого. Возможно, это лишь защитная мера, позволяющая сбить с толку противника, но, опять же, выглядят такие особенности очень не по-валирийски. Эти запутанные проходы на-

вели архимейстера Квиллиона на мысль о том, что, возможно, крепость — творение строителей лабиринтов, загадочного исчезнувшего народа, следы которого можно найти в Лорате, на берегах Студеного моря. Предположение любопытное, но оно порождает больше вопросов, чем дает ответов.

Сто лет назад мейстер Терон предложил еще более причудливую догадку. Этот бастард с Железных островов заметил некое сходство между черным камнем старинной крепости и тем, что послужил материалом для Морского трона, на котором восседают главы дома Грейджоев, и чье древнее происхождение также окутано тайной. В своей довольно сырой рукописи под названием «Странный камень» Терон пишет, что и крепость, и трон могут быть творением странного и уродливого народа полулюдей, у которых в матерях — человеческие женщины, а в отцах — твари из соленых морских глубин. Эти бездняки, как называет их Терон, стали прообразом водяных из легенд, по его словам, а их жуткие отцы стоят за верой железнорожденных в Утонувшего бога.

«Странный камень» — редкая книга, притягивающая взор благодаря обилию подробных и несколько пугающих изображений. Текст же

местами читается с огромным трудом: мейстер Терон был одаренным художником, но плохим писателем. В любом случае, этот трактат, не имеющий под собой никакой реальной основы, не стоит воспринимать всерьез. И, таким образом, мы возвращаемся к началу и вынуждены признать, что происхождение Староместа, острова Битвы и его крепости навсегда останется для нас загадкой.

Неведома нам и судьба ее строителей, кем бы они ни были, как и причины, по которым они покинули крепость. Но с определенной уверенностью можно сказать, что остров Битвы и его громадная твердыня перешли во владение предков дома Хайтауэров. Были ли они Первыми людьми, как считает сегодня большинство ученых мужей? Или, возможно, потомками мореходов и торговцев, что поселились в северном углу залива Шепотов в еще более древние времена, прежде Первых людей? Этого нам знать не дано.

На страницах истории Хайтауэры сразу предстают королями, правящими Староместом с острова Битвы. Согласно хроникам, первая «высокая башня[83]» была деревянной и возвышалась на пятьдесят футов над древней крепостью,

служившей ей основанием. Ни она, ни более высокие бревенчатые башни следующих столетий не были жилыми: они лишь служили маяками и были построены, чтобы освещать путь торговым судам в окутанных туманами водах залива Шепотов. Жили же первые Хайтауэры внизу, среди мрачных чертогов, залов и покоев из странного камня. Только с постройкой пятой по счету Высокой башни, и первой, выполненной целиком из камня, она стала жилищем, достойным великого дома. Как утверждают, та башня поднялась над гаванью на двухсотфутовую высоту. Кто-то считает, что ее воздвигли по замыслу Брандона Строителя, по утверждению других — его сына, тоже Брандона. А короля, заказавшего это здание и оплатившего возведение, помнят как Утора из Высокой башни.

С тех пор его потомки, ставшие королями, тысячи лет правили Староместом и землями вдоль Медовой. В их растущий город прибывали торговцы со всего мира. По мере того, как Старомест становился все богаче и могущественнее, соседние лорды и царьки все с большим вожделением взирали на его сокровища; до заморских разбойников и пиратов также дошла молва о великолепии города. За одно столетие Старомест

захватывали и разоряли трижды. Первым грабителем стал дорнийский король Сэмвелл Дейн Звездный Огонь; вторым — Куоред Жестокий со своими железнорожденными; третьим — Джайлс I Гарденер Несущий Горе, который, как рассказывают, продал в рабство три четверти населения города (тем не менее, прорвать оборону Высокой башни он все-таки не смог).

Поскольку частокола и рва для защиты города оказалось явно недостаточно, следующий король Высокой башни, Ото II, посвятил большую часть своего царствования возведению массивных каменных стен вокруг Староместа, на то время самых высоких и толстых во всем Вестеросе. Пишут, что это начинание разорило город на три поколения вперед, но стены получились столь мощными, что в будущем налетчикам и завоевателям пришлось искать наживы в другом месте. Те же, кто все-таки пробовали напасть на Старомест, уходили ни с чем.

Присоединить правящий дом к королевству Простора помогла не война, а долгие переговоры и брачные союзы. Когда Гарланд II Гарденер взял в жены дочь Лаймонда Морского Льва, отдав тому руку собственной дочери, Хайтауэры стали знаменосцами Хайгардена. Из богатых, хотя и

сравнительно мелких королей, они превратились в величайших лордов Простора. (Старомест последним из древних государств преклонил колено перед Хайгарденом. Чуть раньше последний король Арбора сгинул в море, что позволило его кузену, королю Мерину III[84] Гарденеру, присоединить остров к своим владениям.)

Согласно брачному договору, Гарденеры, кроме прочего, обязались защищать город от нападения с суши, что позволило лорду Лаймонду целиком посвятить себя «великой цели» — судостроению и покорению морских просторов. К концу его правления ни один из лордов или королей Вестероса не мог соперничать с домом Хайтауэров на море. И сегодня огромная статуя Лаймонда Хайтауэра, взирающего на залив Шепотов, возвышается над гаванью Староместа. Последнего короля Хайтауэра до сих пор помнят как Морского Льва.

Потомки лорда Лаймонда разделяли его воззрения. За редкими исключениями, их мало интересовали чужие сады. Они предпочитали возделывать собственные, избегая ввязываться в бесконечные свары местных царьков, а позднее — и Семи Королевств. «Хайгарден защищает наш тыл, — высказался однажды лорд Джереми Хайтауэр, — поэтому мы вольны устремлять

свой взор вдаль, к морю и далеким землям». И лорд Джереми, именно что устремив взор к морю, построил еще больше кораблей для защиты торговых путей и удвоил богатства города. Его сын, Джейсон, удвоил их снова. Также он перестроил Высокую башню, сделав ее выше еще на сто футов.

Когда пришли андалы, Хайтауэры стали одними из первых лордов Вестероса, радушно их принявшими. «Войны мешают торговле», — заявил лорд Дориан Хайтауэр, оставляя супругу и мать своих детей, с которой прожил двадцать лет, чтобы жениться на андальской принцессе. Его внук, лорд Дамон Праведный, первым принял Святую Веру. Чтобы почтить Новых богов, он построил в Староместе первую септу и еще шесть в других уголках своих владений. После того, как Дамон скоропостижно скончался, мучаясь животом, септон Роубсон стал регентом его новорожденного сына. Следующие двадцать лет он был правителем Староместа во всем, кроме титула, а впоследствии — первым верховным септоном. Когда Роубсон умер, лорд Тристон Хайтауэр (юноша, которого тот вырастил и выучил) возвел в его честь Звездную септу.

В более поздние столетия Старомест стал

неоспоримым средоточием Святой Веры всего Вестероса. В отделанных темным мрамором залах Звездной септы один верховный септон за другим надевал хрустальную корону (первая из которых была даром Святой Вере от лорда Баррриса, сына лорда Тристона), чтобы служить Гласом Семерых на земле, повелевать Святым воинством и сердцами всех верующих от Дорна до Перешейка. Старомест стал для них священным городом, и многие набожные мужчины и женщины отправлялись туда, чтобы помолиться у алтарей, в септах и других святых местах города. Без сомнения, те узы, которыми Хайтауэры связали себя с Семерыми, зачастую позволяли им оставаться в стороне от бесчисленных войн дома Гарденеров.

Под защитой Хайтауэров и массивных городских стен в Староместе процветала не только Святая Вера. За тысячи лет до того, как открылись двери первой септы, город стал обителью Цитадели, куда мальчики и молодые парни со всего Вестероса приходили учиться и ковать мейстерскую цепь. Более великого храма знаний не найти во всем мире.

Происхождение Цитадели почти так же таинственно, как и самой Высокой башни. Большинство приписывает ее основание второму сыну

Утора из Высокой башни, принцу Перемору Скрюченному. Этот болезненный мальчик родился с кривой спиной и иссохшей рукой и почти всю свою короткую жизнь был прикован к постели, но его любопытство к миру за окном не знало границ. И Перемор обратился к мудрецам, учителям, жрецам, лекарям, певцам, а также к некоторым чародеям, алхимикам и колдунам. Рассказывают, будто для принца не было ничего слаще споров этих книжников. Когда Перемор умер, его брат, король Урригон, даровал большой кусок земли на берегу Медовой «питомцам Перемора», чтобы те могли осесть там и продолжить учение, преподавание и поиски истины. Что они и сделали.

Ко времени Завоевания Эйгона, Старомест, безусловно, был величайшим городом Вестероса — самым большим, богатым и населенным, оплотом наук и веры. И все же он мог бы разделить участь Харренхолла, если бы не близость между Высокой башней и Звездной септой — именно верховный септон убедил лорда Манфреда Хайтауэра не оказывать сопротивления Эйгону Таргариену и его драконам, а напротив, открыть ворота Завоевателю и присягнуть ему на верность.

Предотвращенная было война все же разго-

релась поколение спустя, когда развернулась кровопролитная борьба между Святой Верой и вторым сыном Завоевателя, королем Мейгором, метко прозванным Жестоким. В первые годы царствования этого короля должность верховного септона принадлежала родственнику Хайтауэров по браку[85]. И его внезапную смерть в 44 году от З.Э. (случившуюся вскоре после того, как Мейгор, разъяренный тем, что его святейшество осудил поздние браки короля, пригрозил сжечь Звездную септу драконьим огнем) считают удачным совпадением, поскольку она позволила лорду Мартину Хайтауэру открыть ворота до того, как Балерион и Вхагар дали волю пламени.

Впрочем, неожиданная смерть верховного септона в 44 году от З.Э. вызвала немало подозрений, и об убийстве шепчутся вплоть до нынешних дней. Кое-кто верит, что его святейшество устранил собственный брат, сир Морган Хайтауэр, командующий Сынами Воина в Староместе (нельзя отрицать, что сир Морган был единственным из Сынов Воина, которого помиловал король Мейгор). Другие подозревают ходившую в девицах тетку лорда Мартина[86], леди Патрису Хайтауэр, но все их доводы, похоже, сводятся к тому, что яд — оружие женщин. Были даже

предположения, что за смертью верховного септона могла стоять и Цитадель, но звучит это, в лучшем случае, надуманно.

Дом Тиреллов

Хотя королевская кровь и течет в жилах Тиреллов (впрочем, как и в жилах полусотни других великих домов Простора), носить корону этому роду никогда не доводилось. Сир Алестер Тирелл, основатель династии, был из числа андальских искателей удачи. Позже он смог стать защитником и первым мечом короля Гвейна V Гарденера, одного из Трех Мудрых королей. Выдающимся рыцарем стал и старший сын сира Алестера, но, к сожалению, он погиб на одном из турниров. Второй же сын Тирелла, Гарет, был скорее книжником, а не воином. Отвергнув путь рыцаря, он выбрал для себя службу королевского стюарда. Именно от него ведут свою родословную сегодняшние Тиреллы.

Гарет Тирелл и его сын Лео выполняли свои обязанности так умело, что Гарденеры учредили наследственную должность Верховного стюарда, и в этом звании веками трудились многие поколения Тиреллов. Многие из них стали до-

веренными лицами и советниками королей, которым служили; а некоторые даже становились кастелянами Хайгардена в военную пору. Истории известен, по крайней мере, один Тирелл, что правил Простором как регент при несовершеннолетнем короле Гарланде VI. Король Джайлс III Гарденер объявил Тиреллов «своими самыми верными слугами», а король Мерн VI был так доволен ими, что отдал сиру Роберту Тиреллу руку своей младшей дочери (что позволило их сыновьям, внукам и всем следующим поколениям заявлять о происхождении от Гарта Зеленой Руки). Это был первый брак, связавший дома Гарденеров и Тиреллов, а в следующие столетия между ними было заключено еще девять супружеских союзов.

Однако совсем не из-за их королевской крови Эйгон Завоеватель назвал Тиреллов лордами Хайгардена, Хранителями Юга и Верховными лордами Простора после того, как на Пламенном Поле сгинул со всеми своими сыновьями последний король дома Гарденеров, Мерн IX. Эту честь своим благоразумием заслужил Харлан Тирелл, когда открыл Эйгону ворота Хайгардена и вместе со своей семьей присягнул дому Таргариенов.

Впоследствии многие великие дома Простора

горестно сетовали, что их сделали вассалами «стюарда-выскочки», и ссылались на свою кровь, считая ее куда более благородной, чем у Тиреллов. Нельзя отрицать, что дома Оккхартов из Старого Дуба, Флорентов из Ясноводного Чертога, Рованов из Золотой Рощи, Пиков из Звездного Пика и Редвинов с Арбора были древнее Тиреллов, с более впечатляющими родословными, и все они состояли в более близком родстве с домом Гарденеров. Однако их протесты не принесли плодов... возможно, отчасти потому, что все эти дома выступили с оружием в руках против Завоевателя и его сестер на Пламенном Поле, тогда как Тиреллов там не было.

Выбор Эйгона Таргариена оказался верным. Лорд Харлан стал весьма умелым наместником Простора, хотя правил он лишь до 5 года от З.Э. Во время Первой Дорнийской войны Харлан Тирелл исчез где-то в песках — а с ним и вся его армия.

Его сыну, Тео Тиреллу, по понятным причинам не хотелось принимать участие в дальнейших попытках завоевания Дорна, но война, перехлестнувшая за Красные горы, все же затянула и его. А позже, после заключения мира между Таргариенами и Дорном, лорд Тео сосредоточился на укреплении власти дома Тиреллов. Он собрал со-

вет септонов и мейстеров, чтобы рассмотреть и, в конечном итоге, отклонить самые настойчивые притязания тех, кто утверждал, будто право на владение Хайгарденом принадлежит им.

Будучи лордами Хайгардена и Хранителями Юга, потомки этих «стюардов-выскочек» входят в число самых могущественных лордов королевства. Их не раз призывали подняться на бой под знаменами Таргариенов, и в большинстве случаев Тиреллы, как верноподданные, являлись по зову королей. Тем не менее, в дни Танца Драконов они мудро остались в стороне, так как лорд Тирелл в ту пору еще лежал в пеленках, а его мать и кастелян решили уберечь Хайгарден от этой кошмарной братоубийственной кровавой бойни.

Позже, когда Юный Дракон, король Дейрон I Таргариен, двинулся на Дорн, Тиреллы возглавили основную часть войск и повели через Принцево ущелье, доказав тем самым, что доблестью никому не уступят. Лорд Лионель Тирелл служил королю верой и правдой (возможно, даже с излишней отвагой), и за это Юный Дракон вверил ему покоренное королевство, после чего с триумфом вернулся в столицу. Его светлость на время преуспел в замирении дорнийцев, однако же претерпел ужасную смерть на печально

известном ложе скорпионов. Убийство лорда Лионеля стало искрой, воспламенившей пожар охватившего Дорн восстания, которое в итоге привело к гибели и самого Дейрона I, бывшего в ту пору всего лишь восемнадцатилетним.

В последующие годы самым выдающимся потомком злосчастного лорда Лионеля стал лорд Лео Тирелл, победитель турниров, знаменитый и по сей день под именем Лео Длинный Шип. Многие считают, что он был величайшим поединщиком всех времен. Лорд Лео также отличился в годину Первого восстания Блэкфайра, одержав славные победы в Просторе над местными приверженцами Деймона Черного Пламени. Все же войска Тиреллов оказались не в состоянии собраться достаточно быстро, чтобы вовремя прибыть на Краснотравное поле.

Нынешний лорд Хайгардена, Мейс Тирелл, был верен дому Таргариенов, и в дни восстания Баратеона сражался за короля. Он разбил самого Роберта в битве при Эшфорде, а после почти год осаждал его брата Станниса в Штормовом Пределе. Но после смерти Безумного короля Эйриса и его сына, принца Рейгара, лорд Мейс сложил оружие. Сейчас он вновь Хранитель Юга, верноподданный Железного трона и короля Роберта.

Хайгарден

Великий замок Хайгарден, древняя обитель дома Тиреллов, а до них — королей Гарденеров, взирает на тихие воды могучего Мандера с вершины зеленого холма. Заметный издалека, он «кажется неотъемлемой частью природного пейзажа, и можно даже подумать, будто он вырос там, а не был построен». Многие считают Хайгарден прекраснейшим замком Семи Королевств, спорить с этим находят нужным разве что жители Долины, отдавая предпочтение собственному Орлиному Гнезду.

Холм, на котором стоит Хайгарден — не крут и не каменист, но обширен, а соразмерность его пологих склонов ласкает взор. Со стен и башен замка, за садами, лугами и цветочными полями (среди которых и поля золотых роз, издревле цветущих на щитах Тиреллов) открывается вид на много лиг во все стороны.

Крепость опоясывают три кольца зубчатых стен из превосходно отесанного белого камня. Каждая из этих стен выше и толще расположенной ниже, каждая укреплена изящными, словно юные девы, башнями. Между внешней стеной,

окаймляющей подножье холма, и средней раскинулся знаменитый терновый лабиринт, огромная запутанная головоломка из колючей живой изгороди. Веками он восхищает жителей и гостей Хайгардена и служит для их развлечения... а также для обороны, ибо злоумышленникам, не знакомым с лабиринтом, будет непросто отыскать среди его тупиков и ловушек путь к воротам замка.

А внутри, за стенами, все утопает в зелени, укрепления окружены садами, беседками, бассейнами, фонтанами, двориками и рукотворными водопадами. Старые здания густо поросли плющом, а по статуям, стенам и башням вьются виноградные лозы и шиповник. Немного найдется дворцов, подобных Хайгардену, столь изобильных скульптурой, фонтанами и колоннадами. И повсюду — цветы... Изящные круглые башни возвышаются над своими куда более древними (и мрачными) квадратными соседками, самые старые из которых воздвигли еще в Век Героев. Все прочие части замка появились гораздо позже, в основном их возводили при короле Мерне VI. Ему пришлось заново отстраивать Хайгарден после того, как старый замок был разрушен дорнийцами в дни правления Гарта Седобородого.

В Хайгардене отдают должное как старым богам, так и новым. Ряды витражей, прославляющих Семерых и вездесущего Гарта Зеленую Руку, украшают замковую септу, с великолепием которой могут соперничать разве что Великая септа Бейлора в Королевской Гавани и Звездная септа Староместа. Почти так же известна и роскошная цветущая богороща Хайгардена, знаменитая тем, что вместо единственного сердце-древа здесь высятся целых три древних прекрасных и величественных чардрева. За прошедшие столетия они так крепко срослись, что выглядят единым деревом с тремя стволами, льнущими друг к другу над безмятежными водами пруда. По легенде, эти деревья, называемые в Просторе Тремя Певцами, посадил сам Гарт Зеленая Рука.

Во всех Семи Королевствах нет замка, которому посвятили бы больше песен, чем Хайгардену. И это неудивительно — Тиреллы, как и Гарденеры до них, сделали свой двор обителью культуры, музыки и высокого искусства. В дотаргариеновскую пору короли Простора со своими королевами устраивали турниры любви и красоты, где лучшие рыцари Простора боролись за расположение прекраснейших дев, соревнуясь не только в военном искусстве, но и поэзии, а также

демонстрировали ревностное служение идеалам добродетели, благочестия и целомудрия. Величайшим бойцам, мужам столь же благородным, достойным и чистым сердцем, сколь и превосходно владеющим оружием, оказывали честь, приглашая их вступить в Орден Зеленой руки.

Хотя последние члены этого благородного ордена погибли на Пламенном Поле подле своего короля (за исключением рыцарей из дома Мандерли, что и в наши дни заявляют о своей принадлежности к нему), в Просторе, где Тирреллы продолжают пестовать доблесть и отвагу, поддерживая лучшие традиции рыцарства, память о нем жива и поныне. Турнир на поле Роз, устроенный в дни царствования Старого короля Джейхейриса I, был единодушно признан величайшим турниром поколения, а впоследствии в Просторе было проведено еще множество славных турниров.

Штормовые земли

Шторма Узкого моря печально известны и в Семи Королевствах, и в девяти Вольных городах. Они бушуют в любое время года, но мореходы утверждают, что злейшие из них приходят осенью. Зарождаясь на юге, в теплых водах Летнего моря, ураганы с ревом мчатся на полночь над суровыми каменистыми островами Ступеней. Согласно записям Цитадели, больше половины из них устремляются на север и северо-запад через Мыс Гнева и Дожделесье, пересекают воды залива Разбитых кораблей, набирая там мощь и влагу, и обрушиваются на Штормовой Предел, стоящий на мысе Дюррана.

От этих великих бурь Штормовые земли и получили свое имя.

Сердце древнего королевства обретается в Штормовом Пределе, последнем и величайшем замке из тех, которые в Век Героев здесь возводил король из легенд, Дюрран Богоборец. Суровый и неприступный, Штормовой Предел возвышается над мощными утесами мыса Дюррана. К полудню, за предательскими рифами и неукроти-

мыми водами залива Разбитых кораблей, лежит полуостров Мыс Гнева. Две трети его северной части захвачены влажными зелеными зарослями Дождливого леса, а южнее простирается широкая равнина, плавно спускаясь к Дорнийскому морю. Его побережье усеивают многочисленные рыбацкие деревушки. Здесь же расположен Скорбящий городок, названный так потому, что именно там тело павшего от рук убийц в Дорне короля-воителя Дейрона I Таргариена было возвращено его королевству. В порту и на рынках городка процветает торговля, и товары для полуострова, в основном, проходят через эту гавань.

Великий остров Тарт, с его водопадами, озерами и высокими горами, тоже считается частью Штормовых земель, как и Эстермонт, и множество мелких островков у Мыса Гнева и Скорбящего городка.

На западе царствуют сухие глубокие долины и величественные утесы из песчаника. Холмы дерзко возносятся все выше и выше к небу, пока не переходят в Красные горы, границу между Штормовыми землями и Дорном. Иногда на закате скалы и впрямь сияют под облаками багровым и алым... и еще поговаривают, будто эти горы получили имя не по цвету своих камней, но благодаря

изобилию крови, впитавшейся в эту землю.

Далее на закат, за предгорьями, лежат Дорнийские марки — безбрежные просторы лугов, пустошей и продуваемых ветрами долин, растянувшихся на много лиг к западу и северу. Здесь, недалеко от Красных гор, стоят замки марклордов, возведенные для защиты рубежей Штормовых земель от нашествий как с юга — от дорнийцев, так и с запада — от облаченных в сталь дружин королей Простора. Сильнейшие лорды марок — Кароны из Ночной Песни, чьи Поющие башни отмечают самую западную оконечность владений Штормовых королей; Сванны из Каменного Шлема; Дондаррионы из Черного Приюта; Селми из Золотого Колоса. Они всегда хранили верность Штормовому Пределу — с незапамятных времен и по сей день.

А вот к северу от Штормового Предела граница королевства не раз менялась за столетия, ибо его владыки, по силе своей или слабости, присоединяли или теряли земли в войнах больших и малых. В наши дни указы дома Баратеонов признаются в землях от соленых вод вплоть до южного берега Путеводной и нижних[87] границ Королевского леса, а если смотреть вдоль каменистых берегов Узкого моря — то до основания

Крюка Масси... но до Завоевания Эйгона, а тем паче до прихода андалов, короли-воины дома Дюррандонов проводили свои границы гораздо севернее.

Их королевство в те времена включало и Крюк Масси, и Королевский лес вплоть до Черноводной, а в иные столетия Штормовые короли правили и за рекой. Штормовому Пределу некогда присягали даже такие отдаленные города, как Сумеречный Дол и Девичий Пруд. А при грозном короле-воителе Арлане III Дюррандоне штормовые лорды захватили Речные земли целиком и держали их более трех веков.

Тем не менее, даже в самых широких своих границах королевство Дюррандонов и их наследников всегда было скудно заселено по сравнению с Простором, Речными землями и Западом, и потому могущество владык Штормового Предела истаяло. Но те, кто решился поселиться в Штормовых землях — будь это каменистое побережье Узкого моря, влажная зелень Дождливого леса или открытые всем ветрам Дорнийские марки — особые люди. Жители Штормовых земель подобны своим ветрам и грозам, и справедливо называют их буйными, страстными, неумолимыми и непредсказуемыми.

Пришествие Первых людей

История Штормовых земель тянется из глубин еще Рассветной эпохи. Задолго до прибытия Первых людей весь Вестерос принадлежал Старшим народам — Детям Леса и великанам (а еще, как порой говорят, и ужасающим «белым ходокам» времен Долгой Ночи — Иным).

Дети Леса строили свои дома в безбрежной первозданной пуще, некогда тянувшейся от Мыса Гнева до мыса Кракена, лежащего к северу от Железных островов (сейчас от нее остались лишь Королевский и Дождливый леса). Великаны же селились у подножия Красных гор и вдоль иззубренной каменной гряды Крюка Масси. В отличие от андалов, приплывших в Вестерос морем, Первые люди пришли из Эссоса через исполинский сухопутный мост, что зовется теперь Перебитой Рукой Дорна. Поэтому Дорн и Штормовые земли на полночь от него стали первыми, куда ступила нога человека.

Согласно преданиям, излюбленным пристанищем Детей было влажное первобытное Дожделесье. Великаны жили в холмах, вздымавшихся в тени Красных гор, а также среди теснин и

кряжей скалистого полуострова, который позже назовут Крюком Масси. Пишут, будто изначально Дети Леса с добром привечали прибывших в Вестерос, веря, что земли достаточно для всех, но великаны чурались людей, а порою даже бывали враждебны.

Первые люди приспособились к лесу. Они строили дома под высокими секвойями, древними дубами, корабельными соснами и страж-деревьями. На берегах небольших ручьев выросли примитивные селения, жители которых с разрешения своих вождей ставили силки и охотились. Меха Штормовых земель ценились высоко, но истинным богатством Дождливого леса стала древесина, особенно редких твердых пород. Однако вырубка лесов быстро привела Первых людей к вражде с коренными обитателями Вестероса. Войны между ними продолжались сотни и тысячи лет до тех пор, пока Первые люди не разделили с Детьми Леса земли и не переняли у них веру в Старых богов. Договор об этом был заключен на острове Ликов, посреди огромного озера, названного Божьим Оком.

Но Договору предшествовала слишком долгая и кровавая история людей в Вестеросе, и потому к тому времени, как он начал действовать, в

Штормовых землях уже почти исчезли великаны (которые ни с кем не договаривались), да и число Детей Леса значительно уменьшилось.

Дом Дюррандонов

Большая часть ранней истории Вестероса затеряна в тумане прошедших лет, и чем дальше во тьму веков она уходит, тем труднее отделить от легенд истинно случившееся. В особенности это верно для Штормовых земель: Первых людей здесь было сравнительно мало, зато Старшие народы — многочисленны. В других местах Семи Королевств и по сей день сохранились руны, повествующие о тех событиях — выбитые на стенах пещер, на камнях и руинах павших твердынь. А в Штормовых землях деревья, на которых Первые люди вырезали рассказы о своих победах и поражениях, давным-давно сгнили.

Более того: принятый в старину обычай Штормовых королей называть старших сыновей и наследников в честь Дюррана Богоборца, основателя их династии, еще более усугубляет трудности историков. Сбивающее с толку количество королей по имени Дюрран, вполне естественно, породило большую путаницу. Мей-

стеры Цитадели наделили многих из этих владык порядковыми номерами, чтобы отличить одного от другого. Но у певцов такой привычки не было, а ведь именно их сочинения (ненадежные даже в лучшие времена) для нас остались последним источником знаний о той эпохе.

Только и единственно через песни стали нам доступны легенды, окутавшие образ Дюррана Богоборца, основателя дома Дюррандонов.

Они гласят, что Дюрран завоевал сердце Эленеи, дочери бога моря и богини ветра. Уступив любви смертного, Эленея обрекла себя на смертное существование. Боги, подарившие ей жизнь, возненавидели человека, что стал ее лордом-мужем. И любой замок, что осмеливался строить Дюрран, разрушался завывающими ветрами и хлесткими дождями, которые в своем гневе насылали небеса. Так продолжалось, пока некий мальчик не помог ему возвести цитадель столь крепкую и столь хитро устроенную, что та смогла противостоять ярости богов.

Мальчик вырос и стал Брандоном Строителем, а Дюрран — первым Штормовым королем. Вместе с Эленеей он жил и правил в Штормовом Пределе тысячу лет — по крайней мере, так уверяют нас предания. (Столь долгая жизнь весьма сомни-

тельна — пусть и был он героем, взявшим в жены дочь двух богов. Архимейстер Глейв, сам уроженец Штормовых земель, предположил когда-то, что Король на Тысячу Лет был на самом деле несколькими властителями, правившими друг за другом, но носившими одно и то же имя. Это выглядит правдоподобным, хотя навеки останется недоказанным.)

Один там был король или все пятьдесят — но мы знаем, что в ту пору власть Штормового Предела понемногу распространялась на все более дальние земли. Текли столетия, и Штормовое королевство поглощало одну соседскую державу за другой. Порою путем заключения договоров, порою с помощью браков, но большей частью — через завоевания, что продолжалось и при потомках Дюррана.

Сам Богоборец был первым, кто утвердил за собой влажное первозданное Дожделесье, принадлежавшее до того единственно Детям Леса. Его сын Дюрран Праведный вернул Детям большую часть того, что захватил отец. Но столетие спустя Дюрран Бронзовая Секира снова отвоевал эти земли, на сей раз навсегда. Согласно песням, Дюрран Суровый убил Луна Последнего, короля великанов, в битве на реке Крюк, но историки

все еще спорят, был ли то Дюрран Пятый или же Шестой.

Во времена еще одного Дюррана, Любителя Воронов, Малдон Масси построил Камнепляс и стал властителем всего Крюка Масси. Тем не менее, годы правления этого Дюррана и его номер так и остаются предметом споров. Дюрран же Молодой, известный как Мясничонок, сотворил на реке Слейн плотину из трупов дорнийцев после того, как в битве у Кровавого пруда обратил в бегство Йорена Айронвуда и деву-воительницу Виллу из Виля... Но был ли он тем же королем, что до безумия влюбился в собственную племянницу и погиб от руки своего брата, Эриха Братоубийцы? Эта и многие другие загадки, скорее всего, так никогда и не будут разгаданы.

Впрочем, о более поздних веках у нас имеются источники несколько лучшего достоинства. Мы можем почти уверенно сказать, что великое островное королевство Тарт подпало под власть дома Дюррандонов, когда Дюрран Красивый взял в жены дочь Эдвина Вечерней Звезды, владыки острова. Их внук, Эрих Корабел (скорее всего, Эрих III) впервые укрепился на Эстермонте и мелких островах к югу от него. Другой Дюрран (Дюрран X, как согласилось большинство

книжников) расширил королевство на север до Черноводной. А сын его, Монфрид I Могучий, стал первым Штормовым королем, переправившимся с войском через эту великую реку. Он разгромил в битвах царьков из домов Дарклинов и Мутонов, после чего занял процветающие портовые города Сумеречный Дол и Девичий Пруд.

Все то, что приобрел Монфрид, и даже более того, потеряли Дюрран XI Недалекий и Баррон Прекрасный — сын и внук Монфрида. За те долгие годы, пока в Штормовом Пределе правил Дюрвальд I Толстый, отделились Масси, а Тарты трижды поднимали восстание. Даже Мыс Гнева бросил королю вызов: лесная ведьма, о которой нам ведомо лишь ее прозвище — Зеленая Королева, почти поколение держала Дожделесье против воли Штормового Предела. В те времена ходила поговорка, что-де власть Дюрвальда простирается не далее места, куда мужчина может пустить струю со стен Штормового Предела.

Возрождение державы началось, когда король Морден II назначил кастеляном своего единокровного брата Ронарда, рожденного бастардом. Грозный воин, Ронард стал правителем Штормовых земель во всем, кроме титула, и взял в жены сестру Мордена. В последующие пять лет Ронард

получил и королевскую власть, а корону на его голову возложила собственная супруга бывшего короля (если песни правдивы, она также делила с Ронардом и ложе). Сам же Морден, считавшийся достаточно безобидным, был заточен в камере башни.

Узурпатор правил почти тридцать лет под именем Ронарда Бастарда, в битве за битвой сокрушая мятежных знаменосцев и мелких властителей. Неспособный удовлетвориться одной женщиной, он брал себе дочерей каждого врага, что преклонял колено, и ко дню своей смерти якобы стал отцом девяноста девяти сыновей. Большинство из таковых родились бастардами (хотя в песнях говорится, будто у Ронарда было двадцать три жены) и, не получив наследства отца, были вынуждены искать собственный путь в этом мире. Поэтому тысячи лет спустя многие простолюдины Штормовых земель, даже самые нищие и грязные, могут кичиться каплей королевской крови.

Андалы в Штормовых землях

Когда ладьи андалов впервые пересекли Узкое море, королем Штормовых земель был Эрих VII

Дюррандон.

История запомнила его как Эриха Нерешительного, ибо он обращал на пришельцев мало внимания, легкомысленно заявив, что не интересуется «стычками незнакомцев в дальних землях». В ту пору он был занят своими войнами и пытался отбить Крюк Масси у печально известного короля-пирата Джастина Молочного Глаза, одновременно отражая нападения дорнийского короля Оливара Айронвуда. Эрих не дожил до дней, когда смог бы увидеть последствия своего бездействия — к концу его жизни андалы все еще были заняты покорением Долины.

Но уже его внук, король Кварлтон II Дюррандон, впервые встретился с андалами на поле брани. После войны, растянувшейся на четыре поколения, этот монарх — называвший себя Кварлтоном Завоевателем — наконец завершил покорение Крюка Масси, захватив после годичной осады замок Камнепляс и казнив последнего короля дома Масси, Джошуа по прозванию Мягкое Копье.

Однако этот Завоеватель удерживал завоеванные земли меньше двух лет. Андальский вождь Тогарион Бар-Эммон, именуемый Тогарионом Ужасным, основал собственное королевство к северу от Черноводной, хотя ему и грозил вла-

ститель Сумеречного Дола из дома Дарклинов. Почуяв слабость на юге, Тогарион взял в жены дочь Джошуа Мягкого Копья и с войском пересек Черноводный Залив, чтобы создать новое государство на Крюке Масси. Он построил собственный замок на Остром мысу, самой оконечности Крюка, прогнал владельцев из Камнепляса и посадил там править брата своей жены — как плясавшую в его руках куклу.

Вскоре Кварлтона Завоевателя озаботили беды посерьезнее потери Крюка Масси. хьяхрегажье"ть "ем выше означает " применяют к местности на реке, а у англичан - еще ть их ладьи. Взор андалов уже обратился на полдень, и переполненные ими ладьи все чаще стали появляться по всему побережью Штормовых земель. И каждый из этих изголодавшихся людей с семиконечными звездами, нарисованными на щите, на груди и на челе, жаждал выкроить для себя королевство. Войны велись почти постоянно — как в остававшиеся годы царствования Кварлтона II, так и при его сыне Кварлтоне III и внуке Монфриде V.

Ладьи продолжали прибывать, хотя Штормовые короли и выиграли с полдюжины важных сражений. Величайшим из них стала битва у Бронзовых Врат, в которой Монфрид V Дюрран-

дон ценой собственной жизни разбил андальское «священное братство» — союз семи мелких королей и военачальников. Однако же, как рассказывают, вместо каждого павшего в битве андала на берег высаживались еще пятеро. Первым захваченным владением в Штормовых землях стал Тарт; вскоре за ним последовал Эстермонт.

Андалы закрепились на полуострове Мыс Гнева, и захватили бы все Дожделесье, если бы не ввязывались в сражения между собой столь же охотно, как и в бои с Первыми людьми. Кроме того, король Болдрик I Дюррандон Коварный оказался мастером в деле натравливания андалов друг на друга, а король Дюрран XXI пошел на неслыханный шаг, разыскав в пещерах и холмах оставшихся Детей Леса. Он договорился о союзе против их общих врагов из-за моря. В битвах у Черной трясины, у Туманного леса и под Воющим холмом (точное расположение каждого из них, к сожалению, позабыто) Лига Чардрева нанесла андалам несколько болезненных поражений, отложив на некоторое время закат Штормовых королей. Поколением спустя еще более невероятный союз между королем Клеоденом I и тремя дорнийскими королями добыл еще более громкую победу над Дроксом Труподелом на реке

Слейн у Каменного Шлема.

Однако будет ошибкой считать, что Штормовые короли обратили захватчиков в бегство, ибо, несмотря на все победы, столь мощный напор остановить было невозможно. Андалы продолжали прибывать, хотя многие военачальники и короли пришельцев закончили тем, что их головы воздели на пики над воротами Штормового Предела. Верно и обратное: андалы так и не сумели окончательно сокрушить династию Дюррандонов. Как гласят хроники, они семь раз брали в осаду либо пытались взять штурмом мощные стены Штормового Предела, и семь раз терпели неудачу. Это было воспринято как знак богов, и новых приступов после того не предпринималось.

В конце концов, обе стороны просто объединились. Король Малдон IV взял в жены андальскую деву, как и его сын, Дюрран XXIV Полукровка. Андальские вожди стали лордами и мелкими королями. Они брали в жены дочерей штормовых лордов и отдавали им своих дочерей в ответ, становились на своих землях вассалами Штормовых королей, поклявшись в том на мечах. Во главе с Ормундом III и его супругой, жители Штормовых земель отреклись от Старых богов и приняли

религию андалов, Святую Веру в Семерых. Спустя столетия два народа стали одним... а Дети Леса, почти забытые, полностью исчезли из Дождливого леса и Штормовых земель.

В эпоху, последовавшую за объединением, дом Дюррандонов достиг величайших высот. Во дни Сотни королевств король Арлан I Мститель, уничтожая все на своем пути, расширил границы королевства вплоть до реки Черноводной и истоков Мандера. Его правнук король Арлан III пересек и Черноводную, и Трезубец, полностью захватив Речные земли, а однажды даже водрузил стяг с оленем на берегах Закатного моря.

Тем не менее, со смертью Арлана III началось неизбежное угасание, ибо силы Штормовых земель были слишком разрозненны для того, чтобы удержать огромное королевство. Чередой следовали восстания, отделялись замки и крепости, и один за другим, словно сорняки, объявлялись малозначащие царьки... а позже пришли железнорожденные, ведомые Харвином Твердой Рукой, королем Железных островов, о чем уже было рассказано ранее. Пока штормовые лорды отступали из-за железных людей на севере, дорнийцы прошли по Костяному пути, чтобы ужалить с юга, а короли Простора послали своих рыцарей

из Хайгардена возвратить то, что было потеряно ими на западе.

И держава Штормовых королей сжималась — из года в год, от короля к королю, от битвы к битве... Упадок приостановился, когда оленью корону надел яростный воин — принц Аргилак, прозванный Надменным. Но даже столь могучий муж мог лишь остановить поток, но не обратить его вспять. Только на время сумел сделать это последний из Штормовых королей, последний из Дюррандонов... И состарившись, ближе к концу своей жизни, король Аргилак неуклюже дерзнул использовать дом Таргариенов с Драконьего Камня как щит против растущих сил железнорожденных и их короля, Харрена Черного. Старая пословица гласит: «не хватай дракона за хвост». Аргилак Надменный поступил ей наперекор и добился лишь того, что взгляды Эйгона Таргариена и его сестер обратились на запад.

Когда те высадились у устья Черноводной, чтобы начать завоевание Семи Королевств, с ними был черноволосый и черноглазый бастард по имени Орис Баратеон.

Дом Баратеонов

Дом Баратеонов родился посреди дождя и грязи битвы, оставшейся в истории под названием Последний Шторм. В тот день Орис Баратеон трижды отразил натиск рыцарей Штормового Предела, после чего в поединке поверг короля Аргилака Надменного. Штормовой Предел, долго считавшийся неприступным, сдался Орису без боя (что было мудро, учитывая судьбу Харренхолла). Орис взял в жены дочь короля Аргилака и перенял герб и девиз Дюррандонов, чтобы почтить его мужество.

Благосклонность, оказываемая Завоевателем Орису Баратеону, дала пищу слухам, что тот был незаконнорожденным братом Эйгона. Хотя доказательств никогда не было, эту басню многие распространяют и по сей день. Другие же считают, что Орис поднялся столь высоко благодаря доблести в военном деле и пылкой преданности дому Таргариенов. Еще до Завоевания он служил поединщиком и присягнувшим защитником Эйгона, а победа над Аргилаком только добавила больше блеска его имени. Когда король Эйгон даровал Штормовой Предел в вечное владение дому

Баратеонов и сделал Ориса Верховным лордом Штормовых земель и десницей короля, никто не осмелился заявить, что тот был недостоин такой чести.

Однако в годину вторжения Эйгона в Дорн (4 год от З.Э.) лорд Орис, попытавшись провести свои войска по Костяному пути, оказался в плену у Виля из Виля, прозванного Вдоволюбом, — и тот отрубил Баратеону правую руку.

Все записи сообщают, что после случившегося лорд Орис стал ворчлив и злобен. Отказавшись от должности десницы, он обратил свой взор на Дорн, одержимый желанием отомстить. Такая возможность представилась ему в дни правления короля Эйниса I. Тогда Баратеон разбил часть войска Короля-Стервятника, после чего лорд Уолтер Виль, сын Вдоволюба, оказался в руках лорда Ориса.

ИЗ ЗАПИСЕЙ АРХИМЕЙСТЕРА ГИЛЬДЕЙНА

А в последний раз Орис Баратеон, известный ныне как Орис Однорукий, покинул Штормовой Предел, дабы разбить дорнийцев у стен Каменного Шлема. Когда Уолтера Виля доставили к нему, раненого, но живого, лорд Орис промолвил:

— Твой отец забрал мою руку. В уплату я возьму твою.

Сказавши так, он отрубил правую руку лорда Уолтера... а затем вторую и обе его ноги, назвав сие своей «наценкой». От полученных в боях ран лорд Баратеон скончался в дороге, при возвращении в Штормовой Предел. Странно, но сын его Давос всегда говорил, что лорд Орис умирал, будучи довольным, улыбаясь при взгляде на гнющие руки и ноги, что висели в его шатре ровно вязанки лука.

Баратеоны были тесно связаны с домом Таргариенов и сыграли заметную роль в беспокойные времена царствования наследников Эйгона Завоевателя. Внук лорда Ориса Баратеона, Робар, был первым великим лордом, открыто поддержавшим наследника Джейхейриса против Мейгора Жестокого, дяди принца. И после странной смерти Жестокого короля на Железном троне Штормовой лорд за верность и храбрость был удостоен поста десницы короля и титула Защитника Державы. В годы несовершеннолетия Джейхейриса лорд Робар правил совместно с матерью короля, вдовствующей королевой Алиссой. Полгода спустя они поженились[88].

Этот союз породил Боремунда Баратеона, который наследовал отцу как лорд Штормового Предела, и леди Джоселин. Последняя вышла

замуж за старшего из сыновей Старого короля и стала матерью принцессы Рейнис — «Почти Королевы», как прозвал ее бойкий шут Грибок. На Великом совете 101 года от З.Э., созванном королем Джейхейрисом для обсуждения вопроса престолонаследия, лорд Боремунд прямо поддерживал притязания своей племянницы, принцессы Рейнис, и ее сына, принца Лейнора из дома Веларионов, но оказался на стороне, проигравшей спор.

Могущество Штормового Предела и его близость к Королевской Гавани и Железному трону сделала Баратеонов первыми из великих домов Вестероса, чьей поддержки искали принцесса Рейнира и король Эйгон II после смерти их отца, короля Визериса I Таргариена. Но к тому времени лорд Боремунд уже скончался, и правил его сын, лорд Боррос. А Боррос был совершенно другим человеком.

ИЗ ЗАПИСЕЙ СЕПТОНА ЮСТАСА О ЛОРДЕ БОРРОСЕ

Лорд Боремунд был камнем — твердым, сильным и неколебимым. Лорд Боррос же — носящимся туда-сюда ветром, пусть воющим и рычащим.

Хотя лорд Боремунд неуклонно поддерживал

Лейнора, покойного мужа Рейниры, лорд Боррос почуял удобный случай и был крайне сдержан, когда принимал Люцериса Веларион, второго сына Рейниры от принца Лейнора. Когда Люцерис прилетел на драконе в Штормовой Предел в поисках содействия, он обнаружил, что его кузен, принц Эймонд Таргариен, прибыл прежде него и занят устройством своего брака с одной из дочерей Борроса.

Лорд Боррос пришел в ярость от послания, доставленного Люцерисом, в котором принцесса Рейнира выказала невиданное высокомерие, посчитав, что Штормовой Предел примет ее сторону. К тому же принц Люцерис не решился взять в жены какую-либо из дочерей его светлости, поскольку был обручен с другой. Разгневанный Боррос изгнал юного Веларион из своего замка и не сделал ничего, чтобы помешать принцу Эймонду последовать за мальчиком и отомстить за глаз, потерянный им от руки Люцериса несколько лет назад, коль скоро упомянутая месть свершится не в стенах Штормового Предела.

Будучи на Арраксе, молодом драконе, принц Люцерис пытался улететь прочь, но Эймонд преследовал его на Вхагар — великой драконице. Если бы не буря, свирепствовавшая в заливе

Разбитых кораблей, Люцерис мог бы спастись, однако этого не случилось. И юноша, и его дракон погибли, рухнув в море близ Штормового Предела под торжествующий рев Вхагар. Так была пролита первая королевская кровь Танца Драконов, но еще больше ее пролилось впоследствии.

В начале войны лорд Боррос не испытывал охоты к столкновениям с драконами, но ближе к концу Танца, во время Луны Трех королей, он во главе войска из Штормовых земель занял Королевскую Гавань. Лорд Боррос восстановил в городе порядок и получил за то обещание, что его старшая дочь станет новой королевой овдовевшего Эйгона II. После того Боррос храбро выступил с последним войском сторонников короля против приближающейся армии Речных земель, которую вели юный лорд Кермит Талли, еще более юный Бенджикот Блэквуд и сестра[89] последнего Алисанна. И лорд Штормового Предела уверился в своей победе, когда узнал, что армию противника возглавляют мальчишки и женщины. Но Кровавый Бен Блэквуд (с тех дней его помнят под этим прозвищем) взломал крыло войска Баратеона, а лучники, которыми командовала Черная Али Блэквуд, разили насмерть штормовых рыцарей. Лорд Боррос бился до конца,

и свидетельства уверяют, что он зарубил дюжину рыцарей и лишил жизни лордов Дарри и Маллистера, прежде чем пал от руки Кермита Талли.

После его гибели и разгрома штормовых лордов с Танцем Драконов было покончено. Дом Баратеонов проиграл, рискнув поддержать короля Эйгона II, и этот выбор не принес им ничего, кроме невзгод, в царствование Эйгона III Драконьей Погибели и во время регентства, что тому предшествовало.

Шли годы, король сменял короля на Железном троне — и старые размолвки были позабыты. Баратеоны снова верно служили короне... пока сами Таргариены не стали испытывать на прочность их преданность. Произошло это в дни правления Эйгона V Таргариена (оставшегося в истории под именем Эйгона Невероятного), когда лордом Штормового Предела был Лионель Баратеон, чванливый великан по прозвищу Смеющийся Вихрь, один из величайших бойцов своего времени.

Лорд Лионель всегда был одним из вернейших сподвижников короля Эйгона, и столь крепка была их дружба, что его милость с радостью согласился обручить своего старшего сына и наследника с дочерью лорда Лионеля. Все к тому

и шло, но принц Дункан встретил загадочную женщину, известную просто как Дженни из Старых Камней (ведьму, как о ней отзывались некоторые), оказался сраженным любовью и взял девицу в супруги против воли своего короля-отца.

Историю любви Дженни из Старых Камней («с цветами в волосах») и Дункана, Принца Стрекоз, и сегодня обожают певцы, сказители и юные девы. Но эта любовь причинила дочери лорда Лионеля сильное горе, а дому Баратеонов принесла позор и бесчестье. Столь велика была ярость Смеющегося Вихря, что он принес на крови клятву мести, отказался от подданства Железному трону и короновал себя новым Штормовым королем. Мир был восстановлен только после того, как рыцарь Королевской гвардии, сир Дункан Высокий, бился с лордом Лионелем на суде поединком, принц Дункан отрекся от притязаний на корону и престол, а король Эйгон V согласился выдать свою младшую дочь, принцессу Рейль, за наследника Штормового Предела.

Словно Семеро в их мудрости вели к тому, чтобы именно этот брак, на который король Эйгон V решился, чтобы умиротворить Смеющегося Вихря, в конечном счете привел к окончанию владыче-

ства Таргариенов над Семью Королевствами. В 245 году от З.Э., во исполнение обещания своего отца, принцесса Рейль вышла замуж за Ормунда Баратеона, юного лорда Штормового Предела. На следующий год она подарила ему сына, Стеффона, который служил в Королевской Гавани пажом и оруженосцем, став близким другом принца Эйриса, старшего сына короля Джейхейриса II и наследника Железного трона.

К несчастью, галера его светлости затонула вместе с ним самим в заливе Разбитых кораблей. Лорд Стеффон тогда возвращался из путешествия в Волантис, куда король Эйрис посылал его в поисках жены для принца Рейгара... Но перворожденный сын Стеффона, Роберт, наследовал ему как лорд Штормового Предела и стал одним из величайших рыцарей Семи Королевств — воином столь сильным и бесстрашным, что многие звали его возрожденным Смеющимся Вихрем.

Когда безумие короля Эйриса II стало слишком велико и непереносимо, Роберт оказался тем, к кому обратились лорды королевства. В 283 году от З.Э., у брода на Трезубце, Роберт Баратеон поверг Рейгара Таргариена, принца Драконьего Камня, и разгромил его войско, окончив тем самым три века правления дома Дракона. Вскоре после того

он воцарился на Железном троне как Роберт I Баратеон, основатель новой славной династии.

Следуя примерам Ориса Однорукого и Штормовых королей, бывших до него, многие другие Баратеоны удостоились славы в веках. Так, в Королевской гвардии в ту пору, когда Эйнис I был втянут в войну против Святой Веры, служил сир Раймонт Баратеон, младший сын штормового лорда. Он спас жизнь королю жизнь в тот час, когда Честные Бедняки дерзнули расправиться с Эйнисом прямо в его постели. Покрыли славой свой дом и такие рыцари, как Покоритель Шторма[90] и Смеющийся Вихрь, а лорд Ормунд Баратеон сражался и погиб под стягом Таргариенов на Ступенях, во времена войны Девятигрошовых Королей.

Люди Штормовых земель

В битве на Трезубце король Роберт — как и многие лорды и короли до него — доказал, что люди Штормовых земель столь же отважны, умелы и яростны в бою, сколь и другие жители Семи Королевств. Особенно славятся лучники Дорнийских марок, и оттуда ведут свой род многие известные из песен или сказаний мастера лука. Наилучшим

из всех, когда-либо бравшихся за это оружие, считают Оперенного Дика, пресловутого разбойника из Братства Королевского леса — а он был рожден в приграничной деревушке, недалеко от замка Каменный Шлем.

Штормовые земли породили также достаточно знаменитых капитанов и морских путешественников. Сам Штормовой Предел возвышается над огромными скалами мыса Дюррана и предательскими рифами залива Разбитых кораблей, а потому не может предложить удобную пристань военному или торговому флоту. Но при Штормовых королях военные флотилии стояли на причалах Крюка Масси, Эстермонта, городов и рыбацких поселков на побережье Дорнийского моря. Позже другие властители предпочитали держать флот на западном побережье Тарта, ибо тамошние высокие горы укрывали корабли от бурь, часто свирепствующих в Узком море. Сапфировым островом, как некоторые его называют, управляет дом Тартов из Вечернего замка — древний род андальского происхождения. Он может похвастаться родством с Дюррандонами, Баратеонами, а с недавних пор — и с домом Таргариенов[91]. Некогда полноправные короли, лорды Тарта все еще называют себя Вечерней Звездой,

титулом, по их словам, восходящим к рассвету времен.

Многие из рожденных на Тарте, будь то высокородные или простолюдины, заявляют, что возводят свой род к легендарному герою, сиру Галладону из Морна. По слухам, он носил меч с именем Справедливая Дева, врученный ему самими Семерыми. Учитывая важность той роли, которую Справедливая Дева играет в историях о сире Галладоне, мейстер Хуберт в своем «Роде Оленя» предположил, что Галладон из Морна был не грубым воителем Века Героев, произведенным в рыцари лишь певцами спустя тысячу лет, а реальной исторической фигурой более поздних лет. Хуберт также отмечает, что Морн был столицей карликового государства на восточном побережье Тарта, пока его не захватили Штормовые короли. Но руины замка свидетельствуют, что построен он был андалами, а не Первыми людьми.

Воины марок, без сомнения — наиболее яростные среди бойцов Штормовых земель, а, возможно, и всего Вестероса. Они частенько бахвалятся, что рождаются с мечом в руке, а сражаться учатся даже раньше, чем ходить. Их главной задачей всегда была охрана владений Штормовых коро-

лей от старинных врагов с запада и в особенности — с юга.

Сотни песен и сказаний прославляют воинскую доблесть марклордов, ибо те веками являлись основными защитниками державы Штормовых королей, и это для марочников — предмет особой гордости. Редко выдавалось поколение, которому бы не приходилось отражать очередное нападение, и потому замки Дорнийских марок — наикрепчайшие в королевстве, они изначально строились как оплот против дорнийцев и королей Простора.

Каменный Шлем, древнее родовое гнездо дома Сваннов, безусловно, один их мощнейших замков марок. Его сторожевые башни, сложенные из черного и белого камня, возвышаются над омутами, стремнинами и водопадами реки Слейн. Фамильный замок дома Дондаррионов — Черный Приют, с неприступными черными базальтовыми стенами и бездонным сухим рвом. Кароны уже многие века владеют Ночной Песнью Поющих Башен, они зовутся лордами Дорнийских марок, хотя и не главенствуют над прочими домами. Но они считают себя старейшими из марклордов (с чем не согласны Сванны) и всегда особо отличались при обороне Штормовых земель.

В самые глубины Века Героев уходит история дома Каронов, славного как воинами, так и певцами, отчего владетели Ночной Песни Поющих Башен имеют обыкновение говорить, что соловьи их дома реяли над полями сражений тысячу раз. И действительно, хроники показывают нам: случаев осады Ночной Песни только за минувшее тысячелетие было никак не меньше тридцати семи.

Как марки известны крепкими замками и балладами, так и Дожделесье знаменито богатством мехов, янтаря и ценного дерева. А еще в песни вошли дожди и тишина этого леса. О нем говорят, будто здесь правят деревья, а замки иногда кажутся не выстроенными, а выросшими из земли. Но корни рыцарей и лордов Дождливого леса лежат так же глубоко, как и у деревьев, их укрывающих, и на деле была часто доказана их стойкость в бою, сила, упорство и неколебимость.

Штормовой Предел

История постройки Штормового Предела ведома нам только из песен и сказаний — легенд о Дюрране Богоборце и прекрасной Эленее, дочери двух богов. Скорее всего, замок, возведенный Дюр-

раном на этом месте, является седьмым по счету (хотя такое число вполне может быть позднейшим дополнением приверженцев Святой Веры).

Штормовой Предел, несомненно, древний замок, но его главная башня и безупречность кладки наружных стен видятся лежащими далеко за гранью того, на что Первые люди были способны в течение многих тысяч лет. Особенно, если сопоставлять с руинами их же кольцевых острогов или даже Первой Твердыней Винтерфелла (которую мейстеры на службе Старков в прошлом тщательно обследовали, и обнаружилось, что та была перестроена бессчетное число раз, а потому определение точного времени ее возведения не представляется возможным). Огромные усилия, положенные на постройку Стены, которую не может побороть даже ветер, несомненны, но она — скорее памятник грубой силе, чем высокому искусству. Архимейстер Вирон в своих «Победах и поражениях» предполагает, что упоминание в легендах о седьмом и окончательном воплощении Штормового Предела — след явного андальского влияния. И если это — правда, значит, окончательный вид замок принял лишь при андалах. Вероятно, он был построен на руинах предыдущих, но даже если так, случилось это

много позже того, как Дюрран Богоборец и его прекрасная Эленея покинули эту землю.

Мейстеры, служившие в замке, свидетельствуют о его значительной крепости и хитроумной планировке. Был ли он создан Брандоном Строителем или нет, по праву славятся как неохватные наружные стены, камни которых так искусно подогнаны друг к другу, что даже ветру за них не ухватиться, так и внушительная главная башня, что стремится к небу, обозревая залив Разбитых кораблей.

В хрониках утверждается, будто Штормовой Предел никогда не поддавался штурму либо осаде. Что ж, в это можно поверить.

В дни восстания Роберта Баратеона лорд Тирелл из Хайгардена осаждал Штормовой Предел в течение года, но не добился успеха. Будь запасы гарнизона достаточными, замок мог бы держаться сколько угодно, но война началась внезапно — и все склады с амбарами оказались наполовину пустыми. К концу года остатки войска под командованием брата лорда Роберта, Станниса, были изможденны голодом и нуждой, но их спас обычный контрабандист, который однажды ночью проскользнул в Штормовой Предел через блокаду Редвина с грузом лука и соленой рыбы.

Так замок смог остаться неприступным, пока Роберт не поверг Рейгара на Трезубце, а лорд Эддард Старк не прибыл снять осаду.

Как рассказывают, на Штормовой Предел каждые семьдесят семь лет низвергается мощнейшая буря, никак не сравнимая по силе с обычными, ибо Старые боги небес и океана вновь пытаются сбросить замок Дюррана в море. Красивая сказка... Но лишь сказка, не более. Записи мейстеров Штормового Предела свидетельствуют, что бури свирепствуют там каждый год, в особенности осенью, и хотя иные из них сильнее других, нет сведений, что указали бы на семидесятисемилетний промежуток между ними. Величайшая буря на человеческой памяти случилась в 221 год от З.Э., в последний год царствования Эйриса I, а сильнейшая до нее была в 166 году, пятьюдесятью пятью годами ранее.

Дорн

Говорят, лишь дорнийцу дано по-настоящему понять Дорн.

Всякому, кто вырос в Просторе, на Западе или в Королевской Гавани, самое южное из Семи Королевств покажется еще и самым негостеприимным... а также весьма диковинным, поскольку Дорн — другой, и в гораздо большей степени, чем можно выразить словами.

Обширные пустыни с красными и белыми песками; неприступные горы с коварными перевалами и коварным народом, что их стережет... Изнуряющая жара и песчаные бури... Еще скорпионы, острая пища, яды, дворцы из глины, финики, инжир и кроваво-красные апельсины — вот, в основном, и все, что обычный простолюдин Семи Королевств знает о Дорне. Конечно же, все перечисленное там имеется, но это лишь малая часть того, чем на самом деле является древняя страна, история которой восходит к Рассветной эпохе.

Тысячелетиями Дорн существует отдельно от остального Вестероса. На северных и западных границах его охраняют Красные горы, пустыни

также играют не последнюю роль — за стеной гор безводные пустоши занимают более трех четвертей области. Ничуть не приветливее и протяженное южное побережье Дорна, по большей части это лишь нагромождение скал и рифов, и почти нет мест, где было бы удобно бросить якорь. Корабли, случайно или намеренно там приставшие, мало что смогут найти — даже из самого необходимого. На побережье нет лесов, которые бы дали древесину для починки судов, почти не водится дичь, немного ферм и еще меньше селений, где можно раздобыть провизию. И обычную пресную воду также отыскать будет непросто. А само море южнее Дорна изобилует водоворотами и кишит акулами и кракенами.

В Дорне нет обычных для нас городов, хотя прижавшийся к стенам Солнечного Копья так называемый Тенистый город (построенный, заметим, из глины и соломы[92]) достаточно велик, чтобы считаться таковым. Есть еще Дощатый город в устье Зеленокровной, он больше Тенистого и по величине, и по числу жителей. Вероятно, его можно назвать настоящим дорнийским городом, пусть и вместо улиц в нем — настилы, а жилые дома, общественные здания и лавки сооружены из плоскодонок, барж и купеческих кораблей.

Суда накрепко связаны пеньковыми веревками и вместе с приливом поднимаются и опускаются.

Архимейстер Брюд, родившийся и выросший в Тенистом городе, что приютился под осыпающимися стенами Солнечного Копья, однажды высказал превосходную мысль: у Дорна и Севера куда больше общего друг с другом, чем с землями, лежащими между ними. «В одном жарко, а в другом холодно, однако же два этих древних королевства снега и песка отличаются от остального Вестероса историей, культурой и традициями. Оба скудно населены, если сравнивать с прочими землями. Оба упорно цепляются за свои собственные законы и традиции. Ни то, ни другое так и не были по-настоящему покорены драконами. Король Севера мирно признал Эйгона Завоевателя своим сюзереном, тогда как Дорн почти двести лет храбро противостоял мощи Таргариенов, прежде чем после заключения династического брака подчинился, наконец, Железному трону. И дорнийцы, и северяне высмеиваются невеждами пяти «цивилизованных» королевств как дикари, а отвагу их славят все, кто скрещивал с ними мечи».

Дорнийцы горделиво полагают свое королевство старейшим в Вестеросе — и, в какой-то

степени, так оно и есть. Первые люди, в отличие от пришедших позже андалов, не были мореплавателями. В Вестерос они прибыли не на ладьях, а по суше, перебравшись из Эссоса по естественному мосту, от которого в наши дни остались только Ступени и Перебитая Рука Дорна. Пешком или на лошадях, но впервые ступить на землю Вестероса они были должны именно в восточной части Дорна.

Впрочем, лишь немногие предпочли там задержаться, поскольку земли, что им встретились, были далеко не гостеприимными. Дети Леса прозвали Дорн Пустой землей, и неспроста. Почти вся восточная половина Дорна — бесплодная пустошь с редкими кустарниками, а ее сухая и каменистая почва даже при орошении приносит бедный урожай. Дорн западнее Вейта — не что иное, как бескрайнее море беспокойных дюн, где нещадно палит солнце, и время от времени зарождаются яростные песчаные бури, которые за считанные минуты могут ободрать человеческую плоть до костей. Если верить сказаниям Простора, даже сам Гарт Зеленая Рука не смог заставить цветы распуститься в столь суровом и неумолимом краю. (Впрочем, в дорнийских преданиях о Гарте не говорится ни слова.) И вместо того он

повел своих людей через горы, к плодородным долинам Простора. Большинству из пришедших следом Первых людей хватило одного взгляда на Дорн, чтобы отправиться вслед за Гартом.

Но так поступили не все. Нашлись и те, кто разглядел красоту этой жаркой, пустынной и жестокой земли и решил сделать ее своим домом. Изрядная часть таковых осела вдоль берегов реки, названной ими Зеленокровной — не особенно широкой, если сравнивать с Мандером, Трезубцем или Черноводной. Но для Дорна река эта — воистину животворная кровь.

Большинство дорнийских рек полноводны только после редких (и опасных) грозовых ливней, а весь остальной год являются попросту сухими балками. Не пересыхают лишь три реки во всем Дорне, продолжая нести свои воды как зимой, так и летом, денно и нощно. Высоко в западных горах берет начало Быстроводная, она стремится к морю через гряды крутых порогов и водопадов, через ущелья и расселины, где ревет подобно огромному зверю. Ее воды, рожденные горными ключами, чисты и свежи, однако для судоходства Быстроводная не пригодна, да и безопасная переправа через нее возможна только по мосту. Течение Серноводной куда более спокойное, но ее

мутные желтые воды дурно пахнут серой, а по берегам кривятся странные чахлые растения. (О людях, что живут там же, мы упоминать не будем.) Воды же Зеленокровной, пусть иногда и грязноватые, полезны как для полей, так и для скота, а хозяйства и сады теснятся у берегов реки на всем ее протяжении в сотни лиг[93]. Более того, Зеленокровная и ее притоки, Вейт и Плеть, почти до самых верховий проходимы для судов (хотя местами неглубоки и испещрены песчаными отмелями), и, соответственно, служат всему Дорну главным торговым трактом.

Из тех Первых людей, которые решили остаться в Дорне вместо того, чтобы уйти дальше к северу в поисках более добрых земель, многие селились поближе к берегам Зеленокровной. Для того, чтобы будущие сады и посевы орошались живительными водами, ими были проложены рвы и каналы. Были среди новых поселенцев и такие, что предпочли осесть недалеко от Узкого моря (восточное побережье Дорна гораздо гостеприимнее южного), и вскоре здесь возникло множество небольших деревень, живущих ловлей рыбы и крабов. Более непоседливые пришельцы двинулись дальше — они нашли себе пристанище у подножий Красных гор, где идущие на полночь

ураганы обыкновенно проливали свою влагу, создав тем самым благодатный зеленый пояс. Те, кто взобрался еще выше, нашли убежище среди вершин, в укромных долинах и на высокогорных лугах со свежей и сочной травой. А в глубь страны, пробираясь через пески, осмелились направиться лишь самые храбрые и отчаянные. Кое-кто из них все же нашел воду среди дюн и возвел укрепления и замки в этих оазисах — века спустя их потомки станут лордами источников. Но на каждого, кто наткнулся на родник, безусловно, пришлась сотня погибших от жажды под палящим дорнийским солнцем.

Так и возникли ныне ведомые нам три различных типа дорнийцев. Юный Дракон, король Дейрон I Таргариен, в своей книге «Завоевание Дорна» дал им названия, которыми мы пользуемся и сейчас: дорнийцы каменные, песчаные и соленые. Светлокожие и белокурые каменные дорнийцы, жители гор, произошли в основном от Первых людей и андалов. Песчаные дорнийцы, чья кожа под жгучим дорнийским солнцем стала коричневой, расселились по пустыням и долинам рек. У соленых дорнийцев с побережья, темноволосых, гибких, с оливковой кожей, наибольшая доля ройнарской крови и наиболее

чудные обычаи. (Когда Нимерия высадилась в Дорне, большинство ее ройнаров предпочли не удаляться от моря, бывшего так долго их домом, даже после того, как принцесса сожгла корабли.)

Перелом

К нашему великому сожалению, как раз об этом событии, являющимся наиважнейшим в истории Дорна (а то и всего Вестероса), мы знаем очень и очень мало.

Большая часть из известного ныне о Переломе дошло до нас через песни и легенды. По общему мнению, Первые люди из Эссоса в Вестерос перебрались по суше — пешком или на лошадях минуя холмы и леса большого естественного моста, соединявшего два материка в Рассветную эпоху. Как мы уже отметили, земля Дорна была первой, куда они ступили, но остались там лишь немногие. Гораздо больше людей поспешили на север через горы и, возможно, соленые болота, некогда вроде бы существовавшие на месте Дорнийского моря. Шли века, и число новоприбывших только увеличивалось. Со временем они заняли Штормовые земли, Простор, земли Трезубца, добрались даже до Севера и Долины. Старшие

народы, жившие ранее в тех краях, вытеснялись пришельцами — Первые люди уничтожали всех попадавшихся им великанов, а чардрева вырубали бронзовыми секирами в ходе кровопролитных войн с Детьми Леса.

Дети сопротивлялись, как могли, но пришельцы были массивнее, сильнее и более развиты — Первые люди облачались в бронзу и ей же вооружались, к тому же знали верховую езду. А оружие Старшего народа создавалось из дерева, кости и драконова стекла, и потому в каждой стычке Дети Леса оказывались поверженными. В конце концов, доведенный до отчаяния маленький народ обратился к магии, заклиная своих древовидцев остановить поток захватчиков.

Сотни Детей собрались (как сообщают, на остров Ликов[94]), чтобы воззвать к Старым богам с помощью песен, молений и чудовищного жертвоприношения. (По одной из версий, чардрева насытила кровью тысяча пленников, другая же уверяет — то была кровь отпрысков Детей Леса.) И боги откликнулись на призыв, и великаны пробудились в недрах, и весь Вестерос содрогнулся и затрепетал. В земле разверзлись исполинские трещины, поглотив осевшие горы и холмы. Затем хлынули морские воды, и их силой Рука Дорна

была перебита и раздроблена. Лишь несколько голых скалистых островов остались видны над волнами. Летнее море соединилось с Узким, и сухопутный мост между Вестеросом и Эссосом исчез навсегда.

Или так говорится в сказаниях.

Среди ученых мужей большинство согласно с тем мнением, что Вестерос и Эссос когда-то были соединены, а о переселении Первых людей свидетельствуют тысячи преданий и рунических записей. В наши дни два материка разделены морскими водами, поэтому очевидно существование некоей доли истины в рассказах о событии, именуемом дорнийцами Переломом. Однако произошел ли он за один день, как поется в песнях? Была ли в том заслуга Детей Леса и магии древовидцев? Здесь определенности меньше. Архимейстер Кассандер в своем труде «Песнь моря: Как разделились земли» полагает иначе. Он доказывает, что причиной отделения Вестероса от Эссоса стало не пение древовидцев, но скорее явление, названное им «песней моря» — постепенный, случившийся не за день, а в течение веков, подъем океанских вод. По предположению Кассандера, он был вызван чередой сезонов, сочетавших долгое жаркое лето и корот-

кую мягкую зиму, а это привело затем к таянию льдов в стылых землях за Студеным морем и затоплению Руки.

Многие мейстеры нашли рассуждения Кассандера достаточно убедительными, чтобы принять его взгляды. Нет сомнений, что Перелом действительно свершился (будь то за ночь или за несколько веков) — чему Ступени и Перебитая Рука Дорна служат безмолвным, но красноречивым подтверждением. Многое указывает также на то, что Дорнийское море некогда было гораздо меньшей величины, чем сегодня. Оно представляло собой внутреннее пресноводное озеро, питаемое горными ручьями — пока Узкое море не вырвалось из своих границ и не затопило соленые болота, прежде лежавшие между этими водоемами.

Даже если допустить, будто Руку Дорна перебили Молотом Вод именно Старые боги, как уверяют нас легенды, древовидцы все же спели свою песню слишком поздно.

И пусть после Перелома в Вестерос больше не прибывали новые захватчики (ибо не были мореплавателями), но уже столь много Первых людей успело переселиться, что ко времени разделения земель они превзошли числом исчезающие

Старшие народы почти втрое. В следующие века это неравенство лишь усугублялось, поскольку человеческие женщины приносили сыновей и дочерей значительно чаще, чем коренные обитатели. Так великаны и Дети Леса исчезли... Люди же множились и расселялись, занимая долы и леса, на месте которых вырастали села, замки и королевства.

Государства Первых людей

Разобщенность дорнийцев очевидна даже древнейшим из наших источников. И огромные расстояния между отдельными поселениями, и тяготы путешествия через горячие пески и труднопроходимые горы — все это способствовало отделению каждой малочисленной общины от прочих и привело к возвышению изрядного числа незначительных лордов, более половины которых вскоре стали именовать себя королями. Несомненно, царьки всякого рода существовали во всем Вестеросе, но столь ничтожных владык и в таком количестве не бывало нигде, кроме Дорна времен Первых людей.

Не стоит и пытаться рассказывать обо всех этих правителях, поскольку большинство повелевало

столь малыми областями (или завоевания их были столь недолговечны), что вряд ли стоят нашего внимания. И все же некоторые из величайших упоминания заслуживают: те, чьи дома пустили глубокие корни и пережили не одну тысячу лет.

Дом Дейнов возвел свой замок на острове в устье Быстроводной, где бурная ревущая река широко раскинулась перед встречей с морем. Согласно сказаниям, первый Дейн добрался до этого места, следуя за падающей звездой, и отыскал здесь камень с магической силой. И потомки его правили западными горами на протяжении веков, именуя себя властителями Быстроводной реки и лордами Звездопада.

К северо-востоку от владений Дейнов, в высоких каменных кручах над гигантским провалом в горах (его используют как самый удобный и короткий путь из Простора в Дорн), вырублен замок дома Фаулеров, названный Поднебесьем — за свое возвышенное положение и взметнувшиеся в небеса каменные башни. С течением лет горный проход, над которым господствует замок, стал известен как Широкий путь (сегодня мы зовем его Принцевым ущельем), поэтому Фаулеры стали величать себя пышными титулами властителей Камня и Неба, лордов Поднебесья и

лордов Широкого пути.

МЕЧ ЗАРИ

Дейны из Звездопада — один из старейших домов Семи Королевств. По большей части они обязан своей славой древнему фамильному мечу, носящему имя Рассвет, и благородным мужам, обладавшим этим оружием. Истина о происхождении клинка затерялась среди легенд, но вполне вероятно, что Дейны владеют им уже тысячи лет. Имевшие честь видеть Рассвет рассказывают, будто бы его бледная, как молочное стекло, сталь с виду не похожа на известную нам валирийскую, во всех же прочих отношениях весьма ее напоминает, ибо невероятно остра и прочна.

Хотя собственные родовые мечи есть у многих домов, их, как правило, просто передают от лорда к лорду. Некоторые, как Корбреи, одалживают меч сыну или брату, но после их смерти клинок возвращают главе дома. Однако в Звездопаде заведен иной обычай. Владельцу Рассвета всегда даруется имя Меч Зари, и достойным носить клинок может быть сочтен лишь воин из дома Дейнов.

По этой причине любого рыцаря, зовущегося Мечом Зари, знают во всех Семи Королевствах. Мальчишки тайно мечтают быть сыновьями

Звездопада, чтобы заявить права на легендарный меч и титул. Знаменитейшим из всех стал сир Эртур Дейн, самый смертоносный из гвардейцев Эйриса II, который разгромил Братство Королевского леса и снискал славу, выигрывая конные поединки и общие схватки на каждом турнире. Он с честью погиб в конце восстания Баратеона вместе со своими присяжными братьями — говорят, лорд Эддард Старк сразил его в бою один на один. Затем, в знак уважения, лорд Старк вернул Рассвет в Звездопад, родичам сира Эртура.

Дальше к востоку, где кряжи сбегают вниз к Дорнийскому морю, в долинах зеленых предгорий у подножия вершин подобным же образом обосновался дом Айронвудов. Они захватили вторую из ведущих в Дорн главных дорог — Каменный путь (и он намного круче, уже и опаснее Широкого пути на западе). Здешние земли лесисты, с ценными залежами олова, серебра и железа, сравнительно плодородны и достаточно защищены — все это сделало Айронвудов самыми богатыми и могущественными из дорнийских королей. Провозгласив себя Царственнокровными, лордами Каменного пути, хозяевами Зеленых холмов и Верховными королями Дорна, владыки дома Айронвудов в былую пору правили север-

ным Дорном — от горных владений дома Вилей до истоков Зеленокровной... хотя их усилия подчинить прочих дорнийских королей своей воле редко давали плоды.

Во времена Первых людей с властителями из дома Айронвудов соперничал еще один Верховный король Дорна, издававший указы из громадной бревенчатой крепости на южном берегу Зеленокровной, близ Лимонной Рощи, где река впадает в Летнее море. То было своеобразное правление: всякий раз после кончины короля его преемник избирался из десятка знатных семейств, поселившихся у реки либо на восточном побережье Дорна. Уэйды, Шеллы, Хольты, Бруки, Халлы, Лейки, Браунхиллы, Бриары... королям всех этих домов случалось править из высокого чертога среди лимонных деревьев. Но столь любопытная традиция в конце концов пресеклась — когда очередные спорные выборы правящего дома обернулись междоусобной войной. Спустя поколение распри три старинных рода оказались стертыми с лица земли, а некогда могучее речное королевство распалось на дюжину ссорящихся мелких владений.

Различные карликовые государства влачили свое существование по всему Дорну: в глубоких

песках и среди высоких пиков, вдоль морских берегов и на островах Перебитой Руки. Но лишь немногим из них удалось достичь могущества и величия Дейнов из Звездопада, Айронвудов из Айронвуда и Фаулеров из Поднебесья, лордов Широкого пути.

Появляются андалы

Следы андалов легко найти по всему Вестеросу южнее Перешейка, остались они и в Дорне. Впрочем, большинство историков согласились, что в этом краю андальское воздействие было гораздо слабее, чем в других южных королевствах. В отличие от Первых людей, новые пришельцы были мореплавателями, и самые предприимчивые их капитаны хорошо знали дорнийское побережье. Знали и общее мнение: там-де не найдешь ничего, кроме змей, скорпионов и песка. Неудивительно, что относительно мало захватчиков направило свои весла на полдень, поскольку гораздо ближе к Андалосу лежали земли намного богаче и зеленее — стоило всего лишь пересечь Узкое море.

Тем не менее, в суровых уголках мира всегда отыщется сколько-то искателей удачи, предпочи-

тающих бродить нехожеными тропами, которых остерегаются прочие. Именно такими и были те андалы, что устремились в Дорн. Некоторые из них принялись соперничать с прибывшими ранее Первыми людьми за лучшие земли вдоль Зеленокровной и на побережье, другие рискнули двинуться в горы. А кое-кто осел в землях, где еще не ступала нога человека.

Среди таковых оказались Уллеры и Кворгилы. Первые возвели свою мрачную и источающую зловоние крепость у богатых серой желтых вод Серноводной реки, тогда как вторые обосновались среди дюн и песков, соорудив укрепление возле колодца, единственного на пятьдесят лиг окрест. Дальше к востоку, на холмах у слияния двух водных потоков, свой высокий светлый замок воздвигли Вейты. Река ниже по течению вскоре стала носить их имя. В подобных уединенных областях Дорна смогли для себя выкроить владения и Аллирионы, и Джордейны, и Сантагары.

Земли на восточном побережье, между Перебитой Рукой и Зеленокровной, которые ранее находились под непрочной властью дома Уэйдов и дома Шеллов, завоевал андальский искатель удачи Морган Мартелл со своими родичами.

После победы в битве он захватил поселения прежних хозяев и сжег их замки, тем самым установив собственное господство над полоской каменистого берега в пятьдесят лиг длиной и десять — шириной.

В следующих столетиях сила Мартеллов росла... но медленно, ибо лордов этого дома и тогда уже (как и сейчас) знали как осторожных людей. До прибытия Нимерии дорнийцы и вовсе не признавали их могущественной силой. Более того, хотя соседними владениями правили сплошь короли, сами Мартеллы никогда не претендовали на этот титул, а на определенных этапах истории охотно преклоняли колено перед Джордейнами, королями Тора, могучими Айронвудами из Айронвуда, благочестивыми Аллирионами из Дара Богов, или же различными царьками Зеленокровной.

Прибытие ройнаров

Мартеллы управляли своей невеликой собственностью уже сотни лет, когда десять тысяч кораблей принцессы Нимерии пристали к берегу Дорна неподалеку от того места, где ныне лежат Солнечное Копье и Тенистый город.

Повесть о том, как Нимерия взяла в супруги

Морса Мартелла, как сожгла корабли и связала ройнаров с его домом, славой и щедростью, рассказывают повсеместно. Нет нужды здесь ее повторять заново, как и старые знакомые истории о выигранных и проигранных сражениях или заключенных и разорванных союзах.

Достаточно сказать, что знания и богатства, принесенные ройнарами в Вестерос, вкупе с честолюбием лорда Морса и непреклонной волей Нимерии с реки Ройны, дали Мартеллам возможность расширить свое влияние. Одолев одного за другим малозначащих лордов и королей, а напоследок разгромив самих Айронвудов, они объединили весь Дорн... но как княжество, не королевство. Морс и Нимерия никогда не именовали себя королем и королевой, предпочитая титулы принца и принцессы — по обычаю павших городов-государств Ройны. И хотя их потомки не раз одерживали победу над соперниками и показали, на что способны, сражаясь против Штормовых королей и королей Простора, традиция эта продолжилась вплоть до нынешних дней.

В песнях Нимерия предстает колдуньей и воительницей, но ни то, ни другое не является истиной. Во многих сражениях она хитро и уме-

ло руководила своими воинами на поле боя, хотя и не брала в руки оружие. Став немощной в силу прожитых лет, свою мудрость по части воинских дел принцесса передала наследникам, и те возглавляли войска после нее. И даже если ни один из них не совершил ничего равного деяниям Нимерии (ею были отосланы на Стену шесть плененных королей в золотых оковах), потомки ее с успехом хранили независимость Дорна от враждебных королей с севера и держали в повиновении собственных вспыльчивых и мстительных лордов гор и пустынь.

ОТМЕЧЕННЫЕ В ХРОНИКАХ ИМЕНА ШЕСТИ КОРОЛЕЙ, ОТПРАВЛЕННЫХ НИМЕРИЕЙ НА СТЕНУ

ЙОРИК ЦАРСТВЕННОКРОВНЫЙ ИЗ ДОМА АЙРОНВУДОВ, богатейший и могущественнейший из дорнийских королей, низложенных Мартеллами.

ВОРИАН ИЗ ДОМА ДЕЙНОВ, Меч Заката, прославлен как величайший из всех рыцарей Дорна.

ГАРРИСОН ИЗ ДОМА ФАУЛЕРОВ, Слепой король. Несмотря на преклонный возраст и слепоту, он по-прежнему внушал опасения благодаря своему коварству.

ЛЮЦИФЕР ИЗ ДОМА ДРАЙЛЕНДОВ, Последний

из своего рода, король Серноводной реки, лорд Адовых Врат.

БЕНЕДИКТ ИЗ ДОМА БЛЭКМОНТОВ, поклонявшийся темному богу и, по слухам, владевший способностью превращаться в стервятника невероятной величины.

АЛЬБИН ИЗ ДОМА МАНВУДИ, опасный безумец, господствовавший в Красных горах.

Повергнув всех, кто мог быть угрозой их владычеству, Мартеллы управляли Дорном семь сотен лет[95]. При них возникли Тенистый и Дощатый города, а в Солнечном Копье взметнулись в небеса величественные башни.

Странные обычаи Юга

Дорнийцы считают себя отдельным народом по отношению к прочим вестеросцам (к тому же тысячу лет назад они соединились еще и с ройнарами), а потому очень гордятся своей богатой событиями историей и блюдут собственные обычаи.

Меньше всего подверглись ройнарскому влиянию каменные дорнийцы, они весьма схожи с народом, живущим севернее Красных гор. Однако же это вовсе не сделало их близкими союзниками

лордов Простора или марок. Наоборот, горные лорды тысячелетиями вели войны со Штормовыми землями и Простором (как и друг с другом), а их жестокое прошлое сравнивают с историей кланов Лунных гор. Когда в балладах поется о жарких схватках с суровыми дорнийцами на землях марок, речь идет, скорее всего, о лордах Черногорья и Королевской Гробницы, Виля и Поднебесья... И, разумеется, Айронвуда. Хранители Каменного пути продолжают быть самыми могущественными и кичливыми вассалами дома Мартеллов, а их отношения с сюзереном в лучшем случае можно назвать непростыми.

До прихода Нимерии Айронвуды были гораздо влиятельнее Мартеллов того времени. Они правили половиной страны, будучи сильнейшим домом всего Дорна, о чем и сейчас никому не позволяют забыть. В столетия, последовавшие за возвышением Мартеллов, Айронвуды выказывали склонность к мятежу и несколько раз поднимали восстания. И даже после того, как принц Марон объединил Дорн с Железным троном, привычка эта осталась — не менее чем в трех из пяти восстаний Блэкфайров лорды Айронвуда поддерживали притязания черного дракона.

Больше от ройнаров в песчаных дорнийцах,

привычных к суровой жизни в пустынях. Хотя реки Дорна в сравнении с Мандером и Трезубцем скудны, воды в них вполне хватает для орошения полей и поддержания жизни в деревеньках и городках. Но вне речных долин люди живут совершенно иначе: кочуют от одного оазиса к другому, опираясь на знания о расположении колодцев; детей же растят вместе с козами и лошадьми. Песчаные дорнийцы — главные заводчики коней знаменитой пустынной породы, считающихся самыми красивыми в Семи Королевствах. Тонкокостные, эти кони не способны выдержать вес рыцаря в полном облачении, зато быстры и неутомимы, и нуждаются всего в паре глотков воды, чтобы скакать день и ночь. Дорнийцы любят пустынных скакунов почти так же, как родных детей — король Дейрон в «Завоевании Дорна» отметил, что рыцарь Крапчатого Леса устроил стойла для лошадей в залах своего замка.

Соленые дорнийцы, потомки ройнаров, за века утратили речь предков, хотя она по-прежнему влияет на произношение ими слов общего языка. Они растягивают одни звуки, проглатывают другие и ставят ударения в самых неожиданных местах. Некоторые называют дорнийский говор очаровательным, прочие же (в основном, пред-

взятые марочники) считают неразборчивым. Но, что гораздо важнее, ройнары принесли с собой собственные законы и обычаи, которые Мартеллы позже распространили по всей стране. Так, в Дорне, единственном из Семи Королевств, родителю наследует не старший сын, а старший ребенок, независимо от его пола. Потому-то прекрасные леди и принцессы становились героинями песен и сказаний ничуть не реже великих рыцарей и принцев.

Помимо того, дорнийцев отличают и другие традиции. Они не слишком озабочены тем, в законном ли супружестве появился на свет ребенок или нет, в особенности, если дитя породила любовная связь. Многие лорды (и даже некоторые леди) заводят себе возлюбленных, чтобы предаваться любви и страсти — отнюдь не для продолжения рода и заключения союзов. Когда дело касается плотского влечения, то мужчина может лечь с мужчиной, а женщина с женщиной, и это также не вызывает нареканий. Септоны часто пытались наставить дорнийцев на путь истинный, но мало в том преуспели. Даже одежды дорнийцев не похожи на вестеросские — из-за климата там предпочитают носить свободные многослойные халаты. Местная же еда щедро

приправлена специями и обжигает рот смесью драконьего перца с каплями змеиного яда.

Любопытный пример отличия (благодаря ройнарскому влиянию) дорнийских законов и воззрений, можно увидеть, как ни странно, в последние дни Танца Драконов. В хронике архимейстера Гильдейна есть следующая запись относительно короткого царствования Геймона Белокурого:

«Один за другим шли указы из Дома Поцелуев, где восседал малолетний король, и каждый последующий был возмутительнее предыдущего. Геймон повелел, что в делах наследования отпрыски обоего пола впредь будут равны, что в голодную годину сирым и нищим должно подавать пиво и хлеб, что воины, утратившие конечность, должны получать кров и пропитание у всякого лорда, за которого им довелось сражаться. Геймон предписал, чтобы мужья, поднявшие руку на жен, в свою очередь также были биты, без оглядки на то, какими деяниями заслужили их жены подобную кару. Если Грибок не ошибается, сии эдикты, почти вне всяких сомнений, стали детищем дорнийской блудницы, именуемой Сильвенной Сэнд, которая, по слухам, была возлюбленной Эсси, матушки короля».

Особняком от прочих дорнийцев (как соленых, так и песчаных, и каменных) стоят сироты Зеленокровной — те самые, что рыдали, когда Нимерия сжигала ройнарские корабли. Изготовив из их остовов плоскодонки, они принялись бороздить речные воды, мечтая о дне, когда смогут вернуться к Матери-Ройне. Чистокровные ройнары, они по-прежнему общаются между собой на родном языке, хотя, судя по всему, держат это в тайне — после того, как три преемника принца Морса II, внука Нимерии, пытались наложить запрет на ройнарскую речь.

Тех преемников прозвали также Красными принцами (хотя двое из них были женского пола), а их правление отмечено войнами как в самом Дорне, так и за его пределами. При них было положено начало Дощатому городу — связанные вместе паромы и плоскодонки служили местом для торговли. Для защиты разросшегося с течением лет города принцы повелели неподалеку воздвигнуть крепость, поскольку все больше кораблей из Вольных городов находили здешнюю гавань вполне удобной.

Дорн против Драконов

Из всех угроз, с которыми дорнийцам доводилось сталкиваться, ни одна не смотрелась столь опасной, как та, что исходила от Эйгона Завоевателя и его сестер. Велика была отвага, выказанная дорнийцами в сражениях, велика была и их скорбь от понесенных утрат, ибо цена свободы оказалась весьма высока. Тем не менее, Дорн стал единственным королевством из всех семи, отстоявшим независимость от дома Таргариенов. Раз за разом отражались попытки Эйгона, его сестер и их преемников силой заставить дорнийцев преклонить колено пред Железным троном.

Дорнийцы не давали Таргариенам больших сражений и не стремились защищать от драконов свои замки, поскольку Мерия Мартелл, принцесса Дорна времен Завоевания, узнав о Последнем Шторме, Пламенном Поле и судьбе Харренхолла, сделала верные выводы. И после того, как Эйгон в 4 году от З.Э. обратил взор на полдень, жители края, едва завидев в небе драконов, стали попросту исчезать.

Первый натиск на Дорн возглавила королева Рейнис, на пути к Солнечному Копью стреми-

тельно захватывая местные замки. Она спалила Дощатый город огнем своей Мераксес, в то время как Эйгон и лорд Тирелл в Принцевом ущелье вели бои с горными лордами. Защитники Дорна изводили войска Таргариенов непрекращающимися набегами, то и дело устраивали засады, а при виде драконов мгновенно исчезали в скалах. При наступлении на Пекло многие воины Тирреллов погибли от зноя и жажды, а те, кто выжил и добрался до замка Уллеров, нашли его пустым — хозяева скрылись.

Эйгон преуспел больше, но также почти не встретил сопротивления, разве что недолго осаждал Айронвуд, где ему противостояла горстка женщин, детей и стариков. Даже Поднебесье, родовое гнездо Фаулеров, оказалось покинутым. У Призрачного Холма — замка дома Толандов, стоящего на белой вершине меловой горы с видом на Дорнийское море — Эйгон все-таки увидел реющий над стенами крепости стяг с призраком. Тогда же он получил весть, что на бой с Таргариеном из замка отправляется поединщик. Этого бойца Эйгон сразил Черным Пламенем, но после узнал, что погибший был полоумным шутом лорда Толанда, чей господин бежал из своего владения вместе с домочадцами. Впоследствии

Толанды приняли новый герб с драконом, кусающим собственный хвост, зеленым на золотом поле — в память об одеянии отважного шута.

А наступление Ориса Баратеона, который поднимался по Костяному пути, обернулось подлинным бедствием. Хитроумные дорнийцы осыпали с высоты его войско градом камней, стрел и копий, вырезали людей по ночам и, в конце концов, перекрыли Костяной путь с обеих сторон. Лорд Виль захватил Ориса, а с ним и многих его знаменосцев и рыцарей. Несколько лет они провели в плену, прежде чем в 7 году от З.Э. наконец-то смогли освободиться за выкуп, равный их весу в золоте. Но, даже получив свободу, все пленники вернулись домой, лишившись правой руки — так они больше никогда не смогли бы поднять оружие против Дорна.

За исключением нападений на Костяном пути, дорнийские лорды продолжали сдавать врагу свои замки, отказываясь как оборонять их, так и преклонять колено. И когда Таргариены, наконец, достигли Солнечного Копья — принцесса Мерия (которую недруги в насмешку прозвали Желтой Дорнийской Жабой, а местные и по сей день почитают как героиню) подобным же образом исчезла в песках. Тогда королева Рейнис

и король Эйгон, собрав оставшихся придворных и сановников, объявили о победе над Дорном и о переходе края под власть Железного трона. Оставив лорда Росби править в Солнечном Копье, а лорда Тирелла с войском — для подавления возможных мятежей, Таргариены на драконах вернулись в Королевскую Гавань. Не успели они ступить на землю столицы, как Дорн восстал, причем с потрясающей быстротой. Гарнизоны были преданы мечу, а возглавлявших их рыцарей запытали до смерти. Дорнийские лорды тогда выдумали новую забаву: делать ставки на то, кто из рыцарей проживет дольше остальных, если понемногу отрезать от них кусок за куском.

ИЗ ЗАПИСЕЙ АРХИМЕЙСТЕРА ГИЛЬДЕЙНА О ДЕФЕНЕСТРАЦИИ В СОЛНЕЧНОМ КОПЬЕ

К лорду Росби, кастеляну Солнечного Копья и Хранителю Песков, смерть пришла не в столь мрачном обличье, как к большинству прочих. Когда ворвавшиеся толпой из Тенистого города дорнийцы возвернули себе замок, то отволокли его светлость на вершину башни, стянув путами его руки и ноги. И там не кто иной, а сама престарелая принцесса Мерия своеручно сбросила Росби вниз.

Лорд Харлан Тирелл и все его войско, отпра-

вившись из Пекла вместе с гарнизоном, чтобы покорить Вейт и вернуть Солнечное Копье, бесследно растворились в пустыне, и больше о них никто не слышал. Посещающие эти места путешественники порой сообщают, будто ветер, перегоняющий песок с места на место, обнажает кости и части доспехов. Однако странствующие по сердцу пустынь песчаные дорнийцы говорят, что здешние дюны не одну тысячу лет становились могильником для павших в сражениях, и кости могут принадлежать любой эпохе.

После освобождения Ориса Однорукого и его изувеченных лордов война разгорелась с новой силой, поскольку теперь Эйгон был одержим местью. Таргариены дали волю своим драконам, снова и снова сжигая непокорные крепости. В ответ дорнийцы также применили огонь: отправленное в 8 году от З.Э. на Мыс Гнева войско спалило половину Дожделесья и разграбило полдюжины городков и деревень. Страсти бушевали все сильнее, и в 9 году еще больше дорнийских замков было предано драконьему пламени. Годом позже пришла расплата — уже воины лорда Фаулера захватили и сожгли великий замок марок Ночную Песнь, пленив его лордов и защитников, в то время как другая армия, ведомая

сиром Джоффри Дейном, дошла до самых стен Староместа, уничтожив в окрестностях все поля и поселения.

Таргариены вновь использовали драконов, в этот раз их ярость была обрушена на Звездопад, Поднебесье и Пекло. Именно в битве за Пекло дорнийцы достигли своего самого крупного успеха в борьбе с Таргариенами. Болт, выпущенный из скорпиона, угодил прямо в глаз Мераксес, и гигантский зверь рухнул с небес вместе с наездницей. Содрогаясь в предсмертной агонии, дракон разметал высочайшую башню замка и разрушил часть внешней стены. Тело же королевы Рейнис в Королевскую Гавань так никогда и не вернули.

ИЗ ЗАПИСЕЙ АРХИМЕЙСТЕРА ГИЛЬДЕЙНА

Разномыслие ученых мужей о том, довелось ли Рейнис Таргариен пережить своего дракона, продолжается и поныне. Одни почитают за истину, что ее милость, выпав из седла, разбилась оземь, другие же — что во дворе замка ее раздавило тело Мераксес. Немногие свидетельства полагают королеву выжившей после падения, но претерпевшей мучительную смерть от пыток в темницах Уллеров. Подлинные обстоятельства ее кончины, как видится, так и не будут нами

познаны, и хронисты сходятся лишь на том, что Рейнис Таргариен, сестра и супруга короля Эйгона I, сгинула в Дорне близ Пекла в десятый год от Завоевания.

Два следующих года позже прозвали годами Гнева Дракона. Охваченные скорбью от смерти возлюбленной сестры, король Эйгон и королева Висенья по меньшей мере единожды сожгли каждый замок, крепость и острог в Дорне... кроме Солнечного Копья и Тенистого города. Почему они поступили так — можно только догадываться. В Дорне принято считать, что Таргариены боялись некоего хитрого приспособления для умерщвления драконов, которое принцесса Мерия приобрела в Лисе. Впрочем, более вероятны предположения архимейстера Тимоти, высказанные им в труде «Догадки»: пощадив Мартеллов, Таргариены тем самым надеялись противопоставить им остальных дорнийцев, претерпевших огромный урон. Если эта мысль истинна, то несложно объяснить, почему из марок в дорнийские дома отправлялись письма, призывавшие к отказу от дальнейшей борьбы. В них утверждалось, будто Мартеллы предали своих подданных, купив у Таргариенов безопасность ценой разрушения Дорна.

Как бы то ни было, вскоре открылась последняя и самая бесславная страница Первой дорнийской войны[96]. Таргариены назначили цену за головы лордов из Дорна, и более полудюжины их пало от рук убийц, хотя лишь двое наймитов остались в живых и получили свою награду. Дорн ответил тем же — и последовала череда жестоких смертей. Даже в самом сердце Королевской Гавани никто не чувствовал себя в безопасности. Лорд Фелл был удавлен в борделе, а на короля Эйгона покушались трижды. Когда же напали на Висенью и ее сопровождающих, два охранителя успели лишиться жизни, прежде чем Висенья сама зарубила последнего злодея Темной Сестрой. Худшее же было совершено руками Виля из Виля, о чьих поступках нет нужды рассказывать подробно — они достаточно неприглядны и памятны до сих пор, особенно в Фаунтоне и Старом Дубе.

Дорн к тому времени превратился в мрачные дымящиеся руины, но жители края по-прежнему продолжали борьбу, прячась в укромных местах и совершая внезапные вылазки. Даже простолюдины не желали сдаваться, и счет потерянным жизням становился воистину бесконечным. Наконец, в 13 году от З.Э. принцесса Мерия умерла. Престол занял ее уже весьма немолодой и уступ-

чивый сын, принц Нимор. Он, будучи сытым войной уже по горло, отправил в Королевскую Гавань посольство во главе со своей дочерью, принцессой Дерией. В качестве дара королю они привезли с собой череп Мераксес, что многие — в том числе, королева Висенья и Орис Баратеон — восприняли как оскорбление. Лорд Окхарт настаивал, чтобы Дерию отправили в самый низкопробный бордель для ублажения всех желающих, но король Эйгон Таргариен не дал на то позволения и выслушал ее слова.

Дерия объявила, что Дорн желает мира — но мира между двумя королевствами, а не между вассалом и господином. Отказаться от этого предложения его милость убеждали многие, и слова «нет мира без подчинения» в те дни часто звучали в залах Эйгонфорта. Твердили, что короля посчитают слабым, если он согласится с такими требованиями, а лорды Простора и Штормовых земель, претерпевшие наибольший урон в войне, будут разгневаны.

По слухам, король Эйгон под влиянием подобных рассуждений все более склонялся к отказу, пока принцесса Дерия не вложила ему в руки письмо от принца Нимора, своего отца. Король читал послание, восседая на Железном троне, и

поговаривают, будто поднялся он с кровоточащим кулаком — столь крепко сжал его монарх. Эйгон сжег письмо и незамедлительно отбыл на Балерионе на Драконий Камень. Вернувшись на следующее утро, он принял предложение дорнийцев и подписал мирное соглашение.

До сего дня никто так и не знает, о чем говорилось в письме, хотя догадки строят многие. Сообщал ли Нимор, что изувеченная Рейнис до сих пор жива и ее мучения прекратятся, если Эйгон положит конец военным действиям? Было ли письмо заколдовано? Пригрозил ли он потратить все богатства Дорна и нанять Безликих для убийства юного наследника Эйгона, принца Эйниса? Ответов на все эти вопросы мы, видимо, уже не получим никогда.

Так или иначе, но пришел мир, продолжавшийся и в годы усобицы Короля-Стервятника, и после. Разумеется, были и другие Дорнийские войны, и даже в мирную пору разбойники продолжали совершать набеги, спускаясь с Красных гор в поисках добычи на север и запад, в богатые зеленые земли.

Дорнийцы под командованием принца Кворена Мартелла сражались на стороне Триархии, когда та воевала за Ступени с принцем Деймоном

Таргариеном и Морским Змеем. В годы Танца Драконов обе стороны взывали к дорнийцам, но Кворен отказался от любого участия. Его ответ на послание сира Отто Хайтауэра, как известно, был таков: «С драконами Дорн уже танцевал, и, полагаю, спать со скорпионами мне будет приятнее».

Дочь принца Кворена думала иначе. Принцесса Алиандра заняла престол в юном возрасте и полагала себя новой Нимерией — так, пылкая молодая особа поощряла своих лордов и рыцарей добиваться ее расположения набегами на марки. Кроме того, своей высочайшей благосклонностью она одаривала лорда Алина Вельяриона, и не единожды: когда первое великое плавание Дубового Кулака привело его в Солнечное Копье, и позже — по возвращении его из Закатного моря.

Ко времени восхождения на престол Дейрона I стало очевидно, что соглашение о вечном мире явно продлится меньше, чем вечность, и все мы знаем, чем за это пришлось заплатить. Славный подвиг завоевания Дорна Юным Драконом справедливо воспет в песнях и сказаниях, но достигнутого успеха не хватило и на одно лето — а он стоил жизни многим тысячам, в том числе и самому храброму молодому королю. Заключение же мира выпало на долю брата и преемника Дей-

рона, Бейлора I Благословенного, и цена за него оказалась тяжкой.

Случившаяся позднее попытка короля Эйгона IV вторгнуться в Дорн с «драконами», изготовленными по его замыслам, вряд ли достойна упоминания — будучи глупым безрассудством с самого начала, она и закончилась унижением. Сын же Эйгона, король Дейрон II Добрый, смог, наконец, присоединить Дорн к Семи Королевствам... и сделал это не огнем и мечом, но любезными речами[97], улыбками и парой продуманных брачных союзов. Торжественно заключенный договор закреплял права дорнийских принцев на титул и привилегии, а также давал обязательства престола, что собственные законы и обычаи всегда будут иметь преимущество в Дорне.

В дальнейшем Дорн по-прежнему оставался тесно связанным с королевским домом, и Мартеллы поддерживали Таргариенов против претендентов из Блэкфайров. Так, для борьбы с Девятигрошовыми королями на Ступени были посланы дорнийские копейщики. Верная служба Мартеллов была вознаграждена, когда Рейгар Таргариен, принц Драконьего Камня и наследник Железного трона, взял в жены принцессу Элию Мартелл из Солнечного Копья, и прижил от нее

двоих детей. Если бы не безумие отца Рейгара, Эйриса II, вполне вероятно, что во главе государства однажды смог бы встать принц дорнийской крови. Однако беспорядки, случившиеся в дни восстания Баратеона, привели к гибели и принца Рейгара, и его супруги, и их отпрысков.

Солнечное Копье

История Солнечного Копья весьма примечательна. В прежние дни твердыня Мартеллов, зовущаяся Ковчегом Песков, была приземистой и неприглядной, но с течением лет вокруг нее поднялись прекрасные башни со всеми признаками ройнарского стиля. После того, как солнце Ройны обвенчалось с копьем Мартеллов, крепость стали называть Солнечным Копьем. Позже воздвигли Башню Солнца и Башню Копья: первую венчает громадный золоченый купол, вторую — высокий тонкий шпиль. Именно их сначала видят прибывающие как по суше, так и по морю.

Замок, стоящий на мысу, с трех сторон окружает вода, а с четвертой стороны расположился Тенистый город. Хотя последний в Дорне и зовут городом, это не более чем поселок, к тому же весьма странный, пыльный и неказистый. Дорнийцы

начали пристраивать свои жилища прямо к стенам Солнечного Копья, затем к стенам соседских домов — и так продолжалось, пока Тенистый город не принял нынешний облик. Сегодня он представляет собой лабиринт из узких улочек, базарчиков, переполненных дорнийскими и восточными пряностями, и домов из сырцового кирпича, хранящего прохладу даже в палящий летний зной.

Петляющие стены возвели около семисот лет назад. Окружая Солнечное Копье, они извиваются по всему Тенистому городу подобно змее, образуя преграду, благодаря которой заблудится даже самый решительный враг. Проникнуть прямо в замок можно, только пройдя через Тройные ворота, прорубленные в Петляющих стенах, и ворота эти при необходимости защищают с особым усердием.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЗАКАТНЫХ КОРОЛЕВСТВ
Прочие земли

Дальние пределы нашего мира, в котором Вестерос — лишь малая его часть, по сей день остаются загадкой даже для самых взыскательных знатоков. И, хотя целью этой работы является создание исторической хроники Семи Королевств, с нашей стороны будет упущением не упомянуть заморские края — по меньшей мере, вкратце. Ибо у каждого из них свой облик, и каждый добавляет собственный цвет и узор в тот гигантский гобелен, который мы называем изведанным миром.

К сожалению, чем больше мы удаляемся от тех королевств, которые люди с востока называют Закатными, тем более скудными становятся знания Цитадели, поскольку сообщения с дальними областями Эссоса всегда были очень редки. Еще меньше мы знаем про южные пределы Сотриоса и далекого Ультоса, а земли, что могут скрываться за Последним Светочем или Закатным морем, нам совершенно неведомы.

Разумеется, ко времени применимы те же ограничения, что и к расстояниям. Как мы уже показывали на примере Вестероса, чем древнее цивилизация, тем меньше о ней может быть доподлинных сведений. Таким образом, я не вижу смысла здесь уделять внимание как исчезнувшим государствам (Старому Гису и Валирии), так и оставшимся от них обломкам, поскольку тамошние особенности уже затронул в другом разделе этого труда. Что же до загадочного Кварта, то я могу лишь указать лучший источник: «Нефритовый Компендиум» Коллокво Вотара, самое выдающееся сочинение о землях, окружающих Нефритовое море.

Далее будут представлены отсеянные от шелухи зерна истины, собранные даже в самых диковинных местах. Хотя большую часть известных нам сведений о далеких странах мы почерпнули из легенд и рассказов путешественников и должны расценивать их соответственно.

Итак, давайте начнем с наших ближайших соседей — Вольных городов, чью историю мы знаем с самых ранних времен благодаря свидетельствам местных ученых мужей и книжников. Городские хроники велись веками, восходя к самым первым годам основания этих поселений

выходцами из Республики. Благодаря им же нам кое-что ведомо и из истории народов, существовавших еще до валирийцев.

Все, кто изучает древние записи, сталкиваются с одной и той же бедой: в различных культурах счет дней, времен года и лет велся слишком поразному. В своей замечательной работе «Расчет времени» архимейстер Уолгрэм со всем тщанием изучает этот вопрос, однако до сих пор нет единодушия в том, как соотносить даты исторических событий с нашим летосчислением.

Вольные города

В Эссосе, обширном континенте за Узким морем, немало чуждых нам цивилизаций, древних и диковинных. Одни живучи и сохранились до наших дней, другие же — канули в прошлое и стали легендой. Большинство из них находятся слишком далеко, чтобы как-то занимать жителей Семи Королевств, кроме разве что тех моряков, которые достаточно храбры и отваживаются бороздить неисследованные воды в поисках золота и славы.

Однако девять Вольных городов — наши ближайшие соседи и главные торговые партнеры, а их история тесно переплетается с нашей. Столетиями купеческие галеры пересекали Узкое море и везли в Вестерос дорогие гобелены, полированные линзы, изящные кружева, экзотические фрукты, необычные специи и несчетное число других товаров, а возвращались с золотом, шерстью и тому подобными продуктами. В Староместе, в Королевской Гавани, в Ланниспорте — в каждом порту, начиная от Восточного Дозора и заканчивая Дощатым городом, можно найти

моряков, банкиров и купцов из Вольных городов, с азартом занимающихся покупками, продажами и сплетнями.

У каждого из Вольных городов своя история, свой облик и говор. Местные наречия, по сути, являются искаженными разновидностями единого изначального языка — высокого валирийского. И они все больше отдаляются друг от друга с каждым столетием, прошедшим с тех пор, как Рок обрушился на Валирию.

Восемь из девяти Вольных городов считаются гордыми дочерьми Валирии. Здесь до сих пор правят потомки первых поселенцев, которые утвердились на этих землях сотни и тысячи лет назад, и в восьми городах кровь Старой Валирии в почете по сей день. Девятый же город не таков — Браавос на Ста Островах основали бывшие рабы, сбежавшие от своих валирийских хозяев. Первые браавосийцы происходили, как любят говорить, изо всех краев, где только светит солнце, однако шли века, и жители смешивались друг с другом, несмотря на различия в цвете кожи, вероисповедании и языке. Так сложился новый народ смешанной крови.

Мы говорим только о девяти Вольных городах, хотя на просторах Эссоса найдется множество

других валирийских местечек, поселений и форпостов. Причем некоторые из них превосходят размерами и населением Чаячий город, Белую Гавань и даже Ланниспорт. Однако Девять городов отличаются от прочих не величиной, а происхождением. Во времена расцвета, до прихода Рока, валирийские колонии Мантарис, Волон Терис, Орос, Тирия, Драконис, Элирия, Миса Фаэр, Риос и Аквос Даэн славились своей мощью и богатством. И все же, несмотря на их гордость и влияние, в этих городах именем Республики правили люди, присланные из Валирии.

Но подобного никогда не было в Волантисе и прочих Вольных городах. Породила их Валирия, но с рождения они не зависели от своей матери. Все, кроме Браавоса, были преданными дочерьми Республики, никогда с ней не воевали и никоим образом не оспаривали величие драконьих владык. Восемь городов оставались добрыми союзниками Валирии и вели с ней торговлю, а в трудную годину даже искали руководства в Землях Долгого лета. Однако в менее важных вопросах они следовали своим путем, управляемые собственными жрецами и князьями, архонтами и триархами.

Лорат

В Студеном море, омывающем Эссос с севера, близ входа в Лоратийский залив лежат пологие каменистые острова. На западном берегу самого большого из них расположился Вольный город Лорат, которому принадлежат сами острова (три весьма крупных и пара десятков более мелких), а также лесистый полуостров на юге и множество скал в море (где почти никто не живет, если не считать тюленей и морских птиц). Лоратийцы объявили своими и воды залива, однако сюда зачастую отваживаются заходить китобои с Иба и флотилии браавосских рыбаков — у Лората нет достаточных сил, чтобы сделать это притязание истинным.

В прошлом власть Лората простиралась далеко на восток, вплоть до Секиры, но за века влияние города ослабело, и в наши дни лоратийцам принадлежат лишь южное и восточное побережья залива, западное же — часть владений Браавоса.

Лорат — самый маленький, самый бедный, с наименьшим числом жителей, а если не считать Браавос, то и самый северный из всех Вольных городов. Расположение вдали от торговых путей

определило его обособленность от остальных дочерей Валирии. Лоратийские острова суровы и каменисты, зато прибрежные воды изобилуют косяками трески и стадами китов, а на сезон размножения в заливе собираются серые левиафаны. На выступающих в море скалах и галечных насыпях встречаются большие лежбища моржей и тюленей. Соленая треска и моржовые бивни, ворвань да тюленьи шкуры — этим, в основном, и торгует город.

В незапамятные времена на островах обитало загадочное племя людей, их мы знаем только под именем «строителей лабиринтов». Они исчезли с лица земли задолго до начала истории, не оставив после себя ничего, кроме собственных костей... и упомянутых лабиринтов.

По всем островам разбросаны обширные лабиринты, созданные строителями из тесаных каменных блоков и изумительные по своей сложности. Один из них, сильно заросший и ушедший глубоко в землю, найден и на материке, на полуострове к югу от Лората. А на втором по величине острове архипелага, Лорассионе, имеется лабиринт исполинских размеров, который занимает собою более трех четвертей его поверхности, также включая в себя четыре подземных уровня,

причем некоторые их части уходят вглубь на пятьсот футов.

Ученые мужи до сих пор спорят о назначении этих лабиринтов. Были ли они укреплениями, храмами, городами? Или служили другим, необычным целям? Мы никогда об этом не узнаем, поскольку строители не оставили после себя письменных свидетельств. Найденные кости подсказывают нам, что их обладатели по сложению были больше и крупнее людей, но все же не такими большими, как великаны. Кое-кто предполагает возможность их происхождения от союза женщин-великанов и обычных мужчин. Мы не знаем, почему строители исчезли, хотя лоратийские легенды наводят на мысль, что их уничтожили враги с моря: в одних сказаниях это были водяные, в других — люди-тюлени или люди-моржи.

После «строителей лабиринтов» на Лорате в последующие века появились новые обитатели. Одно время острова служили пристанищем для низкорослых, смуглых и волосатых людей, схожих с иббенийцами. Будучи рыбаками, те избегали великих лабиринтов своих предшественников и селились на побережье. Их, в свою очередь, сменили андалы: выйдя из Андалоса в

сторону севера, они добрались до берегов залива, после чего пересекли его на ладьях. Пришельцы, облаченные в кольчуги и вооруженные железными секирами и мечами, хлынули на острова, убивая волосатых людей и обращая в рабство их женщин и детей во славу своего семиликого бога.

Вскоре на каждом острове был свой владыка, а самый большой мог похвастаться сразу четырьмя. Следующую тысячу лет задиристые андалы провели, воюя друг с другом. В конце концов, воин, назвавший себя Кварлоном Великим, объединил все острова под своим началом. Согласно хроникам тех лет, он возвел большую деревянную крепость в центре гигантского и нагоняющего жуть лабиринта Лорассиона, после чего украсил ее чертоги головами поверженных врагов.

Кварлон мечтал о том, чтобы стать повелителем всех андалов, во имя этой цели он вновь и вновь шел войной на мелких царьков. Двадцать лет спустя, после многочисленных сражений, приказы Кварлона Великого имели силу закона всех землях, лежащих между восточным побережьем Секиры и заливом, где в один прекрасный день вырастет Браавос, к югу же — вплоть до истоков Нойны и Верхней Ройны.

Однако там ему пришлось столкнуться не просто с другими андальскими властителями, а с Вольным городом Норвосом на Нойне, и путь по реке для Кварлона оказался закрытым. После того вождь оставил свои покои в лабиринте, возглавил поход против норвосийцев и даже выиграл два крупных сражения в холмах. К несчастью для себя, он переоценил значимость этих побед и повел войска на сам Норвос. Жители города послали за помощью в Валирию, и Республика встала на защиту своей далекой дочери, несмотря на то, что между ними лежали все земли андалов и ройнаров.

Но расстояния ничего не значили для драконьих владык в годы расцвета их силы. В «Огнях Республики» написано, будто в полет на север, вверх по великой реке, отправили сотню драконов, и те с небес низверглись на андалов, осадивших Норвос. Кварлона Великого сожгли вместе со всем его войском, после чего повелители драконов полетели дальше — на острова Лората, неся с собой кровь и огонь. Огромную крепость Кварлона поглотило пламя, та же участь постигла городки и рыбацкие поселки на побережье. Промчавшаяся по островам огненная буря даже громадные камни лабиринтов оставила

опаленными и почерневшими. Сказано, что ни один мужчина, ни одна женщина, ни один ребенок не выжили после Очищения Лората — столь неистово бушевали пожары.

Далее архипелаг оставался безлюдным более века. Вновь расплодились полчища тюленей и моржей, и лишь крабы шныряли в обгорелых и безмолвных лабиринтах. Чтобы починить корабли или пополнить запасы воды, здесь высаживались китобои из Порт-Иббена, но только на побережье, никогда не осмеливаясь заходить вглубь суши. Иббенийцы верили — на островах обитают призраки, и проклятие падет на любого, кто удалится от берега настолько, что перестанет слышать шум прибоя.

Вновь заселили Лорат выходцы из самой Валирии — то были покинувшие Республику приверженцы религиозной секты. В год, когда они возвели свой храм на главном острове архипелага, до прихода Рока еще оставалось тринадцать столетий и тридцать два года.

Новоприбывшие лоратийцы поклонялись Боашу, Слепому богу. Отвергнув все другие божества, его последователи не ели мяса, не пили вина и повсюду ходили босыми, одетые лишь во власяницы и шкуры. Во имя своего бога жре-

цы-евнухи носили глухие колпаки без прорезей для глаз — они верили, что лишь в темноте у них откроется третье око, которое позволит увидеть «высшие истины» всего сущего, укрытые за иллюзиями нашего мира. Поклонники Боаша считали, что жизнь священна и вечна; что женщины и мужчины равны; что лорды и крестьяне, бедные и богатые, рабы и господа, люди и звери — все подобны друг другу, все равно значимы, все создания божьи.

Основная суть их вероучения заключалась в полном отказе от своего «я», ведь только освободившись от присущего людям тщеславия, человек мог надеяться достичь единения с божеством. И поэтому последователи Боаша избавлялись даже от своих имен. О себе они говорили как о «мужчине» или «женщине», не пользуясь словами «я», «мне» или «мое». Хотя культ Слепого бога угас и сгинул больше тысячи лет назад, некоторые из прежних словесных оборотов можно услышать в Лорате и сегодня. Представители высшего сословия полагают невообразимо вульгарным говорить о себе в первом лице.

Приверженцы Слепого бога превратили древние лабиринты первых лоратийцев в города с храмами и гробницами, после чего добрых

три четверти века властвовали на островах безраздельно. Но шли годы, и в залив ради охоты на тюленей и моржей или ловли трески понемногу стали прибывать другие люди, отнюдь не разделяющие веру в Боаша. Кое-кто из таковых предпочел остаться. На берегу вновь стали появляться хибарки и шалаши, которые затем объединились в поселки. Прибывали люди из Иба, Андалоса и дальних стран, кроме того, острова стали прибежищем для вольноотпущенников и беглых рабов из Валирии и ее гордых дочерей, поскольку служители Боаша учили, что все люди равны. Три рыбацких поселка на западной оконечности самого большого острова стали до того населенными и зажиточными, что слились в один городок. Позднее там, где стояли глинобитные хижины, выросли каменные дома, и городок превратился в настоящий город.

Новые поселенцы поначалу зависели от последователей Слепого бога, пришедших сюда до них, и долгие годы жрецы продолжали править островами. Однако со временем число новоприбывших увеличивалось, а ряды верующих неуклонно редели. Всеобщего поклонения Боашу уже не было, а сохранявшие веру жрецы разжирели и забыли о власяницах, колпаках и благонравии, стали

суетными и развращенными, богатея на налогах, которые вытягивали из подвластных им людей. В конце концов, рыбаки, крестьяне и другие простолюдины подняли восстание, сбросив оковы Боаша. Оставшихся приверженцев Слепого бога безжалостно уничтожали, и лишь небольшая их горстка укрылась в огромном храмовом лабиринте Лорассиона. Здесь они прятались более полувека, пока не скончались и последние из их числа.

После того, как власть жрецов Слепого бога пала, Лорат стал республикой наподобие Валирии, и город перешел под управление выборного совета трех князей. Князь Урожая избирался всеми, кто владел землей на островах; Князь Рыбаков — всеми, кто имел свои корабли; Князь Улиц — с одобрения полноправных горожан. Однажды избранный, князь служил на протяжении всей жизни.

Три князя продолжают править и по сей день, хотя их титулы стали чисто церемониальными. Подлинная власть принадлежит совету магистров, состоящему из знати, священников и купцов. Обособленность Лората стала причиной тому, что его жители были мало вовлечены в события Кровавого века, за исключением тех

немногих, кто продал свой меч Браавосу или Норвосу.

В наши дни Лорат по обыкновению считается самым маленьким, самым бедным, самым удаленным и самым отсталым из всех Вольных городов. Лоратийцам принадлежит большой рыболовный флот, но боевых кораблей они построили весьма немного, и военная сила их невелика. Мало кто из местных жителей когда-либо покидал острова, и еще меньше здесь тех, кто когда-либо посещал Вестерос. Жители Лората предпочитают торговать с ближайшими соседями — Ибом, Норвосом и Браавосом.

Норвос

Над высокими скальными утесами восточного берега Нойны, одного из главных притоков Ройны, вырисовываются очертания мощных каменных стен, кольцом окаймляющих верхнюю часть Вольного города Норвоса. А на илистом побережье реки расположился так называемый нижний город, защищенный рвами, насыпями и частоколом — изрядно замшелым. Эта часть Норвоса лежит на три сотни футов ниже верхнего города, где под сенью огромной крепости — хра-

ма бородатых жрецов — живет родовитая знать. Бедный люд ютится внизу, среди пристаней, борделей и пивных, что тянутся вдоль берега реки. Обе части Норвоса соединены только массивной каменной лестницей, прозванной Ступенями Грешника.

Местные жители называют свой город Великим Норвосом. Его окружают иззубренные меловые холмы и густые темные леса — дубовые, сосновые, буковые, где водятся и волки, и медведи, и кабаны, и всевозможная дичь. Принадлежащие городу земли раскинулись от западного берега Темноводной на востоке до Верхней Ройны на западе. Норвосские речные галеры владычествуют на Нойне до самых развалин Ни Сара на юге, где река впадает в Ройну. Великий Норвос также объявил своим владением Секиру в Студеном море, однако иббенийцы в кровавых стычках часто оспаривают это притязание.

Близ городских стен норвосийцы имеют возможность заниматься земледелием на приречных террасах, а вдали от Норвоса людям приходится жить за крепкими бревенчатыми частоколами в острогах и огороженных деревнях. Здесь по каменистым руслам стремительно бегут ручьи, а бесчисленные холмы изрезаны пеще-

рами наподобие пчелиных сот. Многие пещеры заселены бурыми медведями, обычными для этих северных земель; в других собираются стаи рыжих или серых волков. А в кое-каких можно найти кости великанов и наскальные рисунки — следы людей, обитавших здесь много веков назад. Сеть пещер, лежащая в нескольких сотнях лиг к северо-западу от Норвоса, достигает такой величины и глубины, что в легендах называют эти места входом в подземный мир. Ломас Путешественник однажды посетил их и включил в список семи чудес природы, упомянутых в его книге «Чудеса».

Хотя истоки Ройны в наши дни и принадлежат Великому Норвосу, жители города ведут свое происхождение вовсе не от ройнаров, исстари владевших великой рекой. Норвос, как и другие Вольные города, является дочерью Валирии. Тем не менее, на берегах Нойны, где ныне расположен город, до валирийцев возводил свои примитивные деревеньки иной народ.

Кем были эти предшественники? Некоторые верят в их родство со строителями Лората, но последнее кажется маловероятным — здешние жители строили из дерева, а не из камня, и не оставили после себя лабиринтов, приводящих

нас в замешательство. Другие же предполагают, что они были родственны иббенийцам. Впрочем, большинство считает их андалами.

Кем бы ни были первые норвосийцы, их поселения не сохранились. Легенды гласят, что они покинули Нойну, не устояв перед натиском волосатых людей с востока, без сомнения, близких родичей иббенийцев. Этих захватчиков, в свою очередь, изгнал Гаррис Серый, легендарный князь Ни Сара. Но и ройнары здесь не задержались и предпочли более теплые низовья реки темным небесам и холодным ветрам местных холмов.

Подобно своим сестрам Лорату и Квохору, тот Вольный город Норвос, что нам известен сегодня, был основан приверженцами религиозной секты, покинувшими Валирию. В Республике во дни ее могущества существовали храмы сотни разных верований. Некоторые из них имели десятки тысяч прихожан, другие — очень немногих... но ни одна религия не запрещалась, ни одной из них не отдавалось предпочтение.

Часть валирийцев поклонялась не одному божеству, а нескольким, обращаясь к тому или иному из них по мере своих потребностей; и еще больше, как говорят, было тех, кто не признавал

богов вовсе. Большинство смотрит на свободу вероисповедания как на признак по-настоящему развитой культуры. Тем не менее, для некоторых множество богов давало повод к постоянному недовольству. Один из пророков Рглора, Владыки Света, однажды красиво выразился: «Тот, кто чтит всех богов, не чтит никого». И даже в пору расцвета в Республике находилось немало тех, кто верил только в собственного бога или богиню и считал остальных обманом, ложными идолами или демонами, посланными, чтобы искушать человечество.

Некоторые книжники предполагают, будто владыки драконов все верования почитали ложными в равной степени и верили, что сами могущественны не менее любого бога или богини. Они смотрели на жрецов и их святилища как на пережитки примитивных времен, но при этом все же считали их полезными. Обещая лучшую жизнь в будущем, священнослужители тем самым помогали умиротворять «рабов, дикарей и бедноту». Кроме того, многобожие помогало разделять подданных Валирии, а это уменьшало их возможности объединиться против своих хозяев под знаменем единой веры. В Землях Долгого дета религиозная терпимость была одним из

способов сохранения мира.

Десятки подобных сект процветали в Валирии, иногда устраивая жестокие междоусобицы. С неизбежностью некоторые из них сочли терпимость Республики невыносимой и ушли в дикие земли, чтобы построить там свои города для праведников, где царила бы «истинная вера». Мы уже говорили о последователях Слепого бога Боаша, поселившихся в Лорате, и о постигшей их судьбе. Вкратце заметим, что в Квохоре обосновались поклонники мрачного божества, известного как Черный Козел. Однако секта, чьи приверженцы основали Норвос, куда более закрытая, хотя и столь же диковинная, как те, о которых уже рассказывалось — если не больше. Даже имя их бога ведомо лишь посвященным. Без сомнений, это суровое божество, раз уж его жрецы носят власяницы и невыделанные шкуры, а одним из способов поклонения является ритуальное бичевание. Им запрещается, единожды пройдя посвящение, и бриться, и стричь волосы.

В Норвосе только жрецам дозволено обладать бородами. Свободнорожденные норвосийцы высокого и низкого происхождения отращивают длинные висячие усы, в то время как женщины и рабы полностью обривают голову (норвосийки

также удаляют все волосы на теле). Впрочем, высокородные леди могут носить парики, особенно в присутствии чужестранцев.

Норвос всегда был теократией — от основания и до наших дней городом управляли бородатые жрецы, подчиняющиеся лишь своему богу. Им сообщает он свою волю из глубин храма-крепости, куда лишь истинно верующие могут войти и остаться в живых. Хотя в городе есть совет магистров, его участники избираются богом, говорящим устами своих служителей. Чтобы обеспечить послушание и порядок, бородатые жрецы содержат священную стражу из рабов-солдат. Эти суровые воины носят на груди клеймо в виде обоюдоострого топора и сочетаются ритуальным браком с длинными секирами, которыми и сражаются.

Архимейстер Перестан отмечает ту важность, которую норвосийцы придают топору как олицетворению мощи и силы, и считает это доказательством того, что именно андалы первыми поселились в Норвосе. По его мнению, бородатые жрецы заимствовали изображение из развалин, обнаруженных здесь до основания Великого Норвоса. Перестан утверждает, что вслед за семиконечной звездой появились и резные

изображения обоюдоострого топора, который также стал излюбленным знаком святых воинов, в старину завоевавших Семь Королевств.

«Запечатленное в камне» архимейстера Харму-на содержит опись подобной резьбы, найденной по всей Долине Арренов. Звезды и топоры здесь обнаружены повсюду — от Перстов до Лунных гор, и даже в глубине Долины — у подножия Копья Гиганта. Хармун предполагает, что со временем андалы предпочли семиконечную звезду, и топор как символ Святой Веры уступил ей свое место.

Однако следует отметить — не все готовы согласиться, будто резьба эта представляет собой именно топоры. В своем опровержении мейстер Эвлин спорит с Хармуном, называя топоры молотами, знаками Кузнеца. Нечастое появление этих изображений Эвлин объясняет тем, что первые андалы были воинами, а не ремесленниками.

Путешественники описывают верхний город Норвоса как мрачное сумрачное место, где летом удушающий зной, а зимой лютый холод, где дуют резкие ветра и звучат бесконечные молитвы. Нижний город, с его матросскими притонами, борделями и тавернами, по слухам, куда как оживленнее. Здесь, не замечаемые жрецами и знатью, в освещенных факелами кабаках пируют

низкородные норвосийцы — угощаются говядиной и речной щукой, запивают еду крепким темным пивом и перебродившим козьим молоком, развлекаясь видом танцующих медведей и (как шепчутся в народе) рабынь, совокупляющихся с волками.

Описание Норвоса будет неполным без упоминания о трех городских колоколах, чей звон управляет всеми сторонами городской жизни. Они сообщают норвосийцам, когда вставать и ложиться спать, когда работать и отдыхать, когда воевать, когда молиться (часто) и даже когда позволительно вступать в плотские отношения (гораздо реже, если верить рассказам). Нум, Нарра, Ниель — таковы собственные имена этих колоколов, и каждый имеет свой отличительный «голос», знакомый всякому истинному норвосийцу. Ломас Путешественник был столь ими впечатлен, что назвал одним из девяти рукотворных чудес света.

Квохор

Вольный город Квохор, самый восточный из всех дочерей Валирии — зловещая сестра Норвоса с Лоратом, и загадочен еще более, чем они.

Город стоит на реке Койне, на западной окраине обширной и темной изначальной пущи, которой дал свое имя — лес этот, величайший во всем Эссосе, зовется Квохорским.

В досужих рассказах Квохор иногда называют Городом Чародеев — даже в таких далеких от него местах, как Вестерос. Считается, что темными искусствами в нем занимаются и сегодня. Шепотом рассказывают о ворожбе, магии крови, некромантии, хотя подобные вещи редко можно доказать. Впрочем, одна истина остается бесспорной: темный бог Квохора, называемый Черным Козлом, требует ежедневных кровавых жертв. Чаще всего приношением на алтаре становятся телята, волы и лошади, а в дни священных праздников под нож жрецов в капюшонах идут преступники. Пишут, что во времена бед и потрясений квохорская знать отдавала собственных детей ради ублажения бога — чтобы тот дал защиту городу.

Первоосновой благоденствия Квохора стали окружающие город леса. Уже самые первые деревеньки в этих краях принадлежали лесорубам (согласно местным хроникам), и вплоть до сегодняшних дней славятся квохорские егеря и охотники. В дереве нуждались растущие поселения и великолепные города по нижнему течению

Ройны, но их собственные леса к той поре были давным-давно сведены, а земли расчищены под поля и пастбища. Огромные баржи, тяжело нагруженные древесиной, и ныне каждый день уходят в долгое плавание от пристаней Квохора вниз по Койне через Кинжальное озеро — к рынкам Селориса, Валисара, Волон Териса и Старого Волантиса.

Кроме того, в Квохорском лесу добывают различные меха и шкуры, в том числе редкие и очень дорогие, а также серебро, олово и янтарь. Согласно картам и свиткам Цитадели, бескрайнюю чащобу так никогда до конца и не изучили, и, похоже, в ее глуши скрывается немало тайн и чудес. Как и в других северных лесах, здесь в изобилии водятся лоси и олени, наравне с волками, лесными котами, кабанами чудовищной величины, пятнистыми медведями и даже лемурами. Этих созданий хорошо знают на Летних островах и Соториосе, а в более северных краях они встречаются нечасто. У здешних лемуров серебристо-белый мех и лиловые глаза, из-за чего их также называют валирийчиками.

В Цитадели можно найти образчик лемура из Квохорского леса — в виде чучела на подставке, но так много рук касались его ради удачи на экза-

менах, что со временем на нем вылез весь мех.

Слава об искусстве местных ремесленников вышла далеко за пределы Квохора. Гобелены, вытканные руками женщин и детей города, ничем не уступают мирийским, хотя имеют меньшую цену. На базарах можно приобрести работы по дереву с изысканной (что иногда раздражает) резьбой, а местные кузни не знают себе равных. Квохорские мечи, ножи и доспехи превосходят отборную сталь замковой ковки из Вестероса; кузнецы города усовершенствовали искусство своей работы, научившись окрашивать металл в разные цвета, что придает их оружию и доспехам немеркнущую красоту. Только здесь, и нигде более в мире, сохранилось искусство перековки валирийской стали, и тайна эта усердно оберегается.

Сочинение мейстера Пола, посвященное изучению местной работы по металлу и написанное им в годы пребывания в Квохоре, открывает нам, насколько тщательно и ревниво охранялись ремесленные секреты — его трижды публично секли и изгоняли из города за чересчур въедливые расспросы. В последний раз мейстер еще и лишился руки по обвинению в краже клинка из валирийской стали. По мнению самого Пола,

истинной причиной окончательного изгнания явилось его открытие: кузнецы Квохора, силясь выковать сталь, сравнимую с валирийской, применяют жертвоприношения, включающие и убийства рабов — детей и совсем младенцев.

Также Квохор известен как ворота на Восток. Здесь торговые караваны, направляющиеся в Ваэс Дотрак и легендарные земли за Хребтом Костей, снаряжаются и запасаются провизией — перед тем, как выдвинуться в чащу леса, в пустошь, некогда бывшую Сарнором, и в бескрайнее Дотракийское Море. Соответственно, караванщики, возвращающиеся с востока, первым делом заглядывают в Квохор, чтобы здесь освежиться с дороги и начать торговлю добытыми сокровищами. Эта торговля и помогла Квохору стать богатейшим из Вольных городов (хотя считается, что до гибели Сарнорского царства город был в десять раз богаче) и, конечно, одним из самых диковинных.

Квохор защищают прочные каменные стены, но жители города отнюдь не воинственны: квохоряне — купцы, а не воины. Не считая небольшой городской стражи, оборона доверена рабам — пехоте из евнухов, взращенных и обученных в Астапоре, древнем гискарском городе на берегу

залива Работорговцев. Этих воинов называют Безупречными.

В течение Кровавого века, последовавшего за Роком Валирии, Квохор и Норвос заключили союз против Старого Волантиса, поскольку волантийцы вознамерились подмять под себя все Вольные города. С тех пор эти два города чаще бывали союзниками, чем противниками, хотя известно, что бородатые жрецы Норвоса почитают квохорского Черного Козла за демона, причем особо гнусной и коварной природы.

Четыреста лет назад, когда дотракийский кхал по имени Теммо прибыл с востока, ведя за собой пятьдесят тысяч диких конников, у ворот Квохора его остановили три тысячи Безупречных. Не менее восемнадцати атак выдержали они, пока не погиб сам кхал Теммо, а его преемник не приказал своим воинам отрезать косы и бросить их под ноги уцелевших евнухов. С тех пор квохоряне в деле защиты города полагаются на Безупречных (хотя были случаи, когда горожане приглашали на службу наемников или же предпочитали откупаться от дотракийцев щедрыми дарами).

Сварливые дочери: Мир, Лис и Тирош

Восточные[98] Вольные города — Лорат, Норвос и Квохор — с Вестеросом почти не торгуют, но для прочих дела обстоят иначе. И Браавос, и Пентос, и Волантис — прибрежные города, которым посчастливилось владеть большими гаванями. Для них именно торговля — хлеб насущный, и корабли этих городов добираются до самых дальних краев: до И-Ти, Лэнга и Асшая-у-Тени на Далеком востоке и до Ланниспорта и Староместа на западе. История и обычаи у каждого города свои, как и боги, хотя красные жрецы Рглора господствуют во всех трех и нередко обладают значительным влиянием. Соперничество Вольных городов длится веками, описание всех войн и стычек между ними может занять (и занимает) не один том.

Все сказанное справедливо и для Мира, Лиса и Тироша — так называемых «трех сварливых дочерей», в чьи бесконечные распри и борьбу за власть частенько впутывались вестеросские короли и рыцари. Упомянутые города расположены вокруг «пятки Эссоса» — большого плодородного полуострова, который отделяет Летнее море от Узкого. Некогда «пятка» была частью сухопутного

моста, соединявшего Эссос и Вестерос. Укрепленный город Тирош стоит на самом восточном (и, кстати, самом северном) из цепи островов архипелага Ступени, оставшихся после того, как море поглотило Руку Дорна. Мир лежит на материке, там, где древний валирийский тракт встречается со спокойными водами большого залива, называемого Миртским морем. А Лис разместился немного дальше к югу, на маленьком архипелаге в Летнем море. О землях, лежащих между городами, ныне мы говорим как о Спорных: все три города заявляют права на их часть (а то и на все целиком). Любые попытки установить границы между владениями Тироша, Лиса и Мира оказывались неудачными, и не счесть войн, которые велись и ведутся за обладание этими краями.

Три Дочери гораздо более похожи друг на друга, чем на другие Вольные города. Это касается и языка, и религии, а также истории, культуры и обычаев. Здесь торговля почитается больше военного дела — это города купцов, защищенные высокими стенами и мечами наемников, где богатство главенствует над правом рождения. Власть в Лисе и Мире принадлежит конклаву магистров, избираемых из числа наиболее богатых и знатных горожан. Тирошем управляет архонт,

выбираемый из состава такого же конклава. Все три города — рабовладельческие, и невольников там втрое больше, чем свободнорожденных. В каждом из городов есть порт, и для всех соленое море — животворная кровь. И господствующей религии у Трех Дочерей нет — как и у их матери Валирии. Храмы и капища различных богов соседствуют на улицах и теснятся вдоль набережных.

И тем не менее, разделяющее Трех Дочерей соперничество имеет столь давние корни, что служит лишь поводом для глубоко сидящей неприязни, в течение веков раз за разом приводящей к войнам. Кстати, к несомненной выгоде лордов и королей Вестероса — объединившись, эти богатые и влиятельные города могли бы стать для Вестероса могучим и грозным соседом.

Несомненная мощь союза сил Мира, Лиса и Тироша была доказана в 96 году от З.Э. — в те дни три города, пусть ненадолго, и в самом деле стали сестрами. Победив Волантис в Приграничной битве, города поклялись друг другу в вечной дружбе. Так была основана Триархия, в Вестеросе больше известная как Королевство Трех Дочерей. Первой своей целью новоиспеченное содружество объявило очищение Ступеней от пиратов и корса-

ров. Изначально это решение приветствовалось всеми, в том числе и в Вестеросе, поскольку «морские хищники» значительно осложняли торговлю. Три Дочери одержали скорую победу над пиратами и получили полную власть над островами и проливами — но лишь затем, чтобы самим начать взимать непомерные пошлины с проходящих мимо кораблей. Их жадность быстро превзошла даже пиратскую, особенно после того, как лиснийцы в качестве платы стали требовать пригожих юношей и девушек.

На какое-то время Триархия уступила превосходящей силе Корлиса Веларион и Деймона Таргариена, потеряв при этом большую часть Ступеней. Однако вскоре вестеросцы погрязли в собственных сварах, и Триархия восстановила свое влияние. Ее погубили внутренние распри, последовавшие за убийством лиснийского адмирала на поединке из-за знаменитой куртизанки по прозвищу Черная Лебедь (племянница лорда Сванна, с течением лет она стала правительницей Лиса во всем, кроме титула). Враждебный Триархии союз Браавоса, Пентоса и Лората способствовал окончательной гибели Королевства Трех Дочерей.

В Лисе, красивейшем из Вольных городов, пожалуй, наиболее целебный во всем известном

мире климат. Город стоит на плодородном острове, где в изобилии растут фруктовые деревья и пальмы, а окружающие его сине-зеленые воды полны рыбой. Овеваемый прохладными бризами, прогреваемый солнцем, «Благословенный Лис» был задуман как место отдохновения драконьих владык Старой Валирии. В этом райском уголке они могли насладиться отличным вином, спокойной музыкой и роскошными девицами, прежде чем вернуться к огням Республики. И в наши дни Лис остается «праздником для чувств, бальзамом для души». Его перинные дома славятся повсюду, а закаты в этих краях считаются прекраснейшими в мире. Да и сами лиснийцы прекрасны — здесь, как нигде, до сих пор сильна кровь Старой Валирии.

Происхождение Тироша не такое легкомысленное — внутренние стены из литого черного драконьего камня свидетельствуют о том, что город был основан как приграничная крепость. Согласно валирийским хроникам, изначально ее возвели на унылом каменистом острове ради досмотра кораблей, проходящих мимо Ступеней. Однако вскоре после основания города в окрестных водах была найдена особенная разновидность морских моллюсков. Некое вещество,

которое они выделяли, после необходимой обработки превращалось в краситель глубокого темно-красного тона. Этот оттенок быстро стал чрезвычайно модным среди валирийской знати. Поскольку такие моллюски больше нигде не водились, купцы тысячами стали прибывать в Тирош, и в течение одного поколения крепость превратилась в большой город. Разнообразя пищу для моллюсков, тирошийские мастера живо научились вырабатывать алую, малиновую, густо-синюю краски, а века спустя — и красители сотен прочих цветов и оттенков. Какие-то из них были естественного происхождения, другие появились не без помощи алхимии. Лорды и принцы всего мира выказывали благосклонность к ярко окрашенным одеждам, а все краски для них изготовлялись в Тироше. Город рос и богател, а с богатством пришла кичливость. Тирошийцы находят удовольствие в вычурности — и мужчины, и женщины обожают придавать своим волосам кричащий и неестественный цвет.

Рождение Мира было далеко не столь ярким. Отдельные мейстеры полагают, что мирийцы схожи с ройнарами, поскольку у многих из них — такие же темные волосы и оливковая кожа, как и у людей с великой реки. Но это предполагаемое

родство, похоже, мнимое. Существуют некоторые признаки того, что на месте Мира еще во времена Рассветной эпохи и Долгой Ночи стоял город, построенный неким древним исчезнувшим народом. Ведомый нам Мир создала община валирийских искателей наживы на месте обнесенного стеной андальского города, чьих жителей они покорили и обратили в рабство. С тех пор жизнь Мира заключена в торговле, мирийские корабли бороздят воды Узкого моря уже целые столетия. Также широко известны ремесленники Мира, многие из которых рождены рабами; о мирийских кружевах и гобеленах говорят, что те идут по весу золота и специй, а мирийские линзы не имеют себе равных во всем свете.

Если Лорат, Норвос и Квохор были основаны из-за религиозных расхождений, то интересы Лиса, Тироша и Мира всегда были гораздо приземленнее. Во всех трех городах есть большие торговые флотилии, а их купцов можно встретить в любых морях. Все они глубоко вовлечены и в торговлю людьми. Особенно напористы тирошийские работорговцы — в поисках рабов они заплывают даже далеко на север, за Стену к одичалым. Лиснийцев же больше знают как ненасытных искателей красивых девушек и смазливых юношей

для знаменитых перинных домов их города.

Лиснийцы также славятся своим умением выращивать рабов. Они сводят самых миловидных из них между собой в надежде получить еще более прекрасных, еще более изысканных куртизанок и прочих рабов для утех. Кровь Старой Валирии в Лисе сильна до сих пор, даже простолюдины там могут бахвалиться бледностью кожи, серебристо-золотыми волосами и глазами, как у древних повелителей драконов: лиловыми, сиреневыми и ярко-синими. В семьях лиснийской знати, которая превыше всего ценит чистоту крови, рождалось немало признанных (и непризнанных) красавиц. В старину даже принцы и короли дома Таргариенов время от времени обращали свой взор на Лис, подыскивая себе жен и возлюбленных — как ради их происхождения, так и ради красоты. Немудрено, что изображение резвящейся нагой богини любви украшает лиснийские монеты — ей поклоняются многие жители города.

Женой короля Визериса II Таргариена и матерью Эйгона IV Недостойного и принца Эймона Рыцаря-Дракона была леди Ларра Рогаре из Лиса — несравненная красавица валирийских кровей. Она вышла замуж за принца Визериса в возрасте

девятнадцати лет, будучи на семь лет старше своего жениха. Ее отец, Лисандро Рогаре, являлся главой богатого банкирского дома, чье влияние еще более возросло после союза с Таргариенами. Лисандро принял пожизненную должность Первого магистра, и люди звали его Лисандро Великолепным. Но и он, и его брат Дразенко, принц-консорт Дорна, скончались друг за другом в течение одного дня, после чего влияние дома Рогаре начало стремительно падать — что в Лисе, что в Семи Королевствах.

Лисаро Рогаре, наследник Лисандро, в погоне за властью транжирил бешеные деньги, из-за чего рассорился с другими магистрами, и даже вовлек собственную родню в заговор ради влияния на Железный трон. Но он потерпел поражение, и те, кому Рогаре нанес обиды, забили его кнутами до смерти в Храме торговли. Родичи Лисаро подверглись менее суровым наказаниям. Так, например, Моредо Рогаре, воин, владевший валирийским клинком Истина, в конечном итоге даже возглавил поход на Лис.

Союзы и предательства, войны и перемирия между Тремя Дочерьми были слишком многочисленными, чтобы здесь их упоминать. Многие из этих столкновений, что прозвали торговыми

войнами, велись только на море, а корабли воюющих сторон получали право грабить неприятеля. По сути, это «пиратство с восковой печатью» — великий мейстер Мерион однажды именно так назвал подобные деяния. В торговых войнах не бывало никаких сражений на твердой земле, как и угрозы для самих городов — с грабежами или смертью сталкивались лишь команды кораблей.

Войны на суше случались гораздо реже, зато были куда более кровопролитными. Тут бои велись за Спорные земли — некогда богатую область, столь разоренную за время Кровавого века, что ныне она превратилась, по большей части, в солончаковую пустошь, усеянную костями и пеплом. Хотя и на этих войнах Тирош, Мир и Лис редко рисковали жизнями своих граждан, предпочитая сражаться мечами наемников.

На Спорных землях образовалось больше так называемых вольных отрядов, чем где-либо еще в мире, если считать от начала Кровавого века. Даже в наши дни здесь можно найти около сорока таковых. Не будучи нанятыми одной из трех сварливых дочерей, они часто отправляются в собственные походы. Известно, что некоторые отряды предлагали свои мечи в Семи Королевствах — как до Завоевания, так и после.

Один из самых старых вольных отрядов — Младшие Сыновья. Его основали четыре десятка младших отпрысков знатных домов, которые оказались лишены владений и видов на будущее. С тех пор в этом отряде находили приют безземельные лорды, рыцари-изгнанники и просто искатели удачи. В те или иные годы у Младших Сыновей побывало немало значимых в Семи Королевствах личностей. Принц Оберин Мартелл служил с ними, пока не собрал собственную дружину; Родрик Старк, Бродячий Волк, тоже считался одним из них. Самым знаменитым среди Младших Сыновей стал сир Эйгор Риверс, бастард короля Эйгона IV, оставшийся в истории как Жгучий Клинок. Он сражался в их рядах в первые годы своего изгнания, пока впоследствии не собрал Золотых Мечей — этот отряд и по сей день остается самой сильной, знаменитой и уважаемой (как говорят) из всех вольниц.

Среди других вольных отрядов можно отметить Сияющие Знамена, Воронов-Буревестников, Длинные Копья и Братство Кота. Выходцами из Семи Королевств были образованы не одни лишь Золотые Мечи — после окончания Танца Драконов собрались Громобои, а Дружину Розы основали дикари (и, по некоторым сведениям, дикарки) с

Севера. Они отказались преклонить колено после того, как Торрхен Старк отдал свою корону, и предпочли изгнание за Узкое море.

Войны между Тирошем, Лисом и Миром не просто способствовали рождению вольных отрядов в Спорных землях, но привели также к появлению флота пиратов и морских наемников, готовых сражаться за любого, кто заплатит. Большинство из них обосновались на Ступенях — островах, разбросанных в Узком море между Перебитой Рукой и восточным побережьем Эссоса.

Именно пираты сделали опасным любой путь, ведущий мимо Ступеней. Рассказывают, что лебединые корабли с Летних островов иногда совсем избегают этих мест, предпочитая опасности открытого моря возможному нападению корсаров. У прочих же судов, не пригодных для глубоких вод либо не имеющих достаточного снаряжения, другого выбора нет. Иногда, если разбойники становятся уж слишком многочисленными и неуловимыми, для расчистки пиратских гнезд приходят флотилии архонта Тироша, триарха Волантиса или даже Морского владыки Браавоса. Но хищникам всегда удается вернуться.

В былые времена, когда пираты доставляли излишне много хлопот, для их усмирения порой

отправляли и флотилии из Королевской Гавани и с Драконьего Камня. Лорд Дубовый Кулак под всеобщее одобрение самолично провел в море не один месяц, охотясь за разбойниками. Юный Дракон и вовсе намеревался жениться на сестре[99] Морского владыки Браавоса, чтобы закрепить с ним союз и изгнать пиратов, которые мешали торговле с недавно завоеванным Дорном. Великий мейстер Каэт в труде «Жизнь четырех королей» пространно обсуждает это намерение. Он утверждает, что здесь король Дейрон ошибся — переговоры насчет брачного союза с Браавосом, в ту пору воевавшим с Пентосом и Лисом, подтолкнули другие Вольные города оказать неоценимую помощь дорнийским мятежникам.

Пентос

Среди Вольных городов Пентос — ближайший к Королевской Гавани, и едва ли не каждый день торговые корабли из обоих портов отправляются по морю к соседям и обратно. Основанный валирийцами как застава для торговли в приграничье, Пентос вскоре поглотил близлежащие земли от Бархатных холмов и Малой Ройны до самого морского побережья, в том числе почти всю

андальскую прародину — древний Андалос. Первыми пентошийцами стали крестьяне, моряки, коробейники и купцы, людей же благородного происхождения среди таковых оказалось крайне мало. Возможно, по этой причине не было заботы о сохранении чистоты валирийской крови, поселенцы охотно смешивались с исконными обитателями подчинившихся земель. Как следствие, в жителях Пентоса, несомненно, видна андальская кровь, что, вероятно, делает их нашими ближайшими родственниками.

Несмотря на это, обычаи пентошийцев весьма отличаются от принятых в Семи Королевствах. Пентос считает себя дочерью Валирии, и здесь, конечно, можно найти Старую кровь. В прежние дни городом правил высокородный князь, избираемый из числа взрослых мужчин так называемых Сорока семейств. Единожды избранный, он правил до конца жизни, но после его смерти очередного князя выбирали почти всегда уже из другой семьи.

Однако с веками власть князя неуклонно уменьшалась, а у магистров, выбирающих его — росла. Ныне именно совет магистров управляет городом, принимая все серьезные решения, власть князя стала символической, а его обязан-

ности — почти полностью церемониальными. В основном, он присутствует на пирах и состязаниях, передвигаясь с места на место в роскошном паланкине под охраной статных гвардейцев. В начале каждого года князь обязан лишить невинности двух девиц: Деву Морей и Деву Полей. Этот древний ритуал, вероятно, восходящий к мистериям еще довалирийского Пентоса, призван обеспечить постоянное процветание горожан на суше и на море. Если же город терпит поражение в войне, или вдруг случается голод, князя приносят в жертву: перерезают глотку, чтобы умилостивить богов. А затем избирают нового, который может принести Пентосу больше удачи.

Зная об опасностях, связанных с этим саном, отнюдь не все знатные люди жаждали быть избранными и носить пентошийскую корону. Больше того, кое-кто прославился именно тем, что отказался от древней, но столь губительной чести. Последним и самым известным таким случаем стало отречение пресловутого Принца-Оборванца, капитана вольного отряда. В молодости он был избран советом магистров, когда в 262 году от З.Э. предыдущий князь был принесен в жертву после долгой засухи. Вместо того, чтобы принять почетную должность, Принц-

Оборванец покинул город и больше никогда туда не возвращался. Он стал наемником, принимал участие в битвах на Спорных землях, а затем основал Гонимых Ветром — самую молодую на Востоке вольную дружину.

Рабство существовало в Пентосе в течение большей части его истории, пентошийские корабли активно занимались работорговлей. Это и привело город несколько веков назад к вражде с его северным соседом, Браавосом, основанным беглыми рабами и прозванным «побочной дочерью Валирии». За последние двести лет два государства не менее шести раз воевали по этой причине (а также, стоит отметить, за власть над лежащими между ними водами и плодородными землями).

В четырех из упомянутых войн Браавос одерживал победу, а Пентос — подчинялся. Последняя завершилась девяносто один год назад, оказавшись до того неудачной для Пентоса, что в течение года пришлось принести в жертву не менее четырех князей. Пятый в этом омытом кровью ряду, князь Невио Нарратис, убедил магистров запросить мира после одной из редких побед — да и ту, по слухам, он одержал при помощи подкупов. Заключая мир, Пентос был вынужден

пойти на значительные уступки — наиболее важными стали отмена рабства и прекращение работорговли.

В Пентосе эти условия и по сей день являются законом, хотя некоторые наблюдатели отмечают, что многие пентошийские корабли обходят запрет на работорговлю — на случай проверки они просто поднимают на своих мачтах стяги Тироша или Лиса. В то же время в самом городе живут десятки тысяч «вольных прислужников»: они являются рабами по всем признакам, кроме названия, носят клейма и оковы, подобно своим собратьям из Лиса, Мира и Тироша, а также подчиняются тем же суровым правилам. По закону, эти люди свободны и имеют право отказаться служить, если пожелают... и если не имеют долгов перед хозяевами. В долгах же почти все — стоимость крова, пищи и одежды, что хозяева предоставляют своим слугам, нередко превышает плату за труд. И с течением лет кабала лишь усиливается, а не смягчается.

Еще одно условие мирного соглашения между Браавосом и Пентосом запрещает жителям последнего иметь более двадцати боевых кораблей, брать на службу наемников, заключать договоры с вольными отрядами и содержать

какое-либо войско, кроме городской стражи. Без сомнения, это послужило одной из причин малой воинственности пентошийцев в наши дни (если сравнивать с жителями Тироша, Мира и Лиса). Пусть его и окружают толстые стены, но Пентос, как правило, считается наиболее беззащитным среди всех Вольных городов.

Именно поэтому его магистры предпочитают не ссориться ни с остальными Вольными городами, ни с дотракийцами. С давних пор они поддерживают непрочную дружбу со сменяющими друг друга могущественными кхалами, а тем из них, кто привел свои кхаласары к восточному берегу Ройны, подносят сундуки с золотом и осыпают богатыми подарками.

Волантис

Браавос и Волантис — самые крупные, богатые и влиятельные из всех девяти Вольных городов. Было бы интересно узнать, есть ли некая общая причина их успеха, ибо во многих отношениях они — полные противоположности друг другу. Браавос лежит на крайнем севере Эссоса, а Волантис — на крайнем юге; Волантис — самый старый из Вольных городов, а Браавос — самый

молодой; Браавос основали рабы, в то время как Волантис воздвигнут на их костях; Браавос имеет больше мощи на море, а Волантис — на суше. Тем не менее, оба города обладают значительной властью, и их история тесно связана с Валирийской Республикой.

Древний и великолепный, Старый Волантис, как его часто называют, раскинулся там, где Ройна впадает в Летнее море — по берегам одного из четырех рукавов устья этой могучей реки. Старейшие кварталы города лежат на восточных берегах, а более новые — на западных, хотя даже самым молодым из них уже много веков. Обе половины города соединяет Длинный мост.

Сердце Старого Волантиса — «город внутри города», необъятный лабиринт старинных дворцов, внутренних двориков, башен, храмов, галерей, мостиков и подвалов. Все это заключено внутри громадного овала Черных стен, возведенных выходцами из Республики еще в первую волну переселения. Высота этих стен — двести футов, а толщина такова, что шесть колесниц, запряженных четверкой лошадей, могут бок о бок проехать между их парапетами (и это ежегодно происходит во время празднования дня основания города). Крепче стали и алмаза, гладкие стены из литого

черного драконьего камня стоят как безмолвное доказательство того, что Волантис изначально был военным укреплением.

Только тем, чья родословная восходит к Старой Валирии, позволено селиться в пределах Черных стен. Ни рабам, ни вольноотпущенникам, ни чужеземцам не разрешается ступать внутрь без приглашения наследника Старой крови.

Большинство волантийцев Старой крови до сих пор чтут древних богов Валирии, но вера эта ограничивается кольцом Черных стен. А вне их предпочитают Рглора, или Красного бога (особенно рабы и вольноотпущенники). Храм Владыки Света в Волантисе считается величайшим во всем мире, он втрое больше Великой септы Бейлора — так утверждает архимейстер Грамион в труде «Пережившие драконовластных». В огромном святилище все прислужники — рабы, купленные в детском возрасте и воспитанные так, чтобы стать жрецами, храмовыми проститутками или воинами. В честь огненного бога они носят на лице татуировки в виде языков пламени. О воинах достаточно будет сказать, что их численность составляет ровно тысячу — не больше и не меньше. Именуются же они Огненной Дланью.

В первое столетие своего существования Волантис был лишь немногим больше обычной военной заставы, построенной для защиты границ Валирийской империи; и здесь не было других обитателей, кроме воинов гарнизона. Время от времени сюда прибывали повелители драконов — на отдых или ради встреч с послами ройнарских городов, лежащих выше по течению реки. Тем не менее, за пределами Черных стен позднее стали появляться таверны, бордели и конюшни, а в гавань начали заходить купеческие корабли.

Благодаря удачному расположению в устье Ройны и великолепной естественной гавани, Волантис быстро разросся. Дома, лавки и гостиные дворы заполонили восточный берег реки от Черных стен до холмов, в то время как на западном устроили собственный теневой городок чужестранцы, вольноотпущенники, наемники, преступники и подобные им неблагонадежные люди. Здесь царили порок и пьянство, случались убийства, а евнухи, пираты, карманники и некроманты чувствовали себя вполне свободно.

Со временем нечестивый город на западном берегу столь переполнился скверной и беззаконием, что триархи начали посылать на другой

берег солдат-рабов — восстанавливать порядок и некоторое подобие благопристойности. Из-за высоких приливов и коварных переменчивых течений пересекать реку было делом сложным, поэтому спустя годы триарх Вхаласо Щедрый распорядился навести через Ройну мост.

Из-за этих же приливов и течений, а также ширины реки, строительство стало беспримерной задачей, заняло более сорока лет и потребовало миллионных вложений. Триарх Вхаласо не дожил до того, чтобы увидеть свое творение... но по завершении с Длинным мостом ни один прочий не может соперничать, исключая разве что Мост Мечты в Крояне, ройнарском городе праздников. Достаточно прочный, чтобы выдержать вес тысячи слонов (по крайней мере, уверяют именно в этом), Длинный мост является в наши дни и длиннейшим в мире. Ломас Путешественник назвал его одним из девяти рукотворных чудес в своей книге под тем же названием.

На заре своей истории Волантис процветал за счет торговли между Валирией и ройнарами, становясь все богаче и могущественнее... пока в то же самое время приходил в упадок древний и прекрасный ройнарский город Сарой, ранее господствовавший на местном рынке. Безуслов-

но, это привело к столкновениям. Последовала череда войн, сведения о которых мы приводили в других главах, завершившаяся полным уничтожением городов на Ройне и бегством Нимерии с десятью тысячами кораблей. Хотя победу одержали драконьи владыки Валирии, утверждения, будто наибольшую выгоду получил Волантис, вполне верны. Опустошенный Сарой в наши дни — руины, где живут лишь призраки, а Волантис со своими Черными стенами, Длинным мостом и огромной гаванью считается одним из величайших городов мира.

Внутри Черных стен волантийцы Старой крови до сих пор содержат двор в древних чертогах, где их обслуживает армия рабов. А снаружи легко встретить чужеземцев, вольноотпущенников и простолюдинов из доброй сотни народов. Моряки и купцы толпятся на пристанях и городских рынках, наряду с бесчисленными рабами. Говорят, что в Волантисе на одного свободного жителя приходится пять рабов — такой перевес можно встретить только в древних гискарских городах залива Работорговцев.

В Волантисе есть обычай — лица рабов должны быть татуированы, чтобы всю жизнь указывать на их положение. Даже если раба отпустят на

волю, он до конца дней будет носить на лице тяжкий знак своего прошлого, а среди множества видов татуировок есть и весьма уродующие. У волантийских солдат-рабов на лице зеленые тигриные полосы, указывающие на их звание; проституток отмечает слеза под правым глазом; рабов-уборщиков конского и слоновьего навоза — мухи; шутов и скоморохов — ромбовидный узор; знак колеса полагается возницам «хатаев» (тележек, запряженных карликовыми слонами) и так далее.

Волантис — республика, где право выбирать руководство города имеют все сколько-нибудь состоятельные граждане. Ежегодно избираются трое триархов, чтобы вершить правосудие, командовать армией и флотом, заниматься повседневными делами города. Выборы длятся в течение десяти дней и сопровождаются буйными празднествами. Последние столетия должность триарха занимали представители двух соперничающих партий, в народе прозванных «тиграми» и «слонами».

Сторонники разных кандидатов (и обеих партий) сплачиваются вокруг избранных ими лидеров и раздают толпе подарки от их имени. Отдать голос может каждый гражданин, родив-

шийся свободным и владеющий достаточным имуществом — даже женщина. Хотя отсеивание неудачливых претендентов выглядит сущим хаосом на грани безумия, в основном власть переходит из рук в руки достаточно мирно.

Многие волантийцы считают себя естественными и законными преемниками драконьих владык старой Валирии, они жаждут господства над прочими Вольными городами, а с течением лет — и над всем миром. Тигры предлагают добиться такого господства через завоевания, тогда как слоны предпочитают политику обогащения и главенство в торговле.

После того как Рок поглотил Валирию и Земли Долгого лета, Волантис предъявил права на власть надо всеми валирийскими колониями в целом свете. В годы Кровавого века мощь «старшей дочери» была такова, что на некоторое время волантийцам удалось утвердить свое главенство над несколькими Вольными городами. В конце концов, Волантийская держава рухнула под собственной тяжестью — этому способствовали мятежи в покоренных городах и союз тех дочерей, что оставались свободными.

С той поры представители слонов — более миролюбивой партии — преобладали на ежегод-

ных выборах триархов, хотя в годы увеличения державы при тиграх Волантис и получил власть над некоторыми меньшими городами. Самыми значимыми среди таковых были большие речные «городки» — Волон Терис, Валисар и Селорис (каждый из них крупнее и многолюднее, чем Старомест или Королевская Гавань). Также волантийцы захватили Ройну вплоть до места слияния с Селору, ее притоком, и расселились на Апельсиновом берегу, на западе. Эти земли рабы-солдаты защищают от дотракийских всадников, которые время от времени проверяют волантийскую оборону на прочность, а также от остальных Вольных городов, что пытаются стать сильнее, расширяя владения за счет сестры.

Хотя выборы в Волантисе, по большей части, мирные, бывали и памятные исключения. «Записки» Ниссеоса Квохероса содержат сообщение о триархе Хоронно, великом герое Кровавого века. Пробыв на этом посту четыре десятка лет подряд, он объявил себя пожизненным триархом после своих сороковых выборов. Хотя волантийцы и любили Хоронно, но все же не столь сильно, чтобы видеть древние законы и обычаи попранными по его воле. В недолгий срок триарх был схвачен мятежниками, лишен всех чинов и званий, а после

— разорван на части боевыми слонами.

Браавос

Там, где Студеное море сливается с Узким, в крайнем северо-западном уголке Эссоса, среди солоноватых вод мелкой и окутанной туманами лагуны, раскинулись знаменитые «сто островов» Вольного города Браавоса.

Самый юный из девяти Вольных городов, Браавос к тому же — еще и самый богатый и, по всей вероятности, самый могущественный. Своим происхождением он обязан не более чем желанию обрести свободу — скромное начало городу положили беглые рабы. Большую часть своей ранней истории Браавос таился, мало влияя на широкий мир, однако со временем разросся, в конечном итоге обретя силу, с которой мало кто может посоперничать.

В этом городе нет ни князя, ни короля; власть здесь принадлежит Морскому владыке, которого избирают из числа граждан городские магистры и Хранители ключей, причем ход этих выборов столь запутан, сколь и облечен тайной. Из своего огромного дворца на побережье Морской владыка повелевает как непревзойденным военным

флотом Браавоса, так и торговым, чьи корабли с пурпурными корпусами и парусами стали обычным зрелищем в портах по всему свету.

Браавос основали беглые рабы, поднявшие кровопролитное восстание на невольничьих судах, большой караван которых следовал из Валирии в новую колонию на Соториосе. Рабы, захватив перевозившие их корабли, отправились «на край света», чтобы скрыться от прежних хозяев. Зная, что их будут преследовать, мятежники свернули с намеченного пути и вместо юга отправились на север — в поисках убежища, как можно более далекого от Республики и ее возмездия. Браавосские хроники гласят, что несколько рабынь, бывших родом с далеких джогос-нхайских равнин, предсказали, где беженцы смогут найти себе пристанище. Они твердили о далекой лагуне за стеной одетых соснами холмов и обточенных морем валунов. Там постоянные туманы помогут укрыться от ока проносящихся над головой драконьих наездников. Именно так оно и оказалось. Те женщины были жрицами, именующими себя лунными певчими, и по сей день Храм лунных певчих — самый большой в Браавосе.

Так как беглые рабы были родом из самых разных краев и исповедовали разные религии, ос-

нователи Браавоса решили создать у себя особое место, где всем богам будет воздаваться должное, и постановили, что ни один из них никогда не будет главенствовать над другими богами. Среди беглецов были выходцы из разных народов: андалы, летнийцы, гискарцы, наатийцы, ройнары, иббенийцы, сарнорийцы, даже чистокровные валирийцы из числа должников и преступников. Некоторые из них были обучены военному делу — для службы стражниками или солдатами; кое-кого готовили доставлять удовольствие в постели; было много и домашних рабов: воспитателей, нянек, поваров, конюхов и стюардов. Нашлись и умелые ремесленники: плотники, оружейники, каменщики и ткачи. Одни были рыбаками, другие — гребцами на галерах, третьи — полевыми работниками, и многие — чернорабочими. Новоявленные вольноотпущенники говорили на разных языках, поэтому общим для них стал валирийский, язык их бывших хозяев.

И поскольку они рисковали своими жизнями во имя свободы, матери и отцы-основатели нового города поклялись, что ни один мужчина, женщина или ребенок в Браавосе никогда не будет рабом или невольником. Это и стало Первым законом Браавоса, высеченным на каменной ар-

ке моста через Длинный канал. С тех самых дней Морские владыки выступали против рабства в любом виде и вели множество войн с работорговцами и их союзниками.

Лагуна с илистыми отмелями и солеными болотами, где беглецы нашли себе убежище, на первый взгляд казалась местом унылым и неприветливым, зато ее надежно прикрывали островки и морские рифы, а сверху — окутывали туманы. Помимо того, солоноватые воды лагуны изобиловали всевозможной рыбой и моллюсками, окаймляющие острова густо поросли лесом, а в недрах Эссоса неподалеку можно было добывать сланец, железо, олово, свинец и другие полезные руды. К тому же бывшие невольники, хотя и изнуренные бегством, больше всего боялись снова оказаться захваченными в рабство — и самым важным для них стала уединенность этой лагуны, которую мало кто посещал.

Неведомый никому, Браавос рос и набирал силу. Пологие острова покрыли хозяйства, дома и храмы, а рыбаки собирали обильный улов в большой лагуне и окрестных морях. Среди прочих браавосийцы обнаружили особый вид морских моллюсков, сродни тем, что снискали славу и богатство Тирошу с его красками. Из

этих моллюсков вырабатывали краситель темно-пурпурного тона. Чтобы изменить внешний вид украденных ими кораблей, браавосские капитаны окрашивали паруса в этот цвет всякий раз, когда отправлялись за пределы лагуны. По возможности избегая валирийских кораблей и городов, браавосийцы начали торговлю с Ибом, а позднее и с Семью Королевствами. Однако долгое время браавосские капитаны брали на борт фальшивые карты и искусно лгали в ответ на расспросы об их родной гавани. Так на протяжении более чем столетия о Браавосе знали как о Тайном городе.

Морской владыка Утеро Залине положил конец этой скрытности, разослав во все концы света корабли с заявлением о существовании Браавоса и его местоположении, и пригласив все народы отпраздновать сто одиннадцатую годовщину основания города. К этой поре все беглые рабы уже скончались, так же, как и их бывшие хозяева. Несмотря на это, Утеро несколькими годами ранее отправил представителей Железного банка в Валирию, чтобы подготовить почву для события, ставшего известным как Разоблачение или Сбрасывание маски при Утеро. Драконьи владыки подтвердили, что их мало интересуют потомки

невольников, бежавших сто лет тому назад, а Железный банк выплатил щедрые отступные внукам тех, кому принадлежали захваченные и угнанные основателями Браавоса корабли (отказавшись при этом возместить стоимость самих рабов).

Так было достигнуто согласие. Жители Браавоса ежегодно отмечают Разоблачение, когда на десять дней город охватывают пиршества и шумные маскарады. Празднество, равное которому мир не знает, завершается к полуночи десятого дня, когда под рев Титана десятки тысяч пирующих одновременно срывают с себя маски.

Браавос, вопреки своему скромному происхождению, стал не только богатейшим из Вольных городов, но еще и одним из самых неприступных. Да, у Волантиса есть Черные стены, но Браавос защищает стена кораблей — такой не обладает ни один город в мире. Ломас Путешественник восторгался Браавосским Титаном, огромной крепостью в виде воина из камня и бронзы, что стоит над главным входом в лагуну. Но все-таки подлинное чудо — это Арсенал, где пурпурные боевые галеры браавосийцев могут быть построены за день. Все суда делаются по одному чертежу, чтобы можно было заранее подготовить для

них основные детали, а для ускорения работы опытные корабелы трудятся над несколькими частями судна одновременно. Еще никому не удавалось так ловко наладить производство, и чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на шумный беспорядок строительства на верфях Староместа.

И все же не отдать должное Титану было бы глупо. Гордо подняв голову с огненными глазами и возвышаясь над морем почти на четыреста футов, Титан представляет собой доселе невиданный тип крепости — в виде колосса, который опирается на пики двух подводных вершин. Широко расставленные ноги и нижняя часть торса из черного гранита некогда были природной каменной аркой, которую обтачивали три поколения скульпторов и каменотесов. Облачен Титан в складчатую бронзовую юбку, выше талии — также бронза, а волосы — из выкрашенной в зеленый цвет пеньки. Впервые увидевшим его со стороны моря Титан внушает трепет. Его глаза — огромные маяки, которые освещают возвращающимся кораблям путь в лагуну, а бронзовый торс пронизывают коридоры и залы с бойницами для стрелков. Поэтому любое судно, осмелившееся прорываться с боем, несомненно, будет

уничтожено — внутри Титана караулят дозорные, которые с легкостью направят вражеские корабли на скалы, а на палубы тех, кто все же дерзнет пройти между ног колосса без дозволения, посыплются булыжники и горшки с горящей смолой. Правда, необходимость в этом возникает редко: после Кровавого века не осталось врагов, столь опрометчивых, чтобы пытаться разбудить гнев Титана.

Сегодня Браавос — один из величайших портов мира, в котором рады торговым судам любых стран (кроме работорговцев). В обширной лагуне браавосские корабли швартуются в великолепной Пурпурной гавани неподалеку от дворца Морского владыки, другие же суда довольствуются Мусорной заводью — попроще и победнее. И все же Браавос столь богат, что торговать в этот город приходят корабли даже из таких далеких земель, как Кварт и Летние острова.

Ко всему прочему Браавос — еще и дом для одного из самых влиятельных банков мира, история которого восходит прямо к основанию города. В те дни несколько бывших невольников, желая уберечь свои немногие ценности от воров и пиратов, повадились прятать вещи в заброшенном железном руднике. Город рос и

богател, а штольни и камеры рудника понемногу заполнялись. Чтобы сокровища не лежали мертвым грузом, браавосийцы из тех, кто побогаче, начали ссужать деньги своим менее удачливым согражданам.

Так появился Железный банк Браавоса, чья добрая (или дурная — это как посмотреть) слава ныне разнеслась по всем уголкам изведанного мира. Короли, принцы, архонты, триархи и бессчетные купцы прибывают со всех уголков земли в надежде получить ссуду из тщательно охраняемых сокровищниц Железного банка.

Уже вошло в поговорку: Железный банк всегда получает свое. Тем, кто занял у браавосийцев деньги и оказался не в состоянии их вернуть, зачастую потом приходилось сожалеть о своей опрометчивости: хорошо известно, что банк свергал лордов и принцев и даже, по слухам, подсылал наемных убийц к тем, кого свергнуть не мог (хотя неопровержимых доказательств такового никогда не было).

В своем труде «Происхождение Браавоса и Железного банка» архимейстер Маттар представил одно из подробнейших описаний истории банка и его сделок (насколько это вообще было возможно, поскольку последний славится своей осмотри-

тельностью и скрытностью). Маттар пишет, что каждый из основателей Железного банка (всего их было двадцать три — шестнадцать мужчин и семь женщин) владел ключом к обширным подземным сокровищницам. Их потомки в количестве, уже перевалившем за тысячу, до сих пор именуются Хранителями ключей, хотя обладание ключами, которые они гордо предъявляют на торжественных собраниях, превратилось в обычную формальность. За прошедшие столетия кое-какие из семейств-основателей Браавоса[100] пришли в упадок, есть среди них и полностью растерявшие все богатства, но даже самые бедные из них по-прежнему цепляются за свои ключи и за прилагаемые к ним почести.

Впрочем, Железным банком управляют не только Хранители ключей. Некоторые из богатейших и влиятельнейших семейств нынешнего Браавоса — отнюдь не старинного происхождения, и, тем не менее, главы этих домов имеют долю в банке, заседают на тайных советах и владеют правом голоса на выборах управляющих. В Браавосе, как может заметить любой чужак, золотые монеты весомее железных ключей. Представители банка путешествуют по всему свету, часто на банковских же кораблях, а купцы,

лорды и даже короли обходятся с ними почти как с ровней.

В Браавосе, построенном на иле с песком, невозможно удалиться от воды и на десяток шагов. Иногда говорят, что в городе больше каналов, чем улиц. Пусть это и преувеличение, все же нельзя отрицать, что здесь гораздо быстрее передвигаться по воде, в одной из множества снующих по каналам змеевидных лодок, чем идти пешком по лабиринту улочек, аллеек и горбатых мостиков. В Браавосе повсюду видны пруды и фонтаны, знаменующие те узы, которые соединяют город с его защитной «деревянной стеной» и с морем. В старину солоноватые воды лагуны, окружающие «сто островов», послужили основой богатства города. Они так и кишат устрицами и другими моллюсками, крабами, раками, угрями, скатами и прочей всевозможнейшей рыбой.

Но воды, которые питают и защищают Браавос, его же подвергают опасности, ибо за последние двести лет стало очевидно, что некоторые из островов проседают под тяжестью покрывающих их домов. Самая старая часть Браавоса, к северу от Мусорной заводи, по сути, уже погрузилась в воду, и ныне этот район называют Утонувшим городом. Тем не менее, беднейшие из браавосий-

цев по-прежнему живут в тамошних башнях и на верхних этажах полузатопленных зданий.

Браавос знаменит и своими прекрасными строениями, в их числе: обширный дворец Морского владыки с великолепным зверинцем, полным диковинных тварей и птиц со всего света; внушительный Дворец Правосудия; громадный Храм лунных певчих; башни Хранителей ключей и благородных семейств; а также Дом Красных Рук — огромный приют, куда страждущие приходят за исцелением. Необходимая горожанам свежая вода с материка (солоноватая, грязная и полная отбросов вода городских каналов для питья непригодна) доставляется по акведуку, прозванному браавосийцами Пресной рекой. Среди (а то и внутри) величественных зданий несть числа лавкам, борделям, гостиницам, пивным, мастерским и торговым биржам. Вдоль улиц и мостов стоят статуи прежних Морских владык, законодателей, моряков, воинов и даже поэтов, певцов и куртизанок.

Храмы Браавоса прославлены по всему миру, а некоторые из них — воистину чудо, достойное созерцания. Но всех затмевает Храм лунных певчих, ведь браавосийцы, как уже было сказано, особо чтут их божество. Почти столь же почитаем

Отец Всех Вод, для которого каждый год во время празднеств в его честь заново строится святилище на воде. У красного Рглора в Браавосе также есть большой храм, ибо за последние сто лет число поклоняющихся Владыке Света изрядно увеличилось.

Браавосийцы, потомки сотни разных народов, почитают сотню разных богов, самым великим из них посвящены храмы. В Септе-за-морем септоны и септы ежедневно отправляют службы во имя Семерых для моряков с прибывающих в город торговых кораблей. А в самом сердце Браавоса лежит Остров богов, где даже у самого мелкого божества есть свое капище.

В Браавосе люди из самых отдаленных уголков земли вполне могут вместе сесть за стол и делить за разговорами трапезу и вино — это происходит уже сотни лет. Здесь утверждают, что Тайный город привечает всех.

Многие из браавосских куртизанок воспеты в балладах и сказаниях, а некоторые даже увековечены в мраморе или бронзе. В Семи Королевствах больше всего рассказывают о скандально известных Черных Жемчужинах. Первой из носивших упомянутое прозвище стала Беллегера Отерис, глава и королева пиратов. Какое-то время она

пробыла у трона, будучи одной из девяти возлюбленных короля Эйгона IV Таргариена, и родила королю внебрачную дочь Белленору, вторую Черную Жемчужину — эту знаменитую куртизанку певцы той поры признали красивейшей женщиной на свете. Ее дочери и внучки также становились куртизанками, и каждая из них, в свою очередь, называлась Черной Жемчужиной. В жилах потомков Белленоры и по сей день течет немного драконьей крови.

Следует также отметить, что славящиеся на весь мир браавосские куртизанки — свободные женщины, в отличие от еще более знаменитых красавиц в садах наслаждений Лиса или в борделях Волантиса. Искусство их проявляется не только в опочивальне — острый ум и манера держать себя делают куртизанок особенно желанными для богатейших купцов, храбрейших капитанов и наиболее именитых приезжих, а их благосклонности добиваются лорды, принцы и Хранители ключей. Самые известные куртизанки берут поэтичные имена, которые добавляют им обаяния и таинственности. Певцы ведут соперничество за их покровительство, а брави с тонкими клинками ради них дерутся на дуэлях, зачастую насмерть.

Мастерство фехтовальщиков-брави Тайного города славится не менее красоты его куртизанок. Почти не имея доспехов и орудуя тонкими остроконечными клинками (которые гораздо легче длинных вестеросских мечей), эти воины улиц предпочитают быстрый и смертоносный стиль боя. Самые опытные из брави называют себя водяными плясунами, благодаря обычаю проводить дуэли на Лунном пруду близ дворца Морского владыки. Говорят, будто истинный мастер может сразиться и убить противника, не потревожив при этом водной глади.

Пилман, капитан корабля из Ланниспорта, представил в Цитадель собственное свидетельство о дуэли водяных плясунов. Как он рассказывает, фехтовальщики словно скользят по поверхности воды, но это всего лишь вызванная темнотой иллюзия, ибо дерутся они только по ночам. Тем не менее, капитан настаивал на том, что ему никогда не доводилось видеть подобной грации и ловкости.

Хотя среди брави и водяных плясунов Браавоса можно найти немало искусных фехтовальщиков, по традиции величайшим из них считается Первый меч, возглавляющий личную гвардию Морского владыки и охраняющий властителя

Браавоса во время появления того на публике. Морские владыки избираются на всю жизнь, но неизбежно найдутся те, кто захочет укоротить эту самую жизнь, чтобы добиться каких-либо перемен в политике. За прошедшие столетия Первым мечам доводилось и сражаться на многих знаменитых дуэлях, и участвовать в дюжине войн, и спасать жизни — к добру ли, к худу ли — десяткам Морских владык.

Любой рассказ о Браавосе будет неполным без упоминания о Безликих. Считается, что это окутанное тайной и слухами сообщество наемных убийц старше самого Браавоса и восходит к Валирии поры ее расцвета. Впрочем, достоверно о наемных убийцах мало что известно.

За Вольными городами

Все ли земли и народы на свете нам ведомы? Разумеется, нет. Увы, наши карты — со своими ограничениями, и слишком часты на них белые пятна, то есть места, о которых мы не знаем вообще ничего. И даже самая точная из карт по поводу далеких земель на востоке выдвигает не меньше вопросов, чем дает ответов. Однако не без пользы будет обсудить и малые крупицы известных нам сведений о тех краях, пусть даже торговля с ними у Семи Королевств отнюдь не столь велика, как с Вольными городами.

Летние острова

К югу от Вестероса, омываемые синими водами Летнего моря, нежатся в сиянии тропического солнца Летние острова. В составе этого архипелага, где вовсю буйствует зелень — свыше полусотни островов. Большинство из них столь малы, что пешеходу не составит труда пересечь их за час, но самый крупный, Джала, протянулся из конца в конец на две сотни лиг. У подножий его

высоких изумрудных гор раскинулись обширные влажные джунгли, а ближе к берегам — пляжи зеленого и черного песка. Через плодородные долины текут полноводные реки, кишащие чудовищными крокодилами. Уалано и Омбору, хотя каждый из них и больше всех Ступеней вместе взятых, все же не достигают и половины Джалы. Эти три острова служат домом девяти десятым летнийцев.

Воздух Летних островов напоен ароматом цветов доброй тысячи разновидностей, ветви деревьев гнутся под тяжестью диковинных плодов, а в небесах порхают мириады ослепительно ярких птиц, чье оперение используют для создания легендарных перьевых плащей летнийцев. Под зеленой сенью джунглей рыщут пятнистые пантеры, превосходящие размерами львов, и стаи поджарых красных волков. Полчища мелких обезьян качаются на ветвях, да и крупных там достаточно: «рыжие старики» Омбору, среброспинные обитатели гор Джалы, «ночные странники» Уалано.

Жители Летних островов черноглазы и черноволосы, с кожей темной, как тиковое дерево, или совсем черной, как полированный гагат. Насколько можно судить по историческим записям

летнийцев, они издавна жили обособленно от остального человечества. Их древнейшие карты, вырезанные в Высокодреве на прославленных Сказующих древах, не показывают иных земель, кроме самого архипелага, окруженного безбрежным мировым океаном. Будучи островитянами, летнийцы вышли в море еще на рассвете дней, поначалу на утлых гребных лодчонках, затем на судах побольше и порезвее, с парусами из тканой конопли. Но лишь немногие отваживались уплывать за пределы видимости родного берега... а те, кто отваживался, не каждый раз возвращались назад.

Ломас Путешественник, в своих поисках чудес света посетивший и Летние острова, писал, будто бы, по утверждениям местных мудрецов, их предки некогда достигали берегов Сотриоса и закладывали там города — увы, лишь затем, чтобы те были сокрушены и уничтожены такими же силами, которые позже стерли с лица этого гиблого континента гискарские и валирийские поселения. Архивы Цитадели хранят несколько древних валирийских хроник, и ни одна из них ничего не сообщает об этих предполагаемых городах, так что отдельные мейстеры сомневаются в истинности подобных заявлений.

Первая известная нам встреча летнийцев с остальным миром случилась в пору расцвета Древней империи Гиса. Гискарский торговый корабль был отнесен штормом к берегам Уалано, но команда сразу же увела его прочь, устрашившись вида островитян, которых они приняли за демонов с кожей, дочерна опаленной преисподней. По этой причине гискарские моряки взяли за правило держаться подальше от острова Демонов — так они обозначили Уалано на своих картах, даже не подозревая о существовании Омбору, Джалы или иных земель архипелага.

Тем не менее, данная встреча имела далеко идущие последствия, показав островитянам, что по ту сторону моря есть земли, населенные другими людьми. Она пробудила их любознательность (вкупе с корыстолюбием), и правители островов начали строить более крупные и прочные суда, способные выдерживать сильнейшие бури и вмещать провизию, необходимую для пересечения необъятных просторов океана. Мальтар Ксак, правитель небольшого островка Кодж и величайший из этих корабелов, вошел в историю как Мальтар Ветроход и Мальтар Картограф.

Труд мейстера Галларда «Дети лета» остается для нас главным источником в части сведений

по истории Летних островов. Большая часть таковой (некогда бывшая неясной из-за традиционной записи событий в крайне замысловатой и церемонной стихотворной форме) открылась нам именно благодаря самоотверженной работе Галларда. Хотя определенные противоречия остаются — к примеру, Моллос сомневается в приведенной хронологии ранних правителей Уалано — но лучшей работы по этой теме пока не представлено.

С выходом в море больших кораблей, посланных Мальтаром и другими правителями, началась эпоха исследований и торговли. Какие-то корабли так и не вернулись, каким-то — сопутствовал успех. Были открыты Наат, Василисковы острова, северные берега Сотриоса и южные побережья Вестероса и Эссоса. И менее чем за полвека между Летними островами и Республикой Валирия установилась бойкая торговля. Острова нуждались в железе, олове и иных металлах, но изобиловали самоцветами (изумрудами, рубинами, сапфирами и различными видами жемчуга), пряностями (мускатным орехом, перцем и корицей), а также ценной древесиной. Среди драконьих владык распространилась мода на ручных обезьянок, попугаев

и детенышей пантер. Дерево красное и розовое, эбеновое и тигровое, махагон и гибискус, кап и златосерд, амарант и другие редкие и ценные породы древесины также пользовались большим спросом, как и пальмовое вино, фрукты и перья.

Не жалели валирийцы золота и ради приобретения рабов. Как и ныне, уроженцы Летних островов были людьми привлекательными: рослыми, сильными, грациозными и сообразительными. Эти качества весьма прельщали пиратов и работорговцев с Василисковых островов, из Валирии и Старого Гиса, и те несли великое горе мирным селениям, устраивая набеги и уводя жителей в рабство. Одно время в эту торговлю были вовлечены и правители островов, продававшие в неволю плененных врагов и соперников.

Истории, вырезанные на Сказующих Древах, повествуют нам об этих «Годах Позора», занявших большую часть двух столетий. Конец им положила воительница Ксанда Ко, правительница долины Сладкого Лотоса (сама сколько-то лет пробывшая в рабстве), объединив все острова под своей властью.

Железо на островах было редким и дорогим, доспехи — практически неизвестны. А привычные

островитянам длинные пики и укороченные копья не слишком многого стоили против стальных мечей и секир работорговцев. Поэтому Ксанда Ко вооружила своих моряков длинными луками из златосерда — дерева, что можно найти лишь на островах Джала и Омбору. Из них можно было стрелять куда дальше, чем из круто изогнутых вражеских луков, созданных из рога и сухожилий. К тому же стрела (длиной в ярд) вылетала с силой, достаточной для пробивания вываренной кожи или кольчуги, а то и хороших стальных лат.

Чтобы обеспечить своим лучникам надежную опору для стрельбы, Ксанда Ко построила корабли никогда не виданной ранее в Летнем море величины — высокие изящные суда, умело собранные без единого гвоздя, надежно защищенные обшивкой из прочной местной древесины, укрепленной еще и чародейством до такой степени, что тараны вражеских кораблей ломались и раскалывались об их борта. Столь же быстрые, сколь и прочные, ее корабли часто щеголяли высокими изогнутыми носами, вырезанными в виде силуэтов птиц или животных. Эти «лебяжьи шеи» завоевали им прозвище «лебединых кораблей».

Несмотря на то, что понадобилось время жизни

почти целого поколения, летнийцы, ведомые дочерью Ксанды (а впоследствии — преемницей) Чатаной Ко по прозванию Стрела Джаара, в конечном счете достигли своей цели после сражений, ныне известных как Невольничьи войны. Хотя единство островов и не пережило ее владычества (ибо Стрела вышла замуж неблагоразумно и правила не так удачно, как воевала), работорговцы и поныне бросаются в бегство при виде лебединого корабля. Всем хорошо ведомо, что на каждом из этих горделивых судов находится отряд смертоносных стрелков со златосердовыми луками. До сего дня лучники (и лучницы) Летних островов почитаются за искуснейших на всем свете. Не знает себе равных и их оружие с тех самых пор, как после Невольничьих войн правители островов запретили вывоз златосердовой древесины. Превзойти таковое могут лишь исключительно редкие луки из драконьей кости.

Отдельные летнийцы, охваченные желанием поглядеть мир, подавались в наемные лучники или поступали на морскую службу за пределами архипелага. Другие присоединялись к пиратам Василисковых островов; иные даже стали там капитанами, приобретя столь мрачную славу, что об их делах со страхом рассказывали от даль-

него Кварта до самого Староместа. Уроженцы островов добились многого и в рядах вольных отрядов Спорных земель, и как телохранители и гвардейцы торговых магнатов Вольных городов, и даже как бойцы в ямах работорговых городов Астапора, Юнкая и Миэрина... и все же, несмотря на бесспорные отвагу и боевое искусство отдельных островитян, в целом они — не воинственный народ.

Летнийцы ни единого раза не вторгались в земли за пределами собственных островов, не пытались завоевывать каких-либо чужеземцев. Их огромные лебединые корабли ходят дальше и быстрее судов любой другой страны — вплоть до самых окраин мира. Но полноценного военного флота у правителей Летних островов нет, и они предпочитают завоеваниям торговлю и исследования.

За всю свою долгую историю Летние острова объединялись под единым властителем едва ли более полудюжины раз, и никогда — надолго. Ныне каждый из небольших островов имеет собственного правителя, именуемого на общем языке принцем или принцессой. На крупных же островах (Джала, Омбору или Уалано) зачастую соперничают несколько таких принцев.

Как бы то ни было, в основном эти острова — мирное место. Войны здесь, по сути, ритуал, где сражения напоминают турнирные схватки, а отряды бойцов сходятся на заранее выбранных и освященных площадках, в час, назначенный совершающими гадания жрецами. Сражаются они точно так же, как и их предки пять тысяч лет назад — используя копья, пращи и деревянные щиты. Златосердовые луки и длинные стрелы, применяемые их бойцами против внешних врагов, никогда не обращаются против своих соплеменников, ибо это запрещено богами летнийцев.

Войны на Летних островах редко продолжаются дольше одного дня и не причиняют вреда никому, кроме собственно сражающихся. Не губится урожай, не предаются огню дома, не разоряются города, не страдают дети и не подвергаются насилию женщины (хотя воительницы и сражаются в строю бок о бок с мужчинами). Даже побежденные правители не предаются смерти или истязаниям, но лишь вынуждены оставить свои жилища и дворцы и удалиться в изгнание до конца своих дней.

Хотя Джала — крупнейший остров в архипелаге, но больше всего населения на Уалано.

Там расположены и Прощальный Плач с его огромной гаванью, и сонный Лотосовый Мыс, и забрызганный солнцем Высокодрев, где жрицы, облаченные в одежды из перьев, вырезают песни и сказания на стволах исполинских деревьев, осеняющих город. На этих Сказующих Древах можно прочесть всю историю летнийцев, вместе с заповедями их бесчисленных богов и законами, которым подчинена их жизнь.

ПРОЧИЕ ЛЕТНИЕ ОСТРОВА

Хотя наиболее значимы в архипелаге Джала, Уалано и Омбору, несколько меньших островов также заслуживают отдельного упоминания.

ПОЮЩИЕ СКАЛЫ, лежащие западнее главных островов, отличаются иззубренными вершинами, до такой степени пронизанными множеством ходов и расщелин, что издают подобие музыки, стоит подняться даже легкому бризу. По звукам этих «песен» местные жители могут определить и направление ветра. Однако боги или же люди научили эти скалы петь — никому не ведомо.

КАМЕННАЯ ГОЛОВА, самый северный в цепи островов, определенно являет миру творение человеческих рук. Северная сторона этой окруженной морем скалы обтесана в виде грубого

подобия некоего забытого божества, сурово взирающего на море. Это последний образ родины, что видят летнийцы, отплывающие на север, в Вестерос.

КОДЖ, бывший некогда домом Мальтара Картографа, и доныне может гордиться лучшими верфями на архипелаге. Три четверти знаменитых лебединых кораблей построены именно здесь, а Жемчужный дворец, местопребывание правителей острова, прославлен собранием обычных и морских карт.

АБУЛУ, небольшой остров пустошей к северо-востоку от Уалано, больше двух лет служивший приютом Нимерии и ее спутникам. Летнийские правители не позволили ей поселиться ни на одном из крупных островов, опасаясь возбудить ярость валирийцев. Поскольку сопровождали Нимерию, в основном, женщины, то и Абулу был прозван «островом Женщин» — название, сохранившееся за ним и поныне. Болезни, голод и налеты работорговцев дорого обходились ройнарам, пока Нимерия снова не увела свои десять тысяч кораблей в море, на поиски нового убежища. Впрочем, несколько тысяч ее спутников предпочли остаться, и их потомки населяют остров Женщин до сих пор.

Хотя на Летних островах и почитают десятки богов, великих и малых, наибольшего поклонения удостоились бог и богиня любви, красоты и плодовитости. Союз мужчины и женщины священен для этих божеств, и, соединяясь друг с другом, островитяне верят, что тем самым выражают почтение сотворившим их богам. Каждому летнийцу, будь он мужчиной или женщиной, богатым или бедным, высокого рода или низкого, надлежит пребывать какое-то время в одном из усеивающих острова храмов любви, предлагая свое тело каждому, кто его пожелает.

Большинство предается этому служению богам не более года, но те, кого считают наиболее красивыми, искусными и страстными, остаются надолго. В Браавосе их бы назвали куртизанками, в Королевской Гавани они вряд ли бы удостоились лучшего именования, чем блудницы, а на Омбору, Джале и Уалано эти жрецы и жрицы окружены уважением. Ведь в тех краях одаривание плотским удовольствием — искусство, столь же почитаемое, как музыка, скульптура или танец.

В наши дни летнийцев легко можно встретить в Староместе или Королевской Гавани, а лебединые корабли под вздымающимися облаками

парусов бороздят все моря на свете. Их капитаны — отважные мореходы, и не страшатся, в отличие от прочих, уходить от надежных берегов прямо в океанские просторы. По некоторым признакам мы можем подозревать, что исследователи Коджа уже смогли нанести на карты западные побережья Сотриоса вплоть до самого дальнего юга; что ими уже обнаружены диковинные земли и удивительные народы полуденных земель, а может, даже по ту сторону бесконечных вод Закатного моря... Однако правда о том известна лишь правителям островов да капитанам, что им служат.

Наат

В Летнем море, к северо-западу от Сотриоса, расположился загадочный остров Наат, известный древним как остров Бабочек. Аборигены острова — пригожий и добродушный народ с округлыми плоскими лицами, смуглой кожей и большими ласковыми глазами янтарного цвета, которые часто искрятся золотыми точками. Моряки зовут наатийцев «мирным народом», поскольку те не станут сражаться и ради защиты собственного дома или жизни. Островитяне не

убивают — даже хищных зверей, употребляют в пищу фрукты вместо мяса и предпочитают музыку войне.

Божество наатийцев зовется Повелителем Гармонии, его зачастую изображают смеющимся великаном, нагим и бородатым, всегда в окружении сонма изящных крылатых дев, и крылья те — как у мотыльков. Над островом порхает добрая сотня разновидностей помянутых насекомых; они почитаются островитянами за посланниц Повелителя, должных оберегать его народ. Вполне возможно, в этих легендах и таится некая правда, ибо, хотя покорность наатийцев и делает их остров желанной добычей для завоевателей, иноземцы не живут долго на его земле.

Гискарцы еще во времена Древней империи трижды захватывали остров; валирийцы воздвигли здесь крепость (ее стены из литого драконьего камня стоят и ныне); волантийские искатели наживы как-то раз основали целый торговый город — с деревянным частоколом и бараками для рабов. Ну, а пираты с Василисковых островов высаживались на берегах Наата и вовсе бессчетное число раз. Однако никто из этих пришельцев не просто не выжил, но и, как утверждают наатийцы, не смог протянуть долее

года. В воздухе прекрасного острова таятся некие дурные испарения, и каждый, кто задержится здесь слишком долго, становится их жертвой. Первым знаком болезни становится лихорадка, за ней следуют болезненные судороги, из-за которых жертва выглядит словно бы охваченной дикой и неудержимой пляской. На последней стадии зараженный потеет кровью, и его плоть начинает сползать с костей.

Сами же наатийцы, по-видимому, такому недугу не подвержены.

Архимейстер Эброуз, изучивший все известные случаи этой хвори, считает, что ее распространяют почитаемые Мирным народом бабочки, отчего болезнь часто и зовется мотыльковой лихорадкой. Некоторые полагают, что переносчиком недуга служит только один конкретный вид бабочек (крупные черно-белые насекомые с крыльями величиной с человеческую ладонь, как полагает Эброуз), но пока это остается лишь догадкой.

Являются ли бабочки Наата истинными посланцами Повелителя Гармонии, или они лишь обыкновенные насекомые, подобные их сородичам из Семи Королевств — похоже, наатийцы не так уж неправы, почитая их как своих охра-

нителей.

Как ни печально об этом говорить, но пираты, рыщущие по морям вокруг Наата, давно усвоили, что шансы пасть жертвой мотыльковой лихорадки тем ниже, чем меньше времени они проводят на берегу, и совсем малые, если высаживаться ночью, поскольку бабочки — дневные создания, любящие утреннюю росу и полуденное солнце. В силу этого работорговцы с Василисковых островов зачастую атакуют Наат под покровом темноты, захватывая в рабство целые селения. Мирный народ всегда называют прибыльным товаром, поскольку они столь же сообразительны, сколь и мягки нравом, привлекательны внешностью и быстро обучаются покорности. Сообщают, что один из перинных домов Лиса славен наатийскими девицами, чьи прозрачные шелковые облачения украшены ярко расписанными крыльями бабочек.

Начиная с Кровавого века эти набеги стали так часты, что Мирный народ, в большинстве своем, покинул побережье, удалившись вглубь острова, в холмы и леса, где работорговцам не так просто их отыскать. Из-за этого дивные товары ручной работы, мерцающие шелка и изысканные пряные вина острова Бабочек ныне все реже и реже

можно увидеть на рынках Семи Королевств и Девяти городов.

Василисковы острова

Трудно найти менее похожее на Наат место, чем длинная цепь клочков суши к востоку от него, именуемых Василисковыми островами. Названные в честь свирепых зверей, некогда их наводнявших, они долгие столетия остаются гнойной язвой Летнего моря — гнездом пиратов, работорговцев, наемников и убийц. Эти чудовищные отбросы человеческого общества стекаются сюда со всех уголков земли, ибо только здесь такие люди могут надеяться отыскать себе подобных.

Жизнь на Василисковых островах грязна, жестока и, как правило, коротка. Жаркие, влажные, кишащие слепнями, песчаными блохами и пиявками — эти острова всегда считались местом, исключительно нездоровым как для человека, так и для животных. Развалины, найденные на острове Слез, острове Жаб и Топоре, указывают на некую древнюю цивилизацию, однако нам мало что ведомо о тех людях Рассветной эпохи, ныне исчезнувших. Если кто из них и смог дожить до

появления на островах первых пиратов, то все они были преданы мечу и исчезли, не оставив и следа... кроме как, возможно, на острове Жаб, что мы обсудим чуть позже.

Руины еще одного города сохранились на южном побережье острова Слез, крупнейшего в архипелаге. Сам остров — это нагромождение фигурных скал, обточенных ветром, и иззубренных кремневых утесов, среди которых прячутся ущелья и черные топи. А упомянутый город был основан Древней империей Гиса, и в течение примерно двух столетий (либо четырех — это является предметом споров) был известен под названием Горгай, пока в ходе Третьей гискарской войны его не захватили валирийские повелители драконов и не переименовали в Гогоссос.

Но город оставался скверным местом — как бы его ни называли. Властители драконов высылали на остров Слез самых отпетых преступников, обреченных закончить свои дни в непосильном труде. В подземельях Гогоссоса палачи изобретали новые виды истязаний, а в «темницах плоти» применялась магия на крови, причем самого отвратительного свойства — животных заставляли покрывать рабынь, чтобы от них появлялись на свет уродливые нечеловеческие отпрыски.

Дурная слава Гогоссоса пережила даже Рок Валирии, а в течение Кровавого века этот мрачный город обрел такое богатство и могущество, что кое-кто даже называл Гогоссос десятым из Вольных городов. Но благополучие зиждилось на рабстве и колдовстве. Здешние рынки рабов могли сравниться в известности с торжищами гискарских городов залива Работорговцев. Однако через семьдесят семь лет после Рока Валирии их смрад дошел до самих богов, и в рабских бараках Гогоссоса зародился свирепейший мор — по острову Слез, а затем и по остальным Василисковым островам пронеслась Красная Смерть. Девятеро из каждых десяти жителей умерли в муках, истекая кровью из всех отверстий тела, в то время как их кожа сходила лоскутами, словно пергамент.

Доброе столетие после этого моряки избегали Василисковых островов. Лишь после того, как там стали селиться пираты, на острова вернулся и прочий люд. Первым на архипелаге поднял свой стяг Ксандарро Ксор из Кварта. Камни, найденные на острове Топор, он использовал для возведения у своей якорной стоянки угрюмой черной крепости. Затем пришло Братство Костей, оно поселилось в западной части архипелага,

на острове Мух. С опорой на новые поселения Ксандарро и Братству стала прекрасно удаваться охота на торговцев, огибавших дымные обломки Валирийского полуострова. За какие-то полвека практически на каждом из Василисковых островов было свито по пиратскому гнезду.

Братство Костей в наши дни уже всеми позабыто, а о Ксандарро Ксоре напоминают разве что заброшенные укрепления на Топоре, но Василисковы острова по-прежнему остаются излюбленным прибежищем для морских хищников. Практически каждое поколение становится свидетелем тому, как флоты направляются к архипелагу, чтобы наконец очистить его от этой напасти. Особенно упорствуют на данном поприще волантийцы, нередко выступая в союзе с кем-либо из прочих Вольных городов. Некоторые из таких кампаний заканчиваются впустую — пираты, заблаговременно предупрежденные, успевают скрыться. Сотнями повешенных разбойников и десятками кораблей — захваченных, пущенных ко дну или преданных огню — знаменуются другие походы, ведомые более умелыми командирами. А один завершился так и вовсе бесславно: лиснийский капитан Саатос Саан, командовавший посланным для разруше-

ния пиратских укреплений флотом, сам решил заняться грабежами и, объявив себя королем Василисковых островов, правил там в течение тридцати лет.

Но чем бы ни заканчивались все эти попытки, какое-то время спустя пираты снова возобновляют свои бесчинства. Их городки растут как грибы, но лишь затем, чтобы год или два спустя стать брошенными, оставленными гнить и погружаться в склизкую грязь, из которой они и поднялись. Разбойная Гавань, наиболее известный среди них и воспеваемый во множестве песен и сказок, не отмечен ни на одной карте... по той весомой причине, что на самых разных островах имелось не менее дюжины поселений с таким названием. Стоило одному из них оказаться разрушенным, как тут же возникало следующее, чтобы вскоре тоже стать покинутым. То же самое можно сказать и о Хлеве, Шлюхиной Дыре, Кровянке и прочих гнездилищах пиратов, из которых одно сквернее и позорнее другого.

Достойны отдельного упоминания особенности, которыми обладают некоторые из Василисковых островов.

К северу от острова Слез расположился другой большой остров — Коготь, пронизанный множе-

ством пещер наподобие пчелиных сот. Пещеры, в большинстве своем, укреплены и обитаемы, так как пиратам Коготь служит рынком рабов — здесь удерживают захваченных пленников до тех пор, пока они не будут проданы или, что реже, выкуплены. На этом же острове, названном так по своим очертаниям, устроен и Меновый берег, где пираты ведут торговлю между собой.

На острове Жаб находится древний идол — маслянистый черный камень, грубо обтесанный в некое подобие гигантской жабы зловещего облика, почти сорока футов высотой. Обитателей этого острова зачастую считают потомками тех, кто вырезал этот Жаб-Камень, указывая на неприятные рыбоподобные черты их лиц и то, что у многих из них имеются перепонки между пальцами. Если это правда, то они являются единственными выжившими потомками забытого народа.

Многие из пиратов придерживаются мерзкого обычая увешивать корпуса и мачты своих кораблей отрубленными головами, желая тем самым устрашить противников. Эти головы болтаются на канатах, пока с них полностью не сойдет плоть — после чего их заменяют новыми. Однако оголившиеся кости пираты обычно не выбрасы-

вают в море, а отвозят на маленький остров Черепов, оставляя как подношение некоему темному божеству. И по берегам этого открытого всем ветрам необитаемого островка разбросаны внушительные груды пожелтевших черепов.

Подытоживая, можно сказать, что Василисковых островов лучше всего избегать, ибо никогда ничего хорошего не ожидало тех, кто туда отправлялся.

Сотриос

О существовании обширных и диких земель на юге стало известно с тех пор, как первые корабли начали выходить в океан, ибо только Летнее море отделяет Сотриос от древних цивилизаций и великих городов Эссоса и Вестероса. Еще в дни Древней империи гискарцы начали осваивать его северные берега. Они воздвигли укрепленный город Заметтар в устье реки Замойос, а на мысе Виверны выстроили Горош — мрачную каторжную колонию. Жаждавшие обогащения удальцы из Кварта искали золото, драгоценные камни и слоновую кость по всему восточному берегу Сотриоса, а летнийцы занимались тем же самым на западе. Республика Валирия трижды

основывала колонии на мысе Василиска. Первую из них разрушили пегие люди, вторую уничтожила чума, а третью забросили после того, как повелители драконов захватили Заметтар во время Четвертой гискарской войны.

И все же мы не можем утверждать, что хорошо знакомы с Соториосом. Его внутренние области все еще остаются для нас тайной, укрытой непроходимыми джунглями, где древние города, наводненные призраками, лежат в руинах по берегам широких сонных рек. Стоит кораблю проплыть на юг от мыса Василиска всего несколько дней, и уже само очертание побережья становится толком неизвестным (может статься, летнийцы и нанесли его на карты, но они ревностно берегут свои открытия и не склонны ими делиться).

Основанные в этих землях колонии хирели и умирали. Дольше жизни одного поколения простоял лишь Заметтар, однако теперь и этот некогда огромный город — не более чем медленно поглощаемые джунглями жутковатые руины. Соториос веками посещали работорговцы, купцы и охотники за сокровищами, но только самые отважные из них рисковали покидать прибрежные гарнизоны и поселения, стремясь узнать

тайны обширных земель в глубине материка. Те, кто осмеливался на это чаще других, бесследно исчезали в зелени джунглей.

Нам не ведома даже истинная величина Соториоса. Когда-то квартийцы изображали его на картах островом, размером вдвое превышающим Большой Морак. Однако их торговые корабли, продвигаясь все дальше и дальше на юг вдоль восточного побережья, так и не достигли его конечных пределов. Гискарцы, основавшие Заметтар и Горош, полагали, что эта земля так же велика, как и Вестерос. Джейнара Белейрис на своем драконе Терраксе, разыскивая легендарные кипящие моря и дымящиеся реки, смогла пролететь на юг дальше, чем кому-либо из людей когда-либо удавалось, но обнаружила лишь бесконечные джунгли, горы и пустыни. Вернувшись три года спустя в Валирию, она заявила, что Соториос — «земля, у которой нет края», и он так же велик, как Эссос.

Какой бы ни была его истинная протяженность, южный материк — крайне нездоровое место, где воздух переполнен гнилостными миазмами и дурными гуморами. Мы уже показывали, как не повезло Нимерии, когда она пыталась на этих берегах поселить свой народ. Красная Смерть и

серая хворь, кровавые чирьи, зеленая лихорадка, сладогниль, меднолобка, буроногость, червивая кость, моряцкая погибель, очегнойка и желтый рот — лишь некоторые из встречающихся здесь болезней, причем многие столь заразны, что стирают с лица земли целые селения. Архимейстер Эброуз, изучивший донесения путешественников за столетия, считает, что девятеро из каждых десяти вестеросцев, прибывших на Сотриос, станут жертвами одной или нескольких из этих болезней и около половины из них умрут.

Но не одни лишь болезни станут угрозой для тех, кто дерзнет изучать эти лесистые сырые земли. Под гладью Замойоса таятся огромные крокодилы, известные тем, что, поднимаясь из глубин, опрокидывают лодки и пожирают бьющихся в воде путешественников. Другие реки кишат стаями хищных рыб, способных обглодать человека до костей за считанные минуты. Здесь обычны и слепни, оставляющие язвы, и ядовитые змеи, и осы, и черви, откладывающие свои яйца под кожу людям, лошадям и свиньям. На мысе Василиска полчищами шныряют эти самые василиски — и мелкие, и крупные, а иные по величине вдвое превосходят льва. Ходят толки о гигантских обезьянах, обитающих в лесах южнее

Йина, рядом с которыми великаны покажутся карликами — они столь могучи, что могут убить слона одним ударом.

А дальше на полдень лежат земли, названные Зеленым Адом, где, по слухам, обитают твари еще более свирепые. Там, если верить рассказам, есть пещеры, переполненные белыми летучими мышами-кровососами, выпивающими из человека всю кровь за несколько минут. По джунглям рыщут узорчатые ящеры, настигая свою добычу и разрывая ее огромными когтями мощных задних лап. В подлеске скользят змеи пятидесятифутовой длины, а среди исполинских деревьев плетут свои сети пятнистые пауки.

Но страшнее всех — виверны, ужас южных небес. Эти ненасытные существа с огромными кожистыми крыльями и жуткими клювами, являются родичами драконов, хотя и не способны дышать огнем. Во всем остальном, кроме величины, они ничуть не уступают своим собратьям, а свирепостью даже и превосходят.

Пегие виверны, отличающиеся своей зеленобелой чешуей, вырастают в длину до тридцати футов. Болотные виверны могут достигать еще большей величины, но они ленивы по своей природе и редко улетают далеко от собственных

гнезд. Буроброхи — не больше мартышек, но ничуть не безопаснее своих крупных сородичей, ибо охотятся стаями до ста и более голов. Однако самые грозные из всех — тенекрылы, ночные чудовища, чьи черные крылья и чешуя делают их почти невидимыми... до того самого мгновения, как они обрушатся из темноты, чтобы растерзать свою жертву.

Септон Барт в труде «Драконы, виверны и змеи» высказывает мысль, что маги крови из Валирии использовали виверн для создания драконов. Хотя и считается, что эти маги довольно часто ставили необычные опыты в рамках своего противоестественного искусства, большинству мейстеров подобное утверждение видится слишком надуманным. А в своей работе «Возражения на Неестественное» мейстер Ванион приводит явные доказательства существования драконов в Вестеросе даже на заре времен, еще до возвышения Валирии.

Неудивительно, что в сравнении с Вестеросом или Эссосом Сотриос населен весьма скудно. К его северным берегам прилепилась цепочка из дюжины мелких торговых поселений — городишек грязи и крови, как кто-то выразился. Это убогие, сырые и душные пристанища, куда

отправляются за своей удачей искатели наживы, разбойники, изгнанники и блудницы из Вольных городов и Семи Королевств.

Без сомнения, на юге среди джунглей, болот и едва текущих, пересыхающих под солнцем рек таится множество богатств, но на каждого, кто смог отыскать золото, жемчуг или драгоценные пряности, приходится сотня тех, кто нашел лишь собственную смерть. На поселения Сотриоса нападают пираты Василисковых островов, увозя захваченных пленников в рабские бараки Когтя или острова Слез, а позже продают их как живой товар на рынках залива Работорговцев или в перинные дома и сады наслаждений Лиса. Местные же народы по мере удаления от побережья становятся все более дикими и первобытными.

Сторийцы — создания с широкой костью, могучими мускулами и весьма длинными руками. Их отличают покатые лбы, укрытые жесткими черными волосами, и массивные челюсти с огромными квадратными зубами. Широкие плоские носы, больше напоминающие рыла, и грубая пегая кожа в бурых и белых пятнах делают их похожими скорее на кабанов, чем людей. Сторийские женщины способны рожать детей лишь от мужчин своего народа; сходясь с людьми

из Эссоса или Вестероса, они приносят только мертворожденных, причем отвратительных уродцев — по большей части.

Те соторийцы, что живут ближе к морю, смогли освоить речь торговцев. Гискарцы полагают, что аборигены слишком тупы, чтобы считаться хорошими рабами, но бойцы из них яростные. Дальше к югу налет цивилизации исчезает, и пегие люди предстают еще более примитивными и жестокими, творящими самые омерзительные обряды во славу своих темных богов. Многие из них каннибалы или пожиратели мертвых — когда они не могут добыть плоти врагов или чужаков, они поедают собственных мертвецов.

Поговаривают, будто некогда здесь обретались и другие позабытые народы — уничтоженные, поглощенные или изгнанные пегими людьми. Обычно рассказывают о затерянных городах, ящеролюдях и безглазых пещерных обитателях. Но подтверждений всему этому нет.

Как мейстеры, так и иные ученые мужи издавна ломали головы над величайшей из загадок Сотриоса — древним городом Йин. Его руины, выглядящие старше самого времени, сооружены из глыб маслянистого черного камня, столь огромных, что разве дюжина слонов могла бы сдвинуть

их с места. Хотя Йин и остается заброшенным уже много тысячелетий, окружающие заросли почти не тронули его. (Если верить рассказам, осмотрев руины, Нимерия произнесла: «Город так полон зла, что даже джунгли не способны в него войти».) Все попытки заново его отстроить или населить заканчивались ужасающим образом.

Степи

Эссос за Квохорским лесом — бесконечное раздолье продуваемых ветрами равнин, пологих холмов, больших лазурных озер, плодородных речных долин... и бескрайних степей, где высокие травы укрывают лошадь с головой. Эти края растянулись более чем на семь сотен лиг к западу от Квохорского леса — вплоть до величественных гор, известных как Хребет Костей.

Именно на здешних лугах в Рассветную эпоху и зародилась цивилизация. В степях поднялись первые настоящие города — на берегах Сарны и ее бесчисленных притоков, питавших извилистый бег реки на север, к Студеному морю. Случилось это десять тысяч лет назад, а то и ранее, а Вестерос тогда еще являлся унылой дикой пустошью, населенной лишь великанами и Детьми Леса.

История тех времен, увы, потеряна для нас, ибо множество царств возвысилось и пало среди этих трав задолго до того, как людской род освоил грамоту. Остались только легенды, из которых мы знаем о Царицах-Рыбачках, правивших землями у Серебряного моря — огромного внутреннего водоема в сердце степей. Вдоль его берегов бесконечно кружил плавучий дворец Цариц.

Сохранилось достаточно рассказов, чтобы убедить большинство мейстеров в былом существовании Серебряного моря, хотя в силу того, что долгими столетиями выпадало все меньше дождей, оно сильно сократилось. Там, где некогда блестела под солнцем бесконечная водная гладь, ныне остались всего три крупных озера.

Рассказывают, что Царицы-Рыбачки были мудры, добродетельны и любимы богами, отчего и цари, и вожди, и мудрецы стремились к плавучему дворцу, чтобы искать их совета. Между тем сражались за место под солнцем и другие народы — жившие за пределами владений Цариц. Как и везде, кто-то возвышался, кто-то погибал. Некоторые мейстеры полагают, что именно здесь появились Первые люди, прежде чем начать долгое переселение на запад, которое привело их в Вестерос через Руку Дорна. Андалы также вполне

могли происходить с плодородных равнин, лежащих южнее Серебряного моря. В легендах говорится и о Косматом народе — о покрытых шерстью свирепых воинах, сражавшихся верхом на единорогах. Хотя они были крупнее нынешних иббенийцев, однако вполне могли являться их предками. Еще ходят слухи об исчезнувшем городе Лайбер, где вели бесконечную кровопролитную войну служители паучьей богини и змеиного бога. А дальше к востоку будто бы существовали царства кентавров — наполовину людей, наполовину коней.

Архимейстер Хейгдорн высказал мысль, что кентавры — не более чем конные воины, представляемые в таком виде соседними племенами, которые еще не научились приручать лошадей и ездить верхом. Его взгляды нашли широкую поддержку в Цитадели, несмотря на то, что в различных собраниях диковинок время от времени выставляют предполагаемые «скелеты кентавров».

На юго-востоке стояли горделивые кваатийские города-государства, а на севере, вдоль побережья Студеного моря, лежали земли крошечных лесных ходоков — народа, который большинство мейстеров считает родичами Детей Леса. Меж-

ду ними располагались царства обитавших на холмах симмерийцев, длинноногих гиппов с их плетеными щитами и выбеленными известью волосами, а также светловолосых и темнокожих зокорцев, сражавшихся на колесницах.

Большинство из этих народов ныне исчезло, их города преданы огню и погребены, а боги и герои позабыты. Из кваатийских городов уцелел лишь Кварт, грезящий о былом величии у ревниво охраняемых Нефритовых Врат, что связывают Летнее и Нефритовое моря. Прочие же народы были уничтожены, изгнаны либо завоеваны и поглощены своими преемниками, которых в Вестеросе помнят как сарнорийцев.

На вершине своего могущества их царство охватывало все земли, орошаемые Сарной и ее притоками, равно как и тремя озерами, оставшимися от высыхающего Серебряного моря. Сами себя сарнорийцы именовали Рослым народом (на их собственном наречии «тагайз фен»). Подобно зокорцам, они были долговязы и темнокожи, но с черными, как ночь, глазами и волосами. Воины, колдуны и мудрецы, они возводили свое происхождение к герою и царю Хужору Амаю Невероятному, рожденному последней Царицей-Рыбачкой. Тот взял в жены дочерей величайших

повелителей гиппов, симмерийцев и зокорцев, тем самым объединив под своей рукой все три народа. Как рассказывают, зокорская жена правила его колесницей, симмерийская — ковала ему оружие (ее народ считался первым, кто начал изготовлять железо), а на плечах он носил плащ, выделанный из шкуры вождя Косматого народа.

Хужор Амай вполне может быть как реальным человеком, так и вымышленным героем сказок, однако никто не поставит под сомнение величие Рослого народа времен расцвета. Горделивое и вспыльчивое, это племя редко объединялось под властью одного правителя, и, тем не менее, сарнорские царства господствовали в западных степях от Квохорского леса до восточных берегов исчезнувшего Серебряного моря, и еще на полсотни лиг за ними. Их блистательные города были рассыпаны по травянистым равнинам как самоцветы по зеленому бархатному покрывалу, сверкая под лучами звезд и солнца.

Знаменитейшим из этих городов был Сарнат Высокобашенный, где в легендарном Дворце Тысячи покоев обитал сам Великий царь.

Хотя по закону и обычаю все «младшие» сарнорские властители должны были беспрекословно подчиняться Сарнату, очень немногие Великие

цари обладали сколько-нибудь реальной властью.

Восточнее него выросли Казат, Город караванов; Сатар — Город-у-водопада, у слияния двух рукавов Сарны; Горнат Приозерный, знаменитый своими каналами; Саллош на Серебряном берегу, Город мудрецов, с его обширной библиотекой и Расписными Стенами. Ниже по течению, где Сарна поворачивает к северу, корабли, бороздившие ее глубокие лазурные воды, обслуживали зажиточные приречные города Рафилар, Хорнот и Киф. Здесь же располагался и Мардош, Город солдат, известный также как Мардош Неприступный. В дельте Сарны, где река распадалась на рукава, прежде чем устремиться в Студеное море, находились портовые города Саат (на западе) и Сарис (на востоке).

Сарнорское царство (будем именовать его так, хотя на деле там друг перед другом выхвалялись десятка четыре склочных царьков) более двух тысячелетий числилось в ряду величайших мировых цивилизаций. Но знания о нем мы можем почерпнуть лишь из уцелевших фрагментов утерянных исторических трудов (в первую очередь из собственно сарнорских «Зимних и летних хроник»), да из записей, сохранившихся в Кварте, Вольных городах и заливе Работорговцев. Сарнор-

ские купцы добирались до Валирии, И-Ти, Ленга и Асшая, а их корабли бороздили Студеное море до Иба, Тысячи островов и Дальней Моссовии. Цари Сарнора некогда сражались с кваатийцами и Древней империей Гиса; кроме того, многократно водили войска против кочевников, скитавшихся в восточных степях.

Всадники Сарнора одевались в сталь и паутинный шелк, под седлом предпочитали вороных кобыл. Кроме них, в бой выходили и серпоносные колесницы, влекомые упряжкой кроваво-красных[101] коней, с наиболее искусными воинами (а колесницы зачастую управлялись их женами и дочерьми, ибо по местным обычаям на войну шли и мужчины, и женщины).

Даже в Семи Королевствах почитали величие Сарната Высокобашенного, а Ломас Путешественник включил Дворец Тысячи покоев в число девяти рукотворных чудес света.

В хрониках утверждают, будто Древняя империя Гиса пять раз вступала в войну с набиравшей силу Валирийской Республикой. Рослый народ брался за мечи совместно с Валирией во Второй и Третьей гискарских войнах, но во время Четвертой войны соперничавшие правители встали на разные стороны: одни поддержали валирийцев,

другие — гискарцев. Ломас Путешественник, описывая поверженный обелиск с резными фигурами гискарских союзников в Четвертой войне, отметил, что самые рослые из воинов (а внушительные шлемы делали их еще выше) являлись сарнорийцами. Обелиск в свое время был воздвигнут гискарцами, однако изображения высекали явно валирийцы, поскольку изобразили воинов захваченными и порабощенными.

Ныне же Сарнорское царство по большей части забыто, и многие в Вестеросе, даже из числа обучающихся в Цитадели, мало что знают о его долгой и величественной истории. Его башни пали, заброшенные города лежат в руинах, а там, где когда-то были поля и пашни, растут лишь сорные травы. Земли, которыми Сарнор некогда правил, теперь малолюдны, и по ним кочуют лишь дотракийские кхаласары, да неспешно бредут торговые караваны, получившие от кхалов дозволение пройти долгим путем от Вольных городов до Ваэс Дотрака и Матери Гор.

Из-за множества руин путники называют край Землями призраков, или же Великим Запустением (из-за безлюдности), хотя куда лучше эти степи известны нам под именем Дотракийского Моря — названием достаточно молодым, ибо молод и сам

дотракийский народ. Кхаласары обрели власть над степями уже после того, как Рок уничтожил Валирию. Явившись с востока[102], они огнем и мечом сокрушили процветавшие здесь древние города и угнали в рабство их обитателей.

Для падения сарнорских государств потребовалось менее столетия. Одновременно с тем, как Вольные города на западе оказались вовлечены в жестокую борьбу за господство в ходе событий, вошедших в историю как Кровавый век, степи также погрузились в войну. В годы, последовавшие за Роком Валирии, кочевники восточных степей, прежде разделенные на полсотни беспрестанно враждовавших между собой племен, в конце концов, были объединены под одним вождем — таковым стал дотракийский кхал по имени Менго. Наставляемый своей матерью Доши, почитавшейся за царицу ведьм, кхал Менго заставил кочевников признать его власть, уничтожив либо обратив в рабство тех, кто отказывался.

Затем, уже в преклонном возрасте, он обратил свой взор на запад.

Рослый народ с пренебрежением относился к коневодам, которые столетиями были для него лишь мелкой неприятностью, и не видел в них

угрозы, даже когда кхаласары начали вторгаться в его восточные пределы. Некоторые из правителей пытались использовать дотракийцев в своих междоусобицах, предлагая тем дары, рабов и золото за нападение на своих врагов. Кхал Менго охотно принял эти дары... а потом забрал себе и покоренные земли. И там он выжег все поля, села и города, чтобы вернуть степям их первозданный вид (дотракийцы почитают землю своей матерью и считают греховным рассекать ее плоть лопатой, мотыгой или плугом).

Рослые люди отказывались видеть в дотракийцах серьезную опасность до тех самых пор, пока кхал Моро, сын Менго, не привел свой кхаласар к воротам Сатара — знаменитого Города-у-водопада. Мужчины Сатара, разбитые в сражении, были преданы мечу, а их жены и дети угнаны в рабство. Причем во время изнурительного перехода к невольничьим рынкам, находившихся гораздо южнее — в Хаздан Мо[103], гискарском городе на холме — погибло три четверти пленников. Сатар, прекраснейший из степных городов, был обращен в золу и щебень. Как сообщают, кхал Моро лично дал руинам их новое имя: Ялли Камайи — «место, где рыдают дети».

Но и тогда сарнорские властители оказались

неспособны объединиться. Пока Сатар пылал, правители Казата на западе и Горната на востоке послали свои войска, но не для помощи своим соседям, а ради участия в их разграблении. Жаждущие чужих земель Казат и Горнат даже начали войну друг с другом и вступили в сражение в трех днях пути к западу от Сатара, когда столбы черного дыма еще плыли по восточному небосклону.

Здесь не место для изложения подробной хроники тех лет и войн, когда перед дотракийцами один за другим рушились великие города Сарнорского царства. Тех, кто желает изучить события более детально, мы отсылаем напрямую к труду Белло «Конец Рослого народа», сочинению мейстера Иллистера «Коневодческие племена: к вопросу об изучении кочевников восточных равнин Эссоса», восточным главам и приложениям к «Сражениям и осадам Кровавого века» мейстера Джозета, а также исчерпывающей работе Ваггоро «Поверженные царства, похищенные боги».

Достаточно будет сказать, что из всех горделивых сарнорских городов избежал уничтожения один-единственный Саат. В наши дни этот портовый город остается лишь убогой тенью себя прошлого и выживает, в основном, благодаря поддержке Иба и Лората (колония последнего,

Морош, расположена поблизости). Только в Саате жители до сих пор именуют себя «тагайз фен». Их осталось менее двадцати тысяч, хотя некогда Рослый народ исчислялся миллионами. И только здесь еще поклоняются сотне богов Сарнорского царства. Бронзовые и мраморные изваяния, некогда украшавшие улицы и храмы Рослого народа, ныне стоят, покосившиеся и увитые сорняками, среди заросших дорог Ваэс Дотрака, священного города кочевников.

Сатар стал первым из степных городов, разрушенных дотракийцами, но далеко не последним. Шестью годами позже кхал Моро стер с лица земли и Казат. И при нападении всадникам кхала, как ни трудно в это поверить, оказывал помощь Горнат, чей царь объединился с дотракийцами и даже взял в жены одну из дочерей Моро. Тем не менее, следующим пал сам Горнат, причем спустя всего лишь дюжину лет. К тому времени кхал Хорро убил Моро, прервав род могущественного Менго, а правитель Горната погиб от руки собственной жены, по слухам, презиравшей царя за слабость. После этого сам кхал Хорро взял себе эту женщину, а крысы пожрали тело ее прежнего супруга.

Хорро оказался последним из великих кхалов,

чье верховенство признавали все дотракийцы. Всего через три года после падения Горната он был убит соперником, и его огромный кхаласар раскололся на дюжину малых орд. Дотракийские всадники возобновили прежние междоусобицы, что дало Сарнорскому царству недолгую передышку. Однако Рослый народ уже выказал свою слабость, а сменившие Хорро кхалы унаследовали и его вкус к завоеваниям. В последовавшие за смертью великого кхала годы они, стремясь превзойти друг друга, покоряли все новые и новые земли — разрушали города, порабощали их жителей, а повергнутых богов свозили в Ваэс Дотрак как знаки своих побед.

Оставшиеся города Рослого народа захватывались и уничтожались один за другим, и лишь руины и пепел отмечали места, где некогда горделиво высились их башни. Для хронистов и изучающих прошлое особенно трагичным стало падение Саллоша на Серебряном берегу: пожар города не пощадил и его великой библиотеки. Так большая часть истории Рослого народа и его предшественников оказалась навсегда утеряна для нас.

Киф и Хорнот вскоре разделили его судьбу, разрушенные соперничающими кхалами, кото-

рые словно состязались друг с другом в дикости и жестокости. Дольше других кочевникам сопротивлялся хорошо укрепленный Мардош Неприступный. Сменяющие друг друга кхаласары заключили город в кольцо, но и отрезанный от своих земель, он продержался почти шесть лет. Вынужденные голодать жители съели сначала собак и лошадей, потом крыс и мышей, и, наконец, стали поедать собственных мертвецов. Когда сопротивляться сил больше не осталось, уцелевшие воины умертвили собственных жен и детей, чтобы уберечь их от плена, затем открыли ворота и бросились в последний бой. Они были перебиты все до единого, а дотракийцы прозвали руины Мардоша — Ваэс Горкойи, Город Кровавого броска.

После падения Мардоша оставшиеся сарнорские царьки наконец-то осознали всю опасность своего положения. Отложив соперничество и ссоры, Рослый народ со всей Сарны объединился, снарядил и собрал под стенами Сарната огромную армию, намереваясь сокрушить могущество кхалов раз и навсегда. Ведомые Мазором Алекси, последним из Великих царей, бесшабашные храбрецы выступили на восток и на полпути между Сарнатом и руинами Казата, среди высоких трав,

встретились с объединенными силами четырех кхаласаров. С того дня это место навеки стало Полем Стервятников.

Как говорят, у кхалов Харо, Кано, Жако и Лосо Хромого имелось под рукой почти восемьдесят тысяч конников. Огромное войско Великого царя Сарнора возглавляли шесть тысяч серпоносных колесниц, за которыми следовали десять тысяч панцирных всадников, и еще столько же легких всадников (и всадниц) стояли на флангах. Позади них располагалась сарнорская пехота — около ста тысяч копейщиков и пращников, дававших сарнорцам весомое превосходство в численности, на чем сходятся все летописцы.

Вступив в битву, сарнорские колесницы грозили снести все на своем пути. Их сокрушительный натиск опрокинул центр дотракийской орды — длинные серпы на колесах подсекали ноги вражеским лошадям. Кхаласар Харо дрогнул и побежал после того, как самого кхала повергли, рассекли и растоптали, а вслед за бегущими с грохотом устремились колесницы. За ними бросились и Великий царь со своей панцирной конницей, а затем — и потрясающие копьями пехотинцы с победными кличами.

Их восторг был недолгим — паника врага оказа-

лась притворной. Едва Рослые люди как следует втянулись в подготовленную ловушку, бегущие дотракийцы внезапно развернулись, после чего по сарнорийцам ударил град стрел из больших луков. Одновременно кхаласары Жако и Кано ударили с юга и севера, а кхал Лосо Хромой и его воины сделали круг и набросились на врагов с тыла, отрезав тем путь к отступлению. Полностью окруженные, Великий царь и его войско были изрублены в куски. Рассказывают, что в тот день погибли сто тысяч человек, среди них Мазор Алекси, шесть «младших» царьков и более шести десятков военачальников и героев. И пока вороны слетались на тела погибших, всадники кхаласаров бродили среди трупов, переругиваясь из-за добычи.

Оставшись без защитников, Сарнат Высокобашенный рухнул к ногам Лосо Хромого спустя каких-то две недели. И даже Дворец Тысячи покоев не избежал общей участи, когда кхал предал город огню.

Остальные степные города гибли один за другим. Последним пал Сарис в устье Сарны, хотя кхал Зегго, нагрянувший в те края, хорошей добычи не взял — большинство жителей бежало из города заранее. Кровавый век тогда уже близился

к концу.

Не следует полагать, что одно лишь Сарнорское царство стало жертвой кочевников. Валирийская колония Эссария, иногда называемая Погибшим Вольным городом, была сметена подобным же образом. Ныне ее руины известны дотракийцам как Ваэс Хадох — Город мертвых тел. На севере кхал Дхако разграбил и сжег Иббиш, почти целиком разорив небольшую колонию, выкроенную жителями Иба на северных берегах Эссоса[104] (хотя куда меньшее сообщество переселенцев смогло уцелеть в густых лесах возле Студеного моря, сгрудившись близ городка, названного Новым Иббишем). На юге иные кхалы направили свои полчища в Красную пустошь и разорили усеивавшие ее кваатийские города и селения. Устоял только великий город Кварт, защищенный своими тройными стенами.

Несмотря на долгую историю существования народа кваатийцев (ныне почти исчезнувших с лица земли, если не считать обитателей Кварта), в точности о них можно сообщить немногое.

Нам ведомо лишь, что кваатийцы появились в Степях и выстроили там свои города, сталкиваясь и нередко сражаясь с Рослым народом. Им не слишком везло в этих войнах, отчего они стали

переселяться южнее, создавая новые города. Один из них, Кварт, был основан на самом побережье Летнего моря. Однако земли на юге Эссоса оказались еще менее гостеприимны, чем покинутая ими родина, начав обращаться в пустыню почти сразу же после того, как люди там поселились. Кваатийский народ был уже на пути к своей гибели, когда пришел Рок. Но надежды использовать к своей выгоде смуту, возникшую в Летнем море, угасли под ударами дотракийцев, уничтоживших все кваатийские города, кроме Кварта.

В некотором смысле дотракийское опустошение привело одновременно и к возрождению самого Кварта. Вынужденные повернуться к морю, правившие городом Чисторожденные быстро построили флот и захватили господство над Нефритовыми Вратами — проливом между Квартом и Большим Мораком, который соединяет Летнее и Нефритовое моря. Гибель валирийского флота и смещение интересов волантийцев к западу избавили Кварт от соперников в борьбе за торговые пути между западом и востоком, обеспечив колоссальные доходы от торговли и сбора путевых пошлин.

В Вольных городах многие верят, будто нашествие кочевых вождей на западные края навсегда

было остановлено под Квохором. Тогда попытка кхала Теммо взять город была отбита благодаря доблести трех тысяч Безупречных — солдат-рабов, устоявших против восемнадцати атак его вопящей орды. Однако вера в то, что стойкость Квохорских Трех Тысяч положила конец мечтам дотракийцев о завоеваниях, порождает самоуспокоенность сродни той, что испытывали Великие цари Сарнора, когда кочевые орды впервые выплеснулись с востока. Мудрый человек должен осознавать, что объединение кхаласаров под властью нового великого кхала и их поход на запад в жажде очередных завоеваний — лишь вопрос времени.

Пытались дотракийцы расширить свои владения и на востоке, но там для них стал неодолимым препятствием Хребет Костей. Его суровые и негостеприимные вершины поднимаются огромной каменной стеной между кочевниками и богатствами Далекого Востока. Существуют лишь три достаточно крупных прохода, способных вместить проходящую армию, и все три перекрыты хорошо укрепленными городами, которые обороняют десятки тысяч стойких воительниц. Эти города — Баясабад, Самириана и Каякаяная — последние остатки великого царства Гиркуна,

некогда процветавшего за Хребтом Костей там, где ныне располагается Великое Песчаное море. Немало кхалов нашли свою смерть здесь, под стенами крепостей, и по сей день остающихся непокоренными.

Утверждают, что крепости Баясабада, Самирианы и Каякаянаи обороняют женщины в силу бытующего там поверья, что лишь тот, кто способен давать жизнь, имеет право ее отнимать. «Правдивый рассказ о похождениях Аддама из Сумеречного Дола» — сомнительный отчет некоего купца о его путешествии на восток Эссоса, не сильно приумножает наши знания об этом и других предметах, интересных ученым людям. К сожалению, автор большую часть рассказа тратит на попытки лишний раз напомнить читателям об обычае воительниц ходить с обнаженной грудью и украшать щеки и соски граненными рубинами и железными кольцами.

Бескрайние травяные просторы, где впервые поднялась и расцвела цивилизация, так и остаются продуваемой всеми ветрами пустошью. Западнее Хребта Костей, от Студеного моря на севере до Пестрых гор и Скахазадхана на юге, ни один человек не осмелится вспахать борозду, посеять зерно или построить дом в страхе перед

беспрестанно кочующими кхаласарами, сражающимися друг с другом и вымогающими дары у любого, кто дерзнет пересечь их земли.

Сами дотракийцы и по сей день — кочевники, свирепый и дикий народ, предпочитающий хижины дворцам. Кхалы без устали водят неисчислимые стада лошадей и коз по просторам своего «моря», сталкиваются и воюют друг с другом, редко где задерживаясь. Время от времени они выбираются за пределы степей ради грабежа и захвата рабов, или, если удается зайти достаточно далеко на запад, вымогают «подарки» у магистров и триархов Вольных городов.

У степных племен есть только одно постоянное селение — «город» Ваэс Дотрак, расположенный под сенью одинокого пика, именуемого Матерью Гор. Рядом с ним находится бездонное озеро, называемое кочевниками Чревом мира. По их поверью, именно здесь зародился дотракийский народ. Ваэс Дотрак — не город в обычном смысле. Здесь нет ни стен, ни улиц, и лишь ряды похищенных богов отмечают поросшие травой дороги среди «дворцов», плетеных из соломы.

Он подобен пустой скорлупе, и правят им женщины — старухи дош кхалин — вдовы скончавшихся кхалов. Дотракийцы почитают Ваэс

Дотрак за священнейший из городов. Кровь не должна проливаться здесь, ибо дотракийцы верят, что это место мира и мощи, где однажды все кхаласары соберутся под стягом великого кхала, который завоюет все на свете, «жеребца, что покроет весь мир».

Впрочем, для нас более всего важно значение Ваэс Дотрака в торговых делах. Сами дотракийцы ничего не продают и не покупают, ибо не считают это мужским занятием, однако в их священном городе с соизволения дош кхалин собираются крупные и мелкие купцы из Вольных городов и из-за Хребта Костей, ведя торговлю и обмен товаров и золота. Караванщики, снабжающие огромные Восточный и Западный рынки Ваэс Дотрака, щедро одаряют кхалов, встречающихся им на пути через Дотракийское Море, получая в обмен их покровительство.

Таким удивительным образом безлюдный «город» кочевников стал воротами между востоком и западом для тех, кто предпочитает путешествовать по суше. Множество людей из самых дальних краев, которые иначе никогда бы не могли встретиться или даже узнать о существовании друг друга, собираются на этом причудливом, но безопасном торжище у подножия Матери Гор.

Студеное море

Студеное море на западе омывает берега Вестероса, на юге — Эссоса, а к северу от него лежат бескрайние застывшие пространства льда и снега, которые моряки называют Белой пустошью. Но какие моря и земли ограничивают его с востока — никому не ведомо.

Пределы безбрежного и негостеприимного ледяного океана точно определить невозможно, ибо ни один человек из Семи Королевств никогда не заплывал восточнее Тысячи островов. Те же, кто отваживался проникнуть дальше на север, встречались только с воем ветров в замерзшем море да с ледяными горами, способными сокрушить даже самый прочный корабль. А за ними, по рассказам моряков, вечно буйствуют метели, и сами утесы кричат наподобие безумцев в ночном бреду.

Как давно убеждены мудрецы, мир наш — круглый. Если это так, то вполне достижимо подняться к вершине мира и затем спуститься с другой стороны к землям и морям, которые и присниться никому не в состоянии. За века многие отважные мореходы пытались отыскать путь

сквозь льды и найти земли, лежащие за морем. Увы, большинство таковых сгинуло, а прочие вернулись обратно на юг — обмороженными и смирившимися. Хотя Белая пустошь и сокращается летом, вновь расширяясь зимой, хотя очертания ее берегов непрестанно меняются, никому из моряков так и не удалось разыскать ни пресловутого северного прохода, ни теплого летнего моря, которое, по предположению мейстера Геристона из Белой Гавани, может скрываться погребенным среди ледяных скал дальнего севера.

Моряки, люди по природе своей доверчивые и суеверные, и столь же привязанные к своим вымыслам, что и певцы, разносят по свету самые разные истории об этих холодных северных водах. Рассказывают о странных огнях, мерцающих в небесах, где демоническая матерь ледяных великанов вечно кружит в ночной пляске, заманивая людей все дальше на север, навстречу погибели. Шепчутся о заливе Людоедов, куда на свою беду заходят корабли, чтобы обнаружить себя навечно запертыми в ловушке, когда море прямо за ними обращается в лед.

По легендам, тысячи кораблей, затертых во льдах залива Людоедов, до сих пор населены детьми и внуками их прежних команд. Они су-

ществуют благодаря тому, что питаются плотью моряков, вновь и вновь попадающих в эту ловушку.

Рассказывают и о голубом тумане, скользящем над водами — столь холодном, что любой оказавшийся на его пути корабль мгновенно промерзает насквозь; о духах утопленников, являющихся ночами, чтобы утянуть живых в серо-зеленые глубины; о бледных русалках с черными чешуйчатыми хвостами, неизмеримо более злобных, чем их южные сестры.

Самые же необычные и легендарные обитатели Студеного моря — несомненно, огромные ледяные драконы. Как утверждают, эти колоссальные чудовища во много раз крупнее драконов Валирии и сотворены из ожившего льда, а глазами им служат голубые самоцветы. И когда такие создания проносятся по небу, сквозь их огромные полупрозрачные крылья можно разглядеть луну и звезды. В отличие от обычных драконов (если, конечно, к дракону применимо слово «обычный»), выдыхающих пламя, ледяные монстры якобы изрыгают холод, столь жуткий, что он может за полмгновения обратить человека в кусок льда.

На протяжении столетий моряки доброй по-

лусотни стран встречали этих исполинских существ, так что за сказками вполне может скрываться некая истина. Архимейстер Маргейт предположил, что многие северные байки — леденящие туманы, замерзшие корабли, залив Людоедов и тому подобные — вполне могут быть искаженными сведениями о появлениях ледяных драконов. Однако столь остроумное замечание, не лишенное некоторого изящества, по-прежнему остается чистой догадкой. Поскольку предполагается, что ледяные драконы тают после своей гибели, то никаких реальных доказательств их существования найдено так и не было.

Но оставим домыслы и вернемся к действительности. Вопреки зловещим легендам, окутавшим полночные просторы, воды Студеного моря полны жизни. Глубины наполняют сотни разновидностей рыб: зубатки, песчанки, скаты, акулы, мерланги, угри и миноги, гольцы, семга, сельдь, макрель и треска. По берегам повсеместно встречаются крабы и омары (некоторые — подлинно чудовищной величины), в то время как на бесчисленных островках, скалах и столбчатых утесах устраивают свои лежбища тюлени, моржи и морские львы, а рядом в море плодятся нарвалы.

И что бы ни твердили о ледяных драконах, истинные повелители северных вод — киты. В Студеном море водится с полдюжины видов этих гигантских созданий, среди них серые киты, белухи, горбачи, охотящиеся стаями косатки (за что их часто называют волками открытого моря). И еще могучие левиафаны — древнейшие и огромнейшие из всех живых существ на земле.

Западная часть Студеного моря — от Скагоса и Серых скал до устья Сарны — обильнейшие рыболовецкие угодья во всем известном мире. Особенно богаты они треской и сельдью. Рыбаки со всех земель от самых Трех Сестер на западе до Мороша на востоке приходят на промысел в эти воды... правда, с оглядкой на Вольный город Браавос, чьи корабли господствуют в морях к северо-западу от Эссоса, надежно охраняемые флотом своего Морского владыки. Совместно с банковским делом и торговлей, рыболовство — один из «трех столпов», на которых воздвигнуто благополучие и процветание Браавоса.

Направляясь к востоку, отважный мореплаватель рано или поздно покинет браавосские воды и достигнет тех, которые держит за собой Вольный город Лорат (хотя и не столь цепкой хваткой). Затем он минует Секиру, где за прошедшие ты-

сячелетия обитало множество разных народов, сгинувших в бессчетных войнах. Дальше к востоку лежат лазурные пучины Горькотравного залива, над которыми многократно схватывались в борьбе за господство флоты Иба и Лората, и где последняя армада Сарнорского царства была потоплена Морским владыкой Браавоса. Иббенийцы зовут эти воды заливом Сражений, тогда как лоратийцы — Кровавым заливом. Но, как бы его ни называли, говорят, что дно в этих местах, знаменитых своими крабами, устилают пятьдесят тысяч утопших моряков и тысяча погибших кораблей.

За Горькотравным заливом находится устье Сарны, могучей реки, чьи притоки орошают большую часть центрального Эссоса. Здесь расположен белостенный Саат, последний (и, как многие утверждают, наименьший) из великих городов павшего Сарнорского царства. Руины Сариса, города-близнеца Саата, столетия назад разрушенного и разграбленного дотракийским кхалом, можно найти на противоположной стороне дельты. Между ними, на одном из протоков великой реки, выросла колония лоратийцев — рыбацкий и шахтерский город Морош.

Тем же, кому достанет отваги двинуться еще

дальше на восток, вскоре откроются берега небольшого мирного царства Омбер, чьи робкие правители и малосильные князья в основном известны данью — зерном, самоцветами и рабынями — которой они ежегодно откупаются от дотракийцев, чтобы избежать разорения. Еще восточнее Омбера наш моряк достигнет Бивневого залива, знаменитого своими моржовыми лежбищами. А дальнейшее плавание заведет бесстрашного морехода в самое сердце Студеного моря, где каждым камнем и каждой волной правят косматые люди с огромного острова Иб.

Иб

Веками моряки множества разных народов, селившихся на берегах и островах Студеного моря, бороздили его стылые сизые воды. Самыми упорными и преуспевшими больше других оказались иббенийцы — древние и немногословные уроженцы Иббенийских островов, рыбачившие в северных морях с самого начала времен.

Жители этих мест заметно выделяются среди прочих людей. Они массивны, широкоплечи, широкогруды, но вот их рост редко превышает пять с половиной футов. Руки у иббенийцев длинные,

а ноги — короткие и толстые. Невысокие и коренастые, они отличаются чудовищной силой, и ни один выходец из Семи Королевств не может надеяться сравниться с ними в их любимом состязании — борьбе.

Скошенные брови на массивных надбровных дугах, глубоко сидящие маленькие глазки, большие квадратные зубы в тяжелых челюстях — лица иббенийцев кажутся вестеросцам дикими и уродливыми. Это впечатление еще больше усиливает их гортанная речь с хрипящими звуками. Тем не менее, уроженцы Иба весьма смышленый народ: умелые ремесленники, искусные охотники и отважные воины. Также стоит отметить, что их можно назвать самым волосатым народом в мире. Хотя кожа у них бледная, с просвечивающими синими венами, их шевелюры темны и жестки. Иббенийские мужчины обладают внушительными бородами; густой волос покрывает их руки и ноги, грудь и спину. Грубые темные волосы обычны и среди их женщин, даже над верхней губой (но устойчивое поверье, будто у иббениек шесть грудей — безусловно, ложно).

История бойцовых ям Миэрина, известная как Багровая книга, написанная неведомым юнкайцем и переведенная спустя столетия мейстером

Элкином, вскользь упоминает о том, что проданные в рабство иббенийки обычно заканчивали свои дни на аренах Миэрина, Юнкая и Астапора, поскольку представлялись южным рабовладельцам слишком уродливыми для постели и чрезмерно строптивыми для работы в поле.

Хотя мужчины Иба и способны породить детей с женщинами Вестероса и прочих земель, но плоды таких союзов зачастую безобразны и, подобно мулам, всегда бесплодны. А иббенийские женщины от мужчин иных народов приносят только уродцев и мертворожденных.

Подобные случаи достаточно редки. Хотя иббенийские корабли обычны в портах по всему Узкому морю (как и на Летних островах, и в Старом Волантисе), их команды предпочитают держаться своих даже на берегу, глядя на любых чужаков с крайним подозрением. На самом Ибе люди из других стран, согласно законам и обычаям, ограничены припортовыми кварталами, и им запрещено покидать пределы Порт-Иббена, кроме как в сопровождении принимающего гостей иббенийца. А такие приглашения чрезвычайно редки.

Иб — второй по величине остров в известном мире; превосходит его только Большой Морак,

лежащий между Нефритовым и Летним морями. Каменистый и гористый Иб — край высоких седых кряжей, дремучих лесов и бурных рек, а его внутренние области — мрачная обитель волков и медведей. Ходят толки, будто некогда Иб населяли и великаны, хотя ныне никого из них не осталось. Однако мамонты еще бродят по холмам и равнинам, а высоко в горах, по некоторым сведениям, можно встретить и единорогов.

Иббенийцы лесов и гор выказывают еще меньше любви к чужакам, чем их прибрежные собратья, и редко говорят на ином наречии, кроме собственного. Лесовики, пастухи и рудокопы, они селятся в пещерах или жилищах из серого камня, глубоко врытых в землю и крытых сланцем или соломой. Города и деревни там редки — во внутренних областях иббенийцы предпочитают жить по отдельности, покидая свои уединенные хутора лишь ради свадеб, похорон и богослужений. Горы Иба обильны золотом, железом и оловом, а леса — древесиной, янтарем и всевозможной пушниной.

В отличие от лесовиков и горцев, их родичи с побережья куда более предприимчивы. Искусные рыбаки, они ходят по всем северным морям в поисках сельди, трески, мерланга и угря, однако

более всего остальной мир их знает как китобоев. Их вместительные промысловые суда обычны во всех портах по Узкому морю и за его пределами. Иббенийские корабли, хоть и не слишком радуют глаз (и нос), однако славятся крепостью постройки, позволяющей выдержать любой шторм и натиск даже самого крупного левиафана. Китовые кость, ворвань и перетопленный жир — основные товары острова, сделавшие Порт-Иббен крупнейшим и богатейшим городом на Студеном море.

Над Ибом и меньшими островами испокон веков господствовал серый и мрачный Порт-Иббен — раскинувшийся на крутых холмах город мощеных переулков и многолюдных верфей и доков, освещенный сотнями жировых ламп, подвешенных над улицами на железных цепях. Порт увенчан развалинами замка Короля-Бога — колоссального сооружения из грубо отесанных каменных глыб, служившего домом сотням иббенийских правителей. Впрочем, последний из них был свергнут вскоре после Рока Валирии, и ныне Иб с малыми островами управляются Теневым советом. Этот совет избирает Тысяча — собрание богатых цеховиков, родовитой знати, жрецов и жриц, ничем не отличающееся от магистратов

Вольных городов.

Дальний Иб, второй по величине из иббенийских островов, расположен к юго-востоку от собственно Иба, более чем в сотне лиг от него. В целом здешний край беден и весьма уныл. Единственный город Иб Сар изначально был основан как место ссылки и отбывания наказания. В старину иббенийцы отправляли туда самых отъявленных преступников, нередко перед тем изувечив их, чтобы лишить возможности вернуться на Иб. Хотя подобный обычай и отошел в прошлое с падением Королей-Богов, Иб Сар сохранил свою дурную славу и поныне.

Иббенийцы не всегда ограничивались только своими островами. Имеются многочисленные свидетельства обитания иббенийцев на Секире; Лоратийских островах; вдоль побережий Бивневого и Горькотравного заливов на западе; Левиафанова залива и Тысячи островов на востоке. Знаем мы из истории и о нескольких попытках иббенийцев захватить устье Сарны, которые привели к кровопролитным столкновениям косматого народа и сарнорских городов-побратимов Саата и Сариса.

До своего падения Короли-Боги Иба преуспели в завоевании и колонизации обширной полосы

северного Эссоса, лежащей прямо к полудню от самого острова — лесистого края, прежде бывшего родиной низкорослого и пугливого лесного народца. Некоторые утверждают, что иббенийцы полностью истребили этих кротких людей, другие полагают, что те смогли укрыться в глухих лесах или бежать в иные страны. Дотракийцы и по сей день называют великую пущу северного побережья Ифекевронским царством — именем, под которым они знали исчезнувших жителей.

Легендарный Морской Змей, Корлис Веларион, лорд Приливов, был первым вестеросцем, посетившим эти леса. Вернувшись с Тысячи островов, он рассказывал о деревьях с вырезанными ликами, гротах, где обитают призраки, и странном безмолвии. Более поздний путешественник, торговец и искатель наживы Брайан из Староместа, капитан когга «Потрясатель Копья», написал отчет о собственных странствиях по Студеному морю. Он сообщает, что дотракийское имя исчезнувшего народа переводится как «бродящие по лесам». Никто из встреченных Брайаном иббенийцев не мог сказать, что когда-либо встречал лесного ходока, но считается, что маленький народец благоволит к жилью тех, кто оставляет им на ночь подношения из листьев, воды и камней.

Во времена своего расцвета иббенийские владения в Эссосе не уступали самому Ибу по величине и далеко превосходили его по богатству. Все больше и больше островитян пересекало море в поисках удачи, вырубая леса, поднимая пашню, запруживая реки и строя шахты. Столицей этих владений был Иббиш, рыбацкая деревенька, разросшаяся в преуспевающий порт и второй по значению иббенийский город, с глубоководной гаванью и высокими белыми стенами.

Две сотни лет назад все закончилось — появились дотракийцы. До той поры кочевники сторонились прибрежных северных лесов. Одни говорят, что из почтения перед исчезнувшим лесным народом, другие — что из страха перед их могуществом. Как бы то ни было, косматого народа дотракийцы страшиться не стали. Кхал за кхалом совершали набеги на иббенийские владения, предавая заставы, села и поля огню и мечу, убивая мужчин и угоняя в неволю женщин.

Иббенийцы (а их знают как людей скаредных и даже алчных) отказались платить дань, которой домогались кхалы, и предпочли войну. Хотя уроженцы Иба и смогли одержать несколько значимых побед, таких как знаменитое истребление кхаласара свирепого Онко в эпическом сраже-

нии, дотракийцы продолжали вторгаться во все большем числе. Каждый новый кхал мечтал затмить своими завоеваниями предшественников. Кхаласары теснили иббенийцев все дальше и дальше, пока, наконец, не сокрушили сам Иббиш. Первый кхал, взломавший Врата Китовой Кости, носил имя Скоро. Взяв город, он выбрал все ценности в храмах и сокровищницах, а городских богов увез в Ваэс Дотрак. Иббенийцы отстроились заново, однако поколение спустя Иббиш был снова опустошен кхалом Рого, который сжег половину города и увел в рабство десять тысяч женщин.

Сегодня лишь руины остались там, где некогда стоял Иббиш. Это место дотракийцы называют Ваэс Аресак, или Город Боязливых — когда кхал Дхако, внук Онко, привел свой кхаласар, чтобы вновь разграбить город, его еще остававшиеся жители погрузились на корабли и бежали обратно на Иб. Рассвирепевший Дхако предал огню не только брошенный город, но и всю окрестную местность, из-за чего стал известен как Дракон Севера.

Террио Эрастес (знаменитый путешественник из Браавоса, оставивший записи о своем пребывании среди дотракийцев), будучи гостем кхала Дхако, оказался свидетелем падения Иббиша.

Его книга «Пламя над травой» отмечает, что Дхако был весьма горд своим прозвищем Дракона Севера, но, в конце концов, пожалел о том — когда его кхаласар был разбит в сражении с кхалом Теммо. Молодой победитель, пленив старого кхала, скормил его огню — отрубив ему гениталии, руки и ноги, зажарил их на глазах Дхако, предварительно таким же образом расправившись с его женами и сыновьями.

Иббенийцы удерживают скромную территорию на Эссосе и по сей день — маленький полуостров, окруженный морем и защищенный бревенчатой стеной, почти столь же длинной, как и ледяная Стена Ночного Дозора[105], хотя и втрое ниже. Это внушительное сооружение из дерева и земли, ощетинившееся башнями и прикрытое глубоким рвом. Под защитой укреплений иббенийцы выстроили городок Новый Иббиш, столицу своих порядком урезанных владений. Моряки, однако, утверждают, что новое поселение — тоскливое и жалкое место, куда больше напоминающее Иб Сар, нежели тот процветающий город, что кочевники обратили в руины.

Восточнее Иба

За иббенийским побережьем и лесами Ифекевронья поднимаются из травянистых равнин предгорья Хребта Костей. А чуть восточнее к берегу подходят и сами горы. Даже отойдя в Студеное море на мили, все еще можно видеть раскалывающие само небо ледяные короны их иззубренных вершин. Кразаадж Заска — Белые горы, так называют дотракийцы северные отроги хребта.

За ними лежит иной мир, в нем побывали лишь очень немногие вестеросцы. Те же, кому удалось достичь этих далей, как Ломасу Путешественнику, попали туда либо по суше, через горные проходы, либо по теплым южным водам через Нефритовые Врата.

Хотя восточные части Студеного моря столь же изобильны, как и западные, лишь немногие приходят сюда на промысел, кроме самих иббенийцев. Земли на восток от Хребта Костей принадлежат кочевникам джогос-нхаям — диким конным воинам, не знающим кораблей и не питающих интереса к морю. В залив Левиафанов, где эти исполинские морские чудовища собираются, чтобы дать жизнь потомству, постоянно

ходят за добычей китобои из Порт-Иббена. А иббенийские рыбаки рассказывают об огромных косяках трески в открытом море, лежбищах моржей и тюленей на скалистых северных островах и кишащих повсюду крабах-пауках и императорских крабах. Но в остальном эти моря пустынны.

Еще восточнее лежат так называемые Тысяча островов (картографы с Иба уверяют, что на самом деле их менее трехсот) — окруженная морем россыпь обветренных скал. Рассказывают, что это последние остатки затонувшего царства, чьи города и замки скрылись под водами наступающего моря тысячелетия назад. Только самые отважные моряки (либо доведенные до отчаянья) высаживаются на здешние берега, ибо местные жители — народ хоть и немногочисленный, но странный и враждебный к чужакам. У них зеленоватая кожа, они безволосы и заостряют своим женщинам зубы, а мужчинам обрезают крайнюю плоть. Они не говорят ни на одном известном языке и, по слухам, приносят моряков в жертву своим чешуйчатым рыбоголовым богам, чьи изваяния стоят на каменистых берегах, видимые лишь в час отлива. Хотя со всех сторон каждого кусочка их земли — только вода, островитяне панически боятся моря. Они и под угрозой смерти

не осмелятся замочить ноги.

Даже Корлис Веларион не отважился плыть от Тысячи островов дальше на восток. Именно здесь Морской Змей повернул назад во время своего великого северного путешествия. По правде говоря, у него и не было никаких причин продолжать путь, кроме стремления узнать, что же его ждет за горизонтом. Как рассказывают, рыба, выловленная в этих восточных морях — и та необычайно уродлива, с неприятным горьким привкусом.

Единственный заслуживающий упоминания порт на Студеном море к востоку от Хребта Костей — Нефер, столица царства Н'гай. Окруженный высокими меловыми утесами и вечно скрытый в тумане, Нефер со стороны гавани выглядит всего лишь маленьким городком. Но ходят слухи, будто девять десятых его находится под землей (из-за чего путешественники именуют Нефер Сокрытым городом). И, как бы это место ни называли, оно стяжало зловещую славу логова истязателей и некромантов.

За Н'гаем лежат моссовейские леса — холодная мрачная страна оборотней и демонических охотников. А дальше Моссовии...

Ни один человек в Вестеросе не может точно сказать. Некоторые септоны утверждают, что

мир восточнее Моссовии заканчивается, переходя в царство вечных туманов, далее — в царство вечной тьмы, и наконец — в царство вечных бурь, где море и небо сливаются воедино. Моряки, певцы и прочие мечтатели предпочитают верить, что Студеное море простирается все дальше и дальше в бесконечность. Мимо восточного края Эссоса, мимо островов и континентов неизвестных, неописанных и невообразимых, где чужие люди под чужими звездами возносят молитвы чужим богам. Более умудренные книжники предполагают, что где-то там, за знакомыми нам морями, восток превращается в запад, и Студеное море наверняка соединяется с Закатным, если мир действительно круглый.

Может быть, это и так. Может, нет. Пока не появится новый Морской Змей, готовый плыть навстречу восходу, никто не в силах сказать наверняка.

Хребет Костей и земли за ним

Если двигаться от Ваэс Дотрака и Матери Гор к востоку, то вскоре степи уступят место холмам и лесам, а земля под ногами путников будет все жестче, все каменистее... и чем дальше — тем ближе к небу. Холмы обретут скалистость и крутизну, а вскоре на горизонте поднимутся горы, и по восточному небосклону поплывут их величественные пики. Сизые иззубренные гиганты столь огромны и устрашающи, что даже Ломас Путешественник, этот отважный странник (конечно, если его истории правдивы), дрогнул при взгляде на них и счел, что он, наконец, достиг края света.

Предкам дотракийцев и других степных кочевников об этих горах было известно больше, чем нам, поскольку часть их помнила о своем переходе через хребет. Племена вышли из дальних стран, лежащих за горами, но причины их переселения неведомы. Надеялись ли они на богатства и лучшие пастбища? Может быть, желали завоеваний? Или же бежали от жутких врагов? Сказания коневодов противоречат друг другу, так

что, возможно, истины мы так и не узнаем. Тем не менее, мы можем быть уверены, что племена перенесли немалые тяготы, ибо пройденный ими путь отмечен костями павших. Среди безжалостных вершин отыщутся чьи угодно кости: людей и великанов, верблюдов и лошадей, волов и любого рода зверей, птиц и чудовищ.

Именно из-за них получил свое имя Хребет Костей — высочайшая горная цепь во всех знакомых нам землях между Закатным морем и Асшаем-у-Тени. Эта настоящая стена из острых скал и перекрученного камня простерлась более чем на пятьсот лиг с севера на юг, от Студеного моря до Нефритового, и на сотню — с востока на запад.

Северные отроги Хребта Костей укутывают глубокие снега, в то время как на юге частые песчаные бури шлифуют горы и долины, обтесывая их в причудливые формы. Между севером и югом, на протяжении многих лиг бурные реки грохочут в бездонных каньонах, а небольшие пещеры уводят в огромные гроты и к утопающим во тьме морям. И хотя тем, кто с ними незнаком, горы могут казаться враждебными, они многие века служат родным домом и для людей, и для более диковинных созданий. Даже заснеженные

северные пики (известные как Белые Горы, или Кразаадж Заска на языке дотракийцев), где зимой и летом завывают ледяные ветра со Студеного моря, были некогда обителью каменных великанов — джогвинов, тяжеловесных существ, по слухам, вдвое превышавших по размеру великанов Вестероса. Увы, последние из джогвинов исчезли тысячелетие назад, и лишь их огромные кости отмечают места, где они некогда бродили.

От Кварта до Квохора ходит поговорка умудренных людей: «В горы ведет тысяча дорог, из гор — только три». Каким бы неприступным ни выглядел Хребет Костей издали, он изобилует сотнями пеших и козьих троп, звериных путей, речных русел и склонов, по которым путешественники, купцы и искатели удачи могут попасть в самое сердце гор. В отдельных местах сведущие путники найдут высеченные в древности ступени или же скрытые туннели и переходы. Однако многие из таких путей опасны, другие же ведут в тупик или становятся ловушками для неосторожных.

Небольшие отряды, хорошо вооруженные и снабженные провизией, способны отыскать бесчисленное множество путей сквозь горы, если ведомы опытным проводником. Но войскам, тор-

говым караванам и одиноким странникам куда предпочтительнее держаться основных дорог — трех проходов, соединяющих восток и запад. Это Стальной, Каменный и Песчаный тракты.

Стальной тракт (получивший название от всех тех битв, которым стал свидетелем) и Каменный — оба начинаются в Ваэс Дотрак. Первый из них идет почти точно на восток, вдоль подножий высочайших пиков, в то время как второй изгибается в юго-восточном направлении, чтобы слиться со старым Шелковым путем у руин Йинишара (называемого дотракийцами Ваэс Джини) перед началом подъема. Далеко на полдень от них Песчаный тракт пересекает южную часть Хребта Костей (по причине скудости вод называемую иногда Сухим хребтом) и окружающие пустыни, соединяя великий портовый город Кварт с торговым Тицюи — воротами востока.

Даже на этих проторенных дорогах путь через Хребет Костей остается изнурительным и опасным... а также требующим немалой платы, ибо на дальней стороне гор возвышаются три могучих крепости — последние остатки некогда великой Вотчины Гиркуна. Баясабад, или Город Змей, стережет восточную оконечность Песчаного тракта, собирая дань со всех желающих здесь пройти.

Каменный тракт, с его глубокими ущельями и бесконечными подъемами и спусками, проходит у стен Самирианы — города, вырубленного в серых утесах гор, которые он оберегает. На севере укутанные в меха воины сопровождают караваны по Стальному тракту через качающиеся мосты и подземные тоннели в Каякаянаю, стены которой созданы из черного базальта, чугуна и желтой кости.

Из множества источников нам известно, что воины Каякаянаи, Самирианы и Баясабада — исключительно женщины. Они дочери Великих Отцов — правителей этих городов, где девочки учатся ездить верхом и лазать раньше, чем ходить, и с раннего детства овладевают искусством обращения с луком, копьем, ножом и пращой. Сам Ломас Путешественник утверждал, что более свирепых воинов нет на всем свете. Что до их братьев, сыновей великих отцов, то девяносто девять из каждых ста по достижении зрелости оскопляют и обрекают на жизнь евнухов, служащих своей родине писцами, жрецами, книжниками, слугами, поварами, крестьянами и ремесленниками. Лишь самым многообещающим юношам, самым рослым, сильным и пригожим дозволяется возмужать и продолжить род, в

свою очередь став Великими Отцами. Причины, породившие столь странные обычаи, обсуждаются в работе мейстера Нейлина «Рубины и железо» (названной так в честь склонности воительниц носить железные кольца в сосках и рубины в щеках).

Троица укрепленных городов изначально служила лишь передовыми заставами и гарнизонами, возведенными патриархами Гиркуна для охраны западных границ своих владений от разбойников и дикарей, обитавших в горах и за ними. Но с течением столетий крепости выросли в города, в то время как сам Гиркун обратился в прах. Реки и озера этой страны пересохли, а ранее плодородные земли стали пустыней. Ныне сердцем Гиркуна является Великое Песчаное море — заполоненная беспокойными дюнами обширная пустошь, где солнце опаляет лишь развалины крепостей и селений да русла иссохших рек. По слухам, вся вода оттуда выкипела — столь яростен жар в глубинных южных частях этого «моря».

За Великим Песчаным морем путника ждет совсем иной мир: Далекий Восток, обширная земля равнин, холмов и речных долин, которые видятся бесконечными. Чуждые боги повелевают

здесь чуждыми народами, и с незапамятных дней в этих краях возникали, процветали и рушились многие величественные города и горделивые царства. О большинстве из них мало что знают на западе, даже их названия давно позабыты. Цитадели известны лишь общие контуры истории Далекого Востока, но и в таких сведениях, дошедших к нам через многие лиги гор и пустынь, имеется множество недомолвок, пробелов и расхождений. И попросту невозможно разобраться, какая часть рассказов является правдой, а какая — плодом воспаленного воображения певцов, сказителей и нянек.

Однако же старейшая и величайшая из восточных цивилизаций устояла до сегодняшнего дня: Древняя, Блистательная, Золотая империя И-Ти.

И-Ти

И-Ти, слывущая сказочной землей даже в Семи Королевствах, велика и разнообразна — там есть и открытые всем ветрам равнины, и пологие холмы, и джунгли, и влажные леса, и бурные реки с глубокими озерами, и даже усыхающие внутренние моря. Здешние легендарные богатства таковы, что позволяют правителям жить

в домах из чистого золота и наслаждаться лакомствами, осыпанными пудрой из жемчуга и нефрита. Ломас Путешественник, восхищенный чудесами И-Ти, назвал ее «страной тысячи богов и сотни князей под властью одного божественного императора».

Те, кто посещал И-Ти в наши дни, подтверждают, что там по-прежнему тысяча богов и сотня князей. Но вот божественных императоров целых три, и каждый из них притязает на право облачаться в златотканые одежды с зеленым жемчугом и нефритом, которые традиция дозволяет только императору. Ни один из троицы не обладает настоящей властью. В городе Инь почитать лазурного императора могут миллионы, простираясь ниц при его появлении, но указы владыки ничего не стоят уже за пределами городских укреплений. Сотня упомянутых Ломасом Путешественником князей правит своими землями, как им заблагорассудится, а вне их владений безраздельно хозяйничают разбойники, первосвященники, колдуны, сборщики податей, имперские военачальники и просто вожаки банд.

Так было не всегда, насколько мы знаем. В стародавние времена божественные императоры

И-Ти своим могуществом не уступали никаким другим земным правителям, богатством превосходили даже Валирию эпохи расцвета, а их войско достигало почти невообразимой величины.

Изначально, как утверждают писцы-священнослужители Иня, все земли между Хребтом Костей и мерзлой пустыней, именуемой Серой пустошью, от Студеного моря до Нефритового (включая даже великий священный остров Лэнг) составляли единое государство. Его правитель — Земное Божество, единственный сын Льва Ночи и Девы-из-Света — странствовал по своим владениям в паланкине, вырезанном из цельной жемчужины, на плечах ста своих жен-цариц. Десять тысяч лет Великая империя Восхода процветала в мире и достатке под его рукой, пока он, в конце концов, не взошел к звездам, чтобы воссоединиться с предками.

Владычество над людьми перешло к его старшему сыну, известному как Жемчужный император, и так продолжалось тысячу лет. Затем один за другим последовали императоры Нефритовый, Турмалиновый, Ониксовый, Топазовый и Опаловый, и каждый из них также правил целые века... но раз за разом годы их власти становились все

короче и беспокойнее предшествующих. Дикари и жуткие звери наседали на границы Великой империи, мелкие царьки становились все заносчивее и непокорнее, а простой народ предавался алчности, зависти, похоти, лени, обжорству, кровосмешению и смертоубийствам.

Когда дочь Опалового императора унаследовала отцовский трон под именем Аметистовой императрицы, ее сверг и убил завистливый младший брат, объявивший себя императором Кровавой Яшмы. Его правление вселяло страх, он предавался темным искусствам, увлекался пытками и некромантией, обращал подданных в рабство и, взяв в супруги женщину-тигра, ел человечину и отверг истинных богов ради поклонения черному камню, упавшему с неба. (Многие ученые мужи полагают императора Кровавой Яшмы первым верховным жрецом зловещего Культа Звездной Премудрости, который и до наших дней сохраняется во многих портовых городах известного мира.)

В хрониках Далекого Востока эту узурпацию, положившую начало эпохе тьмы (той самой Долгой Ночи), принято называть Предательством Крови. В отчаянии от всего того зла, что творилось на земле, Дева-из-Света отвернулась от мира,

и Лев Ночи явился во всем своем гневе, чтобы покарать людскую мерзость.

Сколько длилась тьма, не может сказать ни один человек, но все сходятся на том, что явился великий воин, которого знают под разными именами: Гиркун Герой, Азор Ахай, Инь Тар, Неферион или Элдрик Гонитель Тени. Он вдохнул отвагу в сердца людей и с огненным мечом Светозарным повел доблестных на битву, в которой тьма была повержена, а свет и любовь снова вернулись в мир.

Все же Великая империя Восхода так и не возродилась, а восстановленный мир остался разобщен. Каждое людское племя жило само по себе в страхе перед остальными, поэтому война, насилие и убийства не искоренены и по сей день. Во всяком случае, в это верят люди Далекого Востока.

В Цитадели Староместа, как и в иных средоточиях учености на Западе, мейстеры считают эти предания о Великой империи и ее падении легендами, а не исторической правдой. Тем не менее, они не сомневаются в древности итийской державы и допускают, что она могла быть современницей государства Цариц-Рыбачек у Серебряного моря. В самом И-Ти жрецы настаи-

вают, что первые человеческие города и селения возникли на берегах Нефритового моря, отвергая схожие притязания Сарнора и Гиса как варварскую и ребяческую похвальбу.

Где бы ни скрывалась истина, И-Ти, без сомнений, является одним из тех мест, где люди впервые поднялись из тьмы дикости к цивилизации. И к грамотности — уже многие тысячелетия на востоке образованные люди знакомы с письменностью. Их самые древние записи окружены почтением, даже поклонением, и ревностно оберегаются местными книжниками. Те немногие сведения, которыми мы располагаем, собраны по крупицам из рассказов путешественников и разрозненных текстов, вывезенных из И-Ти и долгими морскими путями добиравшихся до Цитадели.

Здесь не место для изложения всей истории И-Ти, включающей в себя сотни царствований и мириады войн, завоеваний и мятежей. Достаточно будет сказать, что Золотая империя познала и дни процветания, и дни падения; что, подобно луне, за столетия она и прибывала, и убывала, и прибывала вновь; что ее терзали наводнения и засухи, песчаные бури и ужасающие землетрясения, когда земля поглощала целые города; что

страницы ее истории наполняют тысячи героев, подлецов, наложниц, чародеев и ученых мужей.

С тех пор, как Далекий Восток оправился от Долгой Ночи и последовавших за ней веков смуты, в землях, которые мы теперь называем И-Ти, сменилось одиннадцать династий. Некоторые не протянули и полусотню лет, а самая долговечная правила семь столетий. Одни династии сменяли предшествующие мирно, другие — железом и кровью. Четырежды падение династий сопровождалось временами раздоров и беззакония, когда вожди и царьки сражались друг с другом за власть. Самое долгое из междуцарствий затянулось более чем на столетие.

БОЖЕСТВЕННЫЕ ИМПЕРАТОРЫ И-ТИ

Только чтобы коротко осветить даже важнейшие события долгой истории этой страны, нам потребуется больше слов, чем мы можем позволить себе написать. Но было бы непростительно не упомянуть хотя бы наиболее легендарных из божественных императоров И-Ти.

ХАР ЛОЙ, первый из серых императоров. Говорили, что троном ему служило седло, ибо все свое царствование он провел на войне, в пути от одного сражения к другому.

ЧОК ЧОК, горбун, пятнадцатый и последний из

индиговых императоров, обладатель сотни жен и тысячи наложниц, ставший отцом бессчетного количества дочерей, но так и не породивший ни единого сына.

МЕНГО ЦЮЭНЬ, Сверкающее Божество, третий из нефритово-зеленых императоров, в чьем дворце колонны, стены и полы были покрыты листовым золотом, а все предметы, вплоть до ночных горшков, сделаны из того же драгоценного металла чистой пробы.

ЛО ТХО, известный как Ло Длинная Ложка и Ло Ужасный, двадцать второй алый император, пользовавшийся славой колдуна и каннибала. По слухам, своим врагам он вскрывал черепа, после чего заживо поедал мозг ложкой с длинным жемчужным черенком.

ЛО ДОК, прозываемый Ло Скудоумным, тридцать четвертый алый император, казавшийся дурачком. Его терзала болезнь, заставлявшая дергаться и пошатываться при ходьбе, а при попытках заговорить — пускать слюну. Несмотря на это, он мудро правил империей более тридцати лет (хотя кое-кто и предполагает, что истинной правительницей была его супруга, грозная императрица Батхи Ма Ло).

ДЕВЯТЬ ЕВНУХОВ, жемчужно-белые импера-

ры, подарившие И-Ти сто тридцать лет мира и процветания. В молодости принцы жили обычной жизнью, брали себе жен и наложниц, становились отцами детям. Однако по восшествии на трон каждый из них отказывался от своего мужского естества и основы, чтобы без остатка посвятить себя империи.

ЦЗЯР ХАР и его сыновья ЦЗЯР ЦЗОК и ЦЗЯР ХАНЬ — шестой, седьмой и восьмой бирюзовые императоры. Под их правлением империя достигла вершины своего могущества. Цзяр Хар покорил Лэнг; Цзяр Цзок занял Большой Морак; Цзяр Хань обложил данью Кварт, Старый Гис, Асшай и иные дальние земли, а с Валирией завел торговые отношения.

ЧАЙ ДУК, четвертый желтый император, взявший в жены валирийку благородных кровей и державший при дворе дракона.

Несмотря на то, что И-Ти — обширная страна, и большая ее часть покрыта густыми лесами и душными джунглями, путешествия из одного конца империи в другой скоры и безопасны. Выстроенная в древности императорами-евнухами протяженная сеть мощеных дорог не имеет себе равных в мире, исключая драконьи тракты Валирии.

Города И-Ти также известны далеко за ее пределами, и ни одна другая страна не может похвастаться таким их числом. И если можно доверять Ломасу Путешественнику, то ни единый из городов запада не сравнится с ними ни по величине, ни по великолепию. По словам Ломаса, «даже их развалины затмевают любые наши»... а развалины в И-Ти на каждом шагу. Коллокво Вотар в своем «Нефритовом Компендиуме» — наилучшем из всех доступных в Вестеросе источников о землях вокруг Нефритового моря — писал, что под каждым итийским городом погребено в земле три предшествующих.

За века столица Золотой империи пару десятков раз переносилась то туда, то сюда, порой возвращалась на прежнее место — по мере того как восставали мятежные полководцы и сменялись династии. Серые, индиговые и жемчужно-белые императоры правили из Иня, расположенного на берегах Нефритового моря — древнейшего и славнейшего из итийских городов. Однако алые императоры воздвигли новый город в глубине джунглей и нарекли его Си-Цо Величественный (давно брошенный и заросший, ныне он велик разве что в легендах). Пурпурные императоры предпочли многобашенный Тицюи в западных

холмах, а бордовые императоры держали свою военную ставку в Цзиньци, чтобы надежнее оберегать границы империи от набегов из Края Тени.

В наши дни столицей И-Ти является город Инь — в очередной раз. Здесь семнадцатый лазурный император Бу Гай величаво царит во дворце, большем, чем вся Королевская Гавань. А дальше на восток, сразу за рубежами собственно Золотой империи, за легендарными Рассветными горами лежит на берегах Сокрытого моря город Каркоса. Там обитает в изгнании правитель-колдун, претендующий на имя шестьдесят девятого желтого императора из династии, павшей тысячи лет назад. Совсем недавно еще и полководец Пол Цо, Крушитель джогос-нхаев, присвоил себе императорское достоинство, объявив себя первым оранжевым императором, а беспорядочный и грубый военный лагерь, именуемый Торговым городом — своей столицей. Какой из этих трех императоров возобладает в итоге — этот вопрос лучше оставить историкам грядущих веков.

Никакое описание И-Ти не будет полным без упоминания Пяти Твердынь — цепи колоссальных древних крепостей, стоящих вдоль дальних северо-восточных рубежей Золотой империи

от Рассветных гор до Кровяного моря (название которого происходит от оттенка его вод, предположительно обусловленного неким встречающимся только там растением). Пять Твердынь исключительно стары — древней самого государства И-Ти. Кое-кто утверждает, что их воздвиг Жемчужный император еще на заре Великой империи, чтобы уберечь земли людей от Льва Ночи и его демонов... и верно, что-то божественное (или демоническое) ощущается и в чудовищной величине крепостей, способных вместить по десять тысяч воинов, и в их массивных стенах, вздымающихся почти на тысячу футов.

На Западе отдельные ученые мужи предполагают валирийское участие в строительстве Пяти Твердынь, поскольку их исполинские стены представляют собой одиночные плиты литого черного камня, а это напоминает о некоторых валирийских цитаделях на западе Эссоса. Однако вероятность такого участия невелика, ибо Твердыни существовали еще до возвышения Валирии, и нет упоминаний о том, что драконьи повелители когда-либо забирались так далеко на восток.

Так или иначе, но Пять Твердынь остаются загадкой. Они и по сей день стоят, не потревоженные временем, оберегая рубежи Золотой империи

от набегов из Серой пустоши.

О землях, лежащих за Твердынями, мы знаем и того меньше — из тех далеких мест до нас доходили лишь легенды, выдумки да путевые байки. Рассказывают о городах, где люди парят на кожистых крыльях подобно орлам; о селениях, выстроенных из костей; о бескровном народе, живущем между горами и глубокой расселиной, именуемой Иссохшей Бездной. Доходят слухи о Серой пустоши и ее Людоедских песках, где обитают шрайки, покрытые зеленой чешуей — человекоподобные существа, чьи укусы ядовиты. Действительно ли это полулюди-полуящеры, или (что вероятнее) люди, одетые в шкуры ящеров? Или это вообще не более чем сказки — грамкины и снарки восточных пустынь? Однако якобы даже шрайки страшатся К'Дата в Серой пустоши, который, по слухам, древнее самого времени, где для утоления безумных богов совершаются неописуемые ритуалы. Но существует ли этот город в действительности? И если да, то какова его природа?

На подобные вопросы не ответит даже сам Ломас Путешественник. Возможно, что-то ведомо жрецам И-Ти, но если и так, то они не склонны делиться с нами этим знанием.

Джогос-нхайские равнины

На полночь от И-Ти, от границ Золотой империи вплоть до пустынных берегов Студеного моря, тянутся открытые всем ветрам равнины и пологие холмы, где господствует народ конных воинов, называемых джогос-нхаями. Этот народ — кочевники, как и дотракийцы западных степей. Обитают они в шатрах и юртах, но, по сути, всю жизнь проводят в седле. Гордые, непоседливые и воинственные, они выше всего ценят собственную свободу и не способны долго оставаться на одном и том же месте.

Однако во многом всадники Далекого Востока весьма отличны от западных повелителей табунов. Как правило, они на голову ниже последних и не так привлекательны на вестеросский взгляд. Джогос-нхаи коренасты, кривоноги, смуглы (с желтоватым оттенком кожи). У них большие головы с маленькими лицами, причем их черепа, как у мужчин, так и у женщин — заостренные (следствие обычая бинтовать головы младенцам в первые два года жизни). Если у дотракийцев предметом гордости служит длина их косы, то джогос-нхаи сбривают волосы, исключая пучок

волос на темени. А их женщины ходят совершенно безволосыми, и, по рассказам, выбривают не только головы, но и интимные части тела.

Верховые животные джогос-нхаев не столь крупны, как горячие дотракийские кони, поскольку восточнее Хребта Костей равнины суше и скуднее Дотракийского Моря, травы там не так густы и дают недостаточно корма лошадям. Поэтому на востоке предпочитают «зорсов» — крепких животных, выведенных скрещиванием лошадей с некими странными конеподобными зверями с юга И-Ти и острова Лэнг. Зорсы джогос-нхаев — норовистые создания с черно-белой полосатой шкурой, славящиеся своей выносливостью. По слухам, зорсы могут долгие луны жить, питаясь лишь сорняками и демон-травой, и способны преодолевать огромные расстояния без воды и корма.

В отличие от дотракийцев, у которых кхалы водят по степям огромные кхаласары, джогос-нхаи предпочитают кочевать небольшими общинами, тесно связанными кровным родством. Каждая из них возглавляется джатом, то есть военным вождем, и лунной певчей, сочетающей роли жрицы, целительницы и судьи. Джат повелевает на войне или в набеге, в то время как в остальном

главной является певчая.

Обыкновенно джатами у джогос-нхаев являются мужчины, а лунными певчими — женщины. Однако известны случаи, когда джатами становились женщины, а певчими — мужчины. Хотя чужеземцы и не всегда это замечают, поскольку от девочки, избравшей путь воина, ожидают, что она будет одеваться и вести себя как мужчина, а от мальчика, желающего быть лунным певчим — наоборот.

Дотракийские кхалы пребывают в бесконечной войне друг с другом — повсюду, кроме священных пределов Ваэс Дотрака. Джогос-нхаям же их боги запрещают проливать кровь соплеменников (юноши совершают набеги на соседей, похищая у тех собак, коз и зорсов, в то время как их сестры стремятся добыть себе мужей, однако это всего лишь ритуал, разрешенный богами равнин и не сопровождаемый кровопролитием).

Для чужаков же они предстают в совсем ином свете, поскольку живут в беспрестанной войне со всеми соседними народами. Их нападения на Н'гай, древнюю страну к северо-востоку от их владений, привели к умалению этого некогда горделивого царства до единственного города Нефера с окрестностями. Кроме того, согласно

легендам, именно джогос-нхаи, ведомые джаттаром — джатом джатов и военачальником всего народа — Гараком Косоглазым, истребили последних каменных великанов-джогвинов в битве на Воющих холмах.

До Великой Засухи и возникновения Великого Песчаного моря джогос-нхаи много раз вели кровопролитные войны на границах Вотчины Гиркуна. Они отравляли реки и колодцы, сжигали города и селения и тысячами угоняли жителей в неволю на свои равнины. В ответ гиркунцы десятками тысяч приносили пленных врагов в жертву своим темным и прожорливым богам. Глубокая и жестокая ненависть кочевников и воительниц Хребта Костей друг к другу продолжается по сей день, и на протяжении столетий дюжина джаттаров водила свои армии вверх по Стальному тракту. И хотя все они разбились о стены Каякаянаи, лунные певчие до сих пор воспевают приход того великого дня, когда джогос-нхаи станут сильнее всех и хлынут через горы на плодородные земли за Хребтом.

Даже могучая Золотая империя не в силах оградить свои земли от набегов джогос-нхаев, что на своем горьком опыте усвоили многие итийские принцы и владыки. Для кочевников набеги и

вторжения в империю стали образом жизни. Там они берут себе невольников, чтобы было кому прислуживать им и пасти их стада, там же лежит источник золота и самоцветов, украшающих руки и шеи джатов и певчих. За последние два тысячелетия всадники на зорсах с северных равнин обратили в пепелища дюжину итийских городов, сотни поселков и бессчетное множество селений с полями и пастбищами.

В те же века многие имперские полководцы и три божественных императора, желая покорить кочевников, выступали на равнины с армиями. Но, как свидетельствует история, эти попытки редко заканчивались удачей. Нападающие могли перебить стада, сжечь шатры и юрты, собрать дань золотом, товарами и рабами с тех племен, которые им случайно удавалось встретить. Могли даже вынудить горстку джатов поклясться в вечной преданности божественному императору и отречься от набегов... но большинство джогос-нхаев уходили от имперских полчищ, избегая сражений. Рано или поздно полководцы и императоры теряли терпение и поворачивали назад, после чего жизнь возвращалась в обычную колею.

Как раз вышеописанным образом завершились

три джогос-нхайских вторжения на равнины И-Ти, которые пришлись на период долгого правления сорок второго алого императора Ло Ханя. Причем близ конца своих дней властелин И-Ти видел, что захватчики уже гораздо более алчны и дерзки, нежели в те времена, когда Ло Хань впервые принимал символы власти. И после того, как император скончался, его доблестный юный сын Ло Бу решил покончить с кочевниками раз и навсегда. Собрав огромное войско (по слухам, в триста тысяч воинов), отважный юноша пересек границу, желая лишь истребления врагов. Его не могли переубедить ни дань, ни заложники, ни клятвы верности и предложения мира. Бесчисленная армия шла по степям, будто коса — сметая на своем пути все живое и оставляя за собой лишь горящую пустошь.

Когда степняки поступили по привычному для себя обычаю, исчезнув при одном его приближении, Ло Бу разделил свою колоссальную армию на тринадцать меньших отрядов и послал их по всем направлениям — преследовать кочевников всюду, куда бы те ни пошли. Согласно записям хроник, от их рук сгинул миллион джогос-нхаев.

В конце концов, столкнувшись с угрозой полного уничтожения своего народа, кочевники

совершили никогда ранее не слыханное. Сотни соперничающих кланов объединились и избрали джаттаром женщину в мужских доспехах по имени Жия, известную также как Жия Бесплодная, Жия Зорсоликая и Жия Безжалостная, и уже тогда знаменитую своей хитростью. Ее до сих пор помнят в И-Ти, где матери пугают этим именем непослушных детей.

Ло Бу не было равных в смелости, доблести и искусстве владения оружием, но по части хитроумия он не шел ни в какое сравнение с Жией. Война между юным императором и умудренной джаттар не продлилась и двух лет. Жия по очереди отрезала каждый из тринадцати его отрядов, истребляла их разведчиков и фуражиров, морила голодом и лишала воды, заводила в пустыни и засады — уничтожая всех поочередно. В конце концов, однажды ночью ее всадники обрушились на армию самого Ло Бу, учинив бойню столь жуткую, что каждый ручей на двадцать лиг вокруг наполнился кровью.

Среди убитых был и сам Ло Бу, сорок третий и последний из алых императоров. Когда его отсеченную голову принесли Жие, она распорядилась удалить плоть с костей и, оправив череп в золото, изготовить для нее кубок. С того времени и по

сей день каждый джаттар джогос-нхаев пил кумыс из позолоченного черепа Чересчур Храброго Мальца, каким остался в их памяти Ло Бу.

Лэнг

На полдень от Иня, омываемый теплыми зеленоватыми водами Нефритового моря, лежит изумрудный остров Лэнг — обитель «десяти тысяч тигров и десяти миллионов обезьянок», как однажды назвал его Ломас Путешественник. Крупные обезьяны острова также широко известны, среди них выделяются два вида: пестрые горбатые, которых считают почти равными людям по уму, и остроголовые, громадные, как великаны. Сила последних так велика, что оторвать руки и ноги человеку им столь же легко, сколь мальчишке — крылья мухе.

История государств Лэнга уходит в глубину времен, как и история И-Ти, однако западнее Нефритового пролива[106] она почти неизвестна. Так, в глубине джунглей острова таятся странные руины. Массивные строения, давно рухнувшие и заросшие так, что одни лишь обломки видны на поверхности... но толкуют, будто под ними бесконечные лабиринты туннелей ведут в обширные

палаты, а высеченные лестницы опускаются на сотни футов под землю. Никто не знает, кто и когда мог возвести эти города, и они, возможно, остаются единственным напоминанием о некоем исчезнувшем народе.

ДРУГИЕ ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ОСТРОВА НЕФРИТОВОГО МОРЯ, ОТМЕЧЕННЫЕ В ЗАПИСКАХ КОРЛИСА ВЕЛАРИОНА

ОСТРОВ СЛОНОВ, владычит которым шань, сидящий в палатах, из слоновой кости возведенных.

МАРАХАЙ, остров райский. Подобен смарагдовому полумесяцу о двух полыхающих горах, денно и нощно изрыгающих растопленный камень.

ОСТРОВ БИЧЕЙ — становище на путях морских, собою хмурое и бесплодное. Работорговцы полудюжины земель творят здесь куплю и продажу невольников, укрощают и метят их, прежде как далее повезти.

Нынешние же обитатели Лэнга с севера и юга острова столь отличаются друг от друга, что мы должны рассматривать их как два самостоятельных народа.

Большую часть своей недавней истории Лэнг входил в состав Золотой империи И-Ти, и управлялся из Иня или Цзиньци. За это время десятки тысяч солдат, купцов, искателей наживы и наем-

ников в поисках удачи перебрались из империи на остров. Хотя четыреста лет назад Лэнг и добился независимости, но на двух северных третях острова и по сей день преобладают потомки итийских переселенцев.

Для чужеземца они ничем не отличаются от жителей Золотой империи: говорят на разновидности того же языка, молятся тем же богам, едят те же блюда и следуют тем же обычаям. Даже почитают лазурного императора Иня... хотя поклоняются лишь одной своей божественной императрице. Их важнейшие города — Лэнг И и Лэнг Ма — куда больше напоминают Инь и Цзиньци, чем Туррани, лежащий дальше к югу.

В южной трети Лэнга обитают потомки тех, кого потеснили выходцы из Золотой империи. Коренные лэнгиты, вероятно, самый высокий народ всего человечества. Многие мужчины достигают роста в семь футов, а некоторые даже в восемь. Длинноногие и стройные, с кожей цвета промасленного тика, они наделены большими золотистыми глазами, способными, как предполагают, видеть лучше и дальше, чем прочие люди (особенно ночью). Несмотря на пугающий рост, лэнгитские женщины милы и грациозны, и славятся выдающейся красотой.

В былые времена Лэнг окутывала тайна, поскольку коренные лэнгиты редко покидали родные берега, а мореходы, в своих плаваниях по Нефритовому морю заметившие землю, встречали холодный прием, если осмеливались высадиться. Лэнгиты не питают интереса к иноземным товарам и богам, чужой моде, пище или обычаям. Не дозволяют они пришельцам и добывать их золото, рубить их деревья, собирать фрукты в их землях и ловить рыбу в их водах. Те же, кто решались на подобное, быстро умывались кровью. Так Лэнг приобрел славу обители демонов и колдунов, запретного острова, которого стоит избегать. Каким и оставался долгие столетия.

Моряки Золотой империи первыми смогли наладить торговлю с Лэнгом. Однако и после этого он оставался опасным местом для чужеземцев. Известно, что императрица Лэнга общалась с Древними — богами, обитавшими в самых глубинах руин подземных городов. И время от времени Древние повелевали ей обрекать на смерть всех чужаков на острове. Если верить «Нефритовому компендиуму» Коллокво Вотара, то подобное случалось в истории острова самое меньшее четырежды.

Это продолжалось до тех пор, пока Цзяр Хар, шестой бирюзовый император, не покорил Лэнг огнем и мечом и не положил конец этим истреблениям раз и навсегда.

Согласно легендам, Древние все еще обитают глубоко под джунглями Лэнга. Такое множество солдат, посланных Цзяр Харом в глубины развалин, вернулись помешанными либо не вернулись вовсе, что божественный император, в конце концов, повелел запечатать руины подземных городов и стереть память о них. Даже в наши дни посещать эти места запрещено под страхом мучительной смерти.

Все четыре века, миновавшие с тех пор, как остров избавился от ярма И-Ти, Лэнг благоденствовал под управлением множества божественных императриц. Первую из нынешней династии все еще почитают на востоке под именем Киары Великой. Она, будучи сама чистой лэнгитской крови, взяла себе двух мужей — итийца и лэнгита, чтобы оказать уважение всем своим подданным. Этот обычай продолжили ее дочери и внучки. По традиции, один из супругов императрицы руководит армией, а второй — флотом.

Асшай-у-Тени

Итак, мы подошли почти к самым пределам мира... или, по крайней мере, к пределам наших познаний о нем.

Там, где Нефритовое море переходит в Шафрановый пролив, на самом конце длинного клина земли расположился Асшай — самый восточный и самый южный из больших городов ведомого нам мира. Происхождение города теряется во мгле веков, и даже сами асшайцы не способны назвать его основателей. Они лишь утверждают, что Асшай стоял на этом месте с самого начала времен, и будет стоять здесь до тех пор, пока миру не придет конец.

Мало найдется на свете мест, столь отдаленных, как Асшай, и еще меньше — столь же зловещих. Путешественники рассказывают, что весь город целиком выстроен из черного камня: особняки и трущобы, дворцы и храмы, улицы и стены, рынки — все. Причем об этом камне, маслянистом и неприятном на ощупь, рассказывают, будто бы он поглощает свет, заставляя тускнеть факелы, свечи и даже пламя очагов. И все сходятся на том, что ночи в Асшае исключительно темны, и даже

самые светлые летние дни отчего-то угрюмы и серы.

Асшай — огромный город, расползшийся на лиги по обоим берегам черных вод Пепельной реки. Его чудовищные стены огораживают пространство, в котором бок о бок могли бы разместиться Волантис, Кварт и Королевская Гавань, и еще остался бы свободный угол для Староместа.

Однако населения в Асшае едва ли больше, чем в солидном торговом городке. По ночам здешние улицы пустеют, и лишь в одном доме из десяти можно заметить свет. Даже в самый разгар дня здесь не увидишь ни толпы, ни крикливых торговцев, расхваливающих свой товар на шумных рынках, ни сплетничающих у колодцев женщин. На темных улицах Асшая горожане носят маски либо вуали и держатся настороженно. Как правило, они ходят в одиночку или едут на спинах рабов в паланкинах из черного дерева и железа, скрывшись за темными пологами.

И еще в Асшае нет детей.

Вопреки своему пугающему обличью, Асшай-у-Тени уже долгие столетия остается оживленным портом, куда приходят корабли со всего известного мира, пересекая обширные и бурные моря ради торговли. Большинство из них загружены

провизией и вином, поскольку за стенами Асшая мало что растет, кроме призрак-травы, чьи стеклистые, источающие свечение побеги в пищу не годны. Если бы не ввоз продовольствия из-за моря, Асшай вымер бы от голода.

Также корабли везут и бочонки с пресной водой. Ибо та, что наполняет Пепельную реку, в лучах полуденного солнца блестит чернотой, а ночью мерцает бледно-зеленым свечением. Даже плавающие в ней рыбы слепы и уродливы. Они столь исковерканы и безобразны на вид, что лишь глупцы да тенезаклинатели решаются отведать их плоти.

Отчет архимейстера Марвина подтверждает рассказы о том, что никто в Асшае не ездит верхом — ни воин, ни купец, ни князь. Там нет лошадей и слонов, мулов и ослов, зорсов или верблюдов. Даже собак. А подобные животные, попавшие туда на кораблях, в скором времени умирают. Причина этого может таиться в губительном влиянии Пепельной реки и ее отравленных вод. Как легко можно понять из труда Хармона «О миазмах», звери более чувствительны к зловонию, источаемому такой водой, даже если и не пьют ее. Сочинения септона Барта предлагают более сомнительные догадки, вовле-

кающие высшие таинства, хотя и без особых на то оснований.

Каждая земля под солнцем нуждается в зерне, овощах и фруктах — так что естественно задаться вопросом, отчего моряки готовы плыть на край света, когда они с легкостью могут распродать свой груз на рынках поближе к дому? Золото — тому ответ. В стенах Асшая не хватает провизии, а вот золота и самоцветов в избытке. Впрочем, кое-кто заявляет, что золото из Края Тени столь же вредоносно, как и растущие там плоды.

Тем не менее, корабли прибывают. Ради золота и драгоценностей. И ради сокровищ иного рода — вещей, о которых решаются говорить лишь шепотом, вещей, которые невозможно отыскать ни в одном месте на земле, кроме как на черных базарах Асшая.

Мрачный город у Тени целиком погряз в колдовстве. Чернокнижники, волшебники, алхимики простые и темные, лунные певчие, красные жрецы, некроманты, аэроманты и пироманты. Маги крови и истязатели, инквизиторы и отравители, знахарки, ночеходцы и оборотни. Почитатели Черного Козла, Бледного Отрока, Льва Ночи... всех их привечают в Асшае, где нет ничего запретного. Здесь они вольны упражняться в своем мастер-

стве без ограничений и осуждения, творить свои мерзкие обряды и прелюбодействовать хоть с демонами, если пожелают.

Самые зловещие из всех здешних колдунов — тенезаклинатели, чьи лица скрыты от глаз богов и смертных лаковыми масками. Только они рискуют подниматься вверх по реке, минуя стены Асшая, в самое сердце тьмы.

Следуя от Рассветных гор к морю, Пепельная река с грохотом пробивается сквозь тесную расселину. Окаймляют ее утесы столь крутые и высокие, что свет в силах коснуться реки лишь в те краткие полуденные мгновения, когда солнце достигает зенита. Эти скалы пронизывают пещеры, которые служат логовищами драконам, демонам и еще худшим созданиям. И чем сильнее удаляешься от города, тем более жуткими и уродливыми становятся чудища. И так до самых врат Стигая — мертвого города в самом сердце Тени, куда страшатся входить даже тенезаклинатели. По крайней мере, именно так рассказывают.

Но есть ли хоть зерно истины в этих зловещих байках, привозимых с самого края света певцами, моряками или чародеями-любителями? Кто может знать... Ломас Путешественник никогда не видел Асшая-у-Тени[107]. Даже Морской Змей

ни разу ни забирался так далеко. А те, кто все же смог — уже не вернулись, чтобы поведать нам о своих странствиях[108].

И пока кому-нибудь этого не удастся, Асшай, Край Тени и земли, которые могут лежать за ними, так и останутся закрытой книгой, как для мудрецов, так и для королей. Всегда найдется что-то еще, что можно узнать и увидеть, чему научиться. Мир удивителен и огромен, и под звездами есть много всего, что не в силах вообразить даже архимейстеры Цитадели.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

За годы, миновавшие с тех пор, как я впервые коснулся пером этого пергамента, многое изменилось в Вестеросе и за его пределами. Читатели должны понимать, что подобный труд не свершается за пару недель... и даже за пару лет. Я составил план этого исторического сочинения еще в мирное время, в лучшие годы царствования доброго короля Роберта, намереваясь посвятить сей том его милости и его наследникам как историю земель и вселенной, доставшихся им в удел.

Но этому не суждено было случиться. Смерть благородного Джона Аррена, десницы короля, положила начало охватившему нашу страну безумию. Безумию гордыни и жестокости. Безумию, лишившему нас Роберта и его прекрасного сына и наследника Джоффри. Узурпаторы силятся овладеть Железным троном, а с востока просачиваются будоражащие слухи о возрождении драконов.

В такую смутную годину нам всем остается молиться, чтобы правление доброго короля Томмена оказалось долгим и справедливым, выведя

нас из тьмы к свету.

ПРИЛОЖЕНИЯ
Ранний вариант главы «Западные земли»

Западные земли[109] — это край иззубренных холмов и плоскогорий, туманных долин и скалистых берегов; край голубых озер и сверкающих рек, плодородных полей и широколиственных лесов, кишащих всевозможной дичью. Здесь на склонах лесистых холмов скрываются едва заметные проходы в лабиринты пещер — петляя во тьме, они ведут под землю, где таятся невообразимые чудеса и бесценные сокровища.

Земля здесь плодородна, а климат — мягкий. Этот богатый край защищен с востока и юга высокими холмами, а с запада — безбрежными синими водами Закатного моря. Говорят, что люди пришли сюда в Рассветную эпоху, до них в здешних чащобах обитали Дети Леса, а среди холмов — великаны (в тех местах их кости изредка находят и в наше время).

Но Старшие народы оказались не в состоянии противостоять Первым людям, явившимся с огнем и бронзовыми секирами. Пришельцы вы-

рубили дубравы, распахали поля, а через страну холмов и великанов проложили дороги. Из легенд мы знаем об ожесточенной борьбе тех дней и о множестве героев, принявших страшную смерть от рук этих древнейших врагов.

Тем не менее, люди продолжали прибывать. И вскоре по всему западу, «от соли до камня», под защитой надежных укреплений из бревен и земли, а позже и мощных каменных замков стали множиться деревни и фермы Первых людей — пока великаны не исчезли вовсе, а Дети Леса не скрылись в глухих чащах, полых холмах или далеко на Севере.

В золотую эпоху Первых людей уходят корнями родословные многих великих домов (среди таковых Хоторны, Футы, Брумы и Пламмы). Боевые ладьи дома Фарманов со Светлого острова помогали защищать западное побережье от набегов железнорожденных. Гринфилды возвели просторный бревенчатый замок Бауэр (теперь он зовется просто Гринфилдом), сложив его целиком из стволов чардрев. Рейны из Кастамере устроили свое родовое гнездо в недрах земли, создав обширную сеть шахт, пещер и туннелей, а Вестерлинги выстроили свою крепость, Скалу, на утесе над волнами. Другие дома ведут свой род от знаме-

нитых героев, легенды о которых рассказывают и по сей день: Крейкхоллы — от Крейка Убийцы Вепрей, Бейнфорты — от Человека в Капюшоне, Йю — от Алана из Дуба, прозванного Слепым лучником, Морленды — от Пейта Пахаря.

Каждое из этих семейств обрело могущество, а некоторые со временем стали называть себя лордами и даже королями. И все же величайшими из властителей Запада, несомненно, были Кастерли из Утеса, которые обосновались в исполинской скале, вздымающейся над Закатным морем. Согласно преданиям, первым лордом Кастерли стал охотник по имени Корлос, сын Кастера, живший в селеньице неподалеку от того места, где сегодня расположен Ланниспорт. Случилось так, что деревенских овец повадился таскать лев, и Корлос смог выследить зверя вплоть до его логова, занимавшего пещеру в основании Утеса. Вооруженный одним лишь копьем, охотник убил льва и его львицу, но пощадил ее новорожденных детенышей. Своим милосердием он угодил Старым богам настолько (произошло это задолго до того, как Семеро пришли в Вестерос), что недра пещеры внезапно озарил луч солнечного света, ниспосланный ими, и в камне стен Корлос узрел мерцание желтого золота, и жила та была

толщиной с мужской торс.

Частиц истины в этой легенде не разглядеть за туманом веков, но нет причин сомневаться, что Корлос или какой-то другой прародитель дома Кастерли нашел в Утесе золото и вскоре заложил там рудник. Чтобы защитить свое сокровище от возможных грабителей, он поселился в самой пещере и укрепил вход в нее. Шли годы и столетия, и его потомки, выискивая золото, все больше и больше углублялись в недра земли. При этом в скале вырубались залы, галереи, лестницы и туннели, и гигантский утес превращался в могучую твердыню, затмившую все прочие замки Вестероса.

Хотя Кастерли никогда не были королями, они, тем не менее, стали самыми богатыми лордами Вестероса и самыми могущественными в Западных землях. И такое положение сохранялось веками.

Но когда Рассветная эпоха уступила место Веку Героев, с востока явился златовласый плут, прозванный Ланном Умным. Встречаются мнения, что он прибыл из-за Узкого моря — то есть был неким андальским искателем удачи — хотя все случилось за тысячи лет до появления андалов в Вестеросе. Вне зависимости от его происхожде-

ния, все сказания утверждают одно: Ланн Умный каким-то образом изгнал Кастерли из Утеса и присвоил их замок.

Нам остается лишь строить догадки о том, какой именно способ он использовал. Согласно самой распространенной версии, Ланн обнаружил скрытый проход в галереи — столь узкую расщелину, что ему пришлось снять плащ и прочую одежду, да вдобавок обмазаться маслом, чтобы протиснуться внутрь. Забравшись в Утес, этот хитрец тут же начал строить козни: нашептывать угрозы в уши спящих Кастерли, выть во тьме словно демон, красть ценности одного из братьев и прятать их в спальне другого, ставить силки и иные ловушки. Так Ланн настроил всю семью друг против друга и заставил их поверить, будто в замке обитает некое потустороннее создание, которое никогда не оставит род в покое.

Другие баснословы предпочитают иные разновидности этой легенды. По одной из них Ланн использует расщелину, чтобы запустить в Утес мышей, крыс и других вредителей, тем самым изгнав семью Кастерли. По другой — тайком заманивает внутрь стаю львов, и те пожирают лорда Кастерли и всех его сыновей, после чего Ланн заявляет права на жену и дочерей его светлости.

В самой неприличной из версий Ланн ночь за ночью тайком пробирается к девицам Кастерли, чтобы овладеть ими во сне. А спустя девять месяцев все девицы рожают златовласых детей, и при том клянутся, что еще не познали мужчины.

Последняя история, хотя и непристойная, содержит некоторые любопытные детали, которые могут намекнуть нам на истинные события тех лет. По мнению архимейстера Перестана, Ланн состоял на какой-то службе у лорда Кастерли (возможно, был присяжным рыцарем этого дома), и одна из дочерей его светлости от него забеременела (или не одна, хотя это кажется менее вероятным), а Ланн убедил отца девушки дать согласие на их брак. Если и в самом деле все обстояло именно так, нам придется предположить, что у лорда Кастерли не было законнорожденных сыновей. Тогда, при естественном ходе событий, после смерти отца Утес был бы унаследован его дочерью и, следовательно, самим Ланном.

Разумеется, в этой версии не больше исторической достоверности, чем в любой другой, хотя стоит признать, что указанное предположение, приведенное Перестаном в «Рассуждениях об истории», звучит вполне убедительно. Но крайне сомнительно, что певцы и сказители когда-либо

с ним согласятся — куда увлекательнее верить, будто Ланн заполучил Утес с помощью львов, мышей или демонов, а не благодаря браку.

Наверняка нам ведомо лишь одно: в один прекрасный день во времена Века Героев Кастерли исчезают из летописей, а на их месте появляются доселе неизвестные Ланнистеры, правящие большей частью Западных земель из недр Утеса Кастерли.

Ланн Умный якобы дожил до трехсот двенадцати лет, произведя на свет и сотню бравых сыновей, и сто изящных дочерей, и все они были стройны, прекрасны ликом и осенены благодатью «золотых ровно солнце» волос. Имена матерей в этой громадной семье не записаны. Однако же, если все дети действительно были рождены дочерью лорда Кастерли, она, должно быть, к часу своей смерти оказалась самой измученной в мире женщиной.

Оставив в стороне подобные сказания и опираясь на хроники, можно предположить, что первые Ланнистеры были не только прекрасны, но и плодовиты, так как в летописях они стали упоминаться весьма часто. Через несколько поколений число потомков Ланна достигло уже такой величины, что Утесу Кастерли вместить всех

было не под силу. Вместо того чтобы вырубать в камне новые галереи, некоторые сыновья и дочери из младших ветвей дома покинули замок и обосновались в селении, лежащем в неполной миле от Утеса. Земля там была плодородной, море изобиловало рыбой, а рядом с выбранным ими местом располагалась прекрасная естественная гавань. Вскоре деревенька превратилась в городок, а тот вырос в настоящий город — Ланниспорт.

Ко времени появления андалов Ланниспорт стал вторым по величине городом Вестероса — лишь Старомест был крупнее и роскошнее. К берегам Запада, то есть к «городу золота Закатного моря», спешили купеческие корабли со всех уголков мира. Золото обогатило дом Ланнистеров, торговля еще более приумножила их достояние, и Ланнистеры из Ланниспорта процветали. Свой город они окружили мощными стенами, чтобы защитить его от всех желающих завладеть их ценностями (главным образом, от железнорожденных). А Ланнистеры из Утеса Кастерли стали королями.

Насколько мы знаем, Ланн Умный никогда не называл себя королем, однако в некоторых легендах, появившихся через века, титул возложили

на него посмертно. В действительности первым монархом из рода Ланнистеров, о котором мы что-то знаем, стал король Лореон, также известный как Лореон Лев (по понятным причинам за истекшие столетия многие Ланнистеры получали прозвища «Лев» или «Золотой»). Он сделал Рейнов из Кастамере своими вассалами, женившись на девице из их дома, и одолел Моргона Бейнфорта, Короля в Капюшоне, с его невольниками — в войне, затянувшейся на двадцать лет.

Моргона считали (по общему мнению) некромантом огромной силы. Как пишут, будучи при смерти, он пообещал Ланнистерам, убившим его (среди которых были трое сыновей Лореона), что вернется из могилы ради мести всем и каждому. Чтобы избежать предсказанного, Лореон разрубил тело Короля в Капюшоне на сотню кусков и скормил их своим львам. Все же ужасные последствия не заставили себя ждать — два года спустя те самые львы вырвались из подземелий Утеса Кастерли и растерзали королевских сыновей, в точности, как и предрек Моргон.

Лореон был первым Ланнистером, именовавшим себя королем Утеса. Титул станут носить его сыновья, внуки и их потомки в последующие тысячи лет — до тех пор, пока Лорен I не встретится

на Пламенном Поле с Эйгоном Таргариеном и его сестрами.

Впрочем, до этого страшного поражения королям Утеса довелось познать радость множества великих побед. При Сирионе Ланнистере власть Утеса распространилась на восток до самого Золотого Зуба и окаймляющих его холмов — король разбил трех мелких властителей, заключивших против него союз. Томмен Ланнистер, первый этого имени, построил громадный флот и присоединил к своим землям Светлый остров, взяв в жены дочь последнего короля из рода Фарманов. Лореон II устроил первый в Западных землях турнир и одолел каждого рыцаря, бросившего ему вызов. Лансель I Ланнистер (прозванный, конечно же, Ланселем Львом) отправился на войну против Гарденеров, королей Хайгардена, и захватил север Простора до самого Старого Дуба, прежде чем сложить голову в битве. (Его сын, Лореон III, потерял все приобретения отца и получил насмешливое прозвище Лореон Бессильный.) Король Герольд Ланнистер, прославившийся под именем Герольда Великого, отплыл на Железные острова и вернулся с сотней железнорожденных заложников, пообещав вешать по одному всякий раз, как островитяне осмелятся напасть на его

земли. (Верный своему слову, Герольд повесил более двадцати пленников.) Лансель IV, как говорят, в битве у Ланнова мыса обезглавил сразу обоих — короля Железных островов Харральда Почти Утонувшего и его наследника — одним ударом валирийского двуручного меча Светлый Рев. (Позже Лансель IV погиб у Алого озера — после того, как рискнул вторгнуться в Простор.[110])

Короли дома Ланнистеров приобрели клинок Светлый Рев в тот век, что предшествовал Року Валирии, и рассказывают, будто бы заплаченного ими золота могло хватить и для найма армии. Однако столетием спустя, когда Томмен II отправился к руинам Валирии, меч был утерян. Король намеревался поживиться оставшимися после Рока сокровищами и знаниями. Но огромный флот Томмена так и не вернулся, и Светлый Рев исчез со страниц истории. Последнее упоминание об этом обреченном начинании найдено в волантийской летописи, озаглавленной «Слава Волантиса». В ней сообщается, что «золотой флот» со «львиным королем» на борту встал в городе на якорь ради пополнения припасов, и что триархи щедро одарили короля. В летописи также утверждается, будто бы Томмен поклялся отдать волантийцам половину найденного в

Валирии, а взамен триархи обещали прислать королю на помощь свой флот, если в том возникнет нужда. Годом позже, как отмечено в записях, триарх Марквело Тагарос отправил эскадру в сторону Валирии на поиски хоть каких-то следов золотого флота. Но посланцы вернулись с пустыми руками.

Некоторые из королей дома Ланнистеров прославились мудростью, другие — отвагой, и все они — щедростью... за исключением разве что короля Норвина Ланнистера, более известного как Норвин Скупой. Все же не будем впадать в заблуждение: также случалось, что в Утесе Кастерли пребывали слабые правители, жестокие или просто никчемные. Лореона IV чаще вспоминают как Лореона Скудоумного, а его внука Лореона V прозвали Королевой Лореей, поскольку он любил наряжаться в одежды своей супруги и бродить по пристаням Ланниспорта в обличье уличной блудницы. (После их царствования принцам дома Ланнистеров имя «Лореон» стали давать куда реже.) Более поздний монарх, Тирион II, вошел в историю как Мучитель. Хотя он слыл человеком сильным, к тому же мастером секиры, истинное наслаждение ему приносили пытки. Ходили слухи, что он мог испытать влече-

ние к женщине, только прежде пустив ей кровь.

Пришествие андалов

В Западные земли андалы пришли далеко не сразу; немало времени прошло после того, как ими была захвачена Долина и повержены государства Первых людей в Речных землях. Первый андальский полководец, направившийся со своей армией в холмы, принял лютую смерть от рук Тибольта Ланнистера (прозванного, что неудивительно, Молниеносным). Со второй и с третьей волной захватчиков обошлись точно так же, но на запад выдвигались все новые и новые отряды андалов, как мелкие, так и крупные. Король Тирион III и его сын Герольд II осознали, что их судьба предрешена.

Не пытаясь отбросить чужеземцев, эти мудрые короли стали устраивать браки самых влиятельных андальских военачальников с девицами из великих домов Запада и отыскали для этого земли. Будучи людьми осторожными и хорошо осведомленными о том, что случилось в Долине, они позаботились назначить цену за столь щедрые дары. Сыновья и дочери андальских лордов, удостоившихся этой чести, отправились в Утес

Кастерли как воспитанники. Они служили оруженосцами, пажами и чашниками... а также были заложниками на случай, если их отцы замыслят измену.

Этим способом короли дома Ланнистеров превратили врагов в верных друзей. Почти все андальские лорды сохранили свою веру. Их возмужавшие сыновья стали достойными знаменосцами короля Утеса, поскольку выросли среди Ланнистеров. Как с горечью заметил один из андальских отцов: «Теперь в их жилах течет золото». Подобным образом родились многие знатные дома, среди таковых Джасты, Леффорды, Паррены, Дроксы, Марбранды, Браксы, Серреты, Сарсфилды и Киндаллы.

Итак, во дни Сотни королевств, когда земли мелких властителей простирались не далее тех мест, которые можно было охватить взглядом из крепостных бойниц, когда велись бесконечные кровавые междоусобицы — Запад наслаждался веками относительного мира и процветания под управлением королей Утеса. Стране угрожали лишь внешние враги.

Береговая линия владений Ланнистеров лежала весьма близко к Железным островам — ближе, чем у любого другого королевства, а значит,

богатства и торговые пути Ланниспорта были постоянным соблазном для налетчиков с этих диких земель. Войны между железнорожденными и жителями Запада разгорались примерно раз в поколение, притом и в мирную пору островитяне устраивали набеги ради добычи и соленых жен. Защите побережья, лежащего южнее Светлого острова, хорошо помогали Фарманы — лорды самого острова, ставшие по этой причине широко известными своей ненавистью к железнорожденным.

В конечном итоге владения дома Ланнистеров распростерлись от западных берегов Вестероса до верховьев Красного Зубца и Камнегонки (рубежи отмечал перевал у Золотого Зуба), и от южного берега залива Железных людей до самого Простора. Сегодняшние границы Западных земель совпадают с очертаниями Королевства Утеса до Пламенного Поля, после которого Лорен Ланнистер (Лорен Последний) преклонил колено королем, а поднялся лордом. Но в былые времена кордоны передвигались чаще, особенно на юге, где Ланнистеры часто сражались с Гарденерами из Простора, и на востоке, где они воевали со многими из властителей Трезубца.

Славу Западным землям составили местные зо-

лотые и серебряные копи. Тамошние жилы очень широки и глубоки, и в наши дни есть шахты, разрабатываемые уже тысячу лет, а то и больше — по сей день не иссякшие. Ломас Путешественник сообщает, что даже в далеком Асшае-у-Тени встречал торговцев, любопытствующих, правда ли, что «львиный лорд» живет во дворце из чистого золота, а земледельцы собирают чуть ли не горы сокровищ, просто вспахивая свои поля. Золото с запада разошлось повсюду и так далеко, что мейстерам точно ведомо — во всем мире нет рудников столь же изобильных, как в Утесе Кастерли.

В старину говорили: богатство Западных земель равно жадности Валирии до драгоценных металлов. Тем не менее, нет никаких доказательств того, что повелители драконов когда-либо устанавливали связи с правителями Утеса, будь то Кастерли или Ланнистеры. Септон Барт размышлял над этим вопросом и, ссылаясь на впоследствии утраченный валирийский свиток, предположил, что чародеи республики предрекли, будто золото Утеса Кастерли погубит их. В своих попытках углубиться в тайны прошлого Барт часто бывал падок на пророчества и легенды, однако же ныне мы знаем, что пророчества в луч-

шем случае неоднозначны, а в худшем — попросту лживы. Архимейстер Перестан высказал другую, более правдоподобную догадку: он допустил, что в древности валирийцам удалось достичь Староместа, но там их постигла какая-то трагедия или серьезный провал, и это заставило их в дальнейшем вовсе сторониться Вестероса.

Дом Ланнистеров при Драконах

После того, как Лорен Последний отрекся от короны, Ланнистеры стали всего лишь лордами. Хотя их огромные богатства и остались нетронутыми, но тесных связей с Таргариенами у владык Запада не имелось — в отличие от дома Баратеонов. А для того, чтобы выцарапывать себе значимое место подле Железного трона, Ланнистеры были слишком горды — в отличие от дома Талли.

Лишь поколением позже Ланнистеры вновь оставили значительный след в государственных делах — когда преследуемые Мейгором Жестоким принц Эйгон и принцесса Рейна искали убежища. Лорд Лиман Ланнистер защитил обоих, приняв их под своей крышей, и, ссылаясь на право гостя, ответил отказом на гневные требования Мейгора

о выдаче беглецов. Впрочем, его светлость не решился предоставить собственные мечи ни принцу, ни принцессе, ничего не предпринял он и после того, как принц Эйгон погиб от рук своего дяди во время битвы при Божьем Оке. Но когда Джейхейрис, младший брат Эйгона, заявил права на Железный трон, Ланнистеры поднялись, чтобы поддержать его.

Смерть Мейгора и коронация Джейхейриса приблизили дом Ланнистеров к Железному трону, хотя Веларионы, Аррены, Талли, Хайтауэры и Баратеоны по-прежнему ощутимо превосходили их влиянием. На Великом совете 101 года от З.Э., где решался вопрос о престолонаследии, запомнилось появление лорда Тимонда Ланнистера — он прибыл с огромной свитой из трехсот знаменосцев, латников и слуг... и все же его затмил Маттос Тирелл из Хайгардена, приехавший с сопровождением из пятисот человек. При обсуждениях Ланнистеры приняли сторону принца Визериса. Их выбор не был забыт, и властителей Утеса вознаградили несколько лет спустя — Визерис, взойдя на Железный трон, назвал мастером над кораблями сира Тиланда Ланнистера, брата-близнеца лорда Джейсона. Позже, при короле Эйгоне II, сир Тиланд стал мастером над монетой.

Из-за тесных связей брата с Железным троном и его привилегированного положения при дворе лорд Джейсон в Танце Драконов выступил на стороне Эйгона.

Союз Ланнистеров с Железным троном принес им только беды — после того, как лорд Джейсон по воле короля Эйгона II увел свои войска на восток, на незащищенные Западные земли обрушились налетчики Красного Кракена. К тому же лорд Джейсон, встретившись со сторонниками королевы Рейниры у переправы через Красный Зубец, пал в бою, смертельно раненый седым оруженосцем Пейтом из Длинного Листа (посвященного в рыцари после битвы, этого воина низкого происхождения до конца дней называли Убийцей Львов). Воины Ланнистеров продолжили поход, одерживая победы под командованием сира Адриана Тарбека, затем — лорда Леффорда, но только чтобы тысячами полечь в час Рыбьей Кормежки, будучи зажатыми между тремя армиями.

Сир Тиланд тем временем стал пленником Рейниры — после того, как принцесса захватила столицу. Зверскими пытками его вынуждали раскрыть место, где им были спрятано коронное золото, но сир Тиланд упорно отказывался гово-

рить. Когда Эйгон II со своими сподвижниками отбил город, Ланнистера нашли ослепленным, изувеченным и оскопленным. Тем не менее, он остался в здравом уме, и король сохранил за ним должность мастера над монетой. В последние дни своего царствования его милость даже отправил сира Тиланда в Вольные города за наемниками — для поддержки в борьбе против сына Рейниры, будущего Эйгона III, и его приверженцев.

Поскольку новому королю Эйгону, третьему этого имени, во дни восшествия на Железный трон было всего одиннадцать лет, по окончании боевых действий было установлено регентство. В надежде исцелить глубокие раны, нанесенные государству Танцем Драконов, были назначены регенты от обеих враждующих сторон, а сир Тиланд Ланнистер — назван десницей короля. Возможно, люди, бывшие его врагами, полагали, будто он слишком истерзан и слеп, чтобы представлять для них угрозу, но сир Тиланд умело исполнял свои обязанности на протяжении почти двух лет, прежде чем в 133 году от З.Э. скончался от Зимней лихорадки.

Тем временем вдова лорда Джейсона, леди Джоханна, будучи регентом своего юного сына, поступила как мужчина: надев доспехи, отогнала

Красного Кракена от берегов Закатного моря. Позже ею было сделано многое для возвращения славы дома Ланнистеров, а чтобы завоевать расположение короны, леди Джоханна одолжила золото на восстановление Королевской Гавани.

В более поздние годы Ланнистеры выступали на стороне Таргариенов против Деймона Блэкфайра... впрочем, мятежники Черного Дракона одержали в Западных землях несколько значимых побед. Особенно знамениты схватки при Ланниспорте и у Золотого Зуба, где сир Квентин Болл, вспыльчивый рыцарь по прозвищу Огненный Шар, сразил лорда Леффорда и обратил в бегство лорда Дамона Ланнистера (позже ставшего известным как Седой Лев).

Герольд Золотой

Упомянутый Седой Лев умер в 210 году от З.Э., и наследовал ему сын Тибольт, ставший новым лордом Утеса Кастерли лишь для того, чтобы погибнуть два года спустя при подозрительных обстоятельствах. Молодой человек в расцвете сил, лорд Тибольт не оставил потомства, кроме своей трехлетней дочери Сиреллы, чье правление как леди Утеса Кастерли оказалось ужасающе

коротким. Менее чем через год она тоже скончалась, вследствие чего Утес, Западные земли, а также все состояние и мощь дома Ланнистеров перешли к ее дяде Герольду, младшему брату покойного лорда Тибольта.

Человек редкого ума и выдающихся дарований, Герольд был регентом юной племянницы, однако ее внезапная кончина в столь нежном возрасте породила множество слухов, и по всему Западу шептались, будто бы леди Сирелла была убита своим дядей. Согласно самой распространенной сплетне, Герольд собственноручно задушил девочку подушкой, пока та спала.

Вскоре Герольд Ланнистер показал себя как чрезвычайно прозорливый, умелый и справедливый правитель. Он значительно приумножил богатства дома Ланнистеров, усилил власть Утеса Кастерли и развил торговлю в Ланниспорте. Герольд правил Западными землями тридцать один год, вполне заслужив свое прозвище — Герольд Золотой. Но, невзирая на все его заслуги, кое-кто из лордов и многие из простонародья его не любили, считая виновным в убийстве племянницы (а также, как шептались, и родного брата Тибольта).

Ни один из ныне живущих не может сказать

наверняка, была ли какая-то доля истины в этих слухах. Тем не менее, несчастья, обрушившиеся на дом Ланнистеров в последующие годы, его враги считали достаточным доказательством вины... ибо убийца родичей проклят в глазах богов и людей, а грехи отцов зачастую ложатся на плечи детей.

А ведь именно такие беды довелось пережить лорду Герольду, за одно десятилетие потерявшему горячо любимую вторую жену и обоих замечательных сыновей-близнецов. Леди Роанна исчезла при загадочных обстоятельствах в 230 году от З.Э., менее чем через год после рождения четвертого, младшего сына его светлости, Джейсона. Тайвальд, старший из двух близнецов Герольда, служил оруженосцем лорда Роберта Рейна из Кастамере, и в 233 году от З.Э. был убит в сражении во время восстания Пика. Его, пробирающегося сквозь разбитые ворота Звездного Пика, насквозь пронзили копьем, и Тайвальд скончался на руках своего брата-близнеца Тиона (Тион также служил оруженосцем — но принцу Эйгону, младшему сыну короля Мейкара). Как говорят, принц успел посвятить умирающего Тайвальда в рыцари, выполняя его последнюю просьбу.

Сам король Мейкар погиб менее чем за час до

того — он возглавил атаку на главные ворота Звездного Пика, и камень, сброшенный из бойницы, расплющил его увенчанный короной шлем. В число павших в этот скорбный день вошел и лорд Роберт Рейн. Сир Роджер Рейн Красный Лев, его старший сын и наследник, жестоко отомстил за отца, умертвив после битвы семерых плененных Пиков, прежде чем подоспевший принц Эйгон смог остановить резню.

О смуте, вызванной смертью короля Мейкара I во время Штурма Звездного Пика, было достаточно написано в другом месте, так что нам нет смысла на ней задерживаться. Довольно лишь упомянуть о вопросе правопреемства — он оказался настолько запутанным, что десница короля, лорд Бринден Риверс, прозванный Кровавым Вороном, созвал для его разрешения Великий совет. Собравшееся благородное сословие в немалой мере под влиянием красноречия (а некоторые полагают, и золота) лорда Герольда Золотого все же вручило Железный трон принцу Эйгону, который правил Семью Королевствами следующие двадцать шесть лет под именем Эйгона V Невероятного.

Менее широко известны, но отнюдь не менее печальны тяжкие последствия этой битвы для

истории Запада. Тайвальд Ланнистер был давно обручен с решительной юной сестрой Красного Льва, леди Эллин. Она, волевая и вспыльчивая девица, годами ожидавшая возможности однажды стать леди Утеса Кастерли, не захотела отказываться от своей мечты. Сразу после смерти суженого Эллин уговорила его брата-близнеца, Тиона, расторгнуть помолвку с дочерью лорда Рована из Золотой Рощи и взять в жены ее саму.

Рассказывали, что лорд Герольд противился этому союзу и сделал все возможное, чтобы не позволить ему свершиться. Однако под грузом прожитых лет, хворей и понесенных утрат Золотой Ланнистер стал лишь бледной тенью себя прежнего и, в конце концов, уступил — после того, как Тион признался, что последними словами Тайвальда была просьба к брату «позаботиться о леди Эллин». В 235 году от З.Э. в Утесе Кастерли состоялась двойная свадьба: сир Тион Ланнистер сочетался браком с Эллин Рейн, а его кроткий младший брат Титос — с Джейн Марбранд, дочерью лорда Денниса[111] Марбранда из Эшмарка.

Владычество Рейнов

Дважды овдовевший, отягченный болезнью, лорд Герольд не стал брать новую жену, и после свадьбы с сиром Тионом Эллин из дома Рейнов стала леди Утеса Кастерли во всем, кроме титула.

В то время как ее свекор, удалившись в свои покои, погрузился в книги, леди Эллин создала блестящий двор. Великолепные турниры и балы проводились один за другим, а залы Утеса наполнились художниками, лицедеями, музыкантами... и Рейнами. Братья леди, Роджер и Рейнард, постоянно были подле сестры, и на них, словно с неба, сыпались должности, почести и новые земли — как и на ее дядей, кузенов, племянников и племянниц.

По слухам, старый шут лорда Герольда, язвительный горбун по прозвищу Лорд Жаба, изрек: «Леди Эллин, должно быть, уж точно колдунья, раз сумела сделать так, что в Утесе дожди идут круглый год ». Шутам всегда дозволялось насмехаться над сильными мира сего, даже лордами и принцами. Но Эллин Рейн была столь горда и скора на гнев, что, прослышав об этой злой на-

смешке, повелела высечь Лорда Жабу. И приказ исполнили, поскольку тяжелобольной лорд Герольд не вмешивался, а его наследник сир Тион так страстно любил свою леди, что ни в чем ей не отказывал.

Но спустя недолгий срок, в 236 году от З.Э., самозванец Деймон Блэкфайр, третий этого имени, вместе со Жгучим Клинком и Золотыми Мечами пересек Узкое море и высадился на Крюке Масси, намереваясь захватить Железный трон. Так началось Четвертое восстание Блэкфайра, и король Эйгон V для его подавления созвал верных лордов со всех Семи Королевств.

Восстание закончилось гораздо быстрее, чем претендент того желал бы — лишь очень немногие лорды поддержали его; большинству дело Блэкфайров казалось столь же обветшалым и истрепавшимся, как и их знамена. В битве у моста на Путеводной мятежу был положен скорый, омытый кровью конец — атаковав, рыцари короля разбили Золотых Мечей и обратили Жгучего Клинка в бегство, а сир Дункан Высокий сразил самого Деймона III Блэкфайра.

И вслед за тем тела павших воинов из войска Черного Дракона настолько запрудили реку, что она вышла из берегов. В свою очередь, в войсках

короля отдали жизни менее сотни человек... но среди немногих погибших сподвижников трона оказался сир Тион Ланнистер, наследник Утеса Кастерли.

Вполне можно было ожидать, что утрата второго из «славных близнецов» сломит их убитого горем отца, лорда Герольда. Как ни странно, случилось обратное. После того, как тело сира Тиона было погребено в Утесе, Герольд Золотой преодолел скорбь и вновь крепко взял в руки власть в Западных землях. Он имел твердое намерение сделать все возможное и подготовить своего третьего сына Титоса, мальчика безвольного и подающего мало надежд, к тому, чтобы сменить отца в качестве главы дома.

Горбатый Лорд Жаба с радостью объявил, что-де «владычество Рейнов» подошло к концу. Леди Эллин отважилась на последнюю попытку сохранить положение, заявив, что ждет ребенка от сира Тиона. Но через несколько лун ее ложь стала очевидна всем — ибо живот так и не увеличился. Говорят, Лорд Жаба был безжалостен в своих издевках — к вящей ярости Красного Льва, который вскоре отбыл из Утеса Кастерли в Кастамере, сопровождаемый братом и прочими Рейнами (в немалом числе).

Сама леди Эллин осталась, но влияние ее иссякло. У нее больше не было доступа к золоту Ланнистеров, и на советы ее не приглашали — ни принимать решения, ни изъявлять мнения. И пусть лорд Герольд дозволял Эллин наблюдать, как он вершит правосудие, высказываться при этом ей запрещалось. Рыцари на турнирах больше не выпрашивали у леди знаки внимания, ювелиры и портные не расточали дары в надежде на покровительство, просители не умоляли похлопотать за них при дворе. А певцы, некогда состязавшиеся друг с другом за право вознести хвалу ее лицу и формам, теперь слагали баллады о юной жене лорда Титоса, леди Джейн — эта серьезная, застенчивая девочка с простеньким личиком расцвела и превратилась в дивную красавицу.

Если верить слухам, записанным мейстером Белдоном, соперничество между вдовой сира Тиона и женой Титоса приобрело воистину скверный оборот. Хотя лорд Герольд запретил кому-либо обсуждать это происшествие под угрозой лишения языка, в 239 году от З.Э., согласно Белдону, Эллин Рейн обвинили в попытке обольстить Титоса Ланнистера — якобы леди понуждала его оставить собственную супругу и вступить в брак с

ней самой. Однако же молодого Титоса (в ту пору девятнадцатилетнего) вдова его брата так напугала, что он оказался не в состоянии разделить с Эллин ложе. Униженный, он бросился к жене, чтобы во всем сознаться и просить прощения.

Леди Джейн охотно простила мужу его неудавшуюся измену, но была менее снисходительна к сношеннице и, не колеблясь, сообщила о случившемся лорду Герольду. В гневе его светлость решил навсегда выслать Эллин Рейн из Утеса Кастерли, найдя ей нового супруга. Разлетелись вороны — и была заключена спешная помолвка. Через две недели Эллин Рейн выдали за Уолдерана Тарбека, лорда Тарбекхолла, краснолицего пятидесятипятилетнего вдовца из древнего и благородного, но обнищавшего рода. Лорд Жаба прозвал его «грузным моржом», говоря при этом: «Будь мозги в животах — быть бы милорду первым мудрецом всего Запада!»

Эллин Рейн, отныне леди Тарбек, покинула Утес Кастерли вместе с мужем, чтобы больше никогда туда не вернуться, но ее соперничество с леди Джейн Ланнистер не окончилось. Скорее наоборот, казалось, оно даже обострилось, и горбатый Лорд Жаба назвал его «войной утроб». Несмотря на то, что леди Эллин не удалось подарить

наследника сиру Тиону, в браке с Уолдераном Тарбеком она оказалась более плодовитой (следует отметить, что у того имелось достаточно старших сыновей от первых двух браков). В 240 году от З.Э. леди Тарбек родила супругу дочь и назвала ее Роанной, в 241 году — еще одну дочь, Сиреллу. Оба имени были выбраны с умыслом, замечает мейстер Белдон, называя их «кинжалами, направленными в сердце лорда Герольда». В 242 году леди Тарбек произвела на свет крепкого рыжеволосого мальчика, получившего имя Тион.

И в том же году леди Джейн ответила рождением собственного сына, названного Тайвином. По легенде, когда лорд Герольд взъерошил золотистые волосики малыша, тот укусил деда за палец.

Вскоре появились и другие дети (еще три сына и дочь), но Тайвин, самый первый, так и остался единственным внуком, которым любовался его светлость. В 244 году от З.Э. Герольд Золотой умер из-за болезни мочевого пузыря, будучи не в состоянии его опорожнять. В возрасте двадцати четырех лет Титос Ланнистер, старший из его оставшихся в живых сыновей, стал лордом Утеса Кастерли, Щитом Ланниспорта и Хранителем Запада. И для всех этих обязанностей он был явно

непригоден.

Смеющийся Лев

Лорд Титос Ланнистер обладал многими добродетелями: был человеком веселым, добрым и кротким, душой компании на пирах, верным мужем и снисходительным отцом. Его нелегко было разозлить, а прощал он быстро, умел видеть хорошее в каждом человеке, будь тот велик или мал, и был доверчив. Слишком доверчив. К тому же, в отличие от своих братьев, его светлость не был воином (в юности Титосу довелось служить оруженосцем, но в рыцари его так и не посвятили). На милых его сердцу турнирах он всегда оказывался зрителем, и никогда — участником. Будучи в детстве пухлым малышом, лорд Титос вырос в дородного мужчину, так как питал страсть к сыру, пирогам и пиву. Горбун Жаба прозвал его Смеющимся Львом за веселый нрав, и некоторое время Запад смеялся вместе с ним... но довольно скоро стало очевидно, что некоторые из великих лордов и благородных рыцарей смеялись уже над ним.

Когда дела касались управления Западом, лорд Титос вел себя как слабовольный и неуверенный

человек, колеблясь, как тростинка на ветру, в час принятия решений. Он не питал пристрастия к войне и отшучивался от оскорблений, которые заставили бы большинство его предков схватиться за меч. «Слова — это ветер», — отвечал Смеющийся Лев, даже если кто-то высмеивал его в лицо (поскольку и в самом деле с детства привык быть предметом для издевок). Он не придавал значения предательствам, считая их недоразумениями, и прощал любые проступки, если ему приносили извинения после.

Много лет спустя Герион, младший сын лорда Титоса, обронил: «Мой лорд-отец мог бы стать превосходным трактирщиком, но даже из старины Жабы вышел бы лорд получше».

И он не ошибался. За те годы, что Смеющийся Лев правил Утесом Кастерли, дом Ланнистеров достиг небывалого прежде упадка.

Лорды Запада знали Титоса Ланнистера с рождения, и лишь немногие из них прикладывали усилия ради его поддержки, предлагая ему мудрые советы, а при необходимости — и мечи. Первейшим из таковых был лорд Деннис Марбранд, отец леди Джейн, ставший опорой дочери и ее лорду-мужу.

Другие же в его слабости усмотрели возмож-

ность урвать для себя власть, богатства и земли. Некоторые занимали у его светлости огромные суммы денег, а затем оказывались не в состоянии их вернуть. Когда стало ясно, что лорд Титос согласен продлевать срок выплат или даже прощать долги, простые купцы из Ланниспорта и Кайса тоже решились обращаться к нему с просьбами о займах. Если вассалов не устраивали указы его светлости — они попросту пренебрегали ими, а такое случалось всякий раз, как эти указы ущемляли их собственную власть и привилегии. Мздоимство стало обычным делом — посты и почести покупались и продавались, а при уплате Утесу Кастерли налогов, податей и сборов возникало все больше сбоев и путаницы. В водах у побережья появились пираты со Ступеней, которые охотились на купцов, идущих в Ланниспорт или из него, а налетчики с Железных островов грабили побережье, захватывая ценности и женщин. И лорд Титос в ответ лишь отправлял воронов на Пайк, требуя от лорда Квеллона Грейджоя прекратить разбой.

На пирах и балах гости не стеснялись отпускать насмешки в адрес его светлости, порою прямо тому в лицо. Молодые рыцари и даже оруженосцы твердили при этом, что «дергают льва за

хвост», и соперничали друг с другом, выясняя, кто способен «дернуть хвост» поудачнее. И никто не смеялся над колкостями громче самого лорда Титоса. «Всего лишь невинная шутка, — так успокаивал он свою леди-жену, когда та негодовала из-за какого-нибудь оскорбления. — Это отличный парень, и я уверен, что ничего плохого он в виду не имел».

Мейстер Белдон в одном из своих писем в Цитадель отметил: «Все, чего хочет его светлость — быть любимым. Потому он смеется, не таит обид, все прощает и жалует почести, должности и щедрые подарки тем, кто насмехается над ним и отказывается ему повиноваться. Его светлость надеется таким образом заслужить их преданность, но чем больше он смеется и дарует, тем сильнее его презирают».

Мейстер был не единственным человеком в Утесе Кастерли, видевшим, что происходит в действительности. И леди Джейн, супруга его светлости, и ее отец также прекрасно все понимали. Снова и снова они убеждали лорда Титоса быть твердым, и он обещал стать таковым... но вновь поддавался, прощал и тянул с решениями. Если его умоляли о помиловании — он даровал его, каким бы тяжким ни было преступление.

Если ему угрожали — уступал или шел на унизительную мировую.

Растущее неуважение, которое выказывали дому Ланнистеров, стало причиной постоянных ссор между лордом Титосом и его братом Джейсоном, бывшим девятью годами моложе его светлости. Из драчливого мальчишки тот вырос в надменного задиристого юношу с буйным нравом. И хотя сам он зачастую открыто насмехался над старшим братом, чье-либо пренебрежение по отношению к лорду Титосу оскорбляло его. Джейсону было четырнадцать, когда он зачал своего первого бастарда — ребенка понесла служанка из Утеса Кастерли. В пятнадцать он лишил невинности юную дочь лорда Стэкспира, которая также оказалась в тягости. В порыве столь редкой для него решительности лорд Титос настоял, чтобы брат женился на девушке (большинство сходится во мнении, что случилось это под влиянием леди Джейн), но несчастная скончалась родами[112]. В стремлении избежать новых скандалов и новых бастардов, лорд Титос и леди Джейн дали Джейсону лишь две недели на оплакивание супруги, а после принудили его жениться повторно — на этот раз на леди Марле, дочери лорда Престера. Она была вдвое старше

мужа, однако в последующие годы подарила ему пятерых законнорожденных детей: трех дочерей и двоих сыновей. Когда Джейсон Ланнистер покинул Утес, чтобы поселиться со своей леди-женой в Пиршественных Огнях, даже мейстер Белдон вздохнул с облегчением.

По мере того, как власть дома Ланнистеров убывала, другие дома набирали силу и становились все более дерзкими и непокорными. Лорд Фарман со Светлого острова, не считаясь с нежеланием лорда Титоса оскорбить Грейджоев с Пайка, начал строительство военного флота, чтобы защитить свои земли от железнорожденных. Трое ленных рыцарей и один незначительный лорд, чьи земли находились неподалеку от границы с Простором, присягнули дому Тиреллов, заявив, что Хайгарден способен защитить их лучше, чем Утес Кастерли. Лорды Джаст и Фолвелл, затеяв свару, предпочли уладить дело сражением, а не искать правосудия в Львиной Пасти. Девять человек погибли, двадцать семь — были покалечены или ранены, а ссора только разгоралась. Лорд Стэкспир, несмотря на запрет лорда Титоса, удвоил налоги для простонародья, а потом нанял отряд волантийских наемников, чтобы те силой выбивали из людей неподъемные подати.

К 254 году от З.Э. уже и лорды владений, лежащих за пределами Западных земель, узнали, что лев Утеса Кастерли более не был зверем, которого стоит бояться. В конце того же года лорд Титос согласился выдать свою семилетнюю дочь Дженну замуж за младшего сына Уолдера Фрея, лорда Переправы. «Он, похоже, отличный парень, и просил так вежливо», — промямлил его светлость, когда рыдающая супруга потребовала объяснить, почему он решил выдать их единственную дочь за человека из дома, и близко не сравнимого с Ланнистерами по значимости и влиянию. Даже когда его старший сын Тайвин, не стесняясь в выражениях, высказался против помолвки, лорд Титос не уступил, настаивая, что не может нарушить свое обещание, хотя немногие свидетели клялись, будто его светлость при том покраснел от стыда. Тайвину Ланнистеру было лишь двенадцать[113] лет, однако уже тогда люди обратили внимание, что этот бесстрашный мальчик с железной волей тверд не по годам и совсем не похож на своего отца.

По Утесу гуляли шепотки — якобы после обручения из покоев лорда Титоса доносились крики ругавшихся сына и отца. Некоторые были готовы присягнуть, что Тайвин даже ударил родителя,

хотя невозможно доказать, правда ли это. Но две недели спустя лорд Титос отправил своего наследника в Королевскую Гавань — тому надлежало служить чашником при дворе короля Эйгона. Второй сын его светлости, Киван, также был отослан из Утеса Кастерли; он стал пажом, а затем и оруженосцем лорда Кастамере.

Древний, богатый и могущественный дом Рейнов при лорде Титосе еще более преуспел — благодаря неспособности последнего к ведению дел. Роджер Рейн, прозванный Красным Львом, заработал грозную славу своим умением обращаться с оружием; многие считали его лучшим мечником Западных земель. Его брат, сир Рейнард, был столь же обаятелен и хитер, сколь ловок и силен был сир Роджер.

Наряду с Рейнами набирали силу и их ближайшие союзники, Тарбеки из Тарбекхолла. После столетий медленного угасания этот старинный, но бедный дом вновь начал процветать — во многом благодаря новой леди Тарбек, урожденной Эллин Рейн, которая так недолго была хозяйкой Утеса Кастерли во всем, кроме титула.

Оставаясь нежеланным гостем в Утесе, леди Эллин умудрялась добывать немалые суммы денег у дома Ланнистеров через своих братьев,

так как лорд Титос с трудом мог отказывать Красному Льву. Золото тратилось на восстановление родового гнезда Тарбеков, которые до того представляли собой, по сути, осыпающиеся руины. Эллин отстроила наружные стены, укрепила башни и обставила донжон с такой роскошью, что Тарбекхолл вполне мог соперничать с любым замком Запада. По ее настоянию лорд Тарбек расширил свои владения, скупив окрестные земли, принадлежавшие малозначащим лордам и ленным рыцарям... и силой отняв их у тех, кто отказывался продавать.

Некоторые из этих обездоленных обращались за правосудием в Утес Кастерли, но лорд Титос отмахивался от их жалоб, а то и вовсе отказывался принимать просителей. Тем временем лорд и леди Тарбек строили дороги, септы и укрепления и нанимали на службу все больше и больше рыцарей, лучников и латников. До женитьбы на леди Эллин Уолдеран Тарбек содержал двадцать домашних рыцарей, а к 255 году от З.Э. их число возросло до двухсот пятидесяти. Связанные кровными и брачными узами, Рейны из Кастамере и Тарбеки из Тарбекхолла вскоре стали самой серьезной угрозой владычеству Ланнистеров на Западе с тех пор, как Ланн Умный вытеснил

Кастерли из их Утеса.

В 255 году от З.Э. лорд Титос у себя в замке праздновал рождение четвертого сына, но вскоре радость обернулась горем. Его любимая супруга, леди Джейн, так и не оправилась от родов и скончалась луной позже рождения Гериона Ланнистера. Для его светлости эта потеря стала сокрушительным ударом. С того дня никто больше не называл его Смеющимся Львом.

Не заставили себя ждать и новые невзгоды — трое ленных рыцарей, потерявших свои земли из-за лорда и леди Тарбек, прибыли в Королевскую Гавань и обратились с жалобой к королю Эйгону V. Пишут, что его милость вышел из себя и в гневе отправил в Утес Кастерли послание с приказом решить вопрос незамедлительно, «иначе мы будем вынуждены принять собственные меры».

Подгоняемый королевским повелением, его светлость поручил своему тестю, скорбящему лорду Деннису Марбранду, отправиться с сильным отрядом в Тарбекхолл и доставить лорда и леди Тарбек в Утес Кастерли, чтобы те ответили за свои преступления. «Прекрасные слова! Долго же я мечтал услышать их от вашей светлости!» — как говорят, воскликнул старый воин, получив

распоряжение лорда Запада.

Последствия же оказались менее прекрасными. У Тарбеков нашлись друзья даже в Утесе, и о прибытии лорда Марбранда они узнали еще до отъезда последнего. Титос строго наказал тестю не вовлекать в свару Рейнов, «ибо мы не ссорились с Кастамере», но это не помешало леди Тарбек послать за братьями. В двух днях пути от Тарбекхолла Красный Лев среди ночи напал на лагерь лорда Денниса и его рыцарей, уничтожив сотни людей, в том числе и самого старого Марбранда. Когда вести об этом достигли Утеса, стали раздаваться громкие призывы к войне, а лорд Титос, как сообщает мейстер Белдон, «от гнева побагровел, точно слива, и не мог даже слова вымолвить».

Однако прежде чем знамена были созваны, ко двору явился сир Рейнард Рейн. Непринужденно улыбаясь и расточая лживые речи, он почтительно склонился перед Львиной Пастью. Смерть Марбранда была «прискорбным недоразумением», заявил он, поскольку сир Роджер якобы принял войско лорда Денниса за шайку бандитов и рыцарей-разбойников. Сир Рейнард принес свои искренние извинения и предложил выплатить цену крови дому Марбрандов… после

чего Титос Ланнистер помиловал Красного Льва и его людей, а заодно простил также лорда и леди Тарбек, «поскольку лорд Уолдеран прислал письмо, в котором поклялся не повторять былых проступков и отныне быть нашим вернейшим знаменосцем и слугой». (Архимейстер Перестан высказал предположение: лорд Титос, возможно, помиловал Рейна вместе с приспешниками, поскольку среди них был и его собственный младший сын. Что вполне может быть правдой, ибо Киван Ланнистер, как известно доподлинно, в то время служил в Кастамере.)

Львы: Золотой и Красный

Следующие годы стали самыми мрачными за всю долгую историю Западных земель. Даже те дома, которые до сего времени исполняли волю Утеса, теперь предпочли думать только о себе, поскольку лорд Титос ясно показал, что не желает или не способен обеспечить справедливость и покарать даже тех преступников, которые расправились с его же собственными верными слугами. По всему краю десятками вспыхивали междоусобицы — лорды сражались друг с другом за земли, золото и власть; а грабители, изгои

и рыцари-разбойники воистину стали бичом Запада. Дженну Ланнистер увезли в Близнецы и выдали замуж за Фрея. Подмастерья устроили бунт в Ланниспорте, Квеллон Грейджой с железнорожденными уничтожил флот лорда Фармана и разграбил Светлый остров, септоны и нищенствующие братья стали открыто проповедовать против дома Ланнистеров и «Безалаберного лорда[114]». А Рейны и Тарбеки тем временем становились все богаче и могущественнее.

Положение ухудшилось настолько, что был вынужден вмешаться Железный трон. Эйгон V для восстановления порядка трижды отправлял своих рыцарей на Запад, но сразу после ухода людей короля смута разгоралась вновь. Когда в 259 году от З.Э. его милость трагически погиб в Летнем замке, дела во владениях Ланнистеров пришли в еще больший упадок, так как новый король, Джейхейрис II Таргариен, не обладал силой воли своего отца и, помимо того, вскоре оказался вовлечен в войну Девятигрошовых королей.

По зову короля из Западных земель выдвинулась тысяча рыцарей и десять тысяч латников. Лорда Титоса среди них не было, вместо него возглавить войско поручили брату его светлости, сиру Джейсону Ланнистеру, однако последний

в 260 году от З.Э. скончался на Кровавом Камне. (Впоследствии пошли слухи о том, что он был убит самим Мейлисом Ужасным, но хроники тех времен этого не подтверждают: в могилу сира Джейсона свело кишечное расстройство, а вовсе не вражеский топор.) После его смерти командование над всеми оставшимися отрядами взял на себя сир Роджер Рейн, и при нем было одержано несколько значительных побед. Ближе к концу боевых действий Красного Льва считали одним из героев этой войны.

Но и трое старших сыновей лорда Титоса на Ступенях также показали себя с наилучшей стороны. Сир Тайвин Ланнистер, ставший рыцарем незадолго до начала боев, сражался в свите молодого наследника короля — Эйриса, принца Драконьего Камня, и в конце войны был удостоен чести посвятить того в рыцари. Киван Ланнистер, оруженосец Красного Льва, тоже заслужил шпоры, и в рыцари его возвел сам Роджер Рейн. Их брат Тигетт, десятилетний оруженосец, был слишком юн для рыцарства, но все отметили его доблесть и мастерство мечника: в своем первом бою он сразил взрослого воина, а в последующих битвах — еще троих, в том числе рыцаря из отряда Золотых Мечей. Великий мейстер Пицель

в труде «Бои на Ступенях: Обозрение недавнего кровопролития» презрительно заметил: «Те, кто узрел этих гордых юных львов на поле брани, могут справедливо задаться вопросом: как таких сыновей мог породить трусливый глупец из Утеса?»

Столь резкие слова нельзя было назвать необоснованными — пока его отпрыски бились на Ступенях, Титос Ланнистер проводил время в Утесе Кастерли в обществе молодой особы низкого происхождения, служившей одно время кормилицей младшего сына лорда Титоса и привлекшей тогда внимание его светлости. Почти два года, пока большинство великих лордов воевало, оставшийся дома лорд Уолдеран Тарбек был правителем Западных земель во всем, кроме титула, а им, в свою очередь, управляла жена, леди Эллин.

Возвращение сыновей лорда Титоса с войны живо положило всему этому конец. Закаленный в боях и слишком хорошо осведомленный о том, как низко ценят его отца прочие лорды королевства, сир Тайвин Ланнистер вознамерился немедленно возродить гордость и могущество Утеса Кастерли. Как рассказывают, лорд Титос возражал, но довольно слабо, после чего вернулся

в объятия кормилицы, а наследник его тем временем взял бразды правления в свои руки.

Сир Тайвин начал с того, что потребовал вернуть все золото, одолженное у его отца. Те, кто не мог расплатиться, были обязаны направить в Утес Кастерли заложников. Всех лордов, принимавшие участие в усобицах минувшего десятилетия, вызвали в суд, чтобы лорд Запада вынес решения по их спорам. Пять сотен испытанных рыцарей, закаленных в боях на Ступенях, заняли место в новом отряде, призванном избавить край от бандитов и рыцарей-разбойников, а также «поспособствовать сбору неуплаченных долгов, причитающихся его светлости, моему отцу». Командование же над ветеранами принял сир Киван, брат Тайвина. Более того, местным лордам было приказано предоставлять кров и пропитание «сборщикам податей» сира Кивана по мере их продвижения от замка к замку.

Некоторые поспешили подчиниться. «Лев проснулся», — вырвалось у сира Хариса Свифта, рыцаря Корнфилда, когда посланники Утеса Кастерли появились у ворот его замка. Неспособный расплатиться с долгами, он отдал сиру Кивану в заложницы свою дочь. Но повсюду в других местах сборщики долгов столкнулись с

угрюмым неповиновением или даже открытым сопротивлением. Сообщают, будто бы лорд Рейн рассмеялся, когда его мейстер зачитал ему указы сира Тайвина, и посоветовал своим друзьям и вассалам ничего не предпринимать. «Скоро львенок устанет гоняться за собственным хвостом», — заметил он... и все же приступил к укреплению обороны Кастамере.

Лорд Уолдеран Тарбек неблагоразумно избрал другой путь. Он отправился в Утес Кастерли с протестом, уверенный в своей способности запугать лорда Титоса и заставить его отменить указы сына. Выезжая из Тарбекхолла, он заявил своей леди-жене: «Я вернусь не прежде, чем заставлю жирного дурака замарать свои бриджи и посадить мальчишку на цепь в намордниках».

Но в Утесе Кастерли лорду Тарбеку отказали в приеме у лорда Титоса — вместо этого он лицом к лицу встретился с его сыном. Сир Тайвин позволил правителю Тарбекхолла и бушевать, и угрожать, и требовать... после чего заточил в темницу «до тех пор, пока вы не вернете украденные вами земли и каждую крупицу золота, одолженного вам моим отцом».

Заковав лорда Уолдерана в цепи, Тайвин Ланнистер, несомненно, ожидал, что Тарбеки

уступят. Леди Эллин очень скоро избавила его от этого заблуждения — выслав собственных рыцарей, грозная женщина пленила троих Ланнистеров (а также двоих сыновей лорда Престера и полдюжины девиц из простонародья, с которыми те развлекались в лесу близ Пиршественных Огней). Двое захваченных были Ланнистерами из Ланниспорта и приходились властителям Утеса дальней родней, но вот третьим оказался молодой оруженосец Стаффорд, старший сын и наследник[115] покойного сира Джейсона, брата лорда Титоса. «Верните мне моего возлюбленного лорда-мужа, или эти трое ответят за любой вред, причиненный ему», — написала леди Тарбек в послании. Будучи прозорливее своего супруга, она понимала, что ей самой в Утес Кастерли лучше не приезжать.

Все случившееся оторвало владыку Утеса от кормилицы на время, достаточное, чтобы взять верх над своим решительным наследником. Сир Тайвин убеждал отца выполнить требование леди Тарбек и вернуть лорда Уолдерана — но разрубленным на три части. Это предложение привело лорда Титоса в ужас, и он ответил сыну: «Жизнь моего племянника в руках леди Эллин». Его светлость не только велел отпустить лорда

Тарбека целым и невредимым, но дошел даже до того, что извинился перед ним и простил долги.

Чтобы обеспечить безопасный обмен пленниками, лорд Титос обратился к младшему брату леди Тарбек, сиру Рейнарду Рейну, который был только рад помочь. Местом встречи избрали мощный и неприступный замок Кастамере, резиденцию Красного Льва. Сир Тайвин отказался там присутствовать, так что возвращать лорда Уолдерана довелось сиру Кивану, в то время как леди Тарбек самолично привезла Стаффорда и его родичей. Лорд Рейн задал пир для обеих сторон, на котором Ланнистеры и Тарбеки устроили целое представление — проявляли всяческое дружелюбие, поднимали кубки за здоровье друг друга, обменивались подарками и поцелуями и приносили обоюдные клятвы оставаться верными друзьями «целую вечность».

Как позже заметил великий мейстер Пицель, вечность не продлилась и года. У Тайвина Ланнистера, не пировавшего с Красным Львом, ни в коем случае не ослабела решимость указать чересчур возомнившим о себе вассалам их место. В конце 261 года от З.Э., завершив все приготовления, он отправил воронов в Кастамере и Тарбекхолл, требуя от Роджера и Рейнарда Рей-

нов, а также от лорда и леди Тарбек явиться в Утес Кастерли, чтобы «ответить за свои преступления». Рейны и Тарбеки избрали неповиновение, на что и рассчитывал сир Тайвин. Оба дома открыто подняли восстание и отреклись от присяги Утесу Кастерли. И Тайвин Ланнистер созвал знамена.

Он вознамерился расплатиться за годы унижений. Не спросив позволения у лорда-отца и даже не сообщив ему о своих намерениях, он сам возглавил войско из пяти сотен рыцарей и трех тысяч латников с арбалетчиками. Рядом с ним ехали его братья Киван и Тигетт — как рыцарь и оруженосец. По дороге к Ланнистерам присоединились лорд Марбранд из Эшмарка, лорд Престер из Пиршественных Огней и дюжина более мелких лордов со своими воинами, изрядно округлив численность армии.

Дом Тарбеков первым испытал на себе гнев сира Тайвина. Лорд Уолдеран, уверенный в собственных силах и имея многочисленных друзей и союзников, часто бахвалился, что не ему «страшиться львиных детенышей». Однако войско Ланнистеров нагрянуло к нему столь скоро, что вассалы и сподвижники лорда Уолдерана даже не успели собраться, и его светлость

неосмотрительно выехал навстречу сиру Тайвину, сопровождаемый лишь рыцарями своего дома. В короткой жестокой схватке Тарбеки были разбиты и безжалостно истреблены.

Раненый лорд Уолдеран попал в плен вместе с двумя сыновьями от второго брака (его единственный живой сын от первого брака погиб в этом бою). «Ну, вот ты и захватил нас, мальчик, — сказал лорд Тарбек, когда его привели к сиру Тайвину. — Уверен, ты знаешь, что мы стоим хорошего выкупа. Проси сколько хочешь — моя жена заплатит».

«Чем? Нашим же золотом? Нет, милорд, не получится», — обронил, как сообщают, в ответ сир Тайвин, после чего отдал короткий приказ. Бесстрастно он наблюдал, как обезглавили и лорда Уолдерана, и его сыновей, и его племянников, кузенов, мужей его дочерей и всех прочих, кто носил на плащах или щитах серебряно-синюю семиконечную звезду, кичась кровью Тарбеков. И перед войском Ланнистеров, возобновившим поход к Тарбекхоллу, повезли насаженные на копья головы лорда Уолдерана и его сыновей.

Узнав о приближении сира Тайвина, леди Эллин закрыла ворота и отправила воронов в Кастамере, призывая своих братьев. Когда сир Ки-

ван Ланнистер под мирным знаменем подъехал к замку и потребовал его сдачи, леди рассмеялась юноше в лицо, заявив при этом: «Вы не единственные львы на Западе, сир. Мои братья на подходе, и их когти столь же длинны и остры, как ваши».

Вызывающее поведение леди Эллин оказалось неуместным. Тарбекхолл был далеко не новой крепостью, а большинство его защитников ушли на битву вместе с лордом Уолдераном, где либо сложили головы, либо разбежались. Величина войска Ланнистеров перепугала оставшихся, к тому же они пришли в ужас от вида насаженных на собственные знамена Тарбеков голов лорда и его сыновей. (Также возможно, что кое-кто из обороняющихся был подкуплен золотом Утеса — как показали последующие десятилетия, Тайвин Ланнистер не был человеком, оставляющим исход сражения на волю случая.)

Уверенная в надежности крепостных стен, леди Тарбек, несомненно, ожидала долгую осаду, но вместо этого воины сира Тайвина ринулись вперед с осадными лестницами, крюками и таранами. Все источники сходятся в том, что битва не продлилась и часа. После того, как таран сокрушил главные ворота замка, распахнулись и

двое остальных, открытые изнутри. Ланнистеры толпами хлынули внутрь. Бежавших пощадили, сражавшихся — предали мечу. Саму Эллин схватили вместе с детьми, после чего леди вытолкали из окна самой высокой башни замка — болтаться с петлей на шее. Еще раньше не стало ее сына, Тиона Рыжего, зарубленного в бою у главных ворот. Ему было девятнадцать лет, как и Тайвину Ланнистеру. Дочерей леди Тарбек, Роанну и Сиреллу, чьих мужей обезглавили вместе с лордом Уолдераном, оставили в живых, но остаток своих дней они провели Молчаливыми Сестрами (отрезал ли перед этим сир Тайвин им языки — неизвестно, отчеты разноречивы).

У старшей дочери леди Эллин, Роанны, был трехлетний сын, которого певцы вспоминают как «последнего лорда Тарбека». В день битвы малыш исчез, и более его никто не видел. Романтики верят, будто бы его, переодетого, тайно вывезли из горящего замка. Якобы где-то за Узким морем он вырос и возмужал, стал певцом и прославился своими печальными балладами. Более надежные источники свидетельствуют, что ребенка выбросил в колодец сир Амори Лорх — хотя и ведутся споры, было ли то сделано по приказу сира Тайвина или без его ведома.

Когда последнее сопротивление было сломлено, Тайвин Ланнистер велел предать замок огню. Тарбекхолл горел весь день и всю ночь, пока от него не остался лишь почерневший остов.

Рассказывают, что лорд Рейн, прибыв на помощь, еще застал бушующее пламя. С собой он привел две тысячи воинов — всех, кого смог найти за столь короткий срок — а рыцарем был едва ли каждый десятый. Будь у лорда Роджера время, он сумел бы собрать более могучую армию, поскольку у их дома на Западе имелось немало друзей, да и воинская слава Красного Льва, несомненно, привлекла бы на сторону Рейнов множество вольных всадников, межевых рыцарей и наемников. Но, торопясь на подмогу оказавшейся в опасности сестре, его светлость выступил лишь с четвертой частью возможного войска. Он без устали гнал своих людей много лиг, и воины прибыли к Тарбекхоллу голодными, измученными... и слишком поздно.

Согласно основным нашим источникам, силы Ланнистеров втрое превышали силы Рейнов; некоторые, однако же, настаивают на их пятикратном превосходстве. Более рассудительный военачальник сражению со столь превосходящими силами наверняка предпочел бы отступление,

но Красный Лев Кастамере рассудительным никогда не был. Надеясь, что залогом победы может стать внезапность, Роджер Рейн отдал приказ трубить атаку, и отряд во весь опор ринулся на лагерь сира Тайвина.

Исход завязавшейся битвы оказался не столь предсказуем, как можно было ожидать — войска Ланнистеров не успели построиться и были застигнуты врасплох неожиданным нападением. Будь у лорда Рейна побольше тяжелой конницы, возможно, его рыцари смогли бы прорубить себе дорогу к львиному стягу, реявшему над шатром командующего. Но путь оказался слишком долгим, людей между ними — слишком много, а Ланнистеры быстро оправились от первого замешательства, и вскоре их численность дала о себе знать. Ответный удар возглавил сам Тайвин Ланнистер.

Захлебнувшаяся атака оставила лорду Рейну, потерявшему на поле брани около половины своих людей, лишь единственный путь — развернуть войско и обратиться в бегство. Из лагеря на отступающих всадников обрушился дождь арбалетных болтов; один из них пробил со спины броню лорда Рейна, угодив тому меж лопаток.

Рана, пусть и не смертельная, оказалась весь-

ма глубокой, и крови вытекло много. Красный Лев, пошатываясь в седле, продолжил путь, но меньше чем через пол-лиги упал с коня; обратно в родовой замок его пришлось нести.

Вдвое увеличившееся войско Ланнистеров (после того как к сиру Тайвину присоединились лорды Вестерлинг, Бейнфорт, Пламм и Стэкспир со своими людьми) добралось до Кастамере тремя днями позже. Лорд Рейн разослал воронов собственным друзьям, союзникам и вассалам, но мало кто явился — урок, преподанный в Тарбек-холле, был усвоен.

Однако замок Кастамере выглядел орешком покрепче. Как и Утес Кастерли, замок дома Рейнов изначально был рудником, а в Век Героев щедрые жилы серебра и золота сделали Рейнов почти столь же богатыми, как Ланнистеры. Чтобы защитить свои сокровища, они окружили вход в копи прочными стенами, заперли его воротами из дуба и железа, а по обе стороны возвели две надежные башни. Затем пришел черед укреплений и служб, но шахты тем временем все более и более углублялись. Когда золото закончилось, их расширили, превратив в залы, галереи, уютные опочивальни, соединенные множеством коридоров. Был даже бальный зал, просторный

и гулкий. Для постороннего глаза Кастамере выглядел скромной постройкой под стать ленному рыцарю или мелкому лорду, но те, кому были ведомы секреты замка, знали, что девять десятых его расположены под землей.

Именно в эти глубокие укрытия Рейны и отступили. Измученный лихорадкой и ослабевший от потери крови, Красный Лев был не в том состоянии, чтобы руководить обороной, и командование принял на себя его брат, сир Рейнард. Будучи не столь своенравным, как сир Роджер, зато более хитрым, он понимал, что в замке недостаточно людей для защиты стен, поэтому оставил все внешние строения врагу и ушел под землю. Шахты Кастамере были изначально рассчитаны на долгую осаду, взять их штурмом еще никому не удавалось. Вниз вело лишь три хода — тесные и извилистые, снабженные массой ловушек, волчьих ям и бойниц. Два вооруженных рыцаря, встав плечом к плечу, могли удерживать главный туннель против тысячи противников, ибо атакующим было бы негде встать. А попытайся те прорубить себе обходной путь — защитники могли бы поливать их кипящим маслом и смолой из бойниц во время сражения.

Как только его люди оказались в безопасности

туннелей, сир Рейнард отправил сиру Тайвину послание, предлагая мир на своих условиях. Он писал: «Штурм невозможен, а припасов и воды нам хватит на три года. Но если вы даруете нам полное помилование за прошлые обиды и отдадите своих братьев в качестве залога честной сделки — мы вновь станем вашими верными и преданными слугами».

Увы, на этот раз бойкие речи сира Рейнарда расточались втуне: Ланнистер не удостоил его ответом. И предпочел не заметить вызов лорда Роджера, предложившего решить спор поединком (возможно, Тайвин и согласился бы, знай он, насколько ослаб Красный Лев — тот едва держался на ногах).

Не собирался наследник Утеса и посылать своих людей на верную смерть в темноте подземных ходов ради попытки пробиться вниз. Вместо этого Тайвин Ланнистер повелел запечатать шахты. Вооружившись кирками, топорами и факелами, его рудокопы обрушили вдоволь камней и земли, одну за другой заваливая основные галереи копей, пока не осталось ни единого прохода ни внутрь, ни наружу. Едва это было сделано, Тайвин Ланнистер обратил внимание на небольшую быструю речушку, впадавшую в расположен-

ное неподалеку от замка прозрачное голубое озерцо, от которого Кастамере и получил свое имя. Под рукой у Тайвина были тысячи людей, а окрест — ни единого врага, и потому меньше дня ушло на то, чтобы запрудить поток, и всего два — чтобы развернуть его к ближайшему входу в подземелья.

В грудах земли и камней, засыпавших галереи, вряд ли бы нашелся просвет, сквозь который могла проскочить хотя бы белка, не говоря уже о человеке… но вода отыскала себе пути.

Рассказывали, будто бы с сиром Рейнардом вниз ушло более трехсот мужчин, женщин и детей. Не выбрался никто. Стражи, охранявшие самый маленький из дальних входов, рассказывали, будто слышали ночью слабые крики, раздававшиеся из-под земли, но к рассвету камни замолчали вновь.

Никто никогда так и не распечатал шахты Кастамере, а надземные помещения замка, преданные сиром Тайвином огню, пустуют и по сей день. Стоят, как безмолвное предупреждение о судьбе, ожидающей любого глупца, пожелавшего поднять оружие против львов из Утеса.

Десница короля

В 262 году от З.Э. в Королевской Гавани умер Джейхейрис II Таргариен, занимавший Железный трон всего три года. Ему наследовал сын Эйрис, принц Драконьего Камня, отныне Эйрис II. Первым и, как многие считают, самым мудрым указом он вызвал из Утеса Кастерли друга детства, Тайвина Ланнистера, и назвал его своим десницей.

Сиру Тайвину было только двадцать, и он стал самым молодым десницей из всех, ранее занимавших эту должность (а также оказался в числе самых молодых, когда-либо восседавших в Малом совете), но его действия при подавлении мятежа Тарбеков и Рейнов заставили людей во всех Семи Королевствах уважать его и даже бояться. Немногие осмелились выступить против его назначения.

Его двоюродная сестра, леди Джоанна (дочь покойного сира Джейсона Ланнистера, приходившегося младшим братом лорду Титосу), отправилась в Королевскую Гавань вместе с ним[116], чтобы служить фрейлиной и компаньонкой королевы Рейлы. Годом позже они с сиром

Тайвином сыграли пышную свадьбу с венчанием в Великой септе Бейлора, а руководил праздничным пиром и последующим провожанием сам король Эйрис.

После того последовали многие годы мира и процветания. И хотя Эйрис II со временем становился все более и более сумасбродным, долгое время он с удовольствием предоставлял своему деснице заниматься повседневной работой по управлению государством, и Тайвин Ланнистер справлялся с этим превосходно. В 266 году леди Ланнистер родила близнецов, мальчика и девочку. Тем временем брат сира Тайвина, сир Киван, также вступил в брак, его супругой стала дочь сира Хариса Свифта из Корнфилда, некогда отданная Ланнистерам в заложницы за долги отца.

В 267 году от З.Э. сердце лорда Титоса разорвалось — его светлость как раз поднимался по крутой лестнице в спальню любовницы (Титос, наконец, оставил свою кормилицу, впрочем, лишь для того, чтобы позволить себе одурманиться прелестями некоей дочери свечника).

И Тайвина Ланнистера в двадцатипятилетнем возрасте назвали лордом Утеса Кастерли, Щитом Ланниспорта и Хранителем Запада. После кончины Смеющегося Льва дом Ланнистеров сделался

могучим, как никогда прежде, и последовавшие годы стали золотыми не только для Запада, но и для всех Семи Королевств.

Но в сладком яблоке притаился червь — возрастающее безумие короля Эйриса вскоре поставило под угрозу все то, что Тайвин Ланнистер стремился создать. Также его светлость понес тяжкую утрату: в 273 году от З.Э. скончалась родами его горячо любимая жена, леди Джоанна, произведя на свет чудовищное, безобразное дитя. Великий мейстер Пицель отмечает, что со смертью супруги лорда Тайвина покинула радость, но он по-прежнему стойко исполнял свой долг.

Изо дня в день и из года в год Эйрис II все более и более ожесточался против собственного десницы, своего друга детства, непрестанно упрекая его, подвергая унижениям и ставя под сомнение любые действия. Брату лорда Тайвина, сиру Тигетту, отказали в месте при дворе; капитану его личной гвардии по приказу короля вырвали язык раскаленными щипцами; когда его светлость предложил любимую дочь Серсею в качестве невесты для наследника короля Эйриса, его милость заявил, что она недостойна принца Рейгара. «Дерганье льва за хвост» стало в Красном замке столь же распространенной забавой, как некогда

в Утесе Кастерли. Все это лорд Тайвин великодушно сносил — даже оскорбление, нанесенное дочери — однако после того, как король назвал его сына и наследника, сира Джейме, рыцарем Королевской гвардии, чаша терпения Ланнистера переполнилась. В 281 году от З.Э. лорд Тайвин, наконец, сложил с себя полномочия десницы.

Лишившись советов человека, на которого полагался столь долгие годы, окруженный льстецами и интриганами, король Эйрис II вскоре оказался полностью поглощен безумием, а тем временем вокруг него Семь Королевств распадались на части.

События времен восстания Роберта Баратеона подробно описаны в других главах, так что мы не будем вновь пересказывать эту историю. Отметим лишь, что лорд Тайвин удерживал Западные земли от вступления в войну до самого ее конца. А после, чтобы захватить Королевскую Гавань и Красный замок для Роберта Баратеона, лорд Тайвин привел с запада огромное войско. Мечами владыки Утеса и его вассалов был положен конец почти трехсотлетнему правлению династии Таргариенов.

В следующем году король Роберт I Баратеон взял в жены дочь лорда Тайвина, леди Серсею,

ознаменовав тем самым союз двух величайших и благороднейших домов Вестероса. Рождение их сына и наследника, принца Джоффри, пышно праздновали во всех Семи Королевствах. Обеспечение прочной основы для преемственности трона ознаменовало времена мира и благоденствия, и во многом это произошло благодаря усилиям, приложенным лордом Тайвином Ланнистером и людьми Запада.

Утес Кастерли

Утес Кастерли, древнее владение дома Ланнистеров — замок, не похожий на прочие. Эта стариннейшая крепость, хоть и увенчана большими и малыми башнями и бастионами, окружена каменными стенами и оснащена дубовыми воротами со стальными решетками, защищающими все входы, на самом деле вырублена в исполинской скале над Закатным морем. Говорят, когда солнце садится, и на землю опускаются тени, Утес напоминает величественного льва, прилегшего отдохнуть.

Тысячелетиями он служил человеку домом. Вполне вероятно, что до прихода Первых людей в громадных пещерах, высеченных морскими вол-

нами в каменном основании, селились Дети Леса и великаны. Как известно, там также находили приют медведи, львы, волки, летучие мыши и бесчисленное мелкое зверье.

Сотни шахт пронизывают глубины Утеса, где множество нетронутых жил красного и желтого золота мерцают в камне даже тысячи лет спустя после начала добычи. Изначально принялись за расширение копей еще Кастерли, высекая в камне залы и покои, они же выстроили на вершине Утеса кольцевой острог, откуда могли обозревать свои владения.

В вышину Утес втрое превосходит Стену или Высокую башню Староместа, а в длину, с запада на восток, вытянулся почти на две лиги. Вся скала испещрена великим множеством переходов, темниц, кладовых, казарм, залов, конюшен, лестниц, двориков, галерей и садов. В стенах крепости расположено и некое подобие богорощи, хотя здешнее чардрево выглядит странным и причудливо изломанным, а его кривые, спутанные корни почти полностью заполнили пещеру, в которой оно растет, и погубили все прочие деревья.

Внутри Утеса есть даже собственный порт с доками, причалами и верфями — море высекло в

западном обрыве скалы огромные гроты, ставшие естественными воротами, достаточно глубокими и широкими, чтобы ладьи (и даже когги) могли зайти и разгрузиться во чреве пещер.

Львиная Пасть, грандиозная природная каверна, ставшая главным входом в Утес, образует свод высотой двести футов от пола до потолка. За прошедшие века ее расширили и значительно усовершенствовали, и, как сообщают, теперь сквозь нее по широким ступеням могут проехать двадцать всадников плечом к плечу.

Утес ни разу не был взят — ни штурмом, ни осадой. Во всех Семи Королевствах не сыщется замка более крупного, более богатого и лучше укрепленного. Согласно легенде, увидев его, Висенья Таргариен возблагодарила богов, что король Лорен решился выехать на Пламенное Поле навстречу ее брату Эйгону — и драконье пламя не устрашило бы властелина Запада, останься он в своей крепости.

Владыки Утеса Кастерли за прошедшие века собрали множество сокровищ, а красоты замка по праву славятся во всех Семи Королевствах, и даже в землях за Узким морем. Особенно изумительны золоченые стены и узоры Золотой галереи, а также Зал героев, где несут вечную

стражу великолепные доспехи сотни рыцарей, лордов и королей дома Ланнистеров.

Отрывок из раннего варианта главы «Мейгор I»

...про неё... итак, как только она появилась, королева Висенья удалила мейстеров и септонов своего сына и передала Мейгора под заботу Тианны[117].

И следующим утром король очнулся, поднявшись вместе с солнцем. И как только его милость появился на стенах Красного Замка, встав меж Алис Харровей и Тианной из Пентоса, собравшиеся толпы народу встретили его радостным ревом, и город охватило ликование. Но после того как Мейгор, оседлав Балериона, низвергнулся на холм Рейнис, веселье утихло. На том холме в укрепленной септе семь сотен Сынов Воина совершали утреннюю молитву. Огонь дракона целиком охватил строение, а лучники и копейщики, окружившие септу, поджидали всех, кто прорывался сквозь двери. Говорят, что крики горящих людей были слышны по всему городу, а после над столицей несколько дней висела пелена дыма. Таким образом, самые отборные из Сынов Воина встретили свою смерть в огне, и ор-

ден более так и не смог возродить свою прежнюю силу — хотя оставались еще отряды в Староместе, Ланниспорте, Чаячьем городе и Каменной Септе.

Однако случившееся оказалось лишь началом войны короля Мейгора против Святого Воинства, которая длилась все время правления его милости. Первым же действием короля, вновь воссевшего на Железный трон, стало повеление Честным Беднякам, толпами стекавшихся к городу, сложить оружие под страхом объявления вне закона и смерти. И, поскольку послушания не последовало, его милость приказал «всем верноподданным» выйти в поле и разогнать орду оборванцев силой. В ответ верховный септон из Староместа призвал «верных и благочестивых детей божьих» поднять мечи в защиту Святой Веры и положить конец правлению «драконов, чудовищ и мерзостей».

Первая большая битва имела место в Просторе, подле города Каменный Мост. Там, при попытке пересечь Мандер, девять тысяч Честных Бедняков, возглавляемые Уотом Дровосеком, были окружены отрядами шести лордов. Армия Уота, оказавшаяся наполовину на северном берегу реки, наполовину — на южном, была разгромлена наголову. Честные Бедняки, необученные и не

знающие строя, одетые в домотканые рубахи, вываренную кожу и обломки заржавленных доспехов, вооруженные по большей части топорами лесорубов, заостренными палками и крестьянскими орудиями, оказались совершенно не в состоянии выдержать натиск одоспешенных рыцарей на могучих боевых конях. И случившаяся резня стала столь ужасающей, что воды Мандера окрасились кровью на двадцать лиг ниже по течению, а город и замок, где состоялась битва, впоследствии стали известны как Горький Мост. Уота взяли живьем, хоть он и сразил с полдюжины рыцарей (среди последних был и лорд Медоуз из Лугового Дола, командующий войском короля). Здоровяка в оковах доставили в Королевскую Гавань.

К тому времени Большого притока Черноводной достиг сир Харис Хилл, ведущий еще большее войско — около тринадцати тысяч Честных Бедняков. Их ряды упрочило пополнение из двух сотен конных Сынов Воина из Каменной Септы, а также домашние рыцари и ополчение дюжины лордов-мятежников из Речных и Западных земель. Лорд Руперт Фолвелл, известный как Шут-Воин, вел за собой рать верующих, откликнувшихся на призыв верховного септона. Вместе

с ним шли сир Лионель Лорх, сир Алин Террик, лорд Тристифер Уэйн, лорд Джон Личестер и множество других могущественных рыцарей. Всего армия Святой Веры насчитывала двадцать тысяч человек.

Численность войска Мейгора была такой же, однако у его милости имелось вдвое больше тяжеловооруженных всадников, а еще — большой отряд лучников. Сам король оседлал Балериона. Тем не менее, битва оказалась жестокой и беспощадной. Шут-Воин умертвил двух рыцарей Королевской гвардии, прежде чем его самого зарубил лорд Девичьего Пруда. А сражавшийся за короля Большой Джон Хогг, даже ослепнув от удара меча в начале боя, все же сплотил своих воинов и повел их в атаку, проломившую ряды Святой Веры и ввергнувшую Честных Бедняков в бегство. Ливень притушил огонь Балериона, но не смог полностью его погасить...

ПРИМЕЧАНИЯ

1

Так в оригинале. В главе о Дорне говорится, что Дети Леса применяли магию для создания Перелома, собравшись на острове Ликов, а не у Рва Кайлин. — Здесь и далее прим. ред.

Вернуться

2

Так в оригинале. В атласе The Lands of Ice and Fire и на всех известных картах мира ПЛиО Валирия и Старый Гис расположены на противоположных берегах Горестного залива, а не залива Работорговцев.

Вернуться

3

В главе «Степи» рассказывается, что дотракийцы до падения Сарнора кочевали в степях к востоку от него, между этой страной и Хребтом Костей. Валирия же, согласно атласу, лежит к югу от Сарнорского царства.

Вернуться

4

Описания в этом абзаце, как и во всей первой

половине главы, по каким-то причинам слабо соответствуют официальным географическим картам.

Вернуться

5

Так в оригинале. Это, вероятно, результат перестановки глав в процессе редактирования. В опубликованной книге рассказ об андальском завоевании приводится в главе о Долине, расположенной во второй половине книги.

Вернуться

6

В главе «Долгая ночь» Речной Старец в единственном числе упомянут как отпрыск Матери-Ройны, а не супруг.

Вернуться

7

Так в оригинале. Согласно атласу, устье Зеленокровной в Дорне расположено точно к северу от острова Уалано, из-за чего малоправдоподобным выглядит и дальнейший текст о ройнарах на Ступенях, в Лисе или Тироше.

Вернуться

8

Так в оригинале. В главе «Дорн» приведен поименный список из шести королей, где Йорик

Айронвуд включен в их число.

Вернуться

9

Так в оригинале. В главах «Штормовые земли» и «Простор» указывается, что короли с такими именами могли править только в Век Героев, задолго до прихода андалов и тем более до переселения ройнаров.

Вернуться

10

Так в оригинале. Это единственный случай в саге, где упоминается именно такое прозвище Эйгона Пятого. Учитывая, что данный фрагмент текста содержит личное мнение мейстера Янделя, скорее всего, и само прозвище следует считать личным изобретением автора хроники.

Вернуться

11

Так в оригинале. Нигде дальше в книге нет никаких упоминаний о войнах Таргариенов с Дорном вплоть до времен Дейрона I — вероятно, эти упоминания были убраны при сокращении текста.

Вернуться

12

Так в оригинале. Это упоминание о доме Хуков

как о королях Реки прежних лет — единственное в Путеводителе. В разделе Речных земель нет и речи о том, что Хуки некогда главенствовали на Трезубце. И неизвестны причины расхождения сведений.

Вернуться

13

Игра слов: имя персонажа Robin Darklyn, но из частей имени легко составить слово Darkrobin — черный дрозд.

Вернуться

14

Так в оригинале. В книге не рассказано о моментах, когда бы Эйнис до этого случая колебался, принимая решения — возможно, эта часть была сокращена во время редактуры.

Вернуться

15

В оригинале cousin, что может обозначать любого более дальнего родственника, чем тетя или племянница. Кроме того, неизвестно, кем именно приходилась Завоевателю мать Алиссы.

Вернуться

16

Согласно сведениям от Элио Гарсии, опубликованным на westeros.org, Рейна родилась в 23 году

от З.Э. и в том же году, вскоре после рождения девочки, началось обсуждение возможности ее брака с Мейгором. Брак Мейгора и Серисы Хайтауэр состоялся в 25 году от З.Э.

Вернуться

17

Стоит отметить, что лорд Харровей не дожил до завершения строительства Красного замка — согласно сведениям из списка жен Мейгора, лорд Лукас и все его родичи были казнены в 44 году от З.Э.

Вернуться

18

Согласно мнению Элио Гарсии, Алисса и ее дети улетели на драконах.

Вернуться

19

Так в оригинале. Вероятно, имеется в виду то, что Вермитор в конце концов дорос до огромных размеров. В 48 году от З.Э. этому дракону примерно 10-15 лет, поэтому его гигантская величина очень сомнительна.

Вернуться

20

Так в оригинале. На самом деле брак продолжался 49 лет — с 50 по 99 годы от З.Э. Однако

ошибки здесь нет: по словам Элио Гарсии на westeros.org, из действительного срока супружества Алисанны и Джейхейриса вычтены годы Первой (1-2 года) и Второй (2 года) ссор. Подробности об этом должны быть включены в книгу «Пламя и Кровь».

Вернуться

21

Так в оригинале (Ellard Stark). Этот же персонаж упоминается и в главе Севера, однако на генеалогическом древе Старков лорда с таким именем нет. Элио Гарсия отметил на westeros.org, что более подробно все детали и неоднозначные моменты будут освещены в будущей книге «Пламя и кровь».

Вернуться

22

В повести «Порочный Принц» этот персонаж носит несколько иной титул: князь-адмирал (prince-admiral), то есть главнокомандующий флотом Триархии.

Вернуться

23

Так в оригинале. В повести «Порочный принц», однако, утверждается, что Визерис был ранен в 126 году, а в первый день 127 года от З.Э. в Красном

замке был праздник по случаю выздоровления короля.

Вернуться

24

Так в оригинале. В повести «Порочный принц» говорится, что лечением короля занимался мейстер Герардис (он же упоминается и в основной саге).

Вернуться

25

Авторский оборот turn the cloak герои саги используют в смысле «поменять своего хозяина», «изменить своей стороне».

Вернуться

26

В «Принцессе и королеве» этот персонаж упоминается как как Лонглиф Убийца Львов.

Вернуться

27

По словам Элио Гарсии на westeros.org, эта глава больше всех других была сокращена для публикации. Из-за этого описания некоторых событий выглядят неполными и малопонятными.

Вернуться

28

Так в оригинале, хотя далее указано, что ответ

ожидался лишь в течение шести дней — а это возможно лишь в случае, если мирные предложения были отправлены с помощью воронов.

Вернуться

29

Так в оригинале, хотя здесь же указано, что лорд Алин — внук, а не сын Корлиса Веларион, бывшего регентом ранее. Нестыковка может быть как ошибкой авторов, так и указанием на подлинные родственные отношения в семье Веларионов.

Вернуться

30

Так в оригинале. Элио Гарсия на вопросы читателей отвечал, что в то время, пока велись бои на Ступенях, изменилась стратегическая ситуация, а все подробности будут изложены позже, в книге «Пламя и кровь».

Вернуться

31

Подробности о Лиснийской весне, согласно ответам Элио Гарсии на westeros.org, позже будут изложены в книге «Пламя и кровь».

Вернуться

32

В оригинальном тексте имена подлинных заго-

ворщиков действительно не указаны, поскольку часть текста с предположениями мейстера Янделя оказалась сокращенной при редактировании.

Вернуться

33

Так в оригинале. В списке регентов выше упомянуто, что лорд Мандерли оставил свою должность в 132 году от З.Э. после кончины отца и брата от Зимней лихорадки, и не указано, что он возвращался на этот пост.

Вернуться

34

Костяной путь (the Boneway) — народное название Каменного пути (the Stone Way), узкой и неудобной дороги через Красные горы, пролегающей в восточной части хребта.

Вернуться

35

Так в оригинале. Возможна ошибка автора — в главе «Эйгон III» говорится, что Манкан, будучи великим мейстером, был в числе регентов со 131 по 136 годы, а в главе «Эйгон IV» упоминается, что в 153 году от З.Э. великим мейстером был Элфорд.

Вернуться

36

Так в оригинале. Возможно, авторская ошибка: Эйгон Недостойный к моменту брака Элейны и Оссифера Пламма занимал Железный трон уже четыре года.

Вернуться

37

В тексте действительно нет имени второго супруга Элейны, однако на генеалогическом древе он указан: это Роннел Пенроз. На сайте westeros.org. считается, что упомянутый Пенроз был из числа потомков Рейны Пентошийской, дочери Деймона Порочного принца.

Вернуться

38

То есть «Черное Пламя» (Blackfyre). Деймон и его потомки-Блэкфайры использовали название меча в качестве фамилии.

Вернуться

39

Так в оригинале. Возможна авторская ошибка, ибо в главе Речных земель Лукас Лотстон назван мастером-над-оружием столичного Красного замка — более правдоподобный вариант, учитывая пожалование ему Харренхолла.

Вернуться

40

Так в оригинале. Хотя Эйгон IV на смертном одре заочно узаконил всех своих бастардов, рожденных от знатных дам, но признаны им были далеко не все. В данном случае имеется в виду, что все дети Фалены считались детьми лорда Лотстона.

Вернуться

41

Речь могла идти только о помолвке, ибо в 196 году Калла, дочь Эйгора Риверса, была ребенком — и ни в коем случае не старше семи лет.

Вернуться

42

Элио Гарсия на westeros.org называл Эйлинор Пенроз кузиной (cousin) Эйриса I. Однако она совершенно точно не является потомком Элейны Таргариен, в 184-186 годах вышедшей замуж за Роннела Пенроза, поскольку возраст Эйлинор и предполагаемых внучек Элейны решительно не совпадает, а дочери по имени Эйлинор у Элейны не было. Родство Эйриса и его супруги идет по какой-то иной линии.

Вернуться

43

Подробности этой истории, по словам Элио Гарсии на westeros.org, будут изложены в книге

«Пламя и кровь».

Вернуться

44

В главе о Визерисе I упоминается, что 236 год от З.Э. был прозван годом Красной весны.

Вернуться

45

Так в оригинале. Стоит отметить некоторый недосмотр автора: в 220 году принц Эйгон уже не был четвертым сыном четвертого сына, а считался четвертым наследником трона после своего отца Мейкара и тогда бездетных братьев Деймона и Эйриона (Эймон уже принял обеты мейстера и в число наследников не входил).

Вернуться

46

Неизвестно, какое именно отношение имеют эти персонажи к Крысе, Ястребу и Свинье, которые упоминались в главе об Эйрисе I при рассказе о событиях 218 года от З.Э.

Вернуться

47

Так в оригинале, хотя в следующей главе указано, что объявление о турнире было сделано еще в конце 280 года.

Вернуться

48

Так в оригинале. Элио Гарсия подтвердил на westeros.org, что это авторская ошибка — турнир 272 года проводился в Королевской Гавани, а не в Ланниспорте.

Вернуться

49

Так в оригинале. Хотя ранее в тексте указывалось, что Визерис родился в 276 году от З.Э., и, следовательно, в 281 году ему было всего пять лет.

Вернуться

50

Так в оригинале. Наследником назван именно Визерис, несмотря на то, что младенец Эйгон, сын Рейгара, еще жив и здоров.

Вернуться

51

Так в оригинале. Вероятно, имеются в виду события андальского завоевания — в те века андалам так и не удалось закрепиться на Севере.

Вернуться

[broken link: #Top_of_Section0040_xhtml]

52

В оригинале below the Wall. В тексте саги неоднократно используется этот средневековый

оборот, поскольку север в те века ассоциировался с верхом, вершиной мира, а юг, соответственно — с низом.

Вернуться

53

Значения приведенных имен: Старк (Stark) — жесткий, суровый, решительный; Вулл (Wull) — шерстяной, мохнатый (это архаичное написание слова wool); Амбер (Umber) — темно-коричневый (также есть значения жженый или копченый); Стаут (Stout) — крепкий, прочный, кряжистый.

Вернуться

54

Так в оригинале. Эта фраза не слишком хорошо согласуется с картами. Возможно, следует читать «от Последней реки до истоков Белого Ножа».

Вернуться

55

Массив Северных гор занимает только северо-запад региона, расположен к западу от Королевского тракта.

Вернуться

56

Так в оригинале. По-видимому, подразумевается, что Родрик Старк получил Медвежий остров путем неких переговоров, а не в поединке.

Вернуться

57

Так в оригинале (Ellard Stark). Этот же персонаж упоминается и в главе о Джейхейрисе I, однако на генеалогическом древе Старков лорда с таким именем нет. Элио Гарсия отметил на westeros.org, что более подробно все детали и неоднозначные моменты будут освещены в будущей книге «Пламя и кровь».

Вернуться

58

Так в оригинале. На что именно намекает автор — неизвестно, но согласно генеалогии Старков, единокровные братья Рикона Старка, Джоннел Одноглазый и Эдрик, были женаты на дочерях Рикона и прямых наследницах Винтерфелла Серене и Сансе, приходившихся им родными племянницами. Такие браки совершенно не в обычае и, похоже, являются следствием некоей некрасивой истории.

Вернуться

59

По-английски Justman — «справедливый человек». Прозвище Бенедикт Справедливый в оригинале выглядит как Benedict the Just.

Вернуться

60

Возможен недосмотр автора, ибо в описываемые века ни о каких Вольных дружинах за Узким морем не могло быть и речи. В Эссосе как раз на то время пришлись основные завоевания Валирийской Республики. Но также можно считать, что и в Валирии можно было каким-либо образом нанять отряды воинов.

Вернуться

61

Так в оригинале, однако в главе о Железных островах указано, что войско Хоара высадилось севернее Сигарда.

Вернуться

62

В списке отсутствует дом Хуков — хотя в главе «Завоевание» этот дом в былые времена упоминался среди тех, кто владычествовал в землях Трезубца.

Вернуться

63

Так в оригинале. Согласно генеалогическому древу, между домами Таргариенов и Арренов браки заключались трижды. Кроме случаев, упомянутых в этом абзаце, во времена Дейрона II Доброго принц Рейгель женился на Алис Аррен.

Вернуться

64

Так в оригинале, хотя выше утверждается, что Серый король не умер, а ушел в море.

Вернуться

65

В книге «Танец с драконами» герои говорят об этом короле как об Уррагоне Гудбразере (Urragon Goodbrother). Здесь же автор использует имя Урратон (Urrathon), а имя Уррагон (Urragon) отдано другому королю.

Вернуться

66

Здесь обыгрывается значение фамилии Гудбразер (Goodbrother — дословно «хороший брат»), который затем превратился в Бэдбразера (Badbrother — «плохой брат»).

Вернуться

67

Так в оригинале. Однако в главе Речных земель указано, что войско Хоара высадилось южнее Сигарда, в сорока лигах от этого замка. Скорее всего, ошибка здесь — судя по картам, с побережья южнее Сигарда проще добраться до Синего Зубца.

Вернуться

68

Так в оригинале. Исходя из текста главы, Дальтон Грейджой сам был наследником Пайка и Железных островов.

Вернуться

69

Именно этот титул - lord admiral — дважды используется в главе «Красный Кракен», хотя в других частях книги автор называет должность «мастер над кораблями».

Вернуться

70

В повести «Принцесса и королева» упоминается, что Эйгон II и Рейнира посылали Дальтону Грейджою воронов с письмами, так что почтовые вороны, видимо, использовались на островах и до Квеллона.

Вернуться

71

Так в оригинале. Однако Тирион Второй никак не мог править позднее Тириона Третьего, о котором говорилось в абзаце о появлении андалов. По всей видимости, ошибка возникла при переносе абзацев во время редактирования (см. ранний вариант этой главы).

Вернуться

72

В последней главе книги указывается, что Ломас Путешественник никогда не был в Асшае. Неизвестно, является ли это расхождение авторской ошибкой или намеренным указанием на пристрастность источника.

Вернуться

73

Здесь: вассалов. Знаменосец (bannerman) в Семи Королевствах — это вассальный лорд или рыцарь, имеющий право на войне командовать отрядом под своим собственным знаменем.

Вернуться

74

В «Принцессе и королеве» этот персонаж упоминается как Лонглиф Убийца Львов.

Вернуться

75

Прозвище Огненный Шар (Quentyn Ball, the Fireball) в оригинале созвучно с фамилией Боллов. Квентин получил его за рыжие волосы и вспыльчивый характер.

Вернуться

76

Так в оригинале. В книгах нет подробностей об этом мятеже, вероятно, осада замка Звездный Пик была единственной битвой за все время

восстания Пика.

Вернуться

77

В оригинале игра слов: фамилия Reyne созвучна слову rain (дождь).

Вернуться

78

Так в оригинале. Это ошибка автора, подтвержденная Элио Гарсией на westeros.org. На самом деле помолвка Дженны Ланнистер и Эммона Фрея состоялась в 252 году от З.Э. В этом году Дженне Ланнистер действительно было 7 лет, Тайвину — 10 лет.

Вернуться

79

В других местах книг старшим сыном Джейсона Ланнистера назван Дамон, а не Стаффорд. Элио Гарсия подтвердил на westeros.org наличие противоречия в тексте.

Вернуться

80

Так в оригинале. Нет объяснения, почему Западные марки получили именно такое название — ведь расположены они на юго-востоке Простора.

Вернуться

81

Так в оригинале. Здесь, как и в других случаях, «выше» означает «севернее».

Вернуться

82

Возможная ошибка: дом Парренов указан и среди андальских домов Западных земель. К тому же дом Парренов на Западе упоминался и до выхода «Мира Льда и Пламени», а о доме Парренов из Простора здесь рассказывается впервые.

Вернуться

83

Фамилия Хайтауэр (Hightower) дословно переводится как «высокая башня».

Вернуться

84

В оригинале именно такое написание: Meryn III Gardener. Невозможно сказать, существовал ли в роду Гарденеров этот король, или перед нами авторский недосмотр, и речь идет о короле с именем Mern III, то есть Мерне III Сумасбродном, упоминавшемся выше.

Вернуться

85

Так в оригинале. Здесь указано, что верховный септон приходится им родственником по браку,

но во врезке на той же странице о нем говорится как о брате Моргана Хайтауэра, а в главе «Мейгор I» отмечено, что Сериса Хайтауэр, первая супруга Мейгора, умершая в 45 году от З.Э., приходилась верховному септону племянницей.

Вернуться

86

Так в оригинале. Элио Гарсия подтвердил на westeros.org присутствие ошибки в тексте. По его словам, Морган Хайтауэр — младший брат Мартина Хайтауэра, а леди Патриса — их незамужняя тетка. Таким образом, верховный септон тех лет является родным братом и Мартину, и Моргану Хайтауэрам.

Вернуться

87

Так в оригинале. Имеются в виду южные границы, поскольку в Вестеросе юг часто называют низом, а север — верхом.

Вернуться

88

В оригинале нет уточнения, с какого события нужно отсчитывать указанные полгода.

Вернуться

89

Так в оригинале, однако Элио Гарсия под-

твердил на westeros.org присутствие ошибки — Алисанна приходилась юному Бенджикоту тетушкой, сестрой его отца.

Вернуться

90

Что касается книг, то это единственное упоминание персонажа с таким прозвищем. Имя Сармиона Баратеона, прозванного Покорителем Шторма (в оригинале the Stormbreaker), встречается только в неканонической игре Blood of Dragons, поддерживаемой Элио Гарсией на форуме westeros.org.

Вернуться

91

На генеалогическом древе Таргариенов, приведенном в конце этой книги, связь между домами Тартов и Таргариенов не указана.

Вернуться

92

Имеется в виду в виду сырцовый кирпич, он же саман или адоб.

Вернуться

93

Видимо, преувеличение — на картах от слияния истоков до устья немногим более полусотни лиг, а не несколько сотен.

Вернуться

94

Так в оригинале. В разделе «Древняя история» (как и в книге «Игра Престолов») говорится, что этот обряд проводился у Рва Кайлин.

Вернуться

95

Так в оригинале, хотя Мартеллы все еще оставались суверенными правителями Дорна во времена Таргариенов — до присоединения при Дейроне II — и управляют Дорном во времена действия основной серии, спустя тысячу лет после Нимерии. Семь сотен лет прошло от пришествия ройнаров до Завоевания Эйгона.

Вернуться

96

Так в оригинале. Следует отметить, что о войнах, которые назывались бы Второй или Третьей дорнийскими, в саге не рассказывается. Лишь немного ниже упоминается, что «были и другие Дорнийские войны».

Вернуться

97

В оригинале опечатка: soft swords («мягкие мечи») вместо soft words (ласковые слова, любезности).

Вернуться

98

Так в оригинале, хотя, судя по карте, эти города можно назвать скорее северными.

Вернуться

99

В оригинале: the Young Dragon intended to wed a sister to the Sealord of Braavos. Элио Гарсия на сайте wesneros.org утверждает, что в данном случае планировался брак самого Морского владыки Браавоса и Рейны Таргариен, сестры Дейрона Первого.

Вернуться

100

Так в оригинале, хотя по смыслу явно имеются в виду семейства, основавшие Железный банк.

Вернуться

101

Так в оригинале. Если это не поэтический оборот, то речь может идти о лошадях редкой масти: темно-рыжих с красным отливом.

Вернуться

102

В главе «Дети Валирии», однако, рассказывается, что Валирия, расположенная к югу от Сарнорского царства (согласно атласу), не стала

завоевывать Сарнор из-за того, что между этими государствами лежала равнина, где кочевали дотракийцы.

Вернуться

103

Так в оригинале (Hazdahn Mo), но в атласе «Земли Льда и Пламени» этот город именуется Hazdahn No — Хаздан Но.

Вернуться

104

Однако далее в главе «Иб» указано, что по величине эти территории превосходили сам остров Иб.

Вернуться

105

Так в оригинале, хотя по картам расстояние между берегами полуострова намного меньше длины вестеросской Стены.

Вернуться

106

Так в оригинале (Jade Straits), хотя такого названия на карте нет. По всей видимости, речь идет о проливе Нефритовые Врата, в котором расположен город Кварт.

Вернуться

107

Так в оригинале. Эта фраза противоречит утверждению из главы «Западные земли», где говорится, что в книгах Ломаса Путешественника есть строки о посещении им Асшая.

Вернуться

108

Так в оригинале. Хотя в этой же главе приводится строки из отчета архимейстера Марвина, явно побывавшего в Асшае.

Вернуться

109

Этот ранний и более полный вариант главы был зачитан Джорджем Мартином на съезде ConCarolinas 2014, а также опубликован на сайте www.georgerrmartin.com. В книгу вошел сокращенный вариант, который вы могли прочитать выше в разделе «Семь Королевств». Наиболее важные отличия раннего варианта от опубликованного отмечены сносками ниже.

Вернуться

[broken link: #Top_of_Section0120_xhtml]

110

В окончательном варианте главы резкое расширение владений Ланнистеров началось только при андалах, и указанный абзац относится именно к андальскому периоду.

Вернуться

111

Так в оригинале (Denys Marbrand), однако Элио Гарсия подтвердил, что это имя является ошибкой автора. В окончательном варианте имя лорда Марбранда — Алин.

Вернуться

112

Согласно генеалогическому древу в конце книги, ребенком от этого брака был Дамон Ланнистер. Это делает его старшим сыном Джейсона Ланнистера, однако в других местах — в том числе и ниже в этой главе — старшим сыном Джейсона назван Стаффорд, а не Дамон.

Вернуться

113

В окончательном варианте главы в соответствии с книгой «Пир стервятников» указано, что Тайвину в том году было 10 лет. Кроме того, история с помолвкой Дженны Ланнистер произошла в 252 году от З.Э.

Вернуться

114

В оригинале the Lord of Misrule — игра слов. Значение слова misrule — плохое, беспорядочное правление, однако в то же время the Lord of

Misrule — в старой Англии распорядитель увеселений.

Вернуться

115

В других местах книг старшим сыном Джейсона Ланнистера назван Дамон, а не Стаффорд. Элио Гарсия подтвердил на westeros.org наличие противоречия в тексте.

Вернуться

116

В окончательном варианте главы Джоанна Ланнистер появилась в столице в 259 году. Она прибыла на коронацию Джейхейриса II, после которой осталась при дворе на должности фрейлины и компаньонки тогда еще принцессы Рейлы.

Вернуться

117

Страница Путеводителя с этим текстом была среди тех четырех, выложенных в интернете в марте 2013 года, еще до того, как авторами было принято решение отложить издание книги на год.

Вернуться